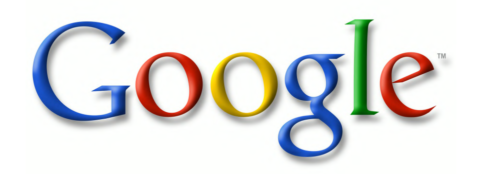
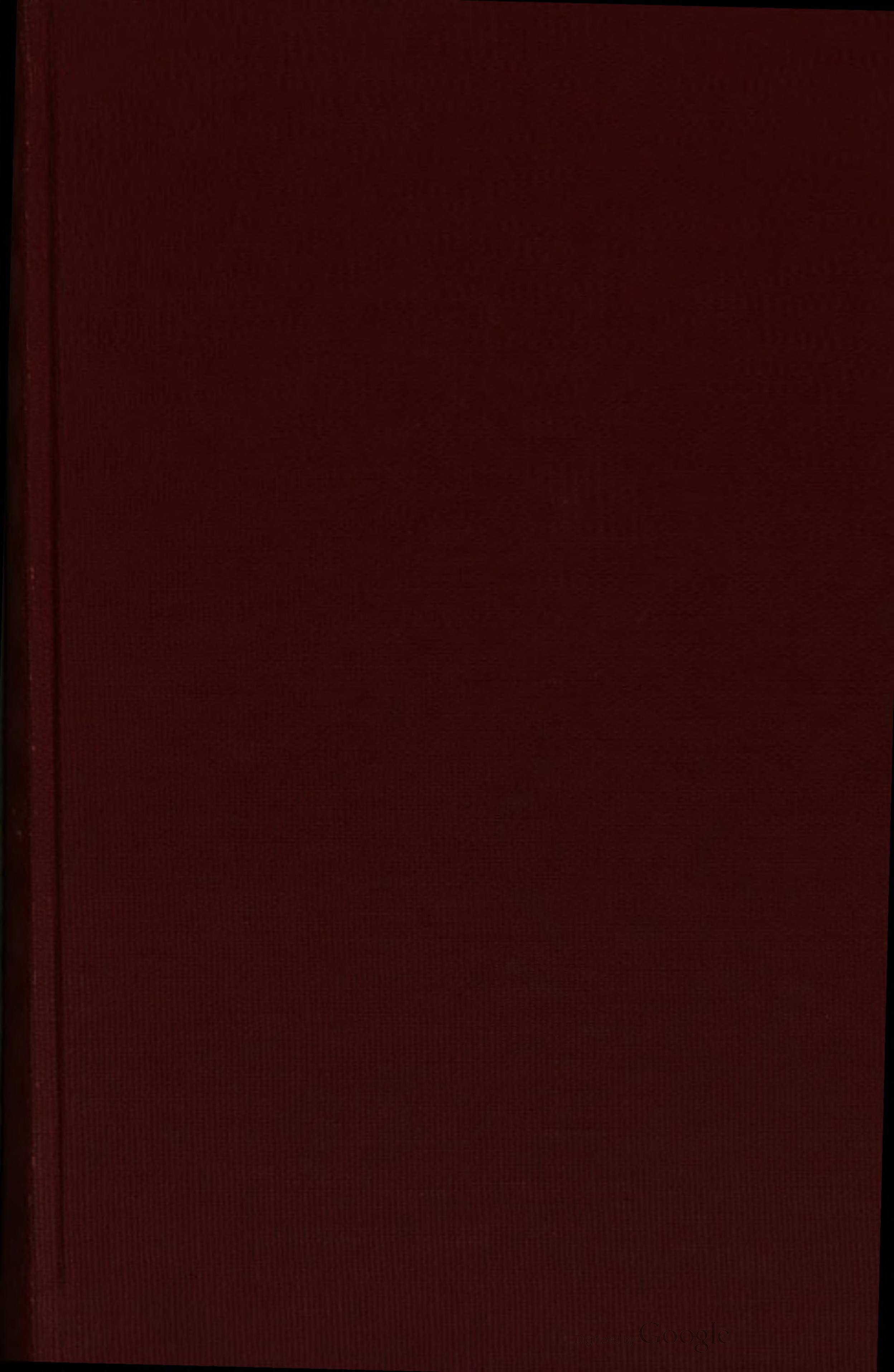
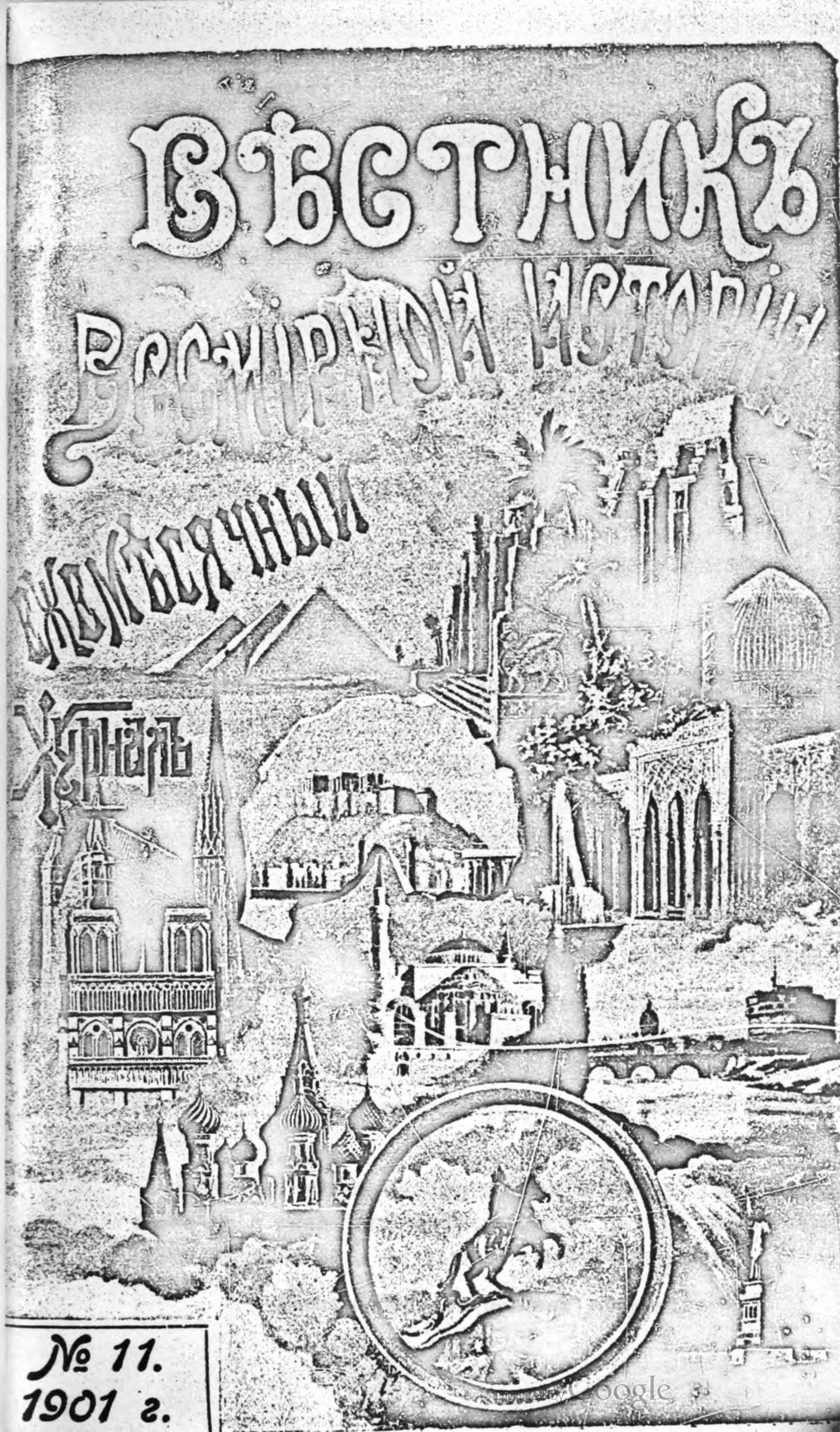

VE
RI
TAS

Вѣстникъ
Всемірной Исторіи
Ежемѣсячный
Журналъ
№ 11.
1901 г.

Отъ конторы редакціи.

Подписка на 1902-й годъ открыта и во избѣжаніе промедленія въ высылкѣ журнала контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ 1) озаботиться своевременной присылкой подписныхъ денегъ, такъ какъ **двѣнадцатая и послѣдняя** книга будетъ разослана около половины ноября и этой книгой заканчивается текущій годъ изданія; 2) всѣ взносы адресовать въ редакцію С.-Петербургъ, Милліонная, 34; 3) при возобновленіи подписки на будущій годъ прилагать прежній адресъ.

Всѣхъ лицъ, получившихъ для ознакомленія сентябрьскій, октябрьскій или иной изъ №№ нашего журнала, если они желаютъ получить всѣ три послѣднія книги, контора покорнѣйше проситъ выслать или 4 р., т. е. плату за первое полугодіэ будущаго года и за три послѣднихъ мѣсяца текущаго года, или 7 р. т. е. плату за весь будущій годъ и за три послѣднихъ мѣсяца текущаго года.

Лицамъ, получившимъ пробные нумера при подпискѣ на весь текущій и на будущій годъ при условіи взноса платы до перваго декабря, съ двухгодовой платы за изданіе 12 р., дѣлается скидка въ размѣрѣ 2 р. и они могутъ получить немедленно всѣ вышедшія 11 книгъ журнала.

Количество оставшихся экземпляровъ за текущій годъ крайне ограничено и послѣ 1-го декабря подписная плата за 1901-й годъ будетъ повышена до 8 р., въ виду стоимости пересылки.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

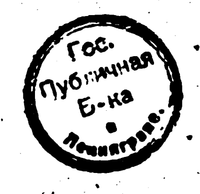
	Руб.	Коп.
„Общій Уставъ Россійскихъ Желѣзныхъ Дорогъ и 683 ст. X т. ч. 1 Свода законовъ гражданскихъ съ разъясненіями *Сената*" Составилъ *Х. Ф. Штюрцваге*, завѣдующій столомъ желѣзнодорожныхъ исковъ въ Сенатѣ	3	—
„Гербовый Уставъ въ Алфавитномъ порядкѣ *со всеми разъясненіями.*" Съ приложеніемъ оффиц. текста устава и всѣхъ инструкцій М-ва Финанс., мнѣніями Госуд. Сов., касс. рѣшен., циркул. и т. д. Изд. 3 Сост. *Х. Абрамовичъ.* Спб. 1902 г.	2	—
„Практическое руководство для составленія дѣловыхъ бумагъ" Образцы и формы актовъ, договоровъ, контрактовъ, обязательствъ, прошеній и жалобъ на постановленія сословныхъ, административныхъ и судебныхъ учрежденій съ разъясненіемъ порядка и срока подачи жалобъ. Бумаги въ лѣсохранит. комитетъ, бумаги по залогу недвижимыхъ имуществъ въ кред. учрежд. сост. *Х. Абрамовичъ.* Спб.	1	—
„Торговля и Торговая Политика". Соч. проф. *Брогта.* Перев. съ нѣм. подъ редакц. *Е. Н. Рагозина*	3	—
„Желѣзо и Уголь на Югѣ Россіи", *Е. Н. Рагозинъ.* Съ 23 политипаж., картой, діаграммой и вѣдомостями. . . .	3	—
„ПРОТЕКЦІОНИЗМЪ или Теорія Происхожденія Богатства отъ непроизводит. труда." Проф. *В. Г. Сомнера* .	1	—
„Капиталъ" *Х. Марксъ.* Критика политической экономіи. *Процессъ производства капитала.* Полный перев. д-ра математики *В. Д. Любимова*	2	50
„Животныя" *Л. Шелгуновой. Съ 276 хромол.*	1	75
„Растенія и Минералы". *Съ 270 хромол.*	1	75
„Бесѣды съ дѣтьми о природѣ". *А. Беклей.* Перев. Съ англійскаго *Д. А. Коропчевскаго.* Изд. 2-е	—	60
„Сказки Топеліуса". Перев. со шведскаго. Больш. томъ, со многими рисунками въ текстѣ, 254 стр.	1	—
„Сказки Музеуса" 2 т. *Съ 8-ю хромолит.* Каждый по . .	1	30
„Двигательныя силы народнаго хозяйства" проф. *Карла Рейнгольда,* въ 4-хъ част., по 10 лист. каждая	4	—
„Приключенія Якова Вѣрнаго" *Х. Марріетъ.* Переводъ *Л. Шелгуновой, съ 6 хромолит.*	—	60
„Робинзонъ и Робинзона" *Р. Маэля.* Съ 25 рисунк. . .	1	30
„Среди льдовъ и во мракѣ ночи" *Фритіофа Нансена. Со мног. рис.* Переводъ маг. физ. *Г. Ковалевскаго.*	1	—
То же на веленевой бумагѣ.	1	50
„Открытіе клада короля Соломона" *Р. Гагдара.* Сцены изъ жизни южной Африки. Съ англ., *со мног. рисунками* . . .	1	—
„Опредѣленіе пола потомства" *проф. д-ра Л. Шенка.* Полный переводъ д-ра медицины *В. И. Рамма.*	—	50

ВѢСТНИКЪ
ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

Ежемѣсячный журналъ

НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ и ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

ОКТЯБРЬ

№ 11

Второй годъ изданія

С.-Петербургъ
1901

Тип. Исидора Гольдберга, Спб.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Дозв. ценз. Спб. Октября 20 1901 г.

Герценъ и Тургеневъ *).

XIV.

Насколько для Герцена крупнымъ событіемъ, отразившимся на его дальнѣйшей дѣятельности, было польское возстаніе и пріѣздъ въ Лондонъ Бакунина, настолько-же крупнымъ событіемъ въ жизни Тургенева было появленіе на страницахъ „Русскаго Вѣстника" романа „Отцы и дѣти".

Однимъ изъ первыхъ отзывовъ о новомъ романѣ, который Тургеневу пришлось выслушать, былъ отзывъ Герцена, нашедшаго, что на романѣ отразилось „сердитое" отношеніе Тургенева къ Базарову. Въ письмѣ (датированномъ: Парижъ, Rue de Rivoli, 210, 28 апрѣля 1862 г.) къ Герцену Тургеневъ старался оправдаться отъ этого обвиненія:

„Милый Александръ Ивановичъ,—писалъ онъ,—немедленно отвѣчаю на твое письмо не для того, чтобы защищаться, а чтобы благодарить тебя и въ то-же время заявить, что при сочиненіи Базарова я не только не сердился на него, но чувствовалъ „влеченіе, родъ недуга",—такъ что Катковъ на первыхъ порахъ ужаснулся и увидалъ въ немъ *апоѳеозу* „Современника" и вслѣдствіе этого уговорилъ меня выбросить немало смягчающихъ чертъ, въ чемъ я раскаиваюсь. Еще бы онъ не подавилъ собой „человѣка съ душистыми усами" и другихъ! Это—торжество демократизма надъ аристократіей. Положа руку на сердце, я не чувствую себя винова-

---

*) См. № 5 „Вѣст. Всем. Исторіи за 1901 годъ.

тымъ передъ Базаровымъ и не могъ придать ему ненужной сладости. Если его не полюбятъ, какъ онъ есть, со всѣмъ его безобразіемъ, значитъ, я виноватъ и не съумѣлъ сладить съ избраннымъ мною типомъ. Штука была бы не важная представить его идеаломъ; а сдѣлать его волкомъ и всетаки оправдать его, это было трудно; и въ этомъ я, вѣроятно, не успѣлъ; но я хочу только отклонить нареканіе въ раздраженіи противъ него. Мнѣ, напротивъ, сдается, что противное раздраженію чувство свѣтится во всемъ, въ его смерти и т. д. Но basta cosi... Увидѣвшись, поговоримъ болѣе.

„Въ мистицизмъ я не ударяюсь и не ударюсь:—въ отношеніи къ Богу я придерживаюсь мнѣнія Фауста:

„Wer darf ihn nennen
„Und wer bekenen:
„Ich glaub'ihn!
„Wer empfinden
„Und sich unterwinden
„Zu sagen:
„Ich glaub'ihn nicht!

„Впрочемъ, это чувство во мнѣ никогда не было тайной для тебя.

„Если ты распекъ Каткова за его статью въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, то я рукоплещу тебѣ и съ наслажденіемъ прочту статью въ „Колоколѣ“.

„N. N.—истинно отличный малый и я его искренно полюбилъ. Онъ напоминаетъ мнѣ братьевъ Колбасиныхъ.

„Приложенный къ твоему письму конвертъ съ надписью: „Графинѣ Саліасъ“, вручится ей не черезъ нѣсколько дней въ Москвѣ,—а завтра-же въ Парижѣ, ибо она здѣсь: пріѣхала недавно и живетъ:

Avenue Marboeu, 3 bis.

„До свиданія. Что бы ты ни думалъ объ моей неаккуратности, скорѣе земной шаръ лопнетъ, чѣмъ я уѣду, не повидавшись съ тобой. Будь здоровъ.

Твой Иванъ Тургеневъ.“

Извѣстно, какую бурю вызвало появленіе „Отцовъ и дѣтей“. Особенную смуту въ литературѣ вызвало то обстоятельство, что одинъ изъ даровитѣйшихъ представителей „молодого поколѣнія“, Писаревъ, такъ сказать, обѣими руками подписался подъ изображеніемъ Базарова. Литературные дѣятели, группировавшіяся возлѣ „Современника“, напротивъ, увидали въ новомъ романѣ Тургенева пасквиль на прогрессивное движеніе въ

Россіи. Нѣкоторые эпигоны шестидесятыхъ годовъ до сихъ поръ настаиваютъ на томъ, что „Отцы и дѣти“ романъ реакціонный, что онъ является, такъ сказать, родоначальникомъ реакціонной баллетристики, всѣхъ „Маревъ“, „Некуда“ и т. д. Между тѣмъ, вспоминая дѣятельность Писарева, Зайцева, Соколова, направленіе „Русскаго Слова“, и позднѣе Благосвѣтловскаго „Дѣла“, будущему историку русской литературы, свободному отъ партійныхъ счетовъ, придется признать, что Тургеневымъ вѣрно было отмѣчено нарождавшееся явленіе, создавшее цѣлую литературную школу, пользовавшуюся крупнымъ вліяніемъ среди молодежи. Правда, люди Базаровскаго типа не внушали искренней симпатіи Тургеневу и его сверстникамъ, людамъ 40-хъ годовъ, но не должно забывать, что они не внушали симпатій и такому прогрессисту, какъ Салтыковъ. Посмотрите, съ какой рѣзкостью относится онъ къ группѣ „Русскаго Слова“.

„Всего болѣе,—писалъ Салтыковъ, [1]) содѣйствуютъ заблужденію публики нѣкоторые вислоухіе и юродствующіе, которые съ ухарской развязностью прикомандировываютъ себя къ дѣлу, дѣлаемому молодымъ поколѣніемъ, и, схвативъ одни наружные признаки этого дѣла, совершенно искренно исповѣдуютъ, что въ нихъ-то и вся сила. Эти люди считаютъ себя какими-то сугубыми представителями молодого поколѣнія, забывая, что *дрянь* есть явленіе общее всѣмъ вѣкамъ и странамъ и что совершенно несправедливо и даже непозволительно навязывать ее исключительно современному русскому молодому поколѣнію“...

„...Вислоухіе никогда не прельщали меня; я всегда былъ того мнѣнія, что они однимъ своимъ участіемъ дѣлаютъ неузнаваемымъ всякое дѣло, до котораго прикасаются... Въ прошломъ году, какъ и нынче, я съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на людей, которые въ словѣ „нигилизмъ“ обрѣли для себя какую то тихую пристань, въ которой можно отдыхать свободно... Я находилъ, что эти невинныя существа отнюдь не должны считаться представителями какого бы то ни было поколѣнія, но что они изображаютъ собой тотъ паразитскій изъ угла въ уголъ шатающійся элементъ, отъ котораго, по несчастію, не можетъ быть свободно никакое, даже самое лучшее дѣло...

„...Въ позапрошломъ году пущено было въ ходъ

[1]) „Современникъ“, 1863, № 8.

слово „нигилизмъ“, слово не имѣющее смысла и всего менѣе характеризующее стремленія молодого поколѣнія, въ которомъ можно различать всякаго рода „измы“, но отнюдь не „нигилизмъ“. Между тѣмъ, слово пошло въ ходъ и получило право гражданственности, и *совсѣмъ не потому, что его пустилъ въ ходъ г. Тургеневъ* (это то бы еще не большая бѣда), а именно благодаря тѣмъ вислоухимъ, которые ухватились за него, словно утопающіе за соломенку, стали драпироваться въ него, какъ въ нѣкую златотканную мантію, и изъ безсмыслицы сдѣлали себѣ знамя... Это ужъ такая несчастная страсть—красоваться глупостями, бесѣдовать о глупостяхъ и лѣзть на стѣну по поводу глупостей, и главный источникъ этой страсти заключается, конечно, въ скудномъ запасѣ умственныхъ способностей.

„...Нѣтъ мысли, которой наши вислоухіе не обезславили бы, нѣтъ дѣла, котораго они не засидѣли бы. „Я демократъ“,—говоритъ вамъ вислоухій и доказываетъ это тѣмъ, что ходитъ въ поддевкѣ и сморкается безъ помощи платка. „Я—нигилистъ и не имѣю никакихъ предразсудковъ“,—говоритъ вамъ другой вислоухій, и доказываетъ это тѣмъ, что во всякое время дня готовъ выбѣжать голый на улицу. И напрасно вы будете увѣрять его, что въ первомъ случаѣ онъ совсѣмъ не демократъ, а только нечистоплотный человѣкъ и что во второмъ случаѣ онъ тоже не болѣе, какъ бойкій человѣкъ, безъ надобности подвергающій себя заключенію въ частномъ домѣ, не повѣритъ онъ ни за что и васъ же обругаетъ аристократомъ и отсталымъ человѣкомъ“.

Согласитесь, что подобная характеристика „мыслящихъ реалистовъ“, группировавшихся вокругъ „Русскаго Слова“ и представлявшихъ крупное теченіе литературной и общественной жизни того времени, далеко оставляетъ за собой изображеніе „нигилиста“, сдѣланное Тургеневымъ въ лицѣ Базарова. Базарову можно не симпатизировать, но ему нельзя отказать въ уваженіи, а вѣдь „мыслящіе реалисты“ Базаровскаго типа прямо именуются Салтыковымъ „дрянью“ и помѣхой дѣлу прогресса. Теперь, по истеченіи долгаго періода времени, приходится признать, что Тургеневымъ съ удивительной прозорливостью въ лицѣ Базарова были схвачены многія характерныя черты тогдашняго молодого поколѣнія. Вся борьба 60-хъ годовъ съ „эстетикой“ суммируется въ словахъ Базарова: „Природа не храмъ, а лабораторія и человѣкъ въ ней работникъ“. Указываютъ, какъ на крупный недостатокъ романа Тургенева на обще-

ственный индифферентизмъ Базарова („Я и возненавидѣлъ этого послѣдняго мужика, Филиппа или Сидора, для котораго я долженъ изъ кожи лѣзть и который мнѣ даже спасибо не скажетъ... да и на что мнѣ его спасибо? Ну, будетъ онъ жить въ бѣлой избѣ, а изъ меня будетъ лопухъ расти; ну а дальше?“) [1]. Но, говоря о движеніи 60-хъ годовъ, не должно забывать о двухъ параллельныхъ теченіяхъ: старшаго поколѣнія, группировавшагося вокругъ „Современника“ и занятаго вопросами общественныхъ реформъ, и младшаго поколѣнія „мыслящихъ реалистовъ“, группировавшихся вокругъ „Русскаго Слова“, стремившихся на „разумныхъ“ началахъ устроить собственную жизнь счастливо. Направленіе „Современника“ было въ сущности продолженіе дѣятельности 40-хъ годовъ (Бѣлинскаго, Милютина), направленіе „Русскаго Слова“ имѣло въ основѣ своей безусловный индивидуализмъ и было отрицаніемъ, во имя личной свободы, всякихъ стѣсненій, налагаемыхъ на человѣка обществомъ, семьей, религіей. Нигилизмъ былъ страстной реакціей противъ *нравственнаго* деспотизма, угнетающаго личность въ ея частной, интимной жизни (отсюда такое горячее отношеніе къ такъ назыв. „женскому вопросу“). Тургеневъ въ лицѣ Базарова имѣлъ въ виду, конечно, не дѣятелей „Современника“ съ ихъ широкими общественными идеалами, а нарождавшееся новое теченіе. То обстоятельство, что „мыслящіе реалисты“ увидѣли въ Базаровѣ „знамя“, лучше всего доказываетъ, что Тургеневъ былъ правъ: Базаровъ являлся представителемъ извѣстной части тогдашней молодежи.

Другое дѣло,—было ли это изображеніе молодого поколѣнія въ такой „безпристрастной“ формѣ *своевременнымъ*. Несомнѣнно, что типомъ Базарова воспользовалась реакціонная печать и обрушила на него всю ту злобу, какая накопилась противъ „мальчишекъ“.

На эту сторону вопроса обратилъ вниманіе Салтыковъ въ своей замѣчательной статьѣ, посвященной выясненію общественнаго значенія романа Тургенева:

„Слово „нигилисты“, писалъ Салтыковъ,—пущено въ ходъ И. С. Тургеневымъ и не обозначаетъ собственно ничего. Въ романѣ г. Тургенева, какъ и во всякомъ благоустроенномъ обществѣ, дѣйствуютъ отцы и дѣти. Если есть отцы, то слѣдовательно должны быть и дѣти—это бы, пожалуй, не новость; новость заключается въ

---

[1]) Слова Базарова.

томъ, что дѣти не въ отца вышли, и вслѣдствіе этого происходятъ между ними безпрестанные репримaнды.

„Отцы—народъ чувствительный и вѣруютъ во все. Они вѣруютъ и въ красоту, и въ истину, и въ справедливость, но больше прохаживаются по части красоты. Они проливаютъ слезы, читая Шиллерову „Resignation", они играютъ на віолончели, а отчасти и на гитарѣ, но не остаются нечувствительными и къ четвертакамъ... Когда-то они были друзьями Бѣлинскаго и поклонниками Грановскаго, но, по смерти своихъ руководителей, остались какъ овцы безъ пастыря. Очарованія ихъ приняли характеръ безпорядочный, почти растрепанный: съ одной стороны—Laura am Clavier, съ другой—тысяча рублей содержанія, даровая квартира и нѣсколько пудовъ сальныхъ свѣчей—вотъ двѣ мучительныя альтернативы, между которыми проходитъ ихъ жизнь. Тѣмъ не менѣе надо отдать имъ справедливость: Лаура съ съ каждымъ днемъ все дальше и дальше отодвигается на заднiй планъ, и все ближе и ближе подвигается тысяча рублей содержанія. Способность очаровываться осталась та-же, но предметъ ея измѣнился, и измѣнился потому, что нѣтъ въ живыхъ ни Бѣлинскаго, ни Грановскаго. Будь они живы, они, конечно, сказали бы „отцамъ": цыцъ! и тогда, кто можетъ отгадать, чѣмъ увлекались бы въ настоящую минуту эти юные старцы?

„Въ противоположность отцамъ, дѣти представляютъ собой собраніе невѣрующихъ."

Перечисливъ „зловредныя" качества „дѣтей", Салтыковъ спрашиваетъ: „Какъ назвать совокупность этихъ зловредныхъ качествъ? Какъ назвать людей, совокупившихъ въ себѣ эти качества? Я знаю, госпожа Коробочка назвала бы ихъ фармазонами, полковникъ Скалозубъ назвалъ бы ихъ волтерьянцами; но И. С. Тургеневъ не захотѣлъ быть подражателемъ и назвалъ нигилистами...

„Какъ бы то ни было, но „благонамѣренные" накинулись на слово „нигилистъ" съ ожесточеніемъ; точь въ точь какъ благонамѣренные прежнихъ временъ накидывались на слова: „фармазонъ" и „вольтерьянецъ". Слово „нигилистъ" вывело ихъ изъ величайшаго затрудненія. Были понятія, были явленія, которыя они до тѣхъ поръ затруднялись какъ назвать, теперь этихъ затрудненій не существуетъ: все это нигилисты. Были люди, физіономіи которыхъ имъ не нравились, которыхъ рѣчи производили въ нихъ нервное раздраженіе, но они не могли дать себѣ отчета, почему именно эти люди, эти рѣчи производятъ на нихъ именно такое дѣйствіе;

теперь все это сдѣлалось ясно: да потому просто, что эти люди нигилисты! Такимъ образомъ, нигилистъ, не обозначая собственно ничего, прикрываетъ собой всякую обвинительную чепуху, какая взбредетъ въ голову благонамѣренному, и если бы Иванъ Никифоровичъ Давгочхунъ зналъ, что существуетъ на свѣтѣ такое слово, то онъ, навѣрное, назвалъ бы Ивана Ивановича Перерепенко не „дурнемъ съ писаною торбою", а нигилистомъ. Человѣкъ, который ходитъ по улицѣ безъ перчатокъ—нигилистъ, и человѣкъ, который заявитъ сомнѣніе насчетъ либерализма Василія Александровича Кокорева—тоже нигилистъ. Онъ нигилистъ! Онъ не вѣритъ ни во что святое! вопятъ благонамѣренные, и само собой разумѣется, что Василію Александровичу это нравится. Однимъ словомъ, нигилистъ есть человѣкъ, безпрерывно испускающій изъ себя какой то тонкій ядъ, отъ котораго мгновенно дурѣютъ слабыя головы мальчишекъ!"

Салтыковъ перечисляетъ тѣ обвиненія, которыя реакціонная пресса тогдашняго времени щедро сыпала на голову „нигилистовъ":

„Нигилисты,—писалъ Салтыковъ,—обязаны выносить на себѣ всѣ грѣхи міра сего. Тявкнетъ ли на улицѣ шавка—благонамѣренные кричатъ: это нигилисты подучили ее, пойдетъ ли безъ времени дождь, благонамѣренные кричатъ: это нигилисты заговариваютъ стихіи! Этого мало: лѣтомъ 1862 г. по случаю частыхъ пожаровъ въ Петербургѣ ходили слухи о поджогахъ—благонамѣренные воспользовались этимъ, чтобы обвинить нигилистовъ; образовалась какая то неслыханная потаенная литература—благонамѣренные возопили: это они! это нигилисты! Злорадство дошло до такой степени безобразія и нелѣпости, что благонамѣренные готовы были, чтобы у нихъ поснимали головы, лишь бы имѣть право сказать: это они! это нигилисты!

„Вотъ какую страшную услугу оказалъ Тургеневъ!"

Позднѣе (въ 1876 г.) и самъ Тургеневъ въ письмѣ къ Салтыкову признавалъ справедливость упрековъ Салтыкова въ *несвоевременности* появленія „Отцовъ и дѣтей".

„Скажите по совѣсти,—писалъ Тургеневъ [1],—развѣ кому-нибудь можетъ быть обидно сравненіе его съ Базаровымъ? Не сами ли вы замѣчаете, что это самая симпатичная изъ всѣхъ моихъ фигуръ? „Тонкій нѣкій за-

[1]) Письма Тургенева.

пахъ“ присочиненъ читателями; но я готовъ сознаться, что я не имѣлъ права давать нашей реакціонной сволочи возможность ухватиться за кличку, за имя; писатель во мнѣ долженъ былъ принести эту жертву гражданину — и потому я признаю справедливыми и отчужденіе отъ меня молодежи, и всяческія нареканія... Возникшій вопросъ былъ поважнѣе художественной правды—и я это долженъ былъ знать напередъ“.

XV.

Какъ относился къ типу Базарова Герценъ? Находилъ ли онъ въ немъ „злостную каррикатуру“ на молодое поколѣніе или-же признавалъ правдивость выведеннаго Тургеневымъ типа? Отвѣтъ на эти вопросы можно найти въ двухъ сохранившихся письмахъ Герцена къ Огареву. Письма относятся къ 1869 г. и любопытны уже потому, что они суммируютъ наблюденія Герцена надъ русской молодежью за довольно продолжительный періодъ 50—60-хъ годовъ. Прибавимъ, что предъ Герценомъ прошла длинная фаланга представителей русской молодежи, побывавшей заграницей, начиная съ М. Л. Михайлова и Благосвѣтлова и кончая Серно-Соловьевичемъ, Соколовымъ и Зайцевымъ. Мнѣніе Герцена о Базаровѣ поэтому представляетъ крупный историко-литературный интересъ.

„Вмѣсто письма,—писалъ Герценъ Огареву,—посылаю тебѣ любезный другъ диссертацію, да еще не оконченную. Послѣ нашего разговора, я перечиталъ статью Писарева о Базаровѣ, котораго совсѣмъ забылъ, и очень радъ этому, т. е. не тому, что забылъ, а тому, что перечиталъ. Статья эта подтверждаетъ мою точку зрѣнія. Въ своей односторонности, она вѣрнѣе и замѣчательнѣе, чѣмъ объ ней думали ея противники.

„Вѣрно-ли понялъ Писаревъ Тургеневскаго Базарова, до этого мнѣ дѣла нѣтъ. Важно то, что онъ въ Базаровѣ *узналъ себя* и *своихъ* и добавилъ, чего не доставало въ книгѣ. Чѣмъ Писаревъ меньше держался колодокъ, въ которыя разгнѣванный родитель (Тургеневъ) старался вколотить упрямаго сына, тѣмъ свободнѣе перенесъ на него свой идеалъ.

„Базаровъ—не алчный идеалъ Писарева, а тотъ идеалъ, который *до* Тургеневскаго Базарова и *послѣ него* носился въ молодомъ поколѣніи и воплощался не только въ разныхъ героевъ повѣстей и романовъ, *но въ живыя лица*,

старавшіяся принять въ основу дѣйствій и словъ своихъ Базаровщину. То, что Писаревъ говорилъ, я *слышалъ* и *видѣлъ десятки разъ*; онъ простодушно разболталъ задушевную мысль цѣлаго круга и, собравъ въ одномъ фокусѣ разсѣянные лучи, освѣтилъ ими нормальнаго (Тургеневскаго) Базарова.

„Базаровъ для Тургенева больше чѣмъ посторонній, для Писарева *больше чѣмъ свой*; для изученія, конечно, надобно взять тотъ взглядъ, который въ Базаровѣ видитъ свой desideratum.

„Противники Писарева испугались его неосторожности; отрекаясь отъ Тургеневскаго Базарова, какъ отъ шаржа, они отмахивались еще больше отъ его преображеннаго двойника; имъ было непріятно, что Писаревъ опростоволосился, но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ его невѣрно понялъ.“

Затѣмъ Герценъ подробно излагаетъ взглядъ Писарева на Базарова и останавливается на генеалогіи Базарова, сдѣланной Писаревымъ:

„Онѣгины и Печорины родили Рудиныхъ и Бельтовыхъ, Рудины-Бельтовы—Базарова... У Печорина была воля безъ знанія, у Рудиныхъ—знаніе безъ воли, у Базаровыхъ—*и знаніе и воля*. Мысль и дѣло сливаются въ одно твердое цѣлое,—говоритъ Писаревъ.

„Тутъ все есть,—пишетъ Герценъ Огареву по поводу этой характеристики,—и характеристика и классификація,—все коротко и ясно, сумма подведена, счетъ поданъ, и съ той точки зрѣнія, съ которой авторъ взялъ вопросъ, совершенно вѣрно.

„Но *мы* этого счета не принимаемъ и протестуемъ противъ него изъ нашихъ преждевременныхъ и не наступившихъ началъ.

„Странныя судьбы *отцовъ* и *дѣтей*! Что Тургеневъ вывелъ Базарова не для того, чтобъ погладить по головкѣ—это ясно, что онъ хотѣлъ что-то сдѣлать въ пользу отцовъ—и это ясно. Но въ соприкосновеніи съ такими жалкими и ничтожными отцами, какъ Кирсановы, крутой Базаровъ *увлекъ* Тургенева и, вмѣсто того, чтобъ посѣчь сына, онъ выпоролъ отцовъ.

„Оттого то и вышло, что часть молодого поколѣнія узнала себя въ Базаровѣ. Но *мы* вовсе не узнаемъ себя въ Кирсановыхъ, такъ какъ не узнавали себя ни въ Маниловыхъ, ни въ Собакевичахъ, не смотря на то, что Маниловы и Собакевичи существовали сплошь да рядомъ, во время нашей молодости, да и теперь существуютъ.

„Мало-ли какія стада нравственныхъ недоносковъ живутъ въ одно и то-же время въ разныхъ слояхъ общества, въ разныхъ направленіяхъ его; безъ сомнѣнія, они представляютъ больше или меньше общіе типы, но не представляютъ самой рѣзкой и характеристичной стороны своего поколѣнія, стороны, наиболѣе выражающей его интенсивность. Писаревскій Базаровъ, въ одностороннемъ смыслѣ, до нѣкоторой степени предѣльный типъ того, что Тургеневъ назвалъ сыновьями, въ то время какъ Кирсановы самые стертые и пошлые представители отцовъ.

„Тургеневъ былъ больше художникъ въ своемъ романѣ, чѣмъ думаютъ, и оттого сбился съ дороги, и по моему очень хорошо сдѣлалъ—шелъ въ комнату, попалъ въ другую, зато въ лучшую.“

Герценъ дальше сожалѣетъ, что Тургеневъ не послалъ своего Базарова въ Лондонъ.

„Базаровъ въ Лондонѣ,—говоритъ Герценъ,—увидѣлъ бы, что это только издали казалось, что мы размахиваемъ руками, а что на самомъ дѣлѣ мы ими работали. Можетъ, онъ смѣнилъ бы [illegible] милость и пересталъ бы относиться къ [illegible] ромъ и насмѣшкой“.

Дальше Герценъ съ горечь[illegible]ется [illegible] темы, которая была затронута имъ въ р[illegible]рѣ [illegible] Чернышевскимъ, приведенномъ нами въ [illegible]дыдущихъ главъ. Онъ находилъ, что молод[illegible]е черезчуръ ужъ пренебрежительно относится къ работѣ „отцовъ“.

„Я признаюсь,—писалъ Герценъ,—откровенно, мнѣ лично это метанье камнями въ своихъ предшественниковъ—противно. Хотѣлось бы спасти молодое поколѣніе отъ исторической неблагодарности и даже отъ исторической ошибки. Пора отцамъ-Сатурнамъ не закусывать своими дѣтьми, но пора и дѣтямъ не брать примѣра съ тѣхъ камчадаловъ, которые убиваютъ своихъ стариковъ

„Неужели за одной природой остается право, что ея фазы и ступени развитія, отклоненія и уклоненія, даже avortements, изучаются, принимаются, обдумываются sine ira et studio, а какъ дѣло дойдетъ до исторіи—тотчасъ въ сторону методъ физіологическій и на мѣсто его уголовная палата и управа благочинія?

„Онѣгины и Печорины прошли.

„Рудины и Бельтовы проходятъ.

„Базаровы пройдутъ... и даже очень скоро. Это слиш-

комъ натянутый, школьный, взвинченный типъ, чтобъ ему долго удержаться.

„Всѣ возникнувшіе типы пройдутъ и всѣ съ той неутрачиваемостью однажды возбужденныхъ силъ, которую мы научились узнавать въ физическомъ мірѣ, останутся и взойдутъ, видоизмѣняясь въ будущее движеніе Россіи и въ будущее устройство ея.“

Герценъ указываетъ, что въ русской литературѣ далеко не полно отразились общественные типы 20—40 годовъ.

„Брать *Онѣгина*,—говоритъ онъ,—за *положительный* типъ умственной жизни двадцатыхъ годовъ, за интегралъ всѣхъ стремленій и дѣятельностей проснувшагося слоя совершенно ошибочно, хотя онъ и представляетъ одну изъ сторонъ тогдашней жизни.“

Въ доказательство справедливости своего мнѣнія Герценъ указываетъ на то обстоятельство, что въ литературѣ „по независящимъ обстоятельствамъ“ былъ пропущенъ типъ *декабриста*, типъ не менѣе характерный для 20 годовъ прошлаго столѣтія, чѣмъ типъ Онѣгина.

„Если въ литературѣ,—говоритъ Герценъ,—сколько нибудь отразился слабо, но съ родственными чертами, типъ декабриста—это въ *Чацкомъ*.

„Чацкій, если бы пережилъ первое поколѣніе, шедшее за 14 декабря—черезъ него протянулъ бы горячую руку *намъ*. Съ нами Чацкій возвращался на *свою* почву. Эти rimes croisées черезъ поколѣнія не рѣдкость даже въ зоологіи. И я глубоко убѣжденъ, что мы съ *дѣтьми* Базарова встрѣтимся симпатично и они съ нами „безъ озлобленія и насмѣшки“.

Далѣе Герценъ бросаетъ нѣсколько озлобленныхъ словъ по адресу тогдашней литературной молодежи, группировавшейся въ округѣ „Русскаго Слова“ и „Современника“.

„Чацкій,—говоритъ онъ,—не могъ бы жить, сложа руки, ни въ капризной брюзгливости, ни въ надменномъ *самообоготвореніи*: онъ не былъ настолько старъ, чтобъ находить удовольствіе въ ворчливомъ будированіи и не былъ такъ молодъ чтобъ наслаждаться отроческими самоудовлетвореніями. Въ этомъ характерѣ безпокойнаго фермента, бродящихъ дрожжей вся сущность его.

„Но именно эта то сторона и не нравится Базарову; она то его и озлобляетъ въ его гордомъ стоицизмѣ. „Молчите, дескать, въ своемъ углу, коли силы нѣтъ что-либо дѣлать, а то и безъ вашего хныканья тошно,—говоритъ онъ;—побиты, ну и сидите побитые... что

вамъ ѣсть что ли нечего, что плачете, это все *барскія затѣи*".

Герценъ возмущается такимъ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ людямъ его поколѣнія, находитъ. что „это сильно сбивается на Аракчеевщину", и спрашиваетъ: на какомъ основаніи отнять право на горькую жалобу Лермонтова, на его упреки своему поколѣнію, отъ которыхъ многіе вздрогнули? Чѣмъ бы улучшилось положеніе, если бы и эти голоса были подавлены?

„— Да зачѣмъ они? Что проку?—спроситъ Базаровъ.

„— А зачѣмъ камень издаетъ звукъ, когда его бьютъ молотомъ?

„— Онъ не можетъ иначе.

„— А почему эти господа думаютъ, что люди могутъ страдать цѣлыя поколѣнія безъ слова, жалобы, негодованія, проклятія, протеста? Если не для другихъ нужна жалоба, то для самихъ жалующихся. Высказанная скорбь утоляетъ боль. Ihm,—говоритъ Гете,—gab ein Gott zu sagen was er leidet.

„— А *намъ* что за дѣло?

„— Можетъ вамъ и нѣтъ, такъ другимъ можетъ *есть*; но нельзя терять изъ виду, что каждое поколѣніе живетъ тоже и *для себя*. Съ точки зрѣнія исторіи оно переходъ, но въ отношеніи къ себѣ оно цѣль и не можетъ, не должно безропотно выносить на него падающія невзгоды—особенно, не имѣя даже того утѣшенія, которое имѣлъ Израиль, ожидавшій Мессію и вовсе не зная, что отъ сѣмени Онѣгиныхъ и Рудиныхъ родится *Базаровъ*.

„Въ сущности нашихъ юношей приводитъ въ ярость то, что въ нашемъ поколѣніи выражалась *наша* потребность дѣятельности, *нашъ* протестъ противъ существующаго *иначе*, чѣмъ у *нихъ*, и что мотивъ того и другого не всегда и не вполнѣ зависѣлъ отъ голода и холода.

„Нѣтъ ли въ этомъ пристрастіи къ однообразію того-же раздражительнаго духа, который сдѣлалъ у насъ изъ канцелярской формы сущность дѣла и изъ военныхъ эволюцій шагистику? Изъ этой стороны русскаго характера развилась статская и военная Аракчеевщина. Всякое личное, индивидуальное проявленіе, отступленіе считалось непокорствомъ и возбуждало преслѣдованія и безпрерывныя придирки. Базаровъ не оставляетъ никого въ покоѣ, всѣхъ задираетъ свысока. Каждое слово его—выговоръ высшаго низшему. Это не имѣетъ будущности".

Далѣе, во второмъ, сохранившемся письмѣ къ Огареву, Герценъ даетъ любопытное генеалогическое изслѣ-

дованіе, ставя свое поколѣніе срединнымъ между декабристами и Базаровымъ.

„Декабристы,—говоритъ Герценъ,—наши отцы, Базаровы—наши *блудныя дѣти*.

„Что наше поколѣніе завѣщало новому? спрашиваетъ Герценъ.

„*Нигилизмъ*.

„Вспомнимъ, какъ было дѣло.

„Около сороковыхъ годовъ жизнь изъ-подъ туго придавленныхъ клапановъ стала сильнѣе прорываться. По всей Россіи прошла едва уловимая перемѣна, та перемѣна, по которой врачъ замѣчаетъ прежде отчета и пониманія, что въ болѣзни есть *поворотъ къ лучшему*, что силы очень слабы, но будто поднялись—другой *тонъ*. Гдѣ-то внутри, въ нравственно-микроскопическомъ мірѣ, повѣялъ иной воздухъ, болѣе раздражительный, но и болѣе здоровый. Наружно все было мертво подо льдомъ, но что-то пробудилось въ сознаніи, въ совѣсти—какое-то чувство неловкости, неудовольствія. Ужасъ притупился, людямъ надоѣло въ полумракѣ темнаго царства.

„Приложить къ этому времени во всей ихъ рѣзкости рубрики Писарева трудно. („У Печориныхъ есть воля безъ знанія, у Рудиныхъ—знаніе безъ воли"). Въ жизни все состоитъ изъ переливовъ, колебаній, перекрещиваній, захватываній и перехватываній, а не изъ отломленныхъ кусковъ.

„Гдѣ окончились люди безъ знанія съ волей и начались люди съ знаніемъ и безъ воли?

„Природа рѣшительно ускользаетъ отъ взводнаго ранжира, даже отъ ранжира по возрастамъ. Лермонтовъ лѣтами былъ товарищъ Бѣлинскаго, онъ былъ вмѣстѣ съ нами въ университетѣ, а умеръ въ безвыходной безнадежности печоринскаго наставленія, противъ котораго возставали уже и славянофилы и мы.

„Кстати я назвалъ славянофиловъ. Куда дѣть Хомякова и его „братчиковъ"? Что у нихъ было, воля безъ знанія, или знаніе безъ воли? А мѣсто они заняли не шуточное въ новомъ развитіи Россіи, они свою мысль далеко вдавили въ современный потокъ.

„Или въ какой рекрутскій пріемъ и по какой мѣрѣ мы сдадимъ Гоголя? Знанія у него не было, была ли воля—не знаю, сомнѣваюсь, а геній былъ и его вліяніе колоссально.

„Тайныхъ обществъ тогда (въ 40-хъ годахъ) не было, но *тайное соглашеніе* понимающихъ было велико.

Круги, составленные изъ людей, болѣе или менѣе испытавшихъ на себѣ гоненія, смотрѣли чутко за своимъ составомъ. Всякое другое дѣйствіе кромѣ слова, и то маскированнаго, было невозможно, зато слово пріобрѣло мощь, и не только печатное, но еще болѣе живое слово, меньше уловимое.

„Двѣ баттареи выдвинулись скоро. Періодическая литература дѣлается пропагандой, во главѣ ея становится, въ полномъ разгарѣ молодыхъ силъ—Бѣлинскій. Университетскія кафедры превращаются въ налои, лекціи—въ проповѣди очеловѣченья, личность Грановскаго, окруженнаго молодыми доцентами, выдается больше и больше.

„Вдругъ взрывъ смѣха. Страннаго смѣха, страшнаго смѣха, смѣха судорожнаго, въ которомъ былъ и стыдъ, и угрызеніе совѣсти, и пожалуй не смѣхъ до слезъ, а слезы до смѣха. Нелѣпый, уродливый, узкій міръ „Мертвыхъ душъ" не вынесъ, осѣлъ и сталъ отодвигаться. А проповѣдь шла сильнѣй... все одна проповѣдь—и смѣхъ, и плачъ, и книга, и рѣчь, и Гегель [1]), и исторія—все звало людей къ сознанію своего положенія, къ ужасу передъ крѣпостнымъ правомъ и передъ собственнымъ безправіемъ, все указывало на науку и образованіе, на очищеніе мысли отъ всего традиціоннаго хлама, на свободу совѣсти и разума.

„Къ этому времени принадлежатъ первыя зарницы *нигилизма*—зарницы той свободы отъ всѣхъ готовыхъ понятій, отъ всѣхъ унаслѣдованныхъ обструкцій и заваловъ, которые мѣшаютъ западному уму идти впередъ своимъ историческимъ ядромъ на ногахъ...

„Тихая работа сороковыхъ годовъ разомъ оборвалась. Черныя времена наступили послѣ 1848 года. Передъ началомъ гоненій умеръ Бѣлинскій. Грановскій завидовалъ ему и стремился оставить отечество.

„Темная семилѣтняя ночь пала на Россію и въ ней-то сложился, развился и окрѣпъ въ русскомъ умѣ тотъ складъ мыслей, тотъ пріемъ мышленія, который назвали ***нигилизмомъ***.

„Нигилизмъ—это логика безъ структуры, это—наука ... догматовъ, это безусловная покорность опыту и ...ное принятіе всѣхъ послѣдствій, какія бы они ..., если они вытекаютъ изъ наблюденія, тре-

---

[1]) ...ектика Гегеля—страшный таранъ: она несмотря на свою двубортную? ...русско-протестантскую кокарду, улетучивала все существующее, ...распускала все мѣшавшее разуму. Къ тому-же это было время ...рбаха, der Kritischen Kritik. *(Примѣч. Герцена).*

буются разумомъ. Нигилизмъ не превращаетъ *что-нибудь* въ *ничего*, а раскрываетъ, что *ничего*, принимаемое за *что-нибудь*—оптическій обманъ, и что всякая истина, какъ бы она ни перечила фантастическимъ представленіямъ—здоровѣе ихъ и во всякомъ случаѣ обязательна.

„Когда Бѣлинскій, долго слушая объясненія кого-то изъ друзей о томъ, что *духъ* приходитъ къ самосознанію въ человѣкѣ, съ негодованіемъ отвѣчалъ: „такъ это я не для себя сознаю, а для духа! Что-же я ему за дуракъ достался, лучше не буду вовсе думать; что мнѣ за забота до его сознанія...“ Онъ былъ *нигилистъ*.

„Когда Бакунинъ уличалъ берлинскихъ профессоровъ въ робости отрицанія и парижскихъ революціонеровъ 1848 года въ консерватизмѣ—онъ былъ вполнѣ *нигилистъ*. Вообще всѣ эти межеванья и ревнивыя отталкиванья ни къ чему не ведутъ, кромѣ насильственнаго антагонизма.

„Когда Петрашевцы „хотѣли ниспровергнуть всѣ божескіе и человѣческіе законы и разрушить основы общества“—они были *нигилистами*.

„Нигилизмъ съ тѣхъ поръ расширился, яснѣе созналъ себя, даже сталъ доктриной, принялъ въ себя многое изъ науки и вызвалъ дѣятелей съ огромными силами, съ огромными талантами... все это неоспоримо.

„*Но новыхъ началъ, принциповъ онъ не внесъ.*

„Или гдѣ-же они?“

Можно согласиться или не соглашаться съ родословной нигилизма, проводимой Герценомъ въ вышеприведенномъ письмѣ его къ Огареву, это вопросъ особаго рода. Для насъ важно, какъ мы сказали выше, утвержденіе Герцена, что Тургеневъ совершенно вѣрно схватилъ зарождавшійся типъ. Правда, онъ не чувствовалъ къ нему особой симпатіи, но этой симпатіи не было, какъ мы указали выше, и у Салтыкова, да не было ея и у самого Герцена. Герценъ совершенно вѣрно указалъ на то, что нигилизмъ въ сущности не былъ доктриной, а лишь методой мышленія, но дѣло въ томъ, это эта метода безъ отсутствія широкаго знанія приводила къ голословному отрицанію и построенію такихъ доктринъ, которыя имѣли своимъ основаніемъ не факты действительности, изученные и провѣренные, а горячечныя фантасмагоріи. Тургеневъ, какъ мѣтко замѣтилъ Герценъ, создалъ *нормальный типъ* нигилиста, отъ котораго, конечно, могли быть самыя многочисленныя и разнообразныя уклоненія въ худшую или въ лучшую сторону, но основа типа оставалась совершенно той-же. Возьмите для провѣрки „Что дѣлать“, „Знаменіе времени“, много-

численные романы Бажина, Михайлова, замѣчательный романъ Кущевскаго „Николай Негоревъ", романъ Омулевскаго („Свѣтловъ") и др. съ одной стороны, Авенаріуса, Лѣскова, Клюшникова и т. д., съ другой,—и вы увидите въ громадномъ большинствѣ варіаціи Базаровскаго типа; разница будетъ лишь въ освѣщеніи: одни авторы будутъ идеализировать Базарова, другіе будутъ стараться втоптать его въ грязь. Безпристрастнымъ, *историческимъ* изображеніемъ нигилиста шестидесятыхъ годовъ остается романъ Тургенева, и право, надо бы перестать повторять старыя глупости на ту тему, что Базаровъ „клевета на молодое поколѣніе"; въ особенности непріятно встрѣчать подобныя партійныя утвержденія въ такихъ популярныхъ книгахъ, расчитанныхъ на широкій кругъ читателей, какъ „Исторія новѣйшей русской литературы" г. Скабичевскаго.

Приведемъ, кстати, еще одно очень вѣское свидѣтельство въ пользу того, что Базаровъ не былъ каррикатурой. Свидѣтельство это идетъ отъ такого компетентнаго наблюдателя, какъ извѣстный анархистъ Крапоткинъ, принимавшій дѣятельное участіе въ движеніи 60-хъ годовъ и наблюдавшій типы нигилистовъ въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ дѣятельности. Нечего и говорить, что его симпатіи лежатъ на сторонѣ нигилистовъ, а не ихъ противниковъ; тѣмъ характернѣе его слова. Въ вышедшихъ недавно воспоминаніяхъ князя Крапоткина приведенъ любопытный разговоръ его съ Тургеневымъ именно по поводу Базарова [1]).

„Однажды,—говорилъ Крапоткинъ,—когда мы вмѣстѣ возвращались изъ ателье Антокольскаго, Тургеневъ спросилъ меня—что я думаю о Базаровѣ?

„Я откровенно отвѣтилъ ему:

— Базаровъ—*удивительно вѣрное* изображеніе нигилиста, но читатель чувствуетъ, что вы относитесь къ нему не съ такой любовью, какъ къ другимъ вашимъ героямъ.

— Напротивъ, я очень, очень люблю его,—воскликнулъ съ живостью Тургеневъ.—Я когда-нибудь покажу вамъ мой дневникъ и вы увидите, сколько слезъ я пролилъ, заканчивая романъ смертью Базарова.

Намъ кажется, что свидѣтельства двухъ такихъ компетентныхъ въ этомъ случаѣ наблюдателей, какъ Герценъ и Крапоткинъ, болѣе чѣмъ достаточно.

---

[1]) Fürst P. Krapotkin. Memoiren. II. Band. S. 256—257.

XVI.

Фраза въ письмѣ Тургенева, приведенномъ нами выше, относящаяся къ Каткову [1]), требуетъ нѣкоторыхъ поясненій.

„Если ты распекъ Каткова за его статью въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, то я рукоплещу тебѣ и съ наслажденіемъ прочту статью твою въ „Колоколѣ“,—писалъ Тургеневъ Герцену.

Въ мартовской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“, т. е. одновременно съ напечатаніемъ романа Тургенева „Отцы и дѣти“, помѣщена была статья Катюва, озаглавленная: „Къ какой мы принадлежимъ партіи?“, въ которой Катковъ третируетъ свысока всѣ „партіи“, существовавшія тогда въ Россіи, иронически перечисляя ихъ: „консерваторы, умѣренные либералы, прогресисты, конституціоналисты (даже не выговоришь этого ужаснаго термина!) и демократы и демагоги и соціалисты и коммунисты!“ По мнѣнію Каткова, „истинный прогрессъ состоитъ не въ упражненіи началъ, безъ которыхъ не можетъ обойтись нормальное развитіе общества, какъ монархическое начало, аристократическій элементъ, централизація“, а въ томъ, „чтобъ дать каждому началу соотвѣтственное положеніе и силу, отвести его въ общіе предѣлы“. Насколько, впрочемъ, Катковъ былъ далекъ тогда отъ тѣхъ реакціонныхъ тенденцій, глашатаемъ которыхъ онъ вскорѣ явился, можно судить по другой его статьѣ, помѣщенной въ той-же книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ и носящей заглавіе: „По поводу одного ироническаго слова“. Въ этой статьѣ Катковъ, полемизируя съ газетой „Наше Время“, такъ опредѣляетъ задачи „истиннаго консерватизма“. „Интересъ *свободы*,—говоритъ Катковъ,—составляетъ душу консерватизма“;—далѣе Катковъ находитъ нужнымъ, чтобы „государство русское стало великой *земской* силой и приняло въ свои нѣдра начало свободы, чтобы оно заинтересовало собой нравственныя силы и личную энергію, чтобы оно возложило свои задачи не на однихъ опричниковъ, но главнымъ образомъ на земскія силы“.

„Этотъ путь, — говоритъ дальше Катковъ, — указываетъ намъ исторія, на этотъ путь, слава Богу, мы и выходимъ теперь, выходимъ тѣмъ смѣлѣе и надежнѣе, что только этимъ путемъ мы можемъ оживить нашу заглохшую связь съ прошедшимъ, возстановить цѣль-

[1]) Отъ 28 апр. 1862 г.

ность народной жизни и вызвать творческія силы въ ея дремлющихъ нѣдрахъ".

Эта игра въ „прогрессивный консерватизмъ", это сидѣнье между двумя стульями, а главное—доктринерски поучительный тонъ, отношеніе свысока ко всѣмъ, конечно, не могло понравиться Герцену, и онъ коснулся этого вопроса въ статьѣ „Сенаторамъ и тайнымъ совѣтникамъ журнализма", въ которой указалъ на неприличіе тона Каткова по отношенію ко многимъ жгучимъ вопросамъ современности. Главнымъ пунктомъ, на который напалъ Герценъ, была фраза Каткова: „Мы никогда не искали чести принадлежать къ какой-нибудь изъ нашихъ партій; не только къ этимъ *шутовскимъ* партіямъ, но и къ партіямъ серьезнымъ, если бы онѣ когда-нибудь образовались у насъ, мы не могли бы примкнуть". Фраза эта въ устахъ Каткова, тогда еще не успѣвшаго прославиться, а бывшаго всего лишь рядовымъ талантливымъ журналистомъ, указывала на то колоссальное честолюбіе, какое гнѣздилось въ скромномъ на видъ отставномъ профессорѣ.

Статья Герцена не могла, конечно, прійтись по вкусу раздражительному и самолюбивому Каткову, и онъ отвѣтилъ въ 20 № „Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника" (1862). Отвѣтъ этотъ отличается намѣренной грубостью, какъ могутъ убѣдиться читатели [1]).

„Неужели суждено, — писалъ Катковъ,—еще продлиться этому анархическому состоянію общественнаго мнѣнія, этому положенію вещей, въ которомъ раздраженныя и разлаженныя общественныя силы сталкиваются между собою, парализируя себя взаимно и предоставляя агитировать *кому вздумается*, какому-нибудь *свободному артисту*, который уже серьезно воображаетъ себя представителемъ русскаго народа, рѣшителемъ его судебъ, распорядителемъ его владѣній и дѣйствительно вербуетъ себѣ приверженцевъ во всѣхъ углахъ русскаго царства и самъ сидя въ безопасности *за спиною лондонскаго полисмена*, для своего развлеченія высылаетъ ихъ на разные подвиги, которые кончаются казематами или Сибирью?...

---

[1]) Интересующихся вопросомъ о полемикѣ Каткова съ Герценомъ отсылаемъ къ статьямъ: Н. Павлова „Полемика Каткова съ Герценомъ", Рус. Обозр. 1895 кн. V; И. Фуделя, „Одна изъ нашихъ слабостей", Рус. Обозр. 1895 кн. 6, Н. Павлова „Вынужденное объясненіе", Рус. Обозр. 1895, кн. 8; „Еще о Катковѣ" Рус. Обозр., 1895, окт., „Отвѣтъ К. Цвѣткова"; полемика Н. Павлова съ Цвѣтковымъ, Рус. Обозр. 1895. См. также №№ 118, 123 и 125 газеты „Русское Слово" 1895, см. также Истор. Вѣстн. 1883, № 12; №№ 143, 203, 212, 213, 282 газеты „Сѣверная Пчела" 1862 и №№ 166, 169, 184, 248 газеты „Наше Время" 1862 г. и № 11—1863 г. (статьи Павлова „Герценъ и Огаревъ").

Кто этому острослову, „*выболтавшемуся вонъ*“ изъ всякаго смысла, кто даетъ ему эту силу и этотъ призракъ власти?“

Въ отвѣтъ на эти обвиненія Герценъ спрашивалъ издателей „Русскаго Вѣстника“:

„Мы обращаемся прямо къ совѣсти издателей „Современной Лѣтописи“ и спрашиваемъ ихъ: *Кого-же это, когда,* при какомъ случаѣ погубилъ нашъ совѣтъ, кого сослалъ въ казематы и Сибирь?

„Вы толкуете, что мы сидимъ *безопасно въ Лондонѣ за спиною полисмена.* Почему-же полисмена? Почему-же не за спиной свободной англійской конституціи? Отчего это, когда вы писали вашу статью, васъ все безпокоили полицейскіе образы и тѣни?

„Вамъ не нравится то, что мы печатаемъ заграницей,—отчего же вы сами не печатаете? если мы ошибались,—отчего вы не возражали намъ? если мы сбивались съ пути,—отчего вы намъ не указывали его?.. Намъ кажется, что свободная рѣчь, какъ свѣжій воздухъ чахоточному, слишкомъ рѣзка для васъ. То ли дѣло съ сурдинкой, съ *важнымъ* не высказываемымъ, съ намекомъ на какую-то глубь премудрости... „Отворите мнѣ темницу, отнимите мнѣ цензуру и посмотрите, что за гималайская манна словъ посыплется на васъ“... А ну, какъ вы въ самомъ дѣлѣ, господа, накличете свободу книгопечатанія... вѣдь вамъ грозитъ тогда бѣда!“ [1])

Теперь, когда съ каждымъ днемъ опубликовываются новые и новые матеріалы для исторіи той эпохи, всякому изучающему становится яснымъ, насколько были неосновательны обвиненія Герцена Катковымъ „въ злостномъ подстрекательствѣ“.

Недавно напечатано любопытное письмо Герцена [2]), относящееся къ 60-мъ годамъ и написанное одному молодому литератору. Редакторъ журнала, гдѣ это письмо напечатано, отмѣчаетъ ихъ умѣренный тонъ и благоразуміе. Такъ, между прочимъ, Герценъ совѣтуетъ своему корреспонденту не рвать связей съ родиной.

„Если вы не прервали себѣ путь оффиціально—то воздержитесь. Жизнь [illegible] особенности русскаго—*ужасна*... Какъ можно теперь оставлять Россію, когда всѣ мы рвем[illegible] когда тамъ всякая сила нужна“...

Не менѣе характерно свидѣтельство д-ра Бѣлоголоваго, которому Герценъ сказалъ:

„Эмиграція для русскаго человѣка—вещь ужасная; говорю по собственному опыту: это—не жизнь и не

[1]) „Полемика Каткова съ Герценомъ“, „Р. Обоз.“ 1895, V.
[2]) „Два письма Герцена“, „Ежемѣс. Сочиненія“, 1901, № 6.

смерть, это нѣчто худшее, чѣмъ послѣдняя—какое-то глупое, безпочвенное прозябаніе. Пусть лучше вашъ пріятель (хотѣвшій эмигрировать) осмотрится... Мнѣ не разъ приходилось раздумывать на эту тему, и вѣрьте, не вѣрьте, но если бы мнѣ теперь предложили на выборъ мою теперешнюю скитальческую жизнь или сибирскую каторгу, то, мнѣ кажется, я бы безъ колебаній выбралъ послѣднюю. Я не знаю на свѣтѣ положенія болѣе жалкаго, болѣе безцѣльнаго, какъ положеніе русскаго эмигранта“ [1]).

Вышеприведенные отрывки хорошо показываютъ, какъ бережно относился Герценъ къ молодежи и насколько неосновательны упреки въ „подстрекательствѣ“.

Борьба между Герценомъ и Катковымъ принимала все болѣе острый характеръ, причемъ Катковъ не стѣснялся въ выборѣ выраженій. Въ той-же „Современной Лѣтописи“, говоря о лондонскихъ изгнанникахъ, онъ сказалъ между прочимъ: „*наши заграничные refugiés (мы хорошо знаемъ, что это за люди)*“...

Герценъ, задѣтый за живое этимъ способомъ полемики, этими неопредѣленными намеками, спрашивалъ Каткова и Леонтьева:

„Какіе-же мы люди, г. Катковъ?

„Какіе-же мы люди, г. Леонтьевъ?

„Вы вѣдь *хорошо* знаете, какіе мы люди?..

„Да, г.г. ученые редакторы, мы, поднявши голову, смотримъ въ ваши ученые глаза, кто кого пересмотритъ?

„Можетъ вы слыхали, какъ въ 1849 г., въ народномъ собраніи въ Парижѣ Прудонъ, задѣтый такимъ же образомъ Тьеромъ, сказалъ ему спокойно, стоя на трибунѣ, превратившейся въ ту минуту въ страшный судъ: „говорите о финансахъ, но не говорите о нравственности,—я могу принять это за личность и тогда я не вызовъ на дуэль вамъ пошлю, а предложу вамъ другой бой; здѣсь, съ этой трибуны я разскажу всю мою жизнь, фактъ за фактомъ, каждый можетъ мнѣ напомнить, если я что-нибудь пропущу или забуду. *И потомъ пусть разскажетъ мой противникъ свою жизнь* [2]).“

На эту статью Катковъ отвѣтилъ статьей: „Замѣтка для издателя „Колокола“. Эта статья положила начало извѣстности Каткова въ высшихъ сферахъ, гдѣ на него начали смотрѣть какъ на журналиста, способнаго противустоять теченіямъ времени. Эта статья является поворотнымъ пунктомъ въ карьерѣ Каткова: изъ умѣреннаго

---

[1]) Бѣлоголовый. „Воспоминанія“, стр. 541.

[2]) „Полемика Каткова съ Герценомъ“, „Русское Обозрѣніе“, 1895, № 5.

либерализма, защитника англійскихъ порядковъ, онъ переходитъ въ реакціонный лагерь. О характерѣ статьи можно судить по ея заключенію, въ которомъ Катковъ даетъ отвѣтъ на вопросъ, поставленный ему Герценомъ: „какіе-же мы люди?“

„Честными ихъ,—говоритъ Катковъ,—назвать ни въ какомъ случаѣ нельзя; а отъ безчестья имъ одна отговорка: помѣщательство“.

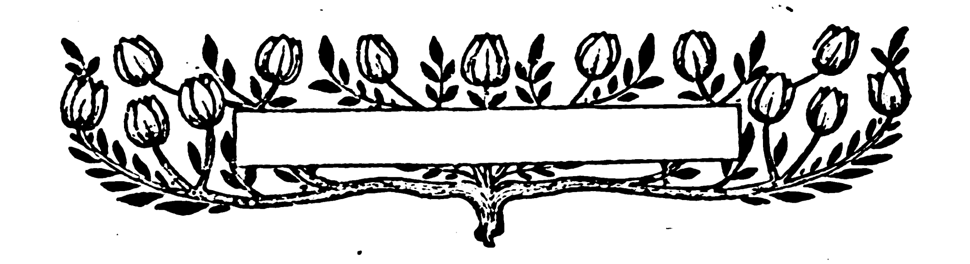
Въ такомъ-же безцеремонномъ тонѣ написана и вся статья. Статья эта вызвала горячее негодованіе, между прочимъ, среди славянофиловъ, и И. С. Аксаковъ сказалъ о ней:

„Это непростительная статья! Самъ-же Катковъ сознается, что сила Герцена главнымъ образомъ въ безсиліи и мертвенности всей нашей общественной среды. Этимъ все сказано. Сказавъ это, нечего было и останавливаться на революціонныхъ подвигахъ, распространяться о вожделѣніяхъ „сдѣлаться генераломъ отъ революціи“ и проч. Но слѣдовало и даже было обязательно остановиться на нашихъ всероссійскихъ безобразіяхъ, безъ которыхъ и тѣ революціонные замыслы, по его-же словамъ, не значили бы ничего ровно. А у него о первомъ цѣлые потоки словъ, а о второмъ—ни полслова. На описаніе революціонныхъ подвиговъ истратилъ много благороднаго негодованія авторъ „замѣтки“; а о томъ, что они возможны благодаря лишь безсилію и мертвенности нашего общества—онъ упомянулъ лишь слегка. А о самомъ главномъ: откуда-жъ эта мертвенность и почему у насъ маразмъ—даже и не пикнулъ. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Если бы у насъ вправду была дана возможность говорить о Герценѣ, я бы первый не пощадилъ его. Но я, въ одной и той-же статьѣ, гдѣ одними строками бранилъ бы Герцена, рядомъ-же другими строками осуждалъ бы еще и весь невозможный порядокъ, который произвелъ у насъ *герценизмъ:* я громилъ бы и весь нашъ status quo. Ведя борьбу съ Герценомъ, честный русскій писатель долженъ одной и той-же рукой наносить ударъ за ударомъ: одинъ Герцену, а другой этому нестерпимому status quo. Если-же объ одномъ можно у насъ говорить, а о другомъ—нельзя, благороднѣе молчать“ [1]).

Положеніе Тургенева, продолжавшаго и послѣ этой полемики помѣщать свои беллетристическія произведенія въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, было очень неловкимъ, и мы встрѣтимъ въ его дальнѣйшихъ письмахъ къ Герцену неоднократныя оправданія въ этомъ.

В. П. Батуринскій.

[1]) Ibidem, стр. 309—310.

Сфинксъ.

Драматическая фантазія въ одномъ актѣ.

Перев. К. А—нъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Мать.
Анна, ея дочь.
Леонъ, ея сынъ.
Артуръ.
Аббатъ.
Петръ, слуга.

Сцена представляетъ собою веранду на первомъ этажѣ, совершенно открытую съ одной стороны, съ довольно низкой, чернаго мрамора балюстрадой. Много цвѣтовъ и деревьевъ, въ особенности кактусовъ, олеандровъ, туй. Піанино, кушетки, кресла, столики; на одномъ изъ столиковъ большая зажженная лампа съ прозрачнымъ зеленымъ абажуромъ. Возлѣ этого стола сидитъ на кушеткѣ мать въ черномъ платьѣ, на головѣ кружевная наколка, большіе бриллiанты въ ушахъ; на шеѣ маленькій серебряный крестикъ. На колѣняхъ у нея работа. Рядомъ съ нею въ креслѣ — Анна; ея голова подперта рукою, опирающеюся о столикъ. Темные волосы блондинки, длинные и густые, падаютъ на плечи; лицо блѣдное; платье бѣлое, простое и легкое; въ волосахъ— блѣдныя лиліи и пунцовая роза; за корсажемъ небольшой букетикъ горныхъ цвѣтовъ, фіолетовыхъ колокольчиковъ и голубыхъ золототысячниковъ. При поднятіи занавѣса видно темное небо, полный мѣсяцъ, освѣщающій сквозь тучи край озера и лѣсъ; за озеромъ большія, обрывистыя гранитныя скалы.

Анна (*какъ бы про себя*). Чудно! темно и тихо... шелестятъ сухіе листья... мѣсяцъ такой туманный... (*Слышенъ отдаленный грохотъ грома и продолжительные раскаты эхо*).

Мать. Приближается гроза. Въ воздухѣ душно; трудно дышать.

Анна. Посмотри, мама, какой сегодня странный, зеленооловянный блескъ мѣсяца. Словно онъ изъ ржавой мѣди.

Мать. Онъ часто такой передъ бурей.

Анна. Не знаю, что со мной, но я боюсь чего-то. Какъ будто что-то страшное нависло надъ нашимъ домомъ...

Мать. У тебя разстроены нервы. Ты слишкомъ много играешь.

Анна (*немного выждавъ*). Сегодня, въ сумерки, я много играла. Цвѣты сильно пахли, было такъ тихо... клавиши сами звучали подъ моими пальцами. Чудныя мелодіи рѣяли въ воздухѣ... (*Отдаленный раскатъ грома*).

Мать. Приближается буря.

Анна. Мнѣ казалось, что звуки роемъ висятъ надо мной, колеблются и движутся отъ моего дыханія. Было такъ тихо... (*паузa*). Потомъ я подошла къ окну. Мѣсяцъ серебрилъ озеро; стеклянная крыша оранжереи тоже блестѣла серебромъ при свѣтѣ мѣсяца... Какъ сразу зашумѣли деревья...

Мать. Поднялся вѣтеръ. Боюсь, что онъ поломаетъ молодыя акаціи: я велѣла снять съ нихъ подпорки.

Анна. Какая-то ночная птица порхнула возлѣ олеандровъ. И въ сумеркахъ тоже летали ночныя птицы надъ темной водою, быстро и тихо; я стояла недвижно, а онѣ, словно не считая меня живой, пролетали иногда такъ близко, что почти касались крыльями цвѣтовъ въ моихъ волосахъ... Сонныя грезы охватили меня...

Мать (*гладя Анну по лицу*). Ты моя мечтательница.

Анна. Вдругъ мнѣ представилось, что дивная музыка поднимается со дна озера. И въ этой музыкѣ было что-то упоительное, какъ жизнь, могучее, какъ смерть. Мнѣ казалось, что я теряю сознаніе и несусь куда-то въ глубь... и я увидѣла какой-то новый залитый яркимъ солнцемъ міръ... какую-то сладостную, тихую глубь, навѣвавшую сонныя грезы... А съ глубины озера все звонче гремѣла музыка, чудная, упоительная... Казалось, движущаяся мгла окутала меня своими кругами... Вдругъ!.. страшная боль охватила меня, пронзила мое сердце.

Мать. Странное видѣніе.

Анна. Я очнулась. Леонъ касался пальцами моихъ волосъ. Свѣтъ мѣсяца падалъ на его лицо и на гипсовую голову Данте, знаешь, мама, что стоитъ у окна. Блѣдное личико Леона и эта хмурая голова были блѣдны, какъ у мертвецовъ. Мнѣ стало страшно, такъ страшно, что я не въ силахъ была ни двинуться, ни оттолкнуть его. Первый разъ Леонъ показался мнѣ такимъ страшнымъ. Онъ долго стоялъ около меня, вдыхая воздухъ полуоткрытыми устами, водилъ рукой по моимъ волосамъ, вынулъ изъ нихъ одну лилію, которая сильно пахла.

Мать (*съ грустью*). Бѣдный мальчикъ.

Анна. Прикажи, мама, вынести изъ моей комнаты бюстъ Данте. Передъ его взоромъ витали души умершихъ, и въ немъ какая-то страшная угрюмость...

Мать. Это память твоего отца. Тебѣ не будетъ жаль его?

Анна. Жаль... (*Задумывается, потомъ говоритъ нервно*). Что это, мама? Ты слышала странный шумъ деревьевъ? (*Отдален-*

ный раскатъ грома). Или они такъ дрожатъ передъ ударомъ молніи?

Мать. Тебѣ показалось, дитя мое. Ничего не было слышно, кромѣ грома.

Анна. Нѣтъ, нѣтъ, листья шелестѣли въ саду, совсѣмъ ясно.

Мать (*про себя*). Бѣдное дитя.

Анна. Я слышу, мама, что ты шепчешь. Мнѣ кажется, что въ эту минуту я могла бы услышать шелестъ подводныхъ растеній въ озерѣ... (*Пауза*).

Мать. Далеко ходили вы съ Леономъ?

Анна. Къ вербамъ, за мостикомъ.

Мать. И онъ охотно шелъ?

Анна. Охотно. Я собрала ему большой букетъ пахучихъ лѣсныхъ цвѣтовъ, что его видимо обрадовало. (*Пауза*). Не уходи, мама.

Мать. Видишь, не ухожу. Я не двигалась съ мѣста.

Анна. Мнѣ казалось, что ты хочешь уйти.

Мать. Да что съ тобою, Анна?

Анна. Не знаю, не знаю... Вокругъ меня творится иногда что-то странное. (*Пауза*). Въ эту минуту мнѣ кажется, что въ воздухѣ что-то несется, необыкновенно скоро; я слышу звонъ, полуподавленный, прерывающійся... (*Молнія ударяетъ гдѣ-то вдалекѣ*).

Мать. Г. аббатъ вернется отъ Андрея, должно быть, только ночью. Мы навѣрное не уйдемъ отъ грозы и бури. (*Пауза*). Который теперь часъ?

Анна. Должно быть около десяти.

Мать. Леонъ спитъ?

Анна. Я оставила его спящимъ въ креслѣ. Съ трудомъ могла я увести его съ веранды отъ цвѣтовъ. Онъ долго нюхалъ ихъ, нѣсколько разъ поднималъ вотъ эту вазу (*Указываетъ на вазонъ, стоящій вправо отъ зрителей*). Я боялась, что онъ уронитъ его. Ваза такая тяжелая, что я съ трудомъ могла поставить его на мѣсто. (*Вздрагиваетъ*).

Мать. Ты дрожишь? Что съ тобой, Анна?

Анна. Не знаю, что со мной. Иногда меня вдругъ охватываетъ какая-то тревога...

Мать. Ребячество.

Анна. Ты, однако, знаешь, что я часто имѣю предчувствіе странныхъ вещей... (*Изъ дверей на заднемъ планѣ съ лѣвой стороны отъ зрителей входитъ Петръ, одѣтый въ черномъ, неся на серебряномъ подносѣ визитную карточку*).

Петръ (*подавая карточку матери*). Какой-то господинъ пріѣхалъ верхомъ.

Мать (*читая карточку*). Артуръ Веренъ.

Анна (*живо*). Веренъ?

Мать. Что говоритъ этотъ господинъ?

Петръ. Онъ сказалъ, что заблудился въ лѣсу и спрашиваетъ, нельзя ли переночевать здѣсь.

Мать. Проси. (*Петръ выходитъ*).

Анна. Можетъ быть, родственникъ Рихарда Верена.

Мать (*съ улыбкой*). Жаль, что не онъ самъ. (*Петръ вводитъ Артура. Артуръ одѣтъ въ темное платье, куртка застегнута до верху; длинные штаны, сапоги безъ шноръ*).

Артуръ. Простите, пожалуйста, что я безпокою васъ въ такую позднюю пору. Я заблудился въ лѣсу.

Мать. Мы рады оказать вамъ гостепріимство.

Артуръ. Искренно благодаренъ вамъ; тѣмъ болѣе, что я упалъ съ лошади и не совсѣмъ удачно.

Мать. Надѣюсь, ничего особеннаго не случилось съ вами?

Артуръ. Да, ничего. Но не могу свободно ходить.

Мать. Прошу васъ, присядьте. (*Артуръ садится возлѣ стола, около котораго сидятъ дамы*). Сейчасъ подадутъ намъ чай.

Петръ (*входя*). Г. аббатъ вернулся отъ Андрея.

Мать (*вставая*). Извините меня. Нашъ аббатъ вернулся отъ больного, о которомъ я очень безпокоюсь. (*Уходитъ вмѣстѣ съ Анной*).

Артуръ (*одинъ*). Эта дѣвушка, блѣдная какъ сонъ, какъ привидѣніе... (*Въ эту минуту въ дверяхъ съ правой стороны появляется Леонъ въ длинной широкой блузѣ темнаго цвѣта, въ темныхъ шароварахъ и въ темныхъ мягкихъ туфляхъ. Леонъ очень блѣденъ, острыя, но правильныя черты лица; видъ подростка, недавно вышедшаго изъ дѣтскихъ лѣтъ. Идетъ медленно, вытянувъ руки впередъ, по направленію къ колоннѣ съ вазой, вправо отъ зрителей. Нащупываетъ вазу, осторожно снимаетъ его и нюхаетъ съ видимымъ наслажденіемъ цвѣтокъ. Артуръ въ изумленіи подымается съ кресла.* (*Входитъ Анна*).

Анна (*быстро подходитъ къ Леону*). Мой братъ... Богъ отнялъ у него все: слухъ, зрѣніе и голосъ.

Артуръ. Какое страшное несчастье.

Анна (*немного помолчавъ*). Да, страшное несчастье. (*Пауза. Анна ласково отбираетъ у Леона вазонъ, продолжая говорить съ Артуромъ*). Пожалуйста, помогите мнѣ поставить вазонъ на прежнее мѣсто. Онъ очень тяжелъ. (*Артуръ подходитъ къ ней, беретъ вазу изъ рукъ Анны; притомъ стоитъ рядомъ съ ней. Леонъ, обоняніемъ чувствуя присутствіе третьяго лица, обнаруживаетъ безпокойство; при приближеніи къ нему Анны онъ выражаетъ удовольствіе. Руками нащупываетъ онъ сближенныя другъ къ другу плечи Артура и Анны, что его очевидно приводитъ въ недоумѣніе. Между тѣмъ Артуръ ставитъ вазу на колонну и немного отступаетъ въ сторону. Анна вынимаетъ изъ волосъ лилію и зажимаетъ ее въ рукѣ Леона. Леонъ привлекаетъ къ себѣ Анну и обнимаетъ ее одной рукой; другой онъ дѣлаетъ такія движенія, какъ будто желаетъ кого-то оттолкнуть. Вся сцена съ момента появленія Леона не должна тянуться долго. Входитъ мать и аббатъ,—сѣдой, немного сгорбленный старикъ, симпатичной наружности*).

Мать. Леонъ здѣсь? Какой встревоженный!

Анна. Его очевидно взволновало присутствіе господина Верена.

Мать. Уведи его и пусть его раздѣнутъ, если онъ захочетъ. (*Тѣмъ временемъ аббатъ знакомится съ Артуромъ и говоритъ съ нимъ очевидно о Леонѣ, котораго Анна ведетъ къ дверямъ, откуда онъ и вышелъ. Мать направляется къ нему, Леонъ, чувствуя это, вновь притягиваетъ къ себѣ Анну, дѣлая въ то-же время свободной рукой такія движенія, какъ будто желаетъ кого-то оттолкнуть. Узнавъ мать, онъ выражаетъ удовольствіе и охотно позволяетъ себя увести*).

Мать (*къ Артуру*). Мой сынъ—калѣка, какъ видите. Обоняніе его единственное чувство. Вы познакомились уже? (*Артуръ и аббатъ молча кивают головой*). Съ нѣкоторыхъ поръ Леонъ особенно возбужденъ. Мнѣ иногда кажется, что онъ ревнуетъ къ Аннѣ. Два дня назадъ, онъ такъ сильно толкнулъ садовника, который хотѣлъ поцѣловалъ ея руку, что тотъ, бѣдняга, чуть-чуть не упалъ на землю.

Аббатъ (*въ сторону*). Неужели въ немъ пробудились инстинкты зрѣлости. Это было бы ужасно...

Мать. Что вы говорите, г. аббатъ?

Аббатъ. Ничего. Я думаю только, что нужно слѣдить за Леономъ.

Мать (*съ безпокойствомъ*). А что?

Аббатъ. Съ такимъ организмомъ напередъ ничего нельзя предвидѣть. (*Анна возвращается*).

Анна. Сидитъ спокойно въ креслѣ. Играетъ съ лиліями и, вѣроятно, скоро заснетъ.

Мать. Есть кто-нибудь при немъ?

Анна. Сейчасъ нѣтъ, но онъ совершенно спокоенъ. (*Къ аббату*). И такъ старому Андрею лучше? Не умретъ?

Аббатъ. На все воля Божья, дитя мое, на все воля Божья!

Анна. Богъ добрый. Я такъ молилась за Андрея.

Аббатъ (*съ улыбкой*). Музыкой, какъ всегда?

Анна (*какъ бы оправдываясь*). Я не умѣю молиться иначе. Развѣ Богъ не услышитъ всякой молитвы? (*Артуръ опирается о кресло*).

Мать. Почему, господа, вы не садитесь. Я вижу, что паденіе съ лошади даетъ себя знать, г. Веренъ?

Артуръ. Да, я немного чувствую его.

Аббатъ. Я зналъ Рихарда Веренъ. Вы напоминаете мнѣ его чертами лица и фигурой.

Артуръ (*съ невольной гордостью*). Это мой отецъ.

Мать. Тѣмъ мнѣ пріятнѣе видѣть у себя сына такого знаменитаго человѣка.

Аббатъ. О, это былъ могучій геній. (*Указывая на Анну*). Вотъ горячая поклонница вашего отца. (*Артуръ дѣлаетъ поклонъ Аннѣ*). Чуть ли не всѣ его произведенія знаетъ на память. (*Слышенъ отдаленный грохотъ*).

Артуръ. Какое чудное эхо.

Анна. И снова какъ дивно тихо!..

Артуръ. Такіе отдаленные раскаты хороши на океанѣ.

Мать. Вы много путешествовали?

Артуръ. Да, на военномъ кораблѣ, какъ офицеръ.

Аббатъ. Не на фрегатѣ ли „Альбатросъ“? Я вспоминаю, что читалъ ваше имя въ спискѣ тѣхъ лицъ, которыя въ послѣднюю экспедицію къ южному полюсу пробрались всего дальше. (*Артуръ подтверждаетъ это кивкомъ головы. Анна смотритъ на него съ видимымъ интересомъ*). Это было безумно рискованное дѣло.

Артуръ (*съ нѣкоторымъ увлеченіемъ*). Да! Смерть часто глядѣла намъ въ глаза.

Аббатъ. Зато чудныя вещи должны были вы видѣть.

Артуръ. О, это трудно пересказать, г. аббатъ! Когда солнце садилось во льду, казалось, что море огня и пурпура заливаетъ міръ. Ослѣпительный блескъ.

Анна (*мечтательно*). Хотѣла бы я видѣть конечныя полярныя пространства при свѣтѣ мѣсяца...

Аббатъ. Ну, а я все мечталъ когда-то о востокѣ; хотѣлось побывать въ Святой землѣ, у Гроба Господня.

Артуръ. Я былъ и тамъ.

Анна (*задумчиво*). Не могу представить себѣ Христа иначе, какъ въ длинной мантіи, въ полутьмѣ сумерекъ, лишь только загорятся на востокѣ звѣзды, блѣдныя, мерцающія. Онъ стоитъ надъ тихой водной поверхностью, голова склонилась на грудь, вѣки опущены и на устахъ горькая скорбная улыбка... глядитъ въ воду, въ глубину водную... И все вокругъ тихо, все дремлетъ... (*Пауза*).

Аббатъ. Ночи на востокѣ должны быть поистинѣ чудесны.

Артуръ. Небо просто все золотое отъ звѣздъ. По листьямъ пальмъ и кактусовъ потокомъ струится трепетный свѣтъ мѣсяца. На темной водѣ раскиданы свѣтлыя пятна, и всюду полосы, залитыя его сіяніемъ. Въ такую ночь пріятно скользить въ челнѣ вдоль морского берега.

Анна. Какъ жалко, что вѣтеръ; мы могли бы покататься по озеру: оно у самаго дома; берегъ его весь въ цвѣтахъ.

Мать. Горы все темнѣютъ, тамъ должно быть ливень.

Аббатъ. Мнѣ кажется, что и рѣка шумитъ сильнѣе.

Артуръ (*прислушиваясь*). Да, правда.

Аббатъ. Будетъ сильное наводненіе. Я слышу шумъ прибывающей воды.

Мать. Какое, однако, счастье, что вы не попали въ пропасть, блуждая по лѣсу въ темнотѣ.

Артуръ. Счастливый случай вывелъ меня на дорогу. Я ѣхалъ спокойно, какъ вдругъ уже недалеко отсюда мой конь сталъ пятиться и упалъ вмѣстѣ со мной.

Анна (*съ внезапной нервностью*). Ахъ!

Мать. Что съ тобой, дѣтка.

Анна (*тихо къ матери*). Мнѣ снова показалось, что въ саду задрожали деревья.

Мать. Что это тебѣ сегодня чудится; это вѣтеръ шумитъ.

Анна. Ахъ нѣтъ, это не вѣтеръ... Это призраки носятся; я чувствую ихъ.

Аббатъ (*глядя внимательно на Анну*). Не слѣдуетъ поддаваться такимъ болѣзненнымъ ощущеніямъ.

Анна (*какъ бы оправдываясь*). Они сами идутъ ко мнѣ, нежданно, и не знаю откуда...

Артуръ (*вставая и подходя къ Аннѣ*). Вы играете не только по нотамъ, не правда ли?

Анна. Да, иногда; когда вокругъ тишина, и цвѣты сильно пахнутъ, я играю, что придетъ въ голову...

Артуръ. А теперь именно такъ тихо и пахнутъ цвѣты.

Анна. Я должна быть одна, совершенно одна...

Аббатъ. Что, расцвѣли тѣ лиліи, которыя я привезъ тебѣ, дитя мое, изъ моего сада?

Анна. Да, уже. Онѣ такія блѣдныя и сильно пахнутъ. Чудныя лиліи, но такія блѣдныя, печальныя.

Мать. Лилія вообще невеселый цвѣтокъ.

Анна. Такъ сильно пахнутъ, что Леонъ пришелъ сегодня изъ своей комнаты ко мнѣ, когда я вдѣла ихъ въ волосы.

Артуръ (*глядя на волосы Анны*). Это онѣ?

Анна. Да, я глядѣла на нихъ въ сумерки въ саду. Онѣ склонили къ землѣ головки, какъ будто уснули...

Аббатъ. Я вспоминаю отрывокъ изъ оперы вашего отца „Христосъ". Что за чудная арія (*декламируетъ*):

И лиліи во снѣ порою
Головки клонятъ надъ землею;
И желтый верескъ ихъ покрытъ росою,
Какъ будто Божья Мать по нимъ ступала,
И на траву роса упала
Подъ легкою ея стопою.

(*Молнія и сильный ударъ грома*).

Мать. Приближается буря. Только бы не случилось какого-нибудь несчастья.

Аббатъ. На все воля Божья.

Мать. Аминь. (*Молчаніе*).

Анна (*вполголоса, глядя на небо*). Какъ тамъ темно... (*Яркая молнія и ударъ грома гдѣ-то поблизости*).

Мать. Боже мой! Это гдѣ-то близко!

Аббатъ. Гдѣ-то возлѣ амбаровъ.

Артуръ. Мнѣ показалось, что молнія ударила въ дерево.

Анна. Какъ воетъ вѣтеръ по стеклянной крышѣ оранжереи.

Мать. Страшная буря!

Аббатъ. Слава Богу, что вы успѣли во-время укрыться.

Анна. Какая темь въ небесахъ. (*Вбѣгаетъ въ волненіи Петръ*).

Мать. Что случилось?

Петръ. Молнія ударила въ старый амбаръ, онъ загорѣлся. (*Всѣ вскакиваютъ съ мѣста*).

Мать. Анна, дай мнѣ накидку, скорѣй.

(*Анна выбѣгаетъ въ двери съ лѣвой стороны, которыя ближе къ авансценѣ*).

Аббатъ. Старый амбаръ—не велика потеря, да и опасности нѣтъ никакой.

Мать. Да. Нужно, однако, погасить огонь. При такомъ вѣтрѣ онъ можетъ далеко разнестись. (*Анна возвращается съ накидкой*).

Артуръ. Гдѣ это?

Мать (*указывая*). Вотъ тамъ.

Артуръ. Вѣтеръ въ противоположную сторону; искры не попадутъ въ домъ. (*Петръ уходитъ*).

Мать. Ты, Анна, останься съ Леономъ. Идемъ.

Анна (*съ ужасомъ*). Остаться,—одной? (*Артуръ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ съ видимой болью въ ногѣ*).

Мать. Г. Веренъ, вамъ трудно ходить. Останьтесь, пожалуйста, здѣсь и позаботьтесь о моихъ дѣтяхъ.

(*Мать и аббатъ уходятъ. Длинная пауза*).

Артуръ. Въ самомъ дѣлѣ. Я чувствую, что не пригодился бы тамъ ни на что.

Анна. Я бы страшно боялась остаться одна. Прислуга на пожарѣ. Домъ пустъ и безмолвенъ. Погляжу на Леона. (*Уходитъ*).

Артуръ. Эта дѣвушка—мечта, чудное видѣнье... И все это кажется мнѣ сномъ...

Анна (*возвращаясь*). Леонъ спитъ въ креслѣ и держитъ въ рукѣ цвѣтокъ, который я ему дала. (*Подходитъ къ баллюстрадѣ и садится на перила за баллюстрадой подъ колонну съ вазой, ту, которая ближе къ дверямъ, откуда входилъ Леонъ. Она сидитъ спиною къ этимъ дверямъ. Артуръ приближается къ ней и опирается на баллюстраду*).

Артуръ. Вашъ братъ калѣка отъ рожденія?

Анна. Да.

Артуръ. Какой дивной тайной остается его душа.

Анна. Да, дивной и великой тайной.

Артуръ. На что откликается онъ?

Анна. Все, что имѣетъ запахъ и пріятно на ощупь, видимо доставляетъ ему удовольствіе. Особенно развито у него обоняніе. Иногда я вожу его въ ясные дни въ поле на скошенный лугъ,—чувствую, что онъ мнѣ очень признателенъ.

Артуръ. Вы болѣе всѣхъ занимаетесь имъ?

Анна. Да. Мы часто цѣлыми днями сидимъ на лугу. Крестьянскія дѣти, зная, что Леонъ любитъ цвѣты, приносятъ ихъ цѣлыя горы, а онъ играетъ ими и гладитъ дѣтей по лицу, по головѣ. Узнаетъ ихъ прикосновеніемъ ладони, радуется, встрѣтивъ знакомыхъ. Еще чаще стоитъ онъ на верандѣ, вдыхая полной грудью холодный вѣтеръ горъ; долго стоитъ, безъ движенія, блѣдный и нѣмой. И только иногда вытягиваетъ руки, какъ бы желая улетѣть куда-то въ пространство... Лицо его странно измѣняется, выражая какую-то

скорбь и жалость. Орелъ кружилъ тутъ надъ водой, а онъ со своими протянутыми руками стоялъ слѣпой и безмолвный, словно жалуясь орлу, который могъ летать и глядѣть на міръ Божій.

Артуръ. Въ общемъ онъ, однако, спокоенъ и кротокъ?

Анна. Въ послѣднее время онъ иногда раздражается, но обыкновенно очень спокоенъ. Въ гнѣвѣ, однако, онъ не безопасенъ и доходитъ до ярости. Но затѣмъ впадаетъ въ полное изнеможеніе и все проходитъ.

Артуръ. Мое присутствіе, видимо, волнуетъ его.

Анна. Онъ долженъ привыкать къ обществу. Онъ не любитъ, когда кто-нибудь чужой находится вблизи меня.

Артуръ. Значитъ, онъ что-то думаетъ и кто знаетъ, какіе міры рисуются ему въ его душѣ.

Анна. Кто знаетъ, какіе міры! *(Зарево постепенно охватываетъ небо)*. Ахъ, посмотрите, зарево.

Артуръ. Огонь охватилъ крышу. Это зарево на темномъ небѣ напоминаетъ мнѣ пожаръ одного торговаго судна, которое мы какъ-то спасли въ гавани.

Анна. Тамъ, вѣроятно, вы не сидѣли безъ дѣла такъ, какъ теперь.

Артуръ. О, мы всѣ работали тамъ, что было силы.

Анна. Вы спасли кому-нибудь жизнь?

Артуръ *(съ усмѣшкой)*. Да, собакѣ, за которой никто не хотѣлъ идти.

Анна. Въ огонь?

Артуръ *(съ оживленіемъ)*. Да, тамъ было-таки довольно горячо отъ огня.

(Анна невольно протягиваетъ къ Артуру руку и глядитъ съ укоромъ. Артуръ хочетъ поднести ея руку къ губамъ, но не рѣшается и опускаетъ ее. Молчаніе).

Анна *(скрывая смущеніе и желая обратить вниманіе Артура на что-нибудь другое)*. При заревѣ видны горы. Онѣ кажутся такими огромными. Слышите, трещатъ стропила и балки.

Артуръ *(прислушиваясь)*. У васъ лучше слухъ, чѣмъ у меня.

Анна. Съ деревьевъ срываются ночныя птицы и шелестятъ крыльями.

Артуръ. Голуби кружатъ надъ домомъ.

Анна. Слышите топотъ и трескъ поломанныхъ вѣтокъ въ лѣсу... огонь разбудилъ и перепугалъ оленей. *(Слышенъ отдаленный звонъ большого колокола)*.

Артуръ. Какой унылый звонъ.

Анна. Страшно унылый. *(Пауза)*. А вы спокойны?

Артуръ. Совершенно. О чемъ безпокоиться мнѣ? Пожаръ не грозитъ дому и другимъ постройкамъ.

Анна. Да, пожаръ—ничему не грозитъ... Ахъ, этотъ унылый звонъ. *(Пауза)*.

Артуръ *(желая отвлечь вниманіе Анны)*. Онъ звучитъ, какъ въ предсмертной симфоніи моего отца.

Анна. Вашего отца? Странно, однако, что судьба привела васъ сюда...

Артуръ (*усмьхается и говоритъ взволнованно*). На счастье или на несчастье?

Анна (*грустно*). Счастья такъ мало на землѣ, такъ страшно мало... Какъ вы теперь похожи на отца! У меня въ комнатѣ надъ піанино виситъ его портретъ. Я люблю глядѣть на него. Вашъ отецъ—мой идеалъ (*съ усмьшкой*), моя первая любовь...

Артуръ (*тронутый*). Можетъ быть, и я поэтому буду вамъ менѣе чужимъ?

Анна (*съ невольной сердечностью*). О, да! (*Спохватившись, продолжаетъ въ смущеніи*). Вы не знаете нашихъ горъ? Онѣ страшно дикія и угрюмыя.

Артуръ. Я въ первый разъ въ этихъ мѣстахъ, всего два дня. (*Минута молчанія*).

Анна. Мѣсяцъ такой яркій и красный, а тамъ вдали, въ глубинѣ, такъ темно...

Артуръ. Вѣтеръ стихаетъ понемногу и мѣсяцъ все чаще проглядываетъ между тучъ (*пауза*).

Анна (*медленно, и мечтательно*). Не знаю почему, вспоминается мнѣ теперь одно чудное воскресное утро въ деревнѣ... Я сидѣла на окнѣ, а передъ нимъ раскинулись клумбы цвѣтовъ, яркихъ розъ и бѣлыхъ нарцисовъ; трава ярко зеленѣла... птички скакали по газонамъ, всюду кружились мотыльки. Небо было ясное, чистое, голубое, залитое солнечнымъ свѣтомъ... Помню, что весь день былъ необыкновенно тихій, прекрасный. (*Тише*). Было это очень давно и не знаю, почему мнѣ вспомнилось оно...

Артуръ. Наша мысль совершаетъ неожиданные скачки. Она кружится, какъ чайка надъ водой. (*Пауза*).

Анна (*нервно*). Слышите, собаки воютъ въ фольваркѣ? Онѣ замѣтили огонь.

Артуръ. Словно смерть зачуяли.

Анна. Смерть... Страшное слово... Нехорошо, что вы произнесли его.

Артуръ (*удивленно*). Его такъ часто произносятъ.

Анна (*какъ-бы про себя*). Бываетъ время, когда этого слова не нужно произносить.

Артуръ (*смѣясь*). Но вѣдь часъ привидѣній еще не наступилъ?

Анна (*глядя нѣкоторое время на Артура*). Вы смѣетесь, а знаете ли вы, что окружаетъ насъ? Мнѣ кажется, что въ эту минуту не слѣдовало произносить этого слова.

Артуръ (*серьезно*). Что съ вами? Вы такъ блѣдны?

Анна (*словно про себя*). Въ шумѣ деревьевъ, который донесся изъ сада, въ унылом звонѣ колокола тоже слышалось это страшное слово. (*Отдаленный раскатъ грома*).

Артуръ (*стараясь отвлечь вниманіе Анны*). Сейчасъ, вѣроятно, вернется ваша матушка съ аббатомъ.

Анна. Съ аббатомъ? Да, г. аббатъ сегодня навѣщалъ умирающаго, но тамъ не засталъ смерти и вернулся сюда. (*Немного спустя*). Вы спокойны?

Артуръ. Да.

Анна. Совершенно спокойны?

Артуръ. Совершенно спокоенъ.

Анна. И ничего нигдѣ нѣтъ?

Артуръ. Ничего.

Анна. Не смѣйтесь надо мной. Я сегодня такъ разстроена... Вотъ уже часа два меня терзаютъ какія-то неясныя предчувствія чего-то страшнаго... Какъ теперь тихо...

Артуръ. Кажется, что можно услышать собственныя мысли...

Анна. Тс̆ъ. Змѣи пробудились въ норахъ, поднимаютъ головы и шипятъ, слышите, слышите?

Артуръ. Нѣтъ.

Анна. Какіе странные звуки... Не будемъ говорить объ этомъ... Мнѣ холодно...

(*Артуръ оглядывается и видитъ на перилахъ черный гарусный платокъ, вышитый серебряными нитями. Онъ подаетъ его Аннѣ*).

Артуръ. Вотъ какой-то платокъ. (*Накидываетъ платокъ на плечи Аннѣ*). Хорошо ли? (*Послѣднее слово говоритъ съ волненіемъ*).

Анна. Хорошо, благодарю васъ. (*Помолчавъ*). Отчего вы дрожали?

Артуръ (*смущаясь*). Когда?

Анна. Только что, когда помогали мнѣ надѣть платокъ.

Артуръ. Кажется, мой голосъ вовсе не дрожалъ—я говорилъ, какъ всегда.

Анна. Вашъ голосъ дрожалъ. (*Смотритъ внимательно на Артура*). Вы чего то боитесь, да! — какъ и я; но скрываете передо мной тревогу...

Артуръ (*усмѣхаясь*). Хорошъ бы изъ меня былъ офицеръ фрегата! И чего могъ бы я бояться?

Анна (*горячо*). Я не знаю, но тутъ что-то есть такое, что вы должны чувствовать такъ-же, какъ и я.

Артуръ. Нервы мои закалены въ шумѣ морскихъ бурь и штормовъ.

Анна. Завидую вамъ... Ахъ, скорѣе бы ночь прошла! (*Немного спустя, съ безпокойствомъ, все больше растущимъ*). Страшно глядѣть въ это темное пространство. Да, вы не боитесь, а знаете ли вы и можете ли вы знать, что тутъ, около насъ въ эту минуту? Люди говорятъ, что тутъ пусто, а тамъ (*указывая на небо*) есть Богъ... а мнѣ кажется, что все это черное пространство полно чего-то непонятнаго, грознаго, таинственнаго. (*Неожиданно смолкаетъ*).

Артуръ. Что съ вами, отчего вы смолкли такъ неожиданно?

Анна (*почти шопотомъ*). Тс! Слышите? я боюсь взглянуть... Кто-то прошелъ черезъ садъ, не касаясь деревьевъ и цвѣтовъ. Деревья клонятъ вѣтки, цвѣты гнутся къ землѣ. Даже потокъ журчитъ тише и вѣтеръ несется... А!!!

Артуръ. Успокойтесь.

Анна (*съ горячностью*). Слышите, слышите, кто-то шагаетъ

по влажной крышѣ оранжереи... все ближе и ближе. О, это выше моихъ силъ! (*Закрываетъ глаза*).

Артуръ. Да право же...

Анна. Не глядите, не глядите туда. (*Въ эту минуту въ дверяхъ появляется Леонъ, котораго не видятъ ни Артуръ, ни Анна. Съ минуту онъ остается неподвижнымъ, потомъ медленно приближается къ разговаривающимъ, нѣсколько разъ останавливаясь на ходу. Видно, что онъ что-то чувствуетъ, что-то его безпокоитъ*).

Анна. Тамъ во мракѣ горятъ большіе, круглые, кровью горящіе глаза... Боже! (*Близка къ обмороку: Артуръ поддерживаетъ ее своимъ плечомъ*).

Анна (*послѣ небольшой паузы слабымъ голосомъ*). Пустите меня. (*Артуръ отпускаетъ Анну, она опирается на колонну*).

Артуръ. Анна!...

Анна (*стараясь успокоиться*). Простите, я перепугала васъ... я совсѣмъ какъ ребенокъ...

Артуръ. Да, я дѣйствительно испугался. Вы такъ блѣдны.

Анна. Ничего... Вы удивительно напомнили мнѣ въ эту минуту портретъ вашего отца. Вы скоро уѣзжаете?

Артуръ (*скрывая волненіе*). Да, я долженъ ѣхать.

Анна. И куда?

Артуръ. Снова блуждать по широкому вольному океану...

Анна. Тамъ должно быть такъ грустно. О чемъ думаете вы на его безконечныхъ водахъ?

Артуръ. До сихъ поръ я думалъ о томъ, что пережилъ въ жизни и что еще предстоитъ встрѣтить, можетъ быть... Иногда бываетъ грустно — какъ всѣмъ морякамъ.

Анна. Можете вернуться, если захотите.

Артуръ. Я никогда не вернусь... (*помолчавъ*) развѣ только... (*помолчавъ*) но этого не случится. (*Послѣ небольшой паузы говоритъ, силясь усмѣхнуться*). Тамъ, вѣдь, бываетъ тоже весело! Океанъ шумитъ, моряки поютъ, а когда ночью сонныя воды лежатъ недвижно, и тишина царитъ на кораблѣ, мысль уносится въ безконечныя пространства, какъ ласточка или какъ морскіе орлы.

Анна. И ни о чемъ больше не думаете, какъ только о томъ, что пережили или что еще придется пережить?

Артуръ (*немного спустя*). Теперь прибавится еще одно чувство.

Анна (*не безъ колебанія*). Какое?

Артуръ (*послѣ нѣкоторой борьбы*). Тоска! (*Молчаніе*).

Анна (*вынимая одну лилію изъ волосъ и протягивая ее Артуру*). Пусть этотъ цвѣтокъ напомнитъ вамъ, когда вы будете далеко отсюда — нашъ домъ... Но цвѣтокъ скоро увянетъ. (*Артуръ удерживаетъ въ своей рукѣ руку Анны и глядитъ ей въ глаза, какъ бы спрашивая позволенія поцѣловать руку. Анна невольно опускаетъ глаза, Артуръ робко цѣлуетъ ея руку*).

Артуръ. Я сохраню его до смерти.

Анна (*слабо усмѣхаясь*). Чьей смерти? моей или вашей? Такія, какъ я, долго не живутъ. Когда услышите тамъ, на океанѣ, о моей смерти, прошу васъ, бросьте цвѣтокъ въ воду и смо-

трите, какъ онъ будетъ тонуть. (*Минуту погодя*). Я совсѣмъ ребенокъ, правда? (*Помолчавъ*). Какъ тихо...

Артуръ. Вѣтеръ стихъ, огонь гаснетъ.

Анна (*прислушиваясь*). Тсс!... Слышите, мнѣ кажется, что огромная волна звуковъ разливается около насъ кругами все дальше и дальше — до самаго края синяго моря... Это и чаруетъ и обезсиливаетъ. Упоительная, какъ жизнь, мощная, какъ смерть, дивная музыка... Слышите ли ее?

Артуръ (*сильно взволнованный*). Ваши слова слышу я, Анна, и они для меня — дивная музыка, упоительная, какъ жизнь, могучая, какъ смерть.

Анна. Что-то странное со мной. Туманъ застилаетъ глаза, я чувствую слабость... Я теперь какъ дитя, которое заблудилось въ темномъ лѣсу въ бурную ночь...

Артуръ. Не бойтесь, Анна, я съ вами.

Анна (*близка къ обмороку*). Я — какъ лилія, подъ моимъ окномъ,—безсильныя передъ порывомъ вѣтра.

Артуръ. Не бойтесь. Анна, я съ вами.

Анна. Какъ чайки, что летятъ усталыя надъ океаномъ, а земля еще такъ далеко...

Артуръ (*пододвигаясь къ ней*). Не бойтесь, Анна, я съ вами.

Анна. Тише, не говорите ничего... волна плыветъ и звучитъ, все громче и громче, она подымаетъ меня... кругъ за кругомъ... Чудная музыка... Ея звуки туманятъ мою мысль... (*Склоняется все ниже, Артуръ слегка обнимаетъ ее*). И снова вспомнилось мнѣ то солнечное утро и ясное небо... Мнѣ кажется, что вокругъ меня рѣетъ голубой туманъ, такъ сладко звучащій... Видите его?

Артуръ. Вижу только тебя, дорогая, и туманъ голубой— то мысли мои.

Анна. Все стало голубымъ и все поетъ... Дивный сонъ!..

Артуръ (*страстнымъ шопотомъ*). То не сонъ, не сонъ. То любовь моя говоритъ съ тобой, дорогая, то любовь моя окружаетъ тебя волнами звуковъ и голубымъ туманомъ...

Анна (*склоняясь безвольно къ Артуру*). Вижу я какой-то ясный, залитый солнцемъ и свѣтомъ міръ... Тихая, сладкая даль, полная грезъ... (*Падаетъ на руки Артура, который отступаетъ немного спиною къ Леону. Между тѣмъ Леонъ подкрался къ самой колоннѣ такъ, что всего одинъ шагъ отдѣляетъ его отъ Артура и Анны. Вдругъ Анна вырывается изъ объятій Артура, крича въ страшномъ испугѣ*). А!! Деревья затряслись, задрожали... Деревья дрожатъ, трясутся!! (*Въ это мгновеніе Леонъ нащупываетъ своими руками головы Артура и Анны; Они быстро поворачиваются, пораженныя его присутствіемъ. Леонъ схватываетъ съ колонны лѣвой рукой вазу съ цвѣтами и ударяетъ имъ Артура по головѣ. Артуръ со стономъ падаетъ на землю. Леонъ, тяжело дыша, опирается въ изнеможеніи на колонну. Анна, придя въ себя, подбѣгаетъ къ Артуру, страшно вздрагиваетъ и, закрывая глаза, кричитъ въ изступленіи*) Мертвъ. А! А! А!

К. Тетмайеръ.

Пятидесятые годы.

(Изъ воспоминаній о войнѣ 1853—55 г.).

(*Продолженіе*).

ГЛАВА III.

Взрывъ порохового сарая. — Приближеніе непріятеля къ Кронштадту. — Безоружность фортовъ. — Устройство загражденій. — Внутренняя брандвахта.—Преслѣдованіе огня.—Книга государственныхъ тайнъ.

Подходила весна 54 г. Въ Кронштадтѣ занимались болѣе служебными дрязгами и пикировкой, чѣмъ защитой. Одинъ несчастный случай, стоившій жизни болѣе 50 чел., ярко выставляетъ небрежность, вѣчное русское отношеніе къ дѣлу спустя рукава, съ какими приступали къ защитѣ сѣвернаго Гибралтара. Часовъ въ семь утра Кронштадтъ былъ испуганъ сильнымъ сотрясеніемъ и раскатами не то отъ сильнаго грома, гула пушечной пальбы или подземныхъ ударовъ. Вскочивъ со сна, нельзя было сознать, что такое произошло. Въ форточкахъ сосѣднихъ съ нашей квартиръ офицерскаго флигеля было пробито круглое отверстіе правильно, будто вырѣзано по мѣркѣ въ стеклѣ. Въ нашей только тряслись и дребезжали рамы; одинъ мигъ казалось, будто стѣны рухнутъ. Прислуга въ испугѣ спрашивала, не землетрясеніе ли, не настаютъ ли послѣднія времена. Каждая война на моей памяти вызывала въ суевѣрныхъ умахъ мысль о послѣднихъ временахъ. Отецъ побѣжалъ въ адмиралтейство узнать, все ли тамъ благополучно, и вскорѣ вернулся съ извѣстіемъ, что взорванъ пороховой сарай, находившійся на косѣ недалеко отъ городскихъ стѣнъ.

Команда, подъ надзоромъ одного унтеръ-офицера, пришедшая насыпать порохомъ бомбы, не надѣла пантушъ, т. е. войлочныхъ туфель. Искра отъ сапожныхъ гвоздей — и все взлетѣло на воздухъ. Искалѣченные трупы, оторванныя руки и ноги, размозженныя головы усѣяли дорогу вмѣстѣ съ осколками бревенъ и досокъ сарая. Офицеръ, отпустившій безъ себя команду, прибѣжалъ на мѣсто несчастія. Ему грозила солдатская куртка. Николай I, выслушавъ докладъ объ этомъ дѣлѣ, рѣшилъ милостиво: строжайшій выговоръ и пусть виновный загладитъ свою вину, отличившись на войнѣ. Несчастный не узналъ о такомъ рѣшеніи. Не вынеся пытки страха и раскаянія, онъ на третій день послѣ взрыва соскочилъ съ городской стѣны и убился на мѣстѣ. Его похоронили какъ самоубійцу безъ всякихъ обрядовъ, внѣ кладбищенской ограды.

Пришла вѣсть, что непріятельскій флотъ вступилъ въ Балтику и что одна эскадра, посланная, вѣроятно, для рекогносцировки, идетъ въ Финскій заливъ. Моряки ходили пристыженные; нашему флоту было приказано прятаться за стѣнами фортовъ. Но молодой задоръ бралъ свое; слышались толки о томъ, что хорошо бы, если бы позволили обратить гнилыя суда въ брандеры, сцѣпиться и взорвать себя и *его*. Общее мнѣніе было, что *онъ* не посмѣетъ подступить къ Кронштадту. Чувства изливались въ стихотвореніяхъ, увы, всего чаще свидѣтельствовавшихъ о слабости литературнаго образованія, получавшагося въ морскомъ корпусѣ. Одинъ мичманъ прислалъ мнѣ для просмотра плодъ своей музы и патріотизма, начинавшійся такими фразами:

Вотъ смотрите, сослуживцы,
Гость къ намъ въ Балтику пришелъ,
Хочетъ видѣть, что за финцы (т. е. моряки Финскаго залива)
И отколь онъ произшелъ.

Между многими строфами была слѣдующая:

«Да взялъ ли ты себѣ въ разсчетъ,
Вѣдь князь-то съ нами Константинъ,
Онъ скажетъ намъ лишь: флотъ впередъ,
Тогда погибъ ты не одинъ».

Кончалось пророчествомъ, что непріятельскій флотъ будетъ винтиться на днѣ, хотя бы „наши кости разметаны были

въ море за вѣру, родину и царя“, хотя врагъ русской вѣрѣ и не угрожалъ. Полнѣйшая безграмотность шла какъ нельзя лучше объ руку съ презрѣніемъ къ Западу и его наукѣ и изобрѣтеніямъ.

Меня очень удивило это обращеніе къ моему стихотворному смыслу. Я хранила свои стихотворенія въ глубочайшей тайнѣ; мать моя, видѣвшая въ этомъ эксцентричность, не выдавала тайну эту никому и я не знала, что она выдала ее недавно ради исключительнаго случая. Смотръ императора Николая I вдохновилъ меня на нѣсколько строфъ патріотическаго восторга. Мать, посовѣтовавшись съ одной почтенной дамой, приказала каллиграфически переписать стихи для представленія ихъ государю. Тогда ходили слухи о стихахъ какого-то кадета одного изъ петербургскихъ корпусовъ; юношѣ были пожалованы часы. Для меня предвидѣлись сервизъ или брошь. Возмущенная до глубины души, я сожгла свое стихотвореніе. Отецъ все время домашнихъ волненій, поднятыхъ этимъ плодомъ моей музы, упорно молчалъ. Я понимала хорошо, что ему не по сердцу было это „выскакиваніе“. Такъ онъ отозвался черезъ много лѣтъ, когда мы какъ-то припомнили этотъ случай.

Въ концѣ поста морской телеграфъ далъ знать, что непріятельская эскадра показалась у Гохланда,—островъ въ Финскомъ заливѣ. Изумлялись быстротѣ, съ какою было пройдено по поперечной линіи Балтійское море. Новая вѣсть, *онъ* уже у Сескаря. Вѣсть эта грянула ударомъ грома. Сескарь небольшой островокъ, если не ошибаюсь, въ 80—90 миляхъ отъ Котлина. Наши передовые форты не были вооружены, а ледъ между Котлиномъ и фортами становился ненадежнымъ. Надо было перевозить бомбическія пушки, ядра, снаряды, припасы и гарнизонъ. Послѣдній могъ еще перебраться въ легковыхъ саняхъ или пѣшкомъ по-одиночкѣ. Форты были защищены только старыми пушками, крупный процентъ которыхъ былъ въ раковинахъ отъ ржавчины, и при этихъ орудіяхъ, безполезныхъ даже и въ хорошемъ состояніи, потому что били на сравнительно небольшое разстояніе, находился обычный комплектъ гарнизона, плохо обученнаго стрѣльбѣ. Не ожидали, чтобы *онъ* такъ изумительно быстро перенесся

изъ Нѣмецкаго моря подъ Сескарь. Отказывались вѣрить, но не вѣрить было невозможно.

Былъ отданъ приказъ немедля вооружить форты. Отдать было легко, но исполнить невозможно. Бурный южный вѣтеръ принесъ сильную оттепель и взломалъ ледъ между передовыми фортами и Кронштадтомъ. Однѣ спасительныя лодки могли съ большимъ трудомъ пробираться между льдинами до фортовъ и обратно. Въ городѣ стояла паника. Всѣ громко говорили, что, знай непріятель о нашей неисправности, онъ могъ бы атаковать и разгромить форты, взять Кронштадтъ и дорога къ столицѣ была бы открыта. Этотъ прискорбный фактъ не могутъ не помнить всѣ жившіе въ то время въ Кронштадтѣ. Онъ покажется невѣроятнымъ, но онъ былъ и я хорошо помню и пишу на основаніи воспоминаній и фактовъ, вполнѣ сознанныхъ въ то время. Вѣрность этихъ воспоминаній была подтверждена еще въ 70-хъ гг., когда мы познакомились съ сосѣдями нашими Андреевыми. Инженерный полковникъ Владиміръ Тихоновичъ Андреевъ вспоминалъ съ отцомъ моимъ все, что зналъ о защитѣ Кронштадта; и оба съ негодованіемъ упомянули о фактѣ—форты не были вооружены, и непріятельская эскадра была у Сескаря.

Спасла случайность. Между Сескаремъ и фортами сперлись массы льда и остановили непріятельскія суда, посланныя на развѣдку. Спасло еще болѣе то, что непріятелю, конечно, и не снилось, чтобы можно было *такъ* готовиться къ защитѣ. Если бы непріятель зналъ, то могъ бы прорѣзаться сквозь ледъ. Не нужно было цѣлаго флота, довольно было бы двухъ-трехъ броненосцевъ. Первые выстрѣлы, которыми бы обмѣнялись, показали бы недостаточность защиты и весь союзный флотъ успѣлъ бы нагрянуть прежде, чѣмъ у насъ успѣли бы вполнѣ вооружить форты. Я помню хорошо, какъ объ этомъ толковали люди опытные, видѣвшіе не одну войну. Отецъ заминалъ такіе разговоры, но не опровергалъ ихъ. „Если бы *онъ* зналъ“, говорили и ужасъ охватывалъ и говорившихъ и слышавшихъ. „Не узнаетъ“. Какъ узнать? „А что если измѣна?

Не думаю, чтобы существовало другое общество, въ которомъ бы такъ часто и такъ легкомысленно слышались обвиненія въ измѣнѣ. Обвиняли не однихъ поляковъ, нѣмцевъ,

финляндцевъ, обвиняли русскихъ и даже Менщикова окрестили Измѣнщиковымъ. Но что-же доказывала эта легкость обвиненій въ такомъ страшномъ преступленіи, какъ не ту бѣдность гражданскимъ чувствомъ, какъ не рабье безучастіе къ общему дѣлу, взрощенное вѣковою привычкою, что общественное дѣло не твое дѣло, а твое только повиноваться безъ разсужденій.

Молодежь давно роптала, что непріятель идетъ въ Балтійское, разсчитывала, сколько времени нужно пройти Каттегатъ, Балтику до Финскаго, а у насъ ничего не дѣлается въ Кронштадтѣ. Роптали и нижніе чины. Иногда я слышала толки на кухнѣ деньщиковъ, вѣстовыхъ и земляковъ-матросъ, приходившихъ къ нимъ въ гости. Конечно, было много нелѣпаго, миѳическихъ преувеличеній, но подо всѣмъ этимъ была правда—пониманіе того факта, что не дѣлалось то, что нужно; что не на кого надѣяться, кромѣ Бога, а что настоящаго человѣка въ начальствѣ нѣтъ.

Загражденіе сѣвернаго фарватера, т. е. рукава залива, отдѣляющаго сѣверный берегъ Котлина отъ Финляндіи, тянулось долго; примѣнялись разныя системы. Техническихъ подробностей, отличавшихъ эти системы, я не помню. В. Т. Андреевъ вспоминалъ о нѣкоторыхъ загражденіяхъ съ моимъ отцомъ и зло смѣялся. Помню, что хотѣли вести два мола навстрѣчу одинъ другому отъ Котлина и Сестрорѣцка и оставить проходъ, запертый шлюзами; но на это не было бы времени. Рѣшили запереть фарватеръ *баномъ*, т. е. узкимъ плотомъ изъ бревенъ, опущеннымъ на дно; и масса бревенъ была пущена по волнамъ Финскаго залива, потому что крѣпили ихъ экономическими способами, наполнявшими карманы инженеровъ. Потомъ принялись за стоившія громадныхъ суммъ подводныя мины въ плавучихъ ящикахъ; мины никакъ не хотѣли притаиться подъ водой, но то и дѣло всплывали, оторванныя отъ своихъ привязей, и на нихъ натыкались безобидныя чухонскія лайбы съ дровами и сѣномъ. Когда лѣтомъ 55 г. явились непріятельскія канонирскія лодки, то онѣ преблагополучно вылавливали эти мины.

Въ весну 1854 г. выпадала отцу моему очередь занять постъ командира внутренней брандвахты, т. е. брандвахты въ купеческой гавани. Въ то время должность эту занимали по очереди помощники капитана надъ портомъ. Ихъ было четверо. Командованіе дѣлилось на два срока: первый со дня вскрытія гавани ото льда по 1 августа и второй съ 1-го августа по заморозки, такъ что каждому помощнику приходилось командовать брандвахтой черезъ годъ. Эта должность всегда была яблокомъ раздора помощниковъ. Командованіе это считалось полукампаніей, потому что командиръ не имѣлъ права съѣхать на берегъ; шло половинное жалованье, столовыя и пайки на денщиковъ въ прибавку къ обычной нормѣ. Фавориты начальника подкапывались подъ товарищей, чтобы отбить очередь. Отцу моему, вслѣдствіе его плохихъ отношеній съ командиромъ надъ портомъ, смѣнявшимся послѣ контръ-адмирала Богдановича, котораго онъ уважалъ, постоянно подставляли ногу при брандвахтенной очереди. Брандвахта приносила другимъ хорошіе доходы за несоблюденіе Петровскаго регламента. Регламентъ предписывалъ строгую очередь при втягиваньи и вытягиваньи изъ гавани купеческихъ судовъ, при перетягиваньи ихъ изъ болѣе глубокихъ палъ [1]) въ болѣе мелкія или наоборотъ. Выгрузившіяся суда перетягиваются изъ болѣе глубокихъ палъ въ мелкія и обратно. Это перетягиванье беретъ трудъ и время и, при извѣстномъ направленіи вѣтра, капитанамъ судовъ было вдвое выгоднѣе отдѣлываться отъ этой процедуры. Для парусныхъ судовъ важно не упустить попутный вѣтеръ для выхода изъ гавани. Упущенный день можетъ стоить недѣли лавировки между финскими шхерами; запоздавъ, упустишь пассаты южныхъ океановъ. Эти потерянные дни значатъ много въ торговомъ мірѣ. Капитанъ опоздаетъ закупить товаръ, прежде чѣмъ товаръ поднимется въ цѣнѣ; или ранѣе другихъ доставитъ свой товаръ въ ту мѣстность, гдѣ онъ вздорожаетъ. Капитаны судовъ рады были пла-

---

[1]) Палы это родъ столбовъ изъ нѣсколькихъ скрѣпленныхъ желѣзными скобами бревенъ, за которыя крѣпились стоявшія въ гавани суда. Въ началѣ каждаго ряда палъ былъ выставленъ нумеръ соотвѣтственно большей или меньшей глубинѣ гавани. Болѣе глубокія палы находятся ближе къ купеческимъ воротамъ, менѣе—къ лѣсной биржѣ и молу.

тить капитанамъ брандвахты хорошіе куши за нарушеніе очереди.

Еще дѣвочкой лѣтъ 13 я хорошо поняла процессъ перетягиванья изъ однихъ палъ въ другія и важность спѣшнаго выхода изъ гавани. При брандвахтѣ былъ переводчикъ англичанинъ, хорошо знавшій французскій и нѣмецкій языки. Найдя мои познанія въ этихъ языкахъ удовлетворительными, онъ, завидя издали, что мы идемъ къ отцу, отпрашивался въ городъ, и я исполняла должность переводчика. Отецъ зналъ техническіе термины на этихъ языкахъ и переводчикъ тоже познакомилъ меня съ ними. Дѣло шло сносно и жалобъ не было на невѣрность перевода. Бывали, впрочемъ, очень огорчительные случаи, когда капитаны англійскихъ кораблей говорили съ сильнымъ ирландскимъ или валійскимъ акцентомъ, а французскихъ—провансальскимъ. Одинъ апоплектическій марселецъ раскричался, сочтя насмѣшкой, что дѣвочка за переводчика, и никакъ не хотѣлъ понять, что по воскресеньямъ переводчикъ можетъ отдохнуть. Къ моему утѣшенію, на другой день и самъ переводчикъ не понялъ его скороговорки, пересыпанной восклицаніями per Diou, и капитану пришлось еще разъ придти съ другимъ марсельцемъ, чисто говорившимъ по-французски.

На очередь весны 54 г. не явилось охотниковъ интригами отбивать должность командира внутренней брандвахты. „Купцовъ“ не ждали, а съ должностью этою въ военное время была связана непріятная отвѣтственность и даже нѣкоторый рискъ. Мы были встревожены этою очередью отца, несмотря на непоколебимое убѣжденіе въ томъ, что Кронштадтъ сѣверный Гибралтаръ, если будетъ исправно вооруженъ. Оплошность съ передовыми фортами была такъ свѣжа въ памяти, и мы со стѣнки видѣли, какъ ее спѣшили исправить: тяжелые боты и небольшіе военные пароходы, съ тяжелымъ военнымъ грузомъ, то и дѣло проходили по рейду, направляясь отъ военной гавани къ фортамъ и разбивая ледяныя глыбы, которыя носились сплошными массами.

Въ обычное время переѣздъ отца на брандвахту доставлялъ намъ удовольствіе ,ходить къ нему въ гости и по нѣскольку дней иногда проводить у него. Брандвахта была выстроена на манеръ пароходныхъ пристаней, только просторнѣе. На-

верху въ домикѣ, поставленномъ на палубѣ, находились контора и помѣщенія капитана, его помощника, лейтенанта, начальника роты матросовъ, прикомандированной къ брандвахтѣ, доктора, переводчика. Корридоръ перерѣзывалъ домикъ на двѣ половины; лѣстница изъ корридора спускалась внизъ въ трюмъ, гдѣ помѣщалась команда; другая винтовая вела вверхъ въ крошечный бельведеръ на крышѣ, весь въ окнахъ, откуда такъ хорошо было любоваться моремъ. Толстѣйшіе швартовы изъ нѣсколькихъ скрученныхъ канатовъ, обернутыхъ досками и сверхъ досокъ обвитыхъ веревками, прикрѣпляли брандвахту къ столбамъ на стѣнкѣ, за которою плескалось въ тихую погоду и яростно било въ бурную свинцовое море, т. е. волны Финскаго залива. Позади къ брандвахтѣ былъ прикрѣпленъ большой плотъ—плашкоутъ, къ которому привязывались катеры, шлюпки. Брандвахта стояла у самыхъ купеческихъ воротъ, рядомъ съ нею таможенная брандвахта, а въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нея, на отмели въ углу, гдѣ стѣнка поворачивала къ городскимъ стѣнамъ, стоялъ караульный домъ для гарнизонныхъ солдатъ. Раннею весною, когда еще стоялъ чувствительный холодъ, и позднею осенью, когда невозможно было жить на брандвахтѣ, капитанъ и команда тѣснились въ караульномъ домѣ, пропитанномъ смрадомъ отъ махорки, угара, плѣсени, гнилой капусты и однородныхъ ароматовъ. Въ караульномъ-же домѣ помѣщались кухни для варки обѣда команды брандвахты, и капитанамъ и командѣ купеческихъ судовъ. Отцу, какъ и офицерамъ брандвахты, носили обѣды изъ дома.

Разводить огонь на судахъ въ гавани было строго воспрещено. Позволялось только зажигать фонари и то до вечерней зари. Въ случаѣ крайней необходимости, напримѣръ болѣзни, держать огонь разрѣшалось за подписью капитана брандвахты. Иногда болѣзнь жены и дѣтей была предлогомъ и капитанъ пользовался огнемъ для ночной работы на суднѣ, спѣша уйти въ море. Послѣ пробитія зари офицеры брандвахты ѣздили на шлюпкахъ дозоромъ ловить неразрѣшенные огни, или огни, зажженные безъ предписанныхъ предосторожностей, т. е. не въ подсвѣчникахъ съ глубокими тазиками, въ которые наливалась вода. Ловля требовала большой ловкости; капитаны, зажегшіе огонь безъ разрѣшенія, тщательно укрывали люки,

порты, всѣ скважины, откуда могъ пробиться лучъ, ставили часовыхъ, которые услышали бы неосторожный плескъ веселъ. Ловля была выгодна, офицеръ получалъ 50 р. изъ 200 р. штрафа, команда тоже извѣстный процентъ въ артель. Львиная доля по Петровскому регламенту шла на благотворительныя учрежденія, и кронштадтскій сиротскій домъ сполна получалъ ее, когда ее представляли. Капитанамъ-пьяницамъ, съ распущенной командой отецъ отказывалъ въ разрѣшеніи держать ночью огонь. Иногда было выгодно заплатить штрафъ и ночной работой ускорить выходъ въ море. Пойманный ночью капитанъ утромъ являлся въ контору, иногда съ женой и дѣтьми. Выходили тяжелыя сцены. На купеческихъ судахъ съ семьями жилъ народъ небогатый; платить приходилось изъ своего кармана, не хозяйскаго, и 200 руб. была суммою тяжелой для тощаго кошелька. Отецъ, если ему случалось самому словить незаконный огонь, могъ только простить свою долю. Бывало, что офицеръ и гребцы, поймавшіе огонь, разжалобясь плачемъ жены и дѣтей, прощали свои доли.

Въ концѣ кампаніи, когда очередь выпадала на осень (и здѣсь шла очередь: одинъ годъ весенній срокъ, черезъ годъ осенній) и длинные темные вечера представляли такое сильное искушеніе незаконно жечь огонь, отецъ, представивъ въ канцелярію главнаго командира сумму въ четыре цифры для благотворительныхъ учрежденій, поднялъ цѣлую „исторію“. Изъ канцеляріи былъ сдѣланъ запросъ о назначеніи этой суммы, пошли разъясненія, переписка. Другіе помощники озлились на выскочку Ц., который ихъ скомпрометировалъ. Осталась довольна жена главнаго командира, патронесса сиротскаго дома, тѣмъ болѣе, что теперь пришлось ежегодно получать извѣстный доходъ.

Кромѣ обязанности наблюдать за порядкомъ въ купеческой гавани, на капитанѣ брандвахты лежала другая, полицейская, очень тяжелая для отца. Капитанъ долженъ былъ слѣдить за тѣмъ, чтобы черезъ границу не проникали „злонамѣренные люди“, какъ было сказано въ одной толстой алфавитной книгѣ, возбуждавшей съ дѣтства мое любопытство. Книга эта хранилась подъ замкомъ въ ящикѣ письменнаго стола отца и вынималась оттуда въ дни прихода заграничныхъ пароходовъ, которые тогда останавливались у купеческой стѣнки противъ

таможни. Въ эти дни изъ Петербурга пріѣзжалъ чиновникъ съ портфелемъ. Отецъ встрѣчалъ его съ насильственною вѣжливостью и затаенною брезгливостью. Я не разъ замѣчала, какъ послѣ пожатія руки его отецъ безсознательно украдкой теръ свою о полу сюртука. Чиновники иногда смѣнялись, но, несмотря на рознь паспортныхъ примѣтъ, общій характеръ ихъ былъ тотъ-же: несимпатичный, ехидный, лукавый, при вкрадчивой и мягкой манерѣ. Вводя чиновника въ свой кабинетъ, отецъ высылалъ насъ на стѣнку; но и со стѣнки я могла въ окно брандвахты видѣть, какъ отецъ доставалъ свой гроссъ-бухъ, чиновникъ бумаги изъ портфеля и оба, углубясь въ чтеніе, сличали бумаги съ гроссъ-бухомъ, дѣлали замѣтки. Потомъ чиновникъ шелъ на стѣнку съ беззаботнымъ видомъ бродить среди гулявшей публики, ожидавшей прибытія парохода.

Изрѣдка я видѣла, какъ въ таможенную брандвахту вели прибывшаго пассажира жандармы и этотъ пріѣзжій изъ Петербурга чиновникъ. Сначала я думала, что словили контрабандиста. Контрабанда была дѣломъ привычнымъ и я часто видѣла, какъ толстые мужчины и женщины, которыхъ уводили въ таможню, выходили оттуда значительно похудѣвшими, красными и злыми, но этихъ жертвъ въ контору сопровождали ликующіе таможенные чиновники и солдаты, и потомъ со смѣхомъ выпускали ихъ, разсказывая презабавные анекдоты о находкѣ контрабанды. Таможенные чины не провожали того, кого провожалъ петербургскій чиновникъ, и сопровождаемый выходилъ изъ таможенной конторы для того, чтобы подъ арестомъ дойти до конторы брандвахты, гдѣ его личность снова свидѣтельствовали уже при командирѣ брандвахты и затѣмъ его на катерѣ, съ солдатами при ружьяхъ, препровождали въ канцелярію главнаго командира. Я могла только издали видѣть понурую голову, блѣдное лицо. Разъ всего, когда я на плоту болтала съ однимъ негромъ-гребцомъ какой-то иностранной шлюпки, мнѣ удалось вблизи разглядѣть лицо одного такого арестанта. По трапу къ плоту, подъ конвоемъ, спускался человѣкъ средняго роста, блѣдный, съ нерусскимъ лицомъ. Дня два-три потомъ мнѣ стоило закрыть глаза и я, какъ живое, видѣла это лицо съ выраженіемъ отчаянья и злобы. Когда я много лѣтъ спустя увидѣла на картинѣ за-

травленнаго волка, я вспомнила арестанта, спускавшагося по трапу къ катеру, который увозилъ его—куда?—я этого не знала, но я чуяла что-то страшное.

Вскорѣ потомъ учительница англичанка принесла мнѣ Байроновскую трагедію „Фоскари", а отецъ изъ клубной библіотеки принесъ матери Куперовскіе романы во французскомъ переводѣ. Я прочла и трагедію Байрона и романъ Купера „Браво"— и таинственные ужасающіе призраки приняли миѳически-историческую форму чего-то вродѣ Совѣта Десяти.

Однако, я не связывала таинственную и тщательно запираемую отцомъ на ключъ книгу съ этими призраками, хотя смутно поняла связь ея съ арестами, видѣнными на брандвахтѣ. Только, когда мнѣ минуло 14 лѣтъ, случай помогъ мнѣ удовлетворить любопытство, которое съ 10 лѣтъ ровно черезъ годъ терзало меня, когда приходила очередь отца быть на брандвахтѣ. Отецъ, получивъ изъ Петербурга съ курьеромъ секретную бумагу, хмурый и съ видомъ человѣка, исполняющаго тягостный долгъ, досталъ книгу изъ ящика и принялся перелистывать ее, ища нужную букву на поляхъ. Вдругъ дверь широко распахнулась и почти ворвался въ комнату, забывъ всякую выправку, предписанную дисциплиной, дежурный унтеръ съ крикомъ: пожаръ, ваше высокоблагородіе, караульный домъ горитъ!—Въ караульномъ домѣ былъ складъ пороха. Отецъ, машинально схвативъ лежавшую подъ рукой фуражку, опрометью кинулся бѣжать къ караульному дому. Таинственная книга осталась раскрытой на столѣ; отецъ только на ходу успѣлъ засунуть въ карманъ полученную бумагу. Я кинулась къ книгѣ и принялась читать. На заглавномъ листкѣ значилось: списокъ лицъ, въѣздъ которымъ запрещенъ въ Россію. Въ алфавитномъ спискѣ я сначала читала имена французскія, нѣмецкія, польскія—ихъ было больше, даже итальянскія, мужскія и женскія, и паспортные примѣты, и краткое изложеніе причины запрещенія въѣзда; при иныхъ была отмѣтка о вторичной высылкѣ. Женщины, болѣе француженки, оказались высланными за предосудительное и развратное поведеніе, за раздоръ, внесенный въ семью, и разореніе молодыхъ людей. Мужчины большею частью за мошенничество, шуллерство; нѣкоторыя женщины за пособничество мошенничеству и шуллерству. Попадались имена иностранцевъ, отмѣченныя

остракизмомъ не за мошенничество и развратъ, а за вредный образъ мыслей, за связи съ злонамѣренными людьми. Наконецъ, не вѣря глазамъ, хватаясь за бьющіеся виски, замирая отъ ужаса, я прочла два-три русскія имени. Да—въ графѣ стояло: русскій, православный. Я пересмотрѣла три четверти книги и не слышала, какъ вернулся отецъ. Я почувствовала его руку на моемъ плечѣ. „Слышишь, никогда, ни живой душѣ о томъ, что ты здѣсь читала". Тонъ и выраженіе лица были грозны, но то не была ожидаемая гроза за неповиновеніе, за постыдное любопытство; впрочемъ, страхъ этой грозы утонулъ въ охватившемъ меня ужасѣ отъ прочитаннаго.

Несмотря на то, что въ весну 54 г. не приходили заграничные пароходы, толстая книга нерѣдко появлялась на столѣ отца. Ходили слухи, что непріятельскіе шпіоны могли пробраться на чухонскихъ лайбахъ и немногихъ мелкихъ судахъ, приходившихъ изъ Финляндіи, лавируя между прибрежными шхерами. Въ числѣ шпіоновъ могли быть и лица, отмѣченныя остракизмомъ.

ГЛАВА IV.

Опустѣніе купеческой гавани.—Морскіе головорѣзы.—Первая тревога.—Приготовленія къ „брандеру".—Благополучная экспедиція.—Въ Ораніенбаумѣ.—Нелѣпые толки петербуржцевъ.—Карты Кронштадта и англичанинъ Симпсонъ.

Въ эту весну отецъ былъ обязанъ выѣзжать навстрѣчу приходившимъ судамъ и дѣлать имъ тщательный осмотръ. Опасались, что непріятель пришлетъ брандеры сжечь гавань. Эта новая обязанность была серьезной и опасной въ случаѣ, если бы непріятелю удалось обмануть бдительность военной брандвахты, стоявшей у входа на рейдъ.

Уныло и пустынно смотрѣла въ эту весну купеческая гавань. Не было рядовъ судовъ всѣхъ размѣровъ, цвѣтовъ со статуями или разными фигурами на носу; не было лѣса мачтъ, опутаннаго сѣтью снастей, скрывавшаго городскую стѣну, лѣсную биржу, перерѣзанную канавами, черезъ которыя были перекинуты высокіе мосты съ широкими лѣстницами для пѣшеходовъ, большой зеленый каменный домъ таможни и тяжелое

зданіе штурманскаго корпуса съ павильономъ для обсерваторіи на крышѣ, царскій прудъ, выкопанный, какъ говорило преданіе, съ баснословной быстротой Петромъ I, среднюю и за ней военную гавань, гдѣ въ унизительномъ бездѣйствіи стояли корабли, фрегаты, бриги, корветы. Въ былые годы на судахъ кипѣла жизнь; они вооружались—правда, большею частью для того, чтобы „качаться въ Балтикѣ“. Теперь позорно прятались, дозволяя непріятельскому флоту хозяйничать въ своемъ морѣ. Кое-гдѣ среди палъ, выступавшихъ правильными рядами, на пустынномъ водномъ пространствѣ чернѣли три-четыре судна, зазимовавшихъ въ гавани и теперь спѣшившихъ нагрузиться и уйти, да съ дюжину лайбъ съ сѣномъ, дровами и лѣсомъ, и столько-же барокъ, привозившихъ муку изъ Россіи, съ разныхъ сторонъ по разнымъ каналамъ. Въ гавани стояло мертвое безмолвіе. Суда не перетягивались изъ однихъ палъ въ другія, не входили въ гавань, не вытягивались въ море. Не слышно было криковъ капитановъ и штурмановъ, ни мѣрнаго, пѣвучаго выкрикиванія: гей-го, алло! съ которымъ матросы ходили около штиля. Гавань не оглашалась русскими криками нагрузчиковъ: разъ, два, три, бери. Не видно было нарядныхъ шлюпокъ, которыя прежде сновали во всѣхъ направленіяхъ по улицамъ и переулкамъ палъ, какъ гондолы въ каналахъ Венеціи, то привозя къ брандвахтѣ, то увозя „каптеновъ“; ни чумазыхъ лодочниковъ, сновавшихъ между палами и караульнымъ домомъ, на которыхъ, стоя на кормѣ, гребъ закоптѣлый съ головы до ногъ *кокъ*, т. е. поваръ, а на днѣ чернѣлъ огромный котелъ и возлѣ него стояла корзина съ припасами. Прежде бывало въ купеческихъ воротахъ кипѣла жизнь, на которую приходила посмотрѣть городская публика. Развѣвались флаги, раздавались пѣсни на приходившихъ и выходившихъ судахъ. Пестрая смѣсь одеждъ и лицъ, принадлежавшихъ чуть не всѣмъ націямъ кавказской расы, и даже африканской, и помѣси бѣлолицыхъ съ краснокожими, не тѣшила болѣе любопытство. Проходъ въ воротахъ былъ всегда чистъ. Капитану брандвахты не нужно было бѣжать на стѣнку, какъ бывало „въ развалъ“, смотрѣть, чтобы встрѣчавшіяся въ воротахъ суда не навалили на уголъ стѣнки, не поломали бы казенную собственность или другъ друга, что вело всегда непріятныя разбирательства дѣла, а иногда тяжбы съ экспертами.

Запустѣніе гавани наводило тоску, поднимало желчь, унижало народную гордость. Къ намъ не пустили купцовъ, чужой флотъ хозяйничаетъ въ нашемъ морѣ,—вотъ что говорило запустѣніе это и моряки больнѣе и горьчѣе, чѣмъ другіе, чувствовали все, что было гнетуще-оскорбительнаго въ сознаніи такого униженія. Громъ побѣдъ, полицмейстерство Европы — вотъ въ чемъ заключалось для насъ въ ту пору національное величие и достоинство и честь русскаго имени.

Прежде гавань была любимымъ мѣстомъ гулянья публики, особенно въ праздничные дни. И аристократія, и буржуазія Кронштадта, и матросы, унтера, ремесленники съ семьями отправлялись на стѣнку, посмотрѣть на море и корабли. Теперь только офицеры и семьи служащихъ на брандвахтѣ имѣли доступъ въ гавань. Мертвое однообразіе нарушалось только катаньемъ на шлюпкахъ молодежи, которая такъ коротала досуги отъ постылыхъ „земляныхъ" работъ, т. е. устройства укрѣпленій на косѣ.

Смѣльчаки катались на лыжахъ. Лыжи эти отецъ звалъ душегубками. Скамеечка, поставленная на два бруска, обтесанные на подобіе игрушечной лодки—вотъ и весь снарядъ. На немъ гребли, сидя или стоя, весломъ съ лопастью на каждомъ концѣ, держа его по серединѣ, какъ въ старину акробаты свой шестъ. Катанье на лыжахъ было любимой забавой мичмановъ, которые показывали свою удаль, выгребая въ воротахъ гавани, гдѣ и при тихой погодѣ качало и сносило отъ напиравшаго теченія, а въ легкій вѣтеръ стояла „толчея". Самымъ шикомъ считалось проѣхаться въ зыбь, оставшуюся послѣ вѣтра, или покачаться въ струѣ вслѣдъ за проходившимъ судномъ. Отецъ мой строго запрещалъ шалости въ воротахъ, напоминалъ о регламентѣ Петра I, предписывавшемъ, чтобы въ воротахъ былъ чистъ проходъ. Какой-нибудь удалецъ, балансируя весломъ, направляется къ запретному раю воротъ. Завидя преступника, отецъ бѣжитъ на стѣнку и отечески кричитъ: „Молодой человѣкъ, назадъ! Въ ворота запрещено.„Молодой человѣкъ вскинетъ на мигъ голову и плыветъ дальше. „Подумайте о вашей маменькѣ, въ воротахъ опасно", патетически взываетъ отецъ. Ни гласа, ни послушанія; а „толчея" близка. Вслѣдъ удальцу гремитъ начальническая команда: „Г. мичманъ, приказываю вамъ вер-

Женихъ выбираетъ серги невѣстѣ — А. Иванова.

нуться". Но и команда такъ-же плохо дѣйствуетъ, какъ патетическое воззваніе. Пловецъ перегибается, извивается по всѣмъ радіусамъ розы вѣтровъ, сохраняя равновѣсіе въ толчеѣ. Глядя на него, духъ замираетъ. Онъ того и гляди опрокинется, а это смерть, если не удастся высвободить ноги изъ-подъ скобъ. прибитыхъ для упора. Тогда со стѣнки несутся настоящіе громы. „Назадъ! Пошлю шлюпку арестовать! Подъ судъ! Эй, дежурный! Двойку!" Въ мгновеніе ока двойка отвязана отъ плота и гребетъ къ воротамъ. Пловецъ сердито поворачивается, ворча что-то, но ни одинъ звукъ не долетаетъ до стѣнки. „Ворчи, ворчи, братецъ", говоритъ успокоившійся отецъ: „Умнѣе будешь, спасибо скажешь. Шлюпка, назадъ". Когда пловецъ оказывался плохимъ, шлюпка вылавливала его и потомъ уже доставляла на стѣнку. Хмурый, злой и сконфуженный юноша, оставивъ лыжи у плота, являлся просить отца не поднимать дѣла. Смотря по числу винъ такого рода, отецъ болѣе или менѣе давалъ себя упрашивать и прощалъ съ такимъ напутствіемъ: „Вы-то себѣ злитесь, а родители ваши скажутъ мнѣ спасибо". И не разъ родители горячо благодарили отца за то, что поберегъ сына. Случалось, что, разстроенный какими-нибудь подлостями по службѣ, отецъ выходилъ изъ себя и кричалъ: безумецъ, сумасшедшій. Потомъ онъ извинялся передъ родителями. „И, батюшка, К. Р., отвѣчалъ ему отецъ одного юноши.—Да если бы вы моего дурака скотиной безмозглой обозвали, такъ онъ того и стоилъ". „Дуракъ", весь красный, стоялъ тутъ-же и, конечно, держался иного мнѣнія, но не возражалъ. Такова была патріархальность нравовъ того времени.

Молодежь во всѣ времена и всѣхъ народовъ любитъ опасныя шутки; нуженъ исходъ кипучести силъ; и плоха та молодежь, которую не притягиваетъ игра опасностями. Но въ русской удали уже черезчуръ было много безшабашности, уже слишкомъ громко говорила она: жизнь копѣйка, чего жалѣть, ставь копѣйку ребромъ. Ожиданіе войны подняло нервы и копѣйка ставилась еще чаще ребромъ; имъ теперь въ пустой гавани катанье на лыжахъ было удобнѣе, чѣмъ въ улицахъ и переулкахъ палъ, гдѣ, проѣзжая на шлюпкѣ, приходилось то и дѣло поднимать и передавать надъ головой канаты, которыми крѣпились суда. Теперь отецъ, вмѣсто

патетическихъ воззваній вспомнить о родителяхъ, съ строгимъ укоромъ кричалъ: „Г. мичманъ, теперь не время рисковать жизнью изъ-за вздора". И если увѣщаніе не дѣйствовало, то вслѣдъ юношѣ гремѣло: „Это государственная измѣна! Жизнь ваша не принадлежитъ вамъ". Это заставляло удальца покорно вернуться; но все-таки онъ не избѣгалъ строгаго поученія о долгѣ русскаго офицера въ пору войны и цитатъ изъ морского регламента Петра I.

Подъ вечеръ очень свѣжаго апрѣльскаго дня, когда мы гостили на брандвахтѣ, явился сигнальный унтеръ съ рапортомъ, что военная брандвахта остановила купца, который шелъ подъ нѣмецкимъ флагомъ. Отецъ приказалъ лейтенанту готовить катеръ и взять отборную команду, а намъ приказалъ не выходить изъ комнаты. Онъ ушелъ переодѣться въ крошечную каморку, служившую ему спальней. Я слышала, какъ щелкнулъ курокъ. Отецъ пробовалъ пистолетъ, который нѣсколько дней тому назадъ принесъ ему лейтенантъ, ѣздившій въ арсеналъ за оружіемъ.

Я не могла выдержать долѣе и побѣжала внизъ на плотъ. Готовили самый большой 16-весельный катеръ. Матросы таскали изъ трюма брандвахты ружья, какіе-то особенно большіе крючья съ необычайно длинными древками и длинныя неуклюжія пики, съ остріями, покрытыми ржавчиной, которая не уступала никакой чисткѣ. Я часто видѣла, какъ люди выбивались изъ силъ, чистя эти пики на плоту, чтобы придать острію блескъ штыковъ—и напрасно. Я спросила унтера, который зоркимъ взглядомъ изъ-подъ хмурыхъ бровей слѣдилъ за приготовленіями: къ чему такое множество и такихъ особенныхъ крюковъ. Всегда угодливо вѣжливый къ дочери начальника, унтеръ теперь только молча покосился на меня. Одинъ матросъ, опуская пику на указанное мѣсто посреди катера вдоль его и поперекъ скамей гребцовъ, задѣлъ концомъ за желѣзную уключину и отломанный конецъ пики, звеня, упалъ на плотъ. Матросы значительно переглянулись. Одинъ помоложе замѣтилъ, какъ-же имъ драться съ такими пиками. „Поговори у меня", крикнулъ унтеръ. „Прикажуть—и помеломъ дерись", замѣтилъ старый матросъ съ медалью за войну

28 г. „Поври у меня“, еще грознѣе крикнулъ унтеръ, и потомъ объявилъ, что они ѣдутъ не драться, а осмотрѣть купеческое судно, а оружіе берутъ, потому форма—военное время.

Прибѣжали гребцы, одѣтые въ парадныя матросскія фланелевыя рубашки; у иныхъ подъ разстегнутымъ воротомъ виднѣлись чистыя бѣлыя рубахи. Кромѣ гребцовъ было нѣсколько человѣкъ матросовъ въ мундирахъ съ ружьями. Подходилъ изъ караульнаго дома взводъ артиллерійскихъ солдатъ съ унтеромъ. Всѣ косились на меня и взгляды ихъ ясно говорили: ты здѣсь зачѣмъ, бабамъ здѣсь не мѣсто,—хотя я стояла въ сторонѣ на самомъ краю плота. Скорыми шагами спустился по трапу лейтенантъ, осмотрѣлъ оружіе, положенное правильною грядою посрединѣ катера, приказалъ захватить, сколько было въ командѣ, топоровъ и, криво усмѣхнувшись на крючья и пики, приказалъ все закрыть брезентомъ, такъ, чтобы не было замѣтно, но чтобы можно было по командѣ тотчасъ взять каждому свое—гребцамъ крючья. „Чтобы все было исправно и всѣ слушались команды“, прибавилъ онъ. Ему отвѣтило заглушенное: рады стараться, ваше благородіе! Кто-то изъ матросовъ прибавилъ: „Только, если его не зацѣпишь ржавыми крючьями, не мы въ отвѣтѣ будемъ, ваше благородіе“.

[illegible], что необычайно длинные крючья—абордажные [illegible], и пики, и ружья, и топоры, захвачены [illegible] судно подъ нѣмецкимъ флагомъ окажется [illegible] брандеръ, непріятель задержитъ отца, [illegible] будетъ отбиваться. Крючья ржавые, пики ломались [illegible]. Ружья команды и пистолеты офице[illegible] [illegible]. Я [illegible], какъ послѣ пріема ихъ офицеръ [illegible], что [illegible] опасно дѣлать нѣсколько выстрѣловъ сряду. [illegible] отецъ, какъ будутъ всѣ они защищаться, если брандеръ? Всѣ шли на вѣрную смерть. Я знала, что, и при хорошемъ вооруженіи команды, на брандерѣ рискъ несравненно больше—чѣмъ при атакѣ простого судна; но я не знала, что приказаніе *не впускать брандеръ* означало, въ случаѣ крайности взорвать его на воздухъ, и думала, что вся задача заключалась въ томъ, чтобы обезоружить команду брандера и затопить его. Человѣкъ 30 команды, считая гребцовъ и артиллеристовъ. Что значила эта горсть? Я не знала,

что въ военной гавани пароходъ, бывшій всегда наготовѣ, разводилъ пары, а на военной брандвахтѣ были спущены на воду всѣ шлюпки и пушки были наготовѣ.

Отецъ вышелъ изъ дверей брандвахты хмурый, какимъ онъ былъ всегда съ объявленія войны, и какъ-то особенно спокойный. Онъ никогда еще не „нюхалъ“ пороха, несмотря на медаль за турецкую войну. Отвернувшись къ слѣдовавшему за нимъ баталеру, онъ приказалъ держать наготовѣ второй катеръ и всѣ шлюпки и ждать сигнала. Въ окнѣ брандвахты онъ увидѣлъ блѣдныя заплаканныя лица матери и сестры и махнулъ рукой, чтобы онѣ отошли отъ окна. Спускаясь по трапу на плотъ, онъ увидѣлъ меня и взглядомъ пригвоздилъ меня къ мѣсту, опасаясь сцены прощанья. Но я прощалась съ нимъ только взглядомъ. Опросивъ, все-ли исправно, отецъ замѣтилъ лейтенанту, что онъ напрасно приказалъ людямъ прятаться подъ банки (лавки гребцовъ). И со дна катера поднялись десятки головъ. Артиллеристамъ было приказано положить ружья, такъ чтобъ были подъ рукой. Отецъ, пытливо оглядѣвъ хмурыя лица команды, сѣлъ въ катеръ и, снявъ фуражку, перекрестился. „Съ Богомъ, ребята“. И тонъ, какимъ были сказаны эти два слова, подѣйствовалъ электрической искрой. Хмурыя лица разгладились. Недовольство, злую насмѣшку, которую я подмѣтила, когда сломалась пика— какъ рукой сняло. Простая серьезная дѣловитость—вотъ что я прочла на лицахъ команды вмѣсто торжественности геройства, какую ожидала видѣть.

Катеръ отвалилъ. Выбѣжавъ на стѣнку, я слѣдила, какъ онъ прошелъ ворота, и слышала приказъ отца унтеру держаться подъ прикрытіемъ фортовъ, чтобы иностранное судно не замѣтило; а когда выходить изъ-за фортовъ, то, чтобы вся команда кромѣ гребцовъ попряталась. Катеръ скрылся изъ вида и потянулись нескончаемыя минуты мучительнаго ожиданія. Мать послала вѣстового къ сигнальному унтеру съ приказаніемъ ждать на стѣнкѣ и сейчасъ прибѣжать сказать, какъ только увидятъ, что катеръ идетъ обратно. На углу, гдѣ стѣнка поворачивала къ городу, была устроена высокая платформа съ мачтой для сигнальныхъ флаговъ. Входъ на платформу былъ строго запрещенъ. Иногда отецъ водилъ насъ туда полюбоваться моремъ. Отсюда открывался великолѣпный видъ

на море. Прошли два часа ожиданія, тревоги. Не было силъ ждать на брандвахтѣ, сложа руки. Мы то и дѣло ходили къ платформѣ, вызывали на лѣстницу деньщика, просили сигнальнаго почаще смотрѣть въ трубу, не прозѣвать. Сигнальный, наклонясь къ намъ сверху лѣстницы, съ доброй улыбкой увѣрялъ, что катеръ еще не могъ дойти и до военной брандвахты. Черезъ три часа, когда измученная мать легла въ постель отъ сильной головной боли, прибѣжалъ вѣстовой, еще издали крича: катеръ идетъ въ гавань и его высокоблагородіе на катерѣ и все благополучно. Отецъ живъ, не захваченъ въ плѣнъ! Вернувшійся отецъ разсказалъ, что вышла пустая тревога. Предполагаемый брандеръ оказался нѣмецкимъ купцомъ, который не соблюлъ какія-то формальности, подходя къ рейду. Притомъ купцу удалось, ловко лавируя и пользуясь туманомъ, проскользнуть подъ самымъ носомъ непріятельской эскадры. Это показалось подозрительнымъ командиру военной брандвахты. Пароходъ, вскорѣ послѣ ухода брандвахтеннаго катера, вышедшій изъ военной гавани и остановившійся за фортами, возвращался обратно и проходилъ мимо купеческихъ воротъ. Горнистъ трубилъ вечернюю зорю. Грянула зоревая пушка, завели бономъ ворота гавани и тревожный день кончился.

Эти два-три часа тревоги остались памятными на всю жизнь. Къ естественной тревогѣ дочери за отца примѣшивалось чувство глубокой обиды и горестнаго изумленія и не за одного отца, а тоже за этихъ матросовъ и солдатъ, которые такъ просто шли, быть можетъ, на вѣрную смерть, зная, что оружіе плохо.

Отецъ на другой день строго окрикнулъ лейтенанта, который замѣтилъ, что, будь это судно брандеръ, то всѣмъ имъ пришлось бы плохо, и на абордажъ бы и не пойти съ такими крючьями. Онъ вспомнилъ объ этой экспедиціи только подъ старость, когда его въ 1876 г. разбилъ параличъ, оставившій голову свѣжей. Естественно, что воспоминаніе объ этомъ фактѣ не могло не оставить въ душѣ такого патріота слѣда горечи.

Лѣто 1854 г. мы проводили въ Ораніенбаумѣ, нанявъ дачу контръ-адмирала Анжу. Въ слободѣ на Котлинѣ было запрещено селиться дачникамъ. Половина мая прошла, не принеся ничего, кромѣ вѣстей о захваченныхъ непріятелемъ лайбахъ Царская фамилія часто пріѣзжала изъ Краснаго Села въ Пе-

тергофъ. Гвардейскіе полки двигались, подпимая столбы пыли по шоссе, идя стать лагеремъ въ прибрежныхъ деревняхъ за Красной Горкой. Развѣвались знамена, гремѣла музыка, лихо крутился приплясывая запѣвало съ тарелками и далеко разносилась съ гиканьемъ молодеческая пѣсня. Изрѣдка мы ѣздили въ Петергофъ на музыку, слышали оглушительное ура при проѣздѣ императора—все это поднимало нервы. Слыша это солдатское ура, вѣрилось мнѣ, что, какъ ни темно настоящее, какъ ни мрачны предчувствія исхода войны, врагъ все-таки не завладѣетъ ни пядью русской земли.

Въ петербургскомъ обществѣ ходили самые смутные слухи о Кронштадтѣ и защитѣ, обличавшіе его невѣжество и позорное равнодушіе. Сколько мнѣ приходилось судить по слѣдующему факту и по слухамъ, въ Петербургѣ, т. е. въ нѣкоторыхъ чиновныхъ и военныхъ кружкахъ, не имѣли никакого понятія о положеніи Кронштадта и фортовъ, а Кронштадтъ всего въ 25 верстахъ по прямой линіи моремъ отъ Петербурга, два часа пути на тройкѣ по льду и 1½ часа пароходомъ. Въ половинѣ мая, если не ошибаюсь, непріятельскій флотъ появился у Красной Горки—прибрежная возвышенность за нѣсколько верстъ отъ Ораніенбаума. Сестра моя, болѣзненная и слабосильная дѣвочка-подростокъ, чуть не занемогла отъ страха и ее отправили въ Петербургъ къ теткѣ Н. Р. Алимпьевой на дачу на Черную Рѣчку. Сопровождая по утрамъ тетку на излеровскія минеральныя воды и на музыку по вечерамъ, она наслушалась такихъ ужасовъ о военныхъ дѣйствіяхъ непріятельскаго флота, что не слегла только потому, что, хорошо зная положеніе Кронштадта и фортовъ, понимала всю нелѣпость слуховъ, ходившихъ въ многочисленной публикѣ. Не однѣ дамы, но и солидные чиновники, университетски образованные люди и немногіе офицеры разныхъ родовъ оружія разсказывали, напримѣръ, какъ непреложно вѣрный фактъ, что фортъ Менщиковъ разрушенъ, камня на камнѣ не осталось. Тетка, бывавшая не разъ на брандвахтѣ у отца и помнившая, что фортъ Менщиковъ всего въ немногихъ десяткахъ саженъ отъ купеческихъ воротъ, встревожилась и за брата, и за племянницу, которую ей довѣрили, и просила не испугать сестру мою такимъ извѣстіемъ. Но сестра уже слышала и это въ такихъ подробностяхъ, что фортъ Менщиковъ давно раз-

громленъ, но скрываютъ, а фортъ Павелъ на Рисбанкской отмели еще держится. Сестра объяснила, что невозможно разгромить фортъ Меншиковъ, не взявъ форта Павла, который стоитъ не на Рисбанкской отмели, на которой есть свой фортъ, и что еще недавно съ балкона дачи въ Оранiенбаумѣ она видѣла въ зрительную трубу всѣ форты невредимыми. Послѣ этого доказательства свѣдѣнiй по части защиты Кронштадта, „ключа Петербурга“, пятнадцатилѣтняя дѣвочка стала въ нѣкоторомъ смыслѣ справочной книгой для любопытства патрiотовъ. Чего бы проще, кажется, чѣмъ безъ толку волноваться и тревожиться, купить виды и планъ Кронштадта, или карту Финскаго залива. Впрочемъ, я не могу сказать, было ли то, и другое, и третье въ продажѣ. Въ Кронштадтѣ, помнится, не было книжнаго магазина, въ петербургскихъ бывать не приходилось, книгъ вообще не покупали. Не помню, были ли въ русскихъ иллюстрированныхъ газетахъ—я знала одну, „Русскую Иллюстрацiю“—виды Кронштадта, гаваней и фортовъ. Помню хорошо, что я видѣла прекрасно гравированные и замѣчательно вѣрные рисунки видовъ этихъ, карту Котлина, Финскаго залива, подробную карту съ обозначенiемъ мельчайшихъ островковъ, шхеръ, подводныхъ камней, въ англiйскихъ иллюстрированныхъ журналахъ, которые выписывалъ морской клубъ. Вѣрность не только въ эстетическомъ, но и въ топографическомъ отношенiи вызывала удивленiе компетентныхъ людей.

Общественное мнѣнiе Кронштадта приписало виды кронштадтскихъ фортовъ и гаваней, косы и карты Финскаго залива сыну англiйскаго консула, Симпсону. Было много наговорено жалкихъ словъ о его коварной отплатѣ за русское радушiе и русскiй хлѣбъ. За годъ до войны этого молодого человѣка постоянно видѣли на стѣнкѣ купеческой гавани съ альбомомъ и карандашемъ. Помню, что отецъ, встрѣчая его, сухо отвѣчалъ на его поклонъ и, подозрительно косясь, ворчалъ себѣ подъ носъ: „чего онъ тутъ вертится“. Симпсонъ часто ѣздилъ на косу, на Толбухинъ маякъ, на финскiй берегъ, на форты съ компанiей офицеровъ. Говорили, что у него талантъ къ живописи и онъ снимаетъ морскiе виды. Зимой снимать было нечего, но тогда привлекалъ спортъ, рыбная ловля въ проруби, катанье на буерахъ. Въ качествѣ англичанина, хотя и не дворянинъ, онъ былъ принятъ въ обществѣ сливокъ нашей ари-

стократіи и въ клубѣ, хотя клубный уставъ и не допускалъ недворянъ. Сливки строго охраняли клубъ отъ примѣси демократическаго элемента; даже штурманскіе офицеры бывали рѣдкими гостями въ клубѣ. Сестры Симпсона ради практики въ англійскомъ языкѣ были приняты въ домѣ прежняго главнаго командира Беллингсгаузена. Когда Б. умеръ и семья выѣхала изъ Кронштадта, то положеніе своихъ людей въ кронштадтской аристократіи было завоевано семьею Симпсоновъ и молодому Симпсону было легко имѣть доступъ повсюду. Насколько справедливо было обвиненіе Симпсона въ „черной неблагодарности за русскій хлѣбъ"—я не могу сказать утвердительно за неимѣніемъ положительныхъ доказательствъ. Думается, что гласъ народа гласъ Божій. Не онъ одинъ изъ англійской молодежи жилъ въ Кронштадтѣ, гулялъ въ гавани и катался въ лодкѣ; были другіе, служившіе переводчиками на брандвахтѣ; но о нихъ не говорили ни слова. Въ провинціальномъ обществѣ, гдѣ каждая мелочь извѣстна, не было слышно ни слова ни о какой большой картинѣ Симпсона, для которой онъ готовилъ эскизы; а года въ полтора можно написать хоть одну. Снять виды фортовъ, купеческой гавани, косы съ развалинами петровскихъ шанцевъ, маяка могъ любой капитанъ купеческаго судна. Но онъ не могъ проникнуть въ среднюю и военную гавань, узнать состояніе флота въ точности, узнать внутреннее расположеніе фортовъ съ подробностями вооруженія; всего этого не узнаешь, снимая виды со стѣнки и съ моря; все это можно было узнать, побывавъ внутри фортовъ и гаваней. Симпсонъ съ компаніей офицеровъ пріятелей своихъ бывалъ вездѣ, это вѣрно, пріятели ради русскаго гостепріимства доставляли ему удовольствіе удовлетворять страсти англичанъ къ экскурсіямъ и спорту.

Англійскій флотъ, какъ у себя дома, разгуливалъ по коварной Балтикѣ. Подводные камни, отмели, напирающія съ разныхъ сторонъ теченія между шхерами, шквалы, налетающіе неожиданно среди мертваго штиля, осенніе штормы, такъ опасные при стѣсненномъ фарватерѣ—все это дало Балтикѣ репутацію моря, болѣе коварнаго, чѣмъ другія моря. Я не помню, чтобы пронесся хотя бы единственный слухъ объ англійскомъ кораблѣ, сѣвшемъ на камень. У насъ безъ этого не обходилось ни одно плаваніе; оглашались только катастрофы

въ родѣ гибели Лефорта. Говорили, будто непріятель измѣной получилъ карты изъ гидрографическаго департамента. Но онъ самъ заблаговременно дѣлалъ промѣры и снялъ карту отмелей, рифовъ, теченій, и карты были превосходныя. Доказательствомъ этому служитъ такой фактъ, который должны помнить старые моряки. Въ первое-же плаваніе послѣ мира, одно военное наше судно наткнулось на какой-то неизвѣстный камень, т. е. не обозначенный на картахъ. Такъ какъ въ Балтійскомъ морѣ нѣтъ землетрясеній, поднимающихъ скалы, ни коралловъ, строющихъ рифы, и только несчастныя отмели иногда мѣняютъ мѣста, то слѣдуетъ заключить, что гидрографическій департаментъ или ученый, какъ его звали, спалъ. Отецъ всегда говорилъ, что этотъ департаментъ спитъ. Члены его спали не только въ иносказательномъ, но и въ реальномъ смыслѣ, какъ спятъ дряхлые старцы. Этотъ департаментъ былъ почетной богадѣльней для всѣхъ разслабленныхъ, больныхъ, кому по связямъ ли, по чину ли неудобно было предложить отставку, а еще рано было на почетный покой и синекуру адмиралтейскаго совѣта. Неизвѣстный нашимъ морякамъ камень былъ обозначенъ на англійскихъ картахъ. Это я слышала отъ нашихъ моряковъ, видѣвшихъ и покупавшихъ эти карты.

ГЛАВА V.

Допотопныя галеры.—Обученіе новобранцевъ.—Новое настроеніе солдатъ.—Офицеры-скандалисты.—Капитанъ Бровцынъ.—Вѣсти изъ Севастополя.—Врачебная помощь.—Сестра милосердія Назимова.

Въ это лѣто мнѣ пришлось увидѣть одно замѣчательное средство обороны, изготовленное морскими властями—галеры. Отецъ прислалъ въ Ораніенбаумъ двойку съ дѣловымъ письмомъ къ кому-то изъ властей, уѣхавшему на дачу повидаться съ семьей. Я упросила мать воспользоваться двойкой и съѣздить къ отцу. Весной, какъ только вскрылась гавань, былъ отданъ приказъ изготовить канонерскія лодки, для защиты береговъ отъ десанта. Но такъ какъ канонерскія лодки еще были на верфяхъ, то вытащили изъ сараевъ, гдѣ онѣ лѣтъ 30, если не болѣе, гнили, галеры, служившія въ войнѣ противъ шведовъ, еще во времена Петра I, говорили шутники мичмана.

Но что галеры служили при Екатеринѣ II и даже Аннѣ Іоанновнѣ, это утверждали солидные люди. Это были высокія неуклюжія лодки въ родѣ барокъ, многовесельныя—въ 24 и болѣе весла, съ прямой, отвѣсной, какъ стѣна, кормой, суживавшейся замѣтно книзу; или это чрезмѣрное суживанье кидалось въ глаза оттого, что на галерахъ не было полнаго груза и онѣ „сидѣли" высоко въ водѣ. Внизу кормы, надъ уровнемъ воды, шелъ треугольный остроконечный помостъ для артиллеристовъ, которые должны были управлять турецкой допотопнаго вида, длинной, узкой, поставленной на кормѣ пушкой. Пушки заряжались съ дула. Обученіе происходило около воротъ гавани. Въ гребную команду вербовали охотниковъ съ воли, которыхъ обучали греблѣ старые матросы и унтера. Охотники являлись толпами. Къ веснѣ въ Кронштадтъ шла со всѣхъ сторонъ Руси босая команда, голытьба, работать при нагрузкѣ судовъ. Война лишила ее привычнаго заработка. То былъ большею частью пьянствовавшій, или въ конецъ спившійся людъ. Единственный разъ въ жизни пришлось мнѣ видѣть такую массу съ печатью несчастныхъ подонковъ общества, которая еще рѣзче кидалась въ глаза отъ контраста съ солдатской выправкой даже ластовыхъ, т. е. рабочихъ командъ, не говоря уже о молодцоватости и ловкости матросовъ. Большая часть новобранцевъ въ пестрыхъ лохмотьяхъ, въ дырья которыхъ сквозило тѣло, грязные, лохматые, иные безъ шапокъ и чуть не всѣ босые, съ безсмысленными отъ перепоя лицами, еле держась на скамьяхъ, безпорядочно совали въ воду длинныя неуклюжія весла, о которыхъ и лихіе гребцы говорили, что ими грести совсѣмъ неспособно. Притомъ грести приходилось съ высоты чуть ли не втрое большей, чѣмъ на катерѣ. Крики, пьяныя пѣсни (пѣть не воспрещалось для поддержанія надлежащаго духа). Команда и ругань унтеровъ, насмѣшливые возгласы и хохотъ зрителей обученія и маневровъ галеръ, проклятія, крики и вопли испуга непривычныхъ гребцовъ, когда поворачивавшія галеры сталкивались и накренивались такъ, что грозили опрокинуться—всѣ эти звуки сливались въ какой-то невообразимо-дикій гулъ, который разносился въ пустынной дали гавани и, когда онъ стихалъ на мигъ, раскаты эхо доносили его какъ взрывы какого-то глумящагося хохота. Было надъ чѣмъ посмѣяться;

было много грубаго балаганнаго комизма для праздной потѣхи. Эти пьяные гребцы, съ безсмысленно напряженными лицами, безпорядочно раскачиваясь и выпрямляясь на скамьяхъ, то поддавали наклоненной головой въ выпрямленную спину сидѣвшаго впереди гребца, то, откидываясь назадъ затылкомъ, хватали по наклоненной головѣ сидѣвшаго позади. Весла, безъ толка, взбалтывая воду, ударяли одно о другое. Съ трескомъ ломалось гнилое весло и гребецъ падалъ со скамьи на бортъ, иногда летѣлъ въ воду. Поднимался гвалтъ, заглушавшій команду унтера: табань. Вытаскивали отчаянно цѣплявшагося за весла гребца, котораго чуть не засасывало подъ лодку. Насмѣшки и хохотъ стихали на мигъ и снова раздавались, когда вытащенный мокрый гребецъ садился на свое мѣсто. На моихъ глазахъ не было смертнаго случая. При мнѣ только откачивали одного утопленника и откачали скоро. Разсказывали, что былъ и не одинъ случай смерти. Одного пьянаго хватилъ ударъ, другой убился, ударясь головой о стѣнку.

Отецъ былъ постоянно на стѣнкѣ во время ученья. И съ хорошо обученной командой рискъ былъ великъ на этихъ неуклюжихъ галерахъ, валкихъ отъ неполнаго груза, потому ли, что не считали нужнымъ для обученія гребцовъ нагрузить галеры, какъ слѣдовало, потому ли, что наскоро проконопаченныя и заплатанныя галеры эти не выдержали бы полнаго груза и дали бы течь по всѣмъ пазамъ. Положеніе морскихъ артиллеристовъ, стоявшихъ на треугольномъ помостѣ для примѣрнаго заряжанія орудія, т. е. повтореніе всѣхъ пріемовъ этого процесса, было очень непріятное и порой критическое. Они мокли до костей подъ всплесками веселъ. Шедшая позади галера, наваливая, грозила смести ихъ съ помоста или раздавить; весла неумѣлыхъ гребцовъ галеры, проходившей наперерѣзъ подъ кормой ихъ галеры, наносили имъ чувствительные удары и не разъ сшибали въ воду. Обученіе, какъ уже было сказано выше, шло около купеческихъ воротъ, чтобы научить выгребать въ воротахъ.

Меня поразило выраженіе лица старыхъ матросъ, унтеровъ, обучавшихъ греблѣ, и двухъ-трехъ офицеровъ, наблюдавшихъ за порядкомъ; оно было злое, но злоба была особенная. Я съ дѣтства видала часто не только злыя, но и

звѣрскія лица при ученьи, и оттого такъ хорошо уловила особый характеръ злобы. Въ ней чуялась и затаенная насмѣшка, и что-то тупое, приниженное. То-же, только болѣе ярко обозначавшееся выраженіе, я видѣла на одной очень недурной гравюрѣ. изображавшей арестанта въ тюремномъ карцерѣ, вертящаго ногами колесо снаряда, изобрѣтеннаго для безцѣльной, безсмысленной траты силъ. Надъ чѣмъ была насмѣшка эта? Надъ дѣломъ ли, безсмысліе котораго не могли не понимать всѣ матросы до одного, не могли не понимать даже новобранцы, съ хохотомъ оравшіе, что гнилая „корова"—такъ окрестили матросы эти галеры,—разсыплется, какъ только выйдетъ въ море. Была ли то насмѣшка надъ самими собой за то, что безсмысленно повинуются безсмысленному распоряженію? Ироническая искра въ глазахъ отца подчеркивала эту насмѣшку.

Стоя на стѣнкѣ, отецъ зорко слѣдилъ за галерами и посчитался съ офицеромъ, командовавшимъ этимъ шутовствомъ, не выпустивъ изъ гавани двѣ галеры, показавшіяся ему болѣе другихъ ненадежными. Унтеръ и матросы, смѣясь, говорили: „кряхтитъ корова по всѣмъ швамъ". Едва ли не на всѣхъ галерахъ изъ тѣхъ, что, я видѣла, выкачивали воду и отецъ, при выходѣ каждой изъ воротъ, спрашивалъ, есть ли и велика ли течь. Иныя галеры послѣ двухъ-трехъ часовой гребли на маломъ рейдѣ, при „легонькомъ вѣтеркѣ", возвращались съ сильною течью. Для непосвященныхъ въ морскіе термины замѣчу, что „легонькій вѣтерокъ" показался бы имъ на морѣ довольно солиднымъ вѣтромъ.

Немногочисленная теперь изрѣдка появлявшаяся на стѣнкѣ посторонняя публика потѣшалась надъ „коровами". Галеры были вскорѣ убраны—загнивать ли въ сараяхъ адмиралтейства или исполнить свое прямое назначеніе, быть изрубленными на дрова—не знаю.

Спросятъ: къ чему-же было вытаскивать эти обломки древности изъ сараевъ? Былъ отданъ петербургскимъ морскимъ начальствомъ приказъ привести въ исправность всѣ имѣющіяся на-лицо средства защиты и въ томъ числѣ гребной флотъ. Приказамъ повиновались буквально, не безпокоя начальство представленіями, которыя привели бы его въ дурное расположеніе духа и навлекли бы на представлявшихъ о негодномъ состояніи средствъ защиты замѣчаніе, зачѣмъ допустили, чего смотрѣли.

Приведеніе въ исправность галеръ было хорошей доходной статьей; и команда хорошо понимала, что „коровы“ спущены на воду еще потому, что тендировка выгодна для начальства. Говорили, будто галеры были вытащены изъ сараевъ не съ цѣлью защиты береговъ, но для того, чтобы обучить греблѣ и приготовить команду для будущихъ канонерскихъ лодокъ. Но канонерки строились винтовыя, а для обученія греблѣ было бы достаточно катеровъ и шлюпокъ отъ флотской дивизіи, оставшейся въ Кронштадтѣ; сверхъ того при портѣ было нѣсколько катеровъ и тяжелыхъ ботовъ для перевозки по гавани рабочихъ командъ и грузовъ; эти катера и боты бездѣйствовали потому, что флотъ не вооружался для выхода въ море.

Въ нѣсколько дней, проведенныхъ на брандвахтѣ отца, я замѣтила на этихъ „коровахъ“ одну утѣшительную черту. Пьяные оборванцы удивительно быстро принимали бравый, молодцоватый видъ; безнадежныхъ пропоицъ прогнали. Остальные въ новой ополченской формѣ были неузнаваемы и начинали грести очень сносно.

Смотря на обученіе греблѣ, я замѣтила новую черту въ командѣ. Не только унтера, но и матросы говорили съ начальствомъ гораздо свободнѣе прежняго. Одинъ унтеръ на ругательства офицера за медленный поворотъ галеры, отвѣчалъ: „напрасно ругаете, ваше благородіе, нешто съ этой коровой что сообразишь“; другой къ тому-же слову „напрасно“ прибавилъ: „я въ первый разъ, ваше благородіе, сижу на такомъ рулѣ“. Такія возраженія не были возможны до войны; еще болѣе невозможенъ тонъ отпора человѣческаго достоинства, съ какимъ было сдѣлано возраженіе. Вопіющая нелѣпость галеръ-коровъ развязывала языки. Дисциплина парадовъ, нечеловѣческой выправки, нечеловѣческаго повиновенія и безгласности расшатывалась. „Канальи начинали поговаривать“, какъ отзывались о командѣ дантисты-офицеры. „*Онъ* ѣдетъ, а мы вотъ какъ готовимся принять, всему міру на смѣхъ“, вотъ что прорывалось въ смѣхѣ, въ мѣткихъ словечкахъ народнаго юмора. Надо замѣтить къ тому-же, что та нечисть изъ начальства, какъ экипажный командиръ Родіоновъ, прозванный капитаномъ Нужда, морившій команду голодомъ, какъ всѣ виртуозы зуботычинъ, всѣ любители „всыпать горячихъ“, т. е. сѣчь до безчувствія, засѣкать на смерть, сильно поумѣрили

свои стяжательные и кровожадные инстинкты. Я убѣждена, что выдумка—большая часть слуховъ, ходившихъ о томъ, что подъ Севастополемъ въ числѣ убитыхъ офицеровъ было много „звѣрей“ и тѣ зачастую убиты выстрѣлами въ спину. Но довольно и того, что ходили эти слухи.

И для офицерской молодежи тоже была ослаблена прежняя дисциплина, т. е. то, что звали дисциплиной въ то время—произволъ старшихъ и безправіе младшихъ. Эта дисциплина создала протестующій типъ молодежи особаго рода—скандалистовъ. То были буйныя, удалыя головы, для которыхъ величайшимъ наслажденіемъ было удрать опасную и дерзкую штуку. Когда не хотѣли поднимать исторіи, то приписывали штуку виннымъ парамъ; но пили эти удальцы не болѣе другихъ и въ трезвомъ состояніи имъ все равно море было по колѣно, когда находилъ такой стихъ. Особенно прославился одинъ мичманъ, фамиліи его не помню. Я не встрѣчала его ни въ домахъ знакомыхъ, ни въ клубѣ. Скандалисты вообще не бывали нигдѣ, т. е. въ мѣстахъ, признанныхъ кронштадтскою аристократіею приличными. Этого знаменитаго скандалиста мнѣ показалъ на улицѣ мой товарищъ дѣтства, послѣ одной выходки, о которой кричали всѣ, кто съ негодованіемъ, кто съ хохотомъ, смотря по чину и возрасту. Въ чемъ заключалась выходка, не помню; помню только, что отецъ, осуждая ее формально при молодежи, какъ нарушеніе дисциплины, не могъ скрыть ни улыбки, ни искорки удовольствія въ глазахъ, выдававшихъ, что въ душѣ онъ считалъ мичмана молодцомъ. Брезгливо относясь къ разгульной жизни скандалистовъ, жалѣя ихъ, какъ погибающихъ, онъ не только не презиралъ ихъ, какъ презиралъ умѣренную и аккуратную молодежь, проползавшую до степеней извѣстныхъ, которую звалъ слякотью, но питалъ къ инымъ, въ родѣ знаменитаго скандалиста, тайную симпатію. Лицо этого скандалиста я запомнила хорошо. Скуластое, слегка калмыцкое, дерзкое и насмѣшливое, оно очень отдаленно напоминало портреты Лермонтова; не было того свѣтлаго ума, той печати высокой талантливости, было болѣе задора съ примѣсью бурбонства. О выходкахъ этого мичмана слагались легенды; ему пророчили сѣрую куртку, какъ единственный исходъ его молодечества. Я запомнила только одну не апокрифическую. Когда кто изъ начальниковъ распекалъ его,

то онъ, вытянувшись по-солдатски, мастерски копировалъ начальническую физіономію, какъ въ игрѣ фантовъ исполняютъ роль зеркала. Если распекало превосходительство, то онъ деревяннымъ, требуемымъ дисциплиною тономъ отвѣчалъ: „слушаю вашъ выго…“ и потомъ, смотря въ упоръ въ лицо распекающаго, выпаливалъ громко: „…*воръ*, ваше превосходительство“. Послѣ объявленія войны замяли какой-то скандалъ въ этомъ родѣ на основаніи такихъ соображеній, что отчаянныя головы всего способнѣе на смѣлое военное дѣло, идутъ первыми въ опасность и, отличившись геройскимъ подвигомъ, стяжаютъ отличіе начальству; былъ, конечно, также и безкорыстный разсчетъ патріотизма, побуждавшій беречь силу. Но очень немногіе изъ скандалистовъ воплощали въ себѣ романтическую сторону разгула молодыхъ силъ, протестъ оскорбленнаго чувства правды, „мучительной жажды благообразія жизни“. Въ другихъ сказывались одни инстинкты животности, вынесенные изъ помѣщичьихъ гаремовъ и конюшенъ; грязь разгула была для нихъ сроднымъ элементомъ и въ скандалахъ ихъ не было ничего титаническаго.

Въ лѣто 54 г. Аландъ былъ взятъ послѣ упорной защиты. Я слышала отъ родни коменданта Бодиско, что необходимость сдачи нравственно убила и сильно сократила жизнь генерала. Свеаборгъ былъ бомбардированъ, причемъ досталось нѣкоторымъ военнымъ судамъ. Тогда много кричали и издѣвались надъ капитаномъ 24 экипажа Бровцынымъ, который вмѣсто того, чтобы отстрѣливаться, какъ другіе командиры кораблей, подалъ сигналъ, что сильно терпитъ отъ непріятельскихъ ядеръ и просилъ разрѣшенія отойти изъ-подъ выстрѣловъ. Не знали, былъ ли такой сигналъ вызванъ разумною осторожностью, потому что нелѣпо губить людей и корабль, когда не можешь вредить непріятелю, или капитанъ Бровцынъ струсилъ, какъ утверждали всѣ, отъ кого я слышала объ этомъ фактѣ. Но съ тѣхъ поръ начальство стало „косо смотрѣть на него“, и бывшій фаворитъ испортилъ свою карьеру. Говорили еще, что наши суда съ ихъ плохой артиллеріей слѣдовало бы отвести подалѣе подъ прикрытіе еще до появленія непріятеля; но этого не хотѣло начальство, желавшее отличиться. Не знаю, правда ли это и была ли возможность укрыть суда заранѣе. Общій голосъ про-

изнесъ приговоръ, что Бровцынъ осрамился. Старые служаки негодовали: поставленъ—и стой, пока есть капля крови.

Въ это лѣто кронштадтскія дамы выказали свой патріотизмъ, устроивъ балъ для офицеровъ стрѣлковаго гвардейскаго полка. Великая княгиня Елена Павловна позволила занять на вечеръ залу павильона катальной горки въ верхнемъ ораніенбаумскомъ паркѣ. Ради патріотизма и воодушевленія защитниковъ отечества, ѣздившія верхомъ дамы стали носить, вмѣсто цилиндровъ и мушкетерокъ, фуражки изъ бѣлаго кашемира съ краснымъ околышемъ. Мода была введена высокопоставленными особами и принесла много тревогъ и горя сторожамъ парка, пропускавшимъ кавалькады дамъ въ аллеи, куда входъ разрѣшался публикѣ только пѣшкомъ, или вовсе возбранялся.

Настала зима 54—55 г. съ тѣми-же слухами о Севастополѣ, съ тою-же неизвѣстностью, съ тѣмъ-же затаеннымъ ропотомъ. Эта зима въ памяти моей какъ-то сливается съ предыдущей, только тѣни сгустились, да предчувствіе рокового исхода, вѣрить которому не хотѣли, поднималось чаще прежняго. Помѣщики изъ моряковъ кряхтѣли, тоскуя объ ополченіи, о семьяхъ ополченцевъ, взятыхъ на прокормъ. Показною была радостная готовность нести всѣ жертвы. Пріѣзжавшіе для излеченія раненые привозили еще болѣе озлобленнаго, негодующаго чувства, чѣмъ раненые прошлой зимы: неспособность, пикировка начальства, нерѣшительность однихъ, безумныя жертвы людьми другихъ, опаздывающія подкрѣпленія изъ-за пикировки генераловъ, позорныя кражи, плохо кормленные, оборванные солдаты—вотъ на чемъ вертѣлись разговоры. Свѣтлыми точками были имена генерала Хрулева, Нахимова и Корнилова.

Положеніе раненыхъ и больныхъ было ужасно. Тифы, гнилыя лихорадки губили людей больше, чѣмъ штуцера, бомбы и пушки. Не было хины. Я слышала съ ссылкой на медицинскіе авторитеты, чьи именно, не помню, что одинъ фунтъ хины усыхалъ въ 3 раза, т. е. на мѣсто доходила только четверть посланнаго количества. Усушка хины близка къ нулю, есть ничтожная трата при развѣшиваньи. Усушка приводилась какъ оправдательный фактъ. Полуодѣтые раненые валялись въ грязи по нѣсколько сутокъ; раны воспалялись, заводились черви. И это, когда непріятель успѣвалъ подобрать своихъ. И не быстрое

отступленіе мѣшало подбирать раненыхъ, перевязывать раны, а недостатокъ носилокъ, недостатокъ перевязочныхъ средствъ. Затыкали раны травой, а корпію продавали непріятелю и фельдшера въ Севастополѣ набивали себѣ тюфяки корпіей.

Сестра милосердія Назимова, съ которой я познакомилась лѣтомъ 56 г., въ деревнѣ дяди В. И. Иванова въ Лужскомъ уѣздѣ, разсказывала мнѣ такой случай, котораго она была свидѣтельницей. Не помню уже, передъ какимъ это было сраженіемъ, врачи съ фельдшерами, сестрами милосердія отправились на мѣсто, указанное для перевязочнаго пункта, и очутились среди голой степи, невылазной грязи. Дождь лилъ какъ изъ ведра и не было ни палатокъ, ни повозокъ, ни носилокъ, ни перевязочныхъ средствъ, словомъ, ничего, что доставить обязано было интендантство. Отпрягли лошадь отъ телѣги и послали верхового къ интендантскому чиновнику, дали тотчасъ знать Пирогову; кажется, Назимова поѣхала за нимъ въ тележкѣ. Стали приносить раненыхъ и, когда мѣста не хватило въ повозкахъ, привезшихъ врачебный персоналъ, раненыхъ клали въ грязь, подсовывая подъ голову, что попадалось подъ руку, пучокъ соломы, комъ земли. Сестры милосердія порвали передники, нижнія юбки на бинты, врачи свои рубашки. Время шло. число раненыхъ прибывало, а, несмотря на вторичнаго гонца къ интендантскому чиновнику, интендантскій обозъ не являлся. Валявшіеся въ грязи раненые исходили кровью; тѣ, кого могла бы спасти немедленная перевязка, умирали. Иные легкораненые на всю жизнь становились разслабленными отъ потери крови, или отъ убійственной лихорадки, которую схватывали, лежа неприкрытые подъ проливнымъ дождемъ, промокши въ лужахъ грязной воды, пропитанной кровью. Пріѣхалъ Пироговъ, „схватился за голову и чуть не вырвалъ послѣдніе клочья волосъ“ (слова Назимовой) и тотчасъ съ крикомъ: подъ судъ подлецовъ!—поскакалъ къ главному начальнику, чина и имени его не помню. И что-же? Не успѣлъ еще Пироговъ доѣхать до квартиры этого начальника, какъ все нужное явилось. будто принесенное сказочною скатертью-самобранкою: палатки, повозки, матрацы, столы, тюки корпіи, бинтовъ, вино, кислое питье, которое уже цѣлые часы просили со стонами раненые, сжигаемые жаждой. Очевидно, что все было припрятано по близости гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстечкѣ,

въ банкѣ или за рощицей въ сторонѣ. Дорога въ степи была видна на большую даль и приближеніе жданнаго обоза было бы замѣчено. Очевидно, что чины интендантства соблюдали свою экономію и только въ послѣдней крайности доставили все нужное, спасаясь отъ грозы. Возвратившійся съ главнымъ чиномъ интендантства Пироговъ нашелъ все въ такомъ образцовомъ порядкѣ, какъ никогда, и очутился въ дурацкомъ положеніи человѣка, нашумѣвшаго изъ-за пустяковъ запаздыванья, извинительнаго вслѣдствіе ужаснаго состоянія дорогъ. Не будь Назимова хорошо знакома Пирогову, не пользуйся она извѣстнымъ авторитетомъ вслѣдствіе покровительства великой княгини Елены Павловны, то раненые долго бы пролежали безъ помощи въ грязи, затыкая раны сѣномъ и соломой.

Кстати припомню все, что знала о Назимовой; это былъ женскій характеръ сильный, оригинальный; такой характеръ могъ вырости только на русской почвѣ той темной поры. Иное пишу по слухамъ, изъ довольно достовѣрныхъ источниковъ; конечно, могутъ быть неточности, но слухи очень характерны. Назимова была одной изъ первыхъ сестеръ милосердія, отправленныхъ великою княгинею Еленою Павловною въ Севастополь, и едва ли не первою изъ *дамъ*, вызвавшихся ходить за ранеными. Она была племянницей одной лужской помѣщицы г-жи Ивановой, невѣстки моей тетки Л. И. Ивановой. Я давно уже слышала о ней отъ тетки и ея дѣтей. Назимову звали эмансипированной барышней, и когда она поступила въ сестры милосердія, то чопорныя барыни говорили, что отъ нея этого можно было ожидать. Назимова курила много, ходила стриженой,—обстриглась, поступивъ въ сестры милосердія. Но въ ней не было ничего общаго съ эмансипированными барынями 40-хъ годовъ. Еще подросткомъ я встрѣчала нѣкоторыхъ въ Петербургѣ и Кронштадтѣ. Барыни обстригли косы, завивались, переняли мужскія ухватки и товарищескій тонъ съ мужчинами и смѣнили приправленные прозрачными двусмысленностями французскіе разговоры бесѣдами очень откровеннаго цинизма, называвшаго всѣ вещи грубыми русскими именами. Такая метаморфоза происходила обыкновенно отъ 30 до 40-лѣтняго возраста и имѣла цѣлью быть новой формой ловли поклонниковъ. Стриженые волосы молодили, придавали un air crâne,

-то мальчишеское, задорное. Иныя барыни откровенно кутили. Тогда типомъ ихъ считалась г-жа Нессельроде, дочь Закревскаго. Пріѣзжавшій изрѣдка изъ Петербурга, чтобы призанять денегъ, одинъ родственникъ, Карауловъ, красавецъ кавалеристъ, всегда привозилъ большой запасъ разсказовъ о скандалахъ этихъ барынь и, при первомъ словѣ его, подростковъ, и дѣвочекъ и мальчиковъ, и молодыхъ дѣвушекъ высылали изъ комнаты.

Назимова, хотя была отличной наѣздницей, но въ манерахъ ея не было ничего рѣзкаго, никакой поддѣлки подъ мужскія ухватки. Цинизма она не выносила. Пріѣхавъ гостить къ моей теткѣ Ивановой и увидѣвъ на столѣ Поль-де-Кока съ заклеенными страничками, она съ негодованіемъ упрекала меня за то, что читаю такую дрянь; невинныя сальности оставались не заклеенными. Она прислала мнѣ нѣсколько французскихъ романовъ героическаго и идеальнаго содержанія, чтобы помочь бѣдѣ безкнижья, заставившей въ дожди взяться и за Поль-де-Кока.

Эмансипація Назимовой заключалась въ томъ, что, оставшись въ двадцать лѣтъ съ небольшимъ круглой сиротой по смерти отца, она изъ деревни переѣхала въ Петербургъ одна, жила на небольшой квартирѣ одна, несмотря на всѣ увѣщанія родни, отвѣчая, что никакая почтенная родственница, до смерти надоѣдая ей пиленьемъ, не помѣшала бы ей пуститься во всѣ тяжкія, если бы она того захотѣла. Она довольно потерпѣла отъ опеки брюзжащей старости и ради декорума не хотѣла отравлять себѣ жизнь, хотѣла пожить на волѣ. Она очень скоро прожила небольшое наслѣдство послѣ отца; она любила комфортъ, изящныя вещи и болѣе всего живые цвѣты. На балы она являлась всегда въ живыхъ цвѣтахъ. Балы скоро надоѣли и она полюбила маскарады за наслажденіе дурачить. Какъ-то мой двоюродный братъ А. Ивановъ сказалъ ей при мнѣ, что она жестокая кокетка и любитъ усѣивать свой путь жертвами. Увидя мое разогорченное лицо, она отвѣчала: „Э, полноте, какія жертвы. Побѣсятся за мистификацію, вотъ и все, вѣдь они неспособны даже по-настоящему-то несчастными быть. Годны только на то, чтобы ими забавляться“.

Она, съ первой встрѣчи, очаровала меня и это не однимъ обаяніемъ героическаго подвига; въ ней была сила свѣтлой,

правдивой, нелгущей женской души. Томимая душевнымъ голодомъ въ двадцать лѣтъ, я на нее накинулась какъ на здоровый хлѣбъ. Говорили, будто въ сестры милосердія ее погнала несчастная любовь; но какъ въ первую встрѣчу, такъ и теперь, я убѣждена, что не это было причиной ея рѣшимости, казавшейся скандальной большинству дамъ. Онѣ бы поняли эту рѣшимость, будь она безобразна, горбата. Хотя далеко не красавица, даже не хорошенькая, она была привлекательна своеобразнымъ обаяніемъ. Лицо бѣлизны слоновой кости, нѣсколько широкое, съ крупнымъ носомъ; прямой широкій и невысокій лобъ, обрамленный мягкими прядями волосъ; большіе огневые, смѣло и умно смотрѣвшіе свѣтло-каріе или темно-сѣрые глаза, цвѣта не помню, какъ и цвѣта волосъ; ротъ большой съ яркими губами, сила и жизнь, дышавшія въ каждой чертѣ—лицо до того интересное и оригинальное, что нельзя было даже въ толпѣ пройти мимо него, не оглянувшись. Манеры были просты, говорила она по-русски, когда еще всѣ французили, простою мѣткою и порой остроумною рѣчью. Всегда веселая, она любила забавляться. Я запомнила хорошо одну забаву. Молодежь считала необходимымъ вести съ ней разговоры посерьезнѣе; тогда серьезными разговорами въ нашемъ кругу считались разговоры о беллетристикѣ съ критической оцѣнкой, вычитанной изъ журнальныхъ статей. Она, съ мастерски сыграннымъ интересомъ, вела разговоръ, заставляя собесѣдника по нѣсколько разъ мѣнять свои мнѣнія, высказывать діаметрально противоположныя высказаннымъ сначала и потомъ опять вернуться къ первымъ. Она называла это „гонять на кордѣ“ и гоняемый не замѣчалъ этого и былъ счастливъ продолжительной бесѣдой, которой его удостоили.

Какъ-то, разговорившись со мной объ одномъ романѣ и перейдя на тему любви, Назимова припомнила стихи Лермонтова:

Любить, но кого-же? На время не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.

Она сказала, что это вздорное разсужденіе: любить—такъ на всю жизнь. Но кого?—Страшно, когда некого. Одна почтенная матрона съ ироническимъ комплиментомъ сказала ей, что хозяйство и семейныя заботы и обязанности не для

героинь. Она отвѣчала, что хозяйство адская скука и она его терпѣть не можетъ; но, если бы надо было, она была бы хозяйкой не хуже другихъ: не богини-же горшки ставятъ въ печь; но что она пошла бы на эту каторгу лишь для человѣка, которому стоило бы поклониться.

Вотъ именно тѣмъ, что жизнь не послала ей человѣка, которому „стоило бы поклониться", объясняются ея забавы маскарадными мистификаціями, „гоняньемъ на кордѣ". Барыни считали ее злой кокеткой; но въ ней не было обычнаго женскаго кокетства, желанія торжества надъ соперницами; ей не нужны были рыцари, кидающіеся въ львиный ровъ, чтобы достать перчатку красавицы, о какихъ рыцаряхъ мечтали романически настроенныя барышни; какъ не нуженъ былъ ей раздражающій слегка чувственность флиртъ, то, что прежде звали ухаживаньемъ, ни разбитыя сердца соперницъ. Маскарадныя забавы прошли полосой и психологическая подкладка ихъ не была понята; самымъ невиннымъ толкованіемъ было то, что она ищетъ жениховъ; но у нея были двѣ, три партіи и одна изъ нихъ блестящая для бѣдной дѣвушки. Говорили, что у нея злой умъ, злится старая дѣва; ей было тогда лѣтъ двадцать семь. Но еще ни въ одной дѣвушкѣ ея лѣтъ я не встрѣчала такого теплаго отношенія къ молодости, такого желанія увести ее изъ міра женской пошлости и дрянности. Ея образа мыслей я не помню; не могу сказать, какъ она относилась къ устоямъ,—тогда еще я не размышляла объ устояхъ, ни къ господствовавшему міровоззрѣнію. Вѣроятнѣе всего, что она твердо стояла на старомъ берегу, иначе я запомнила бы „вольнодумство" ея, которое было бы большимъ огорченіемъ для меня въ эти годы. Она поднимала нравственною силою и правдивостью своей личности; освѣжала какъ озонъ послѣ грозы; съ нею дышалось легко, видѣлось свѣтлое, чуялась сила среди дряблости, гнили.

Барыни относились къ ней съ уваженіемъ ради подвига ея, но, говоря о немъ, всегда прибавляли, что она пользовалась покровительствомъ великой княгини Елены Павловны. Нужна была все-таки санкція высочайшаго имени, чтобы прикрыть „неприличную" сторону подвига. Онѣ и не любили и не ненавидѣли ее; любятъ друзей, ненавидятъ враговъ. Назимова не могла быть ни тѣмъ, ни другимъ. Ее невозможно было пред-

ставить себѣ сплетничающей за кофеемъ, сочувственно бесѣдующей о бабьихъ интересахъ—доходахъ и чинахъ мужей, о томъ, будутъ ли Ѳемистоклюсы геніями или генералами, ни ломающей шпильки въ дамской дуэли за кавалеровъ. Она была не отъ міра барынь и онѣ это чувствовали.

Наши романисты и романистки проглядѣли тотъ женскій типъ, къ которому принадлежала Назимова. Нигдѣ въ литературѣ не встрѣчала я намека на него, въ жизни довелось встрѣтить двѣ-три личности того-же типа. Прославленная Елена въ „Наканунѣ" не то. Ей нуженъ былъ человѣкъ подвига, ей нужно было идти за милымъ. Назимова не ждала ничьего толчка. Она нашла, чуть жизнь выдвинула дѣло ей по силамъ. „Я тогда жила, говорила она мнѣ, теперь прозябаю". Быть можетъ, у нея не хватало силы мысли, чтобы освѣтить себѣ причины этого прозябанья, какъ ея собственнаго, такъ и всего русскаго общества. Или она въ ту единственную недѣлю, которую мы вмѣстѣ прожили у моей тетки, еще не настолько сошлась со мной, или, что вѣрнѣе,—просто не хотѣла касаться этихъ причинъ въ разговорахъ съ молодою дѣвушкой. Но одно я поняла тогда,—и пережитые годы не принесли никакой поправки этому впечатлѣнію, какъ принесли другимъ,—что ей было тѣсно, что ея волѣ нуженъ былъ просторъ. Я слышала отъ нея: прѣсная, скучная жизнь, прѣсные, скучные люди. Она, очевидно, задыхалась въ тѣснотѣ жизни. Это сказало мнѣ то страстное чувство, съ какимъ она пѣла Лермонтовскія слова:

„Дайте воли, воли, воли!
И не нужно счастья мнѣ!"

Въ ней жила та сильная воля, которая, разъ сознавъ, что дѣло хорошо, честно, что оно—героическое дѣло, захочетъ его; и разъ она чего захочетъ, то никакая сила въ мірѣ не остановитъ ее, никакіе позывы жизни на другое не уведутъ прочь отъ дѣла. Наше общество всегда такъ было бѣдно волей, такъ бѣдно такими силами.

О неустрашимости и самоотверженіи сестеръ милосердія много говорили и писали въ то время. Онѣ дѣлали свое дѣло подъ проносившимися ядрами, осыпаемыя землей, взрытой лопнувшей вблизи гранатой. Рядомъ служитель, фельдшеръ,

сестра падали убитые или раненые на смерть,—другія сестры спокойно продолжали перевязывать раны. И среди нихъ Назимова поражала равнодушіемъ къ опасности, держалась подъ пулями, какъ старый солдатъ. Я это не разъ слышала отъ моряковъ, видѣвшихъ ее на перевязочныхъ пунктахъ. Дамы спрашивали ее, неужели ей не было страшно. Она отвѣчала, что сначала она не понимала, что такое этотъ свистъ надъ головой; ей объяснили и она невольно вздрогнула. Потомъ привыкла, не до того было, чтобы думать о пролетавшихъ ядрахъ. Кругомъ видишь кровь, муки, смерть. Тысячи идутъ спокойно умирать. Притомъ развѣ смерть такъ страшна? Этой дѣвушкѣ, полной силъ, жизни, энергіи, смерть не была страшна. Вотъ что дѣлаетъ русская жизнь съ лучшими нашими силами.

Я удивлялась, какъ у нея хватило физическихъ силъ; мы помѣрялись силой, и ея—ничѣмъ не выдавалась надъ обычнымъ уровнемъ средней женской силы. Для раненыхъ являлись силы, какъ онѣ всегда являются въ пору необычайнаго на нихъ спроса. Тяжело было—не поднимать раненыхъ, а таскать корзины съ виномъ, тюки съ бѣльемъ и корпіей. Эту обязанность Назимова добровольно взяла на себя; и оттого раненые ея имѣли необходимое. Невозможно было довѣрить ничего большинству фельдшеровъ и больничныхъ служителей. На глазахъ крали. Прикажешь нести, идешь слѣдомъ и вдругъ какъ въ землю провалится служитель, свернетъ за палатку, попадетъ не въ ту дверь и появится безъ тюка. Окажется, что докторъ, надзиратель, кто-нибудь приказалъ ему снести туда, гдѣ нужнѣе. Интендантскимъ чиновникамъ, любезно замѣчавшимъ, что она напрасно утруждаетъ себя, она рѣзала: „Не напрасно, не то украдутъ и съ вами подѣлятся". Ее бы давно удалили за то, что „вмѣшивалась не въ свое дѣло", если бы не покровительство великой княгини, которая, отпуская ее на войну, дала ей позволеніе писать прямо, если что будетъ нужно.

Теперь наше общество освоилось съ женщинами-врачами, и только первыя піонерки могутъ понять, сколько пришлось Назимовой вынести отъ нелѣпыхъ толковъ о „неприличной" сторонѣ взятаго дѣла. Разъ какъ-то въ сестринскомъ порывѣ женить одного родственника, котораго семья хотѣла остепе-

нить, я, желая эгоистически и для себя заполучить Назимову въ семью, совѣтовала ему выбрать ее, если только она пойдетъ. И что-же отвѣчалъ мнѣ этотъ человѣкъ, чуть не съ пятнадцатилѣтняго возраста волочившій лѣтъ четырнадцать жизни по грязнымъ притонамъ, разстроившій здоровье безобразнымъ образомъ жизни? Я какъ теперь слышу его отвѣтъ: „Ну, вотъ еще, жениться на дѣвушкѣ, которая мало ли чего насмотрѣлась“. Вотъ это-то: „мало ли чего насмотрѣлась“ чуялось и въ фразахъ о героизмѣ, которыя ей расточали дамы, и въ почтительномъ вниманіи молодыхъ людей. Какъ будто говорили: героиня-то ты героиня, а все-таки *того*, не то, что молодая, ничего не знающая дѣвушка. Какъ-то, коснувшись нелѣпыхъ толковъ, Назимова сказала мнѣ: „Я дамъ вамъ совѣтъ, за который вы мнѣ скажете спасибо: плевать на дураковъ. Если злиться—печенка лопнетъ, плакать—доплачешься до могилы“. — Таковъ былъ смыслъ, если не подлинныя слова ея.

Тетка моя, добрая простая женщина, сочувственно замѣтила, что Назимовой, навѣрно, первое время было тяжело привыкать, стыдно было очень. Назимова отвѣчала, что не до того, когда человѣкъ мучается. Нѣтъ ни мужчины ни женщины, а есть только раненый и помощь. Она съ восторгомъ говорила о „солдатикахъ“, ихъ геройствѣ, простомъ, не сознанномъ, но тѣмъ болѣе великомъ. И отъ нея и отъ знавшихъ ее въ Севастополѣ я слышала, что она преимущественно ухаживала за солдатами; и это было смягчающимъ обстоятельствомъ для дамской щепетильности. Римскія матроны, признававшія стыдливость обязательной только для людей своей касты, не вымерли въ нашихъ барыняхъ.

Назимова любила болѣе ходить за солдатами потому, что офицеры несравненно болѣе, чѣмъ солдаты, имѣли шансы получить помощь. Назимова съ искреннею любовью вспоминала солдатиковъ, какъ они тепло звали ее: сестрица. Умирающій солдатъ просилъ ее постоять около него, чтобы онъ могъ видѣть ее; все-же онъ умретъ не одинъ, будетъ возлѣ него родная душа. Между офицерами, какъ исключеніе, попадались субъекты, позволявшіе себѣ пошлыя любезности. Солдатики никогда, и это не только по отношенію къ сестрамъ изъ барышень.

Назимова была знаменитостью того дня и нашлись офицеры, хваставшіе тѣмъ, что она ходила за ними. Одинъ флигель-адъютантъ разсказывалъ о томъ на какомъ-то балѣ въ Петербургѣ. Это передали Назимовой и, при первой встрѣчѣ съ нимъ на большомъ вечерѣ у общихъ знакомыхъ, она остановила его и громко при всѣхъ сказала: „Мосье NN (фамиліи его не помню), вы говорите, что я ухаживала за вами. Конечно, если бы пришлось, я бы и за вами ходила, какъ и за другими ранеными; но вы не дали мнѣ возможности. Вы были то при обозѣ, то въ лазаретѣ, отъ разстройства... нервовъ". Вышла эффектная картина; офицеръ растерялся, никакая великосвѣтская выдержка не могла выручить при такомъ пассажѣ. Герой болѣлъ разстройствомъ нервовъ... желудка, болѣзнью героическаго кузена Наполеона—Плонъ-Плона.

Послѣ лѣта 56 г. я не встрѣчалась болѣе съ Назимовой. Слышала, что средства ея были очень плохи и она недолгое время перебивалась въ Петербургѣ, посрамляя тѣмъ злые языки, увѣрявшіе, будто она въ сестры пошла, разсчитывая на пенсію отъ великой княгини или на казенное мѣсто. Потомъ я слышала, что она уѣхала въ деревню къ больному старику-дядѣ, который сдѣлалъ ее своей наслѣдницей. Въ какой губерніи, не знаю. Вѣроятно, пора освобожденія крестьянъ открыла просторъ для этой сильной и живой женской натуры. Къ крѣпостному праву она относилась съ негодованіемъ. Теоретическихъ разговоровъ мы съ ней не вели. Въ 56 г. ходили смутные слухи въ народѣ. Въ усадьбу моей тетки ихъ привозили крѣпостные ея невѣстки К. И. Ивановой, тетки Назимовой, которая звала свою тетку Коробочкой и съ негодованіемъ говорила о ея обращеніи съ крѣпостными. Дѣвушка, съ такимъ страстнымъ чувствомъ пѣвшая: „дайте воли, воли, воли", не могла не радоваться тому, что порвалась цѣпь великая. Если Назимова еще жива и эти строки попадутся ей на глаза, надѣюсь, что она не посѣтуетъ на пишущую за нѣкоторыя невольныя и неизбѣжныя неточности и оцѣнитъ то теплое чувство, съ какимъ я припоминала все, что знала о ней. Въ этомъ чувствѣ много благодарности за то глубокое и свѣтлое вліяніе, какое имѣла на меня недѣля, проведенная съ нею.

М. Цебрикова.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Въ поискахъ правды.

(Изъ поѣздокъ по Сибири).

Въ теперешнее время изъ внутренней Россіи ежегодно вливается въ Сибирь волна въ нѣсколько сотъ тысячъ переселенцевъ, тоскующихъ о землѣ, а въ прежніе годы сюда-же бѣжали россійскіе крестьяне, спасаясь отъ крѣпостного права, непосильныхъ поборовъ и стѣсненій въ дѣлахъ вѣры. Въ глуши сибирскихъ непроходимыхъ лѣсовъ основывались раскольничьи скиты, сектантскіе поселки и т. п. Нѣкоторые изъ нихъ оставались до самаго послѣдняго времени никому неизвѣстными: они не числились ни въ какихъ спискахъ, не платили податей и сборовъ, не знали никакого начальства. На Алтаѣ, напр., нѣсколько раскольничьихъ селеній были открыты только нѣсколько лѣтъ тому назадъ; въ Енисейской губерніи одно селеніе было открыто по р. Манѣ въ прошломъ году. Нѣтъ сомнѣнія, что много сектантскихъ селеній остаются неизвѣстными до сихъ поръ.

Сектантскія селенія живутъ своей особой жизнью, свято берегутъ свои религіозные обряды и вообще среди равнодушнаго въ дѣлахъ вѣры сибирскаго населенія отличаются наибольшею религіозностью.

На окраинѣ Минусинскаго уѣзда, гдѣ пустынная непроходимая тайга, покрывающая дикія горы, сходится съ громадною Абаканскою степью, лежитъ красивая и зажиточная деревня Юдина, Бейской волости. Юдина образовалась въ 1837 году и называлась сначала «Обѣтованною». По разсказамъ старожиловъ, первыми поселенцами были здѣсь субботники, или іудействующіе, которые добровольно переселились сюда изъ Воронежской губерніи, спасаясь отъ строгихъ властей. Лѣтъ десять спустя выселились сюда по той-же причинѣ нѣсколько семействъ молоканъ изъ Саратовской губерніи. Позднѣе къ селенію начали причислять ссыльныхъ молоканъ и субботниковъ, ссылаемыхъ какъ за религіозныя убѣжденія, такъ и за уголовныя преступленія. Деревня быстро росла и въ настоящее время въ ней считается до 200 дворовъ и свыше 2000 жителей. Изъ этого числа до $^2/_3$ субботниковъ, остальные молокане. Православныхъ среди жи-

телей деревни нѣтъ, они встрѣчаются только среди татаръ, живущихъ у юдинцевъ въ батракахъ. Нужно замѣтить, что всѣ юдинскіе субботники—русскіе. Евреевъ сюда не ссылали.

Субботники отличаются сравнительно съ окрестнымъ православнымъ населеніемъ большой религіозностью и строгостью нравовъ. Они отвергаютъ талмудъ, принимаютъ обрѣзаніе и признаютъ одного Бога—Іегову. Христа они считаютъ только пророкомъ и ожидаютъ пришествія Мессіи, подразумѣвая подъ этимъ водвореніе правды на землѣ, царство духа, разума и свободы. Надъ евреями, которые ожидаютъ Мессію, какъ земного царя, и думаютъ, что онъ сдѣлаетъ ихъ первенствующимъ народомъ, здѣшніе субботники смѣются. Раввина у субботниковъ нѣтъ и онъ не пріѣзжаетъ даже временно; единственное духовное лицо у нихъ—рукоположенный рѣзакъ. Синагогу замѣняетъ молельня.

Субботники строго выполняютъ обряды іудейской вѣры. Они не ѣдятъ трефного, чтутъ субботу и другіе іудейскіе праздники, чуждаются увеселеній, обычныхъ въ православныхъ селеніяхъ. Въ праздники у нихъ не только не работаютъ, но не ѣздятъ на лошадяхъ, не пьютъ чай. Въ послѣдніе годы, впрочемъ, строгость религіозныхъ требованій стала уменьшаться. Нашлись даже скептики, которые отвергли іудейскія требованія относительно пищи и образовали особое подраздѣленіе секты. Грамотность у субботниковъ обязательна, такъ какъ на моленьи всякій долженъ читать молитвы по книжкѣ, но она въ большинствѣ случаевъ ограничивается умѣніемъ разбирать печатное. Священное писаніе на моленьяхъ читаютъ на русскомъ языкѣ, чтобы всѣмъ было понятно. Въ чтеніи и толкованіи его участвуютъ болѣе умственные, начитанные и пожилые люди, но право на это предоставлено всѣмъ.

У молоканъ образъ жизни еще строже и суровѣе. У нихъ не бываетъ весеннихъ полянокъ, хороводовъ и зимнихъ вечеринокъ, которые неизбѣжны въ каждой сибирской деревнѣ; безусловно запрещены пѣсни и музыка, даже на свадьбахъ. Съ тою-же неумолимою послѣдовательностью ополчаются молокане и противъ нарядовъ. Во всемъ этомъ чувствуется нѣкоторая добродѣтельность, но для посторонняго она мало пріятна и отзывается скукой.

Но жизнь беретъ свое, и сквозь мертвую паутину обрядности и условностей прорывается у сектантовъ живое начало, пробивается вѣчно юная жажда жизни во всей ея полнотѣ. Сектантская строгость понемногу смягчается. На свадьбахъ пѣсни начинаютъ уже пѣть открыто, многіе изъ молодежи поютъ потихоньку пѣсни и въ другое время. По праздникамъ вечеромъ уже приходится изрѣдка слышать гдѣ-нибудь на задворкахъ хоровую пѣсню; по временамъ устраиваются большія гулянки, которыхъ не чуждаются многіе и изъ пожилыхъ субботниковъ. И одни старые ветераны молоканства, уже не мало вынесшіе въ жизни за свои религіозныя убѣжденія, остаются вѣрны стариннымъ преданіямъ. Со смущенной душой смотрятъ они на соблазны, растущіе вокругъ не по днямъ, а по часамъ, громко осуждаютъ ихъ и гордо замыкаются въ своей непримиримости.

Иконъ у молоканъ нѣтъ; молитвъ и церковныхъ обрядовъ они

не признаютъ; крещеніе, бракъ и погребеніе совершаютъ по-своему. Число браковъ неограничено. Священническія обязанности исполняетъ пресвитеръ, который выбирается на неопредѣленное число лѣтъ. Для пресвитера обязательна грамотность и нѣкоторая нравственная высота. Моленія бываютъ во всѣ христіанскіе праздники, а зимою, кромѣ того, и наканунѣ праздниковъ. Молельня—простой чистый домъ въ двѣ комнаты. Обстановка строгая: простыя крашеныя лавки, деревянный столъ, накрытый скатертью, скромныя занавѣски на окнахъ; на стѣнахъ никакихъ украшеній — ни картинъ, ни иконъ. Во время моленья женщины помѣщаются налѣво, мужчины направо. Моленіе состоитъ въ чтеніи библіи и евангелія и въ пѣніи псалмовъ и молитвъ. Читать можетъ всякій, причемъ самъ чтецъ или кто другой объясняетъ прочитанное. Въ толкованіи священнаго писанія можетъ принять участіе и всякій изъ слушателей, такъ что иногда загорается перекрестная бесѣда и даже споръ. Читаютъ на славянскомъ и на русскомъ языкѣ. Молитвы и псалмы поютъ всѣ, причемъ напѣвъ употребляется протяжный, унылый и монотонный. Кромѣ того, на моленіяхъ пресвитеръ иногда ведетъ душеспасительныя бесѣды.

Въ первой половинѣ истекшаго столѣтія въ Юдиной существовало религіозное братство, основанное молоканиномъ Поповымъ. Состояло оно, по словамъ старожиловъ, человѣкъ изъ 40 различнаго пола и возраста. Всѣ члены братства жили въ громадномъ домѣ и вели обширное коммунальное хозяйство. У нихъ были обширныя запашки, множество скота, различныя мастерскія, въ которыхъ работали члены братства. Вообще хозяйство ихъ напоминало большую барскую экономію, только безъ чужого наемнаго труда, и приносило большой доходъ. Доходъ составлялъ собственность братства, но находился въ безотчетномъ вѣдѣніи организатора братства Попова. Злые языки упрекаютъ теперь Попова въ несовсѣмъ честномъ отношеніи къ средствамъ братства. Къ сожалѣнію, теперь трудно выяснить, насколько основательны эти обвиненія, но во всякомъ случаѣ Поповъ былъ, повидимому, личностью недюжинною, предпріимчивой и энергичной. Братство было, кажется, исключительно дѣломъ его рукъ и распалось послѣ тридцатилѣтняго существованія, когда Поповъ и его ближайшіе сотрудники уѣхали въ Россію. Тамъ всѣ они скоро перемерли. При распаденіи братства остатки коммунальнаго хозяйства были мирно подѣлены членами между собою.

Юдинскимъ сектантамъ приходилось терпѣть много стѣсненій. Такъ, имъ долго было запрещено имѣть православную прислугу. Земельный надѣлъ имъ данъ былъ по 8 дес. на душу, тогда какъ обычный надѣлъ въ Сибири 15 десятинъ. Затѣмъ до 1883 г. запрещено было выдавать имъ паспорта и отлучаться безъ особаго разрѣшенія далѣе пяти верстъ отъ деревни. Между тѣмъ, даже часть юдинскихъ полей лежала отъ деревни далѣе пяти верстъ. Невыполнимость этого требованія очевидна была и самому начальству. Однажды, напр., одному субботнику пришлось везти въ сосѣднюю деревню исправника. Отъѣхавъ отъ деревни пять верстъ, онъ остановился и сталъ распрягать лошадей, говоря, что дальше ѣхать имъ запрещено. Исправнику пришлось приказать нарушить это за-

крещеніе. Запрещеніе это было одной изъ причинъ, заставившихъ всѣхъ сектантовъ взяться за хлѣбопашество.

Живутъ юдинцы дружно. въ особенности члены одной и той-же секты. Отъ жителей православныхъ селеній они отличаются большимъ трудолюбіемъ. трезвостью, строгостью нравовъ, честностью, религіозностью и большей сплоченностью. Послѣдняя проявляется даже иногда въ сокрытіи преступленій единовѣрцевъ. «Если въ Юдину попадетъ краденый конь или какая-нибудь краденая вещь,—враждебно говорятъ православные крестьяне,—то ужъ пиши пропало, — ни за что не найдешь». Браки между субботниками и молоканами нерѣдки; обыкновенно они сопровождаются переходомъ жены въ вѣру мужа. Менѣе терпимо относятся сектанты къ переходу въ православіе и явленіе это носитъ характеръ отдѣльныхъ единичцыхъ случаевъ. Обыкновенно новообращенные оставляютъ деревню навсегда. Были единичные случаи перехода въ молоканство православныхъ татаръ [1]). работающихъ у сектантовъ, но молокане этому не придаютъ значенія. «Какіе они молокане,—говорилъ мнѣ одинъ молоканинъ; — будь они хоть православные, хоть молокане — все равно, въ вѣрѣ ничего не понимаютъ». Праздники субботниковъ не совпадаютъ съ праздниками молоканъ. Въ общественныхъ дѣлахъ, благодаря большинству, главную роль играютъ субботники. Сельскій староста и другія сельскія выборныя лица избираются обыкновенно изъ среды послѣднихъ. Въ волостныхъ выборахъ юдинцамъ хотя и дозволено принимать участіе, но запрещено выбирать изъ нихъ старшинъ и другихъ волостныхъ выборныхъ лицъ.

Характернымъ отличіемъ Юдиной является высокій процентъ грамотныхъ. Школа (министерская) существуетъ здѣсь съ 1885 года. Въ настоящее время въ ней двѣ учительницы и 108 учащихся. Были и еще охотники учиться, да принять было некуда. Вообще населеніе къ школѣ относится сочувственно. Какъ и всѣ министерскія школы Сибири, она содержится почти всецѣло на средства самого общества. Учительницы православныя; на нихъ лежитъ и преподаваніе закона Божія. Среди юдинскихъ молоканокъ есть дѣвушки со среднимъ или почти среднимъ образованіемъ. Но имъ, какъ сектанткамъ, запрещено учить. Рядомъ съ оффиціальною школою существуютъ и негласныя школы грамоты. Благодаря имъ получилось слѣдующее, на первый взглядъ странное явленіе. При изслѣдованіи Минусинскаго уѣзда. произведенномъ въ 1890 г., во всемъ уѣздѣ числится 23 школы, не считая школъ грамоты, причемъ процентъ хозяйствъ съ грамотными и учащимися по отдѣльнымъ волостямъ уѣзда отъ 16 до 42,4. Въ то-же время въ Юдиной, гдѣ до 1896 г. не числилось ни одной оффиціальной школы, процентъ хозяйствъ съ грамотными былъ около 80.

Въ общемъ деревня своей зажиточностью и уютностью производитъ выгодное впечатлѣніе. Улица длинная и широкая, дома про-

[1]) Минусинскіе инородцы, извѣстные подъ общимъ названіемъ татаръ, состоятъ изъ нѣсколькихъ племенъ и ничего общаго съ дѣйствительными татарами не имѣютъ. Они почти поголовно крещены, но православные они только по названію.

сторные, свѣтлые, часто съ раскрашенными ставнями и желѣзною крышею; на окнахъ всюду виднѣются цвѣты и даже гардины. Въ деревнѣ есть общественный кабакъ дающій въ годъ до 1500 руб. дохода, и 8 лавокъ, которыя поддерживаются главнымъ образомъ торговлею съ инородцами. Торговля съ послѣдними очень выгодна, такъ какъ ведется очень безцеремонно, и потому лавочники владѣютъ десятками тысячъ рублей. Вообще въ кулаческихъ продѣлкахъ сектанты не отстаютъ отъ кулаковъ православныхъ.

II.

Со всѣхъ сторонъ, особенно съ юга, Юдина окружена холмами и горами; вблизи раскинулась мертвая степь. Нѣкоторыя изъ окрестныхъ горъ очень высоки и виды съ нихъ замѣчательные. Среди мертваго степного пространства лежитъ, какъ на ладони, Юдина, блестя на солнцѣ своими тесовыми крышами. Дальше начинаются горы. Безпорядочными хребтами и отрогами тянутся онѣ во всѣхъ направленіяхъ. Въ синеватомъ туманѣ разстояніе между горами скрадывается, и всѣ онѣ кажутся сплошными громадными волнами разбушевавшагося и внезапно застывшаго океана. Далеко, далеко въ туманной дали замѣтны смутныя очертанія Саянскихъ горъ съ ихъ снѣжными вершинами.

Лѣсу вблизи нѣтъ,—онъ между горами въ нѣсколькихъ верстахъ отъ деревни.

Главное занятіе юдинцевъ — земледѣліе, которымъ занимается поголовно вся деревня. Земля здѣсь песчаная и безъ орошенія худо родитъ. Поэтому здѣсь развито искусственное орошеніе посредствомъ такъ называемыхъ мочаговъ. Сѣютъ больше всего пшеницу и ячмень. Ярицы и озимой ржи сѣютъ мало. Болѣе зажиточные засѣваютъ десятинъ по 40 на дворъ, средніе домохозяева дес. 10, бѣдные 3—5 дес. Урожаи здѣсь, сравнительно съ лучшими мѣстами Минусинскаго уѣзда, не особенно высоки: десятина пшеницы, ярицы и овса даетъ въ хорошій годъ 100—120 пуд., въ средній 60—80 пуд. При среднемъ урожаѣ изъ деревни вывозится до 30 тыс. пудовъ хлѣба. Сбывается онъ преимущественно мѣстнымъ инородцамъ скотоводамъ, отчасти идетъ на абаканскій желѣзодѣлательный заводъ и на алтайскіе золотые пріиски. Хлѣбъ здѣсь всегда на 5—10 коп. дороже, чѣмъ въ Минусинскѣ. Частію крестьяне продаютъ его потребителямъ непосредственно, частію черезъ подрядчиковъ—юдинскихъ торговцевъ.

Всю пахотную землю юдинцы передѣляютъ черезъ каждыя 8 лѣтъ. «Во всемъ уѣздѣ одна наша деревня передѣляетъ»,—съ гордостью заявилъ мнѣ одинъ молоканинъ. Теперь нѣкоторые высказываются за удлиненіе этого срока, потому что кое-кто начинаетъ унавоживать поля. Сухія и орошаемыя земли дѣлятся по жеребью отдѣльно, чтобы каждому достался пай и той, и другой. Арендуютъ также землю у мѣстныхъ инородцевъ, платя 1—2 руб. въ годъ за десятину.

Орошается у юдинцевъ $^1/_2$ пашни и значительная часть покосовъ. Какъ извѣстно, въ древности аборигены Минусинскаго уѣзда

примѣняли на своихъ поляхъ искусственное орошеніе и остатки ихъ сооруженій попадаются здѣсь до сихъ поръ. Но съ теченіемъ времени искусственное орошеніе было забыто и честь его возобновленія принадлежитъ юдинцамъ. У нихъ уже заимствовали его и нынѣшніе инородцы края. Оросительныя канавы, или мочаги, устраиваютъ цѣлымъ обществомъ, которое пользуется для этого большимъ паденіемъ здѣшнихъ рѣчекъ. Въ Юдиной вода проводится изъ двухъ незначительныхъ рѣчекъ—Сосы и Кандралы. Выбираютъ такое мѣсто, гдѣ вода рѣчки выше уровня той площади, которую думаютъ орошать, и отводятъ здѣсь воду посредствомъ центральной канавы. Отъ центральной канавы, посредствомъ цѣлой сѣти мелкихъ канавокъ, вода можетъ быть пущена на любой участокъ орошаемаго поля. Поля орошаются одинъ разъ втеченіе лѣта, — передъ началомъ сѣва. Въ это время каждый торопится захватить воду, и нужно караулить свою канаву съ водой, потому что иначе кто-нибудь можетъ запрудить ночью чужую канаву и пустить воду въ свою. На каждое поле воду пускаютъ втеченіе 1—2 сутокъ. Покосы орошаются уже послѣ посѣва; каждый покосъ орошается нѣсколько разъ. На этотъ разъ водою пользуются поочередно. Вообще въ рѣчкахъ, которыми пользуются юдинцы для орошенія, воды не всегда бываетъ достаточно и это порождаетъ споры.

Скота въ Юдиной много. Болѣе зажиточные держатъ на домъ 15—20 лошадей, до 100 головъ рогатаго скота и 150—200 овецъ; средніе имѣютъ лошадей 8—10, до 30 головъ рогатаго скота и 30—40 овецъ; наконецъ, у бѣдныхъ приходится на домъ лошадей 3—4, рогатаго скота 5—6 штукъ, овецъ до 10. Скотъ здѣсь очень дешевъ. Обыкновенно юдинцы отдаютъ свой скотъ въ табуны и въ стада къ инородцамъ, которые держатъ ихъ круглый годъ на подножномъ корму. Своихъ покосовъ юдинцамъ не хватаетъ, такъ что приходится арендовать у инородцевъ, платя рубля по 3 за десятину.

Около половины домохозяевъ Юдиной имѣетъ наемныхъ работниковъ, почти исключительно татаръ. Хорошій работникъ получаетъ здѣсь на хозяйскомъ содержаніи до 100 руб. въ годъ, средній рублей 70, плохой не болѣе 50 руб. Благодаря наемному труду и употребленію молотилокъ и вѣялокъ, юдинцы совсѣмъ не знаютъ такъ называемыхъ помочей, которыя въ Сибири въ большомъ ходу, и тѣмъ не менѣе всегда убираются съ хлѣбомъ своевременно, иногда даже раньше, чѣмъ въ окрестныхъ православныхъ деревняхъ, гдѣ посѣвы меньше и гдѣ ускоряютъ уборку помочи. Большинство татаръ православные. Священники заглядываютъ сюда раза два въ годъ, причемъ всегда останавливаются у татаръ. Въ остальное время за требами татары должны ѣздить въ сосѣдніе православные приходы.

Втеченіе четырехъ зимнихъ мѣсяцевъ, когда стоятъ рѣки, юдинцы занимаются извозомъ. Возятъ на алтайскіе пріиски хлѣбъ и мясо, на абаканскій заводъ уголь, выжигаемый подрядчикомъ, и дрова изъ смежныхъ дачъ. Извозомъ занимаются только бѣдные и средніе домохозяева,—всего около $^2/_3$ деревни. За послѣдніе годы доходность извоза стала замѣтно понижаться. Звѣроловствомъ занимаются немногіе и лишь въ свободное отъ другихъ работъ время.

Охотятся исключительно на бѣлку, сбывая ее (чистую) по 15 коп. штука.

Есть въ деревнѣ свои кузнецы, слесаря, сапожники. Изъ нихъ одни живутъ спеціально мастерствомъ, другіе занимаются имъ только между дѣломъ. Пашутъ юдинцы сохами и сабанами; кромѣ того, въ деревнѣ считается до 25 молотилокъ и до 25 вѣялокъ. Вѣялки мѣстной работы (по образцу Маріинскихъ); желѣзныя части молотилокъ и сошники получаются съ абаканскаго завода.

III.

— Все мы, братецъ [1]), съ вами обошли, а на могилку нашего писателя и не сходили, сказала мнѣ дѣвушка-молоканка, сопровождавшая меня при посѣщеніи разныхъ достопримѣчательностей деревни и ея окрестностей.

— Какой-же это у васъ писатель былъ? съ сомнѣніемъ въ голосѣ спросилъ я.

— А Бондаревъ. Извѣстный писатель,—самъ Толстой къ нему письма писалъ и хвалилъ его.

Мигомъ мнѣ вспомнился крестьянинъ-философъ, когда-то сильно занимавшій меня, вспомнилась восторженная статья о немъ Л. Н. Толстого и я съ живостью вскричалъ:

— Да неужели онъ здѣсь у васъ похороненъ?

— Здѣсь. Онъ вѣдь половину жизни здѣсь прожилъ,—сосланъ былъ къ намъ. Здѣсь онъ и сочиненія свои писалъ, отсюда и разсылалъ. Теперь уже года два какъ померъ.

Черезъ минуту я поспѣшно шагалъ по задворкамъ деревни къ кладбищу. Милая сестренка поспѣвала за мною и на-ходу наскоро разсказывала мнѣ о Бондаревѣ. Она оказалась его ученицей.

Могила Бондарева была нѣсколько въ сторонѣ отъ кладбища. Онъ самъ приготовилъ ее, самъ выстроилъ вокругъ нея большую и прочную ограду, выкрасилъ эту ограду, привезъ на могилу нѣсколько громадныхъ каменныхъ плитъ и покрылъ ихъ массою изрѣченій. Кромѣ того, на могилѣ находится крашеный столикъ съ выдвижнымъ ящикомъ, въ который былъ положенъ посмертный экземпляръ его извѣстнаго сочиненія «О трудолюбіи и тунеядствѣ». Онъ предоставлялъ посѣтителямъ право брать эту рукопись для прочтенія, но съ условіемъ возвращенія на прежнее мѣсто. Цѣлыхъ пять лѣтъ занимался Бондаревъ приготовленіемъ своей могилы. Особенно много труда потребовали плиты съ надписями. Сначала приходилось ихъ вытесывать и сглаживать, затѣмъ красить и какою-то особенною краскою писать на нихъ. Написалъ на нихъ Бондаревъ очень много. Здѣсь онъ передаетъ вкратцѣ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія, излагаетъ свое ученіе, сообщаетъ о своихъ неудачныхъ попыткахъ пропагандировать его и заканчиваетъ страстнымъ и сильнымъ протестомъ противъ существующихъ общественныхъ отношеній. Онъ надѣялся, что надписи эти сохранятся сотни лѣтъ, но

[1]) У молоканъ всякій единовѣрецъ называется братомъ, всякая единовѣрка—сестрою.

уже и теперь не все можно разобрать. Къ счастію, мнѣ удалось получить полную копію этихъ надписей, снятую вскорѣ послѣ смерти Бондарева.

Первыя строки надписей напоминаютъ обычныя надписи на могильныхъ камняхъ. «На этомъ мѣстѣ покоится прахъ Давида Бондарева. Все это я, Бондаревъ, написалъ при жизни моей своею рукою. Родился я Бондаревъ, въ 1820 г. апрѣля 3 дня, а скончалъ многострадальную и великаго оплакиванія достойную жизнь свою въ « » г. « » д. Здѣсь оставлены пробѣлы, которые слѣдовало заполнить послѣ смерти Бондарева, но объ этомъ никто не позаботился. Далѣе уже идутъ разсужденія, предназначенныя не болѣе, не менѣе, какъ поколѣніямъ будущихъ вѣковъ. «Все это пишу я, поясняетъ на плитѣ Бондаревъ,- не современнымъ мнѣ жителямъ, а тѣмъ будущимъ родамъ, которые послѣ смерти моей чрезъ 200 лѣтъ родятся. Почему-же такъ?—спросятъ меня современные жители. Это потому, что всякаго человѣка воображеніе такое, что всѣ тѣ люди хорошіе и даже святые отцы, которые прежде насъ были, также и тѣ хорошіе, которые послѣ насъ будутъ, а при насъ все негодяи. А также и я, живши на свѣтѣ, былъ негодяй, а теперь вотъ, какъ прошло не одно столѣтіе со дня смерти моей, вотъ теперь, какъ имя мое исчезло и память изгладилась съ лица всей земли,—вотъ теперь и я, Бондаревъ, хорошій и великаго уваженія достоинъ...»

Пересказывая взгляды Бондарева, поскольку они высказались въ его рукописныхъ сочиненіяхъ и въ обширной перепискѣ, мнѣ придется обойти молчаніемъ наиболѣе рѣзкія, сильныя и яркія мѣста его ученія.

Біографія Бондарева не сложна. Въ одномъ частномъ письмѣ онъ о себѣ говоритъ: «До сорока годовъ помѣщикъ на хребтѣ моемъ ѣздилъ и удила въ ротъ мнѣ закладывалъ (удила это не буквально, а иносказательно,—поясняетъ онъ). А потомъ отдалъ меня въ солдаты по тогдашнимъ законамъ на 25 годовъ. Трое маленькихъ дѣтей, а четвертый за поясомъ остались съ одной матерью при крайней бѣдности и въ его-же тигрскихъ когтяхъ. А теперь жена и дѣти при мнѣ». Какъ видно изъ рукописи Бондарева, онъ былъ отданъ въ солдаты на 38-мъ году жизни за то, что, идя мимо дома своего помѣщика, вылилъ на землю изъ бутылки ненужную ему воду. Помѣщикъ принялъ его за колдуна и въ наказаніе отдалъ въ солдаты. На службѣ, какъ видно изъ частнаго письма этого лица, близко знавшаго Бондарева въ то время, онъ, будучи православнымъ, «былъ военный діаконъ, а. когда позналъ законъ Божій, совершилъ обрядъ обрѣзанія въ станицѣ Михайловской, Кубанской области. За отпаденіе отъ православія онъ и былъ сосланъ. Самъ Бондаревъ о причинахъ своей ссылки умалчиваетъ, такъ что Гл. Успенскій пишетъ даже, что онъ добровольно переселился въ Енисейскую губернію. Это не вѣрно. Въ мѣстномъ волостномъ правленіи я самъ видѣлъ ссыльно-поселенческій статейный списокъ Бондарева. Здѣсь значится, что «Тимофей [1]) Михайловъ Бондаревъ

[1]) Христіанское имя Бондарева Тимофей. Чѣмъ объяснить нѣкоторое несходство цифръ статейнаго списка съ собственными показаніями Бондарева, рѣшить не берусь.

сосланъ въ 1867 году, 26 лѣтъ, изъ казачьяго 26 полка казачьяго кубанскаго войска по рѣшенію военно-судной комиссіи», причемъ «лишенъ установленной медали въ память минувшей войны и воинскаго званія». Примѣты Бондарева обозначены въ статейномъ спискѣ такъ: «росту 2 арш. 7 верш., лицомъ смуглъ, глаза кари, волосы на бородѣ и головѣ черные». Далѣе изъ данныхъ волостного архива видно, что въ 1877 году Бондаревъ находился въ безвѣстной отлучкѣ, былъ повсемѣстно разыскиваемъ и исключенъ съ оклада. Въ 1878 г. онъ уже снова числится на окладѣ.

За писательство Бондаревъ взялся уже въ ссылкѣ. Здѣсь-же, повидимому, выработались и его взгляды. Любопытенъ его собственный разсказъ объ этомъ. «Не лишнимъ считаю объяснить читателямъ, что меня первоначально понудило принять на себя трудъ этотъ, говоритъ Бондаревъ, въ своей рукописи «О трудолюбіи и тунеядствѣ». Была ли у меня при томъ какая-либо корыстная цѣль? Нѣтъ, не было, а вотъ какой случай заставилъ меня дѣло это принять на себя. Въ 1874 году въ августѣ мѣсяцѣ на закатѣ солнца иду я съ уборки хлѣба. Первое отъ преклонныхъ годовъ, а второе отъ тяжелыхъ дневныхъ работъ едва ноги передвигаю, а дорога моя состоитъ изъ 5-ти верстъ. Ѣдетъ навстрѣчу мнѣ одинъ мало-мало-знатненькій господинъ на легкомъ тарантасѣ, облокотился на красной подушкѣ лицомъ на мою сторону. Я, не поровнявшись съ нимъ на пять шаговъ, снялъ шапку и ему поклонился. И что-же? Онъ на мой поклонъ ни рукой, ни головой никакого признака въ отвѣтъ не сдѣлалъ, а только съ какимъ-то омерзеніемъ исподлобья взглянулъ на меня. И этотъ варварскій его поступокъ противъ меня какъ острый ножъ прошелъ сквозь сердце мое и убилъ печалью нестерпимою мою душу. И тутъ я поговорилъ кой-что заочно съ нимъ, а отъ него перешелъ и ко всѣмъ ему подобнымъ шарлатанамъ. Прежде я чувствовалъ усталость въ ногахъ, а теперь про нее забылъ: иду и ногъ подъ собой не слышу. Вотъ это былъ первый толчекъ, принудившій меня принять на себя трудъ этотъ».

Главный пунктъ ученія Бондарева состоитъ, какъ извѣстно, въ обязанности для каждаго безъ изъятія земледѣльческаго труда. Въ этомъ онъ видитъ искупленіе первороднаго грѣха, выполненіе главной и первой Божьей заповѣди, единственное и всемогущее средство для устраненія всѣхъ золъ современной общественной жизни. Первую заповѣдь—«въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой» онъ ставитъ эпиграфомъ къ своему сочиненію и принимаетъ въ буквальномъ смыслѣ.

Только позднѣе Бондаревъ, какъ говорятъ, благодаря постороннему вліянію, сдѣлалъ уступку. Въ своей посмертной рукописи онъ говоритъ: «Хлѣбный трудъ—это первородный законъ, эпитемія, наложенная на человѣчество за грѣхъ Адама и обязательная для всѣхъ насъ... Говорю ли я этимъ, чтобы неотмѣнно всѣмъ работать хлѣбъ? Нѣтъ. По крайне уважительнымъ и неизбѣжнымъ причинамъ вѣчно не работай и не прикасайся къ этому труду и будешь правъ передъ Богомъ и предъ людьми. Только одно—не гнушайся какъ этою работою, такъ и работающимъ ее».

Излагается все его ученіе въ сочиненіи «О трудолюбіи и туне-

дствѣ». Сочиненіе это онъ безконечное число разъ переписывалъ и передѣлывалъ и въ рукописи посылалъ къ разнымъ представителямъ высшей администраціи, надѣясь, что они проникнутся его ученіемъ и законодательнымъ путемъ приведутъ его мысль къ осуществленію. Въ посмертной рукописи Бондаревъ говоритъ, что онъ 24 года ходатайствовалъ объ осуществленіи своей идеи, что это обошлось ему въ 800 руб. Но всѣ его попытки не имѣли успѣха и онъ ни откуда не получалъ отвѣта. «Какъ въ мертвыя руки вкладываю, жалуется онъ, какъ въ слѣпыя очи показываю, какъ въ глухія уши говорю,—отвѣта нѣтъ».

Въ своей посмертной рукописи Бондаревъ, между прочимъ, говоритъ: «Я пять книгъ написалъ объ этомъ (т. е. о трудѣ и тунеядствѣ) и всѣ они отправлены къ власть имущимъ, и каждая изъ нихъ по 200 цѣлыхъ необрѣзныхъ листовъ... Да я-же не какой-нибудь громкій писатель, чтобы сразу написать: у меня еще черновыхъ бумагъ два раза столько вышло, т. е. 3 тысячи листовъ списалъ, а я писалъ тихо, едва-едва рука движется. Ну, представьте-же, читатели, предъ умныя души своей очи, сколько тутъ время потреблено и сколько трудовъ положено... Да не пришелъ ли и безъ того непрочный домикъ мой въ великій упадокъ? А что меня къ тому понудило? Была ли у меня корыстная цѣль при этомъ? Нѣтъ. Я не ждалъ себѣ ничего хорошаго, потому что я въ этомъ произведеніи бѣлоручковъ горячѣй огня пеку и холоднѣй мороза зноблю...»

IV.

Послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ посылокъ своей рукописи къ разнымъ лицамъ, Бондаревъ послалъ ее въ половинѣ 80-хъ годовъ въ г. N. «въ городскую музею, въ домъ Бѣлова, гдѣ собраны со всего свѣта рѣдкости». Рукопись носила заглавіе «Трудолюбіе или торжество земледѣлія». Здѣсь ее прочитали и копіи съ нея послали Л. Н. Толстому и Г. И. Успенскому. Первый встрѣтилъ ее восторженно и въ 1888 году помѣстилъ въ «Рус. Бог.» статью, въ которой развилъ нѣкоторыя мысли Бондарева. Въ одномъ частномъ письмѣ по поводу Бондарева Толстой утверждалъ даже, что «русская мысль, съ тѣхъ поръ, какъ она начала выражаться, со всѣми своими университетами, академіями, книгами и журналами не создала ничего равнаго по глубинѣ и значительности произведеніямъ двухъ мужиковъ—Бондарева и Сютаева». Успенскій отозвался о рукописи Бондарева тоже съ теплотою и посвятилъ его теоріи нѣсколько очерковъ («Трудами рукъ своихъ», «Мечтанія», т. II), въ которыхъ усматриваетъ въ этой самобытной мужицкой теоріи труда всеискупляющую и всеисцѣляющую силу.

Съ этихъ поръ началась извѣстность Бондарева. Толстой вступилъ съ нимъ въ переписку и въ письмахъ признавалъ, что сочиненіе это имѣло громадное вліяніе на его міросозерцаніе. Втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ хлопоталъ онъ о разрѣшеніи издать сочиненіе Бондарева, но безуспѣшно. Кончилось тѣмъ, что сочиненіе это

вышло на французскомъ языкѣ въ сокращенномъ переводѣ Амедея Паже, съ предисловіемъ автора и вступительной статьей Л. Н. Толстого, подъ наблюденіемъ котораго сдѣланъ былъ переводъ [1]).

«Бондаревъ,—говоритъ А. Паже въ предисловіи къ французскому изданію,—мужикъ Минусинскаго округа. Онъ принадлежитъ къ тому классу многочисленныхъ въ Россіи крестьянъ, который ищетъ истину въ священныхъ книгахъ. Большая часть изъ нихъ знаетъ и читаетъ только евангеліе; Бондаревъ-же, принадлежащій къ сектѣ субботниковъ, читаетъ почти только Библію. Съ трудомъ разбирая ее по складамъ, онъ наткнулся на одно изрѣченіе, которое приковало его вниманіе, изумило его. Видя въ этомъ изрѣченіи законъ, данный Богомъ для мужчинъ и состоящій въ необходимости ручного труда, онъ думалъ сначала, что открылъ разрѣшеніе всѣхъ общественныхъ вопросовъ. Убѣжденный, что искупленіе можетъ совершиться только черезъ трудъ, онъ, не умѣвшій до тѣхъ поръ взять въ руки перо, принялся учиться писать своей огрубѣлой рукой, чтобы имѣть возможность разгласить то, что онъ считалъ за истину изъ истинъ. Какъ скоро трудность эта была преодолѣна, онъ, уже шестидесятилѣтній старикъ, взялся за перо съ намѣреніемъ изложить свои мысли и свои убѣжденія, и такимъ образомъ написалъ сочиненіе, въ которомъ подъ формой библейскихъ стиховъ старался доказать, что земледѣліе—преимущественный трудъ. Сколько неимовѣрныхъ трудовъ стоило ему это сочиненіе! Но онъ, работая днемъ на полѣ, а ночью надъ своею книгою, преодолѣлъ всѣ трудности, происходящія отъ его незнанія и преклоннаго возраста».

Сочиненіе Бондарева Ам. Паже въ предисловіи характеризуетъ такъ: «Содержаніе сочиненія Бондарева интересно и поучительно. У этого мужика глубина мысли смѣшивается съ наивностью. Безъ сомнѣнія, мысль, благодаря особенной терминологіи и библейскому стилю автора, не всегда ясна, но стоитъ только читать съ небольшимъ вниманіемъ, чтобы преодолѣть эти затрудненія».

Л. Н. Толстой тогда-же прислалъ Бондареву французское изданіе его сочиненія, но книжка три года лежала непрочитанной, потому что Бондаревъ не могъ найти переводчика. Наконецъ, одинъ знакомый Бондарева сдѣлалъ для него переводъ этой книжки. «И что-же я тамъ увидалъ, пишетъ по этому поводу Бондаревъ одному изъ своихъ друзей, венгерскому врачу Душану Маковицкому.—Я увидалъ тамъ то, что платье на себѣ разодралъ и волосы оборвалъ отъ досады и неудовольствія. Какъ (такъ) ссудомлена да сковеркана, (что) когда я ее первый разъ читалъ, то я тогда былъ не человѣкъ, а какой-то извергъ человѣческаго рода. Ахъ, увы, горе! ахъ, увы, бѣда! и теперь всѣ тѣ нелѣпыя и смѣху достойныя сплетни на меня устремятся, а представьте, Душанъ Петровичъ, причиною ли я тому?» Дальше Бондаревъ жалуется въ томъ-же родѣ и всячески ругаетъ переводчика. «Писать такъ, какъ у меня написано, это онъ признаетъ низкимъ для себя, а у самого толку нѣту, какъ сказать и чего написать, потому и изуродовалъ, какъ хуже быть не можетъ».

---

[1]) Объ этомъ говоритъ переводчикъ въ предисловіи.

Мнѣ кажется, всѣ эти жалобы въ значительной мѣрѣ являются плодомъ недоразумѣнія. Мнѣ пришлось сравнивать текстъ подлинника съ текстомъ конспектированнаго перевода и я былъ не удовлетворенъ послѣднимъ, но совсѣмъ по особой причинѣ. Переводчикъ, искренно проникшійся ученіемъ Бондарева, старался полно и точно передать положительную часть его ученія, выяснить тѣ рѣшенія соціальнаго вопроса, который онъ предлагаетъ. Другую, отрицательную часть ученія Бондарева, гдѣ авторъ критикуетъ существующія общественныя отношенія, нападаетъ на современный общественный строй и рѣзко порицаетъ его недостатки, переводчикъ скомкалъ и, считая, повидимому, вещью второстепенною, сократилъ и обезличилъ ее. Это большой недостатокъ перевода, но едва ли именно это возмутило Бондарева, потому что дѣйствительно на первый планъ въ его сочиненіи выдвигается первая, положительная часть. Недаромъ и Толстой признаетъ переводъ хорошимъ и, въ отвѣтъ на жалобы Бондарева, пишетъ, что выпущено въ переводѣ только ненужное и неважное, что могло только затемнить главную мысль. Мнѣ кажется, недовольство Бондарева кроется въ особомъ складѣ его ума и даже самый точный переводъ не удовлетворилъ бы его.

Мнѣ пришлось читать рядъ писаній Бондарева. Здѣсь былъ его «Трудъ» въ первоначальномъ видѣ, какимъ онъ вышелъ изъ-подъ его пера въ 1881 году, здѣсь былъ и тотъ-же «Трудъ», переработанный и законченный передъ самою смертью автора; здѣсь были и другія его статьи, равно какъ и обширная его переписка съ разными лицами, начиная съ Толстого и заграничныхъ послѣдователей послѣдняго, заинтересовавшихся Бондаревымъ, и кончая мѣстными обывателями. Вся эта груда бумаги показываетъ, что Бондаревъ очень мало прогрессировалъ въ развитіи своихъ идей: всѣ его писанія являются повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ-же мыслей, одниxъ и тѣхъ-же доказательствъ, однихъ и тѣхъ-же убѣжденій. Даже то, что онъ самъ присылалъ за произведеніе совершенно новое, оказывалось обыкновенно повтореніемъ уже говореннаго раньше. Ему трудно было отрѣшиться не только отъ своей основной мысли, но и отъ частностей, даже отъ самаго способа выраженія. Поэтому онъ часто повторяетъ не только мысли, но и цѣлыя фразы. Какъ во многихъ народныхъ пѣсняхъ, въ его писаніяхъ то и дѣло повторяются его излюбленныя фразы безъ всякой перемѣны. Ему трудно облечь въ новую одежду свою излюбленную мысль, онъ даже не узнаетъ ее въ новой одеждѣ, потому что содержаніе у него по привычкѣ сливается съ извѣстною формою. Подробно обосновавъ въ вдохновенномъ порывѣ свою теорію, онъ уже потомъ былъ не въ состояніи наложить на нее руки, не могъ къ ней ничего прибавить и ничего убавить отъ нея. Уступка, о которой я говорилъ выше, является единственною.

Вѣроятно, потому Бондарева испугалъ французскій переводъ его книги, показавшійся ему уродствомъ и пародіей на его сочиненіе, вѣроятно, потому одному моему знакомому, который попытался было своими словами въ популярной формѣ изложить письменно ученіе Бондарева, послѣдній, по прочтеніи популяризаціи, сказалъ, что тотъ его не понялъ. Вѣроятно, Бондарева смущало измѣненіе формы и частностей.

Кромѣ французскаго перевода А. Паже, книга Бондарева была переведена на словенскій языкъ и вмѣстѣ съ предисловіемъ Л. Н. Толстого напечатана въ 1897 г. въ словенскомъ «Поучномъ читаніи». Затѣмъ она напечатана была отдѣльнымъ изданіемъ въ 5 тыс. экземпляровъ. Была переведена она и на чешскій языкъ. По этому поводу венгерскій врачъ Маковицкій писалъ Бондареву: «Главное восхищаются вашей статьей (т. е. сочиненіемъ о трудѣ) наши словенскіе крестьяне, читая ее. Говорилъ съ нѣсколькими такими. Но и писатели, университетскіе профессора хвалятъ ее».

V.

Бондаревъ любитъ подчеркивать, что самъ онъ выполняетъ тѣ требованія, которыя считаетъ обязательными для всѣхъ, что, какъ мужикъ-земледѣлецъ, онъ имѣетъ право высказывать такія мысли. «Я пишу, говоритъ онъ, отъ имени всѣхъ земледѣльцевъ и противъ всѣхъ тѣхъ, которые не производятъ трудомъ собственныхъ рукъ необходимаго для нихъ хлѣба... Но имѣю ли я право говорить и писать о трудѣ и праздности? Я широко имѣю это право и хочу имъ воспользоваться». Доказывая общеобязательность хлѣбнаго труда между прочимъ тѣмъ, что хлѣбъ необходимъ каждому, онъ говоритъ: «Въ заключеніе я васъ прошу, читатель, не кушать въ продолженіе двухъ дней, прежде чѣмъ критиковать мою книгу».

Вотъ его собственный разсказъ о его земледѣльческихъ занятіяхъ, вошедшій въ его посмертную рукопись:

«До тридцатилѣтняго возраста я служилъ пахаремъ у помѣщика на Дону, по фамиліи Чернозубова. Конечно, каждый знаетъ, насколько обременены работой люди въ моемъ положеніи. Позднѣе помѣщикъ забрилъ меня въ солдаты и мои пятеро ребятъ, всѣ въ маломъ возрастѣ, остались подъ тѣмъ-же игомъ,—тяжелымъ, нестерпимымъ...

«Когда я прибылъ въ Сибирь, въ 1857 году, со своей женой и двумя дѣтьми, все наше состояніе заключалось единственно въ тѣхъ одеждахъ, которыя были на насъ и которыя были выданы намъ отъ казны. Но спустя четырнадцать лѣтъ я пріобрѣлъ небольшой домикъ съ его принадлежностями, такъ что теперь я стою наравнѣ съ крестьяниномъ, жившимъ здѣсь все время. И какимъ образомъ я нажилъ все это? Исключительно обрабатываніемъ земли. Вотъ количество работы, которое я могу исполнить: когда жнутъ хлѣбъ, тамъ, гдѣ два добрыхъ работника съ трудомъ успѣваютъ вязать за однимъ жатвенникомъ, я поспѣваю одинъ, несмотря на мои 65 лѣтъ, и работа моя такъ-же хороша, и снопы мои такъ-же крѣпко связаны.

«Богъ свидѣтель, читатель, что я говорю истину!»

Бондаревъ придаетъ большое значеніе своимъ сочиненіямъ объ обязательности для всѣхъ хлѣбнаго труда, гордится ими и съ чисто-дѣтскою наивностью увѣренъ, что они всѣмъ извѣстны. Это чувствуется во многихъ его частныхъ письмахъ. Такъ, одно изъ нихъ онъ начинаетъ слѣдующими словами: «Какъ вы меня, Бондарева, лично не знаете, также и я для васъ естественно незнакомъ. А мнѣ кажется, что вы обо мнѣ, писателѣ трудолюбія и тунеядства,

много слыхали... От всего сердца и отъ всей души желаю быть съ вами близко знакомымъ, такъ-же, какъ и съ Л. Н. Толстовымъ: у насъ съ нимъ вотъ уже 15 годовъ непрерывная переписка идетъ»... Другое его письмо начинается такъ: «Если не лично, то по вѣрнымъ слухамъ извѣстный вамъ Бондаревъ, проповѣдникъ трудолюбія и тунеядства (!), доношу до свѣдѣнія вашего слѣдующее» и т. д...

Въ своей деревнѣ Бондаревъ, однако, особенной популярностью не пользовался. Онъ былъ близокъ съ 3—4 юдинцами, остальные-же крестьяне относились къ нему какъ къ юродивому. Уже послѣ того, какъ Толстой и Успенскій посвятили ему статьи, у Бондарева стали завязываться знакомства съ интеллигентными людьми. Онъ сталъ иногда бывать въ Минусинскѣ, гдѣ бывалъ между прочимъ у политическихъ ссыльныхъ; къ нему-же въ деревню тоже иногда заглядывали интеллигенты, главнымъ образомъ толстовцы. Но всѣ эти знакомства мало оказали вліянія на Бондарева: единственнымъ результатомъ было его признаніе, что въ исключительныхъ случаяхъ можно и не заниматься хлѣбнымъ трудомъ.

Бондаревъ не былъ человѣкомъ религіознымъ, по отзыву близко знавшихъ его людей. Религіозные обряды онъ исполнялъ далеко не всѣ, да и то, какъ онъ говорилъ, только для того, чтобы на него не сердились единовѣрцы. Въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія онъ открыто высказывается противъ религіозной обрядности и лицемѣрія. Священное писаніе онъ зналъ хорошо и часто цитировалъ, но не всему безусловно вѣрилъ. По отзыву сына, Бондаревъ подъ конецъ жизни сомнѣвался и въ православіи, и въ іудействѣ,—и «вѣрилъ въ одного только Бога».

Въ Юдиной Бондаревъ жилъ лѣтъ 25. Лѣтомъ онъ занимался хлѣбопашествомъ, а зимою училъ дѣтей грамотѣ. За платою за ученіе онъ не гнался и потому одни ему платили, другіе нѣтъ. Ему юдинцы обязаны обиліемъ грамотныхъ въ своей деревнѣ. Самъ онъ читалъ почти исключительно книги священнаго писанія. Однажды ему Толстой прислалъ свои маленькія книжки о пьянствѣ, о табакѣ и т. д. Бондаревъ обидѣлся, что тотъ прислалъ ему только мелкія и популярныя книжки и говорилъ: «что онъ за маленькаго что ли меня считаетъ, что такія книжки прислалъ».

Умеръ Бондаревъ въ августѣ 1898 года. До самой смерти онъ сохранилъ крѣпость и способность къ работѣ. Могилу себѣ онъ началъ готовить еще за пять лѣтъ до смерти. Точно также еще задолго до смерти онъ приготовилъ цѣлую тетрадь подъ заглавіемъ «Письмо къ Богу». Въ этой рукописи онъ подробно высказывалъ свои убѣжденія и просилъ при погребеніи вложить ее ему въ руки въ качествѣ оправдательнаго документа. Вмѣстѣ съ собою онъ велѣлъ зарыть въ могилу всѣ свои бумаги и письма, за исключеніемъ посмертной рукописи «О трудолюбіи и тунеядствѣ», которую велѣлъ положить въ ящикъ столика на своей могилѣ. Всѣ эти приказанія его были исполнены. Въ числѣ бумагъ, зарытыхъ съ Бондаревымъ, было, говорятъ, много писемъ къ нему Л. Н. Толстого. Мнѣ изъ этихъ писемъ удалось найти только шесть, хотя ихъ было несомнѣнно больше.

Теперь о Бондаревѣ въ Юдиной не прочь поговорить; многіе считають себя его послѣдователями и единомышленниками, называются его друзьями. Но видно все-таки, что Бондаревъ былъ выше ихъ головою и что многаго въ немъ они даже не понимають. Мнѣ пришлось подробно бесѣдовать съ близкимъ другомъ Бондарева Гавр. Петр. Редянинымъ, который считаетъ себя полнымъ единомышленникомъ покойнаго философа-самоучки, но онъ уже далеко не то, что Бондаревъ. Это типичный сектантъ-начетчикъ, умѣющій обращаться съ текстами, привыкшій къ диспутамъ. Онъ не умѣетъ говорить отъ ума, какъ умѣлъ Бондаревъ, а потому и не убѣдителенъ. Въ разговорѣ о теоріи Бондарева онъ налегаетъ почти исключительно на религіозно-схоластическую часть ученія послѣдняго. Когда обратишь его вниманіе на общественно-экономическую сторону ученія Бондарева, онъ соглашается, что все это очень важно, вспоминаетъ, что они говорили объ этомъ съ Бондаревымъ, но соглашается онъ только отъ нежеланія противорѣчить. Какъ только вы замолчите, онъ снова возвращается къ старой темѣ, снова обращается къ священному писанію, какъ къ единственному источнику аргументовъ.

Дѣйствительныхъ послѣдователей и единомышленниковъ Бондарева въ Юдиной не осталось ни одного, хотя главная мысль его въ нѣсколько измѣненной формѣ присуща всему русскому народу.

VI.

Бондаревъ—несомнѣнно выдающаяся по таланту и энергіи личность. Писалъ онъ, несмотря на свою малограмотность, сильнымъ, яркимъ и образнымъ языкомъ. При иныхъ условіяхъ изъ него могъ бы выработаться глубокій и оригинальный философъ или крупный художникъ. Это одна изъ силъ, задушенныхъ своимъ общественнымъ положеніемъ.

Въ ученіи Бондарева нужно различать двѣ части: 1) отношеніе ученія къ существующему общественному строю, критика его недостатковъ и 2) указаніе средствъ къ устраненію этихъ недостатковъ. Нерѣдко ученія, очень сильныя, трезвыя и разумныя въ первой части, обнаруживаютъ большую наивность и мечтательность во второй. И это вполнѣ естественно: для перваго достаточно простого неизвращеннаго разсудка и отзывчивости на вопросы окружающей жизни, тогда какъ для удовлетворительнаго разрѣшенія второго вопроса необходима сверхъ того практическая сноровка и нѣкоторое гражданское воспитаніе. Неудивительно поэтому, что большая часть средствъ, рекомендуемыхъ нашими сектантами-раціоналистами въ качествѣ панацеи отъ общественныхъ золъ, свидѣтельствуетъ о ихъ поразительной общественно-политической незрѣлости.

Съ тѣмъ-же явленіемъ встрѣчаемся мы и въ теоріи Бондарева. Онъ трезво смотритъ на окружающую дѣйствительность и не скупится на обличеніе существующихъ неправдъ. И покуда онъ оперируетъ въ этой области, покуда онъ доказываетъ, что такъ жить нельзя, онъ великъ и силенъ, онъ увлекаетъ и подчиняетъ. Читателя невольно

захватываетъ рѣзкое бичеваніе современности, съ необычайной рельефностью возстаютъ передъ нимъ всѣ окружающіе недостатки жизни, бьютъ въ глаза язвы нашего общественнаго организма. И онъ торопливо слѣдитъ за неуклюжей и дубовой, но сильной и образной рѣчью мужика-философа, онъ ждетъ отъ него отвѣта на вопросъ: «гдѣ-же выходъ».

Бондаревъ даетъ этотъ отвѣтъ. Онъ обставляетъ положительную часть своего ученія массою всевозможныхъ доказательствъ, на первый взглядъ неопровержимыхъ; съ изумительнымъ терпѣніемъ и энергіею онъ проповѣдуетъ это ученіе цѣлые годы. Онъ до того былъ увѣренъ въ близкомъ торжествѣ своего ученія, что, пуская въ свѣтъ свою рукопись въ 1881 г., онъ предсказывалъ осуществленіе своего ученія въ слѣдующемъ 1882 г. Ему казалось, что весь міръ ослѣпленъ и что всѣ, какъ только прочтутъ его сочиненіе, обратятся къ новой жизни и всеобщій земледѣльческій трудъ преобразитъ лицо земли.

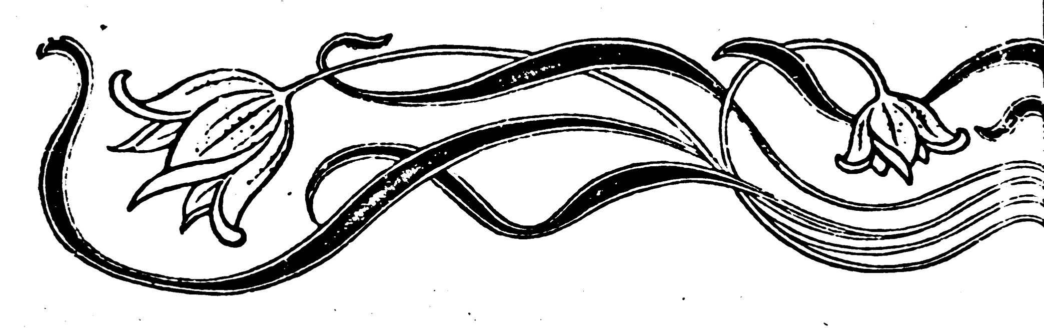
Но жизнь гораздо сложнѣе, чѣмъ это казалось Бондареву.

Тѣмъ не менѣе, если когда міръ возродится, если исчезнутъ когда злоба, зависть и несправедливость, если настанетъ пора, когда «погибнетъ Ваалъ», когда—

Не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,
Ни безкрестныхъ могилъ, ни рабовъ,
Ни нужды,—безпросвѣтной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорныхъ столбовъ,—

то человѣчество съ благодарностью вспомнятъ тогда утопистовъ, мечтавшихъ о всеобщемъ счастьѣ въ наше трудное и черное время. Его судъ будетъ менѣе строгъ, чѣмъ судъ современниковъ, которые смотрятъ прежде всего на осуществимость утопій, на ихъ практическую сторону. Тогда и Бондарева, который въ наше время кажется неисправимымъ безпочвеннымъ идеалистомъ, вспомнятъ съ благодарностью, какъ одного изъ наиболѣе оригинальныхъ среди людей, прожившихъ свой вѣкъ въ поискахъ правды.

В. Арефьевъ.

Впечатлѣнія.

I.

Море.

Безграничное, безпредѣльное, то спокойное, ласкающее, то грозное и непобѣдимое море...

Хорошо оно днемъ, въ тихую погоду, когда яркое солнце озаряетъ его своимъ пламенемъ и едва замѣтныя волны чуть слышно набѣгаютъ на песокъ, шепчутся съ нимъ и снова уходятъ...

Что говорятъ волны?

Какую тайну повѣряютъ онѣ песку?

Быть можетъ разсказываютъ онѣ о погибшихъ корабляхъ, о золотѣ, погребенномъ въ ихъ глубинѣ, или хвалятся богатствомъ, разнообразіемъ рыбъ, красотою водорослей?

Въ ихъ шопотѣ слышится что-то грустное, жалобное, будто молятъ онѣ о сочувствіи...

Но холодный песокъ равнодушно внимаетъ имъ и убѣгаютъ волны непонятыя и неутѣшенныя.

На что-же жалуются онѣ, что случилось съ грознымъ великаномъ-моремъ?

Взволновало его нѣчто новое, до сихъ поръ невѣдомое, такое, что можетъ бросить на вершину счастья и въ бездну отчаянія — море полюбило...

Полюбило оно и хочется ему обнять свою красавицу,

одному любоваться ею, убаюкивать тихимъ ропотомъ, качать на гребняхъ пушистыхъ волнъ...

Но далека и холодна его возлюбленная...

Лишь ночью появляется она на далекомъ небѣ, отвергивая полупрозрачный пологъ облаковъ, и льетъ изъ задумчивыхъ очей струистые лучи, серебрянымъ потокомъ отражаясь въ морѣ...

А море все трепетъ, все страсть, ловитъ любимый образъ, бережно переноситъ съ волны на волну, со страхомъ и надеждой ищетъ отвѣта...

Но попрежнему равнодушна луна въ своей недосягаемой прелести...

Дрогнуло море отъ горя и обиды.

Высоко поднялись сѣдыя громады, летятъ прозрачныя брызги, точно хотятъ осыпать луну сверкающими каплями и пробудить ее къ жизни, къ любви. Съ бѣшенымъ ревомъ бьются волны одна о другую, снова несутся и разбиваясь, обращаются то въ пыль, то въ могучій порывъ...

Вотъ подхватили онѣ утлый челнъ и напрасно молитъ о спасеніи рыбакъ. Мигъ одинъ—и лодка опрокинута, унесена, а молодой рыбакъ тщетно борется съ безпощадной стихіей...

Разметались волосы, побѣлѣло лицо, глаза устремлены въ нѣмой тоскѣ къ небу...

Что не могло сдѣлать море, сильное и страстное, сдѣлала юность, кроткая и молящая.

Ярко вспыхнули блѣдныя очи луны и нѣжные, мягкіе лучи полились къ морю, лаская и ободряя погибающаго...

Но море не поняло, къ кому относились эти ласки...

Казалось ему, что красавица полюбила его за всесокрушающую мощь, разыгралось оно сильнѣй и однимъ неудержимымъ порывомъ выбросило безчувственнаго юношу на берегъ.

Затрепетала луна отъ счастья и радости, благодарно блеснувъ разбушевавшимся волнамъ и вновь погрузилась въ мечтательное созерцаніе милаго.

Море, бѣдное обманутое море—напрасно ликовало...

И лишь волны, разсказывая на другой день песку о заблужденіи своего властелина, тихо роптали, убѣгая вдаль...

Р. Повалишина.

II.

Осень.

(Посвящается Р. П. П).

Сѣро, скучно, темно...

Грязное небо, мгла въ воздухѣ, дни безъ солнца, и ночи безъ звѣздъ и мѣсяца. По небу стелятся свинцовыя облака, дождь стучитъ по крышѣ, вѣтеръ гонитъ воду въ лужахъ...

Осень въ каменномъ, холодномъ городѣ...

Осень...

Непривѣтливо и грустно вокругъ: погода и городъ поразительно похожи другъ на друга.

Скучно, тяжело...

Люди—какъ дни безъ солнца—хмурые, бездушные, безсердечные.

Лишь изрѣдка солнце какъ-то конфузливо покажется на небѣ и снова надолго скроется.

Не мѣсто ему здѣсь...

Осень...

Пришла она сѣрая, моросящая дождемъ, мглой смѣнила блескъ дня, подернула его дымчатымъ покровомъ.

Темно, холодно...

Не всходитъ больше солнце яркимъ потокомъ на небо, не охватываетъ теплыми объятьями природу, и лучи, купаясь въ тихомъ морѣ, не заглядываютъ болѣе въ гребешки волнъ, лаская кусты и деревья, проникая въ чащу, цѣлуя какъ головку любимой женщины каждый волосокъ,—всѣ вѣтки, всѣ листки.

Ласково будило солнце птицъ въ гнѣздѣ, весело вылетали онѣ, расправляя свои крылья, звонко окликая другъ друга, перелетали съ дерева на дерево, здороваясь съ лѣсомъ...

Начинался день ясный, теплый, все оживало послѣ короткаго сна.

Тѣ дни были далеко отъ каменнаго города, тамъ, гдѣ голубое море неслышно катитъ воды къ берегу, ласково гладя песокъ и гдѣ сосны со скалъ склоняются къ морской волнѣ любуясь въ ней своей красотой, а она робкая, тихая, привѣтливо шепчется съ берегомъ, словно дѣвушка впервые говоритъ милому—люблю, дорогой мой...

День разгорался и все въ немъ жило.

Въ сладостной истомѣ тепла трепетали деревья и плескъ волнъ сливался съ шелестомъ листьевъ.

Тихо спускалось солнце краснымъ огненнымъ шаромъ,

приближаясь къ морю...ближе, ближе и слилось съ нимъ въ поцѣлуѣ...

Зардѣлось небо яркимъ пламенемъ, засверкали разноцвѣтными огнями чешуйки облаковъ... И все слилось въ гармонію неба и моря, въ краскахъ причудливыхъ, разнообразныхъ.

А солнце таяло въ объятьяхъ моря... вотъ уже только одна корона виднѣется... меньше... меньше и скрылось оно, забываясь короткимъ сномъ...

Теплая, ясная ночь спустилась на землю...

Ночь блѣдная какъ мѣсяцъ, чистая какъ звѣзда...

Въ минуты, когда природа, утомленная долгимъ, жаркимъ днемъ, тихо засыпаетъ спокойнымъ сномъ съ ясной улыбкой и ангелъ приходитъ сторожить этотъ сонъ, начинаешь чувствовать, что миръ проникаетъ въ душу...

Дивная, чистая ночь!..

Когда сходитъ она на землю въ своей величавой красѣ и окутываетъ природу задумчивымъ свѣтомъ, — боишься произнести слово, чтобы звукомъ не разбудить сна воздуха и слышенъ въ безпредѣльной тишинѣ лишь тихій плескъ волны и чудится будто шепчетъ она о чемъ-то непонятномъ-далекомъ, но чудно хорошемъ...

Музыка сперва едва слышна, но ближе, ближе звукъ несется—яснѣй, яснѣй шопотъ волнъ и понятнѣй душѣ ихъ чистая рѣчь:

— На землѣ одно только счастье—любовь и жизнь пойметъ лишь, кто любовь узнаетъ. Она звѣзда виѳлеемская, утро яснаго мая, жизни краса, царица грезъ.

Она живетъ въ высокомъ теремѣ луннаго свѣта и, когда придетъ властная, разумъ заполонитъ, все существо человѣка, какъ роса цвѣтокъ, освѣжитъ, въ душу вселится и станетъ святая святыхъ.

Въ ней миръ и радость, безъ нея мракъ и одиночество.

Придетъ она—душой поймешь и волнъ прибой и пѣнье птицъ, а небо синее, прежде холодное, далекое — близкимъ станетъ и звѣзды друзьями.

Но лѣто минуло.

Дождь стучитъ въ окно, вѣтеръ воетъ... холодно, грустно...

Мертвое время...

Тягучее, сѣрое, мрачное, безотрадное...

Осень...

Глубокая осень...

С. Сухонинъ.

III.

Нужда.

Нужда—самый вѣрный и близкій мой другъ. Часто въ минуты сильнаго душевнаго подъема, когда мысль, словно легкая стрѣла, улетаетъ далеко за предѣлы людской злобы, людскихъ страстей, мелочныхъ разсчетовъ, интригъ и пошленькаго благоразумія, когда я чувствую въ себѣ такую огромную силу жизни, которая, кажется мнѣ, можетъ творить чудеса, когда я чувствую себя чуть-ли не героемъ, сильнымъ титаномъ мысли, чувства, способнымъ создать нѣчто такое сильное, грандіозное, передъ чѣмъ все должно преклониться, ко мнѣ тихо, неслышными шагами приходитъ Нужда...

Она смѣло протягиваетъ мнѣ тогда свою блѣдную, больную и грязную руку и—жалкая, пошлая—смотритъ на меня такъ, словно она—моя богиня. Она смотритъ на меня долгимъ, пристальнымъ взглядомъ, точно требуетъ отъ меня чего-то, требуетъ настойчиво и неотвязно...

Я хочу отвернуться отъ нея и не могу.. Я хотѣлъ-бы однимъ ударомъ уничтожить ее, и чувствую, что не могу, что она—вѣчный, неизмѣнный мой спутникъ и другъ...

Я со злобой убиваю тогда свою смѣлую, живую мысль, сжимаю въ тиски горячее сердце и дѣлаюсь жалкимъ рабомъ жалкой Нужды... Я напрягаю тогда всѣ свои силы и, добывая скучнымъ, мертвымъ трудомъ то, что требуетъ отъ меня безотвязная Нужда, съ отвращеніемъ даю ей *это*...

И Нужда тогда уходитъ отъ меня такъ-же тихо, какъ и пришла, уходитъ ненадолго, чтобы придти ко мнѣ опять и такъ-же настойчиво и неотвязно смотрѣть мнѣ въ лицо...

Сквозь свѣтлое облако сильныхъ чувствъ и настроеній, новыхъ живыхъ стремленій, воскресшихъ въ моей душѣ, снова охватившихъ все мое существо и поднимающихъ меня высоко надъ землей, я уже опять вижу Нужду и вижу, какъ обрисовывается за ней мрачный силуэтъ царя-голода...

И такъ безъ конца... Такъ—всю жизнь...

Я не боюсь Нужды... Я всегда могу достать для нея то, чего она требуетъ отъ меня... Я могу даже дать ей больше, чѣмъ нужно ей... Но я боюсь только, что въ

этой постоянной тяжелой борьбѣ съ Нуждой, въ этой мертвой работѣ для нея ослабѣетъ когда-нибудь мой умъ и омертвѣетъ горячее сердце... Я боюсь дожить до той минуты, когда отъ всей этой борьбы останусь только *я*, одинъ только жалкій *я*, когда не уцѣлѣетъ ни одной смѣлой мысли, ни одного живаго чувства, ни одного свѣтлаго порыва, когда и самъ я и все, чѣмъ живу теперь я, отдастся во власть этой жалкой, пошлой и неотвязной Нужды...

Но нѣтъ... Я не допущу этого... Я не допущу, чтобы омертвѣло сердце: я лучше *самъ* убью его... Я не допущу, чтобы умъ ослабѣлъ: я совсѣмъ уничтожу его...

И тогда Нужда не скажетъ, что *она* побѣдила меня... Нѣтъ, *я* самъ убью себя,—чтобы никто не могъ сказать: онъ былъ мертвый человѣкъ, но всякій сказалъ-бы: онъ былъ живой человѣкъ и убилъ себя, такъ какъ не могъ не жить...

С. Семеновъ.

Дореформенная армія.

(По запискамъ гр. П. Д. Киселева).

Необыкновенный подъемъ духа русскаго интеллигентнаго общества въ первые годы эпохи Александра I прошелъ почти незамѣтно для армія. Если еще вначалѣ порядки и режимъ арміи вызывали со стороны общества серьезныя подозрѣнія въ отношеніи ихъ цѣлесообразности и правомѣрности, то уже въ послѣдующее время правительственныя реформы были направлены, главнымъ образомъ, на возможно лучшее устройство центральныхъ органовъ военнаго управленія; рядовая-же масса войска оставалась въ своемъ первоначальномъ видѣ, и только незначительныя частичныя улучшенія порою вносились въ войсковой режимъ, и то не повсемѣстно, а въ отдѣльныхъ частяхъ, инициативою того или другого начальника, „радѣющаго" о благѣ многочисленныхъ своихъ подчиненныхъ.

Да едва ли, въ сущности говоря, и возможно было заняться реформою военнаго быта: достаточно вспомнить безконечный періодъ войнъ, которыя вела Россія въ началѣ прошлаго столѣтія, эту годину бѣдствій, когда весь центръ тяжести сосредоточивался на одномъ войскѣ, отъ успѣховъ котораго зависѣло почти все. Чувство государственнаго самосохраненія вызывало необходимость организаціи управленія. Внутреннимъ бытомъ войска заниматься было некогда.

Такъ продолжалось до 1815 года, когда Вѣнскій конгрессъ завершилъ боевое положеніе европейскихъ государствъ. Те-

перь возможнымъ стало приступить и къ реформамъ внутренней жизни арміи. Центральные органы управленія, которымъ придавалось преимущественное значеніе, получили солидную постановку; дѣятельность ихъ проявила себя положительнымъ образомъ въ предшествующую войну и не нуждалась въ какихъ бы то ни было преобразованіяхъ. Но о внутреннемъ войсковомъ бытѣ забыли на безконечно долгіе годы.

Однако, мысль о необходимости преобразованій въ области военнаго быта не умерла: немногія изъ тѣхъ лицъ, которымъ интересы арміи были близки, не переставали работать для нея. Но они являлись исключительными единицами, работавшими въ тиши своихъ кабинетовъ и не рисковавшими высказаться вслухъ.

Однимъ изъ таковыхъ былъ генералъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ, впослѣдствіи графъ. Намъ случайно пришлось познакомиться съ нѣкоторыми его черновыми бумагами[1]). Къ сожалѣнію, онѣ вовсе не имѣютъ даты, почему высказаться положительно о томъ времени, къ которому онѣ относятся,—невозможно. Однако, имѣются основанія считать ихъ написанными въ періодъ исполненія имъ обязанностей начальника главнаго штаба 2-ой арміи, т. е. втеченіе 1819—28 гг.

О генералѣ Киселевѣ написана цѣлая книга[2]), имя его неоднократно появлялось на страницахъ нашихъ историческихъ журналовъ. Повсюду онъ представляется прекраснымъ администраторомъ, человѣкомъ боевыхъ качествъ. Но изъ его черновыхъ бумагъ можно почерпнуть и другія свѣдѣнія, рисующія, съ одной стороны, свѣтлый и гуманный образъ самого автора, а съ другой—тяжелый дореформенный бытъ нашего войска. На послѣднемъ мы и остановимся нѣсколько подробнѣе, тѣмъ болѣе, что, съ точки зрѣнія правды, записки ген. Киселева являются непогрѣшимыми.

Генералъ Киселевъ получилъ превосходное по тому времени домашнее образованіе; первые шаги его на поприщѣ военной службы сдѣланы имъ въ Кавалергардскомъ полку, вмѣстѣ съ которымъ онъ принялъ участіе въ кампаніи 1807 года. Вслѣдъ за этимъ для него начинается чисто боевой періодъ жизни: отечественная война, кампаніи 1813 и 1814 гг., походъ во Францію.

---

[1]) Хранятся въ военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба.

[2]) *Заблоцкій-Десятовскій.*—„Гр. П. Д. Киселевъ и его время", матеріалы для исторіи императоровъ Александра I, Николая I и Александра II. С.-Петербургъ, 1882 г.

Кромѣ того, наиболѣе важной эпохой для Киселева является жизнь въ Вѣнѣ, куда сопровождалъ онъ императора. Здѣсь удалось ему войти въ близкое соприкосновеніе съ выдающимися людьми Запада и докончить, такимъ образомъ, свое дипломатическое и военное образованіе. По возвращеніи въ Россію, Киселевъ получаетъ отвѣтственныя административныя командировки и, наконецъ, назначается на должность начальника главнагс штаба 2-ой арміи, главнокомандующимъ которой былъ фельдмаршалъ Витгенштейнъ.

Въ запискахъ генерала Киселева нельзя не видѣть отраженія современныхъ броженій. Неустройства военнаго быта нашей арміи давали чувствовать себя въ значительной мѣрѣ. Войско стонало отъ непосильныхъ работъ, отъ притѣсненій начальниковъ— старшихъ и младшихъ. Грозный военно-уголовный законъ, не пользовавшійся никогда популярностью, смолкалъ предъ страшною карательною властью, которою были облечены начальники. Эта власть, отправляемая ими въ порядкѣ дисциплинарномъ и изъятая поэтому отъ провѣрки правильности ея дѣйствій судомъ, заслоняла собою идею правосудія, выставленную въ качествѣ руководящаго начала по вступленіи на престолъ Александра І-го. И войска разбѣгались. Дезертирство стало обычнымъ явленіемъ, причемъ представлялось въ квалифицированномъ видѣ: солдаты переходили границу и поступали на службу въ иностранныя войска, смежныя съ войсками русскими.

Подобный ненормальный порядокъ не могъ не вызывать размышленій лучшихъ людей. „При розысканіи причинъ значительнаго изъ 22-го Егерскаго полка побѣговъ, пишетъ генералъ Киселевъ—„желая употребить къ тому всѣ средства, приказалъ я послать тайно въ Австрію опытнаго человѣка, дабы узнать, гдѣ именно егеря находятся и что побудило ихъ къ побѣгамъ". Посланный, возвратившись изъ командировки, привезъ неутѣшительное извѣстіе: девять человѣкъ нашихъ дезертировъ находятся на службѣ „въ одномъ батальонѣ Маршалова полка"; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ завѣрялъ, „что сотни таковыхъ находятся въ пограничныхъ войскахъ австрійскихъ и что, если потребуется, онъ о каждомъ привезетъ точныя свѣдѣнія, испрашивая для сего нѣкоторое время и нѣкоторое пособіе".

Соображенія, высказываемыя далѣе генераломъ Киселевымъ, заслуживаютъ полнаго вниманія, тѣмъ болѣе, что причины этого явленія усматриваются имъ не въ чемъ-либо внѣшнемъ, а именно въ самомъ существѣ войскового режима. „При

ежедневномъ умноженіи побѣговъ изъ полковъ, на границѣ находящихся, и по получаемымъ свѣдѣніямъ о сокрытіи дезертировъ нашихъ правительствомъ австрійскимъ, будетъ ли нужно приступить къ розысканію оныхъ средствомъ вышеуказаннымъ, дабы положительнымъ образомъ можно было уличить его въ неправильномъ и въ неточномъ выполненіи договора и вытребовать людей нашихъ обратно? Возвращеніе дезертировъ, конечно, было бы полезно и въ особенности для убѣжденія солдатъ нашихъ, что уклоненіе отъ службы для нихъ не извинительно; но я полагаю, что австрійское правительство, противу договора удерживая людей нашихъ, не выдастъ оныхъ, дабы не сознаться тѣмъ въ неправильности дѣйствій своихъ, и что по всѣмъ удостовѣреніямъ, что бѣжавшіе наши употреблены имъ на службу,—мы, кромѣ продолжительной переписки, расходовъ и, можетъ быть, взаимныхъ неудовольствій, успѣха имѣть вѣроятно не будемъ. Впрочемъ,—заключаетъ генералъ,—рѣшать выгоду или невыгоду изысканія сего принадлежитъ единственно правительству. Но какъ прекращеніе побѣговъ должно обратить вниманіе начальствующихъ и какъ по большой мѣрѣ уклоненіе отъ службы означаетъ что-либо вредное въ устройствѣ и основаніи оной,—то, отыскивая сіи причины, полагаю, опытомъ въ томъ удостовѣрившись, что въ полкахъ, гдѣ обращеніе съ нижними чинами введено человѣколюбивое, гдѣ все опредѣленное солдату беззаконно не отклоняется, гдѣ собственность его—священна, тамъ побѣги столь рѣдки, что почитать ихъ можно частными случаями и даже безвредными, ибо тутъ бѣжитъ только негодный по нраву и для службы солдатъ безполезный. Напротивъ того—полкъ, въ коемъ небрежность начальника изъычна, гдѣ всякой чинъ для солдата командиръ, гдѣ власть каждаго необуздана и гдѣ солдатъ есть страдалецъ... [1]) и безнравственныхъ полковыхъ начальниковъ своихъ, насущнымъ хлѣбомъ подчиненнаго торгующихъ въ свою пользу, гдѣ трудами пріобрѣтенное имущество содѣлывается жертвою корысти, тамъ слѣдствіемъ бываютъ безмѣрные побѣги, тамъ побѣгами обнаруживается начальство. Вотъ, по мнѣнію моему, на что правительство обратить должно вниманіе и въ чемъ гнѣздятся неизъяснимыя злоупотребленія. Они этого заслуживаютъ потому болѣе, что военныя учрежденія наши нисколько отъ оныхъ

---

[1]) При всемъ желаніи, мы не могли прочесть написаннаго за неразборчивостью и крайнею неопрятностью рукописи.

не ограждаютъ, каждый начальникъ къ злоупотребленію, такъ сказать, приглашается, ибо возмездія, съ нѣкоторымъ изворотомъ, опасаться не долженъ, и естьли находятъ иногда начальниковъ, отъ подобныхъ дѣйствій удаленныхъ, то единственно по личнымъ достоинствамъ ихъ; но бѣда тѣмъ, у коихъ учрежденія зависятъ отъ лицъ... Постановленія должны быть непреклонны; посему-то я думаю, что коренныя военныя учрежденія наши должны быть пересмотрѣны людьми опытными и приспособлены къ нынѣшнему положенію вещей, къ просвѣщенію 19-го столѣтія, къ прямому сношенію нашему съ сосѣдними державами и проч. Многіе вкравшіеся обычаи, признанные вредными, должны быть уничтожены, недостаточные — пополнены, словомъ — новый сводъ военныхъ законовъ для всѣхъ частей управленія долженъ быть составленъ; а въ немъ преграда къ злоупотребленіямъ твердо постановиться можетъ. Строгія наказанія, безъ ясныхъ и положительныхъ правилъ, служатъ минутнымъ улучшеніемъ, законы—всегдашнимъ и непремѣннымъ. Не входя въ подробности, объясню только статьи, на которыя желательно обратить вниманіе".

Далѣе записки генерала Киселева трактуютъ о различныхъ частяхъ и сторонахъ военнаго быта. Особенно внимательно останавливается онъ на разсмотрѣніи вопросовъ объ устройствѣ военной юстиціи, о карательной системѣ, принятой въ арміи того времени, о довольствіи войскъ, объ образованіи офицеровъ и т. п.

Но если для генерала Киселева входить въ подробности того или другого института представлялось излишнимъ, то для насъ, наоборотъ, именно необходимо наиболѣе детальное разсмотрѣніе условій военной жизни, такъ какъ иначе многое останется невыясненнымъ и непонятнымъ и, наконецъ, критическія замѣчанія автора записокъ, въ большинствѣ случаевъ, не въ состояніи будутъ дать вполнѣ цѣльнаго представленія.

Поэтому мы и позволимъ себѣ, не нарушая порядка въ изложеніи записокъ, остановиться на нѣкоторыхъ частностяхъ, тѣмъ болѣе, что въ нашемъ распоряженіи имѣется новый рядъ данныхъ, относящихся къ вопросамъ, затрогиваемымъ ген. Киселевымъ, и способныхъ дать необходимое освѣщеніе.

I.

Военно-судная часть.

Центральный органъ—генералъ-аудиторіатъ втеченіе первой четверти XIX столѣтія подвергался безконечнымъ измѣненіямъ. Причиною тому было, съ одной стороны, несовершенство организаціи этого института, съ другой—качество самихъ дѣятелей того времени. Въ первомъ отношеніи серьезнаго вниманія заслуживаетъ двойственность функцій генералъ-аудиторіата: онъ представлялъ собою, прежде всего, совершенно самостоятельное министерство военной юстиціи, а затѣмъ носилъ на себѣ также и характеръ „вышняго суда". Эта двойственность не могла не оказать отрицательнаго вліянія на отправленіе военнаго правосудія, которое втеченіе всей первой четверти XIX столѣтія переживало процессъ безконечно разнообразныхъ перемѣнъ и осложненій.

Желаніе „доставить подсудимымъ всевозможныя средства къ оправданію, отвратить могущее встрѣтиться пристрастіе судящихъ и предупредить неправое примѣненіе законовъ", какъ указывалось въ докладѣ комитета, призваннаго къ устройству судной части въ 1800 г., желаніе это было, однако, трудно достижимымъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно было осуществить подобныя задачи государству, когда въ его распоряженіи не было никакихъ средствъ даже для укомплектованія аудиторіатскаго вѣдомства.

Въ самомъ началѣ царствованія императора Александра I-го, генералъ-аудиторомъ княземъ Салаговымъ былъ представленъ въ военную коллегію докладъ, заключавшій въ себѣ соображенія относительно обученія будущихъ судебныхъ дѣятелей. Докладъ этотъ былъ утвержденъ 8 августа 1801 г. Изъ военно-сиротскаго дома было избрано десять человѣкъ *аудиторъ-юнкеровъ;* вмѣстѣ съ тѣмъ было предположено командировать столько-же ежегодно, „дабы таковое число всегда въ комплектѣ въ генералъ-аудиторіатѣ находилось". Занятія аудиторъ-юнкеровъ были не сложны: требовалось лишь „пріучать ихъ познанію правъ и законовъ и къ производству судовъ", для этого рекомендовалось ихъ опредѣлять сначала въ „копеисты", затѣмъ „производить по усмотрѣнію прилежности до губернскихъ регистраторовъ". Мѣра эта не оказала, однако, серьезныхъ результатовъ, такъ какъ изъ аудиторъ-юнкеровъ

выходили лишь превосходные „копеисты“, чуждые не только правовѣдѣнію, но даже и знакомству съ законами. Черезъ 8 лѣтъ, при громадномъ спросѣ на аудиторовъ, было предложено озаботиться „пріисканіемъ чиновниковъ“ министру юстиціи, который предполагалъ опредѣлить ихъ первоначально для пріобрѣтенія познаній въ канцелярію уголовнаго департамента сената. Въ результатѣ два чиновника провели въ канцеляріи сената одинъ мѣсяцъ и вслѣдъ за этимъ были назначены въ аудиторы [1]).

На этомъ пока все и закончилось, такъ какъ наступившія политическія событія помѣшали заботамъ о комплектованіи военно-судебнаго вѣдомства, и только лишь въ 1816 г., по иниціативѣ опять-таки министра юстиціи, былъ снова возбужденъ вопросъ: откуда взять аудиторовъ? Министръ юстиціи признавалъ необходимымъ для пополненія аудиторскихъ вакансій „истребовать нужное число людей изъ духовныхъ семинарій“. Однако, комитетъ министровъ рѣшилъ „приготовлять аудиторовъ *изъ военныхъ кантонистовъ*“ военно-сиротскихъ отдѣленій. Но до тѣхъ поръ, пока назначаемые кантонисты могли преобразоваться въ опытныхъ аудиторовъ, тотъ-же комитетъ министровъ призналъ возможнымъ „представлять въ аудиторы изъ вахмистровъ, фельдфебелей, унтеръ-офицеровъ и писарей, фейерверкеровъ — достойныхъ и способныхъ“.

Таковъ былъ личный составъ аудиторіатскаго вѣдомства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ правительствомъ былъ усвоенъ странный взглядъ на дѣятелей военныхъ судовъ: помимо ихъ спеціальныхъ обязанностей, на нихъ возлагался, напримѣръ, пріемъ и раздача провіанта, въ званіе аудиторовъ было воспрещено представлять лицъ дворянскаго происхожденія, имъ не разрѣшалось также пріобрѣтать людей изъ крестьянъ.

Все это вело къ тому, что военно-судная часть находилась въ крайнемъ безпорядкѣ. Въ 1813 году даже былъ изданъ высочайшій указъ, которымъ предписывалось: „въ разсужденіи медленности, съ которою дѣла въ аудиторіатскомъ департаментѣ производятся,... присутствовать въ ономъ всякой день и послѣ обѣда“.

А дѣйствительно, медленность въ теченіи дѣлъ была поразительная; такъ, напримѣръ, въ 1812 году изъ 218 всту-

[1]) См. Журн. Мин. Юст., 1897 г., № 10, статья сенатора Рѣпинскаго „Историческіе матеріалы“—Сенатская канцелярія, какъ аудиторская школа, стр. 222—228.

ныхъ дѣлъ рѣшено было лишь 7. „По таковому исчисленію (т. е. втеченіе восьми мѣсяцевъ) не смѣю подумать о томъ времени — пишетъ военный министръ, князь Горчаковъ, какое бы въ сравненіи съ прошедшими 8-ью мѣсяцами потребно было для департамента къ рѣшенію остающихся затѣмъ изъ упомянутаго количества дѣлъ, въ числѣ коихъ есть и такія, которыя по счету Вашего Превосходительства содержатъ въ себѣ отъ 1000 до 10000 листовъ!" [1]).

Что касается матеріальныхъ военно-уголовныхъ законовъ, то необходимо замѣтить, что постановленія Воинскаго Артикула Петра Великаго, несмотря на свою столѣтнюю давность, юридически продолжали дѣйствовать. Въ 1812 году, хотя и было издано такъ называемое „Полевое Уголовное Уложеніе", но оно далеко не исчерпывало всей сферы преступныхъ дѣяній, почему старинный кодексъ и признавался дѣйствующимъ.

Однако, рядъ безчисленныхъ указовъ, относящихся къ XVIII столѣтію и дополнявшихъ или измѣнявшихъ постановленія Артикула, произвелъ невозможную путаницу. Судебные дѣятели отчаивались примѣнить законъ къ данному конкретному случаю, не имѣя въ рукахъ цѣльнаго кодекса и будучи совершенно невѣжественными въ правѣ. Тогда правительство пришло на помощь: „поручивъ опытному чиновнику собрать узаконенія, относящіяся къ уголовной части", оно отпечатало „Краткое извлеченіе изъ законовъ", вѣрнѣе,—хронологическій указатель, или перечень тѣхъ или другихъ законоположеній. Позднѣе, уже въ 1820 году, былъ изданъ „Сводъ россійскихъ узаконеній по части военно-судной", въ которомъ, въ достаточной мѣрѣ, старыя постановленія были систематизированы въ двухъ отдѣлахъ. Но и въ такомъ видѣ военно-уголовные законы далеко не отвѣчали требованіямъ жизни и обстановки.

Генералъ Киселевъ и пишетъ по этому поводу: *„постановленія по сему важному предмету вовсе обветшали. Аудиторіатская часть—въ униженіи вредномъ, а нарядъ судей неопытныхъ и всегда новыхъ еще вреднѣй"* [2]).

Указаніе генерала Киселева на „новыхъ" судей означаетъ собою, что въ то время военный судъ не имѣлъ характера

---

[1]) Съ 1812 по 1818 г. въ аудиторіатѣ происходили солидные безпорядки; по этому поводу создалась обширная переписка генералъ-аудитора Панова съ военнымъ министромъ.

[2]) Мы не сохраняемъ крайне неправильной даже для своего времени орѳографіи Киселева.

учрежденія постояннаго; судъ наряжался изъ офицеровъ данной части по каждому дѣлу отдѣльно, и говорить о какой-либо самостоятельности и независимости суда не приходилось, почему замѣчаніе Киселева о томъ, что „гдѣ дѣло идетъ о чести, участи человѣка, тамъ необходимо употреблять средства строжайшаго изысканія", было только платоническимъ пожеланіемъ.

Автору записокъ не оставалось ничего болѣе, какъ указать, что „французское по сему предмету уложеніе, обряды и соблюдаемыя формы, словомъ — военно-судная часть, у нихъ устроенная, можетъ служить примѣромъ для введенія таковой-же и у насъ".

Послѣднее замѣчаніе генерала Киселева служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ характеристикѣ его, какъ просвѣщеннаго человѣка, вполнѣ знакомаго съ западомъ и проникнутаго стремленіемъ къ заимствованію цѣлесообразныхъ установленій. Въ эту пору во Франціи возникала и крѣпла мысль о необходимости реформы всего военно-уголовнаго законодательства.

II.

Тѣлесныя наказанія.

Содержаніе понятія воинской дисциплины, понятія—вообще съ трудомъ поддающагося опредѣленію,—въ началѣ прошлаго столѣтія исчерпывалось несложными правоотношеніями. Солдатъ въ строю, въ казарменной обстановкѣ и даже въ своей частной жизни ни на одну минуту не могъ забыть, что онъ лишь орудіе въ рукахъ начальника. На солдата смотрѣли, какъ на механизмъ, способный къ тѣлодвиженіямъ. Всякое проявленіе иниціативы являлось преступнымъ дѣяніемъ, подрывающимъ авторитетъ командной власти.

Солдатъ-орудіе приводился въ дѣйствіе силою. Сила была исключительнымъ пріемомъ начальствующихъ лицъ; на ней основывалось воспитаніе въ нижнихъ чинахъ боевыхъ качествъ; къ силѣ прибѣгали при обученіи строю, ружейнымъ пріемамъ, стрѣльбѣ и т. п.

Такимъ образомъ, дисциплина была символомъ повиновенія,—повиновенія рабскаго, изъ страха предъ могучею силою начальника. Говорить о чувствѣ долга не приходилось. Солдаты переносили походы и побѣждали непріятеля; но и здѣсь передъ ними неотразимо стоялъ страшный призракъ начальнической воли, стѣснявшей всякую самодѣятельность и актив-

вость. И только невѣроятный подъемъ духа русскаго рядового бойца заставлялъ терпѣть лишенія, идти въ огонь и умирать.

Начальническое усмотрѣніе въ дѣлѣ оцѣнки поведенія подчиненнаго не знало границъ въ законодательствѣ. Начальникъ имѣлъ почти неограниченное право надъ честью, свободой и имуществомъ подчиненнаго, такъ какъ и право отдавать приказанія ничѣмъ не было ограничено. Во всякихъ отношеніяхъ начальникъ оставался таковымъ.

Если ко всему этому присоединить невысокій умственный и нравственный уровень начальствующихъ лицъ, то станетъ вполнѣ понятнымъ, что тѣлесное наказаніе играло первенствующую роль въ поддержаніи дисциплины.

Всякая попытка лучшихъ элементовъ военнаго общества ограничить примѣненіе права тѣлеснаго наказанія необходимо вызывала нареканія и отпоръ со стороны остальной массы. Къ побоямъ привыкли всѣ: начальникъ помощью ихъ обучалъ, воспитывалъ и отличался предъ своимъ начальствомъ; подчиненный принималъ ихъ какъ должное, какъ нѣчто, освященное старою долголѣтнею практикою.

Особенно „гуманные и любвеобильные" начальники предпочитали избить провинившагося подчиненнаго, чѣмъ отдавать его подъ судъ, который примѣнитъ къ нему то-же тѣлесное наказаніе. Но такимъ путемъ солдатъ избавлялся отъ медленной процедуры судопроизводства, а начальникъ отличался образцовымъ порядкомъ въ своей части.

Отсюда ясно, почему генералъ Киселевъ писалъ, что *„тѣлесныя наказанія ничѣмъ не ограждены, и каждый безъ разбора, отъ фельдмаршала до капрала, можетъ бить и убить человѣка, то есть, какъ весьма справедливо говоритъ генералъ Сабанѣевъ: „—У насъ убійца тотъ, кто убилъ въ одинъ разъ, но кто забьетъ въ два, три года,—тотъ не въ отвѣтѣ!"* [1]).

[1]) Генералъ Сабанѣевъ, одинъ изъ видныхъ дѣятелей разсматриваемой эпохи, написалъ въ 1815 году записку „Мысль о солдатѣ", въ которой, между прочимъ, разсматривается и вопросъ о тѣлесномъ наказаніи. Впослѣдствіи эта записка была представлена императору Александру I-му и удостоилась одобренія.

Записка эта, несмотря на представляемый ею интересъ хранится въ архивахъ, а потому мы и позволяемъ себѣ привести цѣликомъ часть ея, относящуюся къ разбираемому вопросу. „Солдатъ,—пишетъ ген. Сабанѣевъ,—отвѣчаетъ только за себя; между тѣмъ, отъ фельдмаршала до ефрейтора всѣ именуются его начальниками, изъ коихъ *каждый имѣетъ неоспоримое право его бить.* Возможно ли положиться

Само законодательство давало начальствующимъ лицамъ весьма широкое право по примѣненію всевозможныхъ наказаній, имѣвшихъ въ виду исключительно цѣль — устрашеніе. Устрашеніе было единственнымъ принципомъ всего военно-уголовнаго матеріальнаго законодательства; дисциплинарное право стояло на той-же самой точкѣ зрѣнія, почему видѣть въ наказаніи какія-либо другія цѣли не приходилось вовсе.

Впрочемъ, примѣняя устрашительныя наказанія стремились вмѣстѣ съ тѣмъ достигнуть также и цѣлей исправленія. Но все это не приводило къ разрѣшенію тѣхъ задачъ, о которыхъ мечталъ законодатель въ началѣ своей дѣятельности.

Въ войскахъ царилъ произволъ, воплощенный въ лицѣ начальника. Законъ отходилъ на заднее мѣсто, онъ стѣснялъ начальника. И дисциплина падала, побѣги увеличивались, ростъ преступленій совершался съ поразительной быстротой.

Даже въ значительно позднѣйшую эпоху не переставали служить принципу устрашенія. Такъ, напр., въ 1834 году было издано высочайшее повелѣніе, которымъ ограничивался высшій размѣръ наказанія шпицрутенами съ шести до трехъ тысячъ ударовъ, причемъ однако, „дабы не ослабить дѣйствія существующаго закона", повелѣніе это не было обнародовано.

Поэтому вполнѣ яснымъ становится возможность такихъ случаевъ, когда за убійство нижняго чина назначалось только лишеніе чиновъ и церковное покаяніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и замѣчаніе генерала Киселева, что „каждый можетъ бить и убить человѣка", пріобрѣтаетъ безусловную достовѣрность.

на моральность каждаго изъ начальниковъ, сей длинный рядъ составляющихъ? Никакъ! Слѣдовательно, польза службы да и самая справедливость требуетъ, чтобы власть нѣкоторыхъ чиновниковъ въ тѣлесномъ безъ суда наказаніи имѣла свои предѣлы, а потому считаю необходимымъ власть батальонныхъ и ротныхъ командировъ въ семъ отношеніи ограничить закономъ, а субалтернъ и унтеръ-офицерамъ употребленіе палокъ вовсе запретить. До сихъ поръ мѣра власти въ наказаніи ограничивается крайними предѣлами: *палки и смерть*; послѣдняя — не во власти начальника, только по времени (здѣсь г. Сабанѣевъ произноситъ выписанную ген. Киселевымъ фразу)... Нѣтъ также опредѣлительнаго наказанія по мѣрѣ преступленія: все зависитъ отъ произволу. Напримѣръ, буяну, пьяницѣ, лѣнтяю—дадутъ сто палокъ, а исправному барабанщику, который по ошибкѣ не въ ногу ударитъ,—пятьсотъ"...

Необходимо замѣтить, что „Мысль о солдатѣ" была извѣстна ген. Киселеву и имѣла на его записки большое вліяніе.

III.

Довольствіе войскъ.

Въ сложныхъ хозяйственныхъ вопросахъ генералъ Киселевъ обнаруживаетъ громадную эрудицію. Просматривая его черновыя записки, приходится убѣдиться, что мы имѣемъ дѣло не только съ превосходнымъ, опытнымъ администраторомъ, но и человѣкомъ недюжиннаго ума.

„Продовольствіе,—говоритъ онъ,— вотъ главная статья и которая требуетъ пристальнаго изысканія выгодъ и невыгодъ разныхъ существующихъ системъ продовольствія войскъ: довольствія изъ магазейновъ, жителями, полкомъ, т. е. командирами полковъ, и, наконецъ, платою деньгами за дневную пищу, по примѣру путевого довольствія.

„Первое средство, чрезъ поставщиковъ, есть для войскъ вѣрнѣйшее, но для казны разорительное, ибо примѣрами дознано, что корысть безпредѣльна и что классъ людей, къ сему дѣлу опредѣленный, совѣстью не дорожитъ. Вторая... въ нѣкоторыхъ губерніяхъ пространнаго государства нашего неудобна по бѣдности хлѣбопашцевъ и по тому болѣе, что помѣщичьи крестьяне солдата кормятъ... дурно. Третій способъ продовольствія—посредствомъ полковыхъ командировъ—есть пагубнѣйшій для солдата, жителей и самой службы. Командиръ полка обязанъ быть опекунъ своихъ людей, надзирая за подрядчиками и вообще за продовольствіемъ. Бывъ самъ подрядчикъ, кто останется опекуномъ подчиненныхъ его? кто посмѣетъ при строгой дисциплинѣ возопить противу подрядчика-начальника? А онъ, видя значительныя прибыли, обратится скоро и мыслями и душевно къ прибытку и въ службѣ увидитъ способъ, какъ говорятъ многіе, беречь копѣйку на черный день.

„Вотъ корень всѣхъ злоупотребленій, вотъ настоящая причина побѣговъ, небреженія къ службѣ, уничтоженія между офицерами повиновенія; ибо одно зло возрождаетъ другія... Вотъ послѣдствія пагубной системы продовольствія.

„Прибавить сему можно, что вышніе начальники отъ слабости нѣкоторой, лѣтамъ свойственной, иногда отъ равнодушія, сроднаго при долгомъ служеніи, и— къ стыду нашему иногда и отъ бездѣльныхъ выгодъ, ласкательствъ или постороннихъ покровительствъ—не видятъ или терпятъ зло и забываютъ, что тысячи человѣкъ страдаютъ для пользы нѣсколькихъ“.

Далѣе записки генерала Киселева ведутъ рѣчь относительно „инспекторскихъ смотровъ“, которые имѣли цѣлью обревизованіе данной части войскъ въ строевомъ и хозяйственномъ отношеніи. Очевидно, правительство придавало этимъ смотрамъ серьезное значеніе, которое вовсе не оправдывалось дѣйствительностью. Вотъ что говоритъ объ нихъ ген. Киселевъ.

„Инспекторскій смотръ—есть обрядъ, который заключается пиршествомъ и благодарностью за исправность. И кто инспекторъ? Начальникъ, имѣвшій всѣ причины возможныя скрывать отъ несмотрѣнія его происходящее. И кѣмъ жертвуетъ?—Безмолвными. Въ пользу кого? — Тѣхъ, которые провозглашаютъ его отцомъ, покровителемъ и прочее.

„Здѣсь должно сказать, что начало вредныхъ экономическихъ сихъ способовъ (которые кражею назваться должны) происходитъ отъ самого правительства... Нѣтъ, прежде всего я полагаю, что продовольствіе полковъ полковыми командирами есть вредъ, который истребленъ быть долженъ. Инспектированіе полковъ одними постоянными начальниками есть другой вредъ, быть также не долженствующій.

„Послѣдній способъ продовольствія, по мнѣнію моему, съ запасами—могъ бы достигнуть желаемаго. Плата по губерніямъ за каждаго въ день выгодна для обывателя, выгодна потому и для солдата; запасъ служилъ бы для сбора войскъ въ случаѣ неурожая и пр. Но всѣ таковые способы, безъ прямого надзора главныхъ начальниковъ, не выполнятъ настоящей цѣли, и зло вкрадется прежде тайкомъ, потомъ укрѣпится, а время придастъ ему нѣкую законность, обычаемъ у насъ наименованную.

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ кавалерійскій гусарскій полкъ давался, какъ нынѣ аренда, для поправленія растроенныхъ дѣлъ [1]).

„Изъ всего вышесказаннаго я заключаю, что строгое разсмотрѣніе всѣхъ учрежденій нашихъ необходимо и что затѣмъ взысканіе должно пасть на главныхъ начальниковъ... Была и отвѣтственность въ Римѣ... народъ наказывалъ диктаторовъ, консуловъ, а самъ оставлялъ (имъ) право взыскивать съ подчиненныхъ ихъ. У насъ берегутъ вельможъ-начальниковъ и наказываютъ вовлеченныхъ послабленіемъ подвластныхъ

---

[1]) Это замѣчаніе можно отнести ко многимъ полкамъ того времени, которые, при всеобщемъ неустройствѣ, могли обогащать командировъ.

нымъ. Съ перемѣною правилъ сего — многое въ службѣ перемѣнится, и я увѣренъ отъ примѣровъ, которые привести могу въ подтвержденіе сего".

Сказаннаго Киселевымъ мы полагаемъ достаточно для уясненія тѣхъ системъ, которыя были приняты для довольствія войскъ того времени. Однако, ген. Киселевъ въ своихъ запискахъ упустилъ изъ виду особый видъ довольствія. Все содержаніе записокъ исчерпывается исключительно лишь довольствіемъ кормовымъ, и только отчасти онъ касается вещевого довольствія, но и то вскользь. Тѣмъ не менѣе, этотъ послѣдній видъ довольствія имѣлъ безусловно не меньшее значеніе, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Въ отношеніи довольствія вещевого повсемѣстно была принята система „магазейная". Подрядчики доставляли потребное для войска въ извѣстные пункты, откуда предметы довольствія и разсылались по отдѣльнымъ частямъ войскъ. Завѣдываніе этими хозяйственными операціями всецѣло лежало на обязанности особыхъ должностныхъ лицъ—комиссіонерахъ и другихъ заготовщикахъ.

Въ видѣ иллюстраціи къ дѣятельности этихъ чиновниковъ, умѣстнымъ представляется привести хотя бы одно изъ дѣлъ того времени, рисующее, съ одной стороны, отправленіе военнаго правосудія той эпохи, а съ другой—тотъ порядокъ, при которомъ происходила самая доставка предметовъ довольствія. Дѣлъ подобнаго рода въ судебной практикѣ безчисленное множество; всѣ они отличаются необыкновенно солидными размѣрами,—почему и пользованіе ими въ оригиналѣ представляетъ рядъ техническихъ трудностей. Поэтому мы и ограничимся только тѣмъ матеріаломъ, который заключается въ такъ называемыхъ „выпискахъ", содержащихъ въ себѣ сущность фактическихъ данныхъ, совокупность уликъ и доказательствъ, а также „сентенцію" суда. Эти „выписки" представлялись обыкновенно на утвержденіе конфирмующей власти.

Наиболѣе интереснымъ представляется дѣло о „комиссіонерѣ 12-го класса Ситниковѣ". Этотъ чиновникъ былъ преданъ суду въ 1809 году властью военнаго министра гр. Аракчеева за „неисправное препровожденіе транспорта съ сукнами". Въ предложеніи государственной военной коллегіи было указано, между прочимъ, слѣдующее: „предать Ситникова военному суду... а буде онъ втеченіе мѣсяца взнесетъ деньги, къ взысканію съ него доходящіяся, то, освободя отъ сужденія,

выдать ему увольнительный видъ" [1])... Однако. Ситниковъ заявилъ, что „онъ за неявившіяся у него вещи слѣдуемой суммы пополнить не въ состояніи потому, что оныя имъ не расхищены". На произведенномъ затѣмъ слѣдствіи коммиссіонеръ показалъ, что въ день пропажи у него вещей, когда съ ввѣреннымъ ему казеннымъ транспортомъ проѣзжалъ онъ черезъ слободу Юрасовку, Воронежской губерніи, то „изъ числа ходившихъ въ оной по улицѣ толпами пьяныхъ крестьянъ одинъ подошелъ къ обозу и, взявши лошадь за узду съ возомъ казенной аммуниціи, повернулъ на дворъ, но какъ извозчикъ, не допущая до сего, оттолкнулъ того крестьянина прочь, назвавъ при томъ „индюшкою", то по сему слову въ ту жъ минуту подбѣжалъ того селенія староста, называемый атаманъ, съ тремя человѣками крестьянъ и, стащивши извозчика съ воза, начали бить палкою и кулаками, что однако жъ имъ, Ситниковымъ, было прекращено. Потомъ не успѣлъ еще Ситниковъ отъ деревни Юрасовки отъѣхать съ транспортомъ 5-ти верстъ, остановленъ былъ преслѣдовавшими его изъ той же деревни въ немаломъ числѣ пьяными жъ крестьянами, имѣвшими при себѣ дреколіе, и въ сіе время нѣкоторые изъ тѣхъ же мужиковъ бросились по возамъ, а онъ, Ситниковъ, видя таковую наглость, приказалъ бывшему при немъ вахтеру Сатрапинскому и нѣсколькимъ извозчикамъ ѣхать въ ближайшее селеніе съ требованіемъ помощи. Почему шесть человѣкъ извозчиковъ и уѣхали, а вахтеръ задержанъ крестьянами и избитъ былъ до крови. Въ то жъ время прочіе мужики съ атаманомъ бросились къ заднимъ возамъ и положенные сверхъ тюковъ подъ цыновки, въ добавокъ маловѣсныхъ тюковъ, вытащили" множество различныхъ товаровъ и „сверхъ сего, отбивши собственной извозчичьей рыбы три воза и связавши трехъ извозчиковъ, возвратились съ оными обратно въ свое селеніе". На слѣдующее утро, какъ показываетъ Ситниковъ, имъ былъ посланъ вахтеръ въ земскій судъ, „дабы оный отрядилъ чиновника къ изслѣдованію на мѣсто и для отысканія казенныхъ вещей, а между симъ временемъ возвратились къ транспорту и увезенные крестьянами три извозчика, кои объявили... что они дорогою были биты и у одного отняли тѣ крестьяне денегъ ассигнаціями 570 руб... Вскорѣ за сими

---

[1]) Этотъ оригинальный порядокъ административнаго увольненія отъ службы въ случаяхъ пополненія виновнымъ растраты существовалъ и въ значительно позднѣйшую эпоху.

извозчиками прибылъ вахтеръ и донесъ, что онъ подалъ объявленіе лично земскому исправнику, который словесно отозвался, что у нихъ дѣла, кромѣ сего, есть важнѣе, и какъ не только самъ исправникъ не пріѣхалъ, но и изъ засѣдателей никого не прислалъ, то онъ, Ситниковъ, и отправился съ транспортомъ въ дальнѣйшій путь".

Однако, подобное показаніе обвиняемаго было отчасти подорвано въ своей достовѣрности воронежскимъ губернаторомъ, который сообщилъ суду, что послѣ подачи Ситниковымъ заявленія въ слободу Юрасовку ѣздилъ для разслѣдованія земскій исправникъ, но комиссіонера въ этой слободѣ не засталъ, а „по изслѣдованію и обыску съ понятыми людьми не оказалось никакихъ вещей, показанныхъ Ситниковымъ унесенными; но какъ Ситниковъ и за таковыми увѣреніями утверждаетъ свое показаніе, что онъ извѣщенія отъ исправника не имѣлъ, то и слѣдовало бъ о истинѣ сего спросить вахтера Сатрапинскаго, *но сей между тѣмъ умеръ*".

Что касается количества утерянныхъ вещей, то показанія подсудимаго отличались въ этомъ отношеніи недостаточностью и сбивчивостью, что происходило „отъ разстроенныхъ въ то время мыслей у Ситникова и запамятованія по старости его лѣтъ", впрочемъ, обвиняемый допускалъ, что „сей недостатокъ послѣдовать могъ отъ бывшихъ во время препровожденія имъ транспорта съ сукнами сперва изъ Казани въ крѣпость Дмитріевскую, а оттуда въ Москву, дождей и морозовъ, отъ коихъ въ тюкахъ сукно, верхнія половинки и бока онаго могли промокнуть и ссѣлись".

Между тѣмъ, крестьяне, обвиняемые въ грабежѣ у Ситникова, были преданы уѣздному суду, рѣшеніе котораго поступило затѣмъ на ревизію воронежской палаты уголовнаго суда. Послѣдняя-же „рѣшительнымъ протоколомъ опредѣлила, что у крестьянъ съ извозчиками была обоюдная ссора, и начинщикъ оной есть изъ тѣхъ извозчиковъ Фролъ Тимофеевъ, ибо онъ ихъ въ слободѣ Юрасовкѣ назвалъ „индюшками", чѣмъ они, обидѣвшись, отвѣчали ему также обидно, что онъ брешетъ какъ собака, отъ чего вышло у нихъ вышеписанное послѣдствіе начально—съ атаманомъ, а потомъ... съ товарищами его", за что три извозчика и были возвращены крестьянами въ слободу вмѣстѣ съ тремя подводами рыбы; но „подлинно ль оными крестьянами при таковомъ случаѣ ограблено... сіе остается въ неизвѣстности... а потому, не имѣя яснаго доказательства, никого изъ тѣхъ крестьянъ за драку и грабежъ

осудить не можно, но... и оставить вовсе правыми и безъ взысканія нельзя потому, что они оказываются виновными въ самоуправномъ поступкѣ... а чрезъ то *дали способъ* Ситникову показать на нихъ вышеписанное расхищеніе у него казеннаго сукна и холста, въ чемъ, хотя они виновными и не изобличаются, но по тому своему поступку за утрату онаго довели себя отвѣтствію... то уважая, во-первыхъ, ихъ глупости и непросвѣщеніе. во-вторыхъ, что они въ хорошемъ поведеніи одобрены, а въ-третьихъ, что на отчетѣ ихъ остается показуемая комиссіонеромъ Ситниковымъ утрата сукна и холста, дабы они впредь подобныхъ поступковъ чинить не отваживались, выдержать ихъ... въ тюрьмѣ на двѣ недѣля... а за неоказавшіися у Ситникова... сукно, холстъ и цыновки взыскать съ крестьянъ, буде жъ у нихъ имѣнія на заплату за оное не достанетъ, тогда взыскать съ помѣщика ихъ Чехурскаго"...

Столь мудрое рѣшеніе палаты не понравилось, однако, помѣщику, который подалъ въ судъ весьма дѣльное и правдоподобное заявленіе, написанное имъ со словъ однодворца Дешеваго, который послѣ происшествія въ степи обходилъ съ другими крестьянами обозъ и нашли его „обвязаннымъ и нигдѣ ни въ чемъ не поврежденнымъ". Извозчики въ эту ночь спали въ домѣ однодворца и ни единымъ словомъ не обмолвливались о грабежѣ, а говорили только о дракѣ. На другой-же день послѣ этого сами извозчики приставали къ Ситникову, чтобы онъ написалъ объявленіе въ земскій судъ, а „онъ говорилъ имъ, что они напрасно это дѣлаютъ—подрались и больше заводить уже нечего,—но они настоятельно его убѣждали". Тогда Ситниковъ заявленіе написалъ, но никому ничего не говорилъ о какомъ бы то ни было грабежѣ. Однако, на допросѣ однодворецъ Дешевой „сдѣлалъ отрицательство", а военный судъ постановилъ „за поступокъ помѣщика Чехурскаго предоставить разсмотрѣнію гражданскаго правительства".

Въ пользу того-же Ситникова служило еще одно отрицательное доказательство, заключающееся въ томъ, что никто не видалъ,—„вынималъ ли Ситниковъ или бывшій у него вахтеръ дорогою изъ возовъ холстъ или сукно".

Въ виду всего этого была постановлена сентенція, въ силу которой комиссія военнаго суда отказала признать Ситникова виновнымъ въ неисправномъ препровожденіи транспортовъ и предписала освободить подсудимаго изъ-подъ ареста, а его

здоровыхъ людей—отъ запрещенія. Генералъ-аудиторіатъ вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлилъ освободить Ситникова отъ суда и выдать ему указъ объ отставкѣ.

Въ такомъ видѣ представляется одно изъ многочисленныхъ дѣлъ по злоупотребленіямъ завѣдывавшихъ продовольствіемъ [1]). Военный бытъ того времени допускалъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ всевозможную „утечку", „усыпку", „усушку", которыя были освящены долголѣтнимъ существованіемъ и принимались за нѣчто необходимое.

Приведенное нами дѣло, представляя собою яркую характеристику отправленія военнаго правосудія въ началѣ прошлаго столѣтія, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ возможность видѣть, съ какою легкостью и простотою совершались безконечныя злоупотребленія, которыя страшною тяжестью ложились единственно на „опекаемыхъ" начальствомъ нижнихъ чиновъ.

IV.

Образованіе и бытъ офицеровъ.

Царствованіе императора Александра I отличается отъ всѣхъ предыдущихъ и послѣдующихъ невѣроятно громаднымъ числомъ всевозможныхъ предложеній со стороны начальствующихъ лицъ, съ цѣлью поднять уровень общаго и спеціально-военнаго образованія офицеровъ.

Самымъ раннимъ изъ этихъ предложеній слѣдуетъ считать представленную въ 1802 году государю записку „съ изложеніемъ мыслей о военномъ воспитаніи, *объ образованіи министерства военнаго просвѣщенія* и съ проектомъ положенія для военныхъ училищъ". Менѣе чѣмъ черезъ годъ генераломъ Марковымъ былъ составленъ проектъ объ учрежденіи училища для высшаго образованія молодыхъ людей, готовящихся поступить въ военную службу. Въ 1809 г. въ военномъ министерствѣ производилось обширное дѣло по „изслѣдованію познаній, нужныхъ для офицеровъ; объ общемъ ихъ образованіи и пользѣ заведенія при каждомъ корпусѣ войскъ военно-учебнаго института для офицеровъ". Въ 1814 г. офицеръ французской службы Жульенъ представилъ проектъ учрежденія теоретическаго и практическаго военнаго училища подъ названіемъ „Легіонъ молодыхъ Россіянъ"; проектъ этотъ сопровождался критическими замѣчаніями Лагарпа. Въ 1818 г.

[1]) См. ниже указъ 30 декабря 1816 года.

возбуждался офиціально вопросъ о необходимости „улучшенія познаній юнкеровъ въ арміи, а въ 1821 г. было представлено цѣлыхъ три проекта, изъ которыхъ одинъ, объ учрежденіи „Военнаго лицея“ при главной квартирѣ 2-й арміи, принадлежалъ генералу Киселеву; однако, ни одному изъ нихъ не пришлось удостоиться утвержденія. Въ 1826 году вышеупомянутый генералъ Сабанѣевъ сдѣлалъ императору представленіе о необходимости поднять образованіе среди офицеровъ, вслѣдствіе чего ему и было поручено „взять на себя трудъ изложить въ подробности его мнѣніе: на какомъ основаніи полезно было бы устроить какъ учебныя заведенія по военной части, такъ вообще воспитаніе юношества въ государствѣ, *примѣняя оное къ духу монархическаго правленія и не останавливая народнаго просвѣщенія*“... причемъ „потребно было только еще нѣкоторое время и ближайшія соображенія на приведеніе ихъ въ исполненіе“.

Выяснивъ, такимъ образомъ, ходъ желаемыхъ преобразованій въ дѣлѣ военнаго образованія, приведемъ живую и мѣткую характеристику дѣйствительности изъ записокъ генерала Киселева.

„Образованіе чиновъ,—говоритъ онъ,—къ начальствованію призываемыхъ! Умноженіе арміи нашей ощутительно показываетъ недостатокъ офицеровъ: ротныхъ командировъ съ трудомъ набрать можно, батальонныхъ еще менѣе, а полковые, какъ чиновники, къ высшимъ степенямъ идущіе, заставляютъ страшиться за будущія войны наши. Кадетскій корпусъ нѣсколько даетъ офицеровъ съ посредственною образованностію, но число ихъ не соотвѣтствуетъ требованію арміи. Полезнымъ почесть можно устроеніе не только нѣсколько отдѣловъ сего воинскаго учрежденія на нѣкоторыхъ пунктахъ государства, но и учрежденіе таковыхъ-же при корпусахъ нашихъ, въ коихъ входящіе въ службу дворяне довершали бы воинскія познанія въ школахъ или совершенно получили бы образованность, для службы необходимую. Предложеніе генералъ-лейтенанта Сабанѣева по сему предмету заслуживаетъ уваженія“...

Замѣчаніе ген. Киселева о томъ, что полковые командиры являются въ видѣ чиновниковъ, идущихъ къ высшимъ степенямъ, вполнѣ можно распространить на громадную массу офицеровъ того времени. Не получивъ никакого почти образованія, не воспитавъ въ себѣ даже человѣческихъ инстинктовъ, офицеры жили среди еще болѣе грубой и развращен-

ной среды солдатъ; между подкомандною массою и ближайшими начальниками офицерами, въ большинствѣ, не замѣчалось особенной разницы. Все это въ значительной степени относилось къ офицерамъ войскъ, расположенныхъ вдали отъ центровъ. Весь офицерскій бытъ былъ основанъ на кутежахъ, картахъ, сплетняхъ. Сплетни вмѣстѣ съ тѣмъ служили и наилучшимъ способомъ отличиться передъ другими, высказать свою привязанность начальнику, „взойти на высшую ступень". Сплетнями и попойками жило офицерское общество, и только немногіе изъ лучшихъ элементовъ арміи бѣжали изъ этой среды...

Мы не можемъ не привести по этому поводу одинъ эпизодъ изъ офицерской жизни того времени.

Въ одинъ изъ стоящихъ на западѣ корпусовъ былъ назначенъ новый командиръ. Вновь назначенный генералъ принадлежалъ къ числу тѣхъ высшихъ начальниковъ, которые всю цѣль службы видѣли исключительно въ удовлетвореніи своихъ личныхъ интересовъ. Это былъ нѣмецъ чистѣйшей крови, съ трудомъ понимавшій русскій языкъ. Приказанія отдавались имъ на нѣмецкомъ языкѣ, и самъ онъ совершенно не умѣлъ писать по-русски, не будучи въ состояніи привыкнуть къ начертанію русскихъ буквъ. Къ этому необходимо добавить, что боевыя его качества оставались въ неизвѣстности; по службѣ-же онъ выдвинулся въ послѣднюю стадію реакціоннаго направленія царствованія императора Александра I-го. До назначенія этого генерала на постъ корпуснаго командира, въ этой должности находился военачальникъ, прославившій себя въ предшествовавшихъ войнахъ и сумѣвшій заслужить громадную популярность среди офицеровъ и солдатъ. Понятно поэтому, что назначеніе новаго командира не могло не вызвать нѣкотораго неудовольствія.

Однако, для поддержанія традицій, сложившихся историческимъ путемъ, общество офицеровъ N—скаго полка, расположеннаго въ центральномъ пунктѣ мѣстонахожденія корпуса, рѣшило устроить въ честь вновь назначеннаго нѣмца-генерала балъ и иллюминацію въ городѣ. Черезъ нѣсколько дней до свѣдѣнія высшихъ начальствующихъ лицъ кѣмъ то было доведено, что во время бала въ обществѣ циркулировали стихи по поводу этого бала и иллюминаціи. „Сіи стихи, по дерзкому и злому ихъ смыслу, какъ заслуживающіе, чтобы на нихъ обращено было особенное вниманіе", были представлены великому князю Константину Павловичу, который при

рапортѣ отослалъ ихъ къ государю. Вслѣдъ за этимъ было поручено спеціальной существовавшей въ то время военной полиціи „узнать секретнымъ образомъ", кто именно былъ сочинителемъ стиховъ, тѣмъ болѣе, что по своему содержанію они давали поводъ подозрѣвать въ авторѣ офицера какой-либо изъ частей того корпуса, куда былъ назначенъ генералъ.

Нельзя сказать, чтобы стихи представляли собою дѣйствительно выраженіе „дерзкой и злой" воли; скорѣе это была шуточная ода, авторъ которой едва ли имѣлъ въ виду сдѣлать ее извѣстною корпусному командиру, и стихи эти предназначались, вѣроятно, для небольшой группы читателей. Все это вызываетъ значительное недоумѣніе относительно того способа, посредствомъ котораго стихи стали извѣстными высшему начальству.

Несмотря, однако, на самые дѣятельные розыски, „сочинителя пасквильныхъ стиховъ" обнаружить не удалось, и дѣло, такимъ образомъ, было прекращено.

Въ видѣ иллюстраціи мы считаемъ необходимымъ привести эту оду цѣликомъ.

О, балъ, достойный поношенья!..
Безчестіе гусаръ, имъ вѣчно униженье!
Кому дается онъ? Чей вензель весь въ огняхъ?
Того ль, кто васъ ругалъ еще на этихъ дняхъ?
Кто бѣдствій вашихъ всѣхъ былъ мстительный содѣтель,
Кому по слуху лишь знакома добродѣтель,
Кто имя славное дивизій помрачилъ?
Того ли наконецъ, кто . . . . . васъ лишалъ?
Безхарактерные!.. и вы ему забыли,
И трауръ горестной на радость премѣнили!

На основаніи этого едва ли можно съ положительностью рѣшить, что мѣсторожденіемъ этой оды былъ тотъ именно городъ Житомиръ, о которомъ говорилось въ донесеніи къ великому князю, и что написана она именно по поводу назначенія новаго генерала.

Изъ отзыва военнаго генералъ-полицеймейстера по дѣлу о розысканіи сочинителя можно видѣть, что вся эта исторія явилась результатомъ сплетенъ и доносовъ. Донесеніе посланнаго на розыски жандармскаго офицера служитъ также нѣкоторымъ подтвержденіемъ этого. Жандармскій офицеръ пишетъ слѣдующее:

„По прибытіи моемъ въ г. Житомиръ и по отданіи бумагъ г. корпусному командиру, онъ приказалъ мнѣ отправиться

въ г. Сквиру, не мѣшкавъ въ Житомирѣ, чтобы не подать поводу. почему я пріѣхалъ. И покуда отыщетъ способнаго и надежнаго человѣка, которому бы и можно было повѣрить оное дѣло, ибо... губернскій стряпчій... я узналъ, что онъ вышелъ въ отставку и неизвѣстно, гдѣ онъ находится. По прибытіи моемъ въ г. Сквиру и окружности онаго, я съ многими познакомился офицерами... N..... полка, которые мнѣ говорили о балѣ и многихъ вещахъ, по совершенно не касающихся къ извѣстному предмету. Итакъ заключаю, что они ничего не знаютъ, или же *весьма скромничаютъ*. По возвращеніи моемъ изъ Сквиры въ Житомиръ, я полагалъ, что г. корпусный командиръ отыскалъ мнѣ помощника въ моихъ дѣлахъ, но нѣтъ, а сказали его превосходительство, что ни одному человѣку въ г. Житомирѣ нельзя поручить сего дѣла, а поѣзжай самъ въ N—скій полкъ; ибо я имѣю малое подозрѣніе на поручика Полозова сего полка. Куда я сейчасъ отправляюсь, къ моему хорошому знакомому ротмистру Крузе, который навѣрное, когда что знаетъ, то будетъ мнѣ говорить, и при семъ и съ прочими офицерами постараюсь коротко ознакомиться, и когда что узнаю, то сейчасъ напишу. При семъ скажу, что до полученія письма отъ вашего высокоблагородія господинъ корпусный командиръ ничего не зналъ. Господинъ корпусный командиръ и весьма теперь удивляется, что о семъ никто не говоритъ въ Житомирѣ и никто не знаетъ. Я познакомился съ нѣкоторыми поляками и старался узнавать, но ничего не говорятъ, какъ равно и штабные этого корпуса, которые мнѣ хорошо знакомы, но видно, что ничего не знаютъ, ибо я всегда, заведя разговоръ о цѣнахъ, и обычаяхъ между прочимъ спрашивалъ и о балѣ. Точно бы, когда бы знали, то что ни на есть сказали. Но ничего совершенно не говорятъ".

Ко всему этому остается добавить, „что при всѣхъ самыхъ дѣятельнѣйшихъ мѣрахъ, принятыхъ посредствомъ партикулярныхъ людей и нарочно посланнаго чиновника, достовѣрное открытіе сочиненія совершенно невозможно". Вмѣстѣ съ тѣмъ открылось, что балъ былъ не въ Житомирѣ, какъ говорилось въ первоначальномъ донесеніи, а въ Бердичевѣ, и, наконецъ, самъ корпусный командиръ, видя, что эти стихи, въ самомъ дѣлѣ, могутъ уронить его честь и быть отнесенными начальствомъ къ нему, посредствомъ двухъ секретныхъ писемъ, написанныхъ на нѣмецкомъ языкѣ, „просилъ начальство о прекращеніи по сему предмету дальнѣйшихъ розысканій".

Чтобы покончить съ характеристикою офицерской среды въ первой четверти прошлаго столѣтія, необходимо, хотя бы отчасти, коснуться судебной практики того времени, заключающей въ себѣ богатѣйшій и неисчерпаемый матеріалъ. Бездѣйствіе власти и дурное поведеніе начальствующихъ лицъ—обычная квалификація дѣяній, разсматривавшихся въ дисциплинарномъ и судебномъ порядкѣ. Какъ это ни странно, однако, обычное право создало цѣлую систему правилъ, которыми руководствовалось начальство, разбирая дѣла о дурномъ поведеніи офицеровъ; создалась даже лѣстница различныхъ административныхъ мѣръ, примѣнявшихся къ тому или другому виду проступковъ. Такъ, напримѣръ, „*наклонность къ временному пьянству*" влекла за собою одно послѣдствіе: провинившагося обходили одинъ разъ чиномъ; наклонность-же къ пьянству постоянному вызывала примѣненіе болѣе строгаго наказанія: отставленіе отъ службы.

Нравы того времени, о которомъ идетъ рѣчь, допускали возможность, которую нельзя назвать рѣдкою, совершенія начальствующими лицами корыстныхъ преступленій: кражи, разбоя, присвоенія и т. п.

Мы позволимъ себѣ привести характерный случай исключительно ради характеристики того общества, которое, силою обстоятельствъ, жило вдали отъ всякихъ духовныхъ интересовъ, забывая даже интересы автоматической военной службы, каковою она была въ это далекое, забытое время.

Случай имѣлъ мѣсто на далекой окраинѣ Россіи. Военному суду былъ преданъ совершенно молодой человѣкъ, подпоручикъ, который, „будучи въ домѣ коллежскаго секретаря Ш. и напившись съ женою онаго пьянымъ, унесъ съ постели принадлежащихъ квартировавшему въ томъ же домѣ штабсъ-капитану А. 150 рублей, изъ коихъ онъ, подсудимый, издержалъ на собственныя свои надобности 50 руб., 100 рублей проигралъ въ карты подпоручику Б., дворянину Г. и штабсъ-капитану Д., съ коихъ, по предписанію начальства, на удовлетвореніе потерпѣвшаго всѣ деньги взысканы".

На судѣ обвиняемый подпоручикъ, признавая себя виновнымъ, показалъ, „что онъ взялъ тѣ деньги тайно, будучи пьянъ, подъ предлогомъ писемъ, но когда по приходѣ въ свою квартиру нашелъ деньги, то уже не возвратилъ ихъ отъ стыда".

Вмѣстѣ съ этимъ къ подсудимому было предъявлено другое, крайне оригинальное обвиненіе: именно—„въ фамильяр-

комъ обращеніи съ фельфебелемъ Е. и рядовымъ Ж., изъ коихъ послѣдній былъ видимъ и въ квартирѣ его валяющійся по полу пьяный".

На судѣ выяснилось, что обвиняемый, до преданія его суду, „за наклонность временно къ пьянству, къ повышенію не аттестовался и былъ одинъ разъ при производствѣ обойденъ". Военный судъ, стоявшій въ то время на чисто формальной точкѣ зрѣнія и лишенный права рѣшать дѣло на основаніи внутренняго убѣжденія, вынесъ „сентенцію" (не выходя изъ круга требованій, предъявляемыхъ закономъ), которая опредѣляла подсудимаго *повѣсить*. Однако, по мнѣнію конфирмующаго приговоръ начальства, которое, собственно говоря, могло являться полнымъ хозяиномъ въ дѣлѣ оцѣнки доказательствъ [1]) и виновности подсудимаго, рѣшено было обвиняемаго офицера разжаловать въ рядовые, а всѣхъ остальныхъ, т. е. лицъ, игравшихъ съ обвиняемымъ въ карты, и нижнихъ чиновъ, „фамильярно" обращавшихся съ подсудимымъ, хотя ни тѣ, ни другіе не были преданы суду, наказать: офицеровъ—арестомъ на „гоубтвахтѣ", фельдфебеля—разжаловать въ рядовые, а рядового Е.—„въ примѣръ другимъ",—наказать „шпицрутеномъ чрезъ комплектный батальонъ одинъ разъ".

Такова была жизнь военнаго быта далекаго прошлаго.

Отрицательныя стороны ея давали себя чувствовать, и мысль о возможно скорѣйшей реорганизаціи внутренняго быта войскъ находила себѣ полное оправданіе. Разумѣется, уровень нравственныхъ качествъ офицеровъ повышался съ приближеніемъ мѣста стоянки полковъ къ большимъ городамъ; въ центрахъ—даже и въ то время—встрѣчаются развитые, интеллигентные офицеры, готовые беззавѣтно служить интересамъ общественнымъ. Но они являлись уже рѣдкимъ исключеніемъ.

V.

Аттестаціи.

Опуская вопросъ о чинопроизводствѣ, которымъ отчасти занимается генералъ Киселевъ, слѣдуетъ перейти къ болѣе

---

[1]) Рядъ указовъ, относящихся къ царствованію Павла и Александра I, положительно запрещалъ членамъ суда высказывать свое мнѣніе относительно виновности обвиняемыхъ и постановлять приговоръ „по силѣ узаконеній". Конфирмующее начальство знакомилось съ дѣломъ по письменному производству и почти никогда не знало преступниковъ, преданныхъ суду.

интересному вопросу объ „аттестацiяхъ“. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ „начальническимъ усмотрѣнiемъ“, которому во всѣ времена существованiя войскъ придавалось преимущественное значенiе. Законъ уполномочивалъ начальника дѣлать оцѣнку умственныхъ, нравственныхъ и служебныхъ качествъ подчиненнаго, причемъ предоставлялъ начальнику руководствоваться въ этомъ случаѣ тѣми или другими способами. Многiе, занимавшiеся разсмотрѣнiемъ вопросовъ о воинскомъ бытѣ, указывали на ненормальность подобнаго порядка оцѣнки подчиненнаго, такъ какъ все дѣло въ данномъ случаѣ сводилось къ той долѣ субъективизма, которой обладаетъ начальникъ. Понятно, что генералъ Киселевъ не могъ не отозваться и не высказать своего мнѣнiя по этому вопросу, тѣмъ болѣе, что аттестацiямъ начальствующихъ лицъ, въ разсматриваемую нами эпоху, придавалось громадное значенiе при всякомъ повышенiи офицера по службѣ. Вотъ что по этому поводу пишетъ Киселевъ:

„Аттестацiя всѣхъ чиновъ должна обратить строгое вниманiе. Доселѣ тайныя представленiя ихъ основаны бываютъ на фальшивомъ добродушiи, которую именовать можно безпечностью ихъ къ личностямъ. Одно и другое часто обнаруживается и остается безъ взысканiя, одно и другое—вредно и не имѣетъ доселѣ точнаго и единообразнаго постановленiя... Въ судебныхъ дѣлахъ соблюдаться должно со всею точностью; гдѣ дѣло о чести,—тамъ предосторожность должна быть великая. И все тайное въ семъ случаѣ не терпимо. Справедливый начальникъ подчиненнаго страшиться не долженъ; естьли же страшится, то конечно несправедливъ или безъ свойствъ, начальнику необходимыхъ. Аттестацiя, предоставленная командирамъ полковъ, есть нравственный способъ, данный для исправленiя подчиненныхъ. Пусть способъ сей будетъ торжественный, не скрытый, и тогда самолюбiе и честь возведетъ начальническое заключенiе на степень величайшей награды или постыднаго наказанiя“.

Это мнѣнiе Киселева, желавшаго сблизить порядокъ аттестованiя съ принятымъ въ судахъ, для изслѣдователей военно-административнаго права будетъ имѣть, разумѣется, немаловажное значенiе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно служитъ и въ интересахъ нашей задачи, отмѣчая не совсѣмъ нормальное положенiе условiй военнаго быта того времени. Въ самомъ дѣлѣ, между начальникомъ, дававшимъ аттестацiю, и воспринимавшимъ таковую высшимъ начальникомъ, не было по-

средствующихъ звеньевъ. Аттестація являлась секретнымъ документомъ не только для третьихъ лицъ, но и для самого аттестуемаго. Все это вызывало неудовольствія и требовало реформы...

* * *

Въ заключеніе мы приведемъ очень характерное мнѣніе современника ген. Киселева—ген. Сабанѣева—о военномъ бытѣ. Ему первому принадлежитъ честь возбужденія вопроса о необходимости реформы; къ тому-же мнѣнія его, относящіяся къ 1815 году, были одобрены императорами Александромъ I и Николаемъ I.

Ген. Сабанѣевъ въ своихъ требованіяхъ идетъ далѣе Киселева. Такъ, въ своихъ „Мысляхъ о солдатѣ“ онъ говоритъ о тягостяхъ существовавшей въ то время системы воинской повинности, объ устройствѣ школъ и т. п. Къ этому слѣдуетъ добавить, что въ авторѣ виденъ добродушный человѣкъ, всею душою болѣющій отъ недостатковъ современнаго устройства жизни.

„Солдатское ремесло не было бы самое трудное, — пишетъ онъ,—естьли бы каждый изъ насъ болѣе всего заботился облегчить его участь. Давно удивлялся я геройскому ихъ терпѣнію, давно чувствую въ полной мѣрѣ ихъ добродѣтели, но—что во власти моей, то я для нихъ уже сдѣлалъ, а что свыше—о томъ намѣренъ представить сужденію высшей власти.

„Марта 12-го 1810 года, будучи въ лагерѣ за Дунаемъ, по пробитіи вечерней зори, вышелъ я изъ лагеря и сѣлъ подлѣ дороги надъ озеромъ, изъ коего войска пользовались водою. Вскорѣ послѣ того увидѣлъ я четырехъ казаковъ.

— „Куда идете? спросилъ я ихъ.

— „Въ лагерь! отвѣчали они мнѣ.

„Спустя нѣсколько минутъ показались два егеря съ манерками.

— „Куда ребята?

— „За водою, ваше превосходительство!

— „Отчего-же такъ поздо?

— „Виноваты! Поужинавъ, пить захотѣлось.

„Великій Боже! помышлялъ я самъ съ собою, отчего виноватъ тотъ, кому послѣ ужина пить захочется? Казакъ и егерь — оба русскіе, служатъ одному и тому-же государю. Отчего же казакъ свободенъ, а солдатъ не имѣетъ права пользоваться таковою свободою? Ужель, не отягчая участи бѣднаго солдата, нельзя соблюсти порядка службы? Ужель позволитель-

вая свобода можетъ быть поводомъ къ безпорядкамъ и неустройству? Я думаю напротивъ того, что единственное и найвѣрнѣйшее средство сберечь армію во всѣхъ отношеніяхъ, состоитъ въ томъ, чтобы улучшить состояніе солдата.

„Первая заповѣдь каждаго изъ военачальниковъ должна быть—береги людей болѣе всего, вторая—не ослабляй закона, похлѣбствуя преступленію; шалуну судья—начальникъ, онъ воленъ простить его или наказать, какъ отецъ наказываетъ сына въ надеждѣ исправленія; преступнику судья — законъ, здѣсь власть начальника ограничивается онымъ.

„...Желалъ бы я, чтобы солдатъ, поступая на службу, сколько можно менѣе чувствовалъ перемѣну своего состоянія: одежды, пищи, образа лѣченія... Казаки—больныхъ въ десять разъ менѣе, умираетъ въ той-же пропорціи, а побѣговъ совсѣмъ нѣтъ... потому, что не замученъ мнимымъ порядкомъ службы и гораздо свободнѣе регулярнаго солдата. Побѣговъ совсѣмъ нѣтъ оттого, что казакъ, отслужа войну или очередь свою, возвращается въ нѣдра семейства, наслаждается спокойствіемъ и пользуется правами отца, мужа и владѣльца. Солдатъ, напротивъ того, поступая на службу, прощается на вѣки со всѣмъ, что есть для него драгоцѣннѣйшее въ жизни. Куда бѣжать казаку? гдѣ можетъ быть ему лучше, какъ на Дону?—Нигдѣ. Солдату—вездѣ лучше“...

Мы опускаемъ все дальнѣйшее изъ „Мыслей о солдатѣ“; сказаннаго мы считаемъ достаточнымъ для подтвержденія того положенія, что ненормальность военнаго быта сознавалась немногими людьми того времени, сознавалась настолько ясно, что заставляла ихъ, рискуя своимъ высокимъ положеніемъ въ арміи, писать записки и представлять ихъ на разсмотрѣніе верховной власти. Всѣ подобные доклады были чужды всякаго заискиванія, тѣмъ болѣе, что войсковой режимъ, существовавшій въ то время, признавался большинствомъ однимъ изъ устоевъ, на которыхъ покоилась честь и независимость государства; поэтому всякое посягательство на военный бытъ получало значеніе посягательства на государство, его цѣлость и безопасность. Изъ этого слѣдуетъ, что и мысли о реформѣ могли быть высказываемы высшими начальствующими лицами, какъ, напр., Киселевымъ и Сабанѣевымъ. Подначальные, самимъ закономъ лишенные права „имѣть сужденія о вещахъ“, думали и дѣлали такъ, какъ думалъ и дѣлалъ ближайшій начальникъ, имѣющій власть задавить или поднять подчиненнаго.

Въ настоящемъ очеркѣ мы имѣли въ виду выяснить нѣкоторые, особенно существенные и выдающіеся моменты внутренней жизни арміи въ первой четверти прошлаго столѣтія. Разумѣется, ограниченный предѣлами записокъ генерала Киселева, нашъ очеркъ не можетъ имѣть всеисчерпывающаго значенія.

Приэтомъ, мы не можемъ вполнѣ согласиться съ авторомъ записокъ, равно какъ и съ взглядомъ генерала Сабанѣева.

Причины, выставляемыя ими какъ причины всеобщаго неблагоустройства жизни арміи, понимались ими по своему и не всегда вѣрно истолковывались.

По нашему мнѣнію, самымъ крупнымъ дефектомъ военнаго быта того времени являлось отсутствіе законности, правомѣрности и господство произвола. Едва ли кто изъ военнослужащихъ могъ точно и ясно опредѣлить свои права и обязанности по отношенію къ начальникамъ, подчиненнымъ и самой арміи, какъ цѣлому. Существовали законы, приводились въ порядокъ разбросанныя повсюду постановленія и правила, но никто не могъ пользоваться ими, такъ какъ въ рукахъ высшей власти законъ терялъ всякое значеніе.

Полный произволъ царилъ повсюду, и негдѣ было искать спасенія. Даже военная юстиція, единственно способная обезпечить господство правомѣрности, не могла подняться выше уровня тѣхъ лицъ, которымъ было ввѣрено ея отправленіе. Военный судъ даже не могъ заслуживать названія суда. Говорить о какихъ-либо гарантіяхъ интересовъ личности не приходилось. Судъ, — формальный, письменный, облеченный въ форму слѣдственнаго розыска,—давалъ широкій просторъ къ безконечнымъ злоупотребленіямъ со стороны судей, аудиторовъ, начальства. Послѣднее играло роль и обвинителя, и суда, и защитника; всѣ эти, взаимно исключающія другъ друга функціи, сосредоточенныя въ одномъ лицѣ, оставили кровавый слѣдъ на страницахъ исторіи отечественной „многострадальной“ юстиціи, которая лишь въ недавнее сравнительно время стала имѣть высоко-культурное значеніе для арміи.

Едва ли стоитъ касаться обстоятельствъ военнаго времени, если и въ мирной обстановкѣ войско не знало ни права, ни справедливости. Война рождала героевъ и преступленія. Армія переносила крайнія лишенія и нужду; чиновники, завѣдывавшіе доставкой предметовъ обмундированія, снаряженія, вооруженія и довольствія, обогащались на счетъ казны. Вся дѣятельность ихъ была превосходно охарактеризована въ указѣ 30 де-

кабря 1816 года, который подвелъ итоги всѣмъ злоупотребленіямъ въ эпоху предшествовавшихъ войнъ.

„Посреди попеченій Нашихъ,—говорилось въ указѣ,—о приведеніи разныхъ отраслей государственнаго управленія въ надлежащее устройство, способствующее назиданію общаго благоденствія Имперіи Нашей, обращали Мы особенное вниманіе на важный предметъ продовольствія войскъ. На пути къ сей общеполезной цѣли Мы съ прискорбіемъ усмотрѣли, что вкравшіяся злоупотребленія въ снабженіи войскъ, бывшихъ на внутреннемъ продовольствіи подъ управленіемъ умершаго генералъ-провіантмейстера Лабы, всѣми нужными потребностями, ослабленіе надзора, отступленіе отъ предписанныхъ правилъ, безотчетность и всякаго рода безпорядки, усилившись наипаче въ послѣдніе годы, довели сію часть до крайней мѣры ея разстройства.

„Не взирая на чрезвычайныя суммы, отпущенныя изъ государственныхъ казначействъ, мы видѣли изъ донесеній главнокомандующихъ арміями и корпусныхъ начальниковъ, что не только во многихъ мѣстахъ продовольствіе войскъ достаточно не было обезпечено, но въ которыхъ до того затруднено, что сопряжено было съ изнуреніемъ жителей.

„Въ справедливомъ негодованіи на столь противное ожиданію Нашему попеченіе дѣлъ провіантскаго департамента, соображая великость суммъ, отпущенныхъ въ его распоряженіе, съ тѣми особенными пособіями, которыми съ 1812 года удовлетворялись многія потребности военныя... отъ ревности и любви къ отечеству всѣхъ состояній вѣрноподданныхъ Нашихъ, стремившихся всякими пожертвованіями и приношеніями безвозмездно снабжать войска припасами и производить перевозки, Мы не можемъ не признать, что и малѣйшій недостатокъ и затрудненіе въ продовольствіи обнаруживаетъ уже величайшій безпорядокъ въ управленіи сею частію, которое тѣмъ болѣе виновно, что втеченіе трехъ послѣднихъ годовъ, когда большая часть войскъ Нашихъ, находясь внѣ государства, подъ предводительствомъ генералъ-фельдмаршала князя Барклая-де-Толли, благоразумнымъ распоряженіемъ его и усерднымъ стараніемъ генералъ-интенданта Канкрина, не требовала и не получала продовольствія отъ провіантскаго департамента, должны бы быть сбережены великіе остатки въ запасахъ и деньгахъ...

„Дабы постановить предѣлы сему неустройству и отвратить происходящее отъ того отягощеніе государству, Мы признали

нужнымъ изслѣдовать настоящія причины сего нетерпимаго безпорядка, и разсмотрѣвъ всѣ дѣйствія внутренняго провіантскаго вѣдомства съ 1813 года понынѣ, открыть извороты злоупотребленій, производившихъ столь великій общественный вредъ, дабы виновные почувствовали всю силу прещенія законовъ и праведнаго гнѣва Нашего"...

Учрежденная судная комиссія обнаружила страшныя хищенія, открыла виновныхъ и приговорила ихъ къ наказаніямъ, но „предѣлы сего неустройства" не были постановлены. Потребовался длинный рядъ лѣтъ, чтобы весь военный бытъ получилъ разумную форму...

Царствованіе Александра I-го, однако, не прошло безслѣдно для внутренняго быта арміи: родившаяся въ эту эпоху мысль о правѣ и законности военной жизни, росла и крѣпла. Къ немногимъ робкимъ голосамъ присоединились другіе, и все это въ слѣдующую четверть прошедшаго вѣка слилось въ одинъ крикъ отчаянія и негодованія противъ великаго царства произвола и насилія.

Ф. А. Лѣевъ.

HOMO SAPIENS.

На распутьи.

повѣсть

Станислава Пшибышевскаго.

Перев. съ польск. Эрве.

(Продолженіе).

II.

Когда Ф[illegible]къ вышелъ на улицу, его охватило безпокойство.

Онъ быстро зашагалъ. Быть можетъ, физическая усталость принесетъ ему облегченіе.

И ему казалось, что кто-то гонитъ его все скорѣе и скорѣе впередъ, такъ что, наконецъ, онъ почти бѣжалъ.

Но ему не стало легче.

Онъ чувствовалъ, какъ волна безпокойства все глубже и глубже проникаетъ въ его тѣло; онъ чувствовалъ, что въ немъ что-то бѣшено кружится и съ возрастающей силой [illegible]олняетъ каждую пору, каждый нервъ. Что это б[illegible]

Он[illegible]дру[illegible]ъ остановился

Не [illegible]итъ-ли опять опасность?

Въ н[illegible]говорилъ, вѣроятно, какой-то животный инстинктъ; как[illegible]то невѣдомая душа [illegible] немъ чуяла опасность.

Вдругъ его охватило какое-то новое, животное желаніе.

Онъ сразу представилъ себя четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Гдѣ-то высоко на четвертомъ этажѣ. Два окна во дворъ. На дворѣ вѣчный шумъ. Бондари наколачиваютъ обручи.

Ему надо выучить наизусть большой отрывокъ изъ Овидія, иначе его ждетъ суровая кара.

Онъ сидитъ и учится, учится такъ, что горячія слезы, какъ горохъ, катятся по его щекамъ.

Но его мозгъ удивительно невоспріимчивъ. Едва ему удается заучить одинъ стихъ, какъ онъ забываетъ другіе.

А на лужайкѣ, за крѣпостной стѣной, играли его товарищи и Гансъ былъ съ ними, Гани, котораго онъ такъ любилъ.

День склонялся къ вечеру. Онъ бросился на колѣни; его охватилъ безграничный страхъ; онъ молилъ Бога вразумить его.

Но нѣтъ, ничего, ничего онъ не могъ запомнить.

У него потемнѣло въ глазахъ отъ страха. Онъ долженъ былъ выучить. Долженъ былъ. И онъ билъ кулакомъ себя по головѣ, каждое слово повторялъ тысячу разъ, но ничего не помогало.

Для него не было выхода. Тогда вдругъ, неожиданно, его осѣнила спасительная мысль. Бѣжать, бѣжать, далеко,—къ матери...

Онъ бѣжалъ ночью, бѣжалъ, задыхался, падалъ. При малѣйшемъ шорохѣ онъ замиралъ, каждый огонекъ разрастался въ его глазахъ въ цѣлое море свѣта, потомъ онъ снова пускался бѣжать и бѣжалъ дальше, безъ передышки, пока, наконецъ, не упалъ въ лѣсу безъ силъ, безъ сознанія...

И теперь опять онъ слышалъ этотъ властный, повелительный голосъ: бѣги! бѣги!

Онъ остановился и усмѣхнулся.

Звѣрь въ немъ проснулся. Неужели у человѣка, надѣленнаго сознаніемъ, нѣтъ другихъ средствъ обороны, какъ только трусливое бѣгство? Да и зачѣмъ ему бѣжать?

Сразу поднялось въ немъ страстное желаніе,—какъ тяжелый туманъ, окутало оно его мозгъ и сдавило всѣ его мысли. Онъ чувствовалъ *ея* руку на своихъ губахъ. Онъ чувствовалъ, какъ теплота ея тѣла разжигала его кровь, онъ чувствовалъ, какъ звукъ ея голоса нѣжной волной ласкалъ его нервы.

Нѣтъ! крикнулъ онъ громко.

Никита! Какъ онъ ее любилъ... Онъ видѣлъ, какъ Никита со страхомъ безпрестанно слѣдилъ за ними.

Неужели онъ не увѣренъ въ ея любви?

И вдругъ:

Она? Неужели она могла любить Никиту? Нѣтъ, это смѣшно! Подумать только, что такое существо, какъ она... нѣтъ, нѣтъ... можетъ ли такая женщина спокойно смотрѣть на смѣшную фигуру Никиты... Гм... сегодня напримѣръ, Никита былъ положительно смѣшонъ со своимъ косноязычіемъ и...

— Нѣтъ! нѣтъ!—Фальку стало неловко. Никиту слѣдуетъ любить. Каждый, кто его узнаетъ, долженъ его полюбить. Да, безъ сомнѣнія... она любила, должна была его любить.

А, можетъ быть, она любила только его искусство?

Такъ ли? Можетъ быть, ему только такъ кажется?

Видѣлъ-же онъ, какъ тѣнь недовольства проскользнула по ея лицу, когда Никита говорилъ о счастіи въ любви? А, потомъ, развѣ не было у нея желанія задобрить его, когда она ни съ того, ни съ сего стала гладить его руку.

Его вдругъ охватило бѣшенство. Ужъ не поймалъ ли онъ себя на мысли, что любовь Никиты причиняла ему непріятное чувство? Да нѣтъ ли у него желанія, чтобы его предположенія оправдались? Нѣтъ, это было бы мерзко, было бы гадко...

Гадко? Почему-же гадко? Ха, ха, ха, да, какъ будто онъ виноватъ, что въ его душѣ проснулись глупые, животные инстинкты!

Онъ вошелъ въ аллею и былъ пораженъ. Такихъ великолѣпныхъ деревьевъ онъ никогда еще не видѣлъ. Онъ внимательно разсматривалъ ихъ. Онъ видѣлъ могучіе корни, точно суковатые спицы въ оси колеса—странно развѣтвленныя, связанныя и перепутанныя въ сѣти... И видѣлъ сплетенія корней, вырисованныхъ на фонѣ неба: громадную сѣть паутины, которая опутала небо, это святое, волшебное лоно свѣта и благословенія.

Какъ это было прекрасно! И мартовскій вѣтеръ такой теплый...

Надо забыть ее. Забыть

И снова всѣ его мысли и желанія заглушилъ прежній крикъ: бѣги! бѣги!

Нѣтъ, незачѣмъ бѣжать. Отъ чего бѣжать?

Но безпокойство его возрастало все сильнѣе. Онъ бо-

ролся съ нарождающейся мукой, которая задерживала біеніе его сердца.

Кто была эта женщина? Чѣмъ была она для него?

Прежде онъ никогда не испытывалъ ничего подобнаго. Нѣтъ, никогда!

Онъ вспоминалъ, вспоминалъ, но нѣтъ! Никогда...

Уже не любовь-ли это?

Онъ встревожился.

Какъ это случилось, что въ какой-нибудь часъ эта женщина поработила его, вошла въ его мозгъ точно какое-то новообразованіе, около котораго скопились всѣ его мысли, всѣ чувства?

Нѣтъ! Онъ не хотѣлъ, онъ не долженъ объ этомъ думать больше.

Не пожелай жены ближняго твоего! Нѣтъ! Объ этомъ онъ вовсе не думалъ. Она составляла все счастіе Никиты. Боже! какъ онъ сіялъ, когда говорилъ о своей любви...

Какъ это въ самомъ дѣлѣ хорошо, что Никита нашелъ, наконецъ, счастіе! Это удесятеритъ его художественную мощь: творить для этой женщины и вдохновляться ею.

И снова почувствовалъ онъ ея маленькую горячую руку на своихъ губахъ. Она не отнимала ее. Онъ видѣлъ затуманенную усмѣшку, сіяніе и блескъ около ея глазъ... И чувствовалъ съ безконечнымъ удовольствіемъ, какъ ея теплота проникала въ его тѣло; глаза его горѣли. Ему было такъ жарко и такъ тоскливо.

Ему теперь захотѣлось встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь, кого бы онъ могъ осыпать ласками.

Янина!

Какъ молнія блеснула эта мысль въ его головѣ.

Она была такъ хороша съ нимъ. Она такъ его любила.

Въ сущности и онъ къ ней очень былъ расположенъ. Даже больше, чѣмъ самъ въ этомъ признавался.

Любовь ея показалась ему прекрасной. Она отдала ему все, не думала ни о чемъ, она для него всѣмъ пожертвовала, принадлежала ему, только ему одному.

Странно, что онъ очутился вблизи ея дома. Что его сюда привело?

Да, только одна еще улица...

Привратникъ открылъ ему ворота. Онъ вбѣжалъ наверхъ по лѣстницѣ и тихо постучался въ дверь.

— Эрикъ, ты?

Она вся дрожала.

— Тише, да я... стосковался по тебѣ... Онъ вошелъ въ ея комнату.

Она страстно охватила руками его шею.

Какое наслажденіе доставляла ему эта страсть.

— Да, я стосковался по тебѣ.

И цѣловалъ ее, и ласкалъ, и говорилъ ей, а она теряла сознаніе отъ безмѣрнаго счастія.

— Это счастіе, это счастіе... безпрерывно шептала она.

Онъ прижималъ ее къ себѣ все сильнѣе и сильнѣе, и прислушивался къ своей совѣсти и кричалъ ей: Никита! Никита!

Да, теперь онъ забылъ — забылъ обо всемъ для Никиты...

— Да, Янина, я съ тобой, останусь, останусь съ тобой.

V.

Онъ не долженъ ея никогда больше видѣть.

Это была единственная ясная мысль, которую онъ отчетливо сознавалъ въ продолженіе всей безсонной ночи. Нѣтъ, больше никогда!

Въ немъ проснулась тревога, болѣзненная тревога.

Какъ это кончится? Какъ подавитъ онъ это страшное желаніе? Въ какой-нибудь часъ эта женщина пустила въ него глубокіе корни, которые громадной сѣтью опутали всю его душу. Онъ чувствовалъ, что въ немъ живутъ два человѣка и, когда одинъ изъ нихъ пытался управлять волей ясно и трезво, другой смѣло бросалъ ему въ голову мысли, которыя заглушали всѣ его намѣренія, голосъ долга и голосъ совѣсти. И все глубже въѣдалась въ него тоска и страсть, и онъ безпомощно извивался отъ боли и тоски и не могъ найти себѣ покоя.

Что же случилось?

Ohé, les psychologues! Объясните мнѣ теперь, что творится въ моей душѣ, у васъ вѣдь тьма психологическихъ правилъ и формулъ.

Усердно прошу васъ объяснить мнѣ это!

Онъ быстро вскочилъ.

Но что съ Никитой?

Предчувствовалъ ли онъ, что надвигается? Но вѣдь пока ничего не случилось! Почему-же онъ сегодня былъ такъ молчаливъ?

Онъ безумно ее любитъ. Страданіе трепетало на его устахъ.

Да, Никита чувствуетъ за тысячу верстъ; да, Никита видитъ, какъ трава растетъ... Этотъ тонъ, какимъ онъ молилъ Никиту придти съ Изой къ Илтису. Онъ очень занятъ, а Иза такъ радуется этому вечеру.

Почему бы ему самому ее не проводить?

Онъ придетъ, быть можетъ, позднѣе... Неужели онъ не можетъ отложить работу до другого дня?

Фалькъ всталъ.

Нѣтъ! Онъ не пойдетъ съ ней. Не хочетъ онъ ее болѣе видѣть. Теперь еще можно забыть ее. Теперь она еще можетъ быть для него лишь прекраснымъ воспоминаніемъ его жизни, да—воспоминаніемъ, которое можетъ современемъ послужить ему литературной темой.

Литературной темой! Фалькъ злобно разсмѣялся.

Онъ останется дома и погрузится въ работу Хе, хе!

Онъ переживалъ скверное чувство.

Это глупое, безсмысленное писаніе! Отчего онъ не настолько аристократъ, чтобы не торговать своими самыми интимныя, самыми нѣжными и самыми сокровенными впечатлѣніями? Отчего онъ бросаетъ все это, на потѣху толпѣ?

Отвратительно!

Нѣтъ! теперь онъ обдумаетъ. Да. Онъ уже рѣшилъ. Останется дома.

Твердое рѣшеніе доставило ему удовольствіе. Онъ сѣлъ за письменный столъ и сталъ читать.

Онъ прочиталъ страницу и ничего не понялъ.

Потомъ онъ уставился глазами въ потолокъ.

Онъ невольно вспомнилъ гоголевскаго Петрушку, которому доставлялъ удовольствіе процессъ чтенія, хотя самъ онъ изъ прочитаннаго не понималъ ни слова.

Онъ собрался съ мыслями и продолжалъ читать.

Какъ очаровательны ея движенія.

Это даже не движенія, это цѣлая поэма, самое совершенное выраженіе его собственнаго высокаго идеала красоты,—а рука, ея рука...

Онъ затрепеталъ.

Если бы удалось ему забыть о ней!

Онъ долженъ написать Никитѣ, что вслѣдствіе непредвидѣнныхъ обстоятельствъ онъ не можетъ проводить Изу.

Онъ сѣлъ и написалъ открытое письмо.

Хорошо было бы съ кѣмъ-нибудь послать! Теперь ему придется самому бѣжать на почту.

Онъ вышелъ на улицу. Что-то толкало его идти къ ней, одинъ еще разъ ее увидѣть, вдохнуть воздухъ, которымъ она дышетъ, еще разъ насладиться обаяніемъ, которымъ она окружена.

Но нѣтъ, нѣтъ—тысяча разъ нѣтъ! Онъ сумѣетъ подавить свое желаніе?!

Да, подавить! Именно такъ подавить, какъ одинъ изъ его пріятелей, для котораго самымъ страстнымъ желаніемъ было увидѣть Римъ. И онъ поѣхалъ въ Римъ, но на послѣдней станціи отъ этого города онъ сказалъ себѣ, что человѣкъ долженъ умѣть побѣждать свои желанія, и вернулся назадъ. Однако, по пріѣздѣ домой онъ сошелъ съ ума.

Да, вотъ послѣдствія глупой, смѣшной настойчивости. Зачѣмъ подавлять свои желанія?

И вспомнилъ онъ слова Гейне—что онъ сказалъ? Хорошо побѣждать свои желанія, еще лучше этого не дѣлать... Да, приблизительно такъ.

Поражалъ его, однако, во всемъ этомъ скрытый цинизмъ мысли. Ему казалось, что этимъ онъ оскверняетъ Изу.

Но почему-же? Что общаго между Изой и этой мыслью?

И онъ шелъ и думалъ о таинственныхъ ассоціаціяхъ, которыя созрѣваютъ гдѣ-то въ тиши, а потомъ вдругъ безъ всякой связи всплываютъ въ нашемъ мозгу.

Да, повидимому, безъ связи. Коварная, невѣдомая сила хорошо знаетъ, что она связываетъ и соединяетъ.

Разгадываніе этого страннаго ребуса доставляло ему удовольствіе.

Очевидно, онъ все это дѣлалъ только для того, чтобы другая навязчивая и непріятная мысль не могла проникнуть въ его сознаніе.

Но мысль о Никитѣ все таки вынырнула.

А между тѣмъ онъ не хотѣлъ думать о немъ.

Ему казалось, что всякій разъ онъ чувствуетъ судороги сердца.

Вся кровь временами приливала къ его сердцу. Ему это причиняло страшную боль.

Почему у Никиты было право на Изу, исключительное право, точно какая-то монополія?

Вдругъ ему стало стыдно, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ испытывалъ непріязненное чувство—да, дѣйствительно это было чувство ненависти—нѣтъ... недовольство...

Онъ не долженъ идти къ ней ради Никиты! ради Никиты?!

Онъ злобно разсмѣялся. Эрикъ Фалькъ считаетъ себя непреклоннымъ. Благодаря извѣстной, отъ вѣка установленной гармоніи, онъ долженъ всякаго мужчину наградить рогами; всякая невѣста другого должна любить его беззавѣтно.

Вѣдь это ужасно смѣшно!

Если бы онъ еще сказалъ себѣ: послушай, не ходи туда, ты влюбишься, а разсчитывать на взаимность не имѣешь права, такъ какъ она вѣдь...

У него было странное чувство, что она ему ближе, чѣмъ Никитѣ, онъ положительно это чувствовалъ и, по всей вѣроятности, Никита долженъ былъ понимать, что Иза...

Нѣтъ, нѣтъ!

Но одно онъ могъ сдѣлать съ чистой совѣстью: быть по крайней мѣрѣ невдалекѣ отъ нея, всего—черезъ улицу—въ ресторанѣ,—тамъ онъ сядетъ и напьется, чтобы попросту быть не въ состояніи идти къ ней, да! напьется.

Онъ долженъ это сдѣлать—и сдѣлаетъ!

Передъ домомъ, въ которомъ жила Иза, онъ остановился.

Теперь ужъ слишкомъ поздно! теперь ужъ онъ не могъ во-время увѣдомить Никиту.

Что ему дѣлать?

Боже мой! волей-неволей онъ долженъ идти къ ней.

Сердце у него сильно билось, когда онъ шелъ по лѣстницѣ.

Онъ позвонилъ и испугался. Ему казалось, что звонокъ вызоветъ переполохъ во всемъ домѣ.

Бѣги! бѣги! что-то кричало въ его душѣ.

Двери открылись. Иза стояла въ корридорѣ.

Онъ замѣтилъ, какъ въ ея глазахъ блеснула радость и разлилась по всему лицу.

Она пожала его руку крѣпко... очень крѣпко...

Хотѣла ли она этимъ что-нибудь сказать ему?

— Вы знаете, что Никита придетъ позднѣе?

— Знаю, онъ былъ у меня сегодня.

— Вы, конечно, пойдете со мной. Вѣдь вамъ не будетъ это въ тягость?

— Для васъ я сдѣлаю все! Эти слова внезапно вырвались у него изъ гортани.

Оба они смутились. Да, онъ долженъ быть на-сторожѣ, чтобы снова не потерять самообладанія.

Какъ это вдругъ случилось, что онъ не сдержался?

Они сѣли, взглянули другъ другу въ глаза и улыбнулись. Фалькъ чувствовалъ, что она не была спокойна.

Онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и сталъ говорить о постороннихъ вещахъ.

— Ну, какъ вамъ вчера понравилось?

— Вечеръ былъ очень интересный.

— Илтисъ необыкновенный человѣкъ, не правда ли?

Она улыбнулась.

— Нѣтъ, нѣтъ! я говорю это совершенно серьезно.

Иза посмотрѣла на него недовѣрчиво.

— Да, Илтисъ безусловно геній—диллетантъ. Онъ знаетъ все, все изучалъ, все читалъ. Его мозгъ работаетъ совершенно правильно, но доходитъ до странныхъ выводовъ, которые всегда уничтожаютъ всю его работу. Вотъ, напримѣръ, недавно онъ усердно изучалъ вопросъ, на какой ступени развитія слѣдуетъ помѣстить дѣтей. Разумѣется, онъ не мало бился надъ этой задачей. Прежде всего сравненіе съ женщиной. Всѣхъ дѣтей можно сравнить съ куколками, женщинъ съ бабочками. Другими словами, женщина—ребенокъ, который остановился въ своемъ развитіи. Дѣти и женщины имѣютъ округлыя формы тѣла и нѣжныя кости. Дѣти и женщины не умѣютъ правильно мыслить, не могутъ подчинить чувство разуму...

Но въ дальнѣйшемъ сравненіи обнаружились трудности... Дѣти чисты и невинны, женщины коварны, вѣроломны, обольстительны, настоящія прислужницы діавола.

Сравненіе, какъ видите, выдержано только поверхностно.

Илтисъ все болѣе оживлялся.

Однажды—это было раннимъ утромъ, а въ это время я обыкновенно провожаю Илтиса домой—вдругъ Илтисъ останавливается у моста и, забывъ обо всемъ, смотритъ на лебедей, которые цѣлымъ стадомъ выплываютъ изъ-подъ моста.

Его охватываетъ странное волненіе.

— Эрикъ, видишь?

— Вижу.

— Что ты видишь?

— Лебедей.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да...

Илтисъ оборачивается.

Въ эту самую минуту приближается торговка изъ Іерихона...

Фалькъ нервно разсмѣялся.

— Сказочная торговка изъ Іерихона! Знаете вы великолѣпнаго Лиліенкрона?

— Нѣтъ! Иза съ удивленіемъ взглянула на Фалька.

— Лиліенкронъ написалъ поэму, „Распятіе“—нѣтъ, „Равви Іисусъ“. Въ толпѣ...

— Но что-же было съ Илтисомъ?

— Сейчасъ, сейчасъ... Такъ вотъ въ толпѣ, которая

сопровождала шествіе на Голгоөу, идутъ адвокаты, офицеры, карманные воришки, разумѣется, и психологи и представители экспериментальнаго романа, и, наконецъ, торговка изъ Іерихона.

— Но тогда не было торговокъ, замѣтилъ кто-то изъ его пріятелей.

Лиліенкронъ возмутился. Вѣдь торговка была самой художественной фигурой въ поэмѣ! Собственно говоря, вся поэма была написана лишь для изображенія торговки.

Она смѣялась „en camarade". Въ ея смѣхѣ была дѣйствительно искренность товарища. Онъ желалъ бы всегда ее видѣть такой; въ такомъ случаѣ они были бы друзьями, только друзьями...

— Лишь только торговка изъ Іерихона подошла, Илтисъ схватилъ нѣсколько булокъ изъ ея корзины и бросилъ ихъ въ воду.

Это доставило ему громадное удовольствіе.

— Видишь?

— Вижу.

— Что ты видишь?

— Лебедей.

— Забавно! И я ихъ вижу. Но ты не видишь того, что я вижу моей интуиціей: лебеди и дѣти стоятъ на одномъ уровнѣ развитія. Дѣти не ѣдятъ корокъ, лебеди тоже...

Иза смѣялась нѣсколько принужденнымъ смѣхомъ.

Фалькъ смутился. Вѣдь это было дѣйствительно смѣшно! Какъ могъ онъ предполагать, что займетъ ее этими дѣтскими разсказами. Это было ужъ слишкомъ глупо.

— И неужели Илтисъ серьезно это говорилъ?

Фалькъ оправдывался.

— Нѣтъ, во всемъ разсказѣ нѣтъ ни одного слова правды. Онъ очень плохо его придумалъ, но когда началъ разсказывать, то былъ увѣренъ, что онъ выпутается благополучно... Она не должна ему ставить этого въ упрекъ, если онъ говоритъ искренно, но онъ разсказывалъ только для того, чтобы она не скучала въ его обществѣ... Онъ очень хотѣлъ бы, чтобы она не скучала, старался быть забавнымъ и вслѣдствіе этого онъ весьма неудачно разсказываетъ, да къ тому-же еще такую чепуху.

Иза смутилась.

— Не думайте обо мнѣ дурно?

— Нѣтъ.

Сумракъ сгущался; наступила непріятная пауза. Въ головѣ у Фалька стало мѣшаться. Тысячи чувствъ и мыслей скрещивались и взаимно уничтожались.

— Никита былъ сегодня у васъ? спросилъ онъ лишь для того, чтобы сказать что-нибудь, но ему самому показалось страннымъ, почему онъ объ этомъ спросилъ.

— Да, онъ былъ здѣсь.

— Сегодня онъ былъ такой странный; чѣмъ онъ недоволенъ?

— Онъ нервничаетъ. Выставка его картинъ причиняетъ ему много хлопотъ.

— Кажется мнѣ, что онъ ни въ чемъ не измѣнился. Мы сильно любили другъ друга, но иногда бывали и непріятныя минуты.

Втеченіе какого-нибудь часа онъ переживалъ много разныхъ настроеній.

Иза искала новой темы для разговора. Фалькъ понялъ это по нервному движенію руки.

— А я буду вашимъ шаферомъ?

— Разумѣется. Она быстро взглянула ему въ глаза. Почему такъ быстро? На его губахъ мелькнула неопредѣленная улыбка.

Изу это непріятно кольнуло. Что означала эта улыбка?.

— Да, черезъ три недѣли на долю вашу выпадетъ это счастье.

— Я очень радъ. Фалькъ сдѣлалъ пріятную улыбку.

Опять наступило молчаніе.

Она поднялась.

— Я вамъ покажу одну вещь, которая васъ заинтересуетъ.

Фалькъ внимательно разглядывалъ японскую вазу.

— Чудесная вещь! Удивительные художники—эти японцы. Они какъ моментальная фотографія схватываютъ предметъ. Не правда ли? Они подмѣчаютъ, то что недоступно нашему сознанію. Явленія, продолжающіяся одну тысячную часть секунды—вы понимаете?

— Какъ вы представляете себѣ это?

— Я утверждаю, что у нихъ есть способность задерживать сознаніемъ впечатлѣнія, которыя для нашего сознанія слишкомъ кратки, или, какъ, удачно опредѣляютъ профессіональные психологи: физическое время слишкомъ коротко для того, чтобы такіе впечатлѣнія могли достигнуть нашего сознанія...

Онъ держалъ вазу въ рукахъ и всматривался въ Изу.

— И со мной это иногда бываетъ, хотя и рѣдко. Сегодня, напримѣръ—когда я увидѣлъ васъ въ корридорѣ... По вашему лицу промелькнула тѣнь радости и мгновенно исчезла...

— Да? Вы замѣтили? иронически спросила она.
— Да; это былъ точно моментальный блескъ свѣта магнія, но тѣмъ не менѣе я замѣтилъ... Не правда ли? Вы обрадовались когда я пришелъ, а я былъ такъ безмѣрно счастливъ, замѣтивъ это.
Голосъ его звучалъ искренно и сердечно. Она чувствовала, что краснѣетъ.
— Теперь пора уже идти, сказала она.
— Нѣтъ, еще одну минуту мы подождемъ: еще слишкомъ рано... Да, кромѣ того, знаете, я можетъ быть черезчуръ откровененъ съ вами, но долженъ вамъ сказать, что чувствую себя здѣсь чрезвычайно счастливымъ. Я никогда не испытывалъ, нѣтъ—нигдѣ еще подобнаго чувства.
Мракъ удивительно сближаетъ людей.
— Все это такъ странно. Странно, что Никита мой другъ, что вы его невѣста; странно мое чувство, какъ будто я васъ зналъ тысячу лѣтъ.
Иза поднялась и зажгла лампу.
Свѣтъ раздѣляетъ людей.
Она хотѣла этого.
— Жаль, что Никита опоздаетъ.
— Да, очень жаль.
Онъ былъ взволнованъ. Передъ его глазами снова всталъ Никита. Смѣшно, что у Никиты исключительная монополія на нее. Но тутъ ничего не подѣлать.
Онъ посмотрѣлъ на часы.
— Пора. Теперь пойдемте.

VI.

Какимъ образомъ пришла ему въ голову эта мысль.
Въ центрѣ картины онъ хотѣлъ нарисовать обольстительную женщину, манящую къ себѣ таинственной улыбкой, — а со всѣхъ сторонъ, снизу, сверху тысячи рукъ, протянутыхъ къ ней. Тысячи рукъ кричащихъ, взывающихъ къ ней! Тонкія, нервныя руки артистовъ; грубыя, мясистыя руки банкировъ съ перстнями на пальцахъ, тысячи другихъ рукъ — оргія похотливыхъ, чувственныхъ рукъ... А она съ обольстительнымъ таинственнымъ взоромъ.
Никита горячился.
Да, онъ долженъ сейчасъ-же приняться. Скорѣе, скорѣе, иначе все пропадетъ, явится раздумье, колебанія,

муки, возня съ легіономъ свирѣпыхъ бѣсовъ. Фалькъ не подлецъ! понимаешь, Никита? Фалькъ не подлецъ!

Онъ кричалъ это своему сердцу.

Но потомъ онъ увидѣлъ ихъ обоихъ заглядѣвшихся другъ на друга; онъ видѣлъ, какъ ихъ взгляды встрѣчались въ безпокойной тревогѣ — ихъ смущенныя улыбки...

И сегодня у Илтиса! навѣрно, будутъ танцовать! Объ этомъ онъ не думалъ раньше.

Танцы... танцы. Иза любитъ танцы. Иза прирожденная танцовщица! У нея только эта одна страсть!

Онъ видѣлъ одинъ разъ, какъ она танцовала. Все въ немъ болѣло. Эти разнузданныя, вакхическія движенія, эта необузданность въ чувственныхъ наслажденіяхъ отъ танцевъ...

Это необходимо нарисовать — любезнѣйшій натуралистъ. Нарисовать, какъ раскрывается душа, а изъ ея нѣдръ выползаютъ эти проклятыя чудовища. Эту гадость нарисовать... Адское какое-то настроеніе! Почему не могъ онъ никогда повѣрить, что она его любитъ, что она должна его любить: да — его — его? Вѣдь онъ представляетъ собой извѣстную величину, хотя бы только какъ художникъ...

Проклятое положеніе! Такой Либерманъ напишетъ трехъ глупыхъ овецъ на картофельномъ полѣ, или картофель на полѣ, или поле и женщину, собирающую картофель, и получаетъ за это деньги и золотыя медали.

А я нарисовалъ все человѣчество и еще нѣчто большее; то, что выше человѣка — а что я за это получилъ?

Ничего? Глупый Никита! Развѣ ты не видѣлъ, какъ эта милая толпа надрывалась отъ смѣха въ Гамбургѣ и Парижѣ и, конечно, въ Берлинѣ! Да! такъ неужели это ничего не стоитъ?

А издѣвательства во „Fliegende Blätter"? Не я ли далъ имъ тему?

— Это ваши картины?

— Конечно, мои! Цѣна ихъ сорокъ тысячъ марокъ. Чего вы смѣетесь?

— Какъ-же мнѣ не смѣяться? Кто-же у васъ купитъ ихъ? Ни пфеннига вы не получите за нихъ. Увы, мнѣ не на что у васъ наложить ареста.

Итакъ, дорогая Иза, развѣ я не великій художникъ? Онъ началъ рисовать и смѣялся.

Но въ душѣ его что-то ныло и ныло. Кололо его и сверлило, такъ что онъ даже ежился.

Удивительное дѣло! Кто такой Фалькъ?

Вѣдь не упалъ-же онъ со стола, какъ маленькій Эйольфъ. Мой спинной мозгъ совершенно въ порядкѣ. Въ головѣ у меня рождаются идеи...

— Это ты самъ написалъ, Никита, это сочиненіе?

— Понятно, я самъ писалъ, господинъ учитель.

— И тебѣ никто не помогалъ?

— Кто-же могъ бы мнѣ помочь!

— Несмотря на это я отчетливо вижу чужое вліяніе, которое въ геометрической прогрессіи сказалось въ твоемъ сочиненіи.

— Хорошо сказано, господинъ учитель, но сочиненіе я все-таки самъ писалъ.

— Никита, не упорствуй, признайся, что Фалькъ разукрасилъ шелковымъ узоромъ твои войлочныя туфли. Гдѣ Фалькъ?

Но Фалькъ въ такихъ случаяхъ никогда не приходилъ въ школу. Онъ увѣдомлялъ о своей болѣзни и занимался стихотворствомъ дома.

Никита пришелъ въ себя и хлопнулъ себя ладонью по лицу. Но вѣдь это гадко такъ думать о Фалькѣ. Ну, нарисуйте-ка, господинъ Либерманъ, ту другую мерзкую душу, изобразите-ка какъ она швыряетъ въ мозгъ человѣка комъ грязи! Нарисуйте-ка это, а я вамъ подарю всѣ мои картины и даже привезу ихъ на свой счетъ прямо къ вамъ на домъ!

А Иза танцуетъ теперь—съ Талькомъ. Онъ умѣетъ танцовать—о, какъ онъ танцуетъ!

Онъ почувствовалъ ненависть.

Фалькъ, дорогой Фалькъ, гдѣ та женщина, которая сумѣетъ устоять передъ тобой?

Иза танцуетъ. Иза танцовщица.

— Вѣрила ли ты когда-нибудь во что-нибудь? Знаешь ли ты, что такое вѣра?

Понятно, не знаетъ.

Знаешь ли ты, Иза, что ты такое?

Нѣтъ, нѣтъ, не знаетъ.

— Сама себя не знаешь, Иза?

— Нѣтъ.

А онъ, у котораго вѣра въ душѣ отъ вѣка! Да, да, потому-то и явилось это смѣшное желаніе обладать

этой женщиной безраздѣльно; потому и вѣритъ онъ въ любовь, которая сохранится цѣлые вѣка.

Онъ вскочилъ.

— Нѣтъ! нѣтъ, не пойдетъ онъ къ Илтису; нѣтъ! Теперь онъ посмотритъ, сумѣетъ ли онъ побороть свое желаніе... Да! пойти туда, стать тамъ и смотрѣть, какъ она, прижавшись къ Фальку, въ объятіяхъ его... хе, хе —вглядывается въ него...

Никита сбросилъ съ себя блузу. Ему было ужасно жарко.

Стать тамъ и смотрѣть! Отелло съ кинжаломъ подъ плащемъ...

А Илтисъ, прищуривая глаза, говоритъ Саку: „А у этого малаго отъ танцевъ Изы печенка пухнетъ“...

Мучительная тревога овладѣла его мозгомъ.

Нѣтъ, довольно! Надо-же хоть разъ, наконецъ, стать благоразумнымъ.

Какое-же у него основаніе сомнѣваться въ Изѣ?

Никакого, рѣшительно никакого.

Такъ какого чорта ему нужно?

Безпокойство его расло! Мученія становились нестерпимыми.—Онъ пойдетъ! Пойдетъ! Нужно показать Изѣ, что онъ теперь сталъ разсудительнымъ, что онъ пересталъ сомнѣваться. Да, веселиться и танцовать! Но, вѣдь, ты, братъ, и танцовать-то не умѣешь. Скачешь, какъ клоунъ въ ярмарочномъ балаганѣ. Кромѣ того, и ростомъ не вышелъ... меньше, чѣмъ Иза.

Славная пара!

Никита принужденъ былъ сѣсть. Ему казалось, что кто-то подкосилъ его ноги.

Больно до слезъ!

— Никита, пойди сюда.

— Что, господинъ учитель?

— Видишь, Никита, это въ самомъ дѣлѣ безсовѣстно, написать подъ видомъ апологіи такія глупости... Да если бы еще самъ написалъ, а то вѣдь это работа Фалька...

Какъ это случилось, что онъ не далъ плюху старому дураку?

Онъ быстро поднялся.

Что я съ ума сошелъ? Чего я добиваюсь отъ Фалька и отъ Изы?

Онъ испугался. Это уже болѣзненныя явленія.

Это ужъ не въ первый разъ; онъ испытываетъ это постоянно. Вспомнилось ему, какъ поѣхалъ онъ разъ въ Бретань, чтобы, наконецъ, какъ слѣдуетъ поработать.

Чудакъ Никита! Хе, хе! Славно поработалъ! На другой день вскочилъ въ поѣздъ; въ припадкѣ безумія и ревности покатилъ въ Парижъ; почти сумасшедшимъ предсталъ онъ предъ Изой.

— Ты уже вернулся? Онъ казался ей чрезвычайно забавнымъ.

Видишь, Никита,—началъ онъ громко говорить самому себѣ—ты оселъ, положительный оселъ. Любовь надо брать съ бою! Не сомнѣваться, не ощупывать пальцами и вѣчно ходить кругомъ да около, какъ котъ вокругъ горячей похлебки, нѣтъ! Брать съ бою, насиловать гордо и сознательно... Тогда она будетъ принадлежать тебѣ! Поработить! Нѣтъ, дорогой Никита, ее нельзя получить какъ подарокъ, какъ милостыню!

Да, теперь танцуютъ...

Онъ сталъ напѣвать уличную пѣсенку, единственную, которую онъ помнилъ:

Venant des noces belles
Au jardin des amours —
Que les beaux jours sont courts!

Превосходно! и къ этому рисунокъ Штейнлена въ Gil Blas. Какой смѣшной клоунъ, котораго дѣвица бьетъ по щекамъ.

Превосходно, превосходно!

Venant des noces belles,
J'étais bien fatigué.
Je vis deux colombelles
Une pastoure, ô gue!

А если-бы не было сомнѣнія! нѣтъ, дорогой Никита, какъ бы это было хорошо, если-бы можно было не сомнѣваться. Не правда ли, Никита?

Вчера на извозчикѣ...

Онъ всталъ и безпокойно заходилъ по комнатѣ.

Вѣдь она всегда спрашивала: что съ тобой, Никита?

Всегда гладила мои руки.

Всегда молча склоняла голову мнѣ на грудь.

А вчера ничего! хоть бы слово!

— Спокойной ночи, Никита!

— Good-bye, Иза, Good-bye!

Теперь онъ сталъ напѣвать въ мастерской громко и фальшиво:

Venant des noces belles
Au jardin des amours...

VII.

— Нѣтъ, нѣтъ, дитя мое, позволь тебѣ замѣтить, что всѣ ученые—дураки.

Илтисъ сидѣлъ, окруженный группой молодыхъ людей, и выкладывалъ передъ ними свою мудрость.

Удивительное дѣло, что онъ забылъ о своихъ сорока пяти годахъ.

Фалькъ не могъ простить ему его вчерашней циничной выходки.

Онъ весь вечеръ искалъ случая придраться къ Илтису.

— Всѣ! я по крайней мѣрѣ не знаю ни одного умнаго. Послушайте только: вотъ что характеризуетъ этихъ профессоровъ. Однажды я путешествовалъ съ приватъ-доцентомъ геологіи. Ему надо было сдѣлать какое-то измѣреніе, но магнитная игла все отклонялась и колебалась.

Ага, говоритъ мудрый приватъ-доцентъ: у меня въ карманѣ магнитъ.—Хорошо, говорю я, выбрось его.

Магнитъ перекувырнулся въ воздухѣ и упалъ поодаль. Но игла все еще не успокаивалась.—У тебя, навѣрное, гдѣ-нибудь перочинный ножикъ? Да, на самомъ дѣлѣ у этого мудреца былъ перочинный ножикъ. И его выбросилъ. Но иглу словно кто околдовалъ. Подъ тобою, по всей вѣроятности, въ землѣ залежи желѣзной руды, осмѣливаюсь я ему замѣтить. Не можешь ли ты и руду также отбросить? Нѣтъ! Этого не смогъ сдѣлать мудрецъ.

Вотъ какимъ образомъ производятъ измѣренія. На основаніи такихъ вотъ изслѣдованій строятъ Богъ знаетъ какія теоріи.

— Но развѣ это достовѣрно, что въ данномъ случаѣ желѣзная руда была причиной? спросилъ Фалькъ.

Илтисъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Разумѣется.

— Ну, видишь, съ вопросомъ о причинахъ не всегда бываетъ благополучно. Весьма рѣдко можно найти истинную причину. Напримѣръ, возвращаясь къ твоей излюбленной темѣ, можно ли указать причину слабаго развитія женщины?

— Открой первое попавшееся руководство по физіологіи.

— Дыханіе? Ну, тутъ доказательства прямо смѣшны. Дѣти обоего пола дышатъ до десятилѣтняго возраста съ помощью живота, равнымъ образомъ и всѣ женщины,

которыя не носятъ корсета, какъ, напримѣръ, китаянки и женщины юга. Существующій въ настоящее время типъ дыханія у женщинъ созданъ искусственно, какъ это можно доказать на индѣйскихъ женщинахъ племени Чикасава.

— Да вѣдь это разсказы ученыхъ, господинъ Фалькъ, ихъ надо понимать въ обратномъ смыслѣ.

— О, нѣтъ, это разсказы безпристрастныхъ наблюдателей... Но и другое доказательство, что женщина стоитъ на болѣе низкой ступени развитія, такъ какъ формами и размѣрами она напоминаетъ ребенка, неосновательно. Напротивъ, это говоритъ за превосходство женщины. Типъ ребенка обнаруживаетъ особенности, свойственныя человѣческому роду, въ то время какъ типъ мужчины, разсматриваемый съ морфологической точки зрѣнія, доказываетъ переходъ его въ старчество.

— Это метафизика, дорогой Эрикъ, ты вообще слишкомъ проникся этой метафизикой.

— Быть можетъ. Но фактъ, что ты дошелъ до своихъ выводовъ только путемъ смѣшенія морфологическихъ понятій о высшемъ и низшемъ развитіи.

Илтисъ смотрѣлъ на него, ничего не понимая.

— Я этого не понимаю.

— Это для меня безразлично. Фалькъ искалъ глазами Изу. Къ чему вообще говорить. Если онъ сюда пришелъ, то не затѣмъ, чтобы разговаривать о морфологіи. Онъ хочетъ танцовать...

— Soyons amis, Цинна! Ура! крикнулъ Илтисъ.

Кто-то заигралъ вальсъ.

Фалькъ подошелъ къ Изѣ. Она стояла въ глубинѣ обширнаго ателье и улыбалась ему. Нѣтъ! трудно было понять эту засасывающую улыбку; казалось, что полутѣнь, въ которой она стояла, таинственно улыбалась.

— Вы танцуете?

Лучъ свѣта скользнулъ по ея лицу.

— Можно васъ просить? сказалъ Фалькъ и вспыхнулъ.

Кровь ударила ему въ голову, когда онъ обнялъ ея стройный станъ.

Онъ попалъ въ водоворотъ, который его понесъ. Онъ чувствовалъ, что они срослись, что она стала частью его души, а онъ кружился около самого себя, онъ одинъ.

Онъ не видѣлъ ея, потому что она была въ немъ. И впитывалъ въ себя и ритмъ и волны и обаяніе ея движеній, и чувствовалъ все—какъ приливъ и отливъ въ своей душѣ, которые расли и исчезали, усиливались и ослабѣвали...

А потомъ вдругъ: чувство чего-то чрезмѣрно гладкаго и холоднаго—какой-то мягкой стеклянной поверхности. Онъ чувствовалъ ее. Она прижалась лицомъ къ его лицу.

Радость забила пламенемъ изъ его души; онъ страстно прижалъ ее къ себѣ.

Она принадлежала ему.

Онъ забылъ обо всемъ. Фигуры окружающихъ слились въ одну кроваво-красную ленту, которая какъ солнечное кольцо, кружилась около него. Онъ чувствовалъ только себя и эту женщину, которая принадлежала ему.

Онъ не слышалъ музыки, музыка была въ немъ самомъ, весь міръ превратился въ звуки и бѣшено клокоталъ въ немъ, и кричалъ горячимъ страстнымъ желаніемъ, а онъ несъ ее черезъ весь міръ, и чувствовалъ себя гордымъ и великимъ оттого, что онъ могъ ее такъ нести.

Что такое Иза, что такое Никита?

Только онъ, онъ одинъ существовалъ, а она была его частицей, которую прижималъ онъ къ груди.

Они усталые упали на софу.

Кругомъ было шумно. До его ушей долетали взволнованные голоса, обрывки фразъ, которыхъ онъ не понималъ; онъ все еще видѣлъ вращающееся вокругъ него кроваво-красное солнечное кольцо.

Онъ пришелъ въ себя. Красная мгла разсѣялась. Онъ видѣлъ длинныя узкія струйки табачнаго дыма.

Она полулежала на софѣ и съ трудомъ дышала, глаза ея были широко открыты.

Онъ слегка коснулся ея руки, они сидѣли одни, никто не могъ ихъ видѣть.

Она отвѣчала порывистымъ нервнымъ пожатіемъ.

И они пожимали другъ другу руки все сильнѣе и сильнѣе.

Она склонялась къ нему — падала почти — ближе — ближе: ихъ лица сблизились.

Она не противилась, онъ чувствовалъ, что она ему отдается.

Вдругъ она вырвалась.

— Господинъ Фалькъ, позвольте вамъ представить первѣйшаго нѣмецкаго мецената.

Шермеръ ехидно улыбнулся.—Мецената нѣмецкаго происхожденія, нѣмца по духу и крови... Господинъ Бухенцвейгъ.

Господинъ Бухенцвейгъ почтительно поклонился.

— Господинъ Шермеръ вводитъ меня въ ваше милое общество и аттестуетъ меня лучше, чѣмъ я того заслуживаю, но я могу смѣло сказать, что искусство меня очень интересуетъ.

Господинъ Бухенцвейгъ сѣлъ и замолчалъ.

Онъ казался смѣшнымъ. Безъ растительности, лицо отекшее, глаза безъ крови.

Ваша книжка, господинъ Фалькъ, меня въ высшей степени заинтересовала и очаровала.

— Очень радъ.

— Господинъ Бухенцвейгъ чрезвычайно любитъ искусство. Шермеръ силился скрыть, что онъ на-веселѣ.

— Да, да...

— Знаете, почему? Бухенцвейгъ говорилъ меланхолически, вытягивая нижнюю губу. Знаете, почему? Послѣ многихъ неудачъ я рѣшилъ искать въ искусствѣ утѣшенія.

Сакъ подошелъ къ нимъ.

— Ну, господинъ Фалькъ, вы открыли опять новаго генія?

Вы, очевидно, не открыли еще самого себя?

Иза была неспокойна, она разсѣянно слушала. Какъ это внезапно произошло? Какъ могла она это сдѣлать? Отдаться Фальку... Это почти смѣшно, что она позволила чужому человѣку, съ которымъ вчера только познакомилась, сблизиться съ ней, она чувствовала стыдъ и безпокойство, потому что она уже знала, что этотъ человѣкъ былъ для нея близокъ и въ этомъ она не хотѣла себѣ сознаться.

— Знаете, господинъ Бухенцвейгъ, издѣвался Шермеръ,— вы въ самомъ дѣлѣ человѣкъ, интересующійся искусствомъ — вы вѣдь вѣчно говорите о нѣмецкомъ искусствѣ и тому подобныхъ общественныхъ бѣдствіяхъ— такъ сдѣлайте что-нибудь для нѣмецкаго искусства! сдѣлайте что-нибудь! Одолжите бѣдному нѣмецкому артисту, мнѣ напримѣръ, 200 марокъ, сдѣлайте это...

Господинъ Бухенцвейгъ выпятилъ нижнюю губу и вложилъ указательный палецъ въ карманъ своихъ брюкъ.

Онъ какъ будто не слышалъ, и искоса посматривалъ на Изу.

Какимъ отвратительнымъ казался ей этотъ человѣкъ. Но почему Никита не приходитъ? ужъ поздно.

— Вообще то, найдется у васъ 200 марокъ? Шермеръ разсмѣялся, явно глумясь. Во сколько пфениговъ прикажете считать ваше милліонное состояніе?..

Странно, что этотъ человѣкъ не обидѣлся... Изѣ вдругъ опротивѣли всѣ...

Почему онъ не приходитъ? Чего онъ опять хочетъ отъ нея?

Она чувствовала усталость. Эта постоянная ревность... но у него была только она одна, у него не было никого, кромѣ нея. Очевидно, не придетъ... Онъ сидитъ теперь въ мастерской, мучается, съ ума сходитъ, бѣгаетъ по комнатѣ...

Она стала слушать. Фалькъ говорилъ съ раздраженіемъ.

— Пора прекратить эту вѣчную болтовню о литературѣ. Есть дѣла поважнѣе, чѣмъ споры о томъ, кому принадлежитъ первое мѣсто въ нѣмецкой литературѣ— Гауптману или Зудерману.

— Ну, ну,—Сакъ разозлился—между ними громадная разница.

Но я даже на минуту не сомнѣваюсь въ этомъ. Я самъ поклонникъ Гауптмана. Больше всего я цѣню его лирическія вещи. Вы читали его прологъ, написанный на открытіе нѣмецкаго театра? Нѣтъ, это вѣдь самый цѣнный перлъ въ нашей современной лирикѣ... Ха, ха, ха, послушайте только:

Und so wie es uns, den Alten
Doch gelang in diesem Hause,
Wolen wir die Fahne halten
Ob der Strasse Marktgebrause!

— Вы забыли о самой великолѣпной строфѣ; какъ она начинается? Девять-десять луковицъ и блескъ чуднаго пламени и—ну, это все равно, ха, ха, ха... перлъ... ей-Богу перлъ!

Сакъ бросилъ на Шермера презрительный взглядъ и возвысивъ голосъ, сказалъ:

— Не знаю, Фалькъ, убѣжденіе ли это ваше или иронія, но не забудте, что этотъ человѣкъ, написалъ „Ткачей“...

Шермеръ энергично прервалъ его:

Это не производитъ уже никакого впечатлѣнія. Благодаря газетамъ мы слишкомъ уже привыкли къ этимъ стачкамъ, голодовкамъ и насиліямъ!

Сакъ сказалъ, что непріятно находиться въ обществѣ пьянаго человѣка, на что въ отвѣтъ услышалъ нѣсколько далеко не лестныхъ словъ. Группа раздѣлилась. Только Иза и Фалькъ остались.

Онъ почувствовалъ вдругъ, что она такъ далеко отъ него, такъ безконечно чужда ему, такъ

чужда... Онъ былъ очень раздраженъ. Очевидно, она сидитъ теперь, какъ на иголкахъ и ждетъ Никиту. Онъ испытывалъ мучительную боль.

— Нѣтъ, Никита ужъ сегодня не придетъ, сказала она вдругъ.

— Останьтесь еще здѣсь. Онъ можетъ притти каждую минуту.

— Нѣтъ, нѣтъ, не придетъ. Надо итти теперь домой. Я очень устала. Мнѣ скучно здѣсь. Дольше я не останусь.

— Мнѣ можно проводить васъ?

— Какъ хотите...

Фалькъ закусилъ губу. Онъ замѣтилъ ея тревогу.

— Можетъ быть, вы не желаете, чтобы я васъ проводилъ?

— Нѣтъ, нѣтъ... Прошу васъ, пойдемте домой... пойдемте.

VIII.

Они вышли за ворота.

— Можетъ быть, взять извозчика?

— Нѣтъ, нѣтъ, пойдемъ пѣшкомъ.

Никита удивительно невнимателенъ. Обѣщалъ навѣрное притти. Почему не пришелъ? Онъ опять ревнуетъ? Нѣтъ, это ужъ слишкомъ прискучило ей. Ей даже больно было. Она чувствовала себя какъ будто связанной. Не хватало только, чтобы онъ запретилъ ей разговаривать съ посторонними. Она постоянно чувствовала на себѣ его пытливый подозрительный взглядъ.

А эта исторія во Франкфуртѣ? Нѣтъ, это уже было слишкомъ—онъ просто замучилъ ее. Неужели онъ не понимаетъ, что можно обрадоваться, встрѣтивъ соотечественника на чужбинѣ? А онъ ушелъ въ другую комнату и писалъ письма, чтобы скрыть свое бѣшенство.

Они шли мимо звѣринца.

Теплый мартовскій вѣтерокъ понемногу успокаивалъ ее.

— Теперь, конечно, онъ будетъ злиться, что она не дождалась его у Илтиса.

— Можете ли вы, Фалькъ, объяснить, почему Никита не пришелъ?

— Охъ, должно быть, опять скверное настроеніе...

И въ ту-же минуту Фальку стало стыдно...

— По всей вѣроятности, онъ устаетъ за работой, а

тогда онъ не можетъ никого видѣть и тѣмъ болѣе скучать въ такомъ обществѣ.

Наступило молчаніе.

Была такая странная тишина. Мрачное чувство тревоги и безпокойства закрадывалось въ ея душу.

Какъ хорошо, что Фалькъ съ ней.

— Можно вамъ предложить руку?

Она была ему очень признательна.

Теперь она думала о вечеринкѣ, о танцахъ, но уже не чувствовала стыда, не чувствовала безпокойства, нѣтъ, напротивъ... ее охватила какая-то мягкая, пріятная теплота.

— Отчего вы молчите? Голосъ ея звучалъ нѣжно.

— Я не хотѣлъ быть навязчивымъ. Я думалъ, что разговаривать вамъ непріятно.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы ошибаетесь. Эта вечеринка разстроила мнѣ нервы; теперь я рада, что мы—одни.

Она говорила съ чувствомъ.

— Видите ли, Фалькъ улыбнулся;—собственно говоря у меня достаточно причинъ молчать и глубоко раздумывать о себѣ...

Онъ чувствовалъ, что она слушаетъ его со вниманіемъ.

— Видите ли—это необыкновенно—это странно... Я прошу васъ не толковать моихъ словъ ложно, я говорю съ вами объ этомъ, какъ о загадкѣ, какъ о тайнѣ, какъ о чудѣ воскрешенія или о чемъ-то въ родѣ этого...

Фалькъ откашлялся. Голосъ его немного дрожалъ.

— Когда я былъ еще въ гимназіи, мнѣ чрезвычайно понравилась идея Платона. Онъ считаетъ земную жизнь только отраженіемъ жизни, которая уже существовала когда-то какъ идея. Все, что мы видимъ, это только воспоминаніе, анамнеза того, что мы уже давно видѣли, прежде чѣмъ явились на свѣтъ.

Видите ли, въ то время я любилъ эту идею за ея поэтическое содержаніе, теперь я постоянно думаю о ней, потому что она осуществляется во мнѣ самомъ.

Я вамъ разсказываю совершенно объективно, какъ разсказывалъ вчера о нечувствительности факировъ къ дѣйствію огня. Вы не должны понимать моихъ словъ въ дурномъ смыслѣ... Впрочемъ, я для васъ совершенно чужой человѣкъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, вы для меня не чужой...

— Не чужой? въ самомъ дѣлѣ? Вы не повѣрите, какъ это меня радуетъ. Для васъ, только, только для васъ я не хотѣлъ бы быть чужимъ. Видите ли, меня

никто не знаетъ; всѣ меня ненавидятъ, потому что не могутъ меня понять; всѣ они недовѣрчивы и подозрительны... Но вамъ я хотѣлъ бы открыть всю свою душу.

Онъ запнулся. Не зашелъ ли онъ слишкомъ далеко? Она не отвѣчала, она позволяла ему говорить.

— Вотъ, но что я хотѣлъ сказать... да, вчера, вчера... странно, что это только вчера произошло... Когда я вчера увидѣлъ васъ, я зналъ васъ уже давно. Я долженъ былъ васъ гдѣ-то видѣть. Конечно, я васъ никогда не видѣлъ, но я въ самомъ дѣлѣ зналъ васъ... Сегодня я знаю васъ уже сто лѣтъ, и потому я говорю вамъ все это; я долженъ вамъ все это разсказать!..

Да, а потомъ... обыкновенно я умѣю владѣть собой; но вчера, на извозчикѣ, я не могъ удержаться; я долженъ былъ поцѣловать вашу руку, и я вамъ благодаренъ, что вы не отняли ее...

Я не понимаю этого... я всегда держусь отъ всѣхъ людей въ отдаленіи, моя душа дѣвственна, я не позволяю никому сблизиться со мною, но васъ я чувствую въ себѣ, чувствую, что каждое ваше движеніе проходитъ по моимъ нервамъ, тогда другіе люди представляются мнѣ въ видѣ огненнаго кольца, которое кружится вокругъ меня...

Иза была точно загипнотизирована. Она не должна была его слушать... Она чувствовала глаза Никиты, какъ они сверлили ея душу... Но эти кипучія, страстныя слова... ни одинъ человѣкъ еще не говорилъ ей такъ...

Фалькъ попалъ въ водоворотъ, который его втягивалъ все глубже. Теперь онъ не обращалъ вниманія на свои слова. Онъ больше ужъ не старался владѣть собой. Онъ долженъ былъ говорить, говорить. Ему казалось, какъ будто что-то раскрылось въ его душѣ и оттуда теперь неудержимо било пламя.

— Я ничего не требую отъ васъ, я знаю, что мнѣ и нельзя требовать. Вы любите Никиту...

— Да, отвѣтила она небрежно.

— Да, да, да, знаю; знаю также, что все, что я говорю глупо, очень глупо, смѣшно; но я долженъ говорить. Это необыкновенно важное явленіе въ моей жизни. Я никогда не любилъ и не понималъ, что такое любовь, я считалъ это смѣшнымъ, болѣзненнымъ чувствомъ, которое должно современемъ исчезнуть. А теперь внезапно появилось... Въ одинъ мигъ: когда я увидѣлъ васъ въ лучахъ краснаго свѣта, когда вы спросили этимъ таинственнымъ, затуманеннымъ голосомъ: такъ это вы...

И голосъ вашъ мнѣ показался знакомымъ. Я зналъ, что вы такъ и должны были говорить, я ждалъ этого.

Я зналъ также, что женщина, которую я могъ бы полюбить, должна выглядѣть именно такъ, какъ вы... Тайна моей души открылась, все, чего я до сихъ поръ не зналъ, глубина—бездна...

— Нѣтъ, Фалькъ, не говорите больше, прошу, не говорите. Мнѣ больно, очень больно, что вы должны страдать изъ-за меня. Я не могу вамъ дать ничего, ничего...

— Знаю, я знаю прекрасно. Я ничего не требую. Я хочу только сказать вамъ...

— Вѣдь вы знаете, что я люблю Никиту.

— Если бы даже тысячу Никитъ вы любили, все-таки я долженъ былъ бы это сказать. Это необходимость, долгъ...

Онъ вдругъ умолкъ.

Чего ему въ самомъ дѣлѣ надо?

Разсмѣялся.

— Чего вы смѣетесь?

— Ничего, ничего, я уже успокоился.

Онъ сталъ серіознымъ и печальнымъ.

Онъ поднесъ ея руку къ своимъ губамъ и поцѣловалъ ее. Онъ чувствовалъ жаръ въ этой продолговатой, тонкой рукѣ.

— Не сердитесь на меня. Я не могъ совладать съ собой. Вы должны меня понять. Я никогда во всю свою жизнь не любилъ. А теперь меня охватило это новое, незнакомое мнѣ чувство съ такой силой, что я теряю почву подъ ногами. Забудьте о томъ, что я вамъ говорилъ.

Онъ печально улыбнулся.

— Никогда уже больше я не буду вамъ говорить объ этомъ. Я васъ буду всегда любить, потому что я долженъ васъ любить, потому что вы моя душа, моя глубина и святыня, потому что, благодаря именно вамъ, я открываю въ себѣ самого себя.

Снова поцѣловалъ онъ ея руку.

Останемся друзьями—не правда ли? И пусть останется у васъ пріятное сознаніе, что вы самое прекрасное, самое сильное явленіе въ моей жизни, въ моей...

Голосъ его оборвался, онъ только цѣловалъ ея руку.

Она молчала и сильно сжимала его руку.

Фалькъ успокоился.

— Вы не сердитесь на меня?

— Нѣтъ.

— И будете моимъ другомъ?

— Да.

Въ молчаніи прошли они конецъ пути.

Напротивъ квартиры Изы былъ ресторанъ, который еще былъ открытъ.

— Такъ какъ мы теперь съ вами друзья, то я могу просить васъ выпить рюмку вина. Скрѣпимъ нашу дружбу.

Иза колебалась.

— Вы сдѣлаете мнѣ большое одолженіе. Я хотѣлъ бы поговорить съ вами en bon camarade.

Вошли.

Фалькъ заказалъ бургундское.

Они были одни. Комната раздѣлялась портьерой.

— Спасибо вамъ, у меня никогда не было друга...

Изѣ на языкъ просилось имя Никиты, но она молчала. Ей было тяжело произносить это имя.

Принесли вино.

— Вы курите?

— Да.

Иза опустилась на софу, закурила папиросу и стала пускать кольца на воздухъ.

— За нашу дружбу. Онъ посмотрѣлъ на нее съ нѣжностью.

— Я такъ счастливъ, вы такъ добры ко мнѣ, а впрочемъ—не правда ли?—мы не требуемъ другъ отъ друга ничего; мы свободны...

Снова замѣтилъ онъ пламя около ея глазъ... Нѣтъ! Онъ не хотѣлъ этого видѣть. Онъ жадно выпилъ рюмку вина, налилъ новую и задумался.

— Да, да, душа это удивительная загадка...

Молчаніе.

— Вы знаете сочиненія Ницше? Онъ поднялъ голову.

— Да.

— А это мѣсто изъ Заратустры: ночь глубже, чѣмъ день въ состояніи представить себѣ.

Она кивнула головой.

— Гм! не правда ли? Онъ улыбнулся ей. Душа точно также глубже тогда, когда она не проявляется въ глупомъ сознаніи...

Они посмотрѣли другъ на друга. Глазами они впились другъ въ друга.

Фалькъ снова уставился въ рюмку.

— Я, собственно говоря, профессіональный психологъ. Понимаете: профессіональный. Это значитъ: я опредѣлялъ скорость воспріятія впечатлѣній, опредѣлялъ время, въ которое впечатлѣніе, воспринятое органами чувствъ, доходитъ до сознанія, но что касается любви, я ничего не добился... Вдругъ... Ну, да... Ваше здоровье...

Онъ выпилъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, изъ всѣхъ этихъ измѣреній ничего не вышло. Сегодня ночью моя душа научила меня большему, чѣмъ четыре, пять лѣтъ, загубленныхъ на изученіе такъ называемой психологіи... Я видѣлъ сонъ... Онъ поднялъ голову.—Вамъ не надоѣло?

— Нѣтъ, нѣтъ...

Они улыбнулись.

— Такъ вотъ мнѣ снилось сегодня, что я ѣхалъ съ вами на кораблѣ по морю.

Было темно; тяжелый, густой туманъ окуталъ корабль, туманъ, который проникалъ во внутренность корабля, тяжелый, какъ свинецъ, удушливый, страшный...

Я сидѣлъ съ вами въ каютѣ и говорилъ—нѣтъ, не говорилъ. Что-то говорило въ моей душѣ—неслышно, и голосъ былъ также беззвучный, но вы меня понимали.

Затѣмъ мы встали. Мы оба знали, мы знали хорошо, что случится—что-то ужасное...

И случилось.

Страшный трескъ, какъ будто какое-то солнце оборвалось, адскій грохотъ, словно громады ледниковъ обрушились на землю: какой-то пароходъ врѣзался въ нашъ корабль.

Только мы съ вами не чувствовали тревоги. Мы видѣли только другъ друга, понимали другъ друга и крѣпко держались за руки.

Но вдругъ вы исчезли изъ моихъ глазъ. Я увидѣлъ себя на спасательной лодкѣ, море вздымалось до самаго неба и снова низвергалось въ бездонную пропасть.

Все, что со мной произошло, было для меня безразлично. Только безумный страхъ за васъ рвалъ мнѣ мозгъ. Вдругъ: я увидѣлъ, что пароходъ съ неимовѣрною быстротою опускается въ воду, я видѣлъ только крѣпкую мачту, торчащую изъ воды, а на ней, на верхушкѣ васъ... Въ одинъ мигъ бросился я въ море, схватилъ васъ, а ты безъ чувствъ, безъ силъ опустилась на мои плечи. Мнѣ было страшно тяжело. Я не могъ больше держаться на поверхности, еще минута, и мы оба утонули бы.

Вдругъ туманъ и тучи сгустились въ громадную фигуру. Она распростерлась по всему небу, холодная, страшная, безстрастная.

励 Малькъ улыбнулся въ странномъ смущеніи.

Было море и небо, были мы съ вами, весь міръ: судьба, предопредѣленіе.

Ее охватило безпокойство. Онъ смотрѣлъ на нее такъ странно.

Вдругъ онъ прервалъ молчаніе.

— Странный сонъ, не правда ли? спросилъ онъ съ улыбкой. Она старалась казаться равнодушной; ничего не отвѣтила.

Минуту онъ смотрѣлъ на нее своими большими глазами, горящими какъ въ лихорадкѣ. Потомъ снова уставился въ рюмку.

— Такъ впервые проявились предопредѣленіе и роковая необходимость въ моей жизни.

Голосъ его звучалъ монотонно, мѣрно, съ оттѣнкомъ нѣкоторой небрежности.

Онъ приковывалъ ее, въ немъ было что-то усыпляющее. Она должна была его слушать.

— Я не зналъ также, что такое роковая необходимость. А теперь я знаю. Видите ли, всю жизнь я относился равнодушно ко всему, не предугадывая ничего дурного; такъ сильно я властвовалъ надъ своимъ мозгомъ; не было чувства, которое я не могъ бы побѣдить въ себѣ, да... вдругъ, являетесь вы, странный прообразъ моей души, вы, идея, которую я когда-то видѣлъ въ иной жизни, вы, которая, собственно говоря, вся тайна моего искусства...

Вотъ, видите ли, я былъ такой сильный, мужественный, холодный, а теперь вы встали на моемъ пути, и вся моя жизнь сосредоточивается въ этомъ одномъ явленіи. Вы такъ мною завладѣли, что я ни о чемъ другомъ не могу думать; вы стали сущностью моего мозга...

— Нѣтъ, Фалькъ, не говорите такъ. Меня мучаетъ мысль, что я могу быть причиной вашего несчастья...

— Нѣтъ, вы ошибаетесь. Я счастливъ. Вы сдѣлали изъ меня новаго человѣка, вы дали мнѣ неисчислимыя сокровища—я не требую отъ васъ ничего, я знаю, что вы любите Никиту...

Иза чувствовала, какъ подымалось въ ней безпокойство. Она совсѣмъ забыла о Никитѣ. Нѣтъ! ей не слѣдуетъ здѣсь оставаться дольше. Она не должна ничего больше слушать. Она встала.

— Теперь я уйду.

— Останьтесь еще минутку.

Что-то принуждало ее остаться, но она вспомнила про Никиту. Тревога и безпокойство росли. Она вскочила.

— Нѣтъ, нѣтъ, я должна идти; не могу больше сидѣть, должна, должна—я такъ устала...

Фалькъ съ трудомъ подавилъ нервный смѣхъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Германскіе университеты.

Проф. философіи Берл. унив. *Ф. Паульсена*.

Пер. А. Я. Чемберса подъ редакціей проф. А. Х. Гольмстена.

(*Продолженіе*).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Университетскіе преподаватели и преподаваніе.

Профессора и приватъ-доценты. Въ германскихъ университетахъ, на всѣхъ факультетахъ, учатъ другъ подлѣ друга три класса преподавателей: ординарные профессора, экстраординарные профессора и приватъ-доценты.

Приватъ-доцентъ имѣетъ право читать лекціи и вести занятія (venia legendi), но не несетъ никакихъ обязанностей. Онъ не является назначеннымъ на должность и не получаетъ жалованья. Экстраординарный профессоръ—назначенный на должность, государственный чиновникъ и получаетъ по общему правилу жалованье, но не имѣетъ ни мѣста, ни голоса въ факультетѣ и не участвуетъ ни въ выборахъ, ни въ засѣданіяхъ, ни при академическихъ испытаніяхъ. Ординарный профессоръ—поставленный государствомъ обладатель числящейся въ составѣ факультета каѳедры, оффиціальный представитель отдѣльной научной спеціальности. Совокупность ординарныхъ профессоровъ составляетъ корпорацію факультета. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще и о встрѣчающейся иногда почетной профессурѣ (honorar professor); это—форма, при помощи которой старымъ, заслуженнымъ ученымъ, для которыхъ не открыта ординатура, или-же которые послѣдней и не желаютъ, доставляется возможность свободной учебной дѣятельности. Ихъ правовое отношеніе къ университету, равно какъ и отношеніе читающихъ лекціи членовъ академіи, ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ правового положенія приватъ-доцентовъ. Особымъ придаткомъ философскаго факультета являются лекторы: учителя новыхъ языковъ для практическихъ цѣлей,—это обыкновенно лица, принадлежащія даже къ чужой національности. Наконецъ сюда-же примыкаютъ ру-

ководители физическими упражненіями, учителя фехтованія, верховой ѣзды и танцевъ.

Указанные три класса университетскихъ преподавателей представляютъ въ то-же самое время нормальныя ступени академическаго жизненнаго пути: прежде всего, каждый доказываетъ въ качествѣ приватъ-доцента свою способность къ чтенію лекцій, затѣмъ по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени назначается экстраординарнымъ профессоромъ и, наконецъ, при случаѣ достигаетъ ординатуры. Но исключенія изъ этого порядка ступеней настолько часты, что едва ли можетъ быть даже рѣчь объ общемъ правилѣ. Не каждый университетскій преподаватель бываетъ сперва приватъ-доцентомъ, случаются далеко не рѣдко, въ особенности на философскомъ факультетѣ, приглашенія и внѣ университета стоящихъ ученыхъ, именно учителей различныхъ школъ. Съ другой стороны, не каждый приватъ-доцентъ съ теченіемъ времени становится профессоромъ. Не мало покидаютъ университетъ въ поискахъ за положеніемъ въ практической дѣятельности, на духовномъ или свѣтскомъ поприщѣ, въ школѣ, библіотекѣ или въ иномъ учрежденіи; нѣкоторыя лица остаются вѣчными приватъ-доцентами, въ особенности на медицинскомъ факультетѣ, гдѣ обнаруженіе лекторскихъ способностей затрудняется благодаря занятіямъ практической дѣятельностью въ качествѣ врача. Наконецъ, и экстраординарная профессура отнюдь не является необходимою промежуточною ступенью; случаи возведенія приватъ-доцента прямо въ ординарные профессора далеко нерѣдки. Равнымъ образомъ и продолжительная экстраординатура, въ особенности въ большихъ университетахъ совсѣмъ не рѣдкость. Бываютъ также отрасли науки, для которыхъ вообще полагается только экстраординатура. Но за всѣми этими ограниченіями можно, однако, эти ступени назвать обычнымъ жизненнымъ путемъ германскаго университетскаго преподавателя.

Такъ какъ *приватъ-доцентура* является особенностью германскихъ университетовъ, издавна привлекающей вниманіе иностранныхъ наблюдателей, то по поводу ея постановки и значенія можно сдѣлать еще одно замѣчаніе. Исторически она можетъ быть разсматриваема какъ остатокъ корпоративнаго строя средневѣковаго университета. Тотъ, кто признавался факультетомъ magister'омъ, т. е. знатокомъ отдѣльной науки, первоначально пріобрѣталъ въ силу этого и право преподавать на этомъ-же факультетѣ; право это на facultas artium скорѣе являлось, какъ выше было замѣчено, въ то-же время и обязанностью. Съ тѣхъ поръ, какъ среди читающихъ на facultas artium magister'овъ старшіе стали надѣляться мѣстомъ въ collegium'ѣ, доходами или-же оплачиваемой лектурой, возникло различіе между назначенными и вознаграждаемыми преподавателями, обязанными къ публичному и безплатному преподаванію съ одной стороны, и magister'ами, которые безъ всякихъ обязанностей и содержанія учили только за особый гонораръ, съ другой это различіе усилилось съ тѣхъ поръ, какъ со времени реформаціи и на философскомъ факультетѣ также все болѣе утверждалась система постоянной, оплачиваемой профессуры. Благодаря этому исчезла обязанность преподаванія по полученіи степени magister'а, теперь стали забо-

титься о поддержаніи преподаванія посредствомъ профессуры. Вмѣсто стараго порядка все болѣе обычными постепенно становились требованія дальнѣйшихъ испытаній. для удостоенія принятія факультетомъ въ качествѣ читающаго magister'а (magister legens). Это испытанія способности къ чтенію лекцій, которыя въ настоящее время вездѣ требуются. Соискатель venia legendi, помимо академической степени соотвѣтственнаго факультета, долженъ представить печатные или рукописные труды, выдержать colloquium предъ факультетомъ. прочитать публичную лекцію; сверхъ того, по общему правилу, испытаніе это допускается лишь по истеченіи опредѣленнаго срока (3 лѣтъ) со времени окончанія университетскаго курса. Впрочемъ. факультеты никоимъ образомъ не обязаны принимать приватъ-доцентовъ, и въ общемъ можно сказать, что они не легко относятся къ дарованію venia legendi.

Значеніе-же обнаруженія своихъ способностей къ чтенію лекцій заключается въ томъ, что оно ведетъ къ принятію въ число тѣхъ, изъ которыхъ, если не исключительно, то главнымъ образомъ пополняется коллегія профессоровъ. Приватъ-доцентъ отнюдь не пріобрѣтаетъ законнаго права на профессуру, однако, при нѣкоторыхъ серьезныхъ трудахъ научнаго характера, онъ можетъ разсчитывать при отсутствіи неблагопріятныхъ, исключительныхъ обстоятельствъ чрезъ короткій или долгій промежутокъ времени достигнуть по крайней мѣрѣ экстраординатуры.

Для отдѣльныхъ лицъ годы приватъ-доцентуры имѣютъ главнымъ образомъ значеніе пробнаго періода; онъ имѣетъ возможность испытывать себя и упражняться въ качествѣ учителя и въ то-же самое время продолжать свое образованіе ученаго. Учебная дѣятельность. остающаяся, какъ въ смыслѣ объема излагаемыхъ предметовъ, такъ въ особенности по числу слушателей, въ предѣлахъ скромныхъ границъ. является для начинающаго профессора даже въ высокой степени существенной. Онъ имѣетъ возможность упражняться передъ немногими въ искусствѣ академическаго преподаванія

Слѣдствіемъ такого порядка ступеней является существованіе другъ подлѣ друга трехъ классовъ учителей въ каждомъ университетѣ; и это обстоятельство имѣетъ для всего характера преподаванія большое значеніе: на этомъ зиждется столь характерная для германскихъ университетовъ конкуренція многихъ учителей по одной и той-же спеціальности и возможный благодаря этому свободный со стороны студентовъ выборъ преподавателя. Ординарный профессоръ является дѣйствительнымъ поставленнымъ учителемъ данной спеціальной отрасли; но онъ не единственный: рядомъ съ нимъ для болѣе значительныхъ отраслей знанія, какъ филологія, исторія, физика, математика, философія,—то-же самое и на другихъ факультетахъ—обыкновенно встрѣчаются по крайней мѣрѣ еще одинъ, а въ болѣе значительныхъ университетахъ нѣсколько приватъ-доцентовъ и экстраординарныхъ профессоровъ, читающихъ лекціи по тѣмъ-же предметамъ. по общему правилу, естественно, въ такомъ порядкѣ чтобы не читать въ одномъ и томъ-же семестрѣ тѣхъ-же самыхъ курсовъ. Однако, въ большихъ университетахъ нерѣдко случается и обратное: такимъ образомъ однѣ и тѣ-же лекціи встрѣчаются по нѣсколько разъ въ обозрѣніяхъ лекцій; причемъ ни-

что не мѣшаетъ студентамъ избрать лекціи приватъ-доцента или экстраординарнаго профессора, потому ли что эти лекціи имъ болѣе нравятся, или-же потому что онѣ имъ удобнѣе. Разумѣется ординарный профессоръ, уже хотя бы потому, что онъ старше и болѣе извѣстный ученый, имѣетъ значительное преимущество, чему способствуетъ еще и то, что онъ руководитъ семинаріемъ или вспомогательнымъ учрежденіемъ, а также является экзаменаторомъ при академическихъ, а часто и при государственныхъ испытаніяхъ. Однако, рядомъ съ этимъ часто дѣятельность и младшихъ учителей не малозначительна, именно въ большихъ университетахъ. Не лишено также значенія и то, что въ ихъ лицѣ учебный персоналъ имѣетъ элементъ, который по возрасту ближе стоитъ къ молодежи; приватъ-доцентъ скорѣе входитъ въ тѣсное, личное общеніе, въ особенности со старшими студентами.

Часто уже замѣчалось и, безъ сомнѣнія, справедливо, что это соревнованіе старыхъ и молодыхъ учителей содѣйствуетъ внесенію въ преподаваніе свѣжихъ струй жизни и охраненію его отъ рутины. Болѣе молодой человѣкъ, чтобы добиться подлѣ старшаго и болѣе признаннаго ученаго учебной дѣятельности, долженъ изо всѣхъ силъ стараться; съ другой стороны, и старшій ограждается отъ обычной распущенности, къ которой такъ легко приводитъ владычество леннаго владѣльца. Личное отношеніе слушателя къ учителю покоится на томъ, что послѣдній не навязывается слушателю путемъ внѣшняго принужденія, но самъ слушатель по свободному выбору высказывается въ пользу этого учителя. Конечно, въ дѣйствительности дѣло не обстоитъ такъ, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ соображеніе и выборъ подсказываютъ рѣшеніе; случайность, обычай, разсчетъ и здѣсь играютъ роль. Однако германскій студентъ прямо не принуждается слушать учителя, который ему не нравится; по общему правилу въ томъ-же университетѣ бываетъ и другой представитель этой-же спеціальности, а если этого нѣтъ, то студентъ въ другомъ университетѣ ищетъ курсъ, который его болѣе удовлетворялъ бы. Вполнѣ дружескія отношенія, существующія въ германскихъ университетахъ между учителями и слушателями, несомнѣнно зависятъ отъ этого порядка. Враждебное отношеніе къ учителю—явленіе почти неслыханное.

Здѣсь можно еще удѣлить мѣсто одному замѣчанію о гонорарной платѣ за частныя чтенія. Съ перваго взгляда это установленіе можетъ показаться далеко не либеральнымъ; не лучше ли было бы отмѣнить и этотъ остатокъ средневѣковой платы, совершенно теперь неумѣстной? Именно въ отношеніяхъ ученаго преподавателя къ своему слушателю этотъ порядокъ представляется заключающимъ въ себѣ нѣчто мелочное. Взносъ опредѣленной суммы въ университетскую кассу, благодаря которому студенту были бы открыты всѣ лекціи, или-же безмездность всего преподаванія были бы, казалось, и болѣе достойнымъ и болѣе свободнымъ порядкомъ. Несмотря на это, среди университетскихъ преподавателей сказывается по большей части приверженность къ старому порядку. Не безъ основанія. Врядъ ли можно искать причину того въ эгоистическихъ побужденіяхъ; нынѣшніе обладатели мѣстъ едва ли оказались бы при новомъ порядкѣ въ худшемъ матеріальномъ положеніи, напротивъ,

они скорѣе достигли бы даже нѣкотораго округленія въ свою пользу и во всякомъ случаѣ обезпеченія отъ случайныхъ отклоненій. Но противъ такого новшества приходятъ на умъ серьезныя и существенныя соображенія. Во-первыхъ, человѣкъ цѣнитъ выше то и лучше пользуется тѣмъ, что онъ купилъ за свои собственныя деньги, чѣмъ то, что ему было подарено. Изъ этого общаго правила не составляетъ исключенія и студентъ. Къ тому-же общая уплата денегъ за право ученія за каждый семестръ не внесла бы въ существующій порядокъ никакихъ перемѣнъ. Въ настоящее время студентъ пріобрѣтаетъ въ силу предоставленной его выбору уплаты притязаніе на данную опредѣленную услугу. Введеніе-же общей по семестрамъ платы привело бы къ пустому, безпорядочному посѣщенію всѣхъ возможныхъ лекцій, чему управленіе со своей стороны стало бы пытаться противодѣйствовать путемъ водворенія школьныхъ порядковъ. Нынѣ-же студентъ избираетъ, обыкновенно послѣ серьезныхъ размышленій, тѣ лекціи, которыя онъ дѣйствительно намѣренъ слушать. Во-вторыхъ, учитель въ виду такихъ взносовъ со стороны слушателей чувствуетъ себя обязаннымъ къ отвѣтной относительно своихъ слушателей услугѣ; и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ характера его отвѣтныхъ дѣйствій до нѣкоторой степени зависитъ, какъ прямое слѣдствіе, и размѣръ его дохода — двоякое побужденіе: дѣлать все, отъ него зависящее. Мнѣ кажется, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что будь гонорарная плата отмѣнена и замѣнена увеличеннымъ вознагражденіемъ, съ этого-же момента обнаруживалась бы сильная тенденція количественно и качественно сократить продуктивность, т. е. по возможности обратить профессуру въ синекуру, быть можетъ, также при помощи викаріевъ. Старый клиръ даетъ тому примѣръ, который можно было бы также найти и еще ближе. И тѣ заграничныя государства, которыя усвоили этотъ порядокъ, также могутъ служить примѣромъ; число часовъ, которое читаетъ нѣмецкій профессоръ въ недѣлю, вызываетъ въ иностранцахъ удивленіе. Изъ этой склонности человѣческой природы на каждое требованіе отвѣчать возможно меньшей суммой дѣйствій не составляла бы исключенія и природа германскаго профессора. Необходимымъ слѣдствіемъ поэтому были бы усиленный надзоръ и контроль. И въ этомъ отношеніи также гонорарная плата служитъ защитой свободы. Наконецъ, въ-третьихъ, она служитъ этой-же цѣли также и тѣмъ, что ставитъ университетскаго преподавателя до извѣстной степени въ независимое отъ правительства въ отношеніи его дохода положеніе; онъ сталъ бы вполнѣ чиновникомъ, если бы былъ всецѣло поставленъ на жалованіи. Поэтому для удержанія стараго, свободнаго характера германскаго университета, гонорарная плата является въ высшей степени важнымъ установленіемъ. Ея отмѣна носила бы тенденцію превратить университетъ въ бюрократически управляемую спеціальную школу съ точнымъ порядкомъ преподаванія и обученія. Но это служило бы знаменьемъ конца университета, въ германскомъ духѣ. Та свобода, какую онъ обезпечиваетъ, является однимъ изъ основныхъ элементовъ силы его притяженія; и то, что профессура не только должность въ собственномъ смыслѣ этого слова, но также и свободная

профессія, придаетъ ей въ мнѣніи наиболѣе свободолюбивыхъ и лучшихъ головъ особенную привлекательность.

Учебная дѣятельность. Сущность и задачи германскаго университетскаго преподавателя опредѣляются, какъ уже указывалось во вступительныхъ разсужденіяхъ. двумя моментами: онъ одновременно и изслѣдователь и учитель. Первый моментъ притомъ является наиболѣе существеннымъ; не результаты учительской дѣятельности, но научныя заслуги имѣютъ при оцѣнкѣ и выборѣ профессоровъ рѣшающее значеніе и въ результатахъ учительской дѣятельности прежде всего опять таки обращается вниманіе на то, подготовилъ ли и возбудилъ ли онъ учениковъ къ научной работѣ. Впрочемъ, дѣло обстоитъ не одинаково въ различныхъ отрасляхъ науки; сказанное въ особенности относится къ философскому факультету; на юридическомъ и медицинскомъ факультетахъ придается, безъ сомнѣнія, значительно большій вѣсъ учительскимъ дарованіямъ.

Что-же касается формы преподаванія, то въ этомъ отношеніи выдѣляются два способа: лекціи и занятія (упражненія).

Лекціи являются старымъ основнымъ элементомъ академическаго преподаванія, онѣ и теперь еще занимаютъ во многихъ наукахъ первое мѣсто. И въ смыслѣ обязательнаго преподаванія онѣ-же имѣются въ виду, причемъ обыкновенно тутъ подразумѣвается обязанность читать какъ публичныя, такъ и частныя лекціи.

Различіе между публичными и частными лекціями заключается ближайшимъ образомъ въ томъ, что первыя читаются безплатно, вторыя-же за гонораръ. По содержанію это различіе сказывается въ томъ, что систематическія, главныя отрасли факультетскихъ наукъ по общему правилу излагаются въ частныхъ чтеніяхъ, тогда какъ публичныя чтенія имѣютъ своимъ предметомъ по большей части меньшіе отдѣлы: вспомогательную спеціальную науку, или же толкованіе автора, или-же группу проблемъ, требующихъ болѣе общаго разсмотрѣнія. Это различіе обнаруживается также и въ томъ, что публичныя чтенія занимаютъ меньше времени, обыкновенно одинъ или два часа въ недѣлю, тогда какъ частныя требуютъ по общему правилу отъ четырехъ до шести недѣльныхъ часовъ, нѣкоторыя-же и вдвое больше.

Лекціи, какъ форма академическаго преподаванія, часто составляли предметъ язвительной и насмѣшливой критики. Профессора, какъ принято острить со временъ Фихте и Шлейермахера, единственные изъ всѣхъ людей, все еще полагающіе возможнымъ пренебрегать изобрѣтеніемъ книгопечатанія. Изъ года въ годъ диктуютъ они теперь, какъ и 500 лѣтъ тому назадъ, своимъ терпѣливымъ слушателямъ неотпечатанные учебники. Такое занятіе могло быть необходимымъ въ средніе вѣка; но нынѣ большинство наукъ могутъ быть лучше, быстрѣе и надежнѣе изучены при помощи книгъ. Сохраненіе-же университетовъ является въ сущности не болѣе, какъ дорого стоющей и къ тому-же не безопасной роскошью.

Въ дѣйствительности-же, если бы такъ и было, что лекціи только и состояли бы изъ диктовокъ и переписки ненапечатанныхъ учебниковъ, то нельзя было бы не сказать вмѣстѣ съ Шлейермахеромъ: «зачѣмъ такой человѣкъ утруждаетъ собой людей и не продаетъ имъ лучше обычнымъ путемъ свою и безъ того облеченную въ застывшія руко-

писи мудрость: ибо при такой работѣ и при такой сущности ея говорить о чудодѣйственномъ вліяніи живого слова смѣшно». Однако, въ настоящее время это является все рѣже встрѣчающимся исключеніемъ, по крайней мѣрѣ за предѣлами юридическаго факультета, гдѣ старые порядки, какъ оказывается, болѣе всего удержались, и по очень понятнымъ причинамъ: здѣсь по большей части имѣютъ дѣло съ замкнутымъ, въ точныя формулы заключеннымъ, безличнымъ знаніемъ; сюда-жеприходитъ и многочисленность чтеній, почти ни на одномъ другомъ факультетѣ не читаются однимъ доцентомъ, наряду съ другими, три или четыре частныхъ курса.

Напротивъ того, настоящая лекція, живая рѣчь, имѣетъ нынѣ такое-же право на существованіе, какъ и во времена Аристотеля и св. Ѳомы, которые, однако, не диктовали, и ученикамъ которыхъ книги и чтеніе не являлись чѣмъ-то незнакомымъ. Лекцію не сдѣлаетъ излишней и самый полный учебникъ и задача ея иная. Лекцію можно опредѣлить такъ: она должна представить въ рядѣ связанныхъ между собой сообщеній самобытный, созданный углубленіемъ въ сущность даннаго явленія и личною жизнью выношенный взглядъ на всю цѣлокупность данной науки, на ея основныя проблемы и ея руководящія мысли, на ея существенныя особенности, на путь къ ея усвоенію, на ея связь со всей полнотою знанія и съ существенными задачами жизни. Напротивъ, въ ея задачи не можетъ входить передача всего содержанія данной науки съ обстоятельнымъ обзоромъ литературы. Посредственный даже учебникъ въ смыслѣ полноты содержанія, точности данныхъ и литературныхъ указаній превзойдетъ наиболѣе старательно составленную и тщательно записанную лекцію.

Кто впервые приступаетъ къ занятіямъ наукой, богословіемъ ли или юриспруденціей, филологіей ли или исторіей, естествознаніемъ или медициной, тому эта наука представляется, какъ нѣчто безконечное и необъятное: необозримое множество фактовъ, книгъ, вопросовъ, мнѣній, изслѣдованій обступаютъ его и сбиваютъ съ толку. Тутъ-то и выступаетъ задача лекцій принять новичка на руки и оказать ему услугу руководителя. Лекціи приводятъ въ постепенномъ развитіи предъ его глазами всю полноту вопроса, онѣ указываютъ ему наиболѣе существенные факты и проблемы и въ то-же время даютъ для ихъ построенія и разрѣшенія руководящія точки зрѣнія, онѣ приводятъ ему возможныя мнѣнія и наиболѣе существенныя формы, въ которыя эти мнѣнія исторически вылились, и въ то-же время указываютъ на тѣ моменты, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе.

Все это, конечно, можетъ заключать въ себѣ и книга; довольно много книгъ и выростаютъ впослѣдствіи изъ лекцій. Но именно для цѣлей *введенія* живая рѣчь обладаетъ въ высшей степени важными преимуществами. Главнымъ образомъ и прежде всего тѣмъ, что здѣсь наука представляется слушателю въ обликѣ отдѣльной личности, ею обладающей и въ ней живущей; это тотчасъ-же приводитъ слушателя въ непосредственную близость съ дѣломъ, вселяетъ въ него вѣру въ значеніе и дѣйствительность послѣдняго. Книга-же абстрактная и мертвая вещь, не могущая вселить никакой вѣры. Всякая вѣра насаждается одной личностью въ другую. То обстоятель-

ство, что человѣкъ, предо мной стоящій, со мной говорящій, человѣкъ, къ которому я питаю уваженіе и къ которому я чувствую довѣріе, вѣритъ въ науку, посвящаетъ ей свой трудъ, свою жизнь, все это какъ бы вселяетъ во мнѣ сознаніе ея дѣйствительности. Здѣсь замѣчается нѣчто подобное тому, что встрѣчается и относительно чужихъ странъ, о которыхъ читаютъ въ книгахъ и слышатъ въ школахъ; появляется кто-нибудь, кто самъ тамъ былъ, долгіе годы тамъ прожилъ и проработалъ: онъ повѣствуетъ о странѣ и людяхъ и т. п. Тогда только впервые вселяется сознаніе дѣйствительности этихъ фактовъ; Африка и Америка существуютъ не только на бумагѣ, на которой есть такъ много ничего не значащаго, но онѣ существуютъ въ постижимой и достижимой дѣйствительности; и вмѣстѣ съ вѣрой въ ихъ дѣйствительность растетъ и рѣшимость ихъ посѣтить; таково положеніе ученика въ отношеніи наукъ; въ словѣ лично передъ нимъ стоящаго учителя прошедшее пріобрѣтаетъ для начинающаго историка или филолога ту дѣйствительность, какую не можетъ ему сообщить книга. Такимъ-же образомъ и мелкія принадлежности, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одна наука, какъ-то: чтенія и фрагменты, микрологическія изслѣдованія и требующія труда развитія понятій пріобрѣтаютъ въ глазахъ учениковъ существенность и значеніе, безъ которыхъ у учениковъ пропалъ бы пылъ къ работѣ. Такимъ путемъ удавалось, если позволительно здѣсь удѣлить мѣсто личнымъ воспоминаніямъ, Тренделенбургу вселить своимъ ученикамъ любовь къ изученію Аристотеля. О философіи древней Греціи слышали много, пытались ее и читать, но отпугивала неизвѣстность, сохранила ли она цѣнность, не устарѣла ли. И лишь съ того времени, какъ передъ нами въ лицѣ Тренделенбурга предсталъ человѣкъ, жившій въ аристотелевской философіи и стоявшій съ Греціей еще и какъ бы въ личномъ единеніи, у насъ родилась вѣра въ дѣло, въ его значеніе и для нынѣшняго времени, а вмѣстѣ съ вѣрой и рѣшимость проникнуть въ міръ чужихъ мыслей.

Все еще сохранило свое значеніе замѣчаніе Аристотеля: «вѣрить долженъ, кто учиться желаетъ». Помочь ему въ этой вѣрѣ и есть первое и, быть можетъ, наиболѣе существенное дѣло, въ чемъ имѣетъ преимущество преподаваніе учителя передъ книгой; притомъ не должна быть забыта та роль, какую играетъ въ данномъ случаѣ и присутствіе другихъ лицъ совмѣстно учащихся и совмѣстно трудящихся.

Сюда-же относится еще и другое обстоятельство. Книга уже нѣчто готовое, лекція—жизненное и живущее. Уже съ внѣшней стороны: книга нѣчто цѣлое, лекція-же изъ часа въ часъ даетъ по маленькой, незамѣтной частицѣ. Мало того и послѣдняя не приносится и не предлагается какъ нѣчто уже готовое, но также развивается тутъ, передъ слушателями. Извѣстно, съ какимъ несравненно болѣе живымъ участіемъ слѣдятъ за возникновеніемъ какого-либо факта, чѣмъ разсматриваютъ уже нѣчто готовое; поэтому и карта, которую учитель начерчиваетъ на доскѣ отдѣльными штрихами, запечатлѣваетъ контуръ странъ несравненно прочнѣе и глубже, чѣмъ сама по себѣ много совершеннѣе картина атласа. Поэтому также и на-

пряженіе, съ которымъ слѣдятъ слушатели за живымъ теченіемъ мысли говорящаго, не легко можетъ быть вызвано учебникомъ. И это напряженіе, въ свою очередь, отражается и на говорящемъ. Входя въ такое живое взаимодѣйствіе со своими слушателями, онъ въ одно мгновеніе находитъ надлежащую форму, нужное слово, уясняющее мысль сравненіе. Соприкасаясь со своими слушателями, онъ чувствуетъ, что жизненно и полезно, а что является излишнимъ балластомъ.

Въ заключеніе необходимо указать и на существенное различіе во внутренней структурѣ лекцій учебника. Учебникъ стремится достигнуть единства систематическаго изложенія, болѣе всего по синтетическому методу, переходя отъ принциповъ къ частностямъ. Лекція развивается иначе; ей нѣтъ надобности закрѣпощаться къ точной схемѣ, одна глава можетъ быть изложена такъ, другая, если это представится съ дидактической точки зрѣнія цѣлесообразнымъ, иначе. Въ общемъ - же въ лекціи преобладаетъ путь анализа; она не начинается съ тщательнаго изложенія основныхъ понятій и принциповъ, но исходитъ отъ общеизвѣстныхъ фактовъ и явленій и восходитъ къ понятіямъ, или, по выраженію Аристотеля, она охотно избираетъ путь отъ πρότερον πρὸς ἡμᾶς къ πρότερον φύσει, т. е. путь отъ близкаго слушателямъ къ предположеніямъ, тогда какъ учебникъ тяготѣетъ къ синтетическому развитію. Далѣе, учебникъ стремится достигнуть полноты, равномѣрности и въ отдѣльныхъ частностяхъ точности. Лекція и въ этомъ отношеніи свободнѣе; она можетъ, преслѣдуя интересы учителя или слушателей, на одной главѣ остановиться подробнѣе, дабы другую, быть можетъ, въ смыслѣ системы не менѣе существенную, пройти быстрѣе; она и не желаетъ дать справочныхъ свѣдѣній, отъ которыхъ съ полнымъ правомъ требуются полнота и соразмѣрность, но желаетъ наставить къ уясненію вопроса; и въ этомъ отношеніи различныя матеріи могутъ быть различно пріурочены къ достановленію необходимаго. Ничто также не препятствуетъ лекціи при случаѣ остановиться на обстоятельствахъ и вопросахъ, привлекающихъ всеобщее вниманіе. Безумно было бы пренебрегать подобнымъ выдвигающимся, свободнымъ интересомъ, но и неразумно, конечно, также ему всецѣло подчиняться. Отъ нагруженія-же данными и подробностями, сообщаемыми справочною книгою, лекція вообще себя освобождаетъ. Отдѣльныя подробности имѣютъ для лекціи скорѣе значеніе методологическихъ примѣровъ и поясненій. Вбить-же въ память слушателя всю массу подробностей было бы дѣломъ безнадежнымъ. То, что онъ долженъ вынести изъ лекціи, не можетъ заключаться въ полной фактами памяти, или-же въ необходимой для повторенія тетради, онъ долженъ вынести общую картину данной науки въ ея крупныхъ и существенныхъ очертаніяхъ, одушевляемую созерцаніемъ того, какъ она пріобрѣтаетъ въ лицѣ учителя личное бытіе. Разъ у него есть это, онъ легко и самъ оріентируется въ частностяхъ и съ пользой для себя будетъ обращаться съ вспомогательными и справочными книгами. Жизненно-дѣйствительныя категоріи пониманія, это лучшее, что можетъ дать лекція, и это то, что лекція можетъ дать лучше, чѣмъ

книга. Поэтому то лекція будетъ сохранена рядомъ съ книгами, доколѣ будетъ существовать научное преподаваніе.

Впрочемъ, лекціи можно разсматривать и съ другой точки зрѣнія; онѣ приносятъ нѣчто не только тому, кто ихъ слушаетъ, но также и тому, кто ихъ читаетъ. Всякій разъ онѣ служатъ послѣднему побужденіемъ вновь переработать всю полноту матеріала, сравнить новую литературу, искать новую, лучшую форму для выраженія своихъ мыслей, короче, онѣ приносятъ ему то, что приноситъ писателю повторное изданіе его сочиненія, или даже больше, ибо служатъ болѣе живымъ возбужденіемъ, чѣмъ новое прохожденіе собственной книги. И тотъ фактъ, что нѣмецкіе учебники, напримѣръ юриспруденціи, ходятъ по всему міру, можетъ служить доказательствомъ того, что профессора также научались кое-чему изъ своихъ лекцій.

Слова Гете, которыя приводитъ Савиньи въ разъясненіе этого же вопроса, могутъ послужить заключеніемъ для настоящихъ соображеній: «писаніе—злоупотребленіе языка, безмолвное чтеніе про себя—печальный суррогатъ рѣчи. Человѣкъ оказываетъ все вліяніе, какое онъ въ силахъ оказать на людей, посредствомъ собственной личности».

Вдвойнѣ и втройнѣ проявляется незамѣнимость рѣчи книгой естественнымъ образомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ существенную роль играетъ наглядное созерцаніе; такъ, тамъ, гдѣ центральное мѣсто занимаютъ опыты, какъ въ экспериментальной физикѣ и химіи или въ физіологіи, или-же тамъ, гдѣ рѣчь направлена къ разъясненію предложеннаго наглядному разсмотрѣнію объекта, какъ въ клиникѣ, или въ археологіи и въ исторіи искусствъ. И такъ какъ этотъ способъ преподаванія втеченіе нашего столѣтія значительно расширился, то, можно сказать, лекціи, далеко отдалившись отъ того, чтобы стать излишними, стали все болѣе необходимыми.

Вмѣстѣ съ значеніемъ лекціи опредѣляется и ея форма; она творитъ все то, что она можетъ и должна создать, лишь будучи *свободною рѣчью*. Разумѣется, это не обозначаетъ внезапное сообщеніе, возникшее какъ со стороны содержанія, такъ и формы своей въ данное мгновенье. Это во всѣхъ отношеніяхъ вещь невозможная: никто не владѣетъ такъ наукой, чтобы въ каждую данную минуту у него была бы подъ рукой вся полнота ея и всѣ частности; но даже и въ послѣднемъ случаѣ встрѣчалась бы надобность расположить матеріалъ въ надлежащемъ для лекціи порядкѣ; систематическій порядокъ не является въ то-же время съ дидактической точки зрѣнія порядкомъ запретнымъ. Такимъ образомъ лекція должна быть подготовленной, а это по общему правилу ведетъ къ ея написанію, слѣдовательно, къ тетради. Лекція можетъ быть болѣе или менѣе разработана, смотря по различію предмета и степени знакомства съ послѣднимъ; въ одномъ случаѣ тетрадь можетъ заключать разработанной всю лекцію, въ другомъ-же—ограничиться лишь точнымъ расчлененіемъ хода мыслей, или-же въ третьемъ случаѣ—содержать главныя данныя, формулы или начальныя слова отдѣльной мысли; желаніе-же обойтись вообще безъ тетради было бы неразумнымъ начинаніемъ и не на пользу слушателямъ. Не мѣшаетъ также

доценту приносить съ собою на лекціи свои замѣтки, чтобы посматривая при случаѣ на общій ходъ мысли, лучше оріентироваться или-же черпать изъ нихъ отдѣльные формулы, факты, цитаты или тому подобное. Дѣло, вѣдь, конечно, идетъ не о произведеніи ораторскаго искусства или о проповѣди, впечатлѣніе отъ которыхъ несомнѣнно портится благодаря принесенной съ собой бумагѣ, но дѣло идетъ исключительно о гладкомъ и простомъ изложеніи мысли для ея уразумѣнія. Но рѣчь должна быть въ томъ смыслѣ свободной, что глаза не должны быть опущены на листъ бумаги и мысль не должна въ отдѣльныхъ частностяхъ находить съ мгновенной быстротой свое внѣшнее выраженіе въ рѣчи. Считываніе вполнѣ законченной рукописи не можетъ имѣть мѣста, иначе исчезнетъ истинный смыслъ лекціи. Считанная рѣчь—безъ жизни, она не можетъ вселить то сознаніе дѣйствительности, которое внушаетъ рѣчь, рождающаяся во внутреннемъ тайникѣ говорящаго. Ей недостаетъ также момента напряженія, какъ со стороны слушателей, такъ и говорящаго, момента, сковывающаго вниманіе.

Не рѣдкой также системой является перемѣшиваніе диктовки и свободной рѣчи: основныя положенія продиктовываются для записи, а за этимъ слѣдуютъ разъясненія, дѣлаемыя путемъ свободной рѣчи. Это встрѣчается именно при систематическихъ чтеніяхъ, дабы обезпечить точное запечатлѣніе наиболѣе существенныхъ мыслей. И въ данномъ случаѣ также, если выходятъ за предѣлы диктованія лишь отдѣльныхъ формулъ и положеній, легко можетъ утратиться нѣчто изъ воздѣйствующаго характера лекціи. И у лѣнивыхъ слушателей также легко явилась бы склонность ограничивать свою дѣятельность перепиской диктанта, все-же толкованія разсматривать, какъ паузы для отдыха отъ писанія. Если бы диктовки не дѣлали, то слушателю самому пришлось бы задуматься надъ извлеченіемъ всего существеннаго и закрѣпить послѣднее въ надлежащую форму.

Напротивъ, ничто не мѣшаетъ посредствомъ отпечатаннаго конспекта лекціи облегчить слушателямъ оріентировку и въ то-же самое время избавить лекцію отъ обременительныхъ литературныхъ указаній и тому подобнаго.

Семинаріи. Существенное дополненіе къ лекціямъ составляютъ въ настоящее время *упражненія въ семинаріяхъ.* Они въ извѣстномъ смыслѣ заняли мѣсто старыхъ диспутовъ. Однако, характеръ ихъ иной, здѣсь дѣло идетъ не о заучиваніи, какъ то было при диспутахъ, но о наставленіи къ научному творчеству. Семинаріи являются дѣйствительными питомниками научныхъ изысканій. Возникли - же они, однако, ближайшимъ образомъ для иныхъ цѣлей, первые семинаріи, филологическіе, основанные въ прошломъ столѣтіи въ Галле и Гетингенѣ, были или должны были быть собственно педагогическими семинаріями для будущихъ учителей ученыхъ школъ. Фактически-же они были, именно семинаріи Фр. А. Вольфа, прежде всего учрежденіями, въ коихъ сообщалась техника филологическихъ изысканій; еще въ большей степени это относится къ филологическимъ семинаріямъ и обществамъ, руководимымъ въ 19-мъ столѣтіи Г. Германномъ, Фр.

Тишемъ, Фр. Ричлемъ и другими, они были школами филологовъ, но не школами учителей. Это-же относится также и къ многочисленнымъ семинаріямъ, возникшимъ въ новое время для остальныхъ наукъ философскаго факультета, а также богословскаго и юридическаго; эти семинаріи, за немногими исключеніями, ставятъ себѣ цѣлью прежде всего наставлять къ научной работѣ и изысканію, а не къ приложенію знанія къ какой-либо практической сферѣ.

Описанію отдѣльныхъ учрежденій этого рода и ихъ преподавательской дѣятельности здѣсь не мѣсто. Въ общемъ-же преподаваніе имѣетъ ту форму, что предлагаются научныя изслѣдованія, ограниченныя по объему, каковыя и выполняются подъ руководствомъ учителя. Филологъ, историкъ, политико-экономъ предлагаютъ задачу, выполненіе которой возможно при помощи доступныхъ ученику вспомогательныхъ пособій; преподаватель указываетъ матеріалъ и затѣмъ предоставляетъ ученику самому отыскать путь къ ея разрѣшенію. Представляемая работа затѣмъ передается одному или нѣсколькимъ товарищамъ для доклада и, наконецъ, обсуждается въ общемъ засѣданіи семинарія подъ руководствомъ учителя, гдѣ и указываются ея достоинства и ошибки. Подобнымъ-же образомъ происходятъ занятія въ семинаріяхъ и на богословскомъ и юридическомъ факультетахъ. Нѣсколько иначе, конечно, поставлены занятія по естественно-историческимъ дисциплинамъ: здѣсь самое выполненіе работы происходитъ подъ непосредственнымъ руководствомъ учителя или его ассистента. Тамъ-же, гдѣ дѣло касается главнымъ образомъ разбора матеріала литературныхъ источниковъ, къ письменнымъ упражненіямъ присоединяются совмѣстныя чтенія. Подъ руководствомъ учителя толкуется текстъ латинскаго или греческаго автора, или-же предлагаются историческіе памятники, или-же сравниваются различные источники, или-же читается и обсуждается складъ мыслей философскаго или богословскаго писателя. Сюда причисляются какъ настоящіе семинаріи, оффиціальныя учрежденія, съ надѣленными государствомъ средствами, со своими помѣщеніями, собственной библіотекой, такъ и всякія частныя, по характеру своему, общества и упражненія, опредѣляемыя на каждый семестръ программой преподаванія.

Наряду съ этимъ выступаетъ третій видъ упражненій, ближе примыкающій къ лекціямъ: *репетиторіи и собесѣдованія*. Ихъ задача могла бы быть сведена къ содѣйствію усвоенія сообщеннаго на лекціи, къ устраненію трудностей, къ разрѣшенію непонятныхъ вопросовъ и къ упражненію въ обладаніи научными категоріями и понятіями. Какъ ни казалось это дѣло желательнымъ—прусскій министръ Эйхгорнъ въ 40-хъ годахъ настойчиво навязывалъ его университетамъ—оно, однако, нигдѣ не достигло большого значенія и значительнаго размѣра. Причина въ томъ, что недоставало необходимыхъ для него условій: этотъ видъ занятій предполагаетъ длящуюся между учителемъ и слушателями личную связь, существующую въ школѣ, но не существующую и не могущую существовать въ университетѣ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи большихъ курсовъ и при частой перемѣнѣ учителей и даже университета. Съ многими неизвѣстными лицами, незнакомыми даже

между собой. нельзя заниматься вопросами и отвѣтами. Противъ такихъ занятій говоритъ и боязнь, сказывающаяся уже въ старшихъ классахъ школы, навлечь на себя при невѣрныхъ отвѣтахъ насмѣшливые взгляды. При подобныхъ обстоятельствахъ бесѣда легко можетъ привести къ тому. что учитель сверхъ своей обыкновенной лекціи читалъ бы еще случайную, вызванную вопросами или невѣрными отвѣтами, дополнительную лекцію, не будучи при этомъ въ состояніи слѣдить за тѣмъ, насколько онъ этимъ идетъ навстрѣчу общей потребности. Большее, повидимому, значеніе занятія подобнаго рода и практика въ примѣненіи полученныхъ на лекціяхъ знаній пріобрѣли за послѣднее время на юридическомъ факультетѣ.

Свобода преподаванія. Задача германскаго университетскаго учителя обусловливаетъ и свободу преподаванія; если университетскій преподаватель долженъ быть самостоятельнымъ научнымъ изслѣдователемъ и къ этому же подготовляетъ своихъ учениковъ, то ему не можетъ быть предписано содержаніе его преподаванія.

Въ школѣ дѣло обстоитъ иначе; здѣсь рѣчь идетъ не о поискахъ новыхъ истинъ, но объ усвоеніи старыхъ; ученикъ не долженъ размышлять, ему остается только усвоивать предлагаемое знаніе, поэтому-то и учитель преподаетъ лишь общепризнанныя ученія. Университеты возникли также въ качествѣ школъ. въ этомъ-же смыслѣ; въ средніе вѣка дѣло шло исключительно о передачѣ и усвоеніи признанной, находящейся въ каноническихъ текстахъ истины, и еще въ 16-мъ и 17-мъ столѣтіяхъ такой порядокъ оставался господствующимъ. И только въ 18-мъ вѣкѣ произошла, какъ указано было выше. перемѣна. Въ эту пору выразились послѣдствія реформаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдствія полнаго измѣненія всего міросозерцанія, измѣненія, вызваннаго космологически естествоиспытательными изслѣдованіями: истиной, въ видѣ готоваго уже ученія, не обладаютъ, но она разыскивается путемъ постоянныхъ работъ научнаго изысканія. Догматическое ученіе церкви и аристотелевская философія утрачиваютъ свое каноническое значеніе. Германскіе университеты стали на эту почву, пріобрѣвъ внутренне совершенно новый характеръ: студентъ перестаетъ быть ученикомъ, въ старомъ смыслѣ этого слова, а профессоръ впервые становится тѣмъ, чѣмъ долженъ быть: провозвѣстникомъ личныхъ взглядовъ и убѣжденій. Быть этимъ стало въ германскихъ университетахъ съ тѣхъ поръ его правомъ и его обязанностью.

Въ общемъ это повсюду признано. Никто не поставитъ физику, физіологу, филологу или историку въ упрекъ, что онъ излагаетъ новыя, не стяжавшія всеобщаго признанія ученія; отъ него только требуется, чтобы онъ давалъ своимъ новымъ взглядамъ прочное обоснованіе. И лишь въ двухъ областяхъ и теперь еще производятся, по крайней мѣрѣ, по временамъ, попытки поставить границы свободѣ преподаванія: въ богословіи и въ философіи.

Что касается богословія, то въ этой области противъ свободы преподаванія возражаютъ церковные авторитеты и церковныя партіи. Основаніе этого возраженія то, что церковь обладаетъ абсолютной истиной, она формулировала ее въ догмѣ. Поэтому задача учителя

богословскаго факультета можетъ состоять лишь въ томъ, чтобы служителей церкви наставлять въ ученіи церкви, и прежде всего сдѣлать ихъ свободными отъ всякаго сомнѣнія, показывая все ничтожность всякихъ возраженій. Поэтому разборъ ересей составляетъ существенную часть преподаванія, тутъ показываются всѣ возможныя формы ошибки и вмѣстѣ съ тѣмъ основанія къ ихъ отверженію; служитель церкви поэтому подготовленъ къ тому, чтобы постоянно вновь вырастающія заблужденія считать и исторгать въ качествѣ уже издавна отринутой ереси.

Католическая церковь вполнѣ осуществила свои притязанія на контроль за преподаваніемъ; на католическихъ факультетахъ излагаются только одобренныя ученія; профессора служители церкви.

Иначе обстоитъ дѣло въ протестантизмѣ. Университетскіе учителя богословія желаютъ прежде всего быть служителями науки, и уже въ качествѣ послѣднихъ служителями и церкви, разъ духовенство не можетъ обходиться безъ научнаго образованія. На этой почвѣ происходитъ постоянныя столкновенія между притязаніями церкви и требованіями науки, то болѣе скрытыя, то явно и шумно пробивающіяс. Профессоръ ссылается на свое право и обязанность учить тому, что ему представляется установленнымъ въ качествѣ результатовъ научныхъ изысканій; представители церкви, оффиціальные и добровольные, ставятъ ему въ упрекъ, что онъ учитъ иному, чѣмъ то, во что требуетъ вѣрить церковь и ея исповѣданіе, а потому онъ, и не можетъ быть учителемъ служителей церкви. Правительство, которому вмѣстѣ съ университетами подчинены и богословскіе факультеты, представляетъ изъ себя стрѣлку вѣсовъ, то ее перетягиваютъ разсужденія церкви, тогда предпринимаются репрессіи противъ не церковно-настроенныхъ ученій и учителей, или-же ей кажется болѣе существенной свобода изысканія и тогда ея рука простирается противъ посягателя. Въ общемъ-же за послѣднее время она болѣе склонилась въ послѣднюю сторону, отсюда и недовольство высшаго духовенства дѣйствующими законодательными опредѣленіями, отсюда и требованія ихъ дать церковнымъ органамъ непосредственное участіе въ контролѣ надъ богословскими факультетами.

Уже выше было разъяснено, почему эти домогательства должны казаться безнадежными, они противны духу какъ университетовъ, такъ и самой протестантской церкви. Вѣра опирается здѣсь не на внѣшній авторитетъ, а потому и ученіе не можетъ быть построено на послѣднемъ. Между вѣроученіемъ церкви и ученіемъ факультетовъ здѣсь можетъ быть только отношеніе свободнаго соглашенія, но не абсолютнаго соподчиненія. Въ католической церкви господствуетъ принципъ абсолютизма; протестантская церковь построена всецѣло на свободномъ признаніи. Конечно, первый проще; но болѣе простое не всегда является лучшимъ и болѣе прочнымъ. Жизненное не бываетъ простымъ, механическое-же имѣетъ преимущество простоты.

Абсолютизмъ и въ государственной жизни проще конституціонной монархіи. Однако, онъ сталъ невозможнымъ и государство построено нынѣ на свободномъ, не принужденномъ соглашеніи двухъ факторовъ. Подобное-же встрѣчается въ отношеніяхъ научнаго бо-

гословія къ протестантской церкви. Они другъ съ другомъ слились и выросли, часто къ войнѣ, но живутъ въ мирѣ, какъ еще старый Гераклитъ замѣтилъ: безъ войны нѣтъ жизни.

Кто не желаетъ свободы преподаванія, тотъ долженъ въ концѣ концовъ желать духовныхъ семинарій и духовныхъ школъ, вполнѣ соотвѣтствующихъ католической церкви, но знаменовавшихъ бы собой конецъ протестантской; какъ первая установлена на дисциплинѣ, такъ вторая съ самаго своего начала на свободѣ; къ церквамъ вполнѣ примѣнимо то, что сказано по поводу государствъ: онѣ будутъ поддерживаться тѣми-же силами, посредствомъ которыхъ онѣ возникли.

Другая наука, которой по временамъ приходится защищать свободу преподаванія, это философія. Она оспариваетъ эту свободу отъ тѣхъ-же противниковъ, которые враждебно относятся и къ свободѣ преподаванія богословія; ими-же выставляется требованіе ограниченія до предѣловъ согласованности съ ученіями церкви. Въ католической прессѣ и среди католиковъ это служитъ постояннымъ основаніемъ жалобъ, что въ германскихъ университетахъ якобы терпится атеистическая философія, которая ставитъ себѣ цѣлью погребеніе вѣры и растлѣніе юношества, и эти-то аудиторіи будто являются дѣйствительными разсадниками революціи, соціальной демократіи, анархизма и напрасна борьба съ послѣднимъ, пока позволяютъ существовать этому истинному злу. Въ извѣстной части протестантской прессы эти воззрѣнія находятъ себѣ благозвучное эхо.

Здѣсь не мѣсто изслѣдовать, основательны ли эти жалобы, дѣйствительно ли преподается въ германскихъ университетахъ атеистическая философія. Здѣсь-же необходимо высказать одно замѣчаніе: что подъ контролемъ стоящая философія есть ничто и ничего дать не можетъ.

Философія не что иное, какъ повторяемая въ каждую эпоху попытка опредѣлить существо и смыслъ дѣйствительности въ томъ видѣ, какъ она представляется безпристрастно предавшемуся разсмотрѣнію явленій человѣческому духу. Всѣ науки, какъ естественныя, такъ и гуманитарныя совмѣстно, несутъ камни для постройки познанія дѣйствительности, и такъ какъ онѣ постоянно созидаютъ новое, то не можетъ и быть абсолютной и опредѣленной философіи, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока истина не выяснена наукой. Каждая эпоха должна, слѣдовательно, возобновлять попытку построить на основаніи всѣхъ ея знаній послѣднія, слившіяся воедино мысли, это и будетъ ея философіей. Ничего въ этомъ отношеніи не препятствуетъ тому, чтобы она поучалась какъ въ смыслѣ формы, такъ и содержанія у подобныхъ-же попытокъ предшествующихъ эпохъ; историческая эволюція проявляется здѣсь совершенно самостоятельно и можно думать, что философія стала бы тѣмъ жизнеспособнѣе и плодотворнѣе, чѣмъ вѣрнѣе она оцѣнила пріобрѣтенія предыдущей мысли. Но она не можетъ попросту, не отказываясь отъ своего собственнаго бытія, отказаться отъ права переоцѣнки всѣхъ мыслей предшествующихъ эпохъ и даже, смотря по обстоятельствамъ, перестройки или полнаго отверженія послѣднихъ. Философія, которая отреклась бы отъ этого права, которая

вынуждена была бы признать нѣкоторыя мысли неприкосновенными истинами, абсолютно не подлежащими провѣркѣ, перестала бы быть философіей. Философія означаетъ *безусловное* исканіе истины, т. е. безъ такихъ условій, которыя не могли бы быть оспариваемы или опровергаемы.

Это относится и къ преподаванію философіи въ университетѣ. Оно перестаетъ быть философскимъ, какъ только подвергается иному кромѣ свободнаго изысканія контролю. Оно перестаетъ также быть и плодотворнымъ, какъ только наступаетъ подобное положеніе дѣлъ. Преподаваніе философіи тогда лишь можетъ быть дѣйствительнымъ, когда слушатели исполнены увѣренности найти въ немъ свободное и непринужденное выраженіе составленнаго по крайнему разумѣнію и доброй совѣсти убѣжденія преподавателя. Мы встрѣчаемъ, само собою разумѣется, то-же самое и въ сферѣ преподаванія другихъ наукъ. Мы ничего не стали бы ожидать отъ университетскаго преподаванія математики и физики, филологіи и исторіи, которое было бы связано условіями, не могущими быть провѣренными, или на которое возлагалось бы приведеніе къ результатамъ, заранѣе извнѣ опредѣленнымъ. Вполнѣ таково-же положеніе и философіи. Условіе ея дѣйствительности коренится въ довѣріи слушателей къ тому, что она содержитъ въ себѣ нѣчто. «Чрезвычайно нелѣпо требовать, сказалъ однажды Кантъ, отъ разума мыслей и при этомъ заранѣе предписывать ему, въ какомъ направленіи эти мысли должны выразиться». Это понимаетъ и слушатель. Если только онъ сознаетъ или думаетъ, что преподаватель философіи долженъ имѣть извѣстные взгляды или-же по крайней мѣрѣ не долженъ имѣть нѣкоторыхъ другихъ, онъ уже не найдетъ въ себѣ склонности прилагать къ этому дѣлу большого усердія.

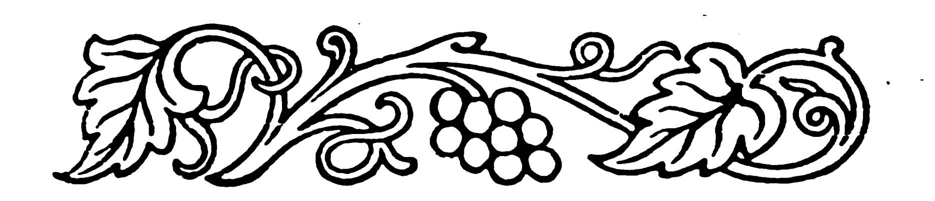
Именно идеалистическая философія имѣетъ существенный интересъ въ томъ, чтобы иному направленію не представилась возможность водвориться. Всякое ограниченіе свободы оказалось бы, какъ подозрѣніе въ неискренности, направленнымъ противъ нея и лишало бы ее ея значенія.

Такимъ образомъ, что касается содержанія преподаванія, то условіемъ преуспѣянія университетскаго преподаванія является полная свобода преподаванія, полная libertas philosophandi.

Предѣлы свободы преподаванія лежатъ въ формѣ послѣдняго и въ этомъ отношеніи они должны быть во всякомъ случаѣ уже опредѣляемы, чѣмъ это дѣлаетъ уголовный законъ. Лекція прежде всего опредѣляется по соображенію съ мѣстомъ, гдѣ она произносится, и достоинствомъ послѣдняго. Обсуждать вопросы съ бранью и издѣвательствами не допустимо и въ печати и въ народныхъ собраніяхъ, оно не достойно и академическаго преподавателя при его призваніи наставлять въ поискахъ за истиной. Даже отъ презрительнаго и неуважительнаго отношенія къ чужимъ мнѣніямъ, которыя онъ не раздѣляетъ, онъ обязанъ воздерживаться; если-же эти мнѣнія и заслуживаютъ подобнаго къ себѣ отношенія, если они являются полнымъ извращеніемъ, то онъ всегда можетъ устранить ихъ со своего пути; какая можетъ быть польза знакомить слушателей съ

тѣмъ, что почитается ошибочнымъ, когда столько приходится работать надъ тѣмъ, чтобы познакомить ихъ съ мыслями мудрыхъ мужей? Если-же онъ желаетъ предостеречь отъ ошибокъ, то онъ обязанъ указать ея относительную цѣнность, абсурдъ-же никого не способенъ смутить. Кромѣ того никакія препирательства невозможны въ аудиторіи; литература, народныя собранія, парламентъ суть публичныя мѣста, гдѣ затронутая сторона можетъ защищаться. Въ аудиторіи-же говоритъ одинъ. Этимъ и обусловливается его виновность, когда онъ нападаетъ, не давая слова защиты противной сторонѣ. Въ извѣстной мѣрѣ преподаватель долженъ въ своемъ лицѣ соединять вмѣстѣ съ обвинителемъ также и защитника, но онъ не пригоденъ для судьи. Къ этому должны присоединяться и соображенія объ интересахъ слушателей. Задача профессора нетождественна съ задачей оратора. Ораторъ стремится закрѣпостить сужденіе своихъ слушателей, дабы они слѣпо вторили ему, профессоръ же, наоборотъ, долженъ раскрѣпощать своихъ слушателей, онъ долженъ наставлять ихъ къ выработкѣ собственнаго взгляда и сужденія, а этого онъ можетъ достигнуть лишь въ томъ случаѣ, если онъ самъ привыкъ обращать вниманіе на обѣ стороны вопроса.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Первые представители реализма въ русскомъ искусствѣ.

Наслѣдники Иванова въ области искусства принадлежатъ уже къ новой послѣреформенной Россіи. Произведенія ихъ должны быть отнесены къ современному русскому искусству. Они настолько современны, несмотря на то, что многіе изъ нихъ уже умерли, что до сихъ поръ имъ не сдѣлано спокойной безпристрастной оцѣнки. До сихъ поръ ихъ партійно ругаютъ и укоряютъ, какъ бы желая измѣнить направленіе ихъ дѣятельности и забывая, что ихъ труды принадлежатъ уже исторіи и служатъ основаніемъ для дальнѣйшаго видоизмѣненія общественнаго пониманія и вкуса, почвою, между прочимъ, и для партійныхъ воззрѣній ихъ хулителей.

Когда Ивановъ внезапно сошелъ со сцены, художниковъ, принадлежавшихъ къ прежней, такъ называемой академической группѣ, было мало. Моллеръ, Нэффъ, Марковъ писали и очень много, но они исключительно исполняли разные казенные заказы и работы ихъ для русской публики не имѣли никакого значенія. Единственнымъ талантливымъ художникомъ этого лагеря былъ К. Д. Флавицкій. Его необходимо причислить къ предыдущему періоду, хотя по годамъ онъ могъ принадлежать уже къ молодому поколѣнію. Онъ написалъ громадную картину въ стилѣ Брюллова—„Христіанскіе мученики въ Колизеѣ", но картина эта, несмотря на большія достоинства, не имѣла вовсе успѣха, потому что этотъ родъ живописи не интересовалъ уже публику. Флавицкій умеръ слишкомъ молодымъ, не успѣлъ стать въ уровень съ требованіями своего времени и остался въ числѣ художниковъ предшествующей эпохи. Однако, онъ готовъ былъ уже видоизмѣнить свое творчество, что видно на другомъ его произведеніи, изображающемъ трагическую смерть „Княжны Таракановой" по обще-

извѣстному разсказу. Эта картина всегда очень нравилась публикѣ, даже во времена крайняго увлеченія реализмомъ, несмотря на свой романтизмъ, потому что она полна правдиваго чувства, просто и ярко выраженнаго.

„Княжна Тараканова" разошлась по Россіи въ тысячахъ снимкахъ и благодаря ей имя Флавицкаго долго еще не будетъ забыто.

Старое поколѣніе художниковъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ отжило свой вѣкъ. Произошла очень характерная для русскаго общества перемѣна во вкусахъ и настроеніи. Благодаря реформѣ внутреннихъ соціальныхъ отношеній, освобожденію крестьянъ и всѣмъ другимъ кореннымъ измѣненіямъ въ области жизни и мысли общества, непосредственно предшествовавшимъ и сопутствовавшимъ этой великой реформѣ, русское общество, не живущее своей обособленной жизнію, исторически связанное съ Европой, которую оно не можетъ не догонять, вдругъ получило новую волну жизни съ Запада. Вмѣсто одного казеннаго аккуратнаго исполненія заказовъ, единственнаго направленія въ искусствѣ, признаваемаго оффиціально, и индивидуальной работы отдѣльныхъ личностей, которыя жили для себя и вдали отъ общества, появились вдругъ по примѣру Европы общественныя теченія въ искусствѣ.

Въ послѣдніе годы прежняго стараго порядка вся истинно-художественная дѣятельность сосредоточивалась въ одномъ лицѣ—въ Ивановѣ. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ сразу вдругъ русскіе художники, жившіе въ Римѣ, т. е. чуть не большинство молодыхъ русскихъ художниковъ, почувствовали, что они составляютъ общество, сознали обязанность быть солидарными для достиженія общественныхъ цѣлей, къ чему ихъ обязывали по ихъ убѣжденію и образованіе и талантъ. Это было время прививки въ Россіи всѣхъ тѣхъ идей, которыя давно уже появились на Западѣ и пустили прочные корни въ общественномъ сознаніи Европы. Отсюда такая быстрота въ распространеніи новыхъ вѣяній, отсюда-же такая рѣзкая разница между двумя смежными поколѣніями. Перениманіемъ готовыхъ формъ жизни, готовыхъ мыслей, уже вполнѣ развитыхъ и получившихъ уже широкое примѣненіе къ жизни на Западѣ, объясняется, какъ извѣстно, очень многое въ ходѣ русскаго общественнаго сознанія. Лучшимъ наиболѣе передовымъ русскимъ людямъ приходилось переносить иногда долгіе годы до введенія въ Россіи европейскихъ основъ жизни особаго рода стыдъ,

вслѣдствіе сознанія отсталости своей родины. Передъ освобожденіемъ крестьянъ чувство это проявлялось съ чрезвычайной силой, потому что тогдашняя русская дѣйствительность ужъ слишкомъ не соотвѣтствовала понятіямъ европейскаго общества, въ средѣ котораго мысленно давно уже жила русская интеллигенція.

Наконецъ, хотя отчасти допущенные къ совмѣстной жизни съ остальной Европой русскіе люди сразу перенесли къ себѣ на родину новые пріемы и внѣшнія формы европейскаго искусства, какъ нѣчто свое давно нужное и необходимое. Русскіе молодые художники въ силу этого спѣшили оставить все то, что было характернымъ для непосредственныхъ ихъ предшественниковъ. Своими учителями они признавали не русскихъ художниковъ, пользующихся извѣстностью и положеніемъ въ обществѣ, а иностранцевъ. Имъ казалось, что они первые вновь начинаютъ русское искусство и что только отъ нихъ, отъ работъ ихъ поколѣнія должно начаться преемственное развитіе русскаго творчества. Надо согласиться, что такое ихъ убѣжденіе имѣло основаніе въ указанныхъ мною причинахъ, но оно не было вполнѣ справедливымъ.

Тогдашнее поколѣніе художниковъ слишкомъ увлекалось, предполагая, что оно вовсе порвало со всей русской предыдущей жизнью и сразу стало самостоятельно развиваться параллельно развитію искусства въ Западной Европѣ. Оно въ то-же время было не право, осуждая огульно все сдѣланное предшественниками и тѣмъ самымъ рисковало потерять традицію, необходимую для совершенства пріемовъ исполненія въ каждомъ дѣлѣ. Въ силу этого ненормальнаго, съ точки зрѣнія правильнаго развитія искусства, явленія установилось чрезвычайно странное отношеніе большинства русскихъ художниковъ и критики къ такому несравненному технику, какимъ былъ Брюлловъ. Превосходныя произведенія его висѣли нѣсколько десятилѣтій на стѣнахъ музеевъ какъ будто только для того, чтобы ихъ ругали и на словахъ и въ печати. И почти никто изъ молодыхъ художниковъ не воспользовался его примѣромъ для усовершенствованія своего рисунка, часто плохого.

Брюлловъ не потерялъ значенія вовсе и традиція его мастерства можетъ быть прослѣжена въ дальнѣйшемъ развитіи русскаго искусства, но вліяніе его было слишкомъ ограничено по сравненію съ его достоинствами. Громадное большинство русскихъ художниковъ не вос-

пользовалось у него ровно ничѣмъ и совершенство исполненія въ русскомъ искусствѣ, говоря вообще, сильно понизилось.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ исторіи сравнительная отсталость русскаго общества и искусства отъ европейскаго и необходимость для насъ періодически *догонять* Европу, такъ какъ мы не можемъ еще всесторонне развиваться самостоятельно и параллельно европейскому развитію, выразилась въ другомъ рѣзкомъ поворотѣ, сдѣланномъ русскимъ искусствомъ въ самое послѣднее время. Опять изъ Европы нахлынула волна новаго моднаго пониманія художественнаго совершенства и большинство русскихъ молодыхъ художниковъ тотчасъ отказались отъ традицій реализма, казавшагося главнымъ отличительнымъ качествомъ русской школы, и пошли вслѣдъ за пришедшимъ извнѣ символизмомъ, индивидуализмомъ и т. д. И не только они отказались отъ преемственной связи съ своими предшественниками, но совмѣстно съ партійной критикой они по адресу цѣлой школы русскихъ художниковъ, работавшихъ почти полстолѣтія и сдѣлавшихъ, несомнѣнно, очень много, считаютъ возможнымъ только ругаться.

Таково невыгодное положеніе русскаго общества среди болѣе старыхъ европейскихъ обществъ, въ одинъ рядъ съ которыми оно еще, къ сожалѣнію, не успѣло стать, вслѣдствіе чего періодически скачками нарушается преемственное правильное развитіе русскаго искусства. И тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ перемѣны вкуса, въ Россіи существуетъ русское искусство такъ-же, какъ существуетъ русская литература, положеніе которой въ данномъ случаѣ можно назвать привиллегированнымъ по сравненію съ живописью, потому что самый языкъ русскій охраняетъ ея техническія особенности; тогда какъ языкъ пластическихъ искусствъ, общій для всѣхъ народовъ, напротивъ чрезвычайно облегчаетъ вторженіе внѣшнихъ пріемовъ одной школы въ другую.

Русское искусство существуетъ, но признаки его, конечно, не такъ грубы, какъ это казалось одно время сторонникамъ такъ называемаго *русскаго стиля*. Они полагали, что достаточно рисовать кафтаны, сапоги, кубки и столы опредѣленнаго фасона, чтобы изобразить русскую историческую сцену, или лапти, кафтаны и другую мужицкую одежду, чтобы изобразить современную русскую жизнь. Такое странное ограниченіе свободы русскаго художника и пріурочиваніе его дѣятельности къ тѣсной

области этнографическихъ особенностей его народа, конечно, не имѣетъ основанія.

Неужели для него должны быть чужды всѣ общечеловѣческіе вопросы, вся субъективная область духа, наконецъ, почему-же онъ не имѣетъ права замѣчать европейскія черты своей жизни; вѣдь онѣ принадлежатъ ему, потому что онѣ имъ заимствованы и стали неотъемлемой частью его существа. Онъ ихъ призналъ за русскихъ, потому что они говорили по-французски, сказалъ Тургеневъ и этимъ охарактеризовалъ очень ярко русскихъ людей извѣстнаго общества.

Русское искусство, конечно, станетъ европейскимъ, но это случится тогда, когда русскіе художники будутъ подражать не только стилю европейскаго искусства, но преемственному развитію совершенства техники, безъ чего произведенія ихъ никогда не избавятся отъ неуклюжести и тяжеловѣсности, свойственныхъ любительской работѣ.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ общимъ лозунгомъ при возникновеніи искусства новой реформированной Россіи былъ реализмъ и націонализмъ. Оба эти направленія искусства пришли къ намъ изъ Европы. Они оказались тѣсно связанными между собой. Реализмъ прямо вытекалъ изъ націонализма. У европейскихъ народовъ цивилизація была общая и потому, когда каждому изъ нихъ захотѣлось имѣть свое собственное искусство, проще всего было обратиться къ изображенію сценъ и предметовъ ежедневной жизни; этнографическія мѣстныя особенности придавали такимъ сценамъ національный характеръ и дѣло казалось сдѣланнымъ.

Послѣ французской революціи націонализмъ, какъ ученіе, замѣняющее прежнее понятіе о государствѣ, какъ собственности властителя, новымъ понятіемъ о государствѣ народномъ, обошелъ всю Европу. Въ Италіи онъ принялъ романтическую окраску общаго стремленія къ свободѣ и міровому культурному значенію. Въ Россіи, куда націонализмъ пришелъ изъ Германіи, онъ обратился въ идеализацію меньшаго брата, простого народа, который только что получилъ гражданскія и человѣческія права. Нельзя не видѣть, что иной формы націонализмъ у насъ и не могъ принять. Это былъ единственный для него выходъ, потому что во всемъ остальномъ, во всѣхъ проявленіяхъ своей собственной жизни русскіе націоналисты той эпохи были самыми ярыми хулителями всего своего и самыми страстными поклонниками всего иностраннаго. Рядомъ съ увлеченіемъ сценами изъ на-

роднаго быта шло, конечно, и изученіе своего мѣстнаго пейзажа, который до тѣхъ поръ считался некрасивымъ и недостойнымъ художественной передачи въ картинѣ.

Вдругъ опоэтизированная будничная дѣйствительность, конечно, сразу отодвинула на задній планъ, хотя и временно, великіе и общіе вопросы, вѣчно интересующіе человѣка. Непосредственной разработкѣ такіе вопросы въ это время подвергались только очень немногими художниками, громадное-же большинство посвятило своя силы на иллюстрацію общественной идеи реабилитаціи низшихъ классовъ населенія въ смыслѣ признанія за ними высокихъ человѣческихъ достоинствъ, задачи, рѣшенной уже на Западѣ и у насъ въ принципѣ и нуждавшейся лишь въ иллюстраціи и распространеніи.

И такъ шагъ впередъ, и очень большой шагъ, былъ сдѣланъ русскими художниками середины прошлаго столѣтія не столько въ непосредственно художественной области, какъ въ области общественной жизни. Здѣсь они дѣйствительно сдѣлали очень многое. Они установили значеніе русскаго художника, какъ члена общества.

Я упоминалъ уже о первомъ проявленіи общественнаго сознанія среди русскихъ молодыхъ художниковъ въ Римѣ. Обстоятельства этого событія очень характерны. Случилось это такъ. Въ 1857 году пріѣхалъ въ Римъ Николай Павловичъ Шиповъ. Интересуясь искусствомъ и русскими молодыми художниками, онъ постарался познакомиться съ ними, обошелъ ихъ мастерскія и, наконецъ, предложилъ имъ всѣмъ капиталъ въ 10 тысячъ рублей, для выдачи пособій нуждающимся. Русскіе художники собрались вмѣстѣ, сообща обсуждали это предложеніе и, несмотря на то, что богатыхъ людей между ними не было, а многіе изъ нихъ дѣйствительно сильно нуждались, они громаднымъ большинствомъ голосовъ рѣшили благодарить Шипова, но денегъ отъ него не принимать, предоставивъ каждому въ отдѣльности принять отъ щедраго жертвователя помощь по личному съ нимъ соглашенію. Съ перваго-же шага такимъ образомъ русскіе художники постарались оберечь свою независимость, какъ общественной группы, отъ всякихъ притязаній даже въ отдаленномъ будущемъ, потому что въ то время Шиповъ выразилъ желаніе помочь имъ вполнѣ безкорыстно, не выговаривая себѣ никакихъ правъ за свой подарокъ.

Съ конца пятидесятыхъ годовъ число русскихъ художниковъ сильно увеличивается и дѣятельность ихъ разбивается на отдѣльныя спеціальности, кото-

рыхъ можно насчитать очень много. Однимъ словомъ, своей дѣятельностью русскіе художники по примѣру европейскихъ начинаютъ удовлетворять потребностямъ общества, предъявляющаго уже спросъ на художественныя произведенія. Не надо думать, что идейное значеніе искусства потеряло отъ этого. Нисколько. Художнику стало легче работать, чѣмъ прежде, когда онъ долженъ былъ чувствовать зависимость малаго числа лицъ, приставленныхъ, такъ сказать, къ искусству.

Все русское искусство съ этого времени можно раздѣлить на три главныхъ русла: жанра, пейзажа и идейной живописи, гдѣ вопросы индивидуальной мысли религіозные и философскіе выражаются художникомъ самостоятельно.

Я говорилъ уже, что „жанръ", т. е. сцены изъ обыденнаго ежедневнаго быта, обращалъ тогда на себя особое вниманіе общества. Для русской школы начало этого рода искусства всегда будетъ связано съ именами Перова и Прянишникова, которые какъ бы дополняютъ другъ друга, глядя на дѣйствительность разными глазами. Перову было свойственно видѣть трагическую сторону жизни; въ наиболѣе спокойныхъ своихъ вещахъ онъ является серьезнымъ созерцателемъ и, если ему случается смѣяться, то онъ смѣется съ досадой, Прянишниковъ же обладалъ очень рѣдкимъ даромъ простодушнаго, веселаго, очень симпатичнаго юмора.

Перовъ получилъ образованіе въ училищѣ живописи и ваянія въ Москвѣ, гдѣ и провелъ большую часть своей жизни. Первая написанная имъ картинка, изображающая жанръ была: „Пріѣздъ станового на слѣдствіе". Въ ней имѣются на-лицо всѣ отличительныя черты какъ дарованія Перова, такъ и всего русскаго жанра. Становой изображенъ конечно, какъ типъ отрицательный, а молодой преступникъ, стоящій передъ нимъ, долженъ олицетворять простого русскаго человѣка. Перовъ, очевидно, желалъ идеализировать его и потому, несмотря на то, что „преступника" писалъ съ натуры, моделью для него служилъ художникъ Прянишниковъ, въ немъ чувствуется нѣкоторая условность. Впослѣдствіи Перовъ отказался совершенно отъ такого пріема. Эта черта любопытна тѣмъ, что показываетъ, какъ даже такой яркій представитель своей эпохи, какъ Перовъ, не сразу могъ установить свою манеру, а вырабатывалъ ее постепенно. За эту картину академія присудила ему большую серебряную медаль. Слѣдующая картина „Сынъ дьячка, получившій первый чинъ" прямо указываетъ, что Пе-

ровъ въ это время увлекался работами Ѳедотова и изучалъ его пріемы. Манерой Ѳедотова, а также и англійскихъ жанристовъ, отличается и программа Перова на первую золотую медаль, „Проповѣдь въ сельской церкви".

Священникъ читаетъ своимъ прихожанамъ проповѣдь на тему о томъ, что слуги должны повиноваться господамъ. Вся сцена въ изображеніи Перова передана условно вслѣдствіе нагроможденія подробностей, оттѣняющихъ всю ненормальность дореформенныхъ отношеній господъ и крѣпостныхъ. Священникъ указываетъ одной рукой на небо, а другой на помѣщающихся передъ нимъ помѣщиковъ. Эти представители господской власти ведутъ себя такъ, что даже слишкомъ очевидно, что они ея недостойны. Самъ баринъ спитъ, а жена его, молодая барыня, слушаетъ нашептыванія молодого человѣка, сидящаго позади нея. Тутъ-же стоящій ливрейный лакей толкаетъ тѣснящихся сзади крестьянъ, оберегая спокойствіе господъ. Въ этой картинѣ, очевидно, много лишняго и, конечно, незачѣмъ было надѣлять господъ рабовладѣльцевъ столькими недостатками, чтобы доказать всю несправедливость существованія крѣпостного права. Пріемъ награможденія подробностей и отдѣльныхъ эпизодовъ въ картинѣ Перовъ заимствовалъ имъ у англичанъ. Впослѣдствіи, сдѣлавшись самостоятельнымъ художникомъ, онъ совершенно оставилъ эту манеру и началъ изображать дѣйствительность несравненно болѣе правдиво и тонко, довольствуясь лишь тѣми чертами выраженія, которыя наблюдаются въ дѣйствительности въ самой жизни.

За „Проповѣдь въ сельской церкви" Перовъ получилъ въ 1861 году первую золотую медаль отъ академіи и право поѣхать за границу пенсіонеромъ академіи на три года. Онъ поѣхалъ прямо во Францію, а не въ Италію, какъ дѣлали прежде всѣ русскіе пенсіонеры. Въ Парижѣ онъ изучалъ произведенія французскихъ художниковъ и, не считая достаточнымъ обзоръ ихъ работъ, нанялъ мастерскую и немедленно принялся за картину, выбравъ сюжетъ изъ парижской уличной жизни. Онъ задумалъ написать большую картину, въ которой было болѣе 20 фигуръ. Изображала она „Продавца пѣсенниковъ". Сдѣлавъ эскизъ и приступивъ къ работѣ. Перовъ, однако, убѣдился, что ему не подъ силу справиться съ этой задачей. Онъ писалъ тогда-же въ совѣтъ академіи: „Не зная ни народа, ни его образа жизни, ни характера, не зная типовъ народныхъ,—что составляетъ основу жанра,—я не могъ

обработать даже одной фигуры въ картинѣ и потому оставилъ предпринятую работу и занялся эскизами". Въ Парижѣ Перовъ, однако-же, написалъ нѣсколько сценъ изъ французской жизни, но писалъ также по воспоминаніямъ жанры изъ русской жизни и эти послѣдніе, конечно, превосходили достоинствомъ все, что онъ сдѣлалъ въ этотъ періодъ.

Къ нимъ относится такая прекрасная вещь, какъ „Учитель рисованія". Въ Парижѣ Перовъ окончательно опредѣлился, какъ личность, какъ человѣкъ и художникъ. Теперь, когда русское общество прожило уже новой жизнію сорокъ лѣтъ съ лишнимъ, когда задачи искусства измѣнились, направленіе, къ которому принадлежалъ Перовъ и Прянишниковъ и многіе другіе талантливые русскіе художники той-же эпохи, подверглось огульному осужденію и несправедливо, потому что работа этихъ художниковъ не прошла даромъ. Они положили всю свою жизнь на то, чтобы изслѣдовать бытъ, характеръ и типы русскаго человѣка различныхъ слоевъ общества, обратить на него вниманіе и привлечь къ нему сочувствіе лучшихъ русскихъ людей, доказавъ, что въ самомъ основаніи русскаго простого человѣка есть хорошія человѣческія черты. Теперь, когда дѣло сдѣлано и результатъ достигнутъ, когда никому не приходитъ въ голову спорить противъ этого, ихъ работа можетъ казаться ненужной, но тогда было иначе. За границей Перовъ, конечно, увидалъ, что у французовъ и нѣмцевъ жизнь представителей всѣхъ слоевъ общества, всякихъ типовъ и въ особенности національныхъ, наиболѣе ярко выражающихъ сновныя черты своего народа, изучена съ тщаніемъ и любовью. Точно изслѣдованныя и запечатлѣнныя въ художественныхъ произведеніяхъ основныя характерныя народныя черты національнагѳ типа служатъ основаніемъ для дальнѣйшаго развитія общества и нельзя даже приблизительно опредѣлить границу ихъ вліянія, настолько оно обширно, какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни. Онъ ясно видѣлъ также, что въ Россіи, вслѣдствіе хода историческихъ событій присоединяющейся къ общей жизни остальной Европы, ничего подобнаго нѣтъ и почувствовалъ обязанность въ качествѣ художника и образованнаго русскаго человѣка восполнить этотъ недостатокъ. Эта задача стала цѣлью его жизни и на нее онъ положилъ всѣ свои силы. Въ силу такого пониманія своего призванія какъ художника онъ и считалъ, что нельзя написать картину, не зная характеровъ и типовъ народныхъ. Въ Парижѣ Пе-

ровъ, конечно, могъ изображать съ натуры прохожихъ на улицѣ, но ему казалось этого мало. Онъ понималъ задачу художника въ томъ, чтобы объяснять публикѣ характерныя черты людей и цѣлыхъ общественныхъ группъ и, не зная этихъ характерныхъ чертъ въ представителяхъ чужого народа, онъ и не считалъ себя способнымъ писать жанры изъ быта чуждой ему національности.

Можетъ возникнуть вопросъ, достойна ли такая культурная работа искусства. На это слѣдуетъ отвѣтить: конечно, да. Только съ помощью искусства и художественныхъ образовъ можетъ быть произведено подобное изслѣдованіе и потому искусству необходимо заниматься и этимъ дѣломъ. Конечно, искусство имѣетъ и другія задачи болѣе общаго характера, задачи вѣчныя. Они заключаются въ развитіи личнаго индивидуальнаго пониманія формы и безъ этого основанія невозможна никакая картина, никакое изображеніе, производящее впечатлѣніе. Но бываютъ такіе періоды, когда потребность общества въ какой-либо спеціальной отрасли искусства такъ велика, что художники, живо чувствующіе біеніе пульса общественной жизни, прямо спеціализируются на удовлетвореніе опредѣленной потребности общества. Таково было призваніе и Перова и Прянишникова и другихъ значительныхъ русскихъ художниковъ бытописателей, слѣдовавшихъ за ними и продолжающихъ работать и до настоящаго времени, почему ихъ имена и не упоминаются въ настоящей статьѣ.

Перовъ всю жизнь свою работалъ надъ усовершенствованіемъ своего рисунка и колорита и сдѣлалъ въ этой области значительные успѣхи, несмотря на то, что природный недостатокъ, неодинаковое зрѣніе глазъ, былъ тому сильною помѣхою. Если сравнить его первоначальныя работы „Тройка“, „Очередная у фонтана“ и другія вещи того-же времени съ „Птицеловомъ“, „Охотниками“ и „Рыболовомъ“, то разница окажется значительною. Спеціально-художественныя задачи, если этимъ словомъ называть элегантность рисунка и блескъ колорита,однако, никогда не ставились Перовымъ на первый планъ. Выраженіе, характерность—вотъ область, въ которой онъ работалъ больше всего. Изученіемъ человѣческой природы въ русскихъ типахъ онъ занимался всю свою жизнь и какія превосходныя и точныя изслѣдованія онъ намъ оставилъ въ этой области.

Не говоря уже о типахъ въ упомянутыхъ выше всѣмъ извѣстныхъ его картинахъ, стоитъ только вспомнить двѣ

небольшія фигуры старика и старухи, стоящихъ у могилы сына на кладбищѣ, чтобы понять, до чего Перовъ зналъ во всѣхъ подробностяхъ обликъ тѣхъ людей, которыхъ изображалъ. И старикъ и старуха стоятъ спиною къ зрителю. Видны только поношенныя одежды да немного правой стороны лица старика, повѣсившаго голову, и тѣмъ не менѣе это живые люди. Зритель видитъ ихъ настроеніе, догадывается объ ихъ мысляхъ и ясно представляетъ себѣ ихъ манеру думать и говорить. Съ теченіемъ времени Перовъ становился все глубже въ содержаніи своихъ произведеній и все тоньше въ исполненіи, т. е. въ передачѣ своихъ оцѣнокъ и воззрѣній. Онъ началъ съ простой тенденціозности, какъ это видно въ его ранней картинѣ „Проповѣдь въ сельской церкви". Въ такихъ вещахъ, какъ „Пріѣздъ гувернантки въ купеческій домъ" и даже „Тройка" и „Морозъ красный носъ", иллюстраціи къ поэмѣ Некрасова, есть шаржъ и сентиментальность, но зато въ послѣдующихъ произведеніяхъ, „Птицеловѣ" и другихъ позднѣйшихъ работахъ Перовъ такъ изощрилъ свой художественный образный способъ передачи своихъ мыслей и наблюденій, свой „языкъ" пластическаго художника, что нѣтъ возможности замѣтить ни малѣйшаго затрудненія, нѣтъ ничего выдуманнаго, поддѣланнаго, устроеннаго. Зритель просто видитъ передъ собой объясненную ему художникомъ дѣйствительность. Въ наиболѣе-же знаменитой своей картинѣ „Охотники на привалѣ" Перовъ дошелъ даже до олицетворенія цѣлой общественной группы русскаго общества. Эту картину можно поставить рядомъ съ „Записками охотника" Тургенева.

Въ области жанра въ томъ направленіи, которое было такъ дорого современникамъ великихъ реформъ, т. е. въ направленіи изслѣдованія и обнаруженія въ русскомъ типѣ человѣческихъ качествъ, скрывавшихся подъ слоемъ невѣжества и привычекъ, унаслѣдованныхъ отъ долголѣтняго рабства, Перовъ сдѣлалъ очень много, но тѣмъ не менѣе заслуги его этимъ еще не исчерпываются. Онъ оставилъ еще русскому обществу цѣлый рядъ превосходныхъ портретовъ съ выдающихся русскихъ людей. Его портреты: А. Н. Островскаго, В. И. Даля, Ѳ. М. Достоевскаго, М. П. Погодина, А. Ѳ. Писемскаго, С. Т. Аксакова, А. Н. Майкова представляютъ цѣнные документы: въ нихъ переданы не только черты лица съ большимъ сходствомъ, но и характеръ, внутренній обликъ человѣка.

Подъ старость Перовъ началъ интересоваться исто-

ріей и принялся за исполненіе историческихъ сюжетовъ. Всѣ картины Перова въ этомъ родѣ представляютъ тоже „жанры". Онъ пытался дать типы монаховъ, духовныхъ лицъ, баръ и простолюдиновъ русскихъ прежнихъ эпохъ и дѣйствительно иныя головы въ его историческихъ композиціяхъ „Никита Пустосвятъ" и „Пугачевскій бунтъ" очень интересны, но въ общемъ картины эти далеко уступаютъ его современнымъ сценамъ. Историческія картины Перова по пріемамъ разработки сюжета прямо примыкаютъ къ многочисленнымъ подобнымъ же картинамъ западноевропейскихъ мастеровъ, также иллюстрировавшихъ историческое событіе мелкимъ эпизодомъ ежедневной жизни. Таковы всѣмъ извѣстныя вещи Де ла Роша Морелли и многихъ другихъ художниковъ.

Рядомъ съ Перовымъ работалъ по тому-же направленію и Илларіонъ Михайловичъ Прянишниковъ.

Прянишниковъ не отличался проницательностью Перова въ изслѣдованіи характеровъ и типовъ, но у него зато въ картинахъ проглядываетъ веселый смѣхъ и любовь къ природѣ, необыкновенно изяцно и просто выраженная. Прянишниковъ началъ тоже съ тенденціознаго жанра. Онъ написалъ „Гостинный дворъ", гдѣ изобразилъ несчастнаго чиновника, пляшущаго на потѣху сидѣльцевъ стараго гостиннаго двора въ Москвѣ. Эта картина дала Прянишникову первоначальную извѣстность; за нее онъ получилъ большую серебряную медаль. Но затѣмъ онъ не возвращался уже къ подобнымъ сюжетамъ. Онъ писалъ все самыя обыкновенныя ежедневно встрѣчающіяся сцены, какъ „Калики перехожіе", „Воробьи", „На паромѣ", „Спасовѣ день" или сцены изъ охотничьей жизни, какъ-то: „Охотники", „Влопался".

Во всѣхъ этихъ вещахъ личности не выступаютъ на первый планъ, картины эти передаютъ общее впечатлѣніе русской дѣйствительности. Это иногда даже не жанры, а пейзажи съ фигурами. Прянишниковъ написалъ и историческій жанръ „Французы въ 12 году" и въ него вложилъ много юмора, особенно въ изображеніи воинственной бабы. Особенной извѣстностью пользуется его дѣйствительно превосходная картина „Жестокій романсъ". Это вещь прелестная, какъ по типамъ, такъ и по экспрессіи лицъ.

Творчество Прянишникова соединяетъ изученіе типовъ съ разработкой индивидуальнаго настроенія, т. е. соединяетъ жанръ съ пейзажемъ и даетъ общую картину наи-

болѣе тонкихъ и поэтическихъ впечатлѣній, разсѣянныхъ среди сѣрой будничной дѣйствительности русской жизни.

Перовъ, Прянишниковъ, а за ними и другіе русскіе художники, работавшіе и работающіе до сихъ поръ въ томъ-же направленіи, пополнили въ художественномъ отношеніи тотъ пробѣлъ, который раздѣлялъ Россію отъ Западной Европы. Они въ своемъ дѣлѣ способствовали культурѣ своей родины и потому имена ихъ такъ-же, какъ и ихъ произведенія, никогда не будутъ забыты.

П. Ге.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ КУЛЬТУРЫ.

Платоновскій и древне-христіанскій коммунизмъ.

Х. Каутскаго.

(Пер. Львовича).

I.

Идеальное государство Платона.

1. Платонъ и его время.

НѢТЪ ничего ошибочнѣе того широко распространеннаго взгляда, будто коммунизмъ противорѣчитъ самому существу человѣка, природѣ человѣческой. Напротивъ,—у колыбели человѣчества стоялъ коммунизмъ и еще до нашего времени онъ былъ общественной основой большинства народовъ земного шара.

Будучи меньше всего непримиримымъ съ законами борьбы за существованіе, онъ, напротивъ, представлялъ собою важнѣйшее орудіе человѣчества въ этой борьбѣ. Лишь посредствомъ тѣснѣйшаго сплоченія въ болѣе или менѣе значительныя общества голые и безоружные люди доисторическаго времени могли защитить себя отъ своихъ страшныхъ враговъ въ дикихъ дебряхъ. Первобытный человѣкъ жилъ только въ своемъ обществѣ и вмѣстѣ съ нимъ; его личность, такъ сказать, еще не перервала пуповины, соединявшей ее съ обществомъ. Въ обществѣ люди добывали себѣ средства къ существованію — сообща они охотились, сообща ловили рыбу,—въ обществѣ они жили, сообща защищали свое общее жилище, общую землю.

Но это измѣнилось съ развитіемъ производства. Рядомъ съ общей собственностью оно создавало и собственность частную. Первоначально эта послѣдняя обнимала лишь немногіе незначительные предметы личнаго потребленія, которые большею частью употреблялись лицами, приготовившими ихъ: украшенія, оружіе и т. п. предметы, которые до того, такъ сказать, сростались съ человѣкомъ, приготовившимъ и носившимъ ихъ, что послѣ его смерти ихъ часто клали съ нимъ и въ могилу.

Но объемъ и значеніе частной собственности постепенно увеличивались; она стала распространяться также на болѣе значительныя средства производства и захватила, наконецъ, самое важное изъ средствъ производства, основу нашего существованія—землю. Охота и пастушеское хозяйство требовали еще общаго владѣнія землей. Совершенно иное съ земледѣліемъ. До развитія современнаго сельскохозяйственнаго крупнаго производства обработка земли лучше всего производилась въ частныхъ хозяйствахъ отдѣльныхъ семей, а это частное хозяйство требовало для своего развитія частной собственности на землю. Гдѣ земледѣліе развивается и вытѣсняетъ прежнія формы производства, тамъ развивается также все сильнѣе и сильнѣе потребность въ частной собственности на землю.

Развитіе городской промышленности и торговли съ самаго начала предполагаетъ частную собственность на средства производства и продукты.

Но не только все больше и больше расширяется *область* частной собственности; по мѣрѣ развитія торговыхъ сношеній и способовъ производства, требующихъ частной собственности, она теряетъ также одно за другимъ и ограниченія, которыя становятся для нея все болѣе и болѣе тягостными.

Изъ чисто личной собственности, которая послѣ смерти своего владѣльца уничтожалась или переходила къ обществу, она становится собственностью, наслѣдуемой другими лицами.

Первоначальное равенство исчезло, частная собственность стала общественной силой, общество раскололось на собственниковъ, которые господствовали, и лишенныхъ собственности, находившихся въ зависимости; пріобрѣтеніе частной собственности стало общественной необходимостью. Появленіе денегъ

превратило, наконецъ, стремленіе къ пріобрѣтенію въ безграничную жажду.

Надобность въ предметахъ потребленія постоянно ограничена. Пока богатство состоитъ только изъ предметовъ потребленія, никто не желаетъ ихъ больше, чѣмъ необходимо для удобной и пріятной жизни. Денегъ-же никогда не бываетъ достаточно, потому что онѣ такой товаръ, на который можно купить всѣ остальные товары, — который не портится и всегда можетъ пригодиться. Съ этихъ поръ накопленіе сокровищъ, состояній, далеко превосходящихъ потребности ихъ владѣльцевъ, становится задачей жизни имущихъ. Противоположность между богатствомъ и бѣдностью можетъ стать теперь неизмѣримой; такой она и становится вездѣ, гдѣ только являются необходимыя для этого условія.

Этимъ путемъ измѣняются отношенія людей другъ къ другу и все ихъ мышленіе, все существованіе. Преданность обществу, самопожертвованіе были прежде главными добродѣтелями человѣка. Теперь они все болѣе и болѣе исчезаютъ. Каждому—своя рубаха ближе къ тѣлу. Общество распадается на классы, которые озлобленно борятся другъ съ другомъ; классы распадаются на индивиды, каждый изъ которыхъ имѣетъ въ виду лишь свою выгоду, старается возможно меньше дать обществу и взять съ него возможно больше. Все слабѣе и слабѣе становятся узы, соединяющія отдѣльныхъ лицъ съ обществомъ и объединяющія само общество; оно погибаетъ или становится добычею какого-нибудь народа, который въ своей отсталости еще сохранилъ коммунистическую доблесть и коммунистическую силу.

Такова исторія всѣхъ націй и государствъ древности.

Можетъ быть, быстрѣе и разительнѣе всего совершался этотъ процессъ развитія въ *Аѳинахъ*. Періодъ отъ окончанія *персидскихъ войнъ* до покоренія Греціи Филиппомъ Македонскимъ едва обнимаетъ полтораста лѣтъ (479—338 до начала нашего лѣтосчисленія). Въ началѣ этого періода мы (даже не считая рабовъ, которые все равно не принадлежали къ обществу), конечно, уже находимъ классовыя различія и классовыя противоположности, привиллегированныхъ аристократовъ и безправные слои народа, богатыхъ и бѣдныхъ,— но эти противорѣчія не дошли еще до такой степени, чтобы они

могли подавить въ свободныхъ людяхъ общій интересъ къ государственной жизни. Въ послѣдней трети этого періода въ Аттикѣ рядомъ съ массой рабовъ существовали уже почти исключительно богачи и нищіе.

„Въ прежнія времена", восклицалъ жившій тогда ораторъ Демосѳенъ въ одной изъ своихъ судебныхъ рѣчей,—„было иначе, чѣмъ теперь. Тогда все, принадлежавшее государству, было богатымъ и блестящимъ, но среди гражданъ ни одинъ не отличался по внѣшнему виду отъ другого. Еще и теперь каждый изъ васъ можетъ собственными глазами убѣдиться, что жилища Ѳемистокла, Мильтіада и всѣхъ великихъ мужей стараго времени отнюдь не были красивѣе и величественнѣе жилищъ ихъ согражданъ. Но общественныя зданія и памятники, сооруженные въ ихъ время, были такъ величественны и великолѣпны, что они навѣки останутся непревзойденными: я говорю о пропилеяхъ, объ арсеналѣ, о колоннадахъ, о постройкахъ въ пирейской гавани и другихъ общественныхъ сооруженіяхъ нашего города. А теперь есть государственные люди, частныя жилища которыхъ затмеваютъ своимъ великолѣпіемъ многія общественныя сооруженія, и которые скупили себѣ столь огромныя земли, что поля всѣхъ васъ, засѣдающихъ здѣсь въ качествѣ судей[1]), не сравнятся по пространству съ ними. За то все, что строится теперь государствомъ, такъ ничтожно и убого, что стыдно и говорить".

Это явленіе можно было наблюдать во всей Греціи, но ярче всего оно сказалось въ Аѳинахъ, такъ какъ Аѳины, благодаря персидскимъ войнамъ, стали самымъ сильнымъ государствомъ Греціи и они спасли греческую свободу отъ персидскаго ига лишь затѣмъ, чтобы возложить на грековъ свое собственное иго. Почти все населеніе острововъ и побережья Эгейскаго моря (а также нѣкоторые прибрежные города и острова внѣ его) превратилось въ подданныхъ и данниковъ Аѳинъ; рядомъ съ трудомъ рабовъ и доходами съ цвѣтущей торговли, военная добыча и дань съ подчиненныхъ стали постоянными доходами аѳинскаго населенія, средствомъ къ тому, чтобы еще больше обогащать богатыхъ, а остальныхъ свободныхъ, извлекавшихъ пользу изъ государственныхъ дохо-

[1]) Суды (дикастэріи) въ Аѳинахъ были судами присяжныхъ; каждый изъ нихъ состоялъ изъ *пятисотъ* присяжныхъ (геліасты).

довъ, отучить отъ труда, превратить въ лохмотниковъ. — развратить и разслабить все населеніе. Но они стали также и средствомъ къ тому, чтобы возбудить къ Аѳинамъ крайнюю ненависть во всей Греціи.

Дѣло дошло, наконецъ, до борьбы на жизнь и смерть между все усиливавшимися Аѳинами и еще не подчиненными ими государствами Пелопоннеса, стоявшими подъ водительствомъ Спарты. Но эта борьба не была только войной противъ верховенства Аѳинъ: она была также войной между демократіей и аристократіей. Аѳины были самымъ демократическимъ государствомъ Греціи, Спарта—самымъ аристократическимъ. Во всѣхъ государствахъ, подчиненныхъ Аѳинамъ, терпѣть приходилось, главнымъ образомъ, аристократамъ: ихъ прежде всего грабили, а не народъ. Въ самихъ Аѳинахъ народъ, насколько это было возможно, свалилъ государственныя тяготы на аристократовъ и богачей. Поэтому къ Аѳинамъ особенно сильную ненависть вездѣ питали аристократы и богачи; въ самихъ-же Аѳинахъ соціальное разложеніе, противоположность между бѣдными и богатыми достигли такой степени, что аѳинскіе аристократы и богачи сносились и конспирировали съ врагомъ страны, со Спартой. Побѣда Спарты казалась имъ самымъ лучшимъ средствомъ для низверженія владычества народа.

Рѣшительная борьба между Аѳинами и Спартой, такъ называемая пелопоннесская война, продолжалась почти тридцать лѣтъ (431 — 404) и кончилась полнымъ уничтоженіемъ аѳинскаго могущества. Аѳинское государство было сведено до предѣловъ Аттики и стало зависимымъ отъ Спарты. Мѣсто прежней демократіи заняло правленіе безхарактерныхъ ставленниковъ Спарты.

Это было положеніе, которое въ особенности вызывало на размышленіе, заставляло подумать о причинахъ процвѣтанія и паденія государствъ. Вопросъ о наилучшемъ государственномъ устройствѣ былъ тогда всеобщимъ.

При такихъ историческихъ обстоятельствахъ выросъ Платонъ.

Онъ родился черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ начала пелопоннесской войны [1]) въ Аѳинахъ и принадлежалъ къ старому

[1]) Годъ его рожденія достовѣрно неизвѣстенъ. Онъ падаетъ на время съ 429 по 427 г. до нашего лѣтосчисленія.

аристократическому роду. И онъ никогда не отрекался отъ своего аристократическаго происхожденія, а постоянно питалъ отвращеніе къ демократіи. Живя въ благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ, онъ могъ всецѣло предаться развитію своего ума и рано началъ заниматься поэзіей и философіей. Его знакомство съ Сократомъ,—вѣроятно, на двадцатомъ году его жизни, — имѣло на него рѣшающее вліяніе. Съ этихъ поръ онъ совершенно посвятилъ себя философіи и сталъ самымъ дѣятельнымъ ученикомъ Сократа. Но сократовскій кругъ идей онъ расширилъ самостоятельными занятіями [1]) и рядомъ путешествій, предпринятыхъ имъ послѣ смерти его друга и учителя, приведшихъ его въ Египетъ, Кирену, Южную Италію и Сицилію.

Вернувшись изъ своихъ путешествій, онъ сталъ въ Аѳинахъ общественнымъ учителемъ. Но впослѣдствіи еще два раза онъ прерывалъ свою учительскую дѣятельность, чтобы предпринять продолжительныя путешествія въ Сицилію.

Причина этихъ путешествій очень характеристична для

---

[1]) Большое вліяніе на него имѣли ученія пиѳагорейцевъ и глубокое изученіе математики — Причэтомъ мы позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. П[illegible]а (род. около 600, ум: около 510 г. до нашего лѣтосч.) часто назыв[illegible]ммунистомъ и основателемъ коммунистическаго союза. „Пиѳагорей[illegible]й степени“, говоритъ Целлеръ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ гр[illegible]философіи.—„жили, по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, въ полной общно[illegible]ествъ по точно установленнымъ правиламъ, которыя они почитал[illegible] божественное установленіе; правилами этими, говорятъ, предписыва[illegible]сь, кромѣ исключительно льняныхъ одеждъ, также полное воздержаніе отъ кровавыхъ жертвъ, мясной пищи, отъ бобовъ и нѣкоторыхъ другихъ пищевыхъ средствъ; пиѳагорейцамъ приписываютъ даже принципъ безбрачія“. „Однако, говоритъ дальше Целлеръ,—болѣе древніе свидѣтели ничего не знаютъ объ этой общности имуществъ“—и онъ приходитъ къ такому заключенію: „Совершенно несомнѣнно, что все, разсказываемое позднѣйшими свидѣтелями объ ихъ общности имуществъ баснословно“. (Zeller, Die Philosophie der Griechen, 3 Aufl., Leipzig 1869, I, стр. 270 — 279). Мнимый коммунизмъ пиѳагорейцевъ, во всякомъ случаѣ, позднѣйшее изобрѣтеніе, созданное, конечно, по платоновскому образцу. Никоимъ образомъ нельзя сказать, что коммунизмъ Платона заимствованъ у Пиѳагора.

Въ историческихъ обзорахъ греческаго коммунизма пиѳагорейскій коммунизмъ обыкновенно занимаетъ мѣсто рядомъ съ платоновскимъ. Намъ здѣсь достаточно указать на сказочный характеръ перваго изъ нихъ. Ср. объ этомъ, кромѣ Целлера, R. Pöhlmann, Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus, München 1893, I, стр. 53 и Drumann, Die Arbeiter und Kommunisten in Griechenland und Rom, Königsberg. 1860, § 19.

упадка политической жизни во времена Платона. Платонъ выработалъ систему особыхъ политическихъ принциповъ, о которыхъ мы будемъ говорить дальше, но ему и въ голову не пришло сдѣлать хоть что-нибудь для проведенія своихъ убѣжденій и взглядовъ посредствомъ участія въ политической жизни.

Это, однако, не значитъ, что его идеи о государствѣ и обществѣ не были разсчитаны на практическое осуществленіе, что онѣ должны были остаться простыми фантазіями.

Въ 368 г. умеръ Діонисій Старшій, тиранъ (самодержецъ) сиракузскій. Сынъ его, Діонисій Младшій, продѣлалъ нѣсколько философскихъ аллюровъ и слылъ за реформатора, какъ это, повидимому, издавна велось у наслѣдниковъ престола. Другъ Платона, Діонъ, и шуринъ Діонисія надѣялись склонить этого послѣдняго въ пользу своихъ стремленій; съ такимъ-же намѣреніемъ отправился въ путь и самъ Платонъ, чтобы достигнуть при посредствѣ тирана того, въ пользу чего онъ палецъ о палецъ не ударилъ въ демократическомъ государствѣ, — достигнуть осуществленія своихъ политическихъ идеаловъ.

Понятно, онъ испыталъ тяжелое разочарованіе. Діонисій былъ не прочь отъ того, чтобы философы толпились при его дворѣ и увеличивали его блескъ, но они не должны были отравлять ему радостей, какія могутъ доставить вино, женщины и пѣніе. Когда философы стали ему въ тягость, „философъ на престолѣ“ просто выгналъ ихъ,—выслалъ. Когда-же Платонъ, не умудренный этимъ опытомъ, спустя нѣсколько лѣтъ предпринялъ второе путешествіе къ сиракузскому двору, онъ навлекъ на себя такую ненависть тирана, что долженъ былъ радоваться, что ему удалось спасти свою жизнь и убраться подобру-поздорову.

Этимъ кончилась политическая дѣятельность нашего философа. Учительская-же дѣятельность его продолжалась до смерти, застигшей его на 81 году жизни.

II. Книга о государствѣ.

Изъ сочиненій Платона для насъ важно здѣсь лишь одно, *первая дошедшая до насъ философская, систематическая защита коммунизма: „Politeia“*, *книга о государствѣ*, появив

шаяся, вѣроятно, около 368 г., незадолго до перваго путешествія Платона ко двору Діонисія Младшаго.

Существенную часть содержанія этой книги представляетъ изученіе вопроса: каково наилучшее устройство государства и общества?

Что существующія формы государства и общества плохи,— въ этомъ для Платона не было ни малѣйшаго сомнѣнія.

Частная собственность, говоритъ онъ, противоположность между богатыми и бѣдными ведетъ къ паденію государствъ. „Не относятся ли добродѣтель и богатство другъ другу такъ, что если бы они лежали на чашкахъ вѣсовъ, то одна изъ нихъ должна была бы опускаться по мѣрѣ того, какъ другая поднимается?.. Слѣдовательно, если въ какомъ-нибудь государствѣ уважаютъ богатство и богатыхъ, то меньше уважаютъ добродѣтель и добродѣтельныхъ... Такое государство обязательно представляетъ собою не одно, а два государства: одно изъ нихъ—представляютъ бѣдные, а другое богатые; они живутъ рядомъ, желая зла другъ другу (ἐπιβουλεύοντες)...[1]) И въ концѣ концовъ они (господствующіе богачи) не въ состояніи вести войну, потому что они или должны пользоваться массой, которой они, когда эта масса вооружена, страшатся больше, чѣмъ врага,—или они не пользуются ею, являются въ бой съ ничтожной военной силой, и, сверхъ того, они не хотятъ платить податей, такъ какъ слишкомъ любятъ деньги“. Но бѣдныхъ, пролетаріевъ, Платонъ сравниваетъ съ трутнями,— сравненіе очень знаменательное, которое ясно показываетъ намъ различіе между античнымъ и современнымъ пролетаріатомъ. Свободные неимущіе были по большей части лохмотниками[2]). Они жили эксплуатаціей государства и богачей, извлекавшихъ свои доходы изъ труда рабовъ и грабежа подчиненныхъ. Но, говоритъ дальше Платонъ, двуногіе трутни отличаются отъ крылатыхъ: не всѣ среди нихъ лишены жалъ. „Изъ трутней, не имѣющихъ жалъ, выходятъ нищіе на всю жизнь, изъ тѣхъ-же, которые вооружены жалами,—мошен-

[1]) Изреченіе о двухъ націяхъ, живущихъ въ государствѣ, какъ читатель видитъ, придумано вовсе не Дизраэли; оно существуетъ болѣе двухъ тысячъ лѣтъ.

[2]) Lumpenproletariat -- слово, неудобопереводимое на русскій языкъ; значеніе его достаточно ясно указано въ текстѣ. *Пер.*

ники..., воры, и карманщики, и грабители храмовъ и иные мастера подобныхъ мерзостей". (Книга VIII, гл. 6 и 7).

Государство, въ которомъ среди этого разлада живутъ рядомъ два такихъ государства, обречено на гибель,—все равно, будутъ ли имъ управлять богатые (олигархія), или бѣдные (демократія).

Но какое-же государственное устройство предлагаетъ Платонъ вмѣсто этихъ „дурныхъ устройствъ?"

Онъ говоритъ, что разладъ можетъ уничтожить только коммунизмъ.

Но онъ былъ слишкомъ аристократъ для того, чтобы желать устраненія классовыхъ различій. Коммунизмъ нужно сдѣлать охранительнымъ, консервативнымъ элементомъ, но лишь въ качествѣ коммунизма *господствующихъ классовъ*. Когда, говоритъ онъ, частная собственность для господствующихъ классовъ будетъ уничтожена, то у нихъ исчезнетъ искушеніе эксплуатировать и угнетать трудящійся классъ; тогда господствующіе станутъ уже не волками, а сторожевыми псами, которые будутъ имѣть лишь одну задачу: защищать народъ и вести его къ благу.

Для трудящихся классовъ, крестьянъ и ремесленниковъ, а также для мелкихъ и крупныхъ торговцевъ въ государствѣ Платона частная собственность остается. И, дѣйствительно, уничтоженіе для нихъ частной собственности противорѣчило потребностямъ тогдашняго способа производства, такъ какъ основой его тогда было еще *мелкое производство* въ земледѣліи и ремеслахъ, а оно, какъ мы уже говорили, обязательно требуетъ частной собственности на средства производства. Конечно, и тогда уже были болѣе крупныя хозяйства, но они основывались на трудѣ рабовъ. Техника земледѣлія и промышленности не развилась еще настолько, чтобы требовать общественнаго производства. Гдѣ рабочихъ не держало вмѣстѣ внѣшнее принужденіе, гдѣ они были свободными людьми, тамъ каждый изъ нихъ работалъ на себя. Желать устраненія частной собственности на средства производства было бы безсмыслицей во времена Платона. Поэтому его соціализмъ былъ существенно-отличенъ отъ современнаго.

Господствующій классъ въ платоновскомъ государствѣ не занимается производствомъ. Онъ содержится на взносы тру-

дящихся классовъ. Его коммунизмъ есть общность не средствъ производства, а средствъ наслажденія въ широкомъ смыслѣ этого слова:—*коммунизмъ потребленія*.

Господствующій классъ—стражи государства. Они съ особенной тщательностью избираются изъ людей самыхъ лучшихъ и добродѣтельныхъ. Дѣти этихъ стражей, конечно, имѣютъ больше шансовъ, чѣмъ иныя дѣти въ государствѣ, войти въ составъ этого класса, потому что яблоко отъ яблони не далеко падаетъ. Но если какой-либо изъ потомковъ стражей окажется недостойнымъ своего поста, то его безъ сожалѣнія нужно исключить изъ этого класса; и напротивъ, если среди ремесленниковъ и земледѣльцевъ явится такой, у котораго обнаружатся благородныя свойства, то его нужно „держать въ чести и принять въ среду господствующихъ".

Такимъ образомъ, аристократія въ платоновскомъ государствѣ основывалась не на наслѣдственности.

Молодое поколѣніе, предназначенное къ принятію въ классъ стражей, получаетъ тщательное воспитаніе, которое Платонъ подробно описываетъ, но останавливаться на этомъ здѣсь было бы неумѣстно.

„Кромѣ этого воспитанія", говоритъ дальше Платонъ [1]): „болѣе разумный сказалъ бы, конечно, что и ихъ жилища и все остальное имущество должны быть устроены такъ, чтобы они не могли ни мѣшать имъ быть лучшими, ни подстрекать ихъ къ посягательствамъ на другихъ гражданъ".

„Совершенно вѣрно", сказалъ онъ (Главконъ).

„Такъ разсуди", замѣтилъ я (Сократъ),—„для того, чтобы стать такими, не должны ли они жить слѣдующимъ образомъ. Прежде всего, ни одинъ изъ нихъ не долженъ имѣть ничего собственнаго, если этого можно избѣжать; ни одинъ не долженъ имѣть ни особаго жилища, ни склада для запасовъ, куда не имѣлъ бы доступа каждый, кому угодно. Но все необходимое, въ чемъ можетъ нуждаться какъ храбрый, такъ и заурядный воинъ, они должны получать по очереди отъ остальныхъ гражданъ, какъ вознагражденіе за охрану, представля-

[1]) Или точнѣе—Сократъ. Все это сочиненіе, какъ и вообще произведенія Платона написано въ формѣ разговора, въ которомъ чаще всего, какъ и здѣсь, главнымъ собесѣдникомъ является Сократъ.

емую ими,—получать въ такомъ количествѣ, чтобы они ни въ чемъ не нуждались, но, съ другой стороны, чтобы у нихъ ничего и не оставалось на слѣдующій годъ. Вмѣстѣ должны они жить и, какъ въ походѣ, *вмѣстѣ* принимать пищу (сиссигіи). Золото-же и серебро, надо сказать имъ, они всегда носятъ въ своей душѣ, какъ священный даръ боговъ, и поэтому не нуждаются въ золотѣ и серебрѣ людей. Имъ должно быть совершенно воспрещено осквернять ихъ божественное золото преходящимъ, потому что съ этими низменными деньгами было такъ много зла, между тѣмъ какъ золото въ ихъ душѣ чисто. Однимъ лишь имъ въ государствѣ должно быть воспрещено имѣть дѣло съ золотомъ и серебромъ, прикасаться къ нему, имѣть его въ жилищѣ или носить на платьѣ, или пить изъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ. Если бы они сами имѣли собственную землю, и жилища, и золото, то они стали бы домовладѣльцами и сельскими хозяевами, а не стражами,—суровыми повелителями, а не товарищами остальныхъ гражданъ: тогда они жили бы постоянно среди ненависти и недовѣрія, гораздо больше страшась внутренняго врага, чѣмъ внѣшняго, и какъ сами они, такъ и весь городъ пришли бы къ гибели“ (Книга III, гл. 22).

Но Платонъ требуетъ для своихъ „стражей“ не только общности имуществъ, должно быть устранено также все, что могло бы вызвать у нихъ частные интересы, посѣять среди нихъ распри и раздоры. Поэтому онъ требуетъ для нихъ уничтоженія частной семьи,—*общности женъ и дѣтей*.

Что наши нынѣшніе соціалистоѣды выставляютъ, какъ доказательство скотскаго паденія соціалъ-демократовъ, требованіе уничтоженія семьи и брака,—это они могли бы найти у того философа древности, котораго теперь оффиціальные блюстители нравовъ и въ особенности наши духовные больше всего превозносятъ именно ради его „почти христіанской этики“.

[illegible] всѣмъ предыдущимъ“, говоритъ у Платона Сократъ.—„нах[illegible]тся въ связи, по моему мнѣнію, еще слѣдующее устано[illegible]ніе“.

„Какое?“

„Чтобы всѣ женщины были общи всѣмъ мужчинамъ и ни одна изъ нихъ не жила особо съ кѣмъ-либо однимъ. И дѣти

должны быть общими, такъ чтобы ни отецъ не зналъ своего ребенка, ни ребенокъ своего отца" (Книга V, гл. 7).

Платонъ, однако, имѣетъ въ виду не совершенно безпорядочныя половыя сношенія, но этими сношеніями долженъ управлять только одинъ принципъ: половой подборъ. Женщины должны „рожать государству" только отъ 20 до 40 лѣтъ; мужчины—„производить дѣтей для государства" только отъ 30 до 55 лѣтъ. Рожденіе ребенка раньше и позже этого періода является провинностью. Такіе роды надо предупреждать посредствомъ искусственнаго выкидыша или вытравленія плода. Воспитывать этихъ дѣтей нельзя. Люди-же, стоящіе въ предѣлахъ вышеуказаннаго возраста, должны сводиться правителями, по мѣрѣ возможности, такъ, чтобы „самые лучшіе чаще всего бывали съ самыми лучшими, а самые худшіе съ самыми худшими; и дѣтей первыхъ нужно воспитывать, дѣтей-же вторыхъ воспитывать не надо, для того чтобы общество оставалось безпорочнымъ; и все это (регулированіе половыхъ сношеній) должно быть совершенно неизвѣстно всѣмъ, кромѣ начальниковъ, чтобы общество стражей постоянно было возможно дальше отъ раздоровъ".

Но люди, вышедшіе изъ лѣтъ, опредѣленныхъ для дѣторожденія, могли сходиться по произволу съ лицами другого пола въ предѣлахъ своего возраста.

„Новорожденныхъ дѣтей берутъ къ себѣ установленныя для этого власти, состоящія изъ мужчинъ или женщинъ, или лицъ обоихъ половъ, потому что должности доступны какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ".

„Хорошо".

„Дѣтей лучшихъ людей они уносятъ въ домъ для новорожденныхъ къ нянькамъ, которыя живутъ въ особой части города, дѣтей-же худшихъ людей, а также уродовъ, они будутъ, какъ слѣдуетъ, скрывать въ недоступномъ и неизвѣстномъ мѣстѣ".

„Конечно, сказалъ онъ: ибо порода стражей должна оставаться безпорочной".

„Эти власти будутъ заботиться также о кормленіи грудныхъ дѣтей: матерей, когда у нихъ много молока, они будутъ приводить въ домъ для новорожденныхъ, причемъ, однако, будетъ по мѣрѣ возможности обращаться вниманіе на то, чтобы ни одна

мать не узнала своего ребенка; если матерей окажется недостаточно, власти будутъ доставлять еще иныхъ кормилицъ" (Книга V, гл. 9).

Для нашего чувства все это представляется страннымъ, даже отвратительнымъ, но не такимъ оно было для грековъ временъ Платона. Конечно, у нихъ господствовало единобрачіе, но оно было, какъ они сами открыто признавали, лишь институціей для воспитанія законныхъ дѣтей, для обезпеченія порядка наслѣдованія. Браки заключались не сердцами влюбленныхъ, а отцами семействъ, причемъ рѣшающее значеніе имѣли не влеченія участвующихъ, а имущественныя условія. Молодой человѣкъ до своей помолвки обыкновенно не имѣлъ случая познакомиться съ дѣвушкой изъ хорошаго дома [1]).

Рядомъ съ заботами объ умноженіи и наслѣдованіи состоянія рѣшающее значеніе при заключеніи браковъ имѣло также желаніе имѣть здоровое потомство. Въ Спартѣ, гдѣ имущественныя условія играли менѣе значительную роль, а первое мѣсто занимали военныя доблести спартіатовъ, соображенія относительно полового подбора при заключеніи браковъ имѣли большое значеніе. Они оказывали столь сильное вліяніе, что иногда мужъ уступалъ свои супружескія права другому мужчинѣ, который могъ произвести болѣе сильное потомство. Плутархъ сравниваетъ спартанскій бракъ съ коннымъ заводомъ, гдѣ дѣло идетъ только о производствѣ возможно болѣе благородной расы.

Въ виду этого регулированіе властями половыхъ сношеній

---

[1]) Читатель видитъ, какъ ошибочно взваливать на капиталистическій способъ производства обвиненіе въ томъ, что бракъ сталъ денежной сдѣлкой. Охраняемое закономъ единобрачіе было ею издавна: это результатъ частной собственности и права наслѣдованія. Капиталистическій способъ производства, напротивъ, создалъ условія, при которыхъ индивидуальная половая любовь—потребность принадлежать именно опредѣленному индивиду другого пола и никому, данному-же индивиду принадлежать навсегда — могъ стать признаннымъ факторомъ общественной жизни. Но такъ какъ капиталистическій способъ производства оставляетъ въ силѣ и даже усиливаетъ экономическія причины превращающія брака въ денежную сдѣлку, то это этическое воззрѣніе приводитъ не къ устраненію коммерческаго характера брака, а лишь къ стремленію скрыть этотъ характеръ его, къ тому, что вступающіе въ бракъ вынуждены притворяться, будто ихъ дѣйствительно любовь побуждаетъ къ союзу. Мѣсто языческой откровенности заняло христіанское лицемѣріе. Понятно, это относится, главнымъ образомъ, къ бракамъ имущихъ.

согласно съ требованіями полового подбора не представляло для современниковъ Платона ничего ни безсмысленнаго, ни отвратительнаго.

Но уничтоженіе семьи, половой коммунизмъ логически вытекали изъ коммунизма наслажденій. Дѣйствительно, гдѣ всѣ наслажденія должны быть общими, тамъ было бы крайне непослѣдовательнымъ изъять изъ общности сферу, столь важную, такъ глубоко вліяющую на общественную жизнь, какъ половая сфера.

Съ другой стороны, общность женщинъ, половой коммунизмъ не имѣютъ ни малѣйшей логической связи съ требованіемъ общей собственности на *средства производства*, выставленнымъ современнымъ соціализмомъ, — ибо тутъ пришлось бы и женщину причислить къ средствамъ производства [1]).

Но въ другомъ пунктѣ платоновскій коммунизмъ соприкасается съ однимъ требованіемъ современной соціалъ-демократіи. Такъ-же, какъ и она, Платонъ требуетъ равноправности мужчинъ и женщинъ, допущенія этихъ послѣднихъ ко всѣмъ должностямъ (конечно, лишь въ классѣ стражей). Женщины должны принимать участіе даже въ войнѣ. И воспитаніе онѣ должны получать такое-же, какъ и мужчины изъ класса стражей.

„Среди всѣхъ занятій, которыми держится государство, нѣтъ ни одного такого, которое бы приличествовало женщинѣ, какъ женщинѣ, или мужчинѣ, какъ мужчинѣ; природныя способности распредѣлены у нихъ одинаковымъ образомъ и женщина по своей природѣ, такъ-же какъ и мужчина, можетъ принимать участіе во всѣхъ занятіяхъ; но она во всемъ слабѣе мужчины... Такимъ образомъ, пусть жены нашихъ стражей раздѣваются (для занятія физическими упражненіями, какъ мужчины), ибо, вмѣсто одеждъ, онѣ прикроются добродѣтелью, и пусть принимаютъ участіе въ войнѣ и въ управленіи государствомъ, а иного пусть не дѣлаютъ. Но во всѣхъ этихъ занятіяхъ мы дадимъ женщинамъ болѣе легкое, чѣмъ мужчинамъ, ради слабости ихъ пола“ (Книга V, гл. 5 и 6).

Основу общественной и политической равноправности жен-

---

[1]) „Буржуа видитъ въ своей женѣ простое орудіе производства. Онъ слышитъ, что орудія производства должны находиться въ общемъ пользованіи, и, конечно, не можетъ мыслить этого иначе, чѣмъ такъ, что общность должна распространиться и на женщинъ“ (Коммун. Ман.).

щины съ мужчиной составляетъ освобожденіе ея отъ работъ по домашнему хозяйству. Въ платоновскомъ государствѣ это совершается такимъ образомъ, что хозяйственныя работы падаютъ на трудящіеся классы. Пока невозможно было, по крайней мѣрѣ, самыя трудныя изъ этихъ работъ производить машинами, до тѣхъ поръ эмансипація женщины на иныхъ началахъ была недостижимой.

Какъ ни смѣлы всѣ эти идеи Платона, онѣ не съ вѣтра взяты имъ, а имѣютъ реальную подкладку. Мы видѣли уже это относительно одной изъ самыхъ смѣлыхъ идей его, относительно введенія планомѣрнаго подбора въ половыя отношенія. Образецъ, которымъ онъ тамъ руководился, вліялъ на весь ходъ его идей. Этимъ образцомъ была Спарта, какъ мы уже упоминали, самое аристократическое государство Греціи, которое поэтому постоянно пользовалось особенными симпатіями аѳинской аристократіи. Эти симпатіи были столь сильны [1]), что онѣ содѣйствовали пораженію Аѳинъ во время пелопоннесской войны.

Спартанскія симпатіи, которыя питалъ Платонъ, какъ аристократъ, разумѣется, не уменьшились отъ вліянія на него антидемократическихъ тенденцій Сократа.

Среди учениковъ Сократа многіе изъ самыхъ выдающихся и извѣстныхъ были спартанофилами. Ксенофонтъ, закадычный другъ спартанскаго царя Агезилая, принималъ участіе во многихъ походахъ въ спартанскихъ войскахъ; въ битвѣ при Коронеѣ (394) онъ не поколебался даже сражаться въ свитѣ спартанскаго военачальника противъ своихъ согражданъ, аѳинянъ. За это именно онъ и былъ изгнанъ изъ родного города. Алкивіадъ велъ себя въ пелопоннесской войнѣ еще лучше. Онъ, будучи аѳинскимъ военачальникомъ, перешелъ къ спартанцамъ, сталъ у нихъ, такъ сказать, начальникомъ главнаго штаба, сообщилъ имъ всѣ слабыя стороны Аѳинъ и этимъ причинилъ послѣднимъ рядъ крупныхъ пораженій, которыя фактически рѣшили войну, хотя ее затянули еще надолго. И, когда Аѳины были побѣждены, они стали добычею „тридцати тирановъ“, шайки аристократическихъ негодяевъ, кото-

[1]) Онѣ проявлялись въ заговорахъ, измѣнахъ, даже въ убійствахъ выдающихся демократовъ и полководцевъ.

рыхъ спартанцы побѣдители навязали аѳинскому народу, въ качествѣ правителей. Во главѣ этой шайки, которая обогащалась при помощи необузданнаго террора и окончательно разорила надшія Аѳины, стоялъ Критіасъ, тоже ученикъ Сократа.

Это надо имѣть въ виду, если мы желаемъ правильно понять процессъ Сократа.

Въ виду всего этого, мы не должны удивляться, что спартанское государство было той основой, на которую опирался Платонъ при построеніи своего идеальнаго государства. Это можно доказать относительно цѣлаго ряда пунктовъ, однако, приводить эти доказательства здѣсь не мѣсто.

Этимъ, однако, мы не хотимъ сказать, будто Платонъ просто скопировалъ спартанское государство. Для этого онъ былъ слишкомъ философъ и слишкомъ хорошо видѣлъ недостатки, которыми Спарта страдала уже въ его время. Власть и богатства, пріобрѣтенныя Спартой въ пелопоннесской войнѣ и послѣ нея, развратили ее такъ-же, какъ и Аѳины были развращены побѣдами въ персидской войнѣ и ихъ послѣдствіями. Остатки первобытнаго коммунизма, еще сохранившіеся въ Спартѣ, столь-же мало могли предохранить отъ этого, какъ мало руины рыцарскаго замка могутъ защитить отъ современной артиллеріи. Они превратились въ простыя формы. Самое главное значеніе ихъ во времена Платона состояло, можетъ быть, въ томъ, что они дали поводъ изслѣдователю и мыслителю считать коммунистическіе порядки желательными и возможными и изъ началъ, представляемыхъ ими, выработать послѣдовательную систему коммунизма, возможную для его времени,—по крайней мѣрѣ, въ идеѣ.

Понятно, — только въ идеѣ. Платонъ былъ аристократъ, но его аристократическое настроеніе сказывалось лишь въ отвращеніи къ низшимъ массамъ народа, а не въ довѣріи къ членамъ его сословія. Къ этимъ послѣднимъ онъ относился такъ-же недовѣрчиво, какъ и къ первымъ. Грубый милитаризмъ спартанцевъ и ихъ безпощадное грабительство столь же мало были ему по душѣ, какъ и аѳинское господство народа.

Поэтому онъ раздѣлилъ въ своемъ идеальномъ государствѣ высшій классъ на два разряда: воиновъ и правителей. Упра-

влять могли только послѣдніе, но они должны были быть философами. Господство военной аристократіи было въ его глазахъ столь-же гибельнымъ, какъ и господство народа, который въ его время уже въ значительной части состоялъ изъ лохмотниковъ. Лишь одно господство философовъ можетъ обезпечить разумное управленіе государствомъ. „Пока родъ философовъ (ἐγκρατὲς γένηται) не будетъ господиномъ въ государствѣ, до тѣхъ поръ не будетъ конца несчастью ни для государства, ни для гражданъ, и не осуществится тотъ строй, который мы придумали" (Книга VI, гл. В. Ср.—книга V, гл. 18).

Но какъ-же философамъ достигнуть господства въ государствѣ?—Не посредствомъ участія въ политической жизни народа, а такимъ путемъ, что они должны склонить въ пользу своихъ взглядовъ какого-нибудь самодержца (Книга VI, гл. 14) [1]).

Мы уже знаемъ, чего добился Платонъ своей попыткой заинтересовать своими идеями самодержца.

Его судьба была судьбой всѣхъ утопистовъ послѣ него, т. е. всѣхъ тѣхъ, которые стремились къ обновленію госу-

---

[1]) Поразительное открытіе сдѣлалъ новѣйшій изслѣдователь платоновскаго коммунизма, уже упомянутый нами, профессоръ Робертъ Пельманнъ. Онъ объявляетъ, что философскій абсолютизмъ, котораго требовалъ Платонъ, осуществленъ—германской имперіей: „Не есть ли это требованіе—прямо пророческое указаніе на истинно соціальную монархію, какую осуществило прежде всего нѣмецкое государство?" Но кто-же тѣ государственные философы, которые стоятъ выше классовыхъ интересовъ, какъ имущихъ, такъ и неимущихъ? Это—„наши нынѣшніе государственные и общинные чиновники, духовенство, учителя, офицеры" и т. д. „Въ этомъ именно, въ созданіи такого по положенію и настроенію общественнаго слоя, какимъ располагаетъ современное государство и не располагало тогдашнее, Платонъ съ геніальной проницательностью видѣлъ главный и основной вопросъ всякой политики". (R. Pöhlmann, Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus, I, стр. 427 и слѣд.). Мнѣніе, что все историческое развитіе, начиная съ среднихъ вѣковъ, не имѣло иной цѣли, кромѣ предзнаменованія блистательнаго великолѣпія гогенцоллернской династіи и ея государства,—само собою предполагается у нѣмецкаго профессора исторіи. Но углубляться для этого въ сѣдую древность и дѣлать Платона застрѣльщикомъ прусскаго юнкерства и бюрократіи — на это все-таки до г. Пельманна никто не рѣшался.

Что нѣмецкій ученый съ самой торжественной миной можетъ надѣть на греческаго мудреца прусскую каску и не погибнуть приэтомъ подъ бременемъ насмѣшекъ,—это очень характерно для нынѣшней нѣмецкой исторической науки и ея публики.

дарства и общества и не находили нужныхъ для этого факторовъ въ самомъ обществѣ; они должны были возлагать свои упованія на какой-нибудь актъ великодушнаго произвола политическаго или финансоваго властелина, философствующаго государя или философствующаго милліонера.

Во времена Платона въ государствахъ, извѣстныхъ ему, уже не было такого слоя народа, отъ котораго можно было бы ожидать возрожденія государства. Все было гнило и расшатано и идея единодержавія, какъ послѣднее средство спасенія государства, уже являлась даже въ головахъ республиканцевъ. Ксенофонтъ, соученикъ Платона, написалъ политическій романъ: „Киропэдію", въ которой прославляется благополучіе владычества хорошо-воспитаннаго государя.

Вскорѣ послѣ Платона философы начали видѣть въ единодержавіи средство уже не къ тому, чтобы доставить имъ господство въ государствѣ, а лишь къ тому, чтобы избавить ихъ отъ тягостныхъ заботъ о государственныхъ дѣлахъ. Разложеніе государства отражается и въ общемъ сознаніи. Теперь уже не общество занимаетъ философовъ, а ихъ собственное „я". Они ищутъ уже не наилучшаго государственнаго устройства, а наилучшаго способа достиженія индивидомъ блаженства собственными силами.

Постепенно развивается атмосфера, изъ которой выходитъ христіанство.

НАПОЛЕОНЪ I.

Историко-біографическій очеркъ.

(*Продолженіе*).

XX. Новая форма правленія.

Затишье. — Конституція VIII-го года. — Сіэйсъ и „откармливаемая свинья“.—„Великая жертва“.—Похищенное консульство.—Конституція X-го года.

Казалось, французы не ошиблись. Консульство — эпоха проявленія лучшихъ сторонъ генія Бонапарта: тогда онъ добился осуществленія идеаловъ революціи, насколько дозволяли обстоятельства и его собственное властолюбіе. Богъ войны превращался въ ангела мира. Онъ даже, казалось, великодушно сходилъ съ своего величаваго, достославнаго поприща: обѣ знаменитыя арміи, рейнская и итальянская, были предоставлены его доблестнымъ сподвижникамъ—Моро и Массенѣ. Тогда же, съ замиреніемъ вандейцевъ и успокоеніемъ голландцевъ, были сокращены арміи западная и батавская.

Бонапартъ — какъ было заявлено и въ газетахъ — смѣнилъ генеральскій мундиръ на гражданскій сюртукъ. Онъ лично написалъ Георгу III: „Неужели-же вѣчно быть войнѣ, уже десять лѣтъ опустошающей четыре части свѣта? Какъ это двѣ просвѣщеннѣйшія націи въ Европѣ, могущественныя больше, чѣмъ нужно для ихъ безопасности и независимости, жертвуютъ благами торговли, внутреннимъ процвѣтаніемъ, семейнымъ счастьемъ идеѣ суетнаго величія? И не чувствуютъ онѣ, что миръ—

вотъ первая потребность и лучшая слава". Въ томъ-же годѣ писалъ Бонапартъ императору Францу; а императору Павлу I онъ послалъ безъ обмѣна до 7.000 русскихъ плѣнныхъ, обмундировавъ ихъ съ иголочки, и предложилъ обложенную англичанами Мальту. Эра мира, казалось, охватывала вселенную. Бонапартъ заключилъ торговый договоръ съ Соединенными Штатами Америки: онъ геніально провидѣлъ въ нихъ мощнаго соперника Англіи.

И Бонапартъ взялся нетерпѣливою, но смѣлою и твердою рукой за богатырскую задачу—вдругъ создать внутреннее строеніе Франціи, когда кругомъ были однѣ развалины государства и общества, когда въ умахъ господствовала смута, а въ казнѣ—пустота, когда въ Вандеѣ еще пылалъ мятежъ, а разбитыя войска республики дрожали передъ объединенною гнѣвомъ Европой. Закипѣла работа, которая изумила свѣтъ и вызвала всеобщее подражаніе. Консульство — эпоха *Наполеона-правителя*, законодателя. Тогда-то совершились тѣ великія реформы, которыя соотвѣтствовали битвамъ у Маренго и Гогенлиндена, по широтѣ замысла, по быстротѣ исполненія и по духу цезаризма, но превзошли ихъ по прочности великихъ послѣдствій. Тогда родилась новая Франція, которая и теперь живетъ основами, подведенными Наполеономъ подъ ея внутреннее строеніе. Щупая эти основы, историкъ проститъ Наполеону выраженіе: „Генрихъ IV, это я!" И задумается онъ надъ его словами: „Чтобы имѣть право пользоваться службой народовъ, нужно, прежде всего, хорошо служить имъ".

Черты новой Франціи ясны уже въ томъ государственномъ уложеніи, которымъ была установлена новая форма правленія, названная классическимъ именемъ *консульства*, но служившая переходомъ отъ республики къ имперіи.

Эта, четвертая въ эпоху революціи, *конституція VIII-го года* лишь по формѣ носила еще республиканскій характеръ своего творца, мечтателя „цареубійцы", Сіэйса. Именно въ ней проглядываетъ господствовавшее тогда у французовъ стремленіе оградить себя отъ всякихъ диктатуръ, — какъ красныхъ, такъ и бѣлыхъ, посредствомъ безконечнаго раздѣленія—вѣрнѣе, раздробленія власти. Но самъ Сіэйсъ былъ уже не прежній великій мужъ, молчаніе котораго Мирабо называлъ „общественнымъ бѣдствіемъ", теперь Талейранъ называлъ его уже „умомъ болѣе пустымъ, чѣмъ глубокимъ". Сіэйсъ давно уже молчалъ, безъ вреда для Франціи—потому, что ему

нечего было сказать. Сама конституція VIII-го года была написана, можно сказать, лишь „по Сіэйсу“ [1]).

А главное, Сіэйсъ уже былъ рабомъ Бонапарта. Мы уже приводили его наивное сознаніе послѣ перваго засѣданія консуловъ. Оно было плодомъ первой полученной головомойки. Замѣтивъ, что „его философъ“ высиживаетъ „метафизику“, т. е. хлопочетъ объ ограниченіи власти перваго консула, Наполеонъ прикрикнулъ: „Кто, по-вашему, эта низкая тварь, которая согласится на такое обезьянство? А Ляфайету онъ сказалъ: „Видите ли! Сіэйсъ вездѣ понаставилъ однѣ тѣни. Нужно-же было ввести сколько-нибудь сущности: и, ей-ей, я ввелъ ее“. Онъ самъ, въ своей гостиной, продиктовалъ поправки, изуродовавшія первоначальную конституцію VIII года. А Сіэйсъ получилъ хорошее помѣстье. И когда онъ скончался, лѣтъ 37 спустя, всѣ спрашивали: „Да развѣ онъ теперь только умеръ?“

То-же произошло съ третьимъ товарищемъ по консульству — съ Дюко. Исполнилось предвѣщаніе одной пріятельницы Жозефины: „Щука сожретъ двухъ рыбокъ“.

Въ конституціи VIII-го года уже не было и помину ни объ Объявленіи Правъ, ни о свободѣ печати и сходокъ, ни о прошеніяхъ скопомъ. У „державнаго“ народа почти отнималось даже избирательное право: онъ избиралъ только „именитости“ (notabilités) — общинную, департаментскую и національную — которыя составляли $^1/_{10}$ всѣхъ избирателей. Уже изъ именитостей выходили всѣ власти, но онѣ назначались частью первымъ консуломъ, частью его покорнымъ сенатомъ: только присягали они конституціи [2]). Нація утрачивала даже тѣ слѣды мѣстнаго самоуправленія, которыми пользовалась предъ революціей. Это означало, по Сіэйсу, пирамиду, въ основаніи которой лежало „довѣріе“, а на вершинѣ — „власть“.

---

[1]) Ее набросалъ Boulay de la Meurthe.

[2]) Присяги мѣнялись во время революціи даже чаще конституцій, и въ нихъ выражались злобы дня. Вотъ онѣ: Въ 1791 году: „Клянусь быть вѣрнымъ націи, закону и королю и всѣми силами сохранять конституцію королевства, изданною національною учредительницей“. Въ 1792 г. было прибавлено: „клянусь сохранять свободу и равенство или умереть, защищая ихъ“. Въ 1797 году клялись „ненавидѣть королевскую власть и анархію, а сохранять вѣрность и приверженность къ республикѣ и конституціи III-го года“. Въ 1799 г.: „клянусь быть вѣрнымъ республикѣ и конституціи III-го года и всѣми силами противиться возстановленію во Франціи королевской власти и всякаго рода тираній“. Въ 1800-мъ году: „Обѣщаю быть вѣрнымъ конституціи“. Наконецъ, въ 1804 году: „Клянусь повиноваться учрежденіямъ имперіи и сохранять вѣрность императору“.

Высшее проявленіе власти, законодательство, совсѣмъ ускользало изъ рукъ народа и представляло верхъ путаницы, столь выгодной для диктатуры [1]). Премудрый Сіэйсъ разбилъ ее по вопросамъ, словно книгу по главамъ. *Государственному совѣту*, органу правительства, предоставлялась „апологія“ (восхваленіе, т. е. починъ) законовъ, *трибунату* (100 членовъ)—ихъ „критика“, *законодательному корпусу* (300 человѣкъ)—„судъ“ надъ ними,—судъ молчаливый, тайнымъ голосованіемъ. Во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ засѣданія должны были происходить при закрытыхъ дверяхъ, и обнародованіе ихъ работъ зависѣло отъ воли правительства.

Выше стоялъ еще *сенатъ* (80 членовъ), какъ „національный великій судъ присяжныхъ“ и „охранитель“ конституціи. Это былъ своего рода кассаціонный судъ въ политикѣ и архи-избиратель. Онъ имѣлъ право запрета (veto), т. е. отмѣнялъ законы, впрочемъ, лишь по предложенію правительства или трибуната, а также избиралъ консуловъ, трибуновъ, законодателей и высшихъ судей. Сенаторы были пожизненны и безсмѣнны; ихъ назначали сначала консулы, потомъ они пополнялись сами. Члены всѣхъ четырехъ учрежденій получали очень крупные оклады и пользовались великими почестями.

Исполнительная власть вручалась тремъ консуламъ, которые назначались на 10 лѣтъ и могли быть вновь избираемы. На первый разъ сама конституція назначила первымъ консуломъ Бонапарта, а его товарищами—даже не Сіэйса, котораго устранили, а такія ничтожества, какъ бывшій царедворецъ и секретарь канцлера Людовика XVI, 60-лѣтній финансистъ Лебренъ, да „цареубійца“, проводившій въ конвентѣ коммунистическія мѣры, Камбасересъ. Послѣдній былъ извѣстный законовѣдъ, но готовый на все карьеристъ, умѣвшій придавать важный видъ всякимъ низостямъ: Наполеонъ далъ ему потомъ домикъ, приносившій около полумилліона фр. дохода.

Эти господа заботились только объ удовлетвореніи своего тщеславія и алчности, тогда какъ Бонапарту досталась власть. Онъ получалъ полмилліона фр. въ годъ.

---

[1]) Тутъ, напримѣръ, одинъ отдѣлъ о составленіи списковъ мудреныхъ именитостей состоялъ изъ 124 статей! Вся эта неуклюжая конституціонная механика до того запутана, что такой знатокъ дѣла, какъ *Минье* (Mignet), составилъ, для ея уразумѣнія, особый чертежъ. Желающіе найдутъ его въ его „Histoire de la Revolution française“, переведенной и на русскій языкъ.

Онъ обнародывалъ законы, назначалъ и увольнялъ „по своей волѣ“ государственныхъ совѣтниковъ, всѣхъ провинціальныхъ чиновниковъ, офицеровъ арміи и флота, наконецъ, судей — кромѣ мировыхъ, избиравшихся народомъ. Онъ даже распоряжался казной, которая во всѣхъ прежнихъ конституціяхъ предоставлялась особымъ комиссарамъ, независимымъ отъ исполнительной власти. Лишь „въ другихъ дѣлахъ правленія“ его товарищи пользовались голосомъ, да и то „совѣщательнымъ“: оба консула, гласила конституція, „подписываютъ бумаги, въ удостовѣреніе своего присутствія; но достаточно рѣшенія перваго консула“. Министры считались отвѣтственными передъ законодателями, но только по предложенію государственнаго совѣта, который одинъ судилъ всякихъ чиновниковъ.

Четвертая конституція была отрицаніемъ революціи и народовластія: подъ личиной республики, она полагала основы цезаризма съ могучей централизаціей. А ее представили французамъ, какъ „закончившій революцію“ идеалъ, „покоющійся на истинныхъ началахъ представительства, на священныхъ правахъ собственности, свободы и равенства“. Правда, еще чувствовали необходимость считаться съ націей эпохи Просвѣщенія: рѣшили „тотчасъ представить конституцію на усмотрѣніе французскаго народа“; но устроили *плебисцитъ* такъ, что каждый гражданинъ голосовалъ въ одиночку, молчаливо и открыто представляя свое „да“ или „нѣтъ“. И еще до плебисцита издали законъ о вступленіи новаго уложенія въ силу: Бонапартъ тотчасъ назначилъ новыхъ чиновниковъ, подготовлявшихъ самую голосовку.

Въ то-же время старались показать милость ко всѣмъ партіямъ, а республиканцевъ увѣряли, что „ни суевѣріе, ни роялизмъ не возрадуются отъ 18-го брюмера“. Спокойствіе, порядокъ — этихъ-то благъ и жаждало измученное бурями общество: ради нихъ оно готово было простить доблестному генералу восемнадцатое брюмера, которое скорѣе ошеломило, чѣмъ разгнѣвало французовъ, видѣвшихъ столько „деньковъ“ со стороны и толпы, и правительства. Къ тому-же въ Парижѣ якобинство сошло со сцены уже съ 1795 г.; на югѣ-же попытки „идти на узурпаторовъ-тирановъ“ принадлежали лишь издыхавшей кучкѣ террористовъ. А сильная умомъ и деньгами буржуазія радовалась: въ ея дарованіяхъ нуждалось новое строеніе государства. Цѣнныя бумаги поднялись почти вдвое. И плебисцитъ далъ болѣе 3 милліоновъ „да“

противъ 1½ тысячи „нѣтъ". Первые принадлежали интеллигенціи и огромному большинству республиканцевъ.

Но и такая власть не удовлетворяла Бонапарта: не прошло трехъ лѣтъ, какъ разразился новый „государственный ударъ". Наполеонъ воспользовался, съ одной стороны, новыми побѣдами и амьенскимъ миромъ, съ другой — какимъ-то неисполненнымъ заговоромъ, подстроеннымъ полиціей. До сановниковъ начали доходить внушенія насчетъ необходимости „наградить" и „охранить" высокую особу. Они словно не понимали, въ чемъ дѣло. Наконецъ, трибунатъ, на который особенно насѣдалъ Камбасересъ, рѣшилъ преподнести Бонапарту почетную награду—вродѣ званія „Умиротворителя" или „Отца Отечества". Тогда обратились къ болѣе покладистому сенату, внушая ему мысль о пожизненномъ консульствѣ. Но эти отцы отечества предложили лишь продлить консульство еще на десять лѣтъ.

Бонапартъ впалъ въ ярость, которую, говорятъ, смягчилъ только Люсьенъ. Онъ сухо поблагодарилъ сенаторовъ и прибавилъ, что сама нація должна рѣшить— слѣдуетъ ли ему принести требуемую „жертву". А для опредѣленія жертвы обратились къ вѣрному государственному совѣту, который догадался предложить пожизненное консульство. Бонапартъ опять разгнѣвался, но лишь напоказъ: онъ даже выбранилъ совѣтниковъ. Но они настаивали—и онъ согласился на жертву. Сенатъ хотѣлъ было протестовать, но увидѣлъ, что „пока" ничего не подѣлаешь. Трибунатъ и законодательный корпусъ, по преданію (протоколы ихъ голосованія пропали), согласились почти единодушно. Впрочемъ, они прибавили просьбу, чтобы „управленіе шло путемъ свободы". Зато сенатъ поспѣшилъ исправить свою ошибку. Онъ предоставилъ Бонапарту не только право назначить себѣ преемника, но и королевскую привиллегію помилованія. Въ его постановленіи было сказано еще: „Статуя Мира, съ побѣднымъ лавромъ въ одной рукѣ, съ указомъ сената въ другой, будетъ свидѣтельствовать потомству о признательности націи".

Но голосъ націи долженъ быть слышенъ. Бонапартъ самъ пожелалъ узнать ея мнѣніе насчетъ такой „жертвы" съ его стороны. Онъ не ошибся: 2-го августа 1802 года плебисцитъ далъ 3½ милл. „да" и лишь около 8000 „нѣтъ" въ пользу *пожизненнаго консульства*.

Тотчасъ-же законодательныя учрежденія лишились послѣднихъ слѣдовъ независимости. Они достигли того идеала, который носился въ воображеніи Бонапарта уже

года за три передъ тѣмъ, когда онъ писалъ Талейрану о „корпусѣ законодателей безъ страстей, безъ глазъ и ушей для всего, что ихъ окружаетъ".

Трибунатъ былъ сокращенъ до 50 членовъ и присоединенъ къ государственному совѣту; и оба они могли разсуждать уже только о налогахъ да о гражданскихъ законахъ, притомъ всего одинъ или полтора мѣсяца въ году. Государственный совѣтъ, это начальное учрежденіе по замыслу, пережившее всѣ политическія бури до нашихъ дней, превратился въ простое орудіе власти: подлѣ него поставили назначаемый первымъ консуломъ и лично имъ руководимый *частный совѣтъ*, изъ министровъ и сановниковъ, который обсуждалъ всѣ вопросы высшей политики. Съ сенатомъ была сыграна восхитительная шутка. Онъ сталъ превосходнымъ тираномъ цезаризма. По внѣшности, то былъ знаменитый представитель республики древняго Рима, „сенатусъ-консульты" (рѣшенія) котораго не смѣли обсуждать центуріатныя комиссіи (вѣча), хотя онѣ и утверждали ихъ. Казалось, это сонмъ сто-двадцати отцовъ отечества, изъ которыхъ каждому было не менѣе сорока лѣтъ. Сенаторы не только „объясняли тѣ статьи конституціи, которыя подавали поводъ къ разнымъ толкованіямъ", но и „установляли все, что не предусмотрѣно уложеніемъ, но необходимо для его хода". Они могли даже объявлять извѣстные департаменты „внѣ конституціи", т. е. вводить осадное положеніе. Они распоряжались законодательными палатами и судами. Но всю эту страшную власть сенатъ пускалъ въ ходъ лишь по почину правительства. Наполеонъ лично предсѣдательствовалъ въ немъ; а сенатусъ-консульты изготовлялись частнымъ совѣтомъ. Сенатъ пополнялся кандидатами Бонапарта, который еще самъ назначилъ сорокъ его новыхъ членовъ. Для самыхъ покорныхъ изъ нихъ были учреждены казенныя „сенаторіи"—синекуры съ доходными землями.

Наконецъ, державность націи была нарушена въ корнѣ замѣной, въ важнѣйшихъ случаяхъ, всеобщей подачи голосовъ имущественнымъ цензомъ и уничтоженіемъ выборныхъ должностей. Для этого были отмѣнены даже „именитости",—какъ мѣра слишкомъ демократическая! Ихъ замѣнили „кантональными собраніями", которыя и выбирали, пожизненно, по 200—300 человѣкъ въ окружныя и департаментскія „избирательныя коллегіи", создавая своего рода олигархію. И эти собранія уже не назначали сами мировыхъ судей, а лишь представляли кандидатовъ на усмотрѣніе правительства.

Княжна Тараканова — Флавицкаго.

Вся эта политическая махинація такъ смахивала на военную хитрость и такъ важна, что ее называютъ и новымъ „государственнымъ ударомъ“, и пятою конституціей или *конституціей X-го года.* Теперь доказано, что Бонапартъ самъ продиктовалъ ее своему секретарю Бурьену и поправлялъ собственноручно. Говорятъ даже, что сенатъ былъ окруженъ гренадерами въ ту минуту, когда это произведеніе рукъ безстрашнаго генерала превращалось въ „органическій сенатусъ-консультъ конституціи“.

Какъ бы то ни было, дѣло было сдѣлано. И Бонапартъ воскликнулъ, узнавъ о плебисцитѣ: „Жизнь каждаго гражданина принадлежитъ отечеству! Французскій народъ желаетъ, чтобы моя жизнь была вся посвящена ему. Повинуюсь его волѣ. Вручая мнѣ новый и вѣчный залогъ своего довѣрія, онъ возлагаетъ на меня обязанность утвердить строй его законовъ на основѣ предусмотрительныхъ *учрежденій*“.

Цѣлью этихъ учрежденій было—„охранить свободу и равенство отъ капризовъ судьбы и загадочности будущаго“. Въ то-же время слышали, какъ Бонапартъ сказалъ: „Вотъ я и на одной высотѣ съ другими монархами Европы: вѣдь, и они, въ сущности, лишь пожизненны! Такъ и слѣдуетъ: было бы неладно, если бъ смѣлость человѣка, направляющаго политику всей Европы, была шатка или хоть казалась такою!“ А въ одномъ наказѣ Талейрана французскимъ дипломатамъ уже упоминалось о „возстановленіи Западной Римской имперіи“.

Первая часть обѣщанія была сдержана. Бонапартъ самоотверженно отдалъ всего себя на служеніе государственному дѣлу, и прежде всего именно на созданіе новыхъ учрежденій. Міръ, съ „лѣнивыми королями“ во главѣ, былъ пораженъ своего рода итальянскою кампаніей на полѣ гражданственности. Здѣсь-то этотъ мечтатель величія оказался самымъ „реальнымъ политикомъ“. Тутъ-то видно, какъ онъ все создавалъ изъ данныхъ и требованій дѣйствительности: его творчество состояло только въ удивительномъ дарѣ быстро связывать, упорядочивать ихъ и стройно пускать въ жизненный ходъ. Втеченіе 1801 года талантливые, ревностные члены государственнаго совѣта, среди которыхъ были и рьяные дѣятели революціи, и опытные дѣльцы „стараго порядка“, защитили всю Францію: они собирали драгоцѣннѣйшія наблюденія, дѣлали небывалыя изслѣдованія всѣхъ сторонъ народнаго благоденствія.

XXI. Именитый правитель. Законы.

Послѣдователь Вашингтона. — Кодексъ-Наполеонъ. — „Великая хартія XIX-го вѣка“.

Голова могла закружиться отъ одного вопроса: съ чего начинать? Франція представляла собой великую кучу развалинъ. Рухнула вся государственная машина; развалился общественный строй. Смута царствовала въ умахъ, а въ Вандеѣ еще вспыхивали зловѣщіе проблески „стараго порядка“. Изъ-за границы раздавались глухіе раскаты грома: австрійцы собирались вторгнуться во Францію. А здѣсь не знали, сколько войскъ подъ рукой, гдѣ они, чѣмъ живутъ? И въ казнѣ было на-лицо всего 150.000 франковъ! Низшіе чиновники голодали, не получая жалованья уже съ полгода. Шайки разбойниковъ пошаливали подъ самымъ Парижемъ. Изъ провинціальныхъ городовъ доносили: „Нѣтъ ни полиціи, ни фонарей, ни мостовыхъ, ни чистоты; въ госпиталяхъ нѣтъ хлѣба; каждую ночь разбитыя лавки“. И ни откуда не предвидѣлось помощи. Среди десятилѣтнихъ ужасовъ междоусобія, казалось, изсякла сама народная сила. Общества какъ бы не было: избитое, истомленное, разочарованное, оно боялось всякаго новаго движенія и готово было простить всякій государственный ударъ, лишь бы ему дали покой и прочный порядокъ.

Но это-то и было на руку крупной, властительной и даровитой личности, которая только ждала простора. Бонапартъ не испугался страшной задачи. „Вотъ мы и въ Тюльери; тутъ и нужно оставаться!“ весело сказалъ онъ своему Бурьену, переѣхавъ во дворецъ въ началѣ 1800 года. И новый вѣкъ увидалъ труженика-исполина, который могъ поспорить въ рвеніи и величіи замысловъ съ нашимъ несравненнымъ „работникомъ на тронѣ“. Тогда-то Наполеонъ работалъ по 14 часовъ въ сутки, окруживъ себя ловко выбранными, даровитыми, столь-же неутомимыми сотрудниками. Лишь вечеркомъ, ошалѣвъ отъ работы, выходилъ онъ, съ двумя-тремя наперсниками, въ дворцовый садъ или бродилъ по лавкамъ, присматриваясь къ житейскому муравейнику. Да по воскресеньямъ уѣзжалъ онъ вздохнуть къ своей Жозефинѣ, въ Мальмезонъ (6 верстъ отъ Парижа), гдѣ ласкалъ Гортензію и Евгенія Богарнэ или игралъ съ дѣтьми въ чехарду, а больше ходилъ, съ руками за спиной, въ молчаливомъ размышленіи.

Консулъ искалъ славы мирнаго правителя и разсчетливаго хозяина. Многіе его портреты той поры напоминаютъ „Скупца“ Мольера. Его „Правительственный

Дворецъ" (такъ переименовалъ онъ Тюльери) украсился статуями великихъ людей, среди которыхъ видимъ Катона, Брута, Мирабо, въ особенности-же Вашингтона. Случившаяся наканунѣ новаго вѣка смерть Вашингтона, этой красы и совѣсти человѣчества, была почтена, какъ нигдѣ.

Французская армія облеклась въ трауръ, и было повелѣно ежегодно чествовать этотъ день. Оффиціальный ораторъ Фонтанъ воскликнулъ всенародно: „Да, Вашингтонъ, твои завѣты будутъ услышаны! Ты соединялъ въ себѣ воина, законодателя, администратора. Тотъ, кто въ юности превосходилъ тебя на поляхъ битвъ, послѣдуетъ твоему примѣру!"

Бонапартъ превзошелъ свой образецъ и на гражданскомъ поприщѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, довольно вспомнить одно только коренное дѣло, которое было обѣщано уже въ воззваніи къ народу о 18-мъ брюмера и тянулось все время, послуживъ блестящимъ завершеніемъ консульства. Мы говоримъ о *Кодексѣ-Наполеонѣ*,— объ этомъ гражданскомъ подвигѣ, имѣвшемъ такое долгое и міровое вліяніе, что его одного было бы достаточно для увѣковѣченія этого имени. Это сознавалъ самъ его творецъ, сказавшій на о. св. Елены: „Моя истинная слава—не сорокъ выигранныхъ битвъ: одно Ватерлоо изглаживаетъ воспоминаніе о столькихъ побѣдахъ! Но что никогда не забудется, что будетъ жить вѣчно, это—мой гражданскій кодексъ". Наполеонъ имѣлъ право сказать такъ и потому, что этотъ кодексъ гораздо болѣе былъ его собственнымъ созданіемъ, чѣмъ знаменитая основа европейскаго законовѣдѣнія—Юстиніановъ кодексъ. Онъ многое продиктовалъ самъ, работая надъ своимъ Сводомъ въ государственномъ совѣтѣ цѣлыми мѣсяцами по десяти часовъ кряду. Этотъ, самый молодой изъ всѣхъ, военный возвышался надъ заматерѣлыми предразсудками и окаменѣлыми „системами". Онъ выводилъ даже болѣе даровитыхъ изъ путаницы огромнаго, противорѣчиваго матеріала, сообщая дѣлу отличія своего ума—простоту, ясность, краткость, цѣлесообразность. Онъ ловко заставлялъ сонмъ извѣстныхъ законовѣдовъ высказываться вполнѣ и отчетливо. Онъ съ великой быстротой дѣлалъ блестящія заключенія, извиваясь между спиритуализмомъ Порталиса и матеріализмомъ Камбасереса. Чтобы понять тутъ личную роль Наполеона, нужно читать восторженныя воспоминанія такихъ мастеровъ дѣла, какъ Редереръ, притомъ слышавшихъ Мирабо и Барнава.

Кому неизвѣстно, что значитъ наладить такое мудре-

ное и великое дѣло народной жизни, какъ сводъ *гражданскихъ* законовъ? А ужъ особенно намъ, русскимъ! У насъ уже Петръ I, въ 1700 году, приказалъ боярамъ „сидѣть у Уложенія“: потомъ разныя комиссіи для Уложенія, не исключая „Большой“, почти не прерывались втеченіе всего 18-го вѣка, пока-то мы доросли, въ 1833 году, до какого ни на есть Свода. И теперь ужъ съ какихъ поръ сидимъ мы у исправленія этого Свода! Мы-то вполнѣ можемъ оцѣнить такое чудо: Кодексъ-Наполеонъ былъ изготовленъ въ четыре мѣсяца, а черезъ его обнародовали, послѣ дѣльныхъ поправокъ, по указаніямъ высшихъ судовъ и законодательныхъ палатъ (мартъ 1804)! И тутъ всего 36 отдѣловъ и 2281 статья, выраженныхъ коротко и ясно, безъ заковыкъ повытчика; а они принимаютъ человѣка отъ колыбели и слѣдуютъ за нимъ до гробовой доски во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ.

Въ этой-то, можно сказать военной простотѣ и быстротѣ отразилась личность Бонапарта. Въ сущности-же, мы и здѣсь должны настаивать на нашемъ взглядѣ, какъ при оцѣнкѣ всѣхъ крупныхъ шаговъ нашего героя. Наполеонъ и въ своемъ кодексѣ былъ лишь отголоскомъ исторической потребности, завершителемъ дѣла не только сознаннаго, но и подготовленнаго раньше.

Уже „старый порядокъ“ задыхался въ тѣхъ законодательныхъ текстахъ, которыя сплетались изъ „обычаевъ“ (coutumes) германцевъ и норманцевъ на сѣверѣ Франціи и „писаннаго“ (римскаго) права (droit écrit)—на югѣ, не говоря уже о кучѣ королевскихъ „ордоннансовъ“ (указовъ) и парламентскихъ рѣшеній. Канцлеръ Людовика XVI Мoту замышлялъ переработку всего этого хлама. Революція четыре раза бралась за „кодификацію“,—конечно, неудачно, при мимолетности ея правительствъ. Но нужно удивляться, какъ много успѣла она сдѣлать: коренныя начала реформы были уже намѣчены; а подъ конецъ конвенту былъ представленъ Камбасересомъ весь ея планъ, который и легъ въ основаніе работы Бонапарта.

Сила Кодекса-Наполеонъ, его неотразимое вліяніе на весь новый вѣкъ коренятся именно въ этой связи съ непосредственно прошлымъ. Онъ покоится на такихъ перлахъ просвѣщенія, человѣчности, справедливости, какъ равенство всѣхъ передъ закономъ, полное освобожденіе личности и труда отъ оковъ феодализма, вѣротерпимость—до полноправія евреевъ, облагороженіе семьи путемъ гражданскаго брака, развода и равенства въ

наслѣдствѣ между дѣтьми всѣхъ возрастовъ и обоего пола. Уже этотъ общій духъ, протекающій по всему Кодексу, не позволяетъ назвать его „компиляціей римскаго и обычнаго права", какъ выразился трибунатъ, этотъ ярый и, такъ сказать, присяжный критикъ Бонапарта.

Такой спѣшный трудъ, конечно, не могъ быть совершенствомъ. Но для его критики нужно возвыситься надъ точкой зрѣнія педантовъ-казуистовъ. Тутъ бѣда не въ недостаткѣ „систематичности" и „научности". Историкъ видитъ въ Кодексѣ опять неизбѣжную связь съ прошлымъ, даже слишкомъ далекимъ. И требованія общества, и дипломатія съ экономикой, и отчасти личное положеніе Бонапарта взывали къ первымъ попыткамъ „реставраціи" стараго порядка. Явственно стремленіе законодателя къ возстановленію расшатанной семьи и собственности, впадавшее иногда въ другую крайность. Отсюда такія суровыя мѣры, какъ гражданская смерть, конфискація, рабство въ колоніяхъ, крайнее возвышеніе родительской власти. Въ особенности отстаивалась собственность. Она освобождалась отъ послѣдняго ограниченія во имя общаго блага: Бонапартъ возстановилъ право завѣщанія, несмотря на упорное сопротивленіе трибуната. Зато онъ не могъ отстоять передъ палатами развода „по несходству нрава"—этого крайняго либерализма, овладѣвшаго имъ въ виду отношеній къ Жозефинѣ [1]). Эти два факта—не яркія ли знаменія времени!

Въ виду привычки у насъ преклоняться предъ сосѣдними авторитетами въ наукѣ, считаемъ умѣстнымъ еще разъ указать на необходимость исторической точки зрѣнія при оцѣнкѣ такихъ явленій, какъ Кодексъ-Наполеонъ. Знаменитый основатель „исторической школы" въ правовѣдѣніи, нѣмецъ Савиньи, назвалъ его „болѣз-

---

[1]) Личная выгода въ этомъ случаѣ ясна. Бонапартъ такъ заботился объ упроченіи семьи, что вообще не благоволилъ разводу, который считался тогда ея подрывомъ. Конституція 1791 года гласила: „Законъ считаетъ бракъ лишь гражданскимъ договоромъ". Законы 1792 года дополнили это правило установленіемъ семи обычныхъ причинъ развода, съ прибавкой, что онъ допускается и просто по взаимному согласію. Они признавали даже за каждымъ изъ супруговъ право расторгнуть бракъ путемъ „простой ссылки на несходство нравовъ или характеровъ". И въ этомъ случаѣ, какъ и при взаимномъ согласіи, дѣло обходилось безъ суда: просто, на семейномъ собраніи, гражданскій чиновникъ объявлялъ расторженіе брака. Наконецъ, дозволялось разведеннымъ возобновлять бракъ, по истеченіи года. Въ Кодексѣ-Наполеонъ эти девять случаевъ развода сокращены до четырехъ, и всѣ требовали участія суда; возобновленія брака не допускалось. Значеніе развода, какъ знаменія времени, видно изъ того, что въ числѣ первыхъ реакціонныхъ мѣръ, при реставраціи, была его отмѣна (1816 г.).

неннымъ" политическимъ признакомъ. Оставимъ въ сторонѣ націонализмъ, который уже овладѣвалъ нѣмцами во время реставраціи. Замѣтимъ только, что исторія должна быть нелицепріятна. Воздавъ великому нѣмецкому юристу должное за вѣрный методъ, внесенный имъ въ науку, показывающій, какъ „развивалось" государство на дѣлѣ, а не по фантазіи Руссо, она обязана напомнить его роль въ развитіи „прусскаго" государства. Савиньи запнулся на послѣдней ступени эволюціи, признавъ свой день завершеніемъ пирамиды и послуживъ опорой извѣстному ученію Гегеля о разумности дѣйствительнаго. Онъ назвалъ конституцію вреднымъ скачкомъ отъ общиннаго самоправленія. Мудрено ли, что онъ проглядѣлъ тѣ основы Просвѣщенія въ Кодексѣ-Наполеонъ, на которыя мы указали выше?

Жизнь вѣрнѣе оцѣнила это „болѣзненное" явленіе. Французы не только гордятся этою „Великою хартіей XIX-го вѣка" [1]), уже какъ образцомъ законодательной формы, но и чувствуютъ къ нему признательность: онъ объединилъ ихъ, устранивъ даже юдофобство почти на цѣлый вѣкъ; онъ укрѣпилъ ихъ общественный строй, выдержавшій съ тѣхъ поръ не мало бурь. Остальные народы нашли, что безъ этого Кодекса нельзя жить, — обстоятельство, которому помогла, какъ и Корану Магомета, самая его „компилятивность". Кодексъ-Наполеонъ отразился болѣе или менѣе всюду, даже у насъ, въ твореніи Сперанскаго. Французы вправѣ сказать о немъ, какъ Лафайетъ о трехцвѣтной кокардѣ, что онъ обошелъ міръ. При Наполеонѣ онъ былъ введенъ во французскихъ колоніяхъ, и въ Италіи, Голландіи и ганзейскихъ городахъ, въ Вестфаліи, Баденѣ, Нассау, Данцигѣ и Франкфуртѣ, въ Швейцаріи, великомъ герцогствѣ Варшавскомъ и въ Иллирійскихъ провинціяхъ. Въ 1825 году Кодексъ былъ принятъ въ Луизіанѣ, въ 1826—на Гаити, въ 1830—въ Бельгіи, въ 1841—на Іоническихъ островахъ, въ 1845—въ Боливіи, въ 1864—въ Румыніи, въ 1866—въ новой Италіи, въ 1868—на Таити, въ 1880—въ С. Сальвадорѣ.

---

[1]) Выраженіе знатока гражданскаго Наполеона, Блана. Blanc: Napoléon I, ses institutions civiles et administratives, p. 165.

XXII. Практика законовъ и цезаризмъ.

Современная юстиція.—„Специальные“ суды.—„Очищеніе разлагающихъ учрежденій“.—„Мерзкія насѣкомыя“ и „евнухи законодательства“.

Законы и ихъ жизненная практика—двѣ вещи разныя. Сплошь и рядомъ „законы святы, да исполнители—лихіе супостаты“. Отсюда постоянное противорѣчіе между правовѣдами и историками. Примѣръ перваго консула отлично показываетъ, какъ необходимо провѣрить одну сторону другою. Обрисуемъ исполненіе его знаменитаго Свода. Мы должны присмотрѣться къ нему теперь-же: главная сила Наполеона-правителя въ томъ, что было сдѣлано имъ во время консульства.

Примѣнительница Кодекса-Наполеонъ къ жизни, *юстиція*, была достойна такого высокаго призванія. Она также была унаслѣдована Бонапартомъ отъ его предшественниковъ. И здѣсь уже канцлеръ Людовика XVI задумывался о коренной реформѣ посредствомъ отмѣны извегшавшей олигархіи когда-то знаменитыхъ „парламентовъ“ Франціи. Эту великую реформу совершила революція, въ 1790 году,—и на славу: она замѣнила парламенты новыми учрежденіями на тѣхъ безсмертныхъ началахъ, которыя проникли потомъ во всѣ сколько-нибудь цивилизованныя государства Передъ нами всѣ эти основы человѣческаго общежитія, отмѣняющія первобытное звѣроподобіе—присяжные для уголовщины, адвокаты при всякихъ дѣлахъ, выборные и несмѣняемые судьи, мировые, кассаціонный судъ. Все это и было взято Бонапартомъ; только выборное начало было ограничено, какъ мы видѣли, мировыми. Словомъ, уже обозначилась и внѣшняя образцовая юстиція Франціи: недоставало только современныхъ названій—tribunaux de première instance, cours d'appel, cours d'assises.

Бонапартъ могъ только радоваться, какъ хорошо устроилась народная совѣсть, которую онъ называлъ „шестымъ чувствомъ“. Но въ этой-то твердынѣ справедливости и обнаружились ярче всего раннія попытки цезаризма. Онъ вообразилъ, что шестое чувство нужно изощрять, воспитывать сверху и сразу, и тотчасъ началъ изображать собой Петра среди „бородачей“—у такого просвѣщеннаго, политически развитого народа, какимъ были тогда французы!

Первый консулъ ставилъ всѣхъ судей, безъ исключенія, самъ или черезъ свой покорный сенатъ, который отмѣнялъ также всякіе приговоры любой судебной инстанціи. Несмѣняемость онъ обходилъ назначеніемъ „исправляющихъ должность“. Даже присяжные опредѣ-

лялись уже не мѣстными собраніями, а префектами: Бонапартъ еще грозилъ уничтожить ихъ за „мягкость" приговоровъ по дѣламъ дезертирства и уклоненія отъ рекрутчины. Онъ ненавидѣлъ также мировую юстицію, это благородное созданіе учредительнаго собранія, которымъ народъ дорожилъ, какъ оплотомъ униженныхъ и какъ охраной отъ усердія полиціи. Ему мало было того, что назначеніе мировыхъ перешло въ его руки: онъ сократилъ ихъ число на половину и передалъ уголовныя дѣла полиціи. Наконецъ, возникло обычное орудіе абсолютизма—„спеціальные суды" (въ 32 департаментахъ), подъ предлогомъ разбоевъ въ провинціи, гдѣ дѣйствительно роялисты расправлялись иногда судомъ Линча съ „цареубійцами" и даже съ „конституціонными"-епископами. Эти суды состояли изъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, по назначенію перваго консула, и судили безапелляціонно не только за уголовщину, но и „за развращеніе военныхъ и за мятежныя сборища". Въ ихъ округахъ правительство получало право заточать всякаго „подозрительнаго". Законъ объ этомъ новомъ революціонномъ трибуналѣ съ трудомъ прошелъ даже въ покорномъ трибунатѣ. Констанъ воскликнулъ: „Въ оправданіяхъ закона говорится, что слишкомъ непреклонная конституція нарушаетъ порядокъ. Не новый языкъ! Мы слыхали ораторовъ, которые возвѣщали съ трибунъ, что слѣдуетъ выйти изъ рамокъ конституціи, чтобы защитить ее". Жозефъ Шенье прибавилъ: „Какъ! Вы сохраняете присяжныхъ для мелкихъ проступковъ и хотите устранить ихъ при страшномъ обвиненіи?" Третій трибунъ замѣтилъ: „Намъ сказали, что революція окончена и партіи исчезли, передъ нами хвастались мощью правительства, которому остается только соблюдать справедливость. А этотъ законъ видитъ всюду мятежниковъ, недоступныхъ общему закону, и тѣмъ несомнѣнно доказываетъ слабость правительства".

Такъ-же развязно обращался консулъ съ *законодательною* властью. Уже при объявленіи четвертой конституціи въ палатахъ, одинъ услужливый ораторъ сказалъ: „Слава Бонапарта да обаяніе одного его имени— вотъ ограниченіе исполнительной власти, вотъ оплотъ противъ нея!" Пятую конституцію прямо называли „государственнымъ ударомъ". Мы видѣли, что она окончательно порабощала законодательныя учрежденія. Здѣсь починъ сосредоточился въ твердыняхъ правительства, гдѣ предсѣдалъ самъ Наполеонъ,—въ частномъ и государственномъ совѣтахъ. „Послѣднему было дано страш-

ное преимущество—„развивать смыслъ законовъ", по требованію консуловъ, и онъ разсылалъ по департаментамъ своихъ членовъ, напоминавшихъ комиссаровъ конвента.

Бонапартъ посадилъ сюда частью самыхъ даровитыхъ дѣльцовъ, частью самыхъ популярныхъ честолюбцевъ и, помимо большого жалованья, осыпалъ ихъ наградами, давалъ имъ выгодныя и почетныя порученія.

„Каждый государственный совѣтникъ—трибунъ подлѣ верховной власти", повторялъ онъ, приглашая ихъ высказываться свободно. Но, когда одинъ ораторъ возразилъ ему серьезно, онъ замѣтилъ: „Вы зашли далеко, такъ что я почесалъ себѣ виски; а это у меня—важный знакъ; не доводите меня до этого". Бонапартъ все увеличивалъ внѣшній блескъ сената. Онъ помѣстилъ его въ роскошномъ Люксембургскомъ дворцѣ: и оставались въ тѣни представители народа въ трибунатѣ и въ законодательномъ корпусѣ, которые тѣснились въ грязномъ Пале-Роялѣ, служившемъ притономъ распутства и азартныхъ игръ, да въ скромномъ Бурбонскомъ дворцѣ. Вскорѣ совсѣмъ были укрощены эти строптивцы, про которыхъ Бонапартъ говорилъ: „Это—собаки, бросающіяся на меня на каждомъ шагу... Въ трибунатѣ сидятъ 12—15 метафизиковъ, которыхъ стоитъ утопить. Это—что-то вродѣ мерзкихъ насѣкомыхъ у меня въ платьѣ; но я не позволю имъ загрызть меня, какъ Людовика XVI". Съ помощью преданныхъ газетъ, „консулъ началъ чернить" ихъ какъ „идеологовъ" и якобинцевъ.

Затѣмъ они были посажены на „законодательную діэту" (прекращеніе засѣданій на девять мѣсяцевъ). Наконецъ, произошло „очищеніе" столь „разлагающихъ учрежденій": было исключено болѣе 300 членовъ, съ Констаномъ во главѣ; ихъ замѣнили генералы, полковники и чиновники. Трибуны окончательно превратились въ „евнуховъ законодательства". Законодатели Франціи стали принимать все безъ преній и критики: они даже разрѣшали всякія суммы, хотя имъ не представляли никакихъ бюджетовъ. Тогда-то Бонапартъ началъ допускать въ ихъ среду все, что было въ странѣ талантливаго и благороднаго, сосредоточивая оппозицію въ золотой клѣткѣ.

Словомъ, если пятая конституція была игрой въ учрежденія и выборы, то ея исполненіе представляло такое-же коварство, какъ французская монета, на которой значилось до 1808 года: „Французская республика; императоръ Наполеонъ".

XXIII. Новая администрація.

«Чудо дѣйствительнаго присутствія».—Министры и государственный секретарь.—Талейранъ и Фушэ.—«Надзоръ» и «направленіе».—Административная централизація.

Административная власть, конечно, еще болѣе носила на себѣ отпечатокъ цезаризма. Всѣ работавшіе съ Бонапартомъ признають „чудо дѣйствительнаго присутствія“ его духа повсюду. Редереръ говоритъ: „Съ его сотрудниками случилось несовсѣмъ обыкновенное: посредственность чувствовала себя талантомъ, талантъ ниспадалъ до посредственности. Такъ онъ просвѣтлялъ ту и поражалъ этого!“ Администрація цѣликомъ сосредоточивалась въ первомъ консулѣ. Всѣ чиновники были его слѣпыми орудіями. Самъ Бонапартъ вѣчно работалъ въ своемъ кабинетѣ и даже въ походной палаткѣ, какъ неусыпное провидѣніе государства. Онъ дѣлалъ самолично назначенія чуть не на всѣ должности, читалъ почти всѣ министерскія бумаги, черкалъ ихъ, передѣлывалъ заново, даже пробѣгалъ всѣ иностранныя депеши, усыпая ихъ своими отмѣтками. Онъ набрасывалъ отвѣты, ноты и инструкціи дипломатамъ, истомлялъ своихъ домашнихъ секретарей диктовками. Онъ бесѣдовалъ еще особо съ министрами иностранныхъ дѣлъ и полиціи, а ихъ товарищи, разъ въ недѣлю, не успѣвали „очищать свои портфели“ передъ нимъ.

Эти *министры*, окруженные внѣшнимъ блескомъ (каждый получалъ по 25.000 фр.), въ сущности были лишь куклами. Они были отвѣтственны только передъ первымъ консуломъ, который часто мѣнялъ ихъ, при всемъ ихъ усердіи и угодливости. Они не составляли единодушнаго цѣлаго, сплоченнаго извѣстными убѣжденіями, программой, хотя въ Англіи уже съ 1688 г. установилась знаменитая „однородность“ (homogeneity) кабинета, превратившая министровъ изъ „слугъ короля“ въ исполнительный комитетъ націи, которая можетъ всегда и безъ потрясеній смѣнять его. Каждый отвѣчалъ за себя, какъ слуга передъ бариномъ. „Наполеонъ, по мѣткому выраженію Редерера, нуждался въ министрахъ слушающихся, а не замѣняющихъ его“.

Бонапартъ говорилъ: „Я—болѣе старый администраторъ, чѣмъ они. Живо успѣешь въ администраціи, поймешь всѣ ея тайны, когда приходится изъ одной собственной головы выжимать всѣ средства кормить, содержать, одушевлять однимъ духомъ, одною волей сотни тысячъ человѣкъ, вдали отъ ихъ отечества“. Онъ пояснялъ свою мысль такъ: „Самое трудное искусство—

не выбирать людей, а пускать въ ходъ у избранныхъ всю ихъ силу... Что мнѣ вашъ духъ? Мнѣ нуженъ духъ самого дѣла. Нѣтъ скотины, которая не была бы годна на что-нибудь: нѣтъ духа, который годился бы на все".

Сразу было создано семь министерствъ; къ концу консульства ихъ было уже девять, а потомъ—11. Сверхъ того, были учреждены „общія дирекціи" при министерствахъ, отчасти сохранившіяся до нашихъ дней. Вскорѣ онѣ оказались во всякой болѣе важной отрасли администраціи. Ихъ директора, избранные изъ государственныхъ совѣтниковъ, обыкновенно работали въ кабинетѣ консула: въ сущности, то были министры въ миніатюрѣ. Изъ дирекцій потомъ и выростали новыя министерства. Прямою связью между министрами и первымъ консуломъ служилъ *государственный секретарь*. Наполеонъ говорилъ о немъ на о. св. Елены: „То былъ министрамъ министръ или великій нотаріусъ государства. Съ министромъ казны я каждую минуту зналъ положеніе моихъ дѣлъ; съ государственнымъ секретаремъ я разносилъ мои рѣшенія, мою волю по всѣмъ направленіямъ". Этотъ архи-нотаріусъ, черезъ руки котораго проходили всѣ рѣшенія высшей власти, одинъ только „контрасигнировалъ", т. е. скрѣплялъ бумаги своею удостовѣрительной подписью. То былъ какъ бы начальникъ гражданскаго штаба. Онъ не покидалъ особу Бонапарта ни на минуту и получалъ жалованье изъ его собственнаго содержанія. При всякомъ другомъ правителѣ, такое лицо живо превратилось бы въ великаго визиря, въ рѣшителя судебъ народа; но у Наполеона это былъ лишь главный лакей.

Между тѣмъ то былъ не кто-нибудь, а самъ Марэ, герцогъ Бассано, пэръ и министръ внутреннихъ дѣлъ при Люи-Филиппѣ. Человѣкъ трудолюбивый, искусный, опытный, особенно въ иностранныхъ дѣлахъ, Марэ былъ скроменъ, твердъ въ убѣжденіяхъ, вѣренъ: онъ былъ неизмѣнною тѣнью Наполеона до самаго конца его поприща. Онъ одинъ умѣлъ поспѣвать за бѣшеной диктовкой своего героя и мгновенно воспроизводить его бѣглыя мысли, набросанныя, по-военному, каракулями на клочкахъ бумаги. Отъ него-то исходила та масса записочекъ - приказовъ, которыми переполнено столько томовъ знаменитой „Correspondance de Napoléon". Марэ былъ истинный кабинетъ-министръ: только величіе Наполеона держало его на уровнѣ простого секретаря.

Марэ былъ не одинъ. Бонапартъ окружилъ себя, на первыхъ порахъ, ловкими, даровитыми, неутомимыми и опытными дѣльцами. Онъ подбиралъ ихъ отовсюду: тутъ

были служаки Людовика XVI съ „цареубійцами", роялисты съ жирондистами, конституціоналисты временъ директоріи и жертвы 18-го фрюктидора. Во главѣ ихъ стояли несравненныя, въ своемъ родѣ, личности—Талейранъ и Фушэ.

Талейранъ, казалось, заправлялъ всѣмъ міромъ: ему были ввѣрены иностранныя дѣла. Наполеонъ зналъ, кого поставить на такой, тогда величайшій, постъ. Талейранъ тотчасъ выказалъ такіе таланты, что его сочли геніемъ дипломатіи: каждое слово этого оракула, мага и чародѣя международной политики съ трепетомъ ожидалось вселенной. Тогда не знали, что на немъ больше, чѣмъ на комъ-либо изъ наперсниковъ Наполеона, оправдывались слова Редерера: „Люди, считавшіеся душой государства, оказывались ничтожествами; и всѣ честолюбцы принуждены были довольствоваться отраженіемъ его славы". Никто и не подозрѣвалъ, что Талейранъ былъ, какъ и всѣ, не больше, какъ холопствующій секретарь Бонапарта, который нерѣдко дѣлалъ ему головомойки въ своемъ кабинетѣ и самъ набрасывалъ или диктовалъ ему главныя бумаги. Великій дипломатъ и самъ ни разу не осмѣлился притязать на что либо большее. Онъ не былъ мастеромъ и на писаніе. Его главный секретарь говоритъ: „У него масса ума, изумительная быстрота взгляда, ясность пониманія, смѣлость головы. Но чрезмѣрная живость и плодовитость спутывали все его писаніе. Въ письмѣ у него мало методы, много путаницы. Онъ неспособенъ къ хорошей редакціи, къ связности. Почеркъ его совсѣмъ неразборчивъ". Пишущему эти строки пришлось перечитать множество черновиковъ Талейрана въ парижскомъ архивѣ и убѣдиться въ неудобствахъ и его бисернаго почерка, и его неловкаго изложенія, съ кучей помарокъ и выкидокъ. Франція обязана образцовымъ слогомъ своихъ депешъ того времени, главнымъ образомъ, прекрасному штату своего министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ видимъ такихъ дѣльцовъ, какъ Биньонъ, трудъ котораго о Наполеонѣ до сихъ поръ не утратилъ своего значенія.

Сила Талейрана состояла въ его личной природѣ, отвѣчавшей требованіямъ времени. Онъ быстро схватывалъ замыслы Наполеона и искусно проводилъ ихъ потому, что, подобно своему господину, былъ рожденный „дипломатъ" стараго покроя, т. е. Макіавель, подбитый Лойолой, да еще подновленный беззавѣтной смѣлостью революціи. Аристократъ, по хромотѣ попавшій не въ гвардію, а въ подрясникъ, другъ метрессы Людовика XV,

госпожи Дю-Барри, епископъ отенскій въ 34 года, потомъ „цареубійца", отлученный папою, безобразный сатиръ съ манерами большого барина, Талейранъ руководился дешевымъ, но тогда особенно ходкимъ искусствомъ беззастѣнчивой плутни.

Когда онъ выступилъ на политическое поприще, Мирабо предрекалъ, что этотъ прелатъ продастъ собственную душу, и съ барышомъ, получивъ чистое золото за дрянь. А подъ конецъ онъ удостоился титула „человѣка съ одиннадцатью клятвопреступленіями". Его причащеніе передъ смертью вызвало замѣчаніе: „Онъ обманулъ своего короля, императора, весь свѣтъ и, наконецъ, самого дьявола". Во всякомъ случаѣ, онъ надулъ потомство, оставивъ ничтожныя „Записки", гдѣ нѣтъ ни слова новаго, никакихъ разоблаченій его таинственныхъ подвоховъ,—ничего, кромѣ желанія казаться глубокомысленнымъ оракуломъ, въ глазахъ котораго самыя великія лица и событія—не больше, какъ салонные кавалеры и будуарныя сцены. Впрочемъ, въ „Запискахъ" явно стремленіе порисоваться передъ роялистическимъ потомствомъ въ образѣ „необходимаго опекуна" Бурбоновъ. Это говоритъ одинъ изъ самыхъ пылкихъ радикаловъ учредительнаго собранія (объ этомъ собраніи ни слова въ „Запискахъ"!), первый дезертиръ алтаря, женатый епископъ и „цареубійца", который, съ 1817 года, когда попалъ въ отставку, только и думалъ что объ Орлеанахъ!

„Мое воспитаніе было предоставлено случаю: приходилось дѣлать, какъ всѣ", признается Талейранъ. И онъ дѣлалъ, какъ всѣ, но геніально превзошелъ всѣхъ. Смолоду „всѣ" указывали ему на кардиналовъ Ришелье, Хименеса и особенно на Реца, этого распутнаго Катилину фронды, „Мемуары" котораго смахиваютъ на записки бывшаго епископа отенскаго. И изъ этого барина, очаровывавшаго не только дамъ, но и кавалеровъ, изысканностью манеръ, выработался атаманъ шайки, которую онъ принималъ съ чернаго хода только на зарѣ, когда господа еще спятъ и которая преслѣдовала его самого „шантажами". Говорятъ, ему пришлось истратить на этихъ своихъ сподручныхъ до десяти милліоновъ изъ германской „секуляризаціи". Самъ онъ признавался, что прикарманилъ изъ этого источника до шестидесяти милліоновъ. Этотъ алчный воръ, игрокъ и развратникъ смолоду позналъ цѣну этого средства. Онъ уже въ началѣ революціи долженъ былъ бѣжать, за свои грязныя продѣлки, изъ Франціи, потомъ и изъ Лондона въ Аме-

рику, гдѣ скопилъ-таки состояньице темными путями. Онъ говорилъ: „Преступленіе—средство политическихъ глупцовъ. У меня есть слабости, говорятъ—даже пороки. Но преступленіе? Fi donc!“ Хигрецъ предпочиталъ, если не дѣйствовало злато, выжидать, взять врага изморомъ,—настоящій Ришелье! А главное, новый Макіавель умѣлъ во время переставлять паруса,—по „высшимъ соображеніямъ“, какъ говорилъ онъ. Возвратившись въ 1796 году изъ Америки, по ходатайству г-жи Сталь, и ставши министромъ директоріи, онъ тотчасъ забылъ благодѣтельницу и началъ посылать тайныя записочки Бонапарту, разоблачавшія директоровъ. Передъ египетскимъ походомъ онъ уже успѣлъ измѣнить Наполеону; и вскорѣ послѣ того, какъ онъ сталъ его министромъ, его искусная рука замѣчалась въ заговорахъ противъ императора.

Лишенный творчества столько-же. сколько стыда и совѣсти, Талейранъ не понималъ общественныхъ переворотовъ: оттого онъ ничему не удивлялся и не терялъ головы при революціяхъ, какъ и при неожиданныхъ успѣхахъ. Новая Европа была для него запечатанною книгой. Онъ оказался творцомъ реставраціи, ловко выдвинувъ, на вѣнскомъ конгрессѣ, „легитимизмъ“—такъ, что премудрые дипломаты признали своимъ вождемъ человѣка, котораго сначала называли „хромымъ бѣсомъ“ и избѣгали, „какъ проклятаго“. Они поняли, что передъ ними вполнѣ сложившійся великій мастеръ играть людьми, какъ шулера—картами.

Талейранъ былъ такимъ уже въ описываемое время, когда ему шелъ 46 годъ. Ему служили большой опытъ, знаніе всякихъ людей и странъ да великосвѣтскіе манеры—наслѣдство матери и алтаря. Это уже былъ тюльерійскій оракулъ, каждое слово, каждый взглядъ и жестъ котораго были разсчитаны и двусмысленны. И не было на свѣтѣ лучшаго удильщика въ омутахъ дипломатическаго крючкотворства: его ученикъ и преемникъ 27-лѣтній Меттернихъ, только что выступалъ на это поприще. Самому Наполеону становилось иногда не подъ силу бороться съ этимъ олицетвореніемъ коварства, лицемѣрія и особенно алчности и спеси проходимца, который все плакался на его невниманіе. Этотъ циникъ, презиравшій людей, особенно женщинъ, которыя почему-то ластились къ нему, употреблялъ по три часа на свой туалетъ—при публикѣ, какъ Людовикъ XIV! Онъ чванился своимъ титуломъ герцога Беневентскаго и насажалъ „герцоговъ и принцевъ“ изъ своей родни не только по Франціи, но и въ Италіи и Пруссіи. Можно

составить цѣлый словарь изъ циничныхъ изреченій Талейрана, которыя заучивались тогдашнимъ людомъ, какъ перлы премудрости. Чего стоитъ одно классическое „языкъ данъ намъ для сокрытія нашихъ мыслей"! Но больше всего поясняетъ его и эпоху другое выраженіе: „Правительство можетъ совершить ошибки, но не преступленія".

Наполеонъ пользовался этимъ человѣкомъ, „башмаки котораго были полны грязи", для всего, что ему самому было противно дѣлать. Онъ ненавидѣлъ его такъ-же, какъ и Людовикъ XVIII; а Карлъ X и Люи-Филиппъ совѣтовались съ нимъ только потому, что не знали, какъ избавиться отъ него. Людовикъ XVIII спросилъ однажды Талейрана: „Какъ далеко отъ Парижа до вашего имѣнія?" Тотъ отвѣчалъ: „Не знаю точно, но во всякомъ случаѣ вдвое дальше, чѣмъ отъ Парижа до Гента". Тогда-же хромой бѣсъ говорилъ, интригуя въ пользу Орлеановъ: „Бурбоны держатъ меня въ опалѣ. Но во мнѣ есть что-то такое, что всегда приходится плохо тому, кто пренебрегаетъ мной".

Когда, послѣ Ватерлоо, побѣдоносный Веллингтонъ привелъ изъ Гента Людовика XVIII въ свою штабъ-квартиру, „преступникъ представилъ королю безбожника". Такъ говорили про Талейрана и Фушэ. Это были какъ бы родные братья. Фушэ только былъ погрязнѣе и пожесточе, какъ и подобало его должности. Ему также подражали всѣ полицейскіе въ Европѣ. То былъ виртуозъ шпіонства и интригантства, который самъ побывалъ во всякихъ водостокахъ и потому не боялся запачкаться. Сначала монахъ, потомъ адвокатъ и безшабашный ораторъ монтаньяровъ, Фушэ проявилъ свою звѣрскую, алчную и пронырливую природу во время террора: онъ-то былъ героемъ тѣхъ сценъ лютости и особенно грабительства, отъ которыхъ содрогались даже тогдашнія сердца. Этотъ человѣкъ, пускавшійся во вся тяжкая при революціи, вплоть до дружбы съ гебертистами, вдругъ повернулъ оглобли, почуявъ приближеніе новаго времени. Онъ помогъ Робеспьеру расправиться съ гебертистами, а потомъ содѣйствовалъ его собственной гибели. Затѣмъ, заодно съ Талейраномъ, и служилъ главой полиціи при директоріи. и усердно помогалъ 18-му брюмера. Ставши министромъ юстиціи при консульствѣ, онъ тотчасъ-же началъ сноситься съ врагами Бонапарта и такъ шпіонилъ въ его собственной семьѣ, что тотъ уже въ 1802 г. прогналъ его, выкинувъ злодѣю $2^1/_2$ милл. фр. и богатую сенаторію. Но

безъ такой ищейки нельзя было обойтись такому цезарю, тѣмъ болѣе, что архи-сыщикъ, уходя, обыкновенно забиралъ съ собой бумаги своего вѣдомства. Наконецъ, Фушэ, опять вмѣстѣ съ Талейраномъ, учинилъ первую реставрацію и тотчасъ-же вошелъ въ сношенія съ „эльбскимъ императоромъ". Послѣ Ватерлоо онъ устроилъ вторую реставрацію и составилъ знаменитый списокъ опальныхъ Ста Дней, напоминавшій „проскрипціи" Суллы, причемъ, по словамъ Талейрана, „не забылъ ни одного изъ своихъ друзей". Однако, вскорѣ, при „бѣломъ террорѣ", неизгладимое званіе „цареубійцы" заставило даже такого полезнаго человѣка покинуть неблагодарное отечество, доставившее его наслѣдникамъ 14 милл. фр. и титулъ герцоговъ Отрантскихъ. Фушэ умеръ во всеобщемъ презрѣніи, скрытно шатаясь по Австріи. Онъ тоже оставилъ „Записки", но наслѣдники до сихъ поръ не могутъ разстаться съ ними: вышедшіе подъ его именемъ „Мемуары"—подлогъ.

Думаемъ, что наслѣдники правы. „Безбожникъ", навѣрно, оказался бы искреннѣе „преступника". И не въ силу только своей сравнительной молодости: онъ былъ на 10 лѣтъ моложе „хромого бѣса" и умеръ почти на 30 лѣтъ раньше него; въ описываемое время ему было 37 лѣтъ. Фушэ такъ сроднился съ своей ролью въ жизни, что гордился званіемъ маэстро сыска. Онъ самъ писалъ себѣ письмо для показа, гдѣ онъ сравнивается съ Ришелье и Сюлли. Онъ до того сознавалъ свой талантъ, что даже передъ смертью хлопоталъ о мѣстѣ министра юстиціи и желалъ служить Меттерниху. Онъ былъ вправѣ гордиться тѣмъ, что всѣ правительства нуждались въ немъ, хотя никто не вѣрилъ ему, даже когда онъ говорилъ правду. Никто въ мірѣ не былъ такъ изворотливъ, такъ способенъ развѣдать всю подноготную—отъ ничтожной плутни комиковъ жизни или любовной интрижки до политическихъ заговоровъ. Послѣдніе были его лакомымъ блюдомъ. Перебѣжчикъ всѣхъ партій, измѣнникъ всѣмъ друзьямъ, онъ легко пронюхивалъ комплоты въ самомъ зародышѣ, нерѣдко создавая ихъ самолично, какъ „подстрекатель" (agent provocateur). Оттого-то онъ былъ такъ проворенъ для себя самого: раньше всѣхъ подмѣчалъ онъ всякое начало конца и тайкомъ помогалъ врагамъ временщика, направляя свои паруса по новому вѣтру.

Наполеонъ такъ-же хорошо понималъ этого „раздобрѣвшаго якобинца", какъ и его товарища по ремеслу, обратившаго дипломатію въ международный сыскъ. Онъ

и ненавидѣлъ, и презиралъ братьевъ-разбойниковъ, но побаивался и не могъ обойтись безъ нихъ, какъ безъ своихъ сообщниковъ. Онъ видѣлъ въ нихъ и политическую пользу. „Какой революціонеръ — восклицалъ онъ,—не будетъ довѣрять тому строю, гдѣ гг. Фушэ становятся министрами? Какой дворянинъ не будетъ питать надежды поживиться при бывшемъ епископѣ отенскомъ? Одинъ охраняетъ меня слѣва, другой—справа. Я открываю широкій путь, на которомъ всякій можетъ добиться своего".

Бонапартъ устроилъ вѣдомство Фушэ на славу: основы его полиціи сохранились во Франціи до нашихъ дней; ихъ старались заимствовать и почти вездѣ въ Европѣ. Конечно, и тутъ не было сотворенія изъ ничего, довлѣющаго только всемогуществу Бога да „абсолюту" Гегеля. Парижскій префектъ полиціи существовалъ при старомъ порядкѣ, подъ видомъ „генералъ-лейтенанта полиціи". Революція, и именно конвентъ, создали „комиссаровъ полиціи" — конечно, выборныхъ, какъ всѣ власти того времени. Даже само „министерство полиціи" возникло при директоріи. Но XIX-й вѣкъ начался превращеніемъ его въ цѣлую стройную и, можно сказать, всеобъемлющую систему. Тутъ видимъ всемогущаго министра съ четырьмя товарищами. Имъ подчинены „префектъ полиціи" въ столицѣ, „генеральные комиссары"— въ городахъ съ стотысячнымъ населеніемъ и „комиссары полиціи"—въ мѣстахъ съ населеніемъ сверхъ 5.000. Всѣ эти власти были обставлены внушительно. Товарищи министра назначались изъ самыхъ довѣренныхъ государственныхъ совѣтниковъ. Послѣдніе нерѣдко занимали и должность генеральнаго комиссара, получавшаго до 15.000 фр. Всѣмъ имъ помогала ретивая и расторопная „жандармерія". Она явилась уже при директоріи, но Бонапартъ придалъ ей стройности и значенія. Ея начальникъ, „маршалъ генералъ-инспекторъ", подчиненный военному министру, въ сущности зависѣлъ лишь отъ самого главы государства. Наполеонъ до конца держалъ на этомъ посту одного изъ именитѣйшихъ представителей арміи, Монсея, ставшаго вскорѣ маршаломъ и герцогомъ.

Полиція стала стихіей французовъ. Она проникала всюду неуловимымъ эѳиромъ. Она зорко слѣдила за всѣмъ—отъ разбоевъ и заговоровъ до народнаго оздоровленія и плутней торгашей. Но тутъ-то и была загвоздка: права и обязанности эѳира не были опредѣлены точно, а его всепроникновеніе угрожало общему теченію

народной жизни. Самъ Наполеонъ видѣлъ это. Онъ сказалъ: „Этотъ министръ—совсѣмъ особенный. Ничто не должно ускользать отъ его надзора; но поэтому-то онъ не долженъ заправлять ничѣмъ. Вѣдь, если онъ задремлетъ, кто разбудитъ его самого?" Отсюда-то четыре товарища министра, которые были, въ сущности, соглядатаями надъ самимъ соглядатаемъ. Отсюда-же почти независимое положеніе префектовъ и жандармеріи. Наконецъ, у Наполеона былъ собственный надзоръ за надзирателями: онъ самъ вскрывалъ вороха прилетавшихъ къ нему отовсюду доносовъ, во главѣ которыхъ стояли обязательныя „корреспонденціи" сенаторовъ.

Если полиція должна была только надзирать, то „заправлять" предоставлялось министерству внутреннихъ дѣлъ. Въ этомъ смыслѣ оно было тогда истиннымъ Провидѣніемъ страны: оно обнимало всѣ рѣшительно внутреннія дѣла, пока, при имперіи, изъ него не выдѣлились нѣкоторыя новыя министерства [1]). Страшное дѣло было руководить такимъ Протеемъ администраціи! Оттого втеченіе года перемѣнилось двое случайныхъ министровъ. Сначала дѣло было поручено честному и трудолюбивому учителю Бонапарта, безсмертному творцу „Небесной Механики", Лапласу, потомъ братцу Люсьену. Люсьенъ, этотъ „бѣсенокъ" (enfant terrible) корсиканскаго клана, не давалъ жить своему могущественному брату. Онъ вѣчно ссорился съ нимъ: когда въ кабинетѣ шахиншаха Европы поднимался содомъ, чуть не драка, всѣ знали, что тамъ Люсьенъ. Онъ даже женился, въ пику братцу, на простой женщинѣ, пренебрегая вдовствующей королевой Этруріи. Тщеславный, юркій, находчивый, энергичный, Люсьенъ никогда не терялъ своего дара краснорѣчія, всюду совался, готовый на все даже изъ-за каприза, а больше ради денегъ, которыми обзавелся, наконецъ, когда добился поста посланника въ Мадридѣ. Во время революціи онъ называлъ себя Брутомъ, 18-го брюмера, какъ мы видѣли, спасъ Наполеона, а вслѣдъ затѣмъ писалъ пасквили на него и сносился съ роялистами, подстрекая и Жозефину къ заговору. Наполеонъ даже не упомянулъ его въ воззваніи народу о 18-мъ брюмерѣ. Однако, нужно было вознаградить спасителя. Люсьенъ обрадовался званію трибуна.

[1]) Въ началѣ іюльской монархіи, при Казимірѣ Перье и Тьерѣ, кругъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ сократился до роли Наполеоновскаго министерства полиціи. Но съ 1834 года оно опять стало дѣйствительно „заправлять" значительною частью внутренней жизни страны.

Онъ, критикъ, „строптивецъ“ (opposant) по природѣ, могъ развернуть здѣсь все свое ядовитое краснобайство. А затѣмъ онъ сталъ и калифомъ на часъ. Если этотъ непосѣда, интриганъ и кутила, корчившій изъ себя императора, не былъ дѣльцомъ, зато это была драгоцѣнность по части макіавелизма во внутреннихъ дѣлахъ. Но при Наполеонѣ и при необходимости создавать заново все нутро Франціи, нельзя было далеко уѣхать съ такимъ министромъ. Въ 1800 г. Бонапартъ нашелъ достойнаго главу столь отвѣтственнаго поста. То былъ именитый ученый, профессоръ химіи Шапталь, который уже выказалъ и свои практическія дарованія, пустивъ въ ходъ въ Лангедокѣ важныя промышленныя предпріятія.

Къ такому-то министерству сходились всѣ нити отъ цѣлой сѣти столь же искусной и расторопной администраціи въ провинціи. Областное управленіе считается не только самымъ важнымъ, но и наиболѣе личнымъ изъ внутреннихъ дѣлъ Наполеона. Но и оно было лишь завершеніемъ начатаго раньше. Бонапартъ прямо сохранилъ введенное учредительнымъ собраніемъ административное дѣленіе Франціи на департаменты, округа и общины. Правда, онъ поставилъ тутъ новую систему властей, съ римскими воспоминаніями—префектовъ, подъпрефектовъ и мэровъ. А главное, онъ вводилъ новое начало—подавленіе духа мѣстнаго самоуправленія. Но и оно было завѣщано ему ближайшимъ прошлымъ. Дѣло происходило такъ. „Старый порядокъ“ завершился удушливымъ абсолютизмомъ, орудіями котораго въ провинціи были созданные кардиналомъ Ришелье интенданты. Реформа должна была начаться съ ея устраненія. Уже Тюрго мечталъ о сельскихъ и городскихъ „муниципалитетахъ“. Но они-то и разрушили его дружбу съ Людовикомъ XVI, который увидалъ тутъ „крайне опасную утопію“, которая „англизируетъ“ Францію, вводитъ „право сходокъ, этотъ источникъ раздоровъ“, и замѣняетъ выборными лицами такіе „перлы королевства“, какъ интенданты. Революція начала съ уничтоженія перловъ: она положила въ основу областного управленія выборные „муниципалитеты“, какъ называла она сельскія общества, которыя уже сами начали тотчасъ „муниципализоваться“. Она дала имъ столько власти, что Франція уподобилась Соединеннымъ Штатамъ Америки. Но такое раздробленіе вообще не сплоченной націи вскорѣ вызвало снова потребность въ централизаціи. Она быстро разгоралась отъ обстоятельствъ. Конвентъ, которому

пришлось выносить борьбу съ Европой, взялся за такія крутыя мѣры, что въ провинціи поднялся „федерализмъ“, какъ назвали возстаніе органовъ мѣстнаго самоуправленія противъ деспотизма столицы. Мятежъ былъ подавленъ въ крови: „комиссары конвента“ подавили силу департаментовъ и общинъ, ставъ своего рода интендантами. Директорія поддерживала это направленіе: она приставила къ областнымъ выборнымъ властямъ своихъ комиссаровъ-соглядатаевъ; она старалась разбивать болѣе крупныя общины.

Бонапартъ довершилъ дѣло „мастерскимъ ударомъ“. Онъ совсѣмъ отмѣнилъ выборное начало: всѣ областныя власти назначались или высшимъ правительствомъ, или префектами. А префекты, эти „маленькіе первые консулы“, по словамъ самого Наполеона, стали воскресшими интендантами, даже болѣе властными: имъ не мѣшали и мѣстныя провинціальныя права, ни привиллегіи высшихъ сословій и корпорацій старой Франціи. Дѣленіе страны представляло собой также пренебреженіе къ мѣстной жизни: департаменты оказались искусственнымъ соединеніемъ разнородныхъ, иногда раздѣленныхъ горами населеній, и разъединеніемъ однородныхъ; округа убивали крупныя, сильныя общины временъ революціи. Основа мѣстной жизни — надзоръ гражданъ надъ властями сохранялся только въ статьѣ, которая гласила: „управлять—дѣло одного, обсуждать—дѣло многихъ“. Отсюда сохраненіе „совѣтовъ“ временъ революціи — генеральныхъ, окружныхъ и общинныхъ. Но эти совѣты, также назначаемые правительствомъ, оказались куклами префектовъ: они засѣдали лишь 15 дней въ году, и только для того, чтобы распредѣлить указанные свыше налоги. Мало того, чтобы слить „упраленіе“ съ „обсужденіемъ“, въ каждомъ департаментѣ былъ учрежденъ „совѣтъ префектуры“, по назначенію перваго консула и съ преобладающимъ голосомъ префекта. Эта административная юстиція (juridiction contentieuse) судила проступки чиновниковъ, т. е. возстановлялось древнее правило: „король самъ судья своихъ дѣлъ“.

Такъ выработалась желѣзная *централизація* или „сосредоточеніе“ власти—новая кличка стараго абсолютизма. Какъ требованіе времени, послѣ долгой анархіи, и у такого хозяина, какъ первый консулъ, она принесла много пользы французамъ. Наполеонъ относился къ ней не какъ деспотъ-фантазеръ, а вполнѣ сознательно. Вотъ его характерныя и знаменательныя слова: „Великій по-

рядокъ, правящій вселенной, долженъ заправлять и каждой ея частью. Правительство должно быть средоточіемъ общества, какъ солнце: различныя учрежденія должны ходить вокругъ него по своимъ орбитамъ, никогда не удаляясь отъ него. Стало быть, правительство должно упорядочивать всѣ ихъ сложныя сочетанія— такъ, чтобы всѣ они содѣйствовали сохраненію общей гармоніи. Въ системѣ вселенной ничего не предоставляется случаю; въ системѣ общества ничто не должно зависѣть отъ прихоти частныхъ лицъ".

Наполеоновская централизація творила чудеса, возбуждая „зависть Европы" быстрымъ и ловкимъ подтягиваніемъ порядка повсюду. Въ два года нельзя было узнать Франціи. Префекты и ихъ помощники назначались самые даровитые изъ болѣе умѣренныхъ прогрессистовъ— уцѣлѣвшіе члены первыхъ двухъ собраній революціи, жиронды и Равнины конвента. Они рьяно схватились за дѣло, напоминая комиссаровъ конвента: они даже вносили въ службу свою личность, издавали воззванія и летучіе листки. Но ихъ живо сократили: и они превратились сначала въ покорныхъ слугъ министра, потомъ въ пашей. И оправдались пророчества законодателей, въ особенности трибуновъ, которые горячо возставали противъ плѣна новой администраціи, какъ противъ „кодекса тираніи", подавляющаго „всякую свободу", и приняли его лишь потому, что печать молчала и „было опасно" сопротивляться.

Чѣмъ дальше, чѣмъ болѣе опускался самъ Наполеонъ, тѣмъ печальнѣе и опаснѣе для жизни становилось его главное дѣло. И все-таки оно оказалось самымъ прочнымъ. Съ тѣхъ поръ Франція пережила нѣсколько королевствъ и республикъ и двѣ имперіи, разныя реакціи и революціи, а административная централизація Наполеона стоитъ въ ней гранитной скалой, какъ и его кодексъ. Загадка объясняется черезчуръ впечатлительнымъ характеромъ націи, сильнымъ развитіемъ въ ней личности и ея далеко несплоченной разноплеменностью. Современная Франція обладаетъ тайной слiянія самой свободной политической формы съ самою строгой администраціей.

XXIV. Экономика консульства.

Финансовое чудо.—Кадастръ.—Касса погашенія.—Соединенный акцизъ.—„Услужники", биржа и банкъ Франціи. — Основная ложь стараго порядка.—Бумажки, биметаллизмъ и десятичная монетная система.—Торговля и промышленность.—Земледѣліе.—Колоніальный вопросъ.

Въ расшатанной политическими бурями странѣ, среди всеобщихъ развалинъ, водворилась властная, строгая, но умѣлая и работящая рука. Она опиралась на образцовое чиновничество и на лучшую въ мірѣ армію, съ геніальнымъ полководцемъ во главѣ, которую мы опишемъ при войнахъ консульства. Непреклонная и творческая воля заговорила языкомъ порядка, закона и умѣренности, котораго нація не слыхала уже цѣлое десятилѣтіе. Не было такой мелочи, которая ускользнула бы отъ зоркаго взгляда неусыпнаго хозяина. Онъ не забылъ ни заграничныхъ паспортовъ, просрочка которыхъ влекла за собой отобраніе имущества въ казну, ни государственнаго архива: для послѣдняго Бонапартъ, вопреки законодателямъ, составилъ такой уставъ, что архивисты превратились въ его личныхъ сторожей — и исчезли важныя бумаги, невыгодныя для его памяти.

Конечно, такая власть должна была отразиться благотворнѣе всего на матеріальномъ быту, на экономикѣ французовъ и вреднѣе всего—на ихъ психикѣ.

Величаво, ослѣпительно и прочно было почти все, что сдѣлалъ Бонапартъ для матеріальнаго быта страны. Самое важное чудо можно наблюдать въ такомъ мудреномъ дѣлѣ, какъ финансы Франціи послѣ революціи. По словамъ наполеоновскаго финансиста Годэна, 18-го брюмера „въ сущности не было и слѣдовъ финансовъ". Финансовая исторія революціи, это—рядъ банкротствъ, какъ иначе и быть не могло. Уже въ 1789 г. вступили на роковой путь ассигнатовъ или бумажныхъ денегъ, думая, что ихъ залогъ, національныя имущества, неистощимы. Одинъ экономистъ тогда-же предвѣщалъ, что пара сапогъ будетъ стоить 300 фр. вмѣсто 24: въ 1796 г. они стоили 4000 фр. ассигнатами; когда, въ этомъ году, уничтожили роковую доску, печатавшую ассигнаты, ихъ было въ обращеніи на 40 милліардовъ. Частью чтобъ выкупить ихъ, частью для расходовъ, выпустили „земельныя росписки" (mandats territoriaux), подъ залогъ все тѣхъ же національныхъ имуществъ. Хотѣли обмануть народъ новымъ видомъ бумажки. Но, несмотря на принудительный курсъ, не прошло и года, какъ росписка на 100 фр. стоила уже всего 1 фр. Такъ была превзойдена пресловутая „система" Джона Ло. И фран-

цузы до того привыкли къ бумажкамъ, что. когда Бонапартъ тотчасъ объявилъ выплату рентъ и пенсій звонкою монетой, всѣ пришли въ ужасъ, считая это окончательнымъ подвохомъ.

Немудрено. что Бонапартъ получилъ въ наслѣдство не только пустую казну, но кучу текущихъ долговъ (даже чиновникамъ) и 258 милл. долгу государственнаго, „консолидированнаго" конвентомъ, т. э. внесеннаго въ „великую долговую книгу". А кредитъ былъ такой, что даже ему дали только 12 милл. на 7 мѣсяцевъ за 13%. Бюджета совсѣмъ не было, хотя это англійское слово ввелъ еще Кольберъ, — слово, ибо его бюджетъ былъ секретный, да и надъ знаменитымъ всенароднымъ „Отчетомъ" Неккера исторія уже произнесла свой приговоръ. Тратили по мѣрѣ надобности, переносили счеты изъ года въ годъ. И сейчасъ нельзя подвести точныхъ итоговъ для временъ консульства; нигдѣ не записаны чрезвычайные расходы и такія поступленія, какъ, напримѣръ, 80 милл. фр., уплоченныхъ Америкой за Луизіану. Косвенныхъ налоговъ не существовало: они исчезли съ началомъ революціи и не въ силу господства ученія физіократовъ, а потому, что ими слишкомъ злоупотреблялъ „старый порядокъ": уничтоженіе такой экономической инквизиціи, какъ пресловутая „габель" (соляной налогъ) и „партизаны" (откупныхъ) равнялись взятію Бастиліи. Да и прямыя подати все сокращались, пока не спустились почти до нуля. При путаницѣ на продажахъ и перепродажахъ національныхъ имуществъ, при составленіи податныхъ списковъ враждующими мѣстными властями, при паденіи правительственнаго кредита въ провинціи, дошли до первобытнаго хаоса и до чудовищныхъ недоимокъ — болѣе милліарда.

Наконецъ, на государствѣ тяготѣлъ чудовищный долгъ, одно погашеніе котораго съ % поглощало до 100 милл. въ годъ. Тутъ были и всѣ займы съ 1789 г., и вознагражденіе за кучу отмѣненныхъ должностей, и уплата разнымъ, особенно армейскимъ поставщикамъ, и еще долги завоеванныхъ странъ—Бельгіи, Пьемонта, Рейнскихъ провинцій. Эти долги были тѣмъ мучительнѣе, что тутъ хаосъ царствовалъ едва ли не сильнѣе, чѣмъ въ податяхъ, при лихорадочной поспѣшности вѣчно смѣнявшихся правительствъ Притомъ, конечно, нашлось много охотниковъ сорвать купъ даромъ, какъ всегда при богатомъ наслѣдствѣ. Довольно сказать, что втеченіе восьми лѣтъ, пришлось устранить неоправданныхъ тре-

бованій на 1.100 милліоновъ фр. Государство окончательно очистило свои счеты лишь въ 1810 году.

Словомъ, приходилось строить заново всю головоломную машину финансовъ 30-милліоннаго народа. И здѣсь-то Бонапартъ поразилъ міръ своей геніальностью едва ли не больше, чѣмъ въ области законодательства. Никто не ожидалъ, чтобы этотъ полководецъ могъ вообще понимать что-нибудь въ такой мудреной спеціальности. А оказалось, что онъ и тутъ превосходилъ опытныхъ и даровитыхъ дѣльцовъ, которыхъ завѣщали ему революція и отчасти старый порядокъ. Подобно нашему Петру, самъ Наполеонъ былъ лучшимъ фискаломъ и хозяиномъ.

Съ безпощадностью и жаромъ львицы, защищающей своихъ львятъ, оберегалъ онъ каждую казенную копѣйку отъ хищниковъ. Каждую недѣлю просматривалъ онъ лично расходы министровъ и оглашалъ ихъ отчеты, стараясь уравновѣшивать балансъ, со строгостью высшей дисциплины. И безконечные ряды цифръ были знакомы ему такъ-же, какъ колонны солдатъ, до послѣдней роты и эскадрона. Не было на свѣтѣ силы, которая отвлекла бы его отъ этой заботы, которую онъ считалъ своимъ первымъ долгомъ. Изъ лагеря наканунѣ битвы, изъ Тюльери, изъ С. Клу или Мальмезона онъ зорко слѣдилъ за волнообразнымъ движеніемъ казны. Правая [illegible] Наполеона по финансамъ, Молльенъ, говоритъ, [illegible] въ 1811 году, когда ему приходилось видѣться съ [illegible]ператоромъ почти ежедневно, онъ получилъ отъ него 120 писемъ. 3-го января 1810 года Наполеонъ уже требовалъ казначейскаго отчета отъ 31 декабря 1809 г. И 3-го января этотъ отчетъ былъ полученъ!

Да, сотрудники были достойны этого Протея. Не говоря про болѣе мелкихъ, но достойныхъ работниковъ, чего стоили эти Годэны, Барбэ-Марбуа! Былъ и свой Сультъ или Бертье — упомянутый Молльенъ, этотъ совершеннѣйшій типъ великой администраціи первой имперіи. Простой, скромный, каторжно-трудолюбивый, подобно Сюлли и Кольберу, онъ слылъ знатокомъ всѣхъ мелочей финансизма уже при Людовикѣ XVI. Ему довелось пережить три противоположныя правительства (онъ сошелъ со сцены лишь въ 1850 году): и всѣ они слѣдовали его совѣтамъ, пользовались его услугами. Талейранъ называлъ Молльена „учителемъ финансовъ“ Бонапарта. Да, но ученикъ живо превзошелъ учителя: это ясно, по крайней мѣрѣ, въ банковомъ вопросѣ.

Намъ кажется, что описанное состояніе финансоваго

наслѣдства. полученнаго Бонапартомъ, оправдываетъ его первую и основную мѣру, вызвавшую такъ много возраженій со стороны знатоковъ дѣла и самого Молльена. Вѣдь эти-же знатоки превозносятъ финансовые успѣхи Наполеона, а эта мѣра сохранялась до самаго его паденія, какъ дума всего дѣла. Къ тому-же и она была, въ сущности, завѣщана ему революціей. Мы говоримъ о раздѣленіи финансоваго вѣдомства на два министерства — казны и финансовъ. Первое изъ нихъ завѣдывало расходами, второе — доходами и изготовленіемъ бюджета. Наполеонъ и военныя дѣла распредѣлилъ между тремя министрами. Онъ самъ объяснилъ намъ значеніе этой своей любимой мысли: „Нынѣшняя Франція — сказалъ онъ возражателямъ — слишкомъ велика, чтобы одинъ министръ финансовъ справился со всѣмъ. Сверхъ того, мнѣ требуется обезпеченіе годности финансоваго управленія; а его не можетъ быть при одномъ только министрѣ. Представляемые имъ мнѣ отчеты оставались бы безъ контроля. И если бы даже я вѣрилъ имъ, общество не вѣрило бы“ Министерство казны было для Наполеона какъ бы государственнымъ контролемъ. Онъ требовалъ, чтобы въ немъ оставались документальные слѣды самомалѣйшей издержки любого изъ министровъ. И у министра казны былъ цѣлый штатъ „генералъ-инспекторовъ“, которые всюду производили внезапныя провѣрки. Правда, это—единственное изъ финансовыхъ учрежденій Наполеона, не пережившее своего творца: Молльенъ былъ правъ, говоря, что странное хозяйство, когда „одинъ министръ дѣйствуетъ, не видя цѣли, а другой видитъ цѣль и бездѣйствуетъ“. Но на вѣкъ Наполеона хватило этой системы, а его преемники обошлись безъ нея потому, что развилась „инспекція финансовъ“, зерномъ которой были Наполеоновскіе-же генералъ-инспекторы.

Чтобъ живо справиться съ описаннымъ хаосомъ, мало было и двухъ министерствъ. Тотчасъ-же возникъ, по спеціальностямъ, рядъ какъ бы подминистерствъ, подъ именемъ „генеральныхъ дирекцій“, сохранившихся до нашихъ дней. Тутъ видимъ, прежде всего, дирекцію прямыхъ податей, съ директорами и контролерами по всѣмъ департаментамъ и округамъ, затѣмъ — дирекціи таможенъ, земель, водъ, лѣсовъ, почтъ. Всѣ эти дирекціи повели дѣло взиманія податей такъ, что государство вдругъ стало изъ нищаго богачемъ: доходъ съ однихъ лѣсовъ возросъ, въ одинъ годъ, съ 17 до 31 милл. А народъ не только не былъ обремененъ, но даже облегченъ: подати были установлены посильныя и на

долгіе сроки. А главное, онѣ были распредѣлены болѣе справедливо, по платежной способности каждаго. Это было всегда главною заботой Наполеона такъ-же, какъ и стремленіе не дѣлать новыхъ долговъ, т. е. щадить потомство. Отсюда у него неотвязная мысль о кадастрѣ. Конечно, и это дѣло было не новое: уже учредительное собраніе вводило кадастръ, безъ котораго немыслимо было осуществленіе его идей справедливости—равенства всѣхъ гражданъ передъ казной и посильнаго сбора съ чистаго дохода. Но никто такъ не сознавалъ государственной важности этого вопроса и не брался такъ смѣло за это страшно-грязное дѣло. Бонапартъ сказалъ: „Истинная гражданская свобода зависитъ отъ обезпеченія собственности; а его не можетъ быть тамъ, гдѣ каждый годъ мѣняется размѣръ податей". Кадастрація Франціи началась уже въ 1801 г. Съ 1808 г. дѣло двинулось еще усерднѣе, и съ тѣхъ поръ послѣдующія правительства считали своимъ долгомъ и честью двигать дальше исполинское предпріятіе, предъ которымъ отступали сначала въ смущеніи самые просвѣщенные умы.

Но мало сколько-нибудь разумно распредѣлить подати. Еще болѣе мудреная, дорогая и трогающая душу работа—взимать ихъ. А тутъ-то наслѣдіе у Бонапарта было едва ли не самое жалкое. Революція, конечно, сразу уничтожила такое безобразіе, какъ откупа; но ея неопытные и подверженные мѣстнымъ вліяніямъ выборные сборщики вскорѣ запутали дѣла. Уже директоріи пришлось назначать правительственныхъ „сборщиковъ прямыхъ податей". Бонапартъ окончательно установилъ дѣло, поставивъ сборщиками собственныхъ чиновниковъ. Но ему пришлось бороться съ другой бѣдой. Путанныя подати взимались медленно, а деньги требовались немедленно. И явилась остроумная, чисто-наполеоновская мѣра, которая, конечно, была брошена, какъ только финансы установились. То была ловкая система привлеченія богачей къ соучастію въ выгодахъ казны. Для этого была учреждена „касса погашенія", ставшая, въ рукахъ Молльена, стержнемъ всѣхъ финансовъ. „Сборщики" податей вносили сюда. звонкою монетой, крупные залоги и подписывали „облигаціи" или обязательства на сумму имѣющихся въ виду податей, получая извѣстный % при взносѣ ихъ до срока. Такъ они становились банкирами правительства, а ихъ облигаціи — векселями, учетомъ которыхъ государство расплачивалось со своими кредиторами.

Вошли въ систему и косвенные налоги. Напрасно

революція истребляла ихъ, руководясь высшими, теоретическими соображеніями. На дѣлѣ, уже ни одно государство не могло существовать безъ нихъ: въ Англіи уже лѣтъ за сто до того Вальполь прославился введеніемъ акциза, вопреки критикѣ такихъ умовъ, какъ Локкъ. Бонапартъ возстановилъ систему Кольбера подъ именемъ „соединеннаго акциза" (régie des droits réunis), уставъ котораго былъ прямо приноровленъ къ указу 1680 г. Это вѣдомство напоминало усердіемъ „прибыльщиковъ" Петра Великаго. Оно до того изощрялось въ открытіи новыхъ источниковъ дохода, что нерѣдко дѣлало позаимствованія у „стараго порядка", не погнушавшись даже габелью, только, конечно, въ смягченномъ видѣ. Возникъ рядъ новыхъ налоговъ—на напитки, табакъ и торговыя свидѣтельства, на сараи и склады, на окна и двери. Явились особые сборы на плотины, каналы и т. под. Были даже отчасти возстановлены городскія пошлины, въ видѣ „благотворенія" для богадѣленъ, больницъ и проч. Несмотря на хорошія руки, въ которыя попали косвенные налоги, они становились все обременительнѣе. Французы встрѣчали реставрацію криками: „Долой соединенный акцизъ!"

Вотъ источники доходовъ, имѣвшихъ тѣмъ больше силы, что почти не было главнаго расхода—на войско: благодаря новымъ побѣдоноснымъ войнамъ, армія не только сама содержала себя, но и служила новымъ источникомъ дохода. Понятно процвѣтаніе казны, какого не зналъ тогда свѣтъ. А съ нимъ пришелъ и кредитъ: богачи охотно давали деньги сильному правительству, которое расплачивалось монетой и строго выполняло свои обязательства. Но мы знаемъ, какъ не любилъ Наполеонъ дѣлать займы. Онъ ухитрился, напротивъ, сократить старый государственный долгъ, съ помощью кассы погашенія и ея несравненнаго Молльена. Эта касса, съ ничтожнымъ капиталомъ (5—10 милл.), такъ искусно орудовала залогами и облигаціями сборщиковъ, такъ ловко совершала конверсіи, облегчавшія уплату %, что въ три года погасила 1/30 консолидированнаго долга, а текущій долгъ казначейства вскорѣ совсѣмъ исчезъ. Касса погашенія окрѣпла, когда въ нее поступила часть національныхъ имуществъ, которыхъ оставалось еще на 400 милл. На эти деньги постепенно скупалась государственная рента, чтобъ поддержать ее на высотѣ 50, до которой она вдругъ поднялась съ 7 фр.

Финансовые подвиги перваго консула вѣнчались однимъ изъ наиболѣе крупныхъ и именно ему принадле-

жащихъ дѣлъ—знаменитымъ „банкомъ Франціи", которымъ начался вѣкъ. „Indignatio facit versum" (негодованіе родитъ стихъ), говорилъ Ювеналъ. Банкъ Франціи вытекъ изъ ненависти Бонапарта къ тѣмъ посредникамъ или частнымъ банкирамъ, которыхъ называли „услужниками" (faiseurs de service). Эти хищные большіе кулаки довели дѣло до того, что ссуды, за которыя платились предъ 1789 годомъ 5% въ годъ, можно было получить лишь за 5% въ мѣсяцъ. Мы видѣли, сколько пришлось заплатить самому Бонапарту послѣ 18-го брюмера. И касса погашенія чуть не погибла вначалѣ, попавши въ руки компаніи негоціанта Уврара, устроившей своего рода „палату". Отважный полководецъ рѣшилъ сразу учинить „освобожденіе казны" отъ этихъ душителей, дѣло, о которомъ только мечтали всѣ крупные правители Франціи до него.

Бонапартъ ненавидѣлъ бумажки, испытавъ на собственной шкурѣ все зло ассигнатовъ. Даже въ 1810 г. онъ внушалъ префектамъ: „Въ глазахъ императора бумажки—величайшій бичъ народовъ: это, въ нравственномъ отношеніи, по крайней мѣрѣ то-же, что чума—въ физическомъ". Онъ побѣдилъ свое отвращеніе изъ-за государственной нужды, но зато рѣшилъ и сумѣлъ вынуть жало у змѣи, причемъ снова выказался его даръ централизаціи. Онъ возвѣстилъ, указывая на примѣръ Англіи: „И правительству, и публикѣ легче надзирать за однимъ банкомъ, чѣмъ за многими. Что бы ни говорили экономисты, но не здѣсь полезна конкурренція". Наполеонъ не хотѣлъ, чтобы правительство выпускало бумажки: сейчасъ-же воскресли бы ассигнаты! Но, предоставляя банку страшную монополію выпуска билетовъ, онъ окружилъ его дѣйствительнымъ контролемъ. „Банкъ—говорилъ онъ — принадлежитъ не однимъ акціонерамъ, но также и государству, такъ какъ оно даетъ ему привиллегію чеканить монету"; но, прибавлялъ онъ, „я хочу, чтобы банкъ не слишкомъ былъ въ рукахъ правительства". И вотъ, казна внесла въ банкъ $^1/_6$ капитала изъ залоговъ сборщиковъ; а управленіе банка было распредѣлено между тремя чиновниками и 18-ю выборными отъ акціонеровъ. При такомъ надзорѣ, не имѣя права заниматься биржевой игрой, владѣя металлическимъ запасомъ въ своихъ кладовыхъ и надежными векселями купцовъ, банкъ тотчасъ сталъ на ноги: съ тѣхъ поръ до нашихъ дней его билеты ходятъ, какъ деньги, всегда съ хорошимъ курсомъ. Франція покрылась сѣтью его отдѣленій—по всѣмъ большимъ городамъ. Банкъ сослу-

жилъ хорошую службу самому Наполеону: онъ въ 6 лѣтъ ссудилъ ему 500 милл.

Говорятъ даже, что банкъ Франціи болѣе служилъ своему повелителю, чѣмъ торговлѣ и промышленности, для которыхъ онъ предназначался въ оффиціальномъ объявленіи. Но несомнѣнны его заслуги и на этомъ поприщѣ. Для оцѣнки ихъ довольно припомнить то экономическое положеніе, въ которомъ засталъ страну первый консулъ. Довольно двухъ словъ для описанія этой пустыни, этой tabula rasa народнаго хозяйства. При почти ежедневныхъ волненіяхъ и войнахъ втеченіе десяти лѣтъ, при господствѣ ассигнатовъ, не было не только капиталовъ, кредита, — не было даже монеты, путей сообщенія и простой безопасности; и въ 1799 г. разразился одинъ изъ самыхъ жестокихъ торговыхъ кризисовъ, одно изъ рѣдчайшихъ государственныхъ банкротствъ. Немудрено, что почти исчезли кружева сѣвера, полотна Бретани, бумаги Шаранта; едва выдержало даже знаменитое шелковое производство въ Ліонѣ, сократившись наполовину. Внѣшняя торговля стала: гавани засорились, порты развалились и опустѣли. Внутренніе денежные обороты сосредоточивались на биржевой игрѣ да на злостныхъ поставкахъ въ армію.

Многимъ кажется, что великій полководецъ зналъ одну только промышленность — ограбленіе всего міра. Но онъ высказывалъ трезвые и, можно сказать, возвышенные взгляды на обогащеніе частныхъ лицъ, тѣмъ болѣе удивительные, что у экономистовъ господствовала тогда теорія полнаго произвола личности, знаменитаго laisser faire, laisser passer. Онъ сказалъ купцамъ: „Торговля дѣло благородное и почтенное, если имъ руководятъ разсудокъ и бережливость. Нужно, господа, быть благоразумными: *купецъ не долженъ пріобрѣтать состояніе, какъ выигрываютъ сраженіе*; онъ долженъ пріобрѣтать понемногу и постоянно“. Наполеонъ всегда былъ одушевленъ благородною ненавистью ко всякимъ „дѣльцамъ“ — къ этимъ вампирамъ-посредникамъ, съ которыми онъ безпощадно расправлялся еще въ Италіи, въ особенности-же къ этимъ хищникамъ и бездѣльникамъ, которыхъ называли „speculateurs, agioteurs, faiseurs de service“ и т. д. Надъ дверьми каждой биржи слѣдовало бы начертать золотомъ такія слова завоевателя: „Я не хочу никого стѣснять въ промыслахъ. Но, какъ глава французскаго правительства, я не долженъ терпѣть той промышленности, для которой нѣтъ ничего святого, которая орудуетъ обманомъ и ложью, барыши которой

безнравственнѣе выигрышей въ азартной игрѣ,—промышленности, которая за малѣйшую такую выгоду продала бы тайны и честь самого правительства, если бы только онѣ были въ ея рукахъ".

Оттого-то уже при консульствѣ былъ изданъ цѣлый рядъ указовъ, безпощадно ограничивавшихъ азартъ и алчность всякаго рода „посредниковъ" и мѣнялъ, отъ грошовой мелюзги до многомилліоннаго генералитета „денежнаго обращенія". Тогда-же посыпались, одинъ за другимъ, разные уставы и учрежденія для упорядоченія и даже для воскресенія комертажной экономики страны. Возникли упорядоченныя биржи, совѣщательныя палаты ремеслъ и мануфактуръ, торговый генеральный совѣтъ, школы искусствъ и ремеслъ; были возстановлены уничтоженныя революціей торговыя палаты, а также подчиненные закону нотаріусы, маклера и мѣнялы. Началось и изготовленіе такого мудренаго дѣла, какъ торговый кодексъ. Торговля поощрялась всякими мѣрами съ разныхъ сторонъ. Банкъ Франціи щедро выдавалъ ссуды подъ товары и вообще поддерживалъ надежныхъ купцовъ. Для улучшенія путей сообщенія были опредѣлены особые суммы и налоги: и начались сооруженія двухъ каналовъ, постройка мостовъ, проведеніе дорогъ—трехъ даже черезъ Альпы. Явилась охрана сношеній: благодаря ретивой полиціи и отважной жандармеріи, разбойничество вдругъ стало невѣроятнымъ преданіемъ.

Наконецъ, Бонапартъ взялся нетерпѣливой рукой за такую основу экономики, какъ монетное дѣло. Ему-то принадлежитъ честь введенія въ жизнь той денежной системы, которая быстро стала міровымъ явленіемъ и могла бы одна увѣковѣчить имя Бонапарта-правителя, если бы не было Кодекса-Наполеона. Она слишкомъ извѣстна и понятна, чтобы историкъ останавливался на ея разъясненіи. Онъ могъ бы ограничиться замѣчаніемъ, что этой системы, коренящейся въ природѣ нашего мышленія не меньше, чѣмъ таблица умноженія, не миновать самымъ характернымъ народамъ, какъ бы свято ни хранили они свои аршины и фунты въ дорогихъ палатахъ, за десятью раззолоченными замками: гостинный дворъ и здѣсь не преминетъ завести новую практику, кивая на сосѣда, который соблюлъ національную спесь и ненависть къ „прирожденному врагу" только тѣмъ, что отчеканилъ свою „марку" чуточку потолще презрѣннаго франка. Но мы считаемъ долгомъ

указать на два обстоятельства, выдвинутыя въ послѣднее время историками и экономистами.

Во-первыхъ, и здѣсь, какъ во всемъ, Наполеонъ не творилъ изъ ничего, а былъ законнымъ преемникомъ прошлаго. Революція съ самаго начала, уже въ лицѣ Мирабо, замышляла монетную систему на новыхъ началахъ. Она, конечно, не успѣла провести въ жизнь эту идею, какъ и всѣ другіе замыслы, завѣщавъ ихъ потомству. Она принуждена была прибѣгнуть къ ассигнатамъ, принудительный курсъ которыхъ вызвалъ частью національную кубышку, частью отливъ благородныхъ металловъ за границу. Сверхъ того, съ своей основной точки зрѣнія, революція была права, какъ блестящій теоретикъ, допуская биметаллизмъ, но на практикѣ это вышло роковой ошибкой: одинаковое обращеніе золота и серебра, мѣновая цѣнность которыхъ вѣчно колебалась, сообразно съ торговымъ курсомъ самихъ металловъ, встрѣтило непреодолимое препятствіе въ привычкахъ населенія, притомъ запуганнаго хроническимъ банкротствомъ государства.

Но основная-то идея была велика и безсмертна, какъ правда. Она была какъ бы исполинскимъ выводомъ изъ всѣхъ прошлыхъ грѣховъ исторіи, какъ бы оправданіемъ смерти старины и источникомъ новой жизни: она должна была выплыть изъ хаоса всеобщаго разрушенія— и ее-то подняла могучая рука Бонапарта. Эта идея и есть то второе, на что пора обратить наше особенное вниманіе. До послѣдняго времени прославляли десятичную систему только за ея удобство, какъ одно изъ выраженій предвѣчныхъ законовъ мышленія. Но упустили изъ виду ея другое, болѣе важное величіе: она была возстановленіемъ правды, попранной вѣками неразумія и пошлости человѣчества. Какъ извѣстно, „старый порядокъ“ погибъ оттого, что на материкѣ развился. въ противоположность „правовому“ быту Англіи, тотъ типъ государства, который принято именовать „полицейскимъ“. Но его справедливо называютъ еще „фискальнымъ“, т. е. казенщиной. Тутъ все дѣло состояло въ извлеченіи прибылей казны, которое легло въ основаніе и „финансовой науки“, возникшей около половины XVIII-го в. Оно доходило до той вопіющей лжи, въ лицѣ фюрстовъ Германіи, которую народъ называлъ презрительнымъ именемъ „Finanzerei“ и „монетнымъ обрѣзаніемъ“. Правители безшабашно облегчали монету и подмѣшивали мѣдь и жесть къ своему золоту и серебру, а сами не принимали этого собственнаго произведенія.

Эта порча монеты играла роль бумажекъ, пока не народился ихъ магъ и чародѣй, Джонъ Ло. И основанный на такой коренной неправдѣ строй рухнулъ отъ взрыва возмущенной совѣсти народовъ.

Помянутая ложь, какъ и вся система полицейщины, была возведена въ государственный перлъ и освящена питомцами римскаго права среди быстроходныхъ французовъ, умѣющихъ все представить въ красивомъ и внушительномъ видѣ. Юристы измыслили такое правило, служившее, вплоть до революціи, заповѣдью для правителей материка: „монета есть знакъ цѣны, которую государю угодно, чтобы она представляла". Они даже прибавляли, ничто-же сумняшеся, что подданные обязаны приносить королю старыя монеты для обмѣна на новыя всякій разъ, „какъ только его величеству заблагоразсудится, чтобы новыя монеты стали знаками цѣны предметовъ".

Революція, начиная съ Мирабо, выставила совсѣмъ иной взглядъ. Она старалась возстановить правду и логику вещей, превративъ монету изъ условнаго знака того, что на ней написано, въ дѣйствительную цѣнность, соотвѣтствующую вѣсу металла. Монета должна была перестать быть самозванкой, должна была стать дѣйствительной стоимостью. Революція замѣтила даже, что биметаллизмъ былъ одною изъ причинъ, мѣшавшихъ осуществленію ея замысла: при директоріи явился планъ устраненія его. Но довершилъ дѣло Бонапартъ. Въ 1803 году старикашки ливры, су и денаріи были замѣнены безсмертными франками и сантимами, причемъ именно металлическая цѣнность монетъ равнялась номинальной или показной. За основаніе новой системы было взято серебро, составлявшее главную массу денежнаго обращенія; къ нему подводилось золото, и не произвольно, а жизненно—по его торговой цѣнѣ, какъ 1 : 15½. Это значило, что 1 килограммъ золота равняется 15½ кил. серебра, что представляло цѣнность серебра въ 6½ фр. за унцію. Такое соотношеніе между благородными металлами сохранялось вплоть до конца вѣка. Лишь въ 1892 г. цѣна серебра пала съ 6½ до 4 фр., что и вызвало ту великую борьбу между „монометаллистами" и „биметаллистами", которая еще долго будетъ давать себя знать всему міру. При измѣненіи этихъ отношеній между обоими металлами, предполагалось перечеканивать золотую монету, чтобы ея узаконенная цѣна всегда равнялась дѣйствительной стоимости.

Послѣдствія всѣхъ указанныхъ мѣръ опредѣляются

двумя краснорѣчивыми цифрами: торговые обороты достигли, за время консульства, 440 милл. ввоза и 380-ти вывоза; учетъ векселей въ банкѣ поднялся съ 111 до 255 милл. Впрочемъ, торговля оправилась не въ такой степени, какъ росла производительность страны. Ей мѣшалъ протекціонизмъ: не только вообще были установлены высокія таможенныя пошлины, но англійскіе товары совсѣмъ не допускались во Францію.

Зато промышленность двинулась впередъ исполинскими шагами. Такіе ученые, какъ Мондесъ, Бертолетъ, Шапталь, тотчасъ же взялись за дѣло съ свойственною французамъ быстротой и практичностью: они встрѣчали со стороны правительства не препоны, а поддержку. Они основали „Общество поощренія національной промышленности", которое вызывало всевозможные опыты, подхватывало изобрѣтенія повсюду, распространяло техническое образованіе. А правительство завело „совѣщательныя палаты" по дѣламъ фабричнымъ, ремесленнымъ и художественнымъ. Оно учреждало образцовыя мастерскія, гдѣ обучались лучшіе рабочіе со всей Франціи, и издавало рядъ законовъ для фабрикантовъ и рабочихъ. Правда, эти законы были проникнуты духомъ кольбертизма, какъ данью времени: его поддерживали экономисты и юристы. Регламентація, не совсѣмъ вытравленная революціей, расцвѣла снова. Указы установляли ширину, цвѣтъ, число нитокъ въ тканяхъ и опредѣляли, какіе сорта подлежатъ вывозу, какіе—нѣтъ; каждый городъ получалъ особую цвѣтную каемку для суконъ своихъ фабрикъ. Впрочемъ, большинство указовъ исчезло при имперіи: лишь слабые слѣды ихъ сохранились до сихъ поръ въ уголовномъ кодексѣ Франціи. Важнѣе была регламентація отношеній между хозяевами и рабочими. Строгіе указы запрещали стачки—и они сохранились до 1867 г. Были введены разсчетныя книжки, неудобства которыхъ увеличивались отъ вмѣшательства полиціи, которой предоставлялось улаживать споры между хозяевами и рабочими. При всемъ томъ уже зарождалась замѣчательная промышленность почти изъ ничего. Особенно выдвигались мастерства прядильное и ткацкое, затѣмъ—горное дѣло. Этому содѣйствовали машины, которыя сначала привозились, но вскорѣ были даже усовершенствованы самими французами.

Замѣтимъ, что при этомъ не должно упускать изъ виду и политическую сторону дѣла. Бонапартъ всячески старался пріобрѣсти расположеніе новой буржуазіи. Онъ и здѣсь не пренебрегалъ даже мелочами: онъ произво-

дилъ впечатлѣніе и своей простой одеждой, и грубоватымъ панибратствомъ, а сначала даже житьемъ-бытьемъ хорошаго хозяина и семьянина. Но Наполеонъ не забывалъ и крестьянина, съ которымъ также обращался запросто, задушевно: онъ какъ бы хотѣлъ слить въ себѣ Генриха IV съ Сюлли. Онъ входилъ во всѣ мелочи сельскаго хозяйства: охранялъ общинныя угодья отъ раздѣловъ, а частные лѣса—отъ вырубокъ, заботился о чисткѣ каналовъ и рѣкъ, о поддержаніи плотинъ, часто устраивалъ поощрительныя выставки сельскихъ произведеній. Въ то же время правительство неустанно пеклось о народномъ здравіи: для того времени имѣла важное значеніе такая мѣра, какъ указы о врачахъ и аптекаряхъ.

Подстрекаемый соперничествомъ съ Англіей, Бонапартъ сосредоточилъ свое вниманіе и на *колоніальномъ* вопросѣ. Онъ создалъ широкій планъ заморскаго благополучія Франціи, который долженъ былъ опираться на о. С. Доминго и Луизіану. Но тутъ-то и проявился весь его цезаризмъ, вызвавшій первое предостереженіе деспоту, хотя взглядъ его раздѣлялся тогда всѣми государствами и особенно Англіей. Покоритель Европы смотрѣлъ на колоніи исключительно какъ на орудія метрополіи, а на черныхъ и цвѣтныхъ туземцевъ — какъ на вьючный скотъ; онъ возстановилъ въ Вестъ-Индіи рабство и негроторговлю, отмѣненныя конвентомъ. Негры отвѣчали мятежами: они ожесточились до того, что взрывали себя порохомъ, чтобы только не возвращаться въ положеніе звѣрей. Французскія войска живо расправились съ ними на мелкихъ островкахъ. Не то было на *С. Доминго*—на этомъ крупномъ и роскошномъ перлѣ Антилъ. Его западъ представлялъ собой самую цвѣтущую изъ французскихъ колоній, покрытую богатыми плантаціями сахара и кофе; а по Базельскому миру 1795 года испанцы уступили ей и его восточную часть. При директоріи островъ терзали усобицы: плантаторы не признавали свободы негровъ и провозгласили Людовика XVII своимъ королемъ; имъ помогали испанцы и англичане. Но негры нашли даровитаго и безстрашнаго вождя въ лицѣ потомка африканскихъ царьковъ, 60-лѣтняго *Туссена-Лувертюра*, который самъ выучился грамотѣ, пріобрѣлъ безграничное довѣріе цвѣтныхъ и такъ успѣшно боролся съ плантаторами, что директорія назначила его своимъ генераломъ. Туссенъ, наконецъ, вытѣснилъ даже англичанъ съ испанцами и водворилъ миръ на островѣ. Но затѣмъ онъ естественно прогналъ и комиссаровъ директоріи. С. Доминго сталъ республикой, подъ покро-

вительствомъ Франціи и съ „Бонапартомъ черныхъ" во главѣ. Наполеонъ же, послѣ египетскаго похода, послѣ этой неудачи на Востокѣ, задумалъ вознаградить себя на далекомъ Западѣ: онъ получилъ Луизіану отъ испанцевъ, пообѣщавъ имъ Тоскану, и рѣшился сдѣлать С. Доминго опорой американской торговли французовъ. Но для этого бѣлый Бонапартъ долженъ былъ уничтожить чернаго. Онъ послалъ на островъ цѣлую армію—главнымъ образомъ, изъ республиканцевъ, чтобы кстати избавиться отъ безпокойныхъ „идеологовъ". С. Доминго былъ покоренъ въ два мѣсяца. Туссенъ былъ коварно схваченъ, вопреки мирнымъ условіямъ, и вскорѣ умеръ плѣнникомъ во Франціи. Но негры поднялись, какъ одинъ человѣкъ. Пользуясь дикой природой своей страны, они звѣрски истребляли французовъ: имъ помогали желтая лихорадка да англичане, отрѣзавшіе французамъ сношенія съ Европой. Рѣдко кто изъ идеологовъ возвратился домой. Островъ сталъ независимою республикой *Гаити*. Всѣ американскіе планы Наполеона рухнули: онъ продалъ Луизіану Соединеннымъ Штатамъ.

А. Трачевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

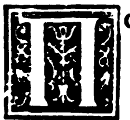

ИЗЪ ДАЛЬНИХЪ ЛѢТЪ.

Очерки и воспоминанія студенчества.

Далекая.

Люблю мою грезу прекрасную
. . . .
Мечту дорогую, неясную, далекую...
,,Принцесса Греза" Ростана, пер.
Т. Л. Щепкиной-Куперникъ.

По лицу моего сожителя по квартирѣ и однокурсника по университету Андрея Михайловича Должикова я всегда зналъ, давно ли онъ получилъ письмо; съ недѣлю послѣ полученія письма изъ дому, изъ Сибири, онъ былъ весь переполненъ какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ, и затѣмъ начиналъ тускнѣть и становился окончательно сѣрымъ и мрачнымъ, если письмо запаздывало.

Молчаливый и несообщительный, Должиковъ почти стоялъ особнякомъ отъ всѣхъ, и лишь невольная близость совмѣстнаго жительства сдѣлала его откровеннѣй со мной, чѣмъ съ другими.

— Больше всего я боюсь—живую душу въ ней, въ моей Машѣ, потушить, говаривалъ онъ мнѣ часто.

Я люблю ее — какъ свою совѣсть... Глаза у нея такіе—все прочтутъ, до глубины души. А возможно ли думать намъ о совмѣстной жизни? Развѣ это съ цѣлями нашей жизни не въ разладѣ?

Помнишь, какъ недавно Воздвиженскій сказалъ: „кто хочетъ заниматься романами — пусть занимается. Для того и дипломъ—ассигновка на государственное казначейство, а намъ, братцы, садиться на шею другимъ стыдно“.

Это правда—стыдно.

Если бы я и пошелъ на уступки—вѣдь она, Маша, пойметъ—ей стыдно за меня станетъ, и глаза ея потухнутъ, потухнутъ навсегда. Нѣтъ, боюсь я потушить живую душу!..

И Должиковъ сильно закашлялъ.

Послѣднее, почему-то запоздавшее письмо, уже застало его въ постели...

„Дорогой Андрюша“, читалъ я ему вслухъ, „незабвенный мой Андрюша, теперь, послѣ твоего отъѣзда, болѣе чѣмъ когда-либо прежде, поняла я, чѣмъ ты для меня былъ. Зачѣмъ ты такъ часто твердилъ мнѣ, прощаясь со мной, что не надо говорить о любви, что при настоящемъ положеніи вещей—не время осложнять жизнь личными требованіями... Дорогой мой—развѣ все это не противорѣчитъ жизни?

„Знаешь, я часто думаю, что, можетъ быть, мы „умственные“ люди, какъ говоритъ матушка, потому, большей частью и не достигаемъ ничего реальнаго, не умѣемъ завоевывать никакихъ существенныхъ улучшеній жизни, что намъ самимъ, за отсутствіемъ личнаго счастія, опереться не на что“.

— Постой, постой, подожди немного, прохрипѣлъ Андрей,—подожди—я не могу больше.

Крупныя капли пота выступили на блѣдномъ лбу больного и, устремивъ на меня свои большіе, лихорадочно горящіе глаза, онъ сказалъ: Слушай—теперь уже, пожалуй, и поздно объ этомъ думать, а какъ же быть?

Ты знаешь мою теорію: только безнравственные люди несчастливы—но конечно лишь въ обществѣ, построенномъ на разумныхъ началахъ...

А все-таки, та, далекая, мечта моя, совѣсть моя—тоже права—опереться не на что и нѣтъ силъ...

На вокзалѣ я ее оставилъ тогда... Стоитъ, блѣдная, глазами не моргаетъ, а изъ глазъ слезы текутъ, да по временамъ углы рта вздрагиваютъ.

Какъ сталъ поѣздъ отходить, крикнула она мнѣ на прощаніе: „такъ помни, что хоть я далекая для тебя теперь, а всегда съ тобой... всегда съ тобой“.

Всегда она со мной. Читай!

„Пишу это я тебѣ, Андрюша“, читалъ я дальше, „не

потому, что доводы подбираю для доказательства какихъ-либо отвлеченныхъ положеній, а пойми ты, милый, за счастіе свое, за наше счастіе борюсь. Отстою ли?

Неужели—ты думаешь, что мы меньше будемъ любить другихъ людей потому, что будемъ любить другъ друга? Любовь есть чувство особливое, говоритъ отецъ діаконъ, но вѣдь любовь есть и союзъ двухъ, а куда направить силы этого союза — противъ людей, т. е. лишь на служеніе своимъ интересамъ, или на пользу всѣхъ—развѣ не отъ насъ зависитъ?

„Нѣтъ, милый, любовь не только „чувство особливое", но и чувство, укрѣпляющее энергію духа для борьбы..."

— Перестань, перестань, не читай дальше, прервалъ меня опять Андрей,—не читай—слишкомъ больно—она къ жизни зоветъ и не знаетъ, что я уже не могу... Ты понимаешь, ты знаешь—уже не могу. Напиши ей правду, да безъ обиняковъ: такъ, молъ, и такъ, умираетъ.

Андрей опустился на подушку и съ какимъ-то особеннымъ озлобленіемъ повернулся лицомъ къ стѣнѣ...

Писать мнѣ не пришлось—о смерти Андрея узнали тамъ, въ Сибири, и безъ меня.

Люби дальняго твоего.

Wir haben lang genug geliebt
Wir müssen endlich hassen!
Herweg.

Петръ Ивановичъ Окновъ старшій, чиновникъ сиротскаго суда, сѣденькій старичекъ, въ черномъ суконномъ сюртукѣ и въ бѣломъ галстухѣ, былъ почти постоянной безмолвной фигурой, возсѣдавшей на нашихъ студенческихъ вечеринкахъ. Происходило это главнымъ образомъ, можетъ быть, потому, что эти вечеринки чаще всего устраивали въ квартирѣ Окновыхъ, такъ какъ сынъ Петра Ивановича—Петръ Окновъ младшій, учился въ университетѣ, а другихъ свободныхъ помѣщеній для вечеринокъ оказывалось мало. Все въ этомъ старичкѣ всегда было, проникнуто такимъ глубокимъ трепетомъ передъ наукой и сердечной любовью и уваженіемъ ко всѣмъ намъ, представителямъ учащейся молодежи, что никому не казалось страннымъ присутствіе его на нашихъ сборищахъ. Да и надо отдать

справедливость старику—онъ никому ни въ чемъ не мѣшалъ: онъ постоянно молчалъ, разливая чай.

Заговорилъ старикъ только лишь разъ и при совершенно особенныхъ обстоятельствахъ, но настолько характерно, что у меня живо сохранились въ памяти его слова.

Всѣ мы были уже близки къ окончанію курса и вслѣдствіе этого рѣчь часто касалась предположеній будущаго. Одни толковали о службѣ въ качествѣ врачей земству, другіе говорили о государственной службѣ, о литературѣ или дальнѣйшемъ служеніи наукѣ и, наконецъ, третьи — большинство юристовъ, заявляли о своемъ намѣреніи поступить въ адвокатуру. Окновъ-сынъ пока не высказывалъ никакихъ плановъ, Окновъ-отецъ особенно внимательно за послѣднее время прислушивался къ его словамъ, очевидно, ожидая, что онъ вскорѣ выскажется. Окновъ-отецъ не ошибся.

Разговоръ зашелъ о цѣляхъ трудовой жизни. Воздвиженскій по своему обыкновенію сталъ краснорѣчиво доказывать, что считаетъ настоящимъ трудомъ лишь дѣятельность, приносящую пользу не только трудящемуся, но и обществу, т. е. собственно ломился въ открытую дверь, а Петръ Окновъ младшій слушалъ его, слушалъ да и оборвалъ: „Что ты тутъ все витійствуешь, дѣло вѣдь не въ томъ, какъ жить при существованіи иныхъ условій, а вопросъ гораздо проще: какъ жить теперь. Я вотъ думалъ надъ этимъ и одно надумалъ: какъ кончу курсъ въ университетѣ, да получу свой дипломъ кандидата правъ—махну сейчасъ въ деревню да въ ней и засяду, да не на службу куда-нибудь поступлю, а просто найму избу и стану жить; ну, станутъ ко мнѣ, конечно, разные люди ходить, спрашивать, для чего, молъ, пріѣхалъ? Становой пріѣдетъ, спроситъ, я и его приму и ему скажу: пріѣхалъ, дескать, я въ деревню, чтобы разсказать всякому, кто хочетъ, какъ въ предѣлахъ закона жить—да ты слышишь, Воздвиженскій, какъ въ предѣлахъ закона жить, а не въ будущемъ, не въ безпредѣльности какой-то. Вѣдь людямъ жить нужно сегодня, а не завтра, т. е. въ предѣлахъ дѣйствительности, и между прочимъ и закона, а не въ мечтаньѣ того, какъ лучше. Реальные планы твои тѣ-же мечтанья и жить намъ нужно не для далекаго какого-то, а для близкаго человѣка. Вотъ какъ становой узнаетъ, что я жить хочу въ предѣлахъ закона и другихъ хочу учить тому-же, такъ какъ, утверждаю, въ предѣлахъ закона, т. е. дѣйствительности, всегда вѣдь можно жить, то меня становой въ покоѣ и оставитъ, и начнутъ ко мнѣ и

другіе люди ходить, а я и ихъ научу, что у нихъ по закону есть не только обязанности, но и права, большія или малыя, а все-таки есть права. И станетъ всѣмъ этимъ людямъ жить легче, потому что они въ предѣлахъ существующаго будутъ имѣть возможность получить лучшее, т. е. полное осуществленіе своихъ правъ, а это ужъ очень хорошо, ей-Богу хорошо!"

Нетерпѣливо слушавшій всю эту тираду Воздвиженскій только что собрался возражать, какъ изъ-за самовара совершенно неожиданно для насъ всѣхъ поднялась тщедушная фигура старика-отца Окнова, и онъ, подъ вліяніемъ овладѣвшаго имъ волненія, почти повелительно махнулъ рукою Воздвиженскому, чтобы тотъ молчалъ, а самъ началъ сперва нѣсколько заикаясь, а затѣмъ все смѣлѣй говорить сыну:

„Горько мнѣ тебя слушать, Петръ; говорить я не умѣю да и жилъ нехорошо—указать тебѣ и на жизнь мою не могу, а горько. Знаешь вѣдь ты, что я сынъ дьячка. Дьячекъ, твой дѣдушка, всю жизнь въ деревнѣ маялся и умеръ пьяный, царство ему небесное. Ну, вотъ я и сталъ пробиваться... Не было еще у насъ тогда такихъ господъ, какъ ты, которые бы правамъ насъ учили, а сами мы всего этого искали, какъ солнца ждутъ... И не знали мы тогда, что есть особая наука, которая вездѣ права найдетъ, и думали мы, и я думалъ, что не такъ живи, какъ хочется, а какъ люди велятъ; а по-хорошему жить намъ не было велѣно и дѣломъ всей моей жизни было черезъ свою голову къ свѣту тянуться; всякими путями, Петръ, слышишь ты, всякими путями, рѣшилъ я добиться для сына науки и добивался всякими путями. Стыдно ли мнѣ, пожалуй, скажу тебѣ, что и не стыдно, потому не было у насъ ни правыхъ, ни виноватыхъ... Правъ этихъ самыхъ у насъ не было, ну мы сами каждый за свой счетъ и учились жить Но вѣрилъ я всегда, что будетъ и другое время, когда люди дѣйствительно установятъ общія для всѣхъ правила и мечталъ я, что сынъ мой пойдетъ не внизъ, а вверхъ—не туда, гдѣ правъ ищутъ, а туда, гдѣ ихъ даютъ. Ищемъ, то мы всѣ давно, а дать не могли, а ты, Петръ, поди и дай".

Старикъ на минуту остановился, затѣмъ продолжалъ:

— Дѣдъ твой ближняго любилъ, Петръ, и спился, потому что ближнему не могъ помочь, а ты люби дальняго, а ближняго жалѣть нечего... Ближняго мы до такой степени любили всѣ, что уже и ненавидѣть начинаемъ, ненавидѣть начинаемъ за безсиліе свое, потому что

его не поднять — ну, а дальній подняться долженъ. Долженъ подняться, говорю я, особенно, когда кверху пойдутъ люди не для себя, а для него—дальняго, пойдутъ и не забудутъ, для кого они служатъ. Иди-же, Петръ, на службу, не для тебя прошу я, не для себя, а для внуковъ твоихъ прошу я, для внуковъ нашихъ. Иди и дай то, чего ищутъ уже давно и что найти теперь не поможетъ никакая наука.

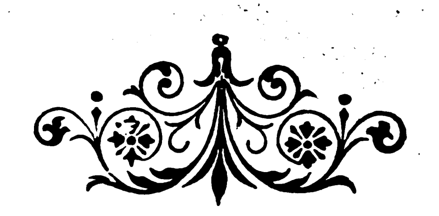
Окновъ опять замолчалъ, затѣмъ сѣлъ и уже съ добродушной улыбкой замѣтилъ:

Вѣдь ежели бы иначе было, и все было бы хорошо, такъ, пожалуй, и я не былъ бы чиновникомъ сиротскаго суда, да ужъ что говорить, и самого сиротскаго суда, пожалуй-бы, не было.

Возражать старику не сталъ никто, можетъ быть, потому, что ужъ очень удивилъ всѣхъ этотъ призывъ, даже повелѣніе какое-то, идти на государственную службу, повелѣніе, мало гармонировавшее съ общимъ настроеніемъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы всѣ разъѣхались, а Окновъ младшій, какъ я слышалъ, служитъ теперь по одному изъ министерствъ.

М. Головинскій.

Литературная лѣтопись.

Русскіе журналы.

О голодныхъ и безпокойныхъ людяхъ.—Новый міръ, реализующій мечты старой Европы.—Назадъ—отъ *пошлаго* реализма!... Но почему же не впередъ?—Отвѣтъ на предыдущій вопросъ.

Эпопея послѣднихъ неурожайныхъ десяти лѣтъ, начиная съ повсемѣстнаго голода въ Россіи въ 1891 г., всѣмъ извѣстна. „Неурожаи" послужили интереснѣйшей темой для нашей публицистики и разработаны ею со *всѣхъ* точекъ зрѣнія. Одни публицисты по камертону со Страстного бульвара доказывали, что „все обстоитъ попрежнему благополучно, а если что—то потакать нечего"; другіе доказывали, что все попрежнему обстоитъ неблагополучно, и надо голодныхъ кормить.

Та-же тема одновременно послужила поводомъ къ возрожденію у насъ беллетристическихъ очерковъ о житьѣ-бытьѣ мужицкомъ и преимущественно въ это голодное и хворое время. Очерки эти появляются въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: и въ формѣ художественнаго вымысла, и въ формѣ безыскусственной, непосредственной: авторъ передаетъ собственныя впечатлѣнія и воспоминанія, какъ очевидецъ, какъ дѣйствующее лицо.

Такіе очерки подъ заглавіемъ „По слѣдамъ голода, изъ разсказовъ очевидца", печатаются съ начала года (и до сихъ поръ не кончены) въ „Историческомъ Вѣстникѣ" и касаются вчерашняго дня, который, какъ теперь извѣстно, продолжается и сегодня; тринадцать уѣздовъ семи губерній оффиціально объявлены „неблагополучными въ продовольственномъ отношеніи".

Мы не думаемъ, чтобы эти очерки заинтересовали читате-

лей, убѣжденных въ отсутствіи неурожаевъ и голода или объясняющихъ существованіе того и другого *лѣностью* и *хитростью* мужика, желающаго покормиться на даровщинку; но если бы „очерки" попали въ руки такихъ читателей, то они безъ колебанія назвали бы ихъ тенденціозными и разразились бы по адресу автора обвиненіемъ въ подтасовкѣ фактовъ, искаженіи дѣйствительности, сгущеніи красокъ и въ односторонности; обвиняли бы потому, что авторъ, дѣйствительно, съ нескрываемой ироніей относится къ „благонамѣреннымъ рѣчамъ" и *закономѣрнымъ дѣйствіямъ* нашихъ культурныхъ охранителей, стоящихъ *на стражѣ порядка* въ нашей провинціи, и съ нескрываемымъ же сочувствіемъ относится къ тому пришлому и немногочисленному элементу „даровыхъ кормильцевъ", „даровыхъ лѣкарей", корреспондентовъ, которыхъ онъ называетъ просто „хорошими людьми", что на языкѣ мѣстныхъ охранителей равносильно „безпокойнымъ людямъ".

— Такъ, стало быть, вы изволите собирать свѣдѣнія о размѣрахъ нужды?... О томъ, какъ бѣдный мужичекъ голодаетъ? Какъ онъ кору осиновую гложетъ и пухнетъ отъ того? Отъ голоду въ цынгѣ да тифѣ валяется?... Собираете эти свѣдѣнія, а потомъ и кормильцы пріѣдутъ... мужичка питать будутъ... „На—де, миленькій, сдѣлай милость,—пошевелись малость, изволь ручку поднять, ложку взять и кусочекъ убоинки въ ротъ положить... Потому что ты вѣдь, голубчикъ, голодненькій, а мы питать тебя пріѣхали, потому на всѣ Европы газеты прошумѣли, что ты голодаешь, на манеръ сѣраго зайца, осинку гложешь".

Такими рѣчами встрѣчали нашего автора тѣ „помѣстные" люди, которые обыкновенно говорятъ: „Мы мужичка нашего православнаго раскусили, хорошо знаемъ его, каналью".

— Ваша даровая помощь только деморализуетъ населеніе, продолжаютъ они поучать огорошеннаго человѣка.—Мужикъ лежитъ, у него съ голоду брюхо подтянуло. А онъ, вѣдь, повѣрьте, и не почешется... а почему? Потому, что онъ увѣренъ, что если у него будетъ неурожай,—ему дадутъ на обсѣмененіе, будетъ голодъ—его кормить будутъ, пропьетъ, проѣстъ лошадь—и лошадку ему дадутъ... Да чуть ли еще и не поблагодарятъ его, что напился-наѣлся на даровщинку... А знаете вы, чѣмъ пахнетъ вся эта даровая помощь?.. Вотъ пріѣхали сюда откуда-то богъ-вѣсть кормильцы-поильцы... Отъ денегъ жертвованныхъ у нихъ чуть карманы не рвутся, благо не свои... Пріѣхали, понаоткрывали столовыхъ, на

кормили мужика, а потомъ уѣхали—и нѣтъ ихъ... А кто за все это долженъ расплачиваться?.. Мы-съ, здѣшніе коренные помѣщики, должны послѣ вашего-то пира чужое похмѣлье расхлебывать... Кабы васъ не ждалъ мужикъ (а онъ вѣдь васъ ждетъ, повѣрьте, потому, что вѣритъ, что есть на свѣтѣ такіе мягкотѣлые господа, которые придутъ ему „утереть слезу!") или не пришли бы вы, такъ онъ за работу бы взялся, туда-сюда помыкался, а ужъ нашелъ бы себѣ работу...

Подобнаго рода рѣчи, что „мужики балуютъ", и „все для мужика, а намъ ничего", раздаются много годовъ со столбцовъ извѣстнаго рода печати. Одно время полагали, что такія рѣчи являются плодомъ настроенія особаго рода публицистовъ, вообще — единичныхъ лицъ, кѣмъ-то, чѣмъ-то и когда-то обиженныхъ, что если эти публицисты и выражаютъ въ своихъ рѣчахъ общественное мнѣніе, то лишь незначительной группы, съ которой можно и не считаться. Но приходится убѣждаться въ противномъ. Такихъ людей слишкомъ много, такъ много, что, по замѣчанію автора, они способны дѣйствовать подобно болотной тинѣ: они засасываютъ, и только при помощи собственнаго внимательнаго наблюденія дѣйствительности можно выкарабкаться изъ этой тины. Люди, потянувшіеся въ деревню, чтобы своимъ трудомъ, знаніями и самоотверженіемъ помочь ей, нерѣдко сами подпадали подъ вліяніе дружнаго хора голосовъ, отвергавшихъ наличность нужды, сами дѣлались убѣжденными противниками дарового кормленія, даже какой бы то ни было даровой помощи. Можно себѣ представить, сколько нужно было потратить энергіи только на то, чтобы сначала оріентироваться въ фактахъ и отличить изъ нихъ тѣ, которые имѣютъ значеніе несомнѣнной дѣйствительности, отъ тѣхъ, которые вамъ подсовываютъ, выдавая за таковые, и уже затѣмъ приступить къ своему прямому дѣлу, непремѣнно *прямому;* въ противномъ случаѣ, вы рискуете попасть въ разрядъ или обманутыхъ, или недобросовѣстныхъ, или прямо „неблагонамѣренныхъ".

Людей, поспѣшившихъ на помощь нуждѣ, ихъ портреты и дѣятельность, авторъ въ четырехъ послѣднихъ книжкахъ журнала рисуетъ одного за другимъ, называя ихъ „волонтерами голода". Передъ вами проходятъ: и священникъ, прослывшій вольнодумцемъ за то, что голодающихъ сталъ кормить въ филипповки мясомъ, и докторъ, взволновавшій общественное мнѣніе „констатированіемъ факта смерти отъ хрони-

ческаго недоѣданія", и бѣдный помѣщикъ, владѣлецъ тридцати десятинъ, которому самому почти ѣсть нечего, и сердобольная помѣщица, мужъ которой въ голодъ не вѣритъ, и курсистка съ румянцемъ на блѣдныхъ щекахъ, съ худымъ, почти дѣтскимъ, лицомъ и тощимъ чомоданчикомъ, и „бобылка", *тревожащая* своихъ сосѣдей, чтобъ кормить „голодныхъ младенцевъ" въ устроенныхъ ею ясляхъ, и студентъ-медикъ, ухлопывающій всѣ свои силы на лѣченіе тифозныхъ и цынготныхъ и убѣжденный, что онъ совершаетъ безполезную Сизифову работу, и, наконецъ, энергичный, упорный, какъ сталь, „безпокойный" земецъ, которому пришлось *претерпѣть* и матеріально, и нравственно. Условія, при которыхъ приходилось работать этимъ „волонтерамъ голода", по описанію автора, являлись самыми невѣроятными. Избы стояли раскрытыми, потому что соломенная покрышка вся была скормлена скоту, лошадей подвѣшивали, чтобы не падали съ голоду, дѣти мерли отъ тифа и цынги, тоже—отъ голода. Мѣстная власть, распоряжавшаяся продовольственными ссудами, заносила въ списки голодающихъ и урядника, и стражника, и фельдшера, и псаломщика по тому только соображенію, что мужика само собою накормятъ, умереть съ голоду не дадутъ, а этимъ „отъ своего счастья отказываться тоже не слѣдъ". При пріемѣ всякаго рода продуктовъ, присылавшихся для голодающихъ, слѣдовало быть крайне осторожнымъ, потому что нерѣдко эти продукты оказывались никуда негодными, особенно поступавшіе отъ „щедротъ жертвователей"; благодѣтели разсуждали такъ, что продавать ихъ — никто не купитъ, а „мужицкій луженый желудокъ" все съѣстъ; кромѣ того, надо же было указать и на свое прикосновеніе къ помощи: „мы, дескать, тоже пахали". Стая паразитовъ вертѣлась и питалась около голода, и въ той же толчеѣ суетились „акробаты благотворительности", что-нибудь тоже устраивая, въ родѣ школьныхъ столовыхъ, гдѣ они поили ребятишекъ „питательнымъ напиткомъ изъ желудей", ходатайствовали о пожертвованіи сахаромъ, о присылкѣ какихъ бы то ни было суррогатовъ, начиная отбросами овощей и кончая древеснымъ листомъ. Въ заключеніе, вся эта безтолочь завершалась кое-какъ открытіемъ столовой; но начинать кормить оказывалось нельзя, потому что не пришло еще „разрѣшеніе". Смѣлые „волонтеры" начинали кормить украдкой. Противъ столовыхъ, которыя кормили съ разрѣшенія, открыто, возникали чуть не заговоры.

— Чортъ знаетъ, что такое! возмущался одинъ изъ по-

мѣщиковъ.—Кормить въ іюлѣ, когда такъ нужны рабочія руки!.. Чего же ты-то смотришь? обратился онъ къ бывшему тутъ земскому начальнику.—Вѣдь ты тоже помѣщикъ... Это и тебя касается.

— Что же я-то могу сдѣлать? сказалъ тотъ, пожимая плечами.

— Ну, сдѣлалъ бы какое-нибудь административное воздѣйствіе, что ли...

— Подумаю.—Тутъ есть одна барынька,—не то полька, не то молдаванка. Больно ужъ она сладко кормитъ-то. Оттуда ни одинъ рабочій нейдетъ ко мнѣ въ экономію... Надобно ее посократить.

Особенно *безпокойными людьми и нежеланными гостями* для мѣстныхъ аборигеновъ, большихъ и малыхъ *дѣльцовъ* разныхъ сферъ оказывались корреспонденты и туристы, а изъ послѣднихъ—иностранцы. Не стѣсняясь ничѣмъ и не считаясь съ тѣми данными, которыя подсовывали *услужливые* люди, корреспонденты описывали все то, что было на самомъ дѣлѣ, называли вещи своими именами и оповѣщали о томъ всему міру. Мѣстное „общественное мнѣніе" негодовало, но подѣлать съ пріѣзжими корреспондентами ничего не могло; зато оно не стѣснялось съ „своими", если тѣ обнаруживались и попадали подъ руку.

— Если бы только я его поймалъ, угрожающе кричалъ одинъ аборигенъ,—я бы ему, другу милому, удружилъ!

„Знатнымъ иностранцамъ" устраивали „достойные пріемы", направляя ихъ въ противоположныя отъ голода стороны; но двумъ нѣмецкимъ туристамъ удалось сдѣлать нѣсколько снимковъ съ тѣхъ лошадей, худыхъ, истощенныхъ, заморенныхъ, усѣявшихъ своими трупами весь скорбный путь „великаго переселенія" своего изъ далекихъ азіатскихъ степей до нашей голодающей деревни. Въ свое время прибытіе партіи такихъ лошадей ознаменовалось крупнымъ скандаломъ на всю Россію.

Итакъ, въ нашей литературѣ вновь появился мужикъ, запахло прѣлой овчиной, гнилой соломой, дегтемъ и еще чѣмъ-то.

Оказывается, отъ правды не убѣжишь!

Австралія, считающаяся англійской колоніей, въ прошломъ году объявила себя лишь номинально зависимой отъ Англіи и образовала федерацію изъ своихъ колоній, въ составъ которой вошла и Новая Зеландія. Въ этой послѣдней,

особенно интересной изъ австралійскихъ земель, какъ въ микрокосмѣ, отразились наиболѣе выпукло всѣ особенности Австраліи.

Въ настоящее время вышла въ Лондонѣ книга Риса подъ заглавіемъ „Длинное Бѣлое Облако" (названіе Новой Зеландіи на туземномъ языкѣ маори) и его же докладъ о Новой Зеландіи въ одномъ лондонскомъ ученомъ обществѣ, который озаглавленъ: „Счастливые острова"; въ самой Новой Зеландіи издается оффиціальный „Ежегодникъ Новой Зеландіи". Весь этотъ матеріалъ легъ въ основаніе статьи г. Мижуева („Русское Богатство") подъ тѣмъ же упомянутымъ названіемъ „Счастливые острова". Оказывается, что многія изъ тѣхъ идей, чаяній и ожиданій, изъ-за которыхъ идетъ словесная и рукопашная война въ Европѣ и отчасти въ Америкѣ, въ значительной степени и довольно просто нашли свое осуществленіе и вылились въ конкретной формѣ на этихъ отдаленныхъ островахъ, поверхность которыхъ равняется 5000 кв. миль, т. е. нѣсколько превышаетъ поверхность собственной Великобританіи, во всякомъ случаѣ, для эксперимента достаточно внушительная.

Реорганизація австралійскихъ колоній, управлявшихся сначала почти неограниченно губернаторами, началась съ того, что губернаторскія полномочія были переданы въ руки ея населенія. Въ инструкціи губернаторамъ изъ метрополіи были даны, между прочимъ, слѣдующія указанія:

„Избѣгайте вмѣшиваться въ борьбу партій въ колоніи... Такъ какъ въ колоніи существуетъ свобода прессы, то, конечно, найдутся газеты, которыя будутъ злоупотреблять этой свободой. Не обращайте на это вниманія и относитесь спокойно къ возможнымъ нападкамъ на васъ".

Парламенты австралійскихъ колоній представляютъ собою почти сколокъ съ англійскаго парламента, но лишь съ внѣшней формы его; что же касается реорганизаціи самой сущности соціальныхъ и политическихъ отношеній, то имъ принадлежатъ наиболѣе сильные и рѣшительные опыты. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть смѣлѣе такого шага, какъ дарованіе всѣмъ женщинамъ избирательныхъ правъ на одинаковыхъ условіяхъ съ мужчинами? А между тѣмъ правительство Новой Зеландіи провело эту мѣру въ 1893 г., и ничего ужаснаго изъ этого не произошло. Всѣ женщины, въ томъ числѣ и туземнаго племени маори, воспользовались данными имъ правами и въ числѣ 90% подали свои голоса. Участіе жен-

щинъ въ выборахъ не только не измѣнило направленія политической жизни, но даже способствовало появленію новыхъ законовъ и мѣропріятій, какъ, напр., о допущеніи женщинъ къ занятію адвокатурой, о назначеніи ихъ фабричными инспекторами и т. п.

Въ качествѣ одного изъ наиболѣе демократическихъ обществъ нашего времени. Новая Зеландія употребляетъ всѣ усилія къ развитію въ странѣ народнаго образованія, особенно начальнаго. И здѣсь правительство страны стало сразу на правильный путь; оно не только обезпечило школы средствами, но предоставило распоряженіе ихъ хозяйственной и въ значительной степени учебною частью самимъ родителямъ. Закономъ 1877 года начальное образованіе въ Новой Зеландіи было сдѣлано даровымъ, обязательнымъ и свѣтскимъ для дѣтей обоего пола. Поэтому школьныя власти должны постоянно заботиться, чтобы въ школѣ всегда имѣлось мѣсто для всѣхъ желающихъ. Въ 1898 году непосѣщавшихъ школу (но обучавшихся дома) было зарегистрировано только 4%. Законъ объ обязательности обученія распространяется и на маори. Франція, владѣющая Алжиромъ тѣ же пятьдесятъ лѣтъ, не думаетъ до сихъ поръ вводить обязательности образованія для туземцевъ. Общій расходъ Новой Зеландіи на начальное образованіе достигаетъ 5 мил. рублей (по 6 р. 50 к. на душу населенія). При такомъ же расходѣ Россія должна бы тратить на свои народныя школы около милліарда рублей. О среднемъ и высшемъ образованіи достаточно сказать, что и оно стоитъ въ Новой Зеландіи на соотвѣтствующей высотѣ; отличіе его отъ европейскаго заключается въ томъ, что центръ тяжести его склоняется болѣе къ точнымъ и опытнымъ наукамъ.

Періодическая печать въ колоніи (столь же свободная, какъ и въ метрополіи) вызываетъ похвалы даже англичанъ, привыкшихъ у себя дома пользоваться услугами несомнѣнно лучшей и самой вліятельной прессы въ мірѣ. Въ Новой Зеландіи выходитъ 208 періодическихъ изданій, т. е. одно изданіе приходится на 3600 душъ населенія всякаго возраста. Россія по такому разсчету должна была бы имѣть около 35 тысячъ изданій. Она имѣетъ ихъ въ пятьдесятъ разъ меньше. Пресса Новой Зеландіи является главнымъ контролирующимъ органомъ правительственной и общественной дѣятельности; малѣйшіе промахи въ этихъ сферахъ подвергаются рѣзкой и неутомимой критикѣ. Однако, по замѣчанію Ривса, печать нареканій противъ себя не возбуждаетъ.

Однимъ изъ важныхъ признаковъ умственной культуры и однимъ изъ серьезныхъ орудій развитія таковой считается состояніе почтовыхъ и телеграфныхъ сношеній и путей сообщенія. Замѣтимъ, что Новая Зеландія въ этомъ дѣлѣ занимаетъ первое мѣсто въ мірѣ.

Земельное законодательство Новой Зеландіи проникнуто принципомъ „Земля для народа", что и выражается въ установленіи предѣльныхъ нормъ земельныхъ участковъ, которые могутъ быть пріобрѣтаемы отъ государства въ однѣ руки, и въ прегражденіи перехода собственности въ руки лицъ, уже вполнѣ обезпеченныхъ землею.

Интересны и поучительны также свѣдѣнія объ охранѣ закономъ интересовъ труда въ странѣ, о примирительныхъ комиссіяхъ и третейскомъ судѣ, о государственномъ страхованіи жизни, о пенсіяхъ въ старости и вообще о экономическомъ положеніи страны и о производительности народнаго труда. Но здѣсь уже приходится знакомиться съ большой массой подробностей, хотя эти-то именно подробности и дѣлаютъ достовѣрными всѣ сообщаемыя свѣдѣнія. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ совершенно уже безпристрастный писатель-экономистъ, Леруа-Болье, еще раньше отозвался обо всей Австраліи, что кромѣ этой страны „нѣтъ другой на свѣтѣ, гдѣ бы жизнь была такъ легка, гдѣ цѣны на всѣ необходимые для человѣка, особенно на жизненные припасы, были бы такъ низки и заработная плата такъ высока".

Остается отвѣтить на одинъ существенный вопросъ, именно о причинахъ, способствовавшихъ быстрому и разностороннему развитію Новой Зеландіи. Прежде всего, климатъ этой страны одинъ изъ самыхъ благодатныхъ на земномъ шарѣ; здѣсь не существуетъ крайностей тепла и холода, не бываетъ засухъ. Эта климатическая равномѣрность привела къ равномѣрному же распредѣленію жителей по всей странѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣшняя природа не лишена и разнообразія: здѣсь какъ будто искусственно чередуются и живописные альпійскіе виды Швейцаріи, и оригинальность береговъ Норвегіи и Шотландіи. Однако, столь *счастливымъ* положеніемъ страны можно было воспользоваться различно. Трудно сказать, какова была бы судьба этой страны, если бы она попала въ руки не Англіи, а въ какія-либо другія, хотя бы даже Франціи. Одною изъ самыхъ характерныхъ чертъ англійской колоніальной политики всегда служило (за исключеніемъ немногихъ извѣстныхъ случаевъ) отсутствіе именно политики, сознательнаго плана,

которому предполагалось бы слѣдовать при управленіи колоніей. Въ Новой Зеландіи все управленіе исключительно сводилось къ указаніямъ, чего должно избѣгать при управленіи. Такимъ образомъ, колоніи съ перваго шага предоставлялось самоуправленіе, а метрополія являлась только регуляторомъ. Въ первыя 15 лѣтъ по присоединеніи колоніи (въ 1840 г.) забота метрополіи сводилась преимущественно къ ограниченію туземнаго населенія маори отъ притѣсненій и обмановъ европейскихъ колонистовъ. Несомнѣнно, въ это, такъ сказать, первобытное время далеко не все обстояло такъ благополучно. Какъ извѣстно, австралійскіе колонисты состояли главнымъ образомъ изъ тѣхъ вольныхъ и энергичныхъ людей, которыхъ метрополія выбросила, какъ не подходящихъ къ установившемуся культурному режиму. Колонія пріобрѣтаетъ полное довѣріе метрополіи только черезъ двадцать лѣтъ. Исключительно выгодное устройство и положеніе острововъ въ географическомъ отношеніи, легко достигаемые результаты труда, политическая свобода, наконецъ, очевидная склонность туземнаго племени къ европейской культурѣ— привели эту страну къ той *счастливой* жизни огромнымъ обществомъ, которая до сего времени рисовалась радужными красками только въ извѣстныхъ „утопіяхъ".

Не такъ давно въ литературѣ вообще, особенно въ нашей критикѣ (которая пока еще у насъ *все*) смѣло и рѣшительно проводилась мысль, что говорить о такихъ идеалахъ, которые не имѣютъ опоры въ дѣйствительности, значитъ по меньшей мѣрѣ злоупотреблять словами, и что такъ какъ намъ доступно только знаніе процесса жизни, то характеръ того-же злоупотребленія носитъ и всякій разговоръ о конечныхъ цѣляхъ жизни. Въ доказательство столь категорическаго положенія приводилось крайне простое умозаключеніе. Допускать существованіе какихъ-то независимыхъ отъ жизни, конечныхъ, абсолютныхъ идеаловъ значитъ признавать за самою жизнью стремленіе къ конечной цѣли, но для такого признанія въ самой жизни мы не находимъ никакихъ данныхъ и не имѣемъ основанія полагать, что такія данныя когда-нибудь будутъ; поэтому, ни объ абсолютныхъ идеалахъ, ни о конечной цѣли, какъ равно ни о первоначальной причинѣ и не можетъ быть серьезной рѣчи. Мы не можемъ ничего другого допустить, кромѣ того, что наши познанія всегда будутъ ограничиваться предѣлами, и сколько бы эти предѣлы ни расширялись, всегда

будетъ оставаться безграничное поле неизвѣстнаго—„ignorabimus“.

Мысль эта, которую мы даже выразили въ смягченной формѣ, достаточно было упрочилась именно въ этой формѣ, и при обсужденіи всѣхъ жизненныхъ явленій, въ томъ числѣ и общественныхъ, старались избѣгать привычныхъ *красныхъ* словъ и не строить зданія на ихъ эфемерномъ фундаментѣ.

Если мы обратимся не только къ современности, но и ко всей исторіи, то легко увидимъ, что во всѣхъ человѣческихъ дѣйствіяхъ всегда отсутствовало всякое руководящее начало именно тѣхъ идеаловъ, которые выдвигались самимъ-же человѣчествомъ, какъ путэводныя звѣзды на его жизненномъ пути. Человѣкъ не могъ или не хотѣлъ приближаться къ этимъ идеаламъ или-же онъ не имѣлъ въ нихъ надобности. Для досужливыхъ людей эти идеалы существовали какъ украшеніе ихъ и безъ того украшенной жизни, а остальные люди обыкновенно не мечтали объ идеалахъ за „недосугомъ“.

Въ настоящее время горсть европейскаго общества, а вслѣдъ за ней и у насъ еще меньшая горсть, спохватилась и подняла вопль о пропажѣ идеаловъ. Стали указывать преимущественно на потребность реставрированія прежнихъ идеаловъ и изрѣдка на созданіе новыхъ.

Замѣчено, что объ идеалахъ больше всего говорятъ въ періоды искусственнаго застоя, когда жизнь сознается пустой.

Если пропавшіе идеалы необходимо вернуть, то и необходимо-же доказать, во-первыхъ, что они дѣйствительно были полезны человѣчеству, что именно они, а не какіе-либо другіе факторы способствовали человѣчеству на его жизненномъ пути и въ его благотворныхъ начинаніяхъ, и, во-вторыхъ, что именно тѣ идеалы и теперь окажутся для человѣчества полезны, помогутъ ему, ну, напримѣръ, прекратить войны или уничтожить то новое рабство, которое извѣстно подъ именемъ экономическаго.

Съ попыткой доказательства необходимости въ реставрированіи прежнихъ идеаловъ мы встрѣчаемся въ статьѣ г. Николая Бердяева, подъ заглавіемъ „Борьба за идеализмъ“ („Міръ Божій“). Впрочемъ, теперь такого рода статьи стали появляться нерѣдко. Только жаль, что прототипомъ для нихъ послужилъ извѣстный походъ г. Волынскаго противъ *пошлаго реализма* (см. „Въ борьбѣ за идеализмъ“).

Уже изъ эпиграфа къ статьѣ, взятаго г. Бердяевымъ изъ Ибсеновскаго „Строителя Сольнеса“, можно предвидѣть, съ

какого рода недовольствомъ и съ какими чаяніями придется имѣть дѣло. Эпиграфъ касается того мѣста пьесы, гдѣ Гильда сожалѣетъ, что Сольнесъ пересталъ возводить колокольни, а строитъ „жилища людей", и гдѣ вслѣдъ затѣмъ Гильда радуется, что Сольнесъ скоро начнетъ строить башни. Не будемъ сожалѣть вмѣстѣ съ Гильдой о томъ, что Сольнесъ пересталъ строить колокольни; архитекторъ, строящій колокольни и башни, съ неохотой строитъ жилища, а этого достаточно, чтобы они оказались неудовлетворительными. А что Сольнесъ перейдетъ къ постройкѣ башенъ, то мы не можемъ ни радоваться, ни печалиться, потому что это личное дѣло Сольнеса и еще тѣхъ бароновъ, фантазіи которыхъ онъ будетъ угождать. То-же самое можно бы было сказать и о статьѣ г. Бердяева, если бы она не была имъ напечатана для прочтенія всей публикѣ. Онъ констатируетъ (повидимому, вслѣдъ за г. Мережковскимъ) слѣдующее отчаянное состояніе „сложной души современнаго интеллигентнаго человѣка":

„Мы живемъ въ эпоху духовнаго броженія... Шаблонное прогрессивное міровоззрѣніе недавно отошедшаго вѣка попало въ тупой переулокъ, и на прежнемъ пути дальше идти некуда. Необходимо пересмотрѣть ходячія формулы и искать новыхъ путей... Пѣсенка позитивизма, натурализма и гедонизма спѣта, и по всѣмъ линіямъ объявляется борьба за идеализмъ, борьба за болѣе радостное и свѣтлое міропониманіе, въ которомъ высшіе и вѣчные запросы человѣческаго духа получатъ удовлетвореніе".

Далѣе: „Въ философіи начинаютъ понимать неудовлетворенность позитивизма, какъ міровоззрѣнія, воскресаютъ платоновскія традиціи и признаются вѣчныя права метафизическаго творчества; въ искусствѣ замѣчается реакція противъ испошлившагося натурализма, убивающаго всякую красоту, и въ современномъ символизмѣ возрождается романтизмъ лучшихъ художественныхъ твореній прошлаго: эвдемонизмъ, гедонизмъ и утилитаризмъ объявляютъ себя банкротами въ рѣшеніи нравственной проблемы, замѣчается стремленіе установить абсолютную цѣнность добра".

Вычитавши сначала о необходимости пересмотра ходячихъ формулъ и исканіи новыхъ путей, мы вправѣ были бы, кромѣ пересмотра формулъ, искать указанія и на новые пути. Этихъ новыхъ путей у автора и не оказывается. Всѣ его пути ведутъ къ повороту на старый путь. Только и слышишь: воскресаютъ традиціи, замѣчается реакція, признается метафизика, и самый пересмотръ старыхъ отживающихъ формулъ направленъ только къ

тому, чтобы, очистивъ отъ нихъ путь, дать мѣсто еще болѣе старымъ, дряхлымъ, ветхозавѣтнымъ и давно дискредитированнымъ. Когда на мѣсто метафизики, романтизма, чистаго искусства, абсолютной цѣнности ставили позитивизмъ, реализмъ, утилитарное искусство, относительную цѣнность,—то мотивировали эту замѣну буквально въ тѣхъ-же самыхъ выраженіяхъ, съ тою, впрочемъ, разницею. что выраженія были менѣе трескучи, но зато болѣе широки и глубоки, и главное—назадъ не поворачивались, а пошли дѣйствительно по новому пути: вмѣсто метафизическаго — по позитивному, вмѣсто романтизма появился реализмъ (или натурализмъ) и т. д. По этому новому пути шли затѣмъ въ теченіе ста лѣтъ (въ одномъ случаѣ больше, въ другомъ меньше), и мы думаемъ, что самъ авторъ долженъ признать, что на этомъ пути было найдено столь много новаго и полезнаго (въ самомъ широкомъ пониманіи этого слова), что, пожалуй, хватитъ и на двадцатый вѣкъ; вѣроятно, и въ кошель автора кое-что перепало.

Въ концѣ концовъ, авторъ оправдываетъ запросы на идеалы тѣмъ, что ими красна наша жизнь.

Закрывать глаза идеалами нечего. Какіе бы человѣчество ни выдумало идеалы, они всѣ, попрежнему, будутъ сведены къ двумъ главнѣйшимъ и единственнымъ... потребностямъ: сохраненію организма и воспроизведенію рода. Если бы выдумали еще какой-нибудь придатокъ (равноцѣнный—по предположенію), то онъ оказался бы или излишнимъ, или вреднымъ, подобно введенному въ математическую задачу количеству сверхъ необходимыхъ и достаточныхъ данныхъ. Задача или будетъ рѣшена независимо отъ этого количества, или окажется неразрѣшимой. Ту-же путаницу въ жизнь нерѣдко вносили и идеалы... красные.

XIX вѣкъ обыкновенно принято обвинять въ ниспроверженіи идеаловъ, въ оголеніи жизни. Кромѣ позитивизма и утилитаризма, повинными въ этомъ оказываются еще естественныя науки: они свой *тлетворный* анализъ вонзили даже въ *непостижимый*, но прекрасный даръ человѣческаго духа, который называется поэтическимъ творчествомъ, и не только разложили его, по своему обыкновенію, на всѣ составныя части, въ томъ числѣ и красоту—на молекулы, но и проникли въ его происхожденіе. Главнымъ образомъ, негодуютъ въ этомъ случаѣ противъ эволюціонной теоріи, обратившейся за объясненіемъ поэтическаго настроенія къ животнымъ, которыя тоже нерѣдко бываютъ поэтами.

Дружный походъ противъ указанныхъ ненавистныхъ *измовъ*

и особенно противъ естественныхъ наукъ и утилитаризма въ поэзіи былъ у насъ предпринятъ лѣтъ пятнадцать назадъ; но защитники того и другого парировали удары нападающихъ тѣми очевидными доводами, что утилитаризмъ и естественныя науки не сузили, а расширили область поэзіи: въ природѣ такъ много разлито поэтическаго, что, пожалуй, не предстоитъ никакой надобности создавать поэтическое настроеніе искусственно, надо только умѣть понимать красоту природы; и утилитаризмъ точно также не сузилъ, а расширилъ область поэтическаго творчества, указавъ на существованіе въ поэзіи элементовъ не одного прекраснаго, но и *полезнаго*.

По предыдущей статьѣ можно видѣть, что защитники метафизики, чистаго искусства и всякаго рода *идеализма* еще существуютъ и не прочь нанести ударъ *реализму* и утилитарному искусству, а заодно и естествознанію. Но существуютъ защитники и всего реальнаго. Въ „Научномъ Обозрѣніи“ напечатана статья г. В. Вагнера, подъ заглавіемъ „Естествознаніе и эстетика“. Авторъ подтверждаетъ еще разъ ту мысль, что поэтическія описанія картинъ природы появились только съ развитіемъ естествознанія. Исторія говоритъ, что только „тѣ страницы въ грандіозной эпопеѣ природы зажигали въ душѣ людей огонь вдохновенія, которыя люди начинали читать“.

Греки видѣли въ природѣ только людей, ихъ страсти и дѣятельность; поэтому у нихъ появляется длинный рядъ высокохудожественныхъ произведеній на этой почвѣ. Но остальная природа была имъ чужда, они не знали ея; поэтому она не будила въ груди ихъ художественнаго чувства и не служила источникомъ поэтическаго вдохновенія.

Поэты отдаленныхъ вѣковъ были тоже не глухи къ красотамъ природы, но они воспроизводили эти красоты только въ связи съ собственными ощущеніями или какими-нибудь событіями. Надо было пройти цѣлымъ вѣкамъ, прежде чѣмъ описанія природы получили то значеніе въ поэзіи, которое они заслуживаютъ по своей внутренней цѣнности. Этимъ моментомъ нужно признать всестороннее развитіе естествознанія въ половинѣ XVIII вѣка. Авторъ цѣлымъ рядомъ примѣровъ изъ поэтическихъ произведеній разныхъ странъ подтверждаетъ свою мысль. Гербертъ Спенсеръ даже упрекаетъ людей въ томъ, что они часто остаются слѣпы къ окружающей ихъ поэзіи природы. „Кто никогда не искалъ ископаемыхъ, замѣчаетъ онъ, тотъ имѣетъ плохое представленіе о поэтическихъ идеяхъ, которыя невольно возникаютъ въ мѣстахъ, гдѣ находились зарытыя сокровища“. Грантъ-Алленъ

прозою написалъ рядъ удивительно-поэтическихъ и своеобразныхъ картинъ, взятыхъ съ разныхъ мѣстностей природы или навѣянныхъ какой-нибудь раковиной, прибитой волной къ берегу („Виньетки съ натуры"). Тамъ-же Спенсеръ говоритъ: „Кто не бывалъ на берегу моря съ микроскопомъ и акваріемъ, тотъ не знаетъ еще высшихъ прелестей морского берега".

Дѣйствительное знаніе природы, казалось бы, должно давать идеалистамъ всѣ средства къ ея идеализаціи; между тѣмъ, они обыкновенно говорятъ такъ: „Когда мы не знаемъ тѣхъ суровыхъ законовъ борьбы за жизнь, которые охватываютъ желѣзнымъ кольцомъ явленія всего живущаго, природа представляется намъ совершенно иною, чѣмъ она является послѣ того, какъ мы узнаемъ истину". И далѣе: „До знакомства съ естествознаніемъ природа является намъ прежде всего красивой и въ великомъ и въ маломъ, а послѣ знакомства съ этой наукой—міръ является не свѣтозарнымъ и способнымъ вызвать чувства прекраснаго, а мрачнымъ, какъ поле битвы, съ нескончаемыми картинами страданія и безпрерывной агоніей". Притомъ обыкновенно всегда оказывается выгодно указать на дарвиновъ законъ „борьбы за существованіе" и тутъ-же скрыть или совсѣмъ не знать, что борьба за существованіе не только борьба за жизнь особей, но и за потомство, что если борьба за существованіе особо представляетъ собою олицетвореніе эгоистическаго принципа, то борьба за существованіе всегда въ своей основѣ имѣетъ принципъ альтруизма.

Если мы сопоставимъ указанный предвзятый и ошибочный взглядъ на природу съ взглядомъ, излагаемымъ авторомъ, то мы поймемъ слѣдующій суровый отзывъ его: „Чѣмъ люди невѣжественнѣе вообще и въ естествознаніи въ особенности, тѣмъ они съ большею увѣренностью утверждаютъ, что изученіе естественныхъ наукъ губительно дѣйствуетъ на чувство прекраснаго".

Теперь не трудно отвѣтить на вопросъ: почему идеалисты настаиваютъ на необходимости попятнаго движенія?... Позитивизмъ, утилитаризмъ, эволюціонизмъ и естествознаніе — научныя дисциплины одного порядка, а метафизика, самодовлѣющія искусство и нравственность (sub specie aeternitatis) и теоретическій абсолютизмъ—другого, обратнаго. Первыя заставляютъ насъ жить въ мірѣ дѣйствительности, другія позволяютъ жить въ мірѣ призраковъ; однѣ, какъ теперь говорятъ, буржуазны, а другія наводятъ на мысль, что онѣ хотятъ быть аристократичными. И. М.

Къ литературному юбилею А. А. Потѣхина.

Пятидесятилѣтній юбилей А. А. Потѣхина—настоящій литературный праздникъ, чествованіе несомнѣнныхъ заслугъ писателя. При произнесеніи этого имени въ вашемъ сознаніи не возстанетъ какой-нибудь опредѣленный циклъ идей, замкнутыя рамки извѣстной художественной школы, сюжетъ и картины изъ того или другого времени и быта. А. А. Потѣхинъ писалъ о помѣщикахъ и крестьянахъ крѣпостническихъ и пореформенныхъ, воспроизводилъ сцены и драмы съ героями „идейными" и обиходными. Всегда человѣколюбъ и писатель съ добрыми традиціями—особливо онъ возвышается тамъ, гдѣ отдается своему неподдѣльному дару—зарисовывать дѣйствительность, осмѣивать ея уродство, отмѣчать подлинные характеры. Въ романѣ, изображающемъ уже „свободныхъ" крестьянъ—„Хай-дѣвка"—Татьяна—дочь торговца крестьянина, „міроѣда"—прямо сочный, колоритный, привлекательный портретъ. Эта героиня, между прочимъ, производитъ цѣлое волненіе умовъ въ мужицкомъ мірѣ. ...„Явиться дѣвкѣ самой, противъ воли родительской на сходъ, передъ всѣмъ міромъ признаться въ своемъ грѣхѣ и стыдѣ, заставить сходъ отмѣнить уже состоявшееся почти рѣшеніе... Это было такое неслыханное событіе"... И языкъ здѣсь у автора переполненъ провинціализмами: куры *„перебулгачились"*... „Да у меня *знати-то* тутъ никого нѣтъ: *не вѣду*, куда поставить-то..." и т. д. Но и подобный стиль у г. Потѣхина—строго выдержанъ и подчасъ рѣшительно красивъ. Словомъ, тутъ авторъ подкупающій *живописецъ*, яркій, смѣлый, правдивый. Но, когда въ сочиненіяхъ А. А. Потѣхина вы подсматриваете тотъ или другой синтезъ (эту *философію беллетристики*), или замѣчается лиризмъ у автора, получаются иныя впечатлѣнія. Мѣстами онъ не то прикрываетъ свое міросозерцаніе, не то сливаетъ его съ воззрѣніями массы. Авторъ словно отказывается глубже очерчивать свои образы. Чув-

ствуется это и въ эпилогѣ „Хай-дѣвки“. Въ немъ до конца выясняется *темпераментъ* Татьяны, но не ея духовная личность. Въ повѣсти „На міру“ воссозданы разнообразныя и отчаянныя тяготы крестьянскаго житья-бытья. Не чуждо это произведеніе и дидактизма. И неужели здѣсь одна мораль: „мужички, будьте благонравны“?

Наши предыдущія строки продиктованы, смѣемъ думать, всегда естественнымъ и законнымъ желаніемъ—требовать бо́льшаго отъ выдающагося писателя. Но и мы, конечно, настолько объективны, что вполнѣ и съ признательностью цѣнимъ А. А. Потѣхина, какъ одного изъ почитателей наиболѣе здраваго „народничества“,—того „народничества“, которое основано на внимательномъ изученіи многоголоваго русскаго люда „темнаго“ и вовсе не благоденствующаго; на сочувствіи къ нему безъ фразъ и искательства. У А. А. Потѣхина въ этой области есть вещи, есть страницы, которыя не просто занесены въ литературную хронику, какъ достойныя отмѣтки. Онѣ частью вошли въ оборотъ и для настоящаго и для будущаго въ качествѣ образцовъ родной словесности. Въ нихъ силенъ художественный *объективизмъ*, который овѣянъ гуманностью; *реализмъ* письма, не обращающагося въ голую фотографію. Авторъ романовъ „Хворая“, „Около денегъ“, быть можетъ, и не направилъ *своего идейнаго* теченія у насъ; но постоянно работалъ наряду съ лучшими вдохновителями отечественной литературы. И въ своихъ сочиненіяхъ, представляющихъ нашу „интеллигенцію“ — А. А. Потѣхинъ выдѣляется преимущественно, какъ даровитый жанристъ, какъ художникъ-лѣтописецъ „среды“ и „момента“, наблюдатель расхожихъ типовъ и сезонныхъ носителей „идей“. Давно уже имъ написанъ очень большой романъ „Крушинскій“. „Соціологическій“, такъ сказать, мотивъ его—появленіе въ „обществѣ“ разночинца—*не дворянина*, что ли, точнѣе. Крушинскій очень гордый и благородный человѣкъ, рѣшительный и страстный и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени гуманный, даже нѣжный, склонный и къ примиренію и прощенію. Но ему приходится бороться съ самыми грубѣйшими, допотопными общественными предразсудками. Почти трагически высказывается онъ о своемъ происхожденіи. Мой отецъ, отвѣчаетъ Крушинскій, *блѣднѣя*, мой отецъ... дьячекъ сельской церкви... Кончилъ онъ, и на щекахъ его выступили *багровыя* пятна, а глаза *засверкали* гордостью и какъ будто *гнѣвомъ*...“ Онъ любитъ дворянку и такъ изливается передъ ней: „О, я докажу и имъ, твоимъ роди-

телямъ, что достоинство и величіе человѣка не въ богатствѣ и не въ происхожденіи, а въ томъ, что онъ человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова, въ его нравственномъ могуществѣ. Но понимаютъ ли твои родители, что такое *личная* слава и знаменитость...“

Г. Потѣхинъ, словно, устраиваетъ въ нашей литературѣ „героя“ изъ разночинцевъ—и не въ позднѣйшемъ вкусѣ, не изъ самыхъ низменныхъ; а вполнѣ—„культурныхъ“ и даже чиновныхъ, если хотите. Въ „Отрѣзанномъ ломтѣ“ помѣщикъ Хорипёровъ страшно возмущенъ, что дочь его увлекается „голышемъ мелкопомѣстнымъ“—Демкинымъ—*мировымъ посредникомъ*, однако, тотъ-же Крушинскій—военный докторъ, объясняющійся „на ты“ съ товарищами-офицерами изъ князей. Въ комедіи „Виноватая“—„обществомъ“ презрительно третируется нѣкто Жабринъ, влюбленный въ дочь генерала; а онъ все-же человѣкъ университетски образованный и управляющій „дѣлами“ у богача. Въ піесѣ „Законное мѣсто“, вышедшей въ свѣтъ уже въ 1870 г., „свѣтъ“ обрушивается, какъ на выскочку, на Канюкина, онъ тоже наиболѣе порядочный человѣкъ изъ всего губернскаго „интеллигентнаго“ круга и оффиціальный педагогъ. Вообще-же въ драматической литературѣ А. А. Потѣхинъ не мало потрудился въ смыслѣ поднятія жизненности и серьезности репертуара, усиленія его реализма и близости къ родной дѣйствительности. Въ его піесахъ преобладаютъ не интрига и даже не характеры, а случаи изъ подлинной нашей соціальной исторіи, драматизированіе нашего быта. Онъ касается въ своихъ „сценахъ“ вопросовъ о „молодомъ“, современномъ „поколѣніи“ (когда-то у насъ специфическое обозначеніе), о семейномъ разладѣ, вызванномъ отечественными „новшествами“, о положеніи женщины среди передрягъ и измѣненій въ старомъ укладѣ. „Женское дѣло“—многообразно представлено у А. А. Потѣхина. Меньше, кажется, нежели у какого-либо другого изъ нашихъ беллетристовъ—у него женщинъ, активныхъ героинь, величественныхъ одиночекъ. Но тяжкая подчиненность „прекраснаго“ пола, мучительныя страданія глубокихъ и угнетенныхъ сердецъ, двойственность ихъ положенія въ семьѣ и обществѣ возсозданы подчасъ съ большою теплотою, съ тонкимъ душевнымъ анализомъ. И здѣсь опять, пожалуй, не уловите явственныхъ идейныхъ симпатій автора и рѣзко очерченнаго міропониманія; но всегда читатель разстается съ авторомъ, задумываясь надъ его картинами, сочувствуя его гражданскимъ пожеланіямъ, откликаясь на его гуманизмъ.

А. Налимовъ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Этнологическое значеніе похищенія женщинъ.—Смерть Талейрана.—Ирландскій вопросъ.—Ришелье.

Самыя распространенныя брачныя церемоніи почти всегда заключаются въ притворномъ или дѣйствительномъ сопротивленіи невѣсты и ея родни, когда женихъ является съ тѣмъ, чтобы увести ее къ себѣ, какъ свою жену. Въ этомъ обычаѣ видятъ отголосокъ варварскихъ нравовъ той далекой эпохи, когда всякій, желавшій получить себѣ жену въ полную собственность, долженъ былъ украсть ее [1]). Этотъ обычай, какъ самая первая форма брака, былъ, повидимому, повсемѣстнымъ, еще и теперь онъ практикуется почти у всѣхъ дикихъ народовъ, хотя иногда похищеніе замѣняется куплею. Уже втеченіе многихъ вѣковъ черные народы ведутъ между собою нескончаемыя войны, имѣя главною цѣлью набрать побольше плѣнныхъ. Тамъ, гдѣ распространено многоженство, особенно великъ спросъ на женщинъ и въ поиски за ними приходится иногда отправляться на очень далекія разстоянія. Этотъ длинный рядъ войнъ и переселеній плѣнныхъ въ земли завоевателей, производившійся на протяженіи многихъ столѣтій, имѣлъ, разумѣется, неисчислимыя этнологическія слѣдствія. Очень часто приходится подмѣчать сходныя черты характера, а также одни и тѣ-же обычаи у народовъ, живущихъ на весьма большихъ другъ отъ друга разстояніяхъ, что можно прослѣдить черезъ весь африканскій континентъ. Съ другой стороны у всѣхъ этихъ отдѣльныхъ народовъ невозможно найти ни достаточно различія, чтобы считать ихъ вполнѣ чуждыми другъ другу, ни достаточно сходства, чтобы съ увѣренностью указать на соединяющую ихъ этническую связь. Здѣсь замѣчается какое-то общее смѣшеніе, разобраться въ которомъ нѣтъ никакой возможности. Въ причинахъ такого смѣшенія похищеніе женщинъ занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто.

Важность этого фактора особенно очевидна въ тѣхъ странахъ, гдѣ похищеніе женщинъ является единственной причиной смѣшенія.

Небольшой кавказскій народъ — осетины — представляетъ въ данномъ случаѣ прекрасный примѣръ. Они говорятъ на иранскомъ языкѣ, и тѣмъ не менѣе, при изученіи ихъ физіономіи и нѣкоторыхъ особенностей ихъ нравовъ не трудно

[1]) La Revue, 1 Septembre 1901.

убѣдиться, что это народъ не азіатскаго происхожденія. Въ настоящее время многіе ученые допускаютъ, что древніе бѣлокурые киммерійцы, населявшіе югъ Россіи, проникли въ Азію въ одну изъ отдаленнѣйшихъ эпохъ. Черепъ этой эпохи даютъ основаніе утверждать, что первобытные кавказцы были бѣлокурые, большого роста, похожіе на европейцевъ южной Россіи, перебравшихся нѣкогда въ Азію. Земля осетиновъ также была занята ими. Но черепа XVII столѣтія, находимыя въ этой-же странѣ, уже сильно отличаются отъ череповъ прежнихъ эпохъ и особенно отъ бѣлокурыхъ первобытной эпохи. Этотъ маленькій народъ потерялъ свои первоначальныя этническія особенности, не двигаясь изъ своей страны и не подвергаясь крупнымъ нашествіямъ иноземцевъ, отъ которыхъ защищало его выгодное географическое положеніе. И тѣмъ не менѣе ихъ этническіе признаки, (состоящіе, напр., въ различной длинѣ и ширинѣ череповъ), которые не мѣняются подъ вліяніемъ внѣшнихъ причинъ, а передаются исключительно по наслѣдству, измѣнились совершенно. Изъ долихоцефаловъ блондиновъ они превратились въ брахицефаловъ шатеновъ и главнымъ образомъ брюнетовъ. Откуда произошла такая перемѣна? Предположить мирное сліяніе съ сосѣдними народами невозможно въ силу неблагопріятныхъ географическихъ условій. Слѣдовательно, здѣсь должны дѣйствовать какія-нибудь другія причины.

Въ наше время древніе обычаи осетинъ почти совершенно оставлены ими. Но мѣстами они сохранились еще въ довольно чистомъ видѣ, такъ что на основаніи этихъ остатковъ, а также разныхъ преданій, можно возстановить полную картину ихъ семьи и брака. Каждый мужчина имѣлъ обыкновенно одну законную жену, которую онъ бралъ изъ дѣвушекъ своего племени съ согласія ея родителей. Такая жена пользовалась извѣстными правами и привиллегіями. Кромѣ того почти всѣ мужчины имѣли также наложницъ-рабынь, служившихъ имъ одновременно женами и работницами. Въ поискахъ за женщинами-рабынями осетины должны были предпринимать набѣги на чуждыя племена, жившія иногда на далекихъ отъ нихъ разстояніяхъ. Дѣти наложницъ пользовались уже большими правами и даже, въ томъ случаѣ, когда въ семьѣ не оставалось наслѣдниковъ мужескаго пола, сыновья наложницъ дѣлались наслѣдниками и мало-по-малу становились равноправными осетинами. И такимъ путемъ мало-по-малу первоначальный типъ осетинъ измѣнился до неузнаваемости.

То-же явленіе можно прослѣдить и у другихъ народовъ. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что уже послѣ нашей эры въ киргизскихъ степяхъ, въ Туркестанѣ, жилъ бѣлокурый народъ, о чемъ подробно свидѣтельствуютъ китайскіе историки. Впослѣдствіи всѣ эти блондины совершенно исчезли. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что, какъ достовѣрно извѣстно, древніе степные кочевники блондины и скиѳы, а также ихъ преемники и потомки киргизы предпринимали дальнія экспедиціи съ цѣлью похищенія женщинъ.

Какъ уже сказано выше, обычай похищенія женщинъ чрезвычайно распространенъ во всей черной Африкѣ и послѣдствія его очевидны. Но возьмемъ для примѣра другой африканскій народъ, совершенно иного происхожденія, гдѣ женщина пользуется большимъ уваженіемъ и семья отличается строгостью нравовъ. Возьмемъ туареговъ. У нихъ нѣтъ многоженства и оно даже строго преслѣдуется. „Кто женится сразу на двухъ женщинахъ, говорятъ они, тотъ навлечетъ смерть на свой шатеръ", мнѣніе, довольно необычное у мусульманъ. Ихъ женщины очень добродѣтельны. И тѣмъ не менѣе даже и этотъ народъ не избѣгнулъ примѣси чужой крови. Дѣло въ томъ, что въ составъ каждой семьи входятъ негритянки-невольницы. Каждый молодой человѣкъ, желающій жениться долженъ приготовить себѣ приданое, состоящее изъ шести верблюдовъ по меньшей мѣрѣ, полнаго гардероба и одной негритянки. Этихъ негритянокъ или крадутъ или покупаютъ, но въ прежнее время, разумѣется, главнымъ образомъ крали. Не смотря на всю строгость законовъ, ихъ всетаки иногда нарушаютъ, и между туарегами можно нерѣдко встрѣтить черныхъ.

Эти примѣры достаточно уясняютъ, какое важное значеніе для этнологіи имѣлъ вѣковой обычай похищенія женщинъ. У нѣкоторыхъ народовъ послѣдствія его были такъ-же велики, какъ и нашествія враговъ и массовыя переселенія. И въ наше время можно наблюдать постепенное исчезновеніе типа европейскихъ турокъ подъ вліяніемъ полигаміи, поддерживаемой торговлею женщинами всевозможныхъ національностей.

17-го мая 1838 г., на восемьдесятъ четвертомъ году, скончался Шарль-Морисъ де-Талейранъ [1]); онъ умиралъ съ мужественнымъ спокойствіемъ, съ высокомѣрнымъ достоинствомъ ожидая конца, и смерть его, благодаря предшествовавшему ей политическому акту и почти королевской

[1]) La Contemporaine, № 5, 1901:

пышности, которой она была обставлена, произвела въ Парижѣ глубокое впечатлѣніе.

Утромъ въ дождливую и сумрачную погоду, слуга, въ ливреѣ дома Талейрана, спѣшно явился въ Тюильри съ запискою отъ Руайе-Колляра къ принцессѣ Аделаидѣ. Князь Талейранъ, нѣсколько минутъ тому назадъ привелъ въ порядокъ свои отношенія съ римскимъ дворомъ и подписалъ при свидѣтеляхъ публичный актъ своего отреченія отъ заблужденій передъ церковью. Руайе-Колляръ прибавлялъ, что князь Талейранъ находится при смерти, не выживетъ, разумѣется, и дня и что визитъ короля дальше откладывать нельзя.

Прежде, чѣмъ дать князю для подписи, оффиціальная бумага отреченія была прочтена вслухъ аббатомъ Дюпанлу. Два лакея стояли по обѣимъ сторонамъ кровати и поддерживали умирающаго. Несмотря на сильную боль отъ сдѣланной ему наканунѣ операціи, князь оставался спокойнымъ и сосредоточеннымъ и почти все время смотрѣлъ на герцогиню Дино взглядомъ, полнымъ нѣжности и безконечной благодарности. Быть можетъ, именно ради нея, бывшей отрадой и утѣшеніемъ послѣднихъ дней его жизни, согласился онъ открыто смириться передъ церковью. Она исподволь вела его къ этому, пустивъ въ ходъ всю силу своего обаянія и власти, которую она имѣла надъ княземъ и которой онъ съ удовольствіемъ подчинялся. Это рѣшеніе стоило ему очень большого усилія и подписать актъ смиренія и отреченія было чрезвычайно тяжело. Онъ зналъ, какъ различно будутъ истолковывать его поступокъ и что никто не пойметъ настоящихъ причинъ. Главной причиной было, конечно, желаніе исполнить просьбу герцогини Дино, что подтверждаютъ многіе близко стоявшіе къ нему люди. Онъ долженъ былъ исполнить, на своемъ смертномъ одрѣ, извѣстныя религіозныя формальности, такъ какъ иначе онъ навлекъ бы на свою семью очень серьезныя непріятности. А онъ не могъ исполнить ихъ, пока не было снято съ него отлученіе отъ церкви.

Когда аббатъ Дюпанлу окончилъ чтеніе, князь дрожащею и уже холодѣющей рукой поставилъ свою подпись. Герцогина Дино просила его поставить число.

— Число моей рѣчи въ академіи, отвѣчалъ князь.

Два мѣсяца назадъ, въ субботу 3-го марта 1838 г. Талейранъ произнесъ рѣчь въ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ въ честь графа Рейнгарда, бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ. Эта прекрасная рѣчь до сихъ поръ мо-

жетъ служить образцомъ вкуса, изящества и дипломатическаго краснорѣчія. Особенно прославилось одно мѣсто этой рѣчи, сдѣлавшееся чѣмъ то вродѣ его политическаго завѣщанія:

„Часто мѣшаютъ сдержанность съ хитростью. Добросовѣстность никогда не поощряетъ хитрости, но она допускаетъ сдержанность; а сдержанность имѣетъ то особенное свойство, что она увеличиваетъ довѣріе".

Услыхавъ эти слова, Кузэнъ поднялъ руки и съ энтузіазмомъ воскликнулъ: „Это достойно Вольтера! Это достойно Вольтера въ лучшемъ смыслѣ!"

Отреченіе Талейрана было тотчасъ отправлено въ Римъ и находится теперь въ архивахъ Ватикана. Оно было списано все цѣликомъ собственною рукою князя, съ проэкта, составленнаго имъ наканунѣ, въ которомъ отецъ Лорнке и Келянъ, архіепископъ парижскій, сдѣлали нѣкоторыя измѣненія. Бумага эта носитъ слѣдующее заглавіе: *Подлинный текстъ отреченія князя Талейрана или объясненіе его чувствъ.*

Едва успѣвъ положить перо, Талейранъ впалъ въ глубокій сонъ. За исключеніемъ герцогини Дино, доктора, Бакура, Руайе-Колляра и сестры милосердія, всѣ присутствовавшіе удалились. Въ сосѣдней комнатѣ было много народа: политическіе дѣятели, иностранные дипломаты и просто друзья семейства умирающаго. Тутъ-же находился г. Монронъ, единственный человѣкъ, который, какъ говорятъ, пользовался нѣкоторою интимностью князя и лучше всѣхъ зналъ его секреты. Здѣсь-же присутствовала старая княгиня Водемонъ, придворная дама Людовика XV, остроуміе и любезность которой Талейранъ цѣнилъ очень высоко. Въ этотъ-же вечеръ она сказала одному изъ своихъ друзей, интересовавшемуся подробностями смерти князя: „Онъ умеръ, какъ человѣкъ, умѣющій жить!"

Въ полдень пріѣхалъ король Луи-Филиппъ съ принцессой Аделаидой, и Монронъ тотчасъ-же отправился доложить объ этомъ герцогинѣ Дино. Бакуръ и герцогиня съ трудомъ разбудили Талейрана; Бакуръ съ правой, а докторъ съ лѣвой стороны помогали ему сидѣть на краю кровати. Король вошелъ.

Несмотря на начавшуюся уже агонію, Талейранъ сдѣлалъ надъ собой нечеловѣческое усиліе и принялъ своего высокаго посѣтителя такъ-же, какъ сдѣлалъ бы это въ лучшія времена своей политической карьеры. Луи-Филиппъ, бывшій съ нимъ не въ ладахъ за послѣднее время, выказывалъ замѣтную хо-

лодность и сказалъ ему сухо, какъ бы отвѣчая заученный урокъ:

— Мнѣ очень непріятно, князь, видѣть васъ больнымъ... Я очень сочувствую вамъ.

— Государь, отвѣчалъ Талейранъ своимъ звучнымъ и чистымъ голосомъ, который ни болѣзнь, ни старость не могли измѣнить,—государь, вы сдѣлали мнѣ милость, пріѣхавъ присутствовать при послѣднихъ минутахъ умирающаго. Всѣ любящіе меня имѣютъ одно только желаніе: поскорѣе увидѣть конецъ моихъ страданій.

Эти слова произвели глубокое впечатлѣніе. Они были сказаны тономъ спокойнаго упрека и ироніи съ легкимъ оттѣнкомъ презрѣнія. Принцесса Аделаида была взволнована и постаралась искупить холодность своего брата удвоенною любезностью. Король чувствовалъ себя неловко и не зналъ, какъ окончить визитъ. Тогда Талейранъ, какъ опытный старый придворный, пришелъ ему на помощь и, поклонившись, насколько позволяли ему его страданія, обратился къ королю съ прощальнымъ привѣтствіемъ:

— Государь, сказалъ онъ, домъ Талейрановъ удостоился сегодня чести, которую слѣдуетъ записать въ нашей фамильной лѣтописи и о которой мои потомки будутъ вспоминать съ гордостью и благодарностью.

Король едва успѣлъ уѣхать, какъ началась уже агонія, и всѣ члены семейства собрались вокругъ постели умирающаго. Вскорѣ князь Талейранъ испустилъ послѣдній вздохъ.

Всѣ европейскіе журналы отмѣтили важность перемѣны министерства, недавно происшедшей въ Даніи. Однимъ изъ важныхъ послѣдствій поздней побѣды датскаго парламентаризма является близкое рѣшеніе вѣкового исландскаго вопроса [1]), особенно наболѣвшаго за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ.

Исландія всегда страстно стремилась къ независимости. Давнишнею мечтою исландцевъ было видѣть свою родину управляемою собственными законами, а эта мечта и понынѣ живетъ въ сердцахъ настоящаго поколѣнія. Прошлое служитъ имъ примѣромъ; ихъ предки умѣли защищать свою независимость, когда въ XIII вѣкѣ Исландія въ первый разъ была присоединена къ Норвегіи; всѣмъ извѣстно, какіе пункты были

[1]) „La Nouvelle Revue", 1 Septembre 1902.

включены въ актъ присоединенія, чтобы предупредить хищничество норвежскаго правительства. Впослѣдствіи отношенія съ норвежскимъ и датскимъ правительствами подверглись значительнымъ измѣненіямъ, и Исландія превратилась въ простую колонію, управляемую вполнѣ произвольно. Только къ концу XVIII столѣтія экономическій режимъ былъ улучшенъ, монополія съ 1602 г. разорявшая страну, была уничтожена и торговля открылась для всѣхъ датскихъ подданныхъ. Потомъ, когда Данія была вовлечена въ наполеоновскія войны противъ Англіи (1807—14), исландцы извлекли большую пользу изъ своихъ отношеній съ англичанами и еще съ большей смѣлостью стали требовать, послѣ мира, свободы сношеній со всѣми народами. Эту эпоху можно назвать возрожденіемъ Исландіи: ученые стали заниматься изученіемъ ея языка, исторіи и литературы, собирать народныя преданія; появилась даже новая литература, особенно въ поэтической формѣ. Такимъ образомъ, XIX вѣкъ возбудилъ въ маленькой Исландіи то-же движеніе, какъ и въ Европѣ: исландцы хотѣли независимости и ожидали ея отъ новой организаціи, гарантированной конституціей. Въ 1843 г. было возстановлено древнее исландское собраніе альтингъ, но этого было недостаточно: датчане получили конституцію и исландцы хотѣли имѣть также свою исландскую конституцію. Эти требованія казались близки къ осуществленію, когда въ 1851 г. въ Рейкьявикѣ было созвано національное собраніе. На этомъ собраніи Исландіи была предложена датская конституція съ нѣкоторыми измѣненіями; но оппозиція отказалась принять этотъ компромисъ и составила свою программу требованій: полную автономію Исландіи, утвержденіе правительства въ Рейкьявикѣ, соединеніе съ Даніей подъ высшей властью короля, который долженъ имѣть у себя въ качествѣ помощника исландскаго министра. Собраніе было внезапно распущено королевскимъ комиссаромъ.

Движеніе продолжалось въ послѣдующіе годы; альтингъ не переставалъ хлопотать объ автономіи и обратился наконецъ прямо къ королю съ просьбою организовать для Исландіи конституціонный режимъ, насколько возможно близкій къ представленному проекту. Король склонился наконецъ на эти просьбы и даровалъ Исландіи конституцію 5 января 1874 г., по которой она признавалась „нераздѣльной частью государства датскаго, но съ особенными правами". Альтингъ получалъ преимущества, аналогичныя съ преимуществами Коксдага. Высшая власть оставлялась за королемъ, который долженъ назначать „ми-

нистра для Исландіи", отвѣтственнаго передъ альтингомъ въ случаѣ нарушенія конституціи и имѣющаго въ Исландіи своего представителя.

Такой режимъ долженъ былъ, какъ повидимому, удовлетворить исландцевъ. Но вскорѣ оказалось, что большая часть учрежденій конституціи оставались недѣйствительными; министерство для Исландіи было присоединено къ датскому министерству юстиціи и сдѣлалось такимъ образомъ несамостоятельнымъ учрежденіемъ, реформы альтинга встрѣчали постоянныя замедленія и затрудненія, а министръ, плохо освѣдомленный о дѣлахъ Исландіи и вполнѣ равнодушный къ нимъ, былъ недоступенъ альтингу. Исландцы видѣли, что конституція 1874 г. не дѣйствовала и имъ захотѣлось теперь добиться назначенія въ Исландію вице-короля съ собственнымъ министерствомъ.

Этотъ проектъ безпрестанно вотировался нижнею палатой, и верхняя палата неизмѣнно отклоняла его. Дважды принятый обѣими палатами, соединенными согласно конституціи, проектъ остался мертвою буквой въ силу отказа въ утвержденіи королемъ. Наконецъ, въ 1895 г. альтингъ обратился къ правительству съ просьбою составить оффиціальный проектъ; правительство отказало.

Въ 1897 г. докторъ Вальтеръ Гидмундсонъ представилъ въ альтингъ новый проектъ, несравненно умѣреннѣе прежнихъ: учрежденіе дѣйствительно независимаго исландскаго министерства, ввѣреннаго министру, который не долженъ вѣдать никакія другія дѣла, который обязанъ знать исландскій языкъ и лично присутствовать на преніяхъ альтинга; отвѣтственность этого министра передъ альтингомъ должна распространяться на всю его администрацію; упрощеніе процедуры пересмотра конституцій. Таковъ былъ въ главныхъ чертахъ этотъ проектъ, къ которому и датское правительство относилось отнюдь не враждебно. Но умѣренность этихъ требованій сдѣлала ихъ непопулярными; проектъ былъ принятъ верхнею палатою, но нижняя палата отвергла его большинствомъ двухъ голосовъ; та-же судьба постигла его въ альтингѣ въ 1899 г.

Когда это лѣто въ Рейкьявикѣ былъ созванъ новый альтингъ, докторъ Гудмундсонъ снова подалъ свой проектъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Нижняя палата приняла его.

Въ виду недавнихъ измѣненій въ датскомъ правительствѣ можно предполагать, что оно не откажется утвердить этотъ новый проектъ и исландскихъ автономистовъ ожидаетъ окончательная побѣда.

Нелегко составить себѣ вполнѣ точное и ясное представленіе о личности и дѣятельности Ришелье [1]), создателя просвѣщеннаго абсолютизма, освободившаго Францію отъ феодальной системы. Папскій кардиналъ, ведущій политику французской націи, кажется какою-то аномаліей и невольно приходятъ на умъ размышленія о нравственности ученія іезуитовъ, когда вспомнишь, что этотъ побѣдитель гугенотовъ заключилъ одновременно союзъ съ Густавомъ Адольфомъ и германскими протестантами. До нашего времени не дошло никакихъ отголосковъ его былой популярности; онъ никогда не былъ и не могъ быть популярнымъ. Идея, которую онъ осуществилъ въ исторіи, вовсе не являлась требованіемъ и желаніемъ народа, для того, чтобы онъ могъ заслужить его благодарность. Даже тотъ, который главнымъ образомъ пожиналъ результаты трудовъ великаго кардинала, король Людовикъ XIII, не проявлялъ по отношенію къ нему никакихъ особенныхъ знаковъ признательности.

Правленіе Карла Генриха IV, издавшаго Нантскій эдиктъ, дало Франціи миръ и спокойствіе; ея сила, расшатанная религіозными распрями, значительно окрѣпла, какъ вдругъ неожиданная смерть короля уничтожила все, что было съ такимъ трудомъ достигнуто имъ. Наслѣднику, оставшемуся отъ брака Генриха съ Маріей Медичи, было въ 1610 г. всего девять лѣтъ; онъ отличался вялостью и ограниченными способностями. Регенство было отдано въ руки королевы-матери, которая постоянно дѣйствовала подъ вліяніемъ то того, то другого; слабость Франціи и близорукость ея политики были ясны для всей Европы. Таково было положеніе дѣлъ, когда среди интригъ, путаницы и междоусобныхъ войнъ, понемногу выдвинулся умный и проницательный Ришелье и завоевалъ себѣ выгодное положеніе.

За время регенства королевы матери всѣ дѣла такъ запутались, что ей оставался одинъ только выходъ, созвать всѣ три сословія, дворянство, духовенство и третье сословіе, что и было сдѣлано въ сентябрѣ 1614 г. Хотя епископъ дю-Плесси былъ чуть ли не самымъ младшимъ изъ 140 представителей духовенства, явившихся на собраніе, тѣмъ не менѣе, во время окончательныхъ переговоровъ засѣданія, ему было поручено оффиціальное представительство. Это было 23 февраля 1615 г.; Ришелье выступилъ съ блестящею рѣчью и имѣлъ огромный

[1]) Monatshefte, September 1901.

успѣхъ. Одинъ изъ приближенныхъ королевы, маркизъ д'Анкръ, обратилъ вниманіе на молодого епископа и приблизилъ его ко двору, имѣя въ виду воспользоваться имъ для своихъ намѣреній. Ришелье очень скоро пріобрѣлъ полное довѣріе королевы и сдѣлался ея главнымъ совѣтникомъ.

Людовикъ XIII давно уже былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, но правленіе все еще оставалось въ рукахъ королевы матери. Въ 1616 г. подговариваемый однимъ изъ своихъ любимцевъ Люинесомъ, молодой король внезапно объявилъ себя самостоятельнымъ, и королева Марія должна была удалиться въ изгнаніе, въ Блуа. Ришелье послѣдовалъ за нею. Между тѣмъ, въ Парижѣ происходила ужасная путаница, такъ какъ Люинесъ, прекрасно умѣвшій забавлять короля, ничего не смыслилъ въ дѣлахъ правленія. Неудовольствіе росло и партія королевы пріобрѣтала все больше и больше сторонниковъ, такъ что перевѣсъ грозилъ очутиться на ея сторонѣ. Въ рѣшительный моментъ, въ 1620 году, на Ришелье, какъ на главнаго совѣтника и уполномоченнаго королевы-матери, было возложено порученіе уладить дѣло и устроить примиреніе сына съ матерью. Такимъ образомъ, сохранивъ довѣріе королевы, онъ пріобрѣлъ также довѣріе короля и скоро соединилъ въ своихъ рукахъ почти всю власть. Въ 1622 г. умеръ Люинесъ; въ томъ-же году, благодаря хлопотамъ королевы матери. Ришелье сдѣлался кардиналомъ.

Людовикъ XIII не былъ слабоумнымъ, но онъ былъ слабъ здоровьемъ и не любилъ думать. Чтеніе опротивѣло ему еще съ дѣтства, и онъ смотрѣлъ на книги съ отвращеніемъ. Онъ былъ набоженъ и ненавидѣлъ еретиковъ. Въ противоположность своему отцу Генриху IV и своему сыну Людовику XIV, онъ совсѣмъ не имѣлъ незаконныхъ дѣтей, но все-же не могъ вовсе обходиться безъ женщинъ и даже предпочиталъ ихъ общество мужскому. Ришелье зорко слѣдилъ за нимъ и настаивалъ на томъ, чтобы король занимался государственными дѣлами. Онъ старался пріучить всѣхъ смотрѣть на короля, какъ на единственнаго представителя власти, не терпѣлъ никакихъ другихъ учрежденій, могущихъ раздѣлять ее съ нимъ, и по возможности лишалъ ихъ силы. Самъ Людовикъ XIII едва ли имѣлъ ясное представленіе объ историческомъ значеніи эпохи своего царствованія.

Каковъ-же былъ самъ этотъ всемогущій министръ, что управляло имъ и какова была его цѣль? По смерти старшихъ наслѣдниковъ Арманъ дю-Плесси наслѣдовалъ земли Ришелье

и получилъ отъ короля титулъ герцога Ришелье; такимъ образомъ, одно его личное состояніе, не считая доходовъ, какіе давало ему его высокое положеніе, дѣлало его очень богатымъ, а онъ не былъ настолько жаденъ, чтобы стремиться къ власти только ради возможности увеличивать свои капиталы; съ другой стороны онъ не могъ руководиться и однимъ честолюбіемъ. Такой человѣкъ хочетъ управлять потому, что онъ увѣренъ въ своемъ умѣньи справиться съ этимъ дѣломъ и принести пользу гораздо больше, чѣмъ кто либо другой. И дѣйствительно, главнымъ правиломъ Ришелье было во всемъ преслѣдовать только выгоду государства и при выборѣ людей отнюдь не руководствоваться ни личными симпатіями, ни протекціей родственниковъ или друзей, а только соображеніемъ, въ какой мѣрѣ тотъ или другой человѣкъ можетъ способствовать намѣченной цѣли. Это много содѣйствовало успѣшному достиженію его плановъ; кромѣ того онъ былъ чрезвычайно остороженъ и никогда не высказывалъ своихъ намѣреній прежде, чѣмъ считалъ возможнымъ начать приводить ихъ въ исполненіе. Двѣ задачи лежали передъ Ришелье, отъ рѣшенія которыхъ зависѣло могущество французской короны: во-первыхъ, надо было покорить гугенотовъ, чтобы всѣ силы Франціи соединить во-едино; во-вторыхъ, уничтожить тяжкимъ гнетомъ лежавшее на Европѣ могущество испанскихъ и австрійскихъ Габсбурговъ, и тѣмъ завоевать для Франціи вліятельное положеніе. И для достиженія этихъ плановъ Ришелье сдѣлалъ очень много.

Марія Медичи съ неудовольствіемъ смотрѣла, какъ тотъ, кого она сама возвысила до такого положенія, совершенно отстранилъ ее отъ власти и все дѣлалъ съ королемъ и черезъ короля. Такъ-же скверно чувствовали себя всѣ, разсчитывавшіе влiять на дѣла черезъ Марію или черезъ супругу Людовика XIII Анну Австрійскую. Въ такомъ-же состояніи находились и королевскіе принцы и наиболѣе сильные изъ дворянъ. И всѣхъ ихъ неотступно преслѣдовала одна мысль: какимъ образомъ устранить ненавистнаго кардинала. Въ 1830 г. королева Марія и ея второй сынъ Гастонъ, впослѣдствіи герцогъ Орлеанскій, добились было отставки Ришелье; но при первомъ-же свиданіи одинъ на одинъ кардиналъ съумѣлъ тотчасъ-же снова завладѣть королемъ и былъ опять призванъ на прежній постъ. Послѣ того противъ Ришелье было составлено нѣсколько настоящихъ заговоровъ; самымъ знаменитымъ изъ нихъ является заговоръ 1642 г. во главѣ

котораго стояли опять тотъ-же Гастонъ Орлеанскій, молодой маркизъ Сенъ-Марсъ и де-Ту. Два послѣдніе были казнены 12 сентября 1642 г., а 4-го декабря того-же года умеръ самъ кардиналъ Ришелье; несмотря на сильныя страданія, онъ до послѣдняго момента посвящалъ все свое время дѣламъ государства. Когда передъ самой смертью находившійся при немъ священникъ спросилъ, простилъ ли онъ своимъ врагамъ, онъ отвѣчалъ, что у него никогда не было никакихъ враговъ, кромѣ враговъ государства и короля.

Новыя книги.

Общество распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви въ С.-Петербургѣ. Отчетъ о дѣятельности за 1900 годъ (двадцатый существованія).

Всего только 20 лѣтъ назадъ основалось общество, основалось при незначительномъ числѣ членовъ и при самыхъ скромныхъ средствахъ!.. Что-же мы видимъ теперь, черезъ 20 лѣтъ? Общество имѣетъ на 850 тыс. руб. недвижимости и 70 тыс. руб. наличными деньгами; членовъ свыше 1000 человѣкъ; 3 собственныхъ церкви и часовня. Дѣятельность общества широка и многосторонняя: 55 наблюдателей-священниковъ завѣдуютъ устройствомъ назидательныхъ чтеній и ведутъ ихъ (въ 1900 г. чтенія происходили въ 61 пунктѣ столицы); не менѣе успѣшно служатъ дѣлу общества 3 его безплатныхъ библіотеки съ выдачей книгъ на домъ (библіотеки солидныя: въ одной 20 тысячъ томовъ, въ другой—7 т. томовъ и въ третьей—6 т. томовъ), 4 книжныхъ склада и 3 народныхъ хора. „Религіозно-просвѣтительный союзъ" при обществѣ устраиваетъ чтенія больнымъ, заключеннымъ и пр.; 82 члена его въ отчетномъ году работали въ 12 пунктахъ столицы. „Воскресенская школа" общества подъ скромнымъ названіемъ школы представляетъ совокупность школъ церковно-приходской (147 учащихся), воскресной (152 учащихся), ремесленныхъ классовъ для мальчиковъ и рукодѣльныхъ—для дѣвочекъ. Обществомъ-же организовано Предтеченское братство трезвости, успѣвшее уже открыть воскресную школу, бесѣды и чтенія для дѣтей, амбулаторію и библіотеку. Еще обширнѣе Александро-Невское общество трезвости съ *18.000 чле-*

новъ. Какая обширная дѣятельность! Вотъ что значитъ не зависѣть отъ „независящихъ обстоятельствъ“!

Средствомъ взаимообщенія руководящихъ членовъ общества, т. е. духовенства, служатъ „пастырскія собранія“ и „проповѣдническія собранія“, на которыхъ читаются и обсуждаются доклады членовъ на всевозможныя темы; не чуждыя цѣлямъ общества. Изъ такихъ докладовъ наиболѣе заинтересовалъ насъ докладъ г. Н. О. Осипова „О причинахъ упадка вліянія духовенства на народъ“. Докладъ г. Осипова уже извѣстенъ (напечатанъ въ духовныхъ журналахъ); напомнимъ только основную мысль его: наше духовное сословіе пережило 2 періода: первый до 50-хъ годовъ 19-го вѣка, когда духовенство оказало отечеству безпримѣрно важную услугу, а именно: христіанизовала массы, во-первыхъ, своимъ абсолютнымъ невмѣшательствомъ въ политическія дѣла, чѣмъ „давало видѣть и помнить вѣчную жизнь царства небеснаго“; во-вторыхъ, своей жизнью среди народа и неразрывно съ народомъ. Второй періодъ начался въ 60-е годы, когда „духъ матеріализма“, охватившій общество, передался и духовенству, послѣдствіемъ и доказательствомъ чего явились бѣгство лучшихъ силъ изъ духовной школы и то, что наиболѣе рьяные бойцы за новое направленіе вышли изъ духовнаго-же сословія.

Послѣдовали оживленныя пренія: указали, напр., что тѣ, кто уходятъ изъ сословія, не могутъ считаться представителями сословія; что „выходъ“ не начался въ 60-е годы, а существовалъ всегда (напр., даже при Петрѣ Великомъ), и въ эту эпоху только усилился. Фактъ пониженія уровня сословія былъ признанъ, но для 60-хъ годовъ, а не для настоящаго времени, когда, по мнѣнію диспутировавшихъ, самыя нападки на духовенство и отрицательное отношеніе къ нему доказываютъ только то, что духовенство мѣшаетъ „передовикамъ переворота“ и говоритъ на своемъ языкѣ, „непонятномъ отчужденному отъ родныхъ устоевъ новому обществу“. Допущено было, что сознаніе важности своей миссіи въ сословіи понизилось и встрѣчалось даже „стыдѣніе рясы“, но это было признано послѣдствіемъ: во-первыхъ, неудовлетворительности системы вознагражденія труда (плата за требы); во-вторыхъ, притупляющимъ дѣйствіемъ привычки. Но на эти причины „уже обращено серьезное вниманіе съ цѣлью ихъ устраненія“. Остается только порадоваться! **Н. У.**

В. М. Грибовскій. **Высшій судъ и надзоръ въ Россіи въ первую половину царствованія имп. Екатерины Второй. Историко-**

юридич. изслѣдованіе. (Періодъ: 28 іюня 1762 г.—7 ноября 1775 г.).

В. М. Грибовскій. **Матеріалы для исторіи высшаго суда и надзора.**

Передъ нами второй крупный и обстоятельный научный трудъ приватъ-доцента В. М. Грибовскаго. Трудъ этотъ захватываетъ одинъ изъ наиболѣе жизненныхъ нашихъ государственныхъ учрежденій, сенатъ, созданный волею великаго царя.

Согласно заглавію, книга должна бы была охватить высшій судъ и надзоръ въ Россіи въ разбираемую эпоху en plein, не упуская изъ виду ни одной сферы, гдѣ они проявлялись. Однако, мы видимъ, что авторъ интересуется только сенатомъ, въ сферу компетенціи котораго входили, между прочимъ, функціи суда и надзора. Въ силу этого, самое названіе книги не вполнѣ соотвѣтствуетъ ея содержанію. Мы не можемъ согласиться съ авторомъ, что „говорить о высшемъ судѣ и надзорѣ въ 18-мъ вѣкѣ, значитъ, говорить о судѣ и надзорѣ сената“ (Предисловіе, стр. I). Такъ ли это было всегда, и не были ли моменты, когда функціи суда и надзора, лежавшія на сенатѣ, передавались въ XVIII вѣкѣ разнаго рода канцеляріямъ, имѣвшимъ близость къ особѣ государя? А если эти моменты дѣйствительно были, то, значитъ, сенатъ не всегда осуществлялъ эти функціи.

Нельзя также согласиться съ самой постановкой изслѣдованія. Авторъ разсматриваетъ только 13 лѣтъ дѣятельности екатерининскаго сената и мотивируетъ это слѣдующимъ образомъ:

„Ограниченіе сената *въ правахъ контроля* учрежденіемъ генералъ-губернаторской должности является въ исторіи *высшаго надзора*[1]) нѣкоторымъ переломомъ, образующимъ моментъ того поднятаго Петромъ реформаціоннаго движенія, которое достигло полнаго выраженія только въ шестидесятыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія“ (Предисловіе).

Тутъ мы видимъ смѣшеніе двухъ правъ—права контроля и права высшаго надзора. Между тѣмъ, въ нихъ нельзя не видѣть оттѣнковъ двухъ совершенно различныхъ понятій.

Затѣмъ „переломъ даетъ, по мнѣнію автора, возможность съ удобствомъ эпоху екатерининскаго сената дѣлить на два

[1]) Курсивъ нашъ.

періода: первый—отъ момента воцаренія Екатерины Второй по годъ обнародованія учрежденія о губерніяхъ; второй съ 1775 года по день кончины великой составительницы наказа. Первый періодъ охватывается, насколько то удалось автору, настоящимъ трудомъ" (Предисловіе IV).

Думаемъ, что этотъ переломъ, признаваемый и самимъ авторомъ только нѣкоторымъ переломомъ, слѣдовательно, несущественнымъ и неважнымъ не можетъ представлять удобства для такого категорическаго дѣленія. Притомъ 13 лѣтъ дѣятельности какого-либо учрежденія не дастъ намъ *духа* учрежденія, не дастъ намъ его *духовной физіономіи*.

Что касается матеріаловъ, которыми пользовался авторъ, то они могутъ быть раздѣлены на два отдѣла: на а) печатные и на b) архивные.

Печатныхъ матеріаловъ оказалось чрезвычайно мало—Соловьевъ, Градовскій, Бильбасовъ, Петровскій, Филипповъ, кое-гдѣ Кавелинъ, проф. Сергѣевичъ, Дмитріевъ, сборникъ Русскаго историческаго общества и, конечно, полное собраніе законовъ. Но всѣ названныя имена нисколько не удовлетворили автора. Да и понятно! Они никогда, за исключеніемъ лишь Петровскаго да проф. Филиппова, спеціально не занимались исторіей сената, а высказывали свои мнѣнія или мимоходомъ, или по частнымъ вопросамъ, какъ это сдѣлалъ проф. Градовскій въ своей извѣстной работѣ „Высшая администрація". Но отъ автора осталось скрытымъ огромное количество частью изданныхъ, а частью неизданныхъ записокъ, разсказовъ, мемуаровъ, хранящихся у частныхъ лицъ. Авторъ не встряхнулъ книгохранилищъ многихъ нашихъ аристократическихъ родовъ, имѣющихъ отношенія къ екатерининской высшей администраціи, не познакомился съ огромной массой документовъ, хранящихся въ нашихъ частныхъ архивахъ, напр. въ архивѣ извѣстнаго П. Я. Дашкова, въ извѣстномъ „Архивѣ Воронцова", Куракиныхъ, Шереметевыхъ и др., гдѣ авторъ нашелъ бы обильную пищу для характеристики эпохи. Вслѣдствіе этого, получается нѣсколько непріятное впечатлѣніе отъ бѣдности изученнаго матеріала, но еще болѣе это впечатлѣніе усиливается, когда авторъ сводитъ Градовскаго, Соловьева и Филиппова, заставляя ихъ побивать другъ друга. Дѣло въ томъ, что всѣ они, несмотря на ихъ установленную научную репутацію, могутъ невѣрно толковать документы и освѣщать факты именно по этому вопросу. Между тѣмъ, непосредственное обращеніе къ свидѣтельству памят-

никовъ, актовъ, документовъ и оперированіе надъ нимъ могло бы быть крайне интереснымъ.

Архивные матеріалы, лично добытые авторомъ для своего изслѣдованія, представляютъ изъ себя отдѣльный томъ. Достаточно этого, чтобы судить о великой трудоспособности автора. Сколько нужно было потратить труда, времени, усилій и энергіи, чтобы извлечь изъ архивнаго моря документнаго соотвѣтствующіе цѣли. Однако изъ 138 номеровъ авторъ не воспользовался 78[1]), т. е. больше, чѣмъ половиной. Это обстоятельство невольно заставляетъ думать, что изслѣдованіе и выводы автора шли не аналитическимъ, а діалектическимъ путемъ, т. е. что изслѣдованіе само по себѣ, а матеріалы сами по себѣ. Между тѣмъ, этотъ недостатокъ устранился бы, если бы авторъ шелъ первымъ путемъ доказательствъ.—

Къ числу существенныхъ, на нашъ взглядъ, недочетовъ труда автора нужно отнести его стремленіе нарисовать только внѣшнюю схему учрежденія, но не внутреннюю. Въ изложеніи автора самое учрежденіе теряетъ свое самобытное, оригинальное значеніе, причемъ не намѣчена даже возможная эволюція учрежденія *въ представленіи правительства*, не представлена даже возможность органическаго происхожденія суда и надзора администраціи XVIII-го ст. изъ суда и надзора администраціи XVII-го ст. При желаніи легко было бы найти эти вѣтви общаго родового понятія, особенно, если проникнуть въ составъ, компетенцію и сферу дѣятельности многочисленныхъ московскихъ приказовъ. Это обозрѣніе могло бы дать весьма много поучительнаго и крайне интереснаго, такъ какъ, прежде всего, органически связывало бы XVII и XVIII вѣка. **К. М.**

Т. С. Пеппинъ. **Страна рабочихъ клубовъ. Изъ жизни „Союза рабочихъ клубовъ"**. Пер. съ англійскаго, съ предисловіемъ И. Озерова. Москва. 1901.

„Проблема свободнаго времени", т. е. вопросъ о томъ, какъ проводитъ и какъ могъ бы проводить свободное время рабочій, къ сожалѣнію, слишкомъ мало привлекаетъ вниманіе изслѣдователей, а между тѣмъ, съ постепеннымъ сокращеніемъ рабочаго времени, эта сторона рабочаго вопроса пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе важное значеніе. Книжка Пеппина, знакомящая насъ съ тѣмъ, какъ сумѣли въ этомъ отношеніи

---

[1]) №№ 1—6, 9, 10, 12, 17, 18, 19, 21, 22, 24, 26, 27, 29, 36, 38, 39—42, 45, 46, 48, 49, 51, 52, 56—64, 66, 67, 70, 72, 73, 76, 77 и т. д.

устроиться практическіе англичане, представляетъ значительный интересъ.

Отличительной чертой рабочихъ клубовъ въ Англіи является полное отсутствіе въ нихъ извнѣ навязанныхъ имъ цѣлей; въ нихъ филантропы и друзья рабочаго класса, искренніе и лицемѣрные, не стараются морализировать или просвѣщать рабочую массу; болѣе того, клубы даже не отказываются отъ торговли спиртными напитками, такъ какъ оказывается, что безъ буфета они привлекаютъ слишкомъ мало членовъ и не могутъ самостоятельно существовать. Являясь, такимъ образомъ, исключительно мѣстомъ для отдохновенія рабочихъ, клубы, однако, сами организуютъ для своихъ членовъ воскресныя лекціи и даже цѣлые систематическіе курсы (по стенографіи, французскому языку, амбулаторной медицинѣ и др.); многіе клубы имѣютъ большія библіотеки; далѣе, образовательныя цѣли имѣются въ виду и при устройствѣ столь любимыхъ англичанами поѣздокъ и экскурсій—иногда очень отдаленныхъ (была, напримѣръ, организована экскурсія въ Антверпенъ и нѣкоторые другіе города Бельгіи). Опытъ показываетъ, что умѣлый лекторъ можетъ собрать къ себѣ въ аудиторію много внимательныхъ и благодарныхъ слушателей — быть можетъ, больше, чѣмъ онъ собралъ бы ихъ въ любомъ клубѣ для интеллигенціи.

Клубные буфеты имѣютъ много враговъ между друзьями рабочаго класса. Стараясь отвлечь рабочаго отъ трактира и кабака, они склонны впадать въ противоположную крайность и требовать отъ рабочаго чисто монашескаго поведенія. Результатомъ такой требовательности является слабое развитіе организованныхъ ими предпріятій, которыя никогда не могутъ стать на свои ноги и постоянно требуютъ поддержки со стороны. Англійскіе рабочіе клубы, отказавшись отъ требованія абсолютнаго воздержанія своихъ членовъ, добились того, что клубъ сдѣлался самостоятельнымъ въ экономическомъ отношеніи учрежденіемъ, и доказали, что при отсутствіи соблазна и при соблюденіи нѣкоторыхъ ограничительныхъ условій размѣры потребленія спиртныхъ напитковъ будутъ очень незначительны. Приводимыя Пеппиномъ цифры буфетной выручки клубовъ ясно показываютъ, что клубный буфетъ никакой опасности для трезвости членовъ не представляетъ.

Сильный толчекъ клубному движенію далъ „Союзъ рабочихъ клубовъ", объединившій громадное большинство этихъ учрежденій. Значительная часть книжки Пеппина посвящена организаціи и дѣятельности этого союза.

Въ предисловіи проф. И. Озеровъ мечтаетъ о созданіи густой сѣти народныхъ клубовъ въ Россіи, стараніями попечительствъ о народной трезвости, которымъ циркуляры министерства финансовъ рекомендуютъ устройство чайныхъ съ библіотеками, чтеніями, хоровымъ пѣніемъ и т. д. Увлекшись „очень полной и детальной программой" борьбы съ алкоголизмомъ, которую собирается вести акцизное вѣдомство путемъ устройства чайныхъ, авторъ совершенно упустилъ коренную разницу англійскихъ клубовъ и нашихъ чайныхъ. Эта разница не позволяетъ проводить никакихъ аналогій между столь различными по существу учрежденіями и не позволяетъ разсчитывать на развитіе чайныхъ во что-нибудь подобное клубамъ. Гораздо болѣе общаго съ клубами представляютъ „воскресныя собранія", устраиваемыя въ Петербургѣ обществомъ попеченія о молодыхъ дѣвушкахъ. На этихъ собраніяхъ устраиваются спектакли, музыкальные вечера, совмѣстныя прогулки и т. д., и отчетъ общества констатируетъ, что опытъ перваго года былъ вполнѣ успѣшенъ.

Г. М.

Людвигъ Вольтманъ. **Историческій матеріализмъ.** Изложеніе и критика марксистскаго міросозерцанія. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей д-ра философіи М. Филиппова. Спб. 1901 г.

Книга Бернштейна съ такимъ-же заглавіемъ, недавно разобранная нами, имѣла цѣлью изложеніе и критику экономической стороны ученія марксистовъ; у Вольтмана задача совершенно другая: „предметомъ настоящей книги", говоритъ онъ въ предисловіи, „являются не экономическія и соціалистическія ученія, а философская система марксизма", центромъ которой Вольтманъ считаетъ матеріалистическую теорію исторіи. Крайнее разнообразіе взглядовъ на эту теорію даже въ средѣ самихъ марксистовъ, крайнее разъединеніе между ними и появленіе нѣсколькихъ „марксизмовъ" сразу проистекаетъ, по мнѣнію Вольтмана, оттого, что адепты строятъ свое міровоззрѣніе не на совокупности всѣхъ сочиненій учителя, а ограничиваются изученіемъ или только „Капитала", или только „Коммунистическаго манифеста" и т. д. А между тѣмъ, сочиненія Маркса очень различны по цѣли, методу изложенія и времени написанія. Примирить эти разногласія можетъ только изученіе и критика философіи Маркса, взятой въ ея цѣломъ и въ связи съ „классической" нѣмецкой философіей отъ Канта до Фейербаха, послѣдней ступенью которой, по мнѣнію Вольт-

мана, и является марксизмъ. Облегчить это изученіе—и есть задача книги Вольтмана.

Во „введеніи“ опредѣляются принципы „научнаго“ соціализма, основателемъ котораго признается Марксъ, и его отличіе отъ соціализма „утопическаго“, надѣявшагося вывести преобразованіе общества исключительно изъ идеальныхъ и моральныхъ принциповъ, тогда какъ „научный“ соціализмъ считаетъ только экономическій принципъ рѣшающимъ въ дѣлѣ преобразованія общества.

Марксизмъ заключаетъ въ себѣ 3 группы идей: матеріалистическое объясненіе исторіи (наиболѣе философскую, по Вольтману, часть системы), критику политической экономіи и теорію грядущей коллективистской организаціи общества. Какъ видно, Вольтманъ видитъ въ марксизмѣ цѣлое новое міровоззрѣніе, а не только одну изъ теорій политико-экономической науки. Вотъ какую исчерпывающую предметъ формулировку и вмѣстѣ расчлененіе марксизма даетъ Вольтманъ:

„Марксизмъ, какъ міросозерцаніе, представляетъ въ общихъ чертахъ наиболѣе законченную систему матеріализма. Онъ заключаетъ: 1) *діалектическій матеріализмъ*, изслѣдующій общіе теоретико-познавательные принципы отношенія мышленія и бытія; 2) *философскій матеріализмъ*, разрѣшающій проблему объ отношеніи духа къ матеріи въ смыслѣ новѣйшаго естествознанія; 3) *біологическій матеріализмъ*, примыкающій къ ученію Дарвина о естественномъ развитіи; 4) *географическій матеріализмъ*, доказывающій зависимость исторіи человѣческой культуры отъ устройства земной поверхности и физической среды общества; 5) *экономическій матеріализмъ*, раскрывающій вліяніе экономическихъ отношеній, производительныхъ силъ и состоянія техники на соціальное и духовное развитіе человѣчества. Географическій и экономическій матеріализмъ вмѣстѣ образуютъ матеріалистическое пониманіе исторіи въ болѣе тѣсномъ смыслѣ; 6) *этическій матеріализмъ*, радикально порывающій со всѣми стремленіями не отъ міра сего и переносящій всѣ цѣли и стремленія жизни и исторія на почву реальной дѣйствительности“. Раздѣленіе это, какъ видно, нельзя упрекнуть въ недостаткѣ ясности или рѣзкой опредѣленности!

Предшественниками Маркса въ области матеріалистическаго пониманія исторіи Вольтманъ, вслѣдъ за Бартомъ и Венкштерномъ, готовъ считать Сенъ-Симона и Шевалье, но „настоящихъ“, какъ онъ выражается, предшественниковъ ищетъ гораздо ранѣе—въ лицѣ еще историка Вико (его „На-

чала новой науки", вышедшія въ 1725 г.), поэта, философа и богослова Гердера („Идеи о философіи исторіи человѣчества" 1784 г.) и историка-юриста Монтескье („Духъ законовъ" 1748 г.) и цитируетъ, напр., изъ Гердера мѣсто о крестовыхъ походахъ, въ которыхъ „итальянскіе купцы искали не гроба Господня, а пряностей и сокровищъ у Его гроба. Банкъ въ Тирѣ былъ для нихъ обѣтованной землей, и все, что они предпринимали, происходило на ихъ обыкновенномъ торговомъ пути, истоптанномъ ими втеченіе столѣтій". Главнымъ-же источникомъ марксизма явилась „классическая" нѣмецкая философія: Кантъ, Фихте и Гегель, особенно послѣдній; таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе марксистовъ, съ которымъ, однако, Вольтманъ не соглашается, ставя на первое мѣсто Канта.

Философскимъ источникомъ діалектическаго и историческаго матеріализма Вольтманъ признаетъ критическую философію, почему, какъ весьма понятно, особенное вниманіе обращаетъ на Канта; кантовскій критицизмъ черезъ Фихте и Шеллинга развивается въ гегеліанство, а послѣднее, или, точнѣе говоря, „лѣвая" сторона гегеліанства въ свою очередь, черезъ посредство антропологическаго матеріализма Фейербаха, непосредственно переходитъ въ систему марксизма.

Самъ Марксъ еще студентомъ изучилъ философію Гегеля, но безусловнымъ послѣдователемъ ея, по словамъ Вольтмана, никогда не былъ; Фейербахъ-же оказалъ на Маркса большое вліяніе; позднѣе Энгельсъ писалъ: „Нужно было самому пережить пробуждающее мысль вліяніе этой книги (т. е. „Das Wesen des Christenthums" Фейербаха), чтобъ составить себѣ объ этомъ представленіе. Воодушевленіе было всеобщее: „*мы всѣ мгновенно сдѣлались послѣдователями Фейербаха*". Въ области религіи взгляды Маркса навсегда сохранили фейербаховскую окраску. Однако, отъ чисто-философскихъ работъ Марксъ постепенно отклонился къ вопросамъ экономическимъ, такъ, что, напр., въ 1859 г. самымъ хладнокровнымъ образомъ отнесся къ извѣстію о невозможности издать давно уже написанную имъ вмѣстѣ съ Энгельсомъ критику послѣ-гегелевской философіи: „мы предоставили рукопись", пишетъ Марксъ, „грызущей критикѣ мышей, тѣмъ охотнѣе, что уже достигли нашей главной цѣли—уясненія вопроса самимъ себѣ".

Однимъ изъ первыхъ экономическихъ сочиненій Маркса является „Нищета философіи", вышедшая въ 1846 г.; здѣсь мы уже читаемъ: „съ начала цивилизаціи производство стро-

ится на противоположности профессій, сословій, классовъ, наконецъ, на антагонизмѣ накопленнаго и непосредственнаго труда. *Безъ противоположности—нѣтъ прогресса*... до сихъ поръ производственныя силы развивались на почвѣ этого господства классовыхъ противорѣчій... Право есть только оффиціальное признаніе факта". „Коммунистическій манифестъ" (1847 г.) прямо уже говоритъ: *„Исторія всего общества вплоть до нашихъ дней есть исторія борьбы классовъ*... Господствующія идеи какого-либо времени всегда были только идеями господствующаго класса", и доказываетъ, что борьба теологіи съ „просвѣщеніемъ" XVIII вѣка является простымъ эпизодомъ борьбы феодализма съ буржуазіей, а идеи свободы совѣсти приложеніемъ принципа свободной конкурренціи къ области знанія. Наконецъ, въ предисловіи къ „Критикѣ политической экономіи" (1859 г.) мысль выражена еще рѣзче: *„Не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ бытіе, а наоборотъ, ихъ общественное бытіе опредѣляетъ ихъ сознаніе*. На извѣстной ступени развитія матеріальныя производительныя силы общества приходятъ въ противорѣчіе съ существующими производственными отношеніями... тогда наступаетъ эпоха соціальной революціи... при разсмотрѣніи подобныхъ переворотовъ должно всегда различать матеріальный, констатируемый съ естественно-научной точностью переворотъ въ экономическихъ условіяхъ производства и его юридическія, политическія, религіозныя, художественныя или философскія, словомъ, идеологическія *формы, въ которыхъ этотъ конфликтъ сознается людьми*, и въ которыхъ они вступаютъ въ борьбу".

Въ теоріи Марксъ не признаетъ, какъ мы уже видѣли, никакого участія нравственнаго элемента въ экономической области, отклоняетъ отъ себя обсужденіе и осужденіе дѣла съ этической стороны, изслѣдованіе свое ведетъ методомъ математика и естественника и т. д. Въ дѣйствительности-же при всемъ строго-научномъ характерѣ его выводовъ и методовъ, „подпочва", такъ сказать, его работы—строго-этическая; Марксъ самъ называетъ свой методъ революціоннымъ. А революціонная критика развѣ можетъ быть строго-научной? И Марксъ дѣйствительно пишетъ подъ вліяніемъ своего негодованія на людскую несправедливость и безчеловѣчность, хотя пріемы Маркса—конечно, не пріемы моралиста-проповѣдника, а сатира, насмѣшка и негодованіе.

Очень интересна глава о неизмѣнномъ сотрудникѣ Маркса—Энгельсѣ, „всю жизнь игравшемъ вторую скрипку", какъ

выразился однажды самъ Энгельсъ. Для характеристики его взглядовъ достаточно привести заглавіе одного изъ послѣднихъ его сочиненій (написанныхъ уже послѣ смерти Маркса)— „Участіе труда въ очеловѣченіи обезьяны".

Третья часть книги посвящена „Систематической критикѣ марксизма". Шагъ за шагомъ разбираетъ Вольтманъ всѣ названныя въ началѣ нашей статьи 6 вѣтвей марксизма, во многомъ не соглашается съ Марксомъ, а тѣмъ болѣе его учениками, но въ общемъ признаетъ, что хотя „необходимы дальнѣйшее развитіе и разработка мыслей Маркса въ деталяхъ, но принципіальныя основныя положенія діалектическаго матеріализма неизмѣнно останутся базисомъ всего будущаго философскаго развитія человѣческаго духа".

Н. У.

Редакторъ-издатель С. С. Сухонинъ.

Марія (*рыдая*). Батюшка, смилостивься, пощади. Я не хочу, не могу.

Татищевъ. Михайла Алексѣичъ, обдумай толкомъ; вѣдь такъ нельзя. Ты видишь, бракъ ей этотъ не по сердцу.

Марія (*на колѣняхъ передъ отцомъ*). Не губи. Вѣдь я другого люблю.

Зоринъ (*гнѣвно*). Дру-гого? Кого-жъ это другого?

Марія (*сквозь рыданія*). Его... Андрюшу...

Зоринъ (*гнѣвно*). Вышегорскаго... Нѣтъ. Ты рехнулась... Чтобъ я тебя за этого нехристя отдалъ... Не бывать этому...

Марія. Я люблю его больше жизни, больше самой себя...

Зоринъ (*внѣ себя*). Больше отца родного, такъ, что ли?

Татищевъ. Михайла Алексѣичъ, успокойся. Пощади дочку.

Зоринъ. Да что вы ко мнѣ пристали оба. Иль родитель надъ своими дѣтьми власти больше не имѣетъ? Это, можетъ статься, въ вашихъ басурманскихъ краяхъ такъ водится, а у насъ на святой Руси порядки иные.

Марія (*плача*). Ну, повремени хоть... дай сроку...

Зоринъ. Какого тебѣ сроку... (*Отчеканивая слова*). Государь присылалъ сегодня ко мнѣ Шафирова спросить, когда свадьба моей дочери съ Василіемъ Брянскимъ, и велѣлъ передать мнѣ, что самъ благословитъ ее...

Марія и Татищевъ (*вмѣстѣ*). Государь!

Зоринъ. Да, государь; чего глаза раскрыли?

Татищевъ. И что-жъ ты отвѣтилъ?

Зоринъ. Я просилъ благодарить царя за честь и доложить, что черезъ двѣ недѣли Марьюшка пойдетъ подъ вѣнецъ.

Марія. А... (*Падаетъ безъ чувствъ*).

ЗАНАВѢСЪ БЫСТРО ОПУСКАЕТСЯ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Рабочій кабинетъ государя въ Зимнемъ Дворцѣ (домъ въ Лѣтнемъ саду).

ЯВЛЕНІЕ I.

Петръ I сидитъ, читаетъ газеты и дѣлаетъ на нихъ отмѣтки, Орловъ стоитъ въ отдаленіи.

Петръ I (*протягивая Орлову газету*). Возьми... Передашь потомъ Шафирову, если я его самъ не увижу, и скажешь, чтобъ перепечатали въ „Вѣдомостяхъ“ то, что я здѣсь отмѣтилъ... Здѣсь все голландскіе куранты; развѣ нѣмецкіе еще не получены за эту недѣлю?

Орловъ. Получены, ваше величество; они здѣсь.

Петръ I. Гдѣ здѣсь? я не вижу.

Орловъ. Тутъ же снизу, ваше величество.

Петръ I (*переворачивая всю связку газетъ*). Твоя правда. (*Беретъ газету и читаетъ*). Дай мнѣ мою записную книжку. (*Орловъ беретъ съ другого конца стола книжку и подаетъ ее*). Спасибо. (*Беретъ и пишетъ замѣтки*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, князь Меншиковъ.

Петръ I. Здравствуй, Данилычъ, какъ поживаешь?

Меншиковъ. Благодарю васъ, государь. Куранты изволите читать?

Петръ I. Да. Съ тобой это, небось, никогда не случается. (*Тономъ ласковой укоризны*). И какъ тебѣ не стыдно? До твоихъ лѣтъ, до твоихъ чиновъ дожить и не знать грамоты? Вѣдь ты едва-едва и писать-то умѣешь, да и то только твое собственное имя.

Меншиковъ (*хмурясь*). Стыдно-то оно стыдно, государь. Да подчасъ неграмотные оказываются лучшими слугами вашими, нежели грамотные.

Петръ I (*взглядывая на него*). Это ты что-жъ? Намекаешь на кого, что ли?

Меншиковъ (*загадочно*). Можетъ и намекаю.

Петръ I (*пристально всматриваясь*). Чего это ты такой хмурый нынче? Говори яснѣе: про какихъ такихъ грамотныхъ говоришь?

Меншиковъ. Да про разныхъ, а особливо про тѣхъ, что противу васъ идутъ.

Петръ I. Противъ меня? Кто-жъ это противъ меня идетъ... Ну, говори. Сегодня это ты узналъ, что ли?

Меншиковъ. Сегодня.

Петръ I. Гдѣ-жъ это ты сегодня былъ? Въ Сенатѣ?

Меншиковъ. Въ Сенатѣ, государь.

Петръ I. Кто-нибудь изъ господъ сенаторовъ?

Меншиковъ. Такъ точно, ваше величество. Да ужъ дозвольте, я вамъ все толкомъ перескажу, какъ что было. Больно ужъ это возмутительное дѣло.

Петръ I. Больно возмутительное? Ну, я слушаю... Сказывай скорѣй.

Меншиковъ. Пріѣзжаю я нынче по утру въ Сенатъ на особливо важное засѣданіе, пріѣзжаю я и первое дѣло, что мы разбираемъ, это о рекрутскомъ наборѣ...

Петръ I. Мой указъ о новомъ рекрутскомъ наборѣ?

Меншиковъ. Онъ самый. Только прочли мы этотъ указъ, какъ вдругъ князь Яковъ Долгорукій во всеуслышаніе говоритъ: „долго ль быть этимъ разорительнымъ для народа и государства наборамъ". Схватилъ указъ да и разодралъ его.

Петръ I (*вскакивая*). Что-о? Мой указъ? Онъ рехнулся, что ли?

Меншиковъ. Мы, всѣ прочіе сенаторы, конечно, сейчасъ же запросили его, какъ онъ осмѣливается останавливать исполненіе именного повелѣнія и драть царскій указъ, а онъ въ отвѣтъ только: „я знаю, что дѣлаю; не вамъ судить".

Петръ I (*гнѣвно*). Яковъ Долгорукій больно ужъ смѣлъ сталъ. Я его проучу. Покажу ему, что такое мой указъ... Орловъ, пойди сейчасъ къ князю Якову Ѳедоровичу и скажи ему, что я его безотлагательно требую къ себѣ. (*Орловъ съ поклономъ выходитъ*). Этотъ умникъ отвѣтитъ мнѣ за свой продерзостный поступокъ... (*Пауза. Ходитъ взволнованно по комнатѣ*). Чтожъ потомъ было, говори?

Меншиковъ. Потомъ мы всѣ разъѣхались по домамъ,

ваше величество. Кому же охота засѣдать съ такимъ вашимъ подданнымъ, который государя своего не почитаетъ.

Петръ I. Ладно, ладно... Онъ посмотритъ, что значитъ драть мои указы. (*Довольно долгая пауза; Петръ, немного успокоившись, садится*). Ну, а еще какія новости? Изъ Ямбурга со своего стекляннаго завода извѣстія имѣешь?

Меншиковъ. Я приказалъ при немъ открыть зеркальную фабрику; думаю на-дняхъ, ежели ваше величество дозволите, съѣздить взглянуть, какъ и что.

Петръ I. Разумѣется. Съѣзди. А молодецъ ты, Данилычъ, что заводъ этотъ устроилъ. Шутка ли: первый русскій стеклянный заводъ. Я теперь указалъ еще нѣсколько такихъ открыть... Вотъ я тебѣ еще что хотѣлъ сказать. Надо нашу библіотеку изъ дворца моего убрать.

Меншиковъ. Почему?

Петръ I. Велика она ужъ больно стала. За послѣднія войны, съ Божьей милостью, мы все такіе города завоевывали, гдѣ библіотеки большія были. Ну, вотъ наша и пополнялась. Хочу я ее изъ Лѣтняго дворца куда-нибудь въ другое мѣсто перевести; къ томужъ ее тогда доступной для всякаго сдѣлаемъ. Пускай ходятъ, читаютъ и научаются. Отъ этого польза превеликая. Во всей Европѣ такъ дѣлается.

Меншиковъ. А вы, государь, и мѣсто уже намѣтили, куда ее перевести?

Петръ I. Да; высмотрѣлъ я домъ нѣкоего Кикина подъ Смольнымъ монастыремъ, знаешь? Кикинъ согласенъ.

Меншиковъ. Что-жъ, добро...

ЯВЛЕНІЕ III.

Петръ I, Меншиковъ, Шафировъ.

Петръ I. А! Вотъ и господинъ подканцлеръ. Здорово, Петръ Павловичъ, здорово.

Шафировъ. Добрый день, ваше величество. Какъ изволили почивать?

Петръ I. Богъ милуетъ; а ты съ какими вѣстями ко мнѣ пожаловалъ?

Меншиковъ. Вотъ онъ тоже въ Сенатѣ былъ. Долгоруковскими дѣяніями любовался.

Шафировъ. Любовался, любовался...

Петръ I. Ну, и что-жъ ты на это скажешь?

Шафировъ. Да и сказать, ваше величество, ничего не могу; у меня голова очень ужъ болѣла нынче утромъ, такъ что я толкомъ-то и разобрать не могъ, что происходило.

Петръ I. Ишь, ты лиса этакая. Всегда юлитъ.

Шафировъ. Ваше величество, истину говорю. Чего не видалъ, того не видалъ; у его свѣтлости (*указывая на Меншикова*) зрѣніе прекрасное и голова не болитъ; онъ все и примѣчаетъ. А я и вижу-то плохо, и здоровьемъ похвалиться не могу... (*Философски*). Должно, все отъ толщины моей.

Меншиковъ. Толщина-то, какъ посмотрю, дерзости не препятствуетъ.

Шафировъ. Ахъ, ваше сіятельство, это два дѣла разныя: одно отъ тѣла, другое отъ разума, потому другъ другу и не препятствуютъ.

Петръ I. Не крысься, Данилычъ, не крысься. Господина подканцлера не переспоришь. Да и къ тому-жъ мнѣ заниматься надо, а не ваше острословіе слушать. Говори, Шафировъ, какія и откуда ты извѣстія получилъ?

Шафировъ. Изъ Стокгольма. Гонецъ вернулся, князь Андрей Вышегорскій.

Петръ I (*живо*). Вернулся? когда?

Шафировъ. Да всего только часа два назадъ. Я сказалъ ему къ вашему величеству пріѣхать и лично обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ, доложить. Должно, сейчасъ пріѣдетъ.

Петръ I. И прекрасно ты поступилъ; я радъ буду его видѣть, да и къ тому онъ, навѣрное, много любопытнаго разузналъ. Онъ—малый наблюдательный.

Шафировъ. А, кстати, государь, насчетъ Вышегорскаго: приходилъ ко мнѣ старикъ Зоринъ, спрашивалъ, когда къ вашему величеству со своей дочкой явиться можетъ...

Петръ I. Ахъ. Вѣдь у нихъ и свадьба-то скоро. Что-жъ, пускай хоть сегодня пріѣзжаетъ.

Шафировъ. Я взялъ на себя дерзость именно такъ и отвѣтить Зорину, потому я знаю, ваше величество отлагательствъ не изволите терпѣть. Одно непріятно: можетъ статься, Зорины съ Вышегорскимъ встрѣтятся; какъ никакъ, а князь то Марьюшку любилъ...

Петръ I. Ничего, позабыть успѣлъ. Человѣкъ онъ молодой. Не бѣда, ежели встрѣтятся, хотя сдается мнѣ, что твой Зоринъ что-то неладное творитъ. Больно ужъ правдиво Вышегорскій мнѣ про любовь своей Марьюшки говаривалъ.

Шафировъ. Оно, конечно, кто ихъ тамъ разберетъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Ягужинскій.

Ягужинскій (*неся бумаги*). Имѣю честь желать добраго утра вашему величеству.

Петръ I. Здравствуй; садись и показывай, что у тебя тамъ за бумаги.

Ягужинскій. Донесенія различныя, государь.

Петръ I. Докладывай по порядку; начинай съ самыхъ важныхъ. Данилычъ, Шафировъ, можете тоже садиться.

Ягужинскій (*вынимая бумагу*). Вотъ это, ваше величество, доносъ мнѣ былъ присланъ на вотчинную коллегію.

Петръ I. За что?

Ягужинскій. Разногласіе тамъ вышло; все на старый ладъ дѣла рѣшать хотятъ, „всѣмъ міромъ", а не большинствомъ голосовъ.

Петръ I (*дѣлаетъ замѣтку въ своей книжкѣ*). Провѣрь, справедливъ ли доносъ, а ежели справедливъ, доложи мнѣ. Я имъ внушеніе сдѣлаю. (*Съ раздраженіемъ*). Не могутъ принаровиться къ моимъ указамъ; все мнятъ себя прежними московскими приказами. Дальше что?

Ягужинскій. О раскольникахъ доносъ изъ Архангельска: духовному регламенту подчиняться не хотятъ.

Петръ I. А народъ они трудолюбивый, прилежный.

Ягужинскій. Такъ точно.

Шафировъ. Князь Долгорукій еще нынче въ Сенатѣ ихъ за это хвалилъ и сказалъ, что подати они платятъ исправно.

Петръ I. Ему, какъ президенту ревизіонъ-коллегіи, это должно быть знакомо...

Меншиковъ. Но ему послѣ его сегодняшняго проступка, ваше величество, довѣряться особенно не слѣдуетъ...

Петръ I. Полно. Что, что, а князь Яковъ толкъ понимаетъ и человѣкъ онъ честный, правдивый.

Ягужинскій. Какъ прикажете, ваше величество, поступить съ доносомъ?

Петръ I. Препроводить къ Ѳеофану Прокоповичу съ моимъ замѣчаніемъ: если раскольники, молъ, точно честны и прилежны, то по мнѣ пускай вѣруютъ, какъ хотятъ, и когда ужъ нельзя ихъ обратить отъ суевѣрія разсудкомъ, то, конечно, не пособитъ ни огонь, ни мечъ; а мучениками за глупость быть—ни они той чести не достойны, ни государство пользы имѣть не будетъ... Слѣдующее дѣло каково?

Ягужинскій. Челобитная, ваше величество, отъ одной вдовы: жалуется, что торговая коллегія одно ея дѣло больше года не рѣшаетъ.

Петръ I. Разслѣдовать—основательна ли челобитная. Ежели основательна, то подвергнуть, согласно уставу, того, у кого дѣло этой вдовы находится, штрафу по 30 рублей за каждый день проволочки свыше шести мѣсяцевъ. Самой вдовѣ же напомнить указъ мой о челобитныхъ, что хотя всякому своя обида горька и несносна, но притомъ разсудить надлежитъ, что такое ихъ множество, а кому бьютъ челомъ, одна персона есть, да и та всякими войнами и прочими трудами обременена.

Ягужинскій (*читаетъ слѣдующую бумагу*). Господинъ петербургскій полиціймейстеръ генералъ Девьеръ проситъ денежнаго пособія на постройку себѣ дома, болѣе его чину достойнаго.

Петръ I. Онъ меня уже лично объ этомъ просилъ. Пустяки. Нечего роскошествовать. У меня самого дворецъ не великъ. Къ тому жъ (*смѣясь*) я не князь Меншиковъ—у меня денегъ нѣтъ (*серьезно*), а я воленъ только въ деньгахъ, получаемыхъ мною за мою службу, собираемыя же съ народа деньги не могу иначе употреблять, какъ на пользу государственную, ибо въ нихъ нѣкогда обязанъ буду отдать отчетъ Богу... А извѣстій у тебя никакихъ нѣтъ? Ведется ли, какъ я приказалъ, всенародная перепись?

Ягужинскій. Ведется, государь, только вяло.

Петръ I. Что-жъ такъ?

Шафировъ. Не легкое это дѣло, государь. Много бѣглыхъ.

Меншиковъ. Да и для многихъ эти новшества непо-

нятны. Я самъ слышалъ, какъ губернаторъ одинъ говорилъ: „это для иноземцевъ хорошо, а намъ за ними не угнаться".

Петръ I. Какъ это глупо. Развѣ всѣ люди не отъ одного праотца Адама произошли и мы исключены изъ славы мудрости человѣческой? Помышлять такъ, значитъ хулить Создателя... Читай дальше.

Ягужинскій. Слѣдующая бумага изъ Риги отъ лифляндскаго губернатора Репнина.

Петръ I. Въ чемъ дѣло?..

Ягужинскій. Одинъ изъ его подчиненныхъ былъ уличенъ въ казнокрадствѣ.

Петръ I (*запальчиво*). Опять казнокрадство. Чтожъ это въ самомъ дѣлѣ. Объ закладъ они, что ли, всѣ бьются меня изъ терпѣнія выводить. Я этому конецъ положу. (*Указывая Ягужинскому на бумагу и чернила*). Сейчасъ напиши отъ моего имени указъ во все государство такого содержанія: что если кто и настолько украдетъ, что можно купить веревку, тотъ безъ дальняго слѣдствія повѣшенъ будетъ... Пиши.

Ягужинскій (*собираясь уже писать, вдругъ останавливается*). Подумайте, ваше величество, какія послѣдствія будетъ имѣть этотъ указъ.

Петръ I. Не разсуждай. Пиши, что я тебѣ приказалъ.

Ягужинскій (*послѣ паузы, улыбаясь*). Всемилостивѣйшій государь. Неужели вы хотите остаться царемъ одинъ безъ служителей и подданныхъ...

Петръ I (*смѣясь*). Охъ, проворенъ ты на остроты. Чтожъ по твоему—всѣ воруютъ?

Ягужинскій (*смѣясь*). Съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ болѣе и примѣтнѣе, нежели другой... Прикажете писать, ваше величество?

Петръ I (*улыбаясь*). Напиши-ка на всякій случай. Если отъ этого указа тѣ, кто теперь больше воруютъ, станутъ меньше воровать—и то ужъ польза. (*Замѣчая входящаго Орлова*). А, ты вернулся? А гдѣ же Долгорукій?

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Орловъ.

Орловъ. Князь слушаетъ обѣдню, ваше величество.

Петръ I. Но ты сказалъ ему, что я его немедленно требую сюда.

Орловъ. Такъ точно, сказалъ.

Петръ I. Чтожъ онъ тебѣ отвѣтилъ?

Орловъ. Онъ отвѣтилъ только „слышу" и не тронулся съ мѣста; а когда я, обождавъ немного, подошелъ къ нему въ другой разъ, онъ сказалъ: „воздадите Кесарю Кесарево, а Божье Богу. Донеси, что видишь и слышишь".

Петръ I. И остался стоять?

Орловъ. Такъ точно, ваше величество.

Петръ I. Да что-жъ это, издѣвается онъ надо мною, что ли.

Меншиковъ. Это становится похожимъ на государственную измѣну.

Петръ I (*къ Орлову*). Ступай сейчасъ и скажи Долгорукому, что ежели онъ тотчасъ не явится, съ нимъ будетъ поступлено, какъ съ ослушникомъ „верховной власти".

Орловъ. Слушаю, государь... (*Идетъ къ дверямъ и оборачивается).*

Петръ I. Чего ты еще ожидаешь?

Орловъ. Ваше величество, пріѣхалъ князь Андрей Вышегорскій и спрашиваетъ, будетъ ли такова государева милость его принять.

Петръ I. Вышегорскій? Зови его сейчасъ. (*Орловъ выходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Петръ I. кн. Меншиковъ. Шафировъ. Ягужинскій, Вышегорскій.

Петръ I (*идя навстрѣчу входящему Вышегорскому*). Здорово, малый. (*Обнимаетъ его*). Какъ съѣздилъ? Гдѣ пропадалъ?

Вышегорскій (*растроганный цѣлуетъ руку Петра I и нѣсколько секундъ молчитъ*). Я прямо изъ Швеціи, ваше величество; сегодня утромъ только вернулся.

Петръ I. Что ты такъ долго ѣздилъ?

Вышегорскій. Былъ на обратномъ пути потребованъ господиномъ Остерманомъ на Аландскіе острова, дабы лично доложить вашему величеству нѣкоторыя подробности конгресса.

Петръ I. Такъ, такъ. Ну, разсказывай, какъ и что, только торопись: у меня дѣла много. Послѣ обѣда снова

зайдешь ко мнѣ—тогда основательно потолкуемъ, а пока сказывай самое главное.

Вышегорскій. Вашему величеству, конечно, уже извѣстно, что сторонникъ Россіи и другъ г-на Остермана баронъ Герцъ былъ обвиненъ въ измѣнѣ и казненъ по повелѣнію королевы.

Петръ I. Да, да. Я это знаю. На его мѣсто назначенъ графъ Лиліенстетъ.

Вышегорскій. Лиліенстетъ послѣ долгой проволочки извѣстилъ, наконецъ, шведскаго уполномоченнаго на конгрессѣ о несогласіи королевы на условія, предлагаемыя вашимъ величествомъ.

Петръ I. Чтожъ, королева не хочетъ отдавать намъ Лифляндію? Такъ вѣдь я указалъ Остерману предложить въ такомъ случаѣ уплатить Швеціи милліонъ рублей за эту провинцію или по крайней мѣрѣ выговорить намъ владѣніе Лифляндіею на двадцатилѣтній срокъ.

Вышегорскій. Королева Элеонора не хочетъ уступать вашему величеству не только Лифляндіи, но и вообще никакой иной земли.

Петръ I (*очень взволнованно*). Такъ что-жъ это? Неужели снова кровь. Это безуміе, этого не должно быть... Неужели всегда воевать? Нѣтъ, нѣтъ. (*Ходитъ по комнатѣ*). Шафировъ, надо написать Остерману, чтобы нашелъ какой-нибудь другой исходъ. Я не хочу больше войны. У насъ довольно и своихъ внутреннихъ заботъ. Пусть Остерманъ предложитъ шведскому уполномоченному Гилленборгу въ обмѣнъ Лифляндіи нашу помощь для пріобрѣтенія Швеціей какой-нибудь иной провинціи.

Шафировъ. Королева надѣется на помощь Франціи, на денежную субсидію; потому она и предъявляетъ такія требованія... Только надежда эта плоха, судя по полученнымъ мною извѣстіямъ изъ Парижа.

Петръ I. Главная опора ея не Франція, а Англія; она надѣется, что мой любезнѣйшій другъ (*съ ироніей*) король Георгъ пришлетъ ей свой флотъ на подмогу. Но я не допущу этого, не допущу. Сегодня же напиши Остерману, слышишь. А я на всякій случай велю Апраксину быть наготовѣ и выслать хоть часть нашихъ кораблей къ Аланду. Богъ дастъ,

все и уладится... (*Успокоившись, къ Вышегорскому*). Еще что новаго?

Вышегорскій. Въ Стокгольмѣ носятся слухи о возможности отреченія королевы отъ престола и передачи власти въ руки ея супруга, герцога Фридриха.

Шафировъ. Объ этомъ я уже имѣлъ счастіе докладывать вашему величеству, и мнѣ сдается, по нѣкоторымъ даннымъ, что слухи эти могутъ оправдаться.

Петръ I. Тѣмъ лучше. Герцогъ человѣкъ разсудительный и миролюбивый, не чета своей женѣ и ея покойному брату королю Карлу.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Орловъ, Долгорукій.

Орловъ. Государь, князь Долгорукій ждетъ приказаній вашего величества.

Петръ I. А! Наконецъ-то! Пускай войдетъ... А ты, Вышегорскій, можешь теперь быть свободнымъ; я за тобой пошлю, когда надо будетъ. (*Вышегорскій кланяется и выходитъ*).

Шафировъ. Дозвольте и мнѣ, государь, уйти; мнѣ нужно графа Головкина навѣстить.

Петръ I. Ступай, ступай.

Шафировъ. Я думалъ также зайти къ Зорину сказать, что вы изволили ему разрѣшить явиться сегодня; но ваше величество заняты важными дѣлами и...

Петръ I. Это ничего не значитъ. Всѣ дѣла, какія они ни есть, должны разбираться, какъ важныя, только тогда толкъ и бываетъ. Заѣзжай къ Зорину.

(*Шафировъ съ поклономъ идетъ къ выходу, сталкивается въ дверяхъ съ Долгорукимъ и проходитъ*).

Долгорукій (*останавливаясь у дверей*). Ты звалъ меня, государь.

Петръ I (*послѣ долгой паузы, во время которой онъ ходитъ по комнатѣ, останавливается передъ Долгорукимъ и гнѣвно говоритъ*). Знаешь ли ты, что ты достоинъ, чтобъ я тебя здѣсь же убилъ вотъ этой шпагой. (*Указывая на свою шпагу, лежащую на столѣ*).

Долгорукій. Государь, честь твоя дороже мнѣ жизни моей. Что тогда скажетъ о тебѣ свѣтъ, если ты своими руками умертвишь вѣрнаго подданнаго и за то только, что онъ осмѣлился тебѣ противорѣчить въ дѣлѣ, которое онъ иначе понималъ? Когда тебѣ голова моя надобна, не опоганя своихъ рукъ, вели ее снять палачу на площади; тогда сочтутъ казнь мою за какое-нибудь важное злодѣйство, и ты останешься безъ порицанія.

Петръ I (*послѣ паузы*). Какъ ты осмѣлился остановить мое повелѣнье.

Долгорукій. Ты самъ приказываешь представлять тебѣ истину и стараться о пользѣ твоего народа.

Петръ I. Что-жъ, по твоему указываемые мною рекрутскіе наборы приносятъ вредъ народу?

Долгорукій. Все, что не въ мѣру дѣлается, государь, приноситъ вредъ. Ты отецъ подданныхъ своихъ, такъ неужели не чувствуешь скорби и разоренія ихъ отъ такихъ частыхъ наборовъ? Неужели не трогаютъ тебя слезы, рыданіе и вопль отцовъ, дѣтей и женъ сихъ бѣдныхъ людей при разлукѣ съ ними? Неужели не чувствуешь, сколько рукъ отнимается у земледѣлія? Если-бъ хорошенько ты подумалъ о семъ, то, конечно, нашелъ бы средство, по крайней мѣрѣ на сей разъ, обойтись и безъ рекрутскаго набора.

Петръ I (*смягчаясь*). Какое-жъ средство можно сыскать, чтобъ обойтись безъ рекрутъ, когда они къ пополненію полковъ необходимо нужны.

Долгорукій. А вотъ какое: ты знаешь, государь, сколько понынѣ находится рекрутовъ въ бѣгахъ, которые отъ страха наказанія укрываются въ лѣсахъ и вдались большей частью въ воровство и разбой; отвѣдай простить всѣхъ ихъ за побѣги и увѣрь, что, буде они добровольно явятся отъ обнародованія указа черезъ полгода, или какъ изволишь назначить срокъ, то никакого какъ имъ, такъ и укрывающимъ ихъ не будетъ наказанія... Я надѣюсь, что столько ихъ соберется, сколько тебѣ нынѣ надобно.

Петръ I (*совершенно смягчившись*). Добро, дядя. Отвѣдаю поступить нынѣ по-твоему. Увидимъ, будетъ ли такъ, какъ ты предполагаешь... (*Пауза*). Все это хорошо; но на

что-жъ драть подписанное мною опредѣленіе, зная, что такая дерзость нигдѣ не можетъ быть терпима?.

Долгорукій. Въ этомъ-то только я и виноватъ, государь, что не утерпѣлъ... Прости.

Петръ I (*обнимая его*). Богъ тебя проститъ, а я на тебя не гнѣвлюсь. Ты меня больше всѣхъ бранишь и такъ тяжко спорами досаждаешь, что я часто едва могу стерпѣть; но какъ разсужу, то и увижу, что ты меня и государство вѣрно любишь и правду говоришь: для того я тебя внутренно и благодарю... Ну, а теперь пойдемъ вмѣстѣ со мной въ Сенатъ: я самъ дамъ указъ, какой ты совѣтуешь. (*Идетъ къ дверямъ*). Данилычъ, Ягужинскій, ступайте и вы тоже... (*Всѣ выходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Сцена нѣкоторое время остается пустая. Потомъ входятъ Татищевъ, Орловъ и немного спустя Вышегорскій.

Орловъ (*сопровождая Татищева*). Государя нѣтъ дома, Василій Никитичъ; его величество сейчасъ только изволили выйти съ княземъ Меншиковымъ, господиномъ Ягужинскимъ и княземъ Яковомъ Ѳедоровичемъ Долгорукимъ.

Татищевъ. И неизвѣстно когда вернется?

Орловъ. Должно скоро, такъ какъ его величество потребовалъ сюда графа Брюса къ одиннадцами часамъ, а теперь уже скоро половина.

Татищевъ. Хорошо, я подожду. (*Орловъ съ поклономъ выходитъ; Татищевъ, оставшись одинъ, нѣкоторое время безмолвно озирается, потомъ говоритъ*). И въ этой скромной горницѣ, среди столярныхъ и токарныхъ инструментовъ, наряду съ обтесываніемъ скамей и рѣзьбой всякихъ бездѣлушекъ, рѣшаются судьбы Россіи и Европы... Петръ, Петръ! Гигантъ, какихъ міръ еще не видывалъ! Всѣмъ, что у нея есть и будетъ, страна твоя тебѣ обязана; отъ самаго знаменательнаго до самаго мелкаго, но необходимаго для полнаго благоденствія государства--все, все далъ Россіи ты. Какой историкъ въ грядущемъ посмѣетъ безъ тайнаго трепета приступить къ описанію всѣхъ твоихъ дѣяній? и кто изъ потомства дерзнетъ безъ благоговѣнія прослѣдить за тобой черезъ тьму вѣковъ?.. (*Смолкаетъ въ раздумьѣ*).

Вышегорскій (*входитъ, видитъ Татищева и бросается ему въ объятія*). Василій Никитичъ, дорогой мой!

Татищевъ. Вы? Вернулись? когда?

Вышегорскій. Сегодня рано утромъ. Я былъ уже у государя, но не хотѣлъ уйти изъ дворца, не повидавшись съ вами: я зналъ, что вы каждое утро бываете здѣсь, и вотъ, только что услышавъ отъ Орлова, что вы одинъ въ кабинетѣ царя, я, позабывъ объ этикетѣ и необходимомъ докладѣ, бросился со всѣхъ ногъ сюда...

Татищевъ. Я искренно, искренно радъ васъ видѣть...

Вышегорскій. Не позабыли меня?

Татищевъ (*омрачаясь*). Наоборотъ, очень часто вспоминалъ о васъ.

Вышегорскій. Что вы такъ грустно говорите... Какія-нибудь ужасныя вѣсти? Марія? гдѣ она? что съ ней?

Татищевъ. Она здорова, но...

Вышегорскій. Но что?.. Вышла замужъ?

Татищевъ. Нѣтъ... еще.

Вышегорскій. Еще? Такъ значитъ ея безумный отецъ рѣшилъ не на шутку привести въ исполненіе то, что я смутно слышалъ на послѣдней ассамблеѣ въ день моего отъѣзда?

Татищевъ. Да.

Вышегорскій. Но самъ государь обѣщался хлопотать за меня.

Татищевъ. Михайла Алексѣевичъ увѣрилъ государя, что Марьюшка давно уже, чуть ли не съ пеленъ, сговорена съ Василіемъ Брянскимъ. Государь повѣрилъ и самъ пожелалъ благословить невѣсту передъ свадьбой...

Вышегорскій. Какъ? и у Зорина хватило духа довести свое безчестное, безчеловѣчное дѣло до конца?

Татищевъ. Упрямый старикъ попался въ свою собственную ловушку и, запутавшись, не зналъ, какъ выкарабкаться; онъ думалъ, что государь забудетъ, а государь не только не позабылъ, но даже посылалъ Шафирова къ Зорину узнать, когда день свадьбы.

Вышегорскій. Что же Марія?

Татищевъ. Она совсѣмъ убита, плачетъ всѣ дни напролетъ... Но что-жъ вы хотите, чтобъ она сдѣлала? Отецъ убѣдилъ ее, что съ ея свадьбой связанъ вопросъ его жизни и

благополучія, что если она пойдетъ противъ него, то государь покараетъ его за обманъ... Она покорилась, бѣдняжка, и ждетъ своей свадьбы, какъ дня похоронъ...

Вышегорскій. Это ужасно, ужасно...

Татищевъ. Я только что былъ у нихъ и опять засталъ тамъ Шафирова. Вице-канцлеръ пріѣзжалъ къ Зорину, чтобъ извѣстить его, что государь ждетъ невѣсту сегодня утромъ для благословенія.

Вышегорскій. Такъ значитъ она сейчасъ сюда пріѣдетъ?

Татищевъ. Вѣроятно.

Вышегорскій. Мнѣ надо говорить съ Маріей наединѣ, а потомъ и съ ея отцомъ я попробую послѣднее средство...

Татищевъ. Какое?

Вышегорскій (*загадочно и очень взволнованно*). Вы потомъ узнаете... Но сперва мнѣ нужно повидаться съ нею наединѣ...

Татищевъ. Это довольно трудно.

Вышегорскій. Отвлеките отца, когда онъ пріѣдетъ.

Татищевъ. Это-то послѣднее дѣло разлучить на минуту отца и дочь... Но здѣсь во дворцѣ вы совершенно лишены возможности остаться наединѣ съ Маріей. Дворецъ такой маленькій и вмѣстѣ съ тѣмъ биткомъ набитъ всевозможными людьми, имѣющими дѣло до государя, особенно по утрамъ. Единственная комната, куда никто не входитъ, это кабинетъ царя; но вы понимаете, что я никакъ не могу взять на себя такую отвѣтственность...

Вышегорскій. Ваша правда. (*Рѣшительно*). Ну, тогда я поговорю и съ отцомъ, и съ дочерью сразу..

Голосъ Шафирова (*за сценой*). Сюда, бояринъ, сюда... Его величество сейчасъ вернется и тогда изволитъ васъ принять.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, Зоринъ, Марія, Шафировъ.

Шафировъ. Ба! Да тутъ ужъ кто-то есть. Василій Никитичъ, какъ поживаете?

Марія. Андрей.

Зоринъ. Что это значитъ? Ловушка?

Шафировъ. Вы, кажется, знакомы всѣ, господа, между собой... Я могу съ покойной совѣстью васъ оставить? До свиданья... (*Идетъ къ дверямъ*). Михайла Алексѣичъ, вы тутъ дождетесь его величества... Государь приметъ васъ или здѣсь, въ своемъ пріемномъ кабинетѣ, или же наединѣ въ собственной своей мастерской, въ знакъ особой милости, такъ какъ туда кромѣ генерала-фельдмаршала и князя-кесаря никто не допускается; даже сама царица и та лишь по особому докладу входитъ... (*Дѣлаетъ привѣтственный жестъ рукой и выходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же безъ Шафирова.

Вышегорскій (*послѣ долгой паузы*). Здравствуйте, Михайла Алексѣичъ. Здравствуй, Марьюшка. Что-жъ вы на меня такъ глядите? или не узнаете? Измѣнился я очень въ лицѣ, вѣрно?

Зоринъ (*съ ироніей*). Какъ же тебя не узнать. Узнаю, узнаю. Такого заморскаго щеголя и вдругъ не узнать

Вышегорскій. А ты, Марьюшка? и отвѣчать мнѣ не желаешь? Я нарочно пришелъ сюда, когда узналъ, что нынче царь тебя благословлять подъ вѣнецъ будетъ; хочу первымъ поздравить красавицу невѣсту, а то, можетъ, потомъ, когда княгиней Брянской станешь, твой мужъ запретитъ тебѣ и глядѣть на меня, не то что принимать въ домѣ.

Марія (*едва держась на ногахъ*). Ты... знаешь... что... всегда... будешь... желаннымъ... гостемъ.

Вышегорскій. Вотъ какъ? Ну, спасибо за ласку да за доброе слово; а то я сомнѣвался: ты такая послушная дочка, что, пожалуй, такою же послушной и женою будешь.

Татищевъ (*вполголоса Вышегорскому*). Не мучьте ее, сжальтесь. Вѣдь она же васъ любитъ больше жизни.

Вышегорскій (*громко*). Она меня любитъ больше жизни? Ваша правда; она поэтому за другого замужъ и идетъ.

Зоринъ. Василій Никитичъ, это что-жъ—ты или Шафировъ намъ западню подставилъ?

Вышегорскій (*не давая Татищеву отвѣтить*). Никого въ этомъ, бояринъ, не вини, ни Василія Никитича, ни госпо-

дина подканцлера. Я самъ сюда пришелъ... Больно ужъ мнѣ хотѣлось на тебя взглянуть, да и на дочку твою тоже.

Зоринъ. Вотъ какъ? Ну, тогда мы отсюда уйдемъ; намъ съ тобой говорить не о чемъ. Идемъ, Марьюшка. (*Дѣлаетъ шагъ къ дверямъ*).

Вышегорскій. Говорить не о чемъ? Ты такъ думаешь? Напрасно, бояринъ, напрасно. Намъ много есть о чемъ переговорить и даже о дѣлахъ первой важности.

Марія (*къ отцу*). Батюшка, погоди, не уходи. Ты хотѣлъ, чтобъ я шла съ другимъ подъ вѣнецъ, я послушалась; но дай мнѣ сперва проститься съ тѣмъ, кого любила и люблю. Это моя послѣдняя къ тебѣ просьба... Ты не можешь отказать мнѣ.

Татищевъ. Твоя дочка права, Михайла Алексѣевичъ: немногаго она у тебя проситъ—ты можешь согласиться.

Зоринъ. Нечего имъ промежъ себя бесѣдовать, коли не суждено имъ больше видаться.

Татищевъ. Такъ дай имъ по крайней мѣрѣ проститься...

Марія (*къ Вышегорскому*). Андрюша, я не хочу, чтобъ ты думалъ нехорошее обо мнѣ. Я, какъ и прежде, вся твоя— и мыслями, и душой, и разумомъ. Пока тебя здѣсь не было, часу не проходило, чтобъ я не вспомнила тебя; и если я теперь прошу тебя вернуть мнѣ мое слово, то потому лишь, что судьба противъ насъ пошла...

Вышегорскій. Вернуть тебѣ твое слово? отдать тебя другому? Думаешь ли ты о томъ, что говоришь? Представляешь ли ты себѣ всѣ муки, которыя я буду претерпѣвать, зная тебя женою другого человѣка... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Этого не будетъ! (*Подходя къ Маріи и схватывая ее за руку*). Скажи мнѣ лишь одно слово: ты любишь меня или нѣтъ? Отвѣчай правду. Господь Богъ слышитъ насъ и разсудитъ. Не забудь это, не криви душой.

Зоринъ (*наступая на Вышегорскаго*). Какъ ты смѣешь такъ говорить съ моей дочерью, съ чужою невѣстой!

Вышегорскій. Наши съ тобой, Михайла Алексѣичъ, счеты еще впереди. Потерпи немного, и твоя очередь придетъ... (*Къ Маріи*). Ну, что-жъ? я жду. Ты любишь? нѣтъ? отвѣчай, отвѣчай!

Марія (*едва слышно и въ полузабытьѣ*). Люблю.

Вышегорскій (*радостно вскрикиваетъ*). А! (*Обнимаетъ Марію и быстро отводитъ ее въ другой конецъ комнаты. потомъ обращается къ Зорину*). И ты думаешь, старикъ, что я допущу тебя разбить жизнь этого ангела? Что я безъ борьбы уступлю ее другому, ненавистному ей мужу? Нѣтъ, ошибаешься.

Зоринъ (*кидаюсь на него*). Оставь мою дочь, окаянный...

Татищевъ (*удерживая его*). Михайла Алексѣичъ, опомнись! Вѣдь мы въ царскихъ покояхъ.

Вышегорскій (*Къ Зорину*). Не гнѣвись, бояринъ. Коли добрыхъ словъ не слушаешь, коли дочки твоей тебѣ не жаль, такъ пожалѣй хоть самого себя... (*Медленно подходитъ къ нему, пристально глядя ему въ глаза*). Что тебѣ больше по сердцу: чтобъ дочка твоя моей женой была, или чтобъ твою сѣдую голову палачъ на плахѣ отрубилъ? (*Общее волненіе*).

Татищевъ и Марія (*вмѣстѣ*). Что это значитъ?

Зоринъ (*отступая*). Ты рехнулся? какая плаха? какой палачъ?

Вышегорскій (*понижая голосъ и схватывая Зорина за руку*). Тебѣ извѣстно, что нѣсколько русскихъ вельможъ, позабывъ, что они цѣловали крестъ на вѣрность государю Петру Алексѣевичу, обращались къ покойному королю шведскому Карлу, прося его защиты отъ новшествъ царя? Извѣстно, да?

Зоринъ (*блѣднѣя и отступая*). Я не понимаю... что ты говоришь?...

Марія. Боже!

Татищевъ (*озираясь*). Тише, ради всего святого, тише.

Вышегорскій. Я теперь въ Швеціи узналъ имена нѣкоторыхъ изъ этихъ предателей, и въ числѣ ихъ...

Зоринъ (*испуганно*). Молчи, молчи!

Вышегорскій. Теперь это уже дѣло прошлое: король Карлъ умеръ, заговоръ распался со смертью главныхъ зачинщиковъ: я могу съ спокойною совѣстью утаить мое открытіе, не причиняя моимъ молчаніемъ никакого вреда ни царю, ни государству... Но стоитъ мнѣ сказать одно только слово и...

Зоринъ. Князь, ты его не скажешь...

Вышегорскій. Это въ твоихъ рукахъ: сегодня государь долженъ узнать, или что твоя дочь помолвлена съ княземъ

Андреемъ Вышегорскимъ, или что бояринъ Михаилъ Зоринъ измѣнникъ и бунтовщикъ... Рѣшай!

Марія (*умоляюще*). Отецъ!

Татищевъ. Михайла Алексѣичъ, что было, то прошло... Господь тебя проститъ. Судьба не допустила тебя стать измѣнникомъ; не искушай ее вторично... Не омрачай своей старости другимъ преступленіемъ.

Зоринъ (*послѣ долгаго колебанія*). Пусть будетъ такъ... (*Къ Вышегорскому*). Ты подставилъ мнѣ западню и можешь торжествовать. Но помни, что насильно вырванное отцовское благословеніе не принесетъ счастія ни тебѣ, ни женѣ твоей...

Вышегорскій. О нашемъ счастьѣ я самъ позабочусь... (*Шумъ голосовъ за сценой*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, Петръ I, Меншиковъ, Ягужинскій, Долгорукій, Орловъ.

Петръ I (*замѣчая Марію*). А, красавица, здравствуй... (*Замѣчая Вышегорскаго*). И ты здѣсь? Что-жъ это, господинъ бояринъ, значитъ?

Зоринъ (*медленно опускаясь на одно колѣно, говоритъ черезъ силу*). Не вели казнить, государь, вели миловать. Ввелъ я тебя въ обманъ, когда называлъ женихомъ моей дочери Василія Брянскаго...

Петръ I (*хмурясь*). Въ обманъ?

Зоринъ (*вставая*). Женихъ-то вотъ онъ... (*Указываетъ на Вышегорскаго*).

Петръ I. Андрюша? Вотъ оно что. Какъ же это тогда-то, помнишь, на ассамблеѣ сватовства моего не пожелалъ?

Зоринъ. Виновенъ, государь...

Марія (*живо*). Отецъ хотѣлъ испытать, ваше величество точно ли я люблю Андрюшу, а также и то—покорная ли я дочь.

Петръ I (*къ Зорину полу-насмѣшливо*). Такъ ли это бояринъ? а?

Зоринъ. Такъ, государь: только покорная дочь и можетъ стать хорошей женой...

Петръ I. Что-то ужъ мудрено. Ну, да Богъ съ тобой. Разбираться въ твоихъ дѣлахъ не стану, да и недосугъ мнѣ...

Одно скажи: увѣренъ ли ты хоть на этотъ разъ, что это точно твой будущій зять...

Зоринъ. Увѣренъ...

Петръ I. Ну, добро. (*Къ Вышегорскому и Маріи*). А васъ-то, кажись, и спрашивать не надо — увѣрены ли вы другъ въ другѣ... Господь съ вами. Живите счастливо (*Подходя къ нимъ и соединяя ихъ руки*). Вамъ все дано свыше— и молодость, и честныя сердца, и силы, и богатство... и любовь... отъ васъ зависитъ ваше счастье и благополучіе. (*Обнимаетъ ихъ*). На свадьбу вашу, какъ обѣщалъ—пріѣду. А теперь ступайте, вамъ ворковать надо, а мнѣ дѣлами заниматься. Ступайте. (*Зоринъ, Марія, Вышегорскій съ поклонами удаляются. Петръ долго безмолвно смотритъ имъ вслѣдъ, потомъ говоритъ*). Что-то судьба вамъ готовитъ? Вся жизнь у васъ еще впереди и многое она покажетъ вамъ такого, чего мнѣ ужъ не придется видѣть... (*Обрываясь*). За работу. Ягужинскій, продолжай докладъ... Орловъ, когда пріѣдетъ графъ Брюсъ, сейчасъ же введи его сюда. У насъ, господа, тоже молодая невѣста, которую мы должны любить и лелѣять, не щадя жизни—это наша родина. (*Всѣ садятся. Ягужинскій достаетъ бумаги, Петръ I—записную книжку*).

КОНЕЦЪ.

устройствѣ являлись серьезнымъ препятствіемъ къ слiянію новой области съ остальными частями государства. Администрація Кексгольмской области была организована по образцу прочихъ областей Московскаго государства. Жители исповѣдывали православную религію, которая успѣла пустить глубокіе корни. Во время Іоанна III тамъ было 7 приходовъ, 26 часовенъ и не менѣе 10 монастырей, изъ которыхъ главными были Валаамскій и Коневецкій. Во время войны, а также послѣ присоединенія Кексгольмской области къ Швеціи, въ ней царила почти полная анархія:. грабежи, убійства и разныя насилія совершались открыто и оставались безнаказанными. Въ виду этого тотчасъ-же послѣ окончанія войны шведское правительство рѣшило принять мѣры къ возстановленію нарушеннаго порядка. Съ этой цѣлью въ Кексгольмъ была отправлена особая комиссія, которая должна была подробно ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ во вновь пріобрѣтенной области. Въ своемъ докладѣ правительству эта комиссія изображаетъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ состояніе края и его населенія. Со стороны администраціи была допущена масса злоупотребленій, изъ которыхъ самымъ вопіющимъ былъ обычай выдавать преступникамъ, бѣжавшимъ за границу, особые билеты, дававшіе имъ право за извѣстное вознагражденіе возвратиться на родину, причемъ они освобождались отъ всякой отвѣтственности за свое преступленіе. При помощи этихъ билетовъ, называвшихся frisedlar, т. е. освободительные билеты, начальникъ Кексгольма Свенъ Іонсонъ думалъ вновь заселить опустѣвшія вслѣдствіе массоваго выселенія въ Россію мѣстности; но въ результатѣ оказалось, что страна наполнилась негодяями, которые, пользуясь оказываемымъ имъ покровительствомъ, безнаказанно грабили и убивали населеніе. Было обнаружено много и другихъ злоупотребленій. Однако, комиссія не рѣшалась принимать слишкомъ строгихъ мѣръ, чтобы не запугать населенія и тѣмъ самымъ не усилить эмиграцію. Свенъ Іонсонъ былъ смѣщенъ, но его преемники едва ли болѣе его были въ состояніи внести прочный порядокъ въ разоренную область. Кексгольмскій ленъ былъ освобожденъ отъ рекрутской повинности, но и эта льгота не могла ослабить эмиграцію, причиной которой было полное неустройство края. Административныя злоупотребленія продолжались даже послѣ основанія абоскаго гофгерихта, вѣдѣнію котораго былъ подчиненъ Кексгольмскій ленъ. Налоги, конечно, не были уменьшены.

Всѣ старые налоги были удержаны и кромѣ того введены нѣкоторыя новыя повинности, изъ которыхъ самою обременительною была поденщина. Старанія правительства поднять торговлю въ новомъ ленѣ имѣли мало успѣха. Въ 1624 г. городу Кексгольму дано было право безпошлиннаго вывоза товаровъ черезъ Неву въ Германію и нѣкоторыя другія привиллегіи; но эта мѣра очень мало способствовала оживленію его торговли.

Къ югу отъ Кексгольма, въ Тайпале, былъ основанъ новый городъ, который, однако, скоро пришелъ въ упадокъ. Въ Салмисъ былъ основанъ торговый посадъ, который одно время имѣлъ даже особаго бургомистра, но и онъ вскорѣ опять превратился въ обыкновенную деревню.

Одною изъ главныхъ причинъ недовольства жителей Кексгольмской области новымъ правительствомъ было насильственное обращеніе ихъ въ лютеранство, начавшееся тотчасъ-же послѣ Столбовскаго мира. Въ 1618 г. выборгскому епископу было поручено главное руководство этимъ дѣломъ; было учреждено нѣсколько лютеранскихъ приходовъ; когда умиралъ православный священникъ, то правительство старалось принудить прихожанъ избирать на его мѣсто лютеранскихъ пасторовъ; лютеранскія духовныя книги, въ томъ числѣ катехизисъ Лютера, были переведены на русскій языкъ и отпечатаны на казенный счетъ; наконецъ, было постановлено, чтобы православные корелы, если бы даже они и оставались при старой вѣрѣ, все-таки каждое воскресенье ходили слушать проповѣдь лютеранскихъ пасторовъ. Всѣ эти мѣры, однако, не приводили къ желаемому результату. Насильственное навязываніе новой вѣры вызывало озлобленіе, а лютеранскіе священники, посылаемые въ эти отдаленныя мѣста, въ умственномъ и нравственномъ отношеніи стояли часто ниже своей паствы и не пользовались никакимъ вліяніемъ среди населенія.

Положеніе Финляндіи во время войны и первое время послѣ заключенія мира было также далеко не блестящее. Какъ и при Іоаннѣ III, солдаты, проходившіе черезъ страну или расквартированные въ ней, безнаказанно своевольничали и обижали жителей. Рыцари и кнехты стояли постоемъ у крестьянъ, самовольно облагали ихъ разными поборами, грабили имущество, били мужиковъ и грубо обращались съ ихъ женами и дѣтьми. Въ Выборгскомъ и Нишлотскомъ ленѣ народъ былъ совершенно разоренъ солдатскими постоями. Въ другихъ областяхъ, особенно въ Эстерботніи, проходящія войска

также вымогали у жителей деньги, грабили и совершали разныя насилія.

Король былъ такъ-же безсиленъ противъ этихъ злоупотребленій, какъ и противъ тѣхъ жестокостей, которыя производили дворяне надъ своими подчиненными. Самымъ суровымъ деспотомъ между ними былъ Стенъ Лейонхувудъ графъ Расеборгскій, сынъ Акселя Лейонхувудъ, прославившагося такими-же подвигами. Онъ былъ настоящимъ тираномъ, запиралъ своихъ крестьянъ въ башню и тамъ предавалъ ихъ жесточайшимъ пыткамъ. Онъ не давалъ спуску даже чиновникамъ: сажалъ ихъ подъ арестъ, подвергалъ побоямъ и силой отнималъ у нихъ податъ, собранную ими для казны. За эти и подобные проступки онъ, однако, не подвергался никакимъ наказаніямъ, кромѣ выговора. Лифляндскіе дворяне, получившіе помѣстья въ Финляндіи, обращались съ крестьянами почти съ такой-же жестокостью, какъ со своими крѣпостными на родинѣ. Одинъ изъ нихъ Іоакимъ Берндесъ, имѣвшій земли въ восточной Нюландіи, отнялъ у одного крестьянина его дворъ и сжегъ десять домовъ. Когда крестьянинъ пожаловался королю, жена Берндесъ послала своего двороваго съ нѣсколькими слугами наказать его. Посланные застали крестьянина пашущимъ свое поле, сломали плугъ, оторвали у него полъ бороды и причинили разныя другія оскорбленія. Но король и тутъ ничего не могъ подѣлать, и Іоакимъ Берндесъ остался ненаказаннымъ.

Кнапы, число которыхъ къ этому времени значительно возросло, старались не отставать отъ настоящихъ дворянъ и тоже всячески притѣсняли крестьянъ.

Между тѣмъ, самая ленная система подверглась перемѣнамъ, которыя втеченіе долгаго времени служили источникомъ соціальныхъ осложненій.

Такъ какъ казна все еще нуждалась въ деньгахъ, то для жалованья и наградъ военнымъ приходилось ассигновать особыя суммы изъ ренты отъ казенныхъ и скаттовыхъ имѣній. Заслуженные генералы, вродѣ Делагарди и Хорна, награждались большими имѣніями; офицеры низшаго ранга получали право пользоваться доходами отъ болѣе мелкихъ имѣній; жалованье нижнимъ чинамъ платилось также изъ земельной ренты.

Вслѣдствіе этого при вступленіи на престолъ Густава Адольфа казна была лишена большей части своихъ доходовъ. Тщетно старался онъ въ первые годы царствованія возвратить въ казну розданныя имѣнія. Едва онъ успѣвалъ однимъ указомъ возвратить часть казенной

земли, какъ въ то-же время другимъ указомъ былъ вынужденъ отдавать дворянамъ новыя земли еще болѣе обширныя, чѣмъ прежде. Владѣльцы имѣній пользовались своимъ положеніемъ, чтобы притѣснять крестьянъ, которые обязаны были платить имъ подати. Они прогоняли крестьянъ съ ихъ земли, отнимали у нихъ скаттовыя права и вообще производили надъ ними всевозможныя насилія.

„Отъ такихъ и подобныхъ тягостей скоро вся страна превратится въ пустыню", жаловался король, но подѣлать ничего не могъ. Нерѣдко казенныя земли отдавались подъ залогъ и въ аренду дворянамъ. Такъ, например, Яковъ Делагарди въ 1618 г. получилъ въ аренду Кексгольмскій ленъ и Ингрію съ правомъ брать въ свою пользу всѣ казенные доходы. Этой арендой онъ пользовался до 1629 г.

Къ счастью для Финляндіи, король во время войны съ Россіей и Польшей часто посѣщалъ эту страну, что дало ему возможность основательно ознакомиться съ ея положеніемъ и нуждами.

Первый разъ король посѣтилъ Финляндію въ 1614 г., прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Або, побывалъ въ Гельсингфорсѣ, Борго, въ Перно и Выборгѣ. Къ этому времени относится множество распоряженій, изъ коихъ самымъ выдающимся былъ „Наказъ фохтамъ и ихъ секретарямъ, какъ они должны обращаться съ нашими подданными въ Финляндіи" (Mandat rörande fogdars och skrifvares riktighet med undersatarne i Finland). Здѣсь король прежде всего указываетъ на то, что предписанія, сдѣланныя Карломъ IX относительно казенныхъ налоговъ, уже пришли въ забвеніе, но что онъ желаетъ возобновить ихъ, и предписываетъ, что взиманіе налоговъ можетъ быть поручаемо фохтамъ или писцамъ только съ тѣмъ условіемъ, чтобы они немедленно отдавали отчетъ въ собранныхъ суммахъ.

Еще болѣе важно было второе посѣщеніе Финляндіи Густавомъ Адольфомъ въ 1616 г., когда королемъ въ первый разъ были созваны представители сословій Финляндіи для совмѣстнаго обсужденія наиболѣе важныхъ дѣлъ. Въ началѣ января 1616 г. король прибылъ изъ Эстляндіи въ Выборгъ, откуда продолжалъ путешествіе до Гельсингфорса, гдѣ былъ встрѣченъ представителями сословій, которые во множествѣ собрались по приглашенію короля. Среди дворянства, кромѣ Акселя Уксеншерна, сопровождавшаго короля, находились представители фамилій, которыя играли видную роль впослѣд-

ствіи: Еранъ Бойе, Іоаннъ Делагарди, Аксель Куркъ, Едикъ Финке, Класъ Флемингъ и др. Представителями духовенства были епископъ Эрикъ Эрици и двадцать приходскихъ священниковъ. Кромѣ того было 10 депутатовъ отъ войска и нѣсколько представителей отъ городовъ и крестьянства. 22-го января король открылъ сеймъ рѣчью, въ которой онъ прежде всего упомянулъ о своемъ давнишнемъ желаніи познакомиться съ положеніемъ Финляндіи и нуждами ея жителей, выразилъ сожалѣніе, что до сихъ поръ по разнымъ причинамъ онъ не имѣлъ возможности исполнить этого желанія, и благодарилъ земскихъ чиновъ за готовность, съ какою они откликнулись на его призывъ. Затѣмъ онъ коснулся отношенія Швеціи къ иностраннымъ державамъ, которое попрежнему внушало опасенія, хотя война съ Россіей близилась къ концу. Онъ находилъ войну съ Польшей неизбѣжною, такъ какъ Сигизмундъ все еще не хочетъ отступать отъ своего намѣренія — подчинить Швецію папскому игу. Поэтому онъ убѣждалъ финляндцевъ остерегаться лживыхъ внушеній Сигизмунда и помнить о тѣхъ обѣщаніяхъ, которыя они давали ему и его отцу. „Вы, добрые мужи—сказалъ онъ въ заключеніе: пребывайте и впредь въ той вѣрности, которую я до сихъ поръ находилъ у васъ, а я съ своей стороны, попрежнему, буду изо всѣхъ силъ заботиться о вашемъ благосостояніи и приложу все стараніе къ тому, чтобы доставить вамъ миръ и довольство, и да поможетъ мнѣ въ этомъ Всемогущій Богъ!“

Послѣ этого король внесъ въ сеймъ свои предложенія, которыя втеченіе десяти дней служили предметомъ обсужденія. О бывшихъ при этомъ преніяхъ не осталось никакихъ извѣстій. 2-го февраля состоялось постановленіе сейма, которое свидѣтельствуетъ о готовности представителей финскаго народа принести требуемую отъ нихъ жертву. Земскіе чины Финляндіи обѣщаютъ пожертвовать для короля и отечества своей жизнью, имуществомъ и благосостояніемъ и всегда съ полной готовностью и неутомимо стремиться къ тому, чтобы ниспровергнуть замыслы Сигизмунда и его приверженцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они выражаютъ надежду, что мирные переговоры съ Россіей будутъ приведены къ вожделѣнному концу, но обѣщаютъ, въ случаѣ неудачи, по мѣрѣ своихъ силъ оказывать сопротивленіе восточному сосѣду. Третій пунктъ въ постановленіи сейма касается старыхъ злоупотребленій при отбываніи ямской повинности. На сеймѣ въ Эребру 1614 г. было

сдѣлано постановленіе [illegible] ткрытіи постоялыхъ дворовъ, гдѣ проѣзжающі[illegible] и бы за извѣстную плату получать лошадей и пр[illegible]. Правомъ безплатнаго проѣзда пользуются тольк[illegible]ца, командированныя королемъ и нѣкоторыми д[illegible]ими важными сановниками, и притомъ только тогда [illegible] когда они ѣдутъ по казенному дѣлу и имѣютъ при [illegible]ѣ надлежащую бумагу. Всякій, кто сталъ бы тре[illegible]ать безплатнаго проѣзда вопреки этому распоряженію, подлежитъ законной отвѣтственности. На сеймѣ въ Гельсингфорсѣ представители финскаго народа объявили, что они охотно приняли бы этотъ новый указъ, который находятъ въ высшей степени благодѣтельнымъ для себя.

Наконецъ, въ четвертомъ пунктѣ представители сословій, или, какъ они сами называютъ себя, „мы, нижеподписавшіеся, совѣтники шведскаго королевства и земскіе чины Великаго Княжества Финляндскаго“, даютъ свое согласіе за себя и за всѣхъ своихъ земляковъ на немедленное введеніе новаго военнаго налога, который предположено взимать со всѣхъ сословій.

Къ акту этого сейма приложена грамота, въ которой земскіе чины Финляндіи обращаются къ чинамъ Швеціи и убѣждаютъ ихъ присоединиться къ тѣмъ чувствамъ преданности и самоотверженія, какихъ требовала важность переживаемой минуты; напоминаютъ о томъ, что хотя они больше всѣхъ другихъ жителей государства терпѣли отъ войны, но это не помѣшало имъ возложить на себя новое бремя; они находятъ, что сословія Швеціи тѣмъ болѣе должны быть готовы защищать отечество и спѣшить къ нимъ на помощь; когда всѣ граждане заодно, говорится въ грамотѣ—то никакой врагъ имъ не страшенъ. На это воззваніе вскорѣ получился отвѣтъ отъ жителей Смоланда, въ которомъ они говорятъ, что и они подобно финляндцамъ готовы отдать жизнь, имущество и благосостояніе на пользу отечества.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого сейма король уѣхалъ въ Або, гдѣ пробылъ до конца мая. Все это время онъ былъ занятъ финляндскими дѣлами, разрѣшая трудные вопросы и дѣлая разныя улучшенія. Между прочимъ онъ учредилъ нѣсколько слѣдственныхъ комиссій, въ которыхъ разслѣдовались дѣйствія чиновниковъ и виновные подвергались законной отвѣтственности. Такимъ путемъ было прекращено много мелкихъ злоупотребленій, но коренного улучшенія эти мѣры короля не принесли. Крупные чиновники изъ дворянъ, которые болѣе всѣхъ другихъ заслуживали наказанія, уклоня-

лись от суда и обращали очень мало вниманія на дѣлаемыя имъ предостереженія.

Въ это время произведены были крупныя реформы въ Швеціи, имѣвшія цѣлью созданіе высшихъ центральныхъ учрежденій, которыя могли бы контролировать дѣйствія низшихъ административныхъ учрежденій. Государственный совѣтъ превратился въ постоянно дѣйствующій административный органъ. Засѣданія его сдѣлались періодическими и всѣ его члены должны были занимать какую-нибудь государственную должность. Пять членовъ совѣта стояли во главѣ важнѣйшихъ отраслей правленія: государственный судья (drots) вѣдалъ дѣла правосудія, государственный канцлеръ былъ предсѣдателемъ канцеляріи и завѣдывалъ правительственной корреспонденціей, государственный казначей управлялъ финансами, государственный маршалъ былъ начальникомъ всѣхъ сухопутныхъ войскъ и государственный адмиралъ—начальникомъ морскихъ силъ. Тѣ учрежденія, которыя были подчинены этимъ высшимъ сановникамъ, получили коллегіальное устройство.

Въ то-же время была произведена коренная реформа судебныхъ учрежденій, которыя давно уже находились въ упадкѣ. Старые такъ называемые „слѣдственные и исправительные" суды (räfst—och rättaretingen), судившіе именемъ короля, совсѣмъ вышли изъ употребленія. Суды низшей инстанціи, не подчиненные никакому контролю, были весьма неудовлетворительны, такъ какъ предсѣдателями въ нихъ назначались аристократы, которые только получали жалованье, а разборъ дѣлъ поручали своимъ замѣстителямъ, такъ называемымъ lagläsare. Для прекращенія этого злоупотребленія на сеймѣ въ Эребру 1614 г. былъ выработанъ новый судебный уставъ, имѣвшій цѣлью упорядоченіе дѣятельности лагманскихъ, уѣздныхъ и ратхаузскихъ судовъ, установленіе опредѣленныхъ сроковъ для засѣданій суда и разграниченіе сферы дѣятельности властей судебныхъ и административныхъ.

Еще важнѣе было учрежденіе въ 1614 году гофгерихта въ Стокгольмѣ (Svea hofrätt), во главѣ котораго стоялъ государственный судья, и задача котораго заключалась въ наблюденіи за дѣятельностью низшихъ судовъ и разборѣ поступавшихъ оттуда дѣлъ. Такимъ образомъ былъ введенъ болѣе строгій контроль и порядокъ въ сферу судебнаго вѣдомства.

Система областного управленія также была преобразована. До сихъ поръ границы леновъ были такъ-же

неопредѣленны, какъ и права и обязанности ихъ начальниковъ. Нерѣдко случалось, что нѣсколько лицъ одновременно дѣлались начальниками одного и того-же лена. Еще хуже было смѣшеніе гражданской власти съ военной, порождавшее много злоупотребленій.

Всѣ эти недостатки административнаго строя Густавъ Адольфъ старался устранить изданіемъ инструкцій начальникамъ областей, изъ которыхъ самою главною была инструкція 1624 г. Все государство на основаніи этой инструкціи дѣлится на опредѣленное количество landshöfdingedömen (уѣзды), которыми управляютъ ландсхевдинги и намѣстники; имъ подчинены фохты, ленсманы, писцы и др. низшія должностныя лица. Фохты должны собирать налогъ въ извѣстные опредѣленные сроки и ежегодно отдавать отчетъ ландсхевдингамъ. При ландсхевдингѣ находится бухгалтеръ, обязанный въ особой книгѣ вести счетъ казенныхъ рентъ и доходовъ.

Для Финляндіи всѣ эти реформы должны были имѣть весьма важное значеніе. Вслѣдствіе отдаленности этого края отъ центра злоупотребленія должностныхъ лицъ. особенно дворянъ, оставались обыкновенно неизвѣстными правительству и проходили безнаказанными. Теперь, съ усиленіемъ центральныхъ учрежденій и съ упорядоченіемъ дѣятельности низшихъ чиновниковъ, являлась возможность болѣе строгаго контроля, а вмѣстѣ съ тѣмъ и надежда на лучшее будущее.

Инструкціи, данныя финляндскимъ ландсхевдингамъ, были приблизительно такого-же содержанія, какъ вышеупомянутая инструкція 1624 г. Хевдингамъ была дана обширная власть назначать, контролировать и наказывать подчиненныхъ имъ чиновниковъ. Кромѣ того, они были обязаны въ опредѣленные сроки отдавать правительству отчетъ о состояніи области и о своей дѣятельности.

Но новый порядокъ все еще плохо прививался въ Финляндіи, о чемъ можно судить по тѣмъ жалобамъ, которыя не переставали приходить оттуда. Въ виду этого король въ 1623 г. назначилъ одного изъ наиболѣе благонадежныхъ сановниковъ, члена государственнаго совѣта Нильса Бьельке „губернаторомъ“ трехъ южныхъ леновъ Финляндіи. Въ 1628 г. ему дано было также главное начальство надъ войскомъ. Однако, и Бьельке не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ, и правительству то и дѣло приходилось командировать въ Финляндію чрезвычайныхъ комиссаровъ, которые управляли краемъ помимо губернатора. Впослѣдствіи, при преемникѣ Бьельке, эти комиссары были упразднены.

При реформѣ судебныхъ учрежденій также пришлось сдѣлать отступленіе для Финляндіи. Шведскій гофгерихтъ, какъ вскорѣ оказалось, не могъ вполнѣ успѣшно наблюдать за отправленіемъ правосудія въ Финляндіи вслѣдствіе ея отдаленности и особенностей ея быта.

Въ виду этого въ 1623 г. былъ учрежденъ гофгерихтъ въ Або, который долженъ былъ имѣть такое-же значеніе для Финляндіи и Кексгольмскаго лена, какъ Svea hofvätt для Швеціи. Первымъ предсѣдателемъ абоскаго гофгерихта былъ губернаторъ Нильсъ Бьельке. Учреждая въ Финляндіи новый высшій судъ, правительство однако опасалось, чтобы онъ не отнесся слишкомъ строго къ злоупотребленіямъ высокопоставленныхъ лицъ и ихъ замѣстителей. Поэтому правительство писало въ абоскій гофгерихтъ, чтобы онъ не судилъ по всей строгости законовъ; двухъ-трехъ чиновниковъ, за которыми числятся особенно тяжкія провинности, конечно, слѣдуетъ для примѣра наказать построже, но прочихъ можно помиловать въ надеждѣ, что они исправятся. Въ силу этой инструкціи дворянинъ Класъ Мункъ, за тяжкія преступленія приговоренный къ смертной казни, былъ помилованъ и отдѣлался штрафомъ. Судья въ округѣ Корпо, Хартвигъ Шпейцъ, сначала присужденный за взяточничество къ смѣщенію съ должности и штрафу, потомъ за болѣе тяжкія преступленія приговоренный къ смертной казни, также былъ помилованъ. Послѣ Нильса Бьельке однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ президентовъ гофгерихта былъ Іенсъ Куркъ, состоявшій на этой должности двадцать лѣтъ (1632—52). Аристократъ по рожденію, богатый и образованный, знатокъ языка и исторіи Финляндіи, онъ пользовался большимъ уваженіемъ и высоко поднялъ значеніе новаго учрежденія.

Мѣры Густава Адольфа, направленныя къ развитію торговли и городской жизни, проникнуты тѣмъ-же духомъ, какъ и его административныя реформы. Въ основу новаго торговаго законодательства былъ положенъ уставъ о торговлѣ и мореплаваніи, изданный въ 1614 г.

Одною изъ главныхъ задачъ торговой политики Густава-Адольфа было насколько возможно ограничить вліяніе иностранной торговли. Съ этой цѣлью онъ давалъ особыя привиллегіи нѣкоторымъ крупнымъ городамъ, въ надеждѣ найти въ нихъ противовѣсъ иностраннымъ торговымъ городамъ. Такіе города получили названіе stapelstäder и имѣли право торговать съ заграничными городами. Въ Финляндіи такими городами

были объявлены Або и Выборгъ; кромѣ того, Гельсингфорсъ и Борго получили право впускать къ себѣ иностранныхъ купцовъ. Всѣ остальные города назывались uppstäder и дѣлились на два класса: одни изъ нихъ имѣли право посылать свои корабли въ заграничные порты, другіе не имѣли права вступать ни въ какія торговыя сношенія съ заграничными фирмами. Къ первой категоріи принадлежали города: Бьернеборгъ, Раумо, Экенэсъ, Кексгольмъ и основанный въ 1617 г. Нюстадъ; ко второй категоріи были отнесены эстербстнійскіе города: Улеаборгъ и Ваза. Эти города могли вести торговлю только между собой, а также съ Стокгольмомъ и Або.

Другимъ средствомъ къ поднятію городской торговли служило запрещеніе торговли въ деревняхъ. Но уже съ самаго начала оказалось невозможнымъ задержать тѣ оживленныя торговыя сношенія, которыя издавна существовали между прибрежными селеніями Финляндіи и ближайшими финляндскими, шведскими и заграничными городами. Попытка перенести торговлю жителей погостовъ Нючерка, Летала и сосѣднихъ съ ними въ Нюстадъ оказалась безуспѣшной. Точно также и остальные прибрежные погосты собственной Финляндіи и Нюландіи удержали свои старыя торговыя права. Чтобы затормазить морскую торговлю Эстерботніи, были основаны въ 1620 г. новые города Гамла Карлебю и Нюкарлебю, но и эта мѣра оказалась безсильною измѣнить естественное направленіе торговли.

Столь-же безуспѣшны были попытки убить всякую сельскую торговлю. Внѣ города разрѣшена была только ярмарочная торговля; всѣ остальные виды торговли, какъ съ мѣстными, такъ и съ иноземными купцами, были безусловно запрещены и мѣстныя власти обязаны были строго слѣдить за этимъ; купцы, жившіе въ уѣздѣ, должны были переселиться въ городъ, если хотѣли продолжать свое дѣло. Это распоряженіе было распространено даже на биркарловъ, вслѣдствіе чего ихъ вѣковая торговая дѣятельность должна была прекратиться. Но всѣ усилія правительства были напрасны: за недостаткомъ городовъ сельская торговля попрежнему продолжалась въ широкихъ размѣрахъ: городскіе купцы, несмотря на запрещеніе, по нѣсколько разъ въ годъ отправлялись въ уѣздъ и здѣсь, переѣзжая изъ села въ село, быстро сбывали свой товаръ. Продолжалась и разносная торговля, которою издавна занимались русскіе. Правительство объявило городъ Улеоборгъ исклю-

чительнымъ мѣстомъ этой торговли, но русскіе торговцы не обращали вниманія на это распоряженіе и попрежнему разносили свой товаръ по деревнямъ.

Ремесленная дѣятельность также подверглась строгой регламентаціи. Въ 1621 г. было издано постановленіе, о раздѣленіи всѣхъ ремесленниковъ на цехи, и вслѣдъ затѣмъ въ Або были изданы первые въ Финляндіи цеховые уставы. Самый ранній изъ нихъ, уставъ портняжнаго цеха въ Або, относится къ 1625 г. Здѣсь говорится, что ежегодно должно происходить общее собраніе, на которомъ выбирается староста и обсуждаются и рѣшаются важнѣйшіе вопросы, касающіеся цеха. Портныхъ не должно быть болѣе двадцати. Ни одинъ иностранецъ не можетъ быть портнымъ, если онъ не женатъ на вдовѣ или дочери финляндскаго портного. Для полученія званія мастера подмастерье долженъ представить четыре пробы. Если окажется, что кто-либо изъ мастеровъ недобросовѣстно относится къ своему дѣлу, то староста подвергаетъ его наказанію.

Въ сферѣ церковной также сдѣлано было нѣсколько важныхъ нововведеній.

Преемникомъ Эрика былъ Исаакъ Ротовіусъ, ревностный протестантъ, хорошій проповѣдникъ и строгій администраторъ. Онъ часто объѣзжалъ епархію, созывалъ ежегодно церковные съѣзды въ Або, на которыхъ было издано нѣсколько постановленій, касающихся богослуженія и церковнаго быта. Въ этихъ постановленіяхъ, между прочимъ, обращается большое вниманіе на изученіе катихизиса: прихожанинъ, не получаетъ причастія и не имѣетъ права вступать въ бракъ, пока не выучитъ катихизиса. Далѣе, священникамъ вмѣняется въ обязанность строго слѣдить за празднованіемъ воскреснаго дня и посѣщеніемъ прихожанами церкви. Тотъ, кто въ воскресенье работаетъ или уѣзжаетъ изъ дому дальше погоста, наказывается штрафомъ, такъ-же какъ и тотъ, кто безъ уважительной причины не ходитъ въ церковь. Священникамъ, кромѣ того, предписывается бороться противъ остатковъ язычества и католицизма, которые еще не вездѣ были искоренены.

Большую заслугу Ротовіуса составляютъ его заботы о распространеніи школьнаго образованія, которое со временъ Густава Вазы находилось въ полномъ упадкѣ. Въ Финляндіи было пять учебныхъ заведеній, содержимыхъ на счетъ городовъ: каѳедральная школа въ Або и школы въ Гельсингфорсѣ, Выборгѣ, Раумо и Бьерне-

боргѣ; кромѣ того, упоминаются еще приготовительныя школы въ Борго, Экенэсъ, Нодендалѣ и вновь основанномъ Улеаборгѣ. Теперь было сдѣлано распоряженіе, чтобы всѣ тѣ города, гдѣ не было каѳедральныхъ училищъ, открыли у себя начальныя училища, или такъ называемыя „педагогіи", въ которыхъ преподаваніе велось двумя или тремя учителями. Кромѣ этихъ школъ, во многихъ мѣстахъ были открыты низшія приготовительныя школы. Высшее и болѣе или менѣе законченное образованіе давали попрежнему каѳедральныя школы въ Або и Выборгѣ, но и онѣ страдали существенными недостатками. Главнымъ предметомъ преподаванія здѣсь была латынь, обученіе которой производилось по крайне тяжелому методу и поглощало огромное количество времени; нѣсколько уроковъ Закона Божія и пѣнія завершали курсъ наукъ каѳедральной школы. Король неоднократно выражалъ желаніе положить предѣлъ этому исключительному господству латыни введеніемъ физико-математическихъ и нравственно-политическихъ наукъ. Уже въ 1629 г. Ротовіусъ ходатайствовалъ объ открытіи такого училища въ Або и въ 1630 г. король далъ свое согласіе. Въ новой школѣ преподавались слѣдующіе предметы: краснорѣчіе, логика, математика, физика, естествовѣдѣніе и теологія. Для каждаго предмета былъ особый профессоръ или лекторъ; теологію читали два лектора. Въ 1640 г. абоская гимназія была преобразована въ академію.

Однимъ изъ самыхъ крупныхъ актовъ царствованія Густава-Адольфа было изданіе въ 1617 г. перваго сеймоваго устава, чѣмъ было положено основаніе правильной организаціи народнаго представительства въ Швеціи. Содержаніе устава въ общихъ чертахъ слѣдующее. Законодательная инціатива принадлежитъ королю, который вноситъ въ сеймъ свои предложенія, или „пункты". Послѣ этого представители сословій удаляются въ отдѣльныя камеры для обсужденія вопроса. Отвѣтъ сословій сообщается королю въ соединенномъ засѣданіи. Если король не соглашался съ рѣшеніемъ сословій, то тутъ-же сообщалъ свои замѣчанія устно или письменно. Если вопросъ рѣшался не единогласно, то каждое сословіе черезъ одного изъ своихъ представителей должно было въ присутствіи короля отстаивать свое мнѣніе, чтобы можно было достигнуть соглашенія.

Первое мѣсто среди сословій принадлежало рыцарству и дворянству; ихъ дѣятельность на сеймѣ опредѣлялась особымъ уставомъ (отъ 1626 г.). По этому уставу

все шведское и финляндское рыцарство дѣлилось на роды, распадавшіеся, въ свою очередь, на три класса: роды графскіе и баронскіе, роды членовъ государственнаго совѣта и всѣ прочіе дворяне.

Каждый родъ на сеймѣ выбиралъ своего особаго представителя. При голосованіи каждый классъ имѣлъ одинъ голосъ, такъ что всего у рыцарства было три голоса. Особую группу на сеймѣ составляли представители войска, подававшіе свой голосъ вмѣстѣ съ дворянствомъ. Такъ какъ народные представители не всегда могли быть созваны въ томъ количествѣ, которое предписывалось закономъ, то вмѣсто настоящихъ сеймовъ устраивались иногда такъ называемые малые сеймы (utskottsriksdagar), на которыхъ небольшое число представителей рѣшало дѣла отъ имени сословій, или областные съѣзды, какимъ былъ, напримѣръ, съѣздъ въ Гельсингфорсѣ въ 1616 г.

Главнымъ предметомъ обсужденія на сеймахъ того времени былъ вопросъ о введеніи новыхъ налоговъ, которыхъ требовали почти безпрерывныя войны, наполнявшія все царствованіе Густава-Адольфа. Удачная война съ Польшей закончилась миромъ въ Альтмаркѣ 1629 г., по которому Швеція получила Лифляндію и нѣсколько важныхъ городовъ въ западной Пруссіи. Финляндскія войска также участвовали въ этой войнѣ, причемъ особенно отличился Оке Тоттъ, внукъ Катерины Монсъ, который, по словамъ короля, во время битвы, какъ дорожный трехугольникъ (snöplog), врѣзывался въ массу непріятельскаго войска и расчищалъ ему путь.

Еще болѣе близкое участіе пришлось принять Финляндіи въ тридцатилѣтней войнѣ, которая стоила ей огромныхъ жертвъ. Послѣ долгихъ колебаній Густавъ-Адольфъ рѣшился, наконецъ, вмѣшаться въ великую борьбу протестантства и католичества, которая съ 1618 года велась въ Германіи. Въ іюнѣ 1630 году онъ, высадился въ Помераніи и втеченіе года овладѣлъ этой провинціей. Въ слѣдующемъ году, заключивъ союзъ съ Франціей, онъ двинулся въ глубь Германіи. Взятіе Магдебурга императорскими войсками не помѣшало ему продолжать свой путь въ Саксонію, гдѣ онъ въ іюлѣ 1631 г. одержалъ блестящую побѣду надъ Тилли при Вербенѣ, причемъ особенно отличилась финляндская кавалерія. Послѣ этой битвы король во время сраженія всегда ставилъ финляндцевъ на самое почетное мѣсто впереди праваго фланга. Непріятель называлъ финляндскихъ рыцарей Hakkapäliter, такъ

какъ во время боя они ободряли другъ друга крикомъ hakkaa päälle (руби сплеча).

Въ сентябрѣ того-же года шведы одержали новую побѣду надъ католиками при Брейтенфельдѣ, близъ Лейпцига. И здѣсь финская кавалерія, стоявшая на лѣвомъ крылѣ подъ предводительствомъ Густава Хорна и Торстена Столхандске, много способствовала успѣшному исходу битвы. Послѣ этого Густавъ-Адольфъ пошелъ на западъ вдоль богатой долины Майна, перезимовалъ на Рейнѣ и весной 1632 г. вступилъ въ Баварію. Во всѣхъ этихъ походахъ участвовала и финская кавалерія. Привыкшіе къ лишеніямъ, одѣтые въ сермяжные кафтаны или въ шубы домашняго производства, финляндцы находили теперь вездѣ богатую добычу и наслаждались привольною жизнью въ богатыхъ прирейнскихъ провинціяхъ. „Наши ребята—писалъ одинъ изъ современниковъ,—такъ обжились въ этой странѣ вина, что не скоро захотятъ вернуться въ свой Саволаксъ. Во время лифляндской войны часто имъ приходилось довольствоваться водой и заплеснѣвшимъ черствымъ хлѣбомъ для своего пивного супа: а теперь финнъ пьетъ прохладительный напитокъ изъ вина и хлѣба, который онъ приготовляетъ въ своей каскѣ“. При рѣкѣ Лехѣ Тилли снова былъ разбитъ, причемъ финляндцы шли впереди всѣхъ. Теперь Густавъ-Адольфъ намѣревался идти въ Австрію, чтобы принудить императора Фердинанда заключить миръ, но Австрія была спасена Валленштейномъ, который выступилъ противъ Густава во главѣ свѣжаго войска. При Нюрнбергѣ шведы сдѣлали неудачную попытку взять лагерь Валленштейна, который затѣмъ двинулся въ Саксонію, преслѣдуемый Густавомъ-Адольфомъ. При Люценѣ (въ 1632 г.) шведы потеряли своего короля, но одержали новую побѣду. Столхандске съ финляндской кавалеріей бился въ переднихъ рядахъ и въ значительной мѣрѣ способствовалъ побѣдѣ. Послѣ этого шведы и ихъ союзники одержали еще цѣлый рядъ болѣе мелкихъ побѣдъ, пока тяжелое пораженіе при Нэрдлингенѣ (въ 1634 г.) не остановило ихъ успѣховъ. Послѣ этой битвы большая часть союзниковъ отпала отъ Швеціи и шведская армія должна была вернуться къ берегамъ Балтійскаго моря. Однако, вскорѣ дѣла ихъ опять поправились, благодаря Іоанну Банеру и Леннарту Торстенсону. Первый побѣдами при Витстокѣ и Хемницѣ въ 1639 г. открылъ дорогу въ Богемію. Въ обѣихъ битвахъ отличались финская кавалерія. Во время неудачнаго похода Банера на Регенсбургъ

въ 1641 г. финскій полковникъ Эрикъ Сланнъ съ 2000 войска оказался отрѣзаннымъ и запертымъ въ городѣ Нейбургѣ, гдѣ онъ втеченіе четырехъ дней храбро отбивался отъ вдвое сильнѣйшаго непріятеля; наконецъ, этотъ новый Леонидъ — какъ его прозвали — долженъ былъ сдаться, но все-таки ему удалось отвлечь непріятеля и тѣмъ спасти главную армію. Торстенсонъ при Лейпцигѣ (въ 1642 г.) вторично разбилъ императорскія войска. Въ слѣдующемъ году Торстенсонъ напалъ на Данію, которая объявила Швеціи войну. Овладѣвъ большею частью датскихъ земель, онъ вернулся въ Германію и вновь двинулся въ австрійскія владѣнія.

Преемникъ его Карлъ-Густавъ Врангель въ союзѣ съ французскими войсками два раза вторгался въ Баварію. Война кончилась въ 1648 г. Вестфальскимъ миромъ, по которому Швеція получила верхнюю Померанію, часть нижней Помераніи со Штетиномъ, епископства Бременское и Верденское и городъ Висмаръ съ принадлежащимъ къ нему округомъ.

Такимъ образомъ Швеція извлекла для себя изъ этой войны огромныя выгоды: она значительно расширила свои владѣнія и заняла положеніе первенствующей державы на сѣверѣ Европы. Но этотъ блестящій успѣхъ былъ купленъ дорогою цѣною и особенно дорого заплатила за него Финляндія. Если съ одной стороны на долю ея арміи пришлась значительная часть военной славы, то съ другой стороны ея населенію было суждено нести на себѣ почти всю матеріальную тяжесть войны.

Еще раньше въ Финляндіи было введено нѣсколько новыхъ налоговъ. Въ 1620 г. было велѣно собрать точныя свѣдѣнія о количествѣ крестьянскаго хлѣба и скота и введенъ налогъ на скотъ (boskapspenningar), который казенные и скаттовые крестьяне вносили вдвойнѣ противъ фрельсовыхъ. Два года спустя была введена такъ называемая „малая пошлина“, взимавшаяся у городской заставы со всѣхъ деревенскихъ продуктовъ, ввозившихся въ городъ. Въ 1625 г. былъ введенъ новый „мельничный“ налогъ на зерно, которое привозилось для помола. Впослѣдствіи этотъ налогъ былъ обращенъ въ подушную подать, взносимую каждымъ совершеннолѣтнимъ мужчиной. Само собою разумѣется, что всѣ эти поборы были въ высшей степени обременительны для народа и давали поводъ къ горькимъ жалобамъ. Когда началась война, то ко всѣмъ этимъ тягостямъ присоединились еще рекрутскіе наборы, которые производились теперь почти ежегодно. Лишь только объявлялся наборъ, какъ во

всѣ уѣзды разсылались особые комиссары, которые созывали народъ и записывали на службу опредѣленное число молодыхъ людей. Приэтомъ старались какъ можно правильнѣе распредѣлить повинность. Такъ, напримѣръ, было запрещено брать мужика, который являлся единственнымъ работникомъ въ домѣ; съ одного и того-же двора нельзя было брать рекрутъ нѣсколько разъ подрядъ. Первыми записывались разные праздношатаи, не имѣющіе никакихъ опредѣленныхъ занятій. Прежде наборъ производился по душамъ: каждые 10 или 15 крестьянъ, если это были скаттовые крестьяне, или каждые 20—30, если фрельсовые, должны были выставить одного рекрута, но въ 1642 г. принята была при рекрутскомъ наборѣ дворовая система: съ извѣстнаго количества дворовъ брали одного рекрута. Мало-по-малу вошло въ обычай, что владѣльцы дворовъ, за которыми была очередь, нанимали охотника, который за опредѣленное вознагражденіе отбывалъ повинность. Пока наборъ дѣлался по душамъ, то повинность распредѣлялась очень неравномѣрно между разными частями страны. Такъ, напримѣръ, Выборгскій и Нишлотскій лены по неизвѣстной причинѣ должны были выставлять больше рекрутовъ, чѣмъ другіе лены. За время отъ 1637 по 1640 годъ здѣсь было набрано ежегодно 678, 780, 651 и 687 рекрутовъ, тогда какъ въ Абоскомъ ленѣ только 557, 361, 508, 398 человѣкъ, хотя въ этой послѣдней области количество населенія было больше, чѣмъ въ первыхъ двухъ. Съ восточной окраины Финляндіи также раздавались постоянныя жалобы на тяжесть рекрутской повинности. Народъ толпами бѣжалъ отъ рекрутчины въ Кексгольмскій ленъ, Ингрію, Лифляндію или Швецію. Вообще Финляндія выставляла относительно большее количество рекрутъ, нежели Швеція. Въ 1639 г. въ Финляндіи было набрано 2048 человѣкъ, въ 1640 г.— 1821 человѣкъ, а въ Финляндіи и Швеціи вмѣстѣ 5427 и 5337 человѣкъ. Такимъ образомъ, Финляндія въ указанные годы дала $^{2}/_{5}$ и $^{1}/_{3}$ всего числа рекрутъ, между тѣмъ какъ ея населеніе составляло не болѣе $^{1}/_{4}$ общаго количества населенія обѣихъ странъ.

Съ введеніемъ дворовой системы набора, повинность стала распредѣляется болѣе равномѣрно и народъ почувствовалъ нѣкоторое облегченію.

Набранные такимъ образомъ войска шли на пополненіе финскихъ пѣхотныхъ полковъ, которые съ этого времени получили правильную организацію и назывались по тѣмъ областямъ, гдѣ были сформированы. Въ

крытіе, какъ дружно и стойко будутъ они поддерживать тогда обоюдно другъ друга въ борьбѣ съ однимъ и тѣмъ-же мятежнымъ чувствомъ, какъ тепло будутъ они молиться другъ за друга!

Въ предчувствіи возможности подобныхъ отношеній Евсебея устремила въ большіе мечтательные глаза Клеменса глубокій взглядъ, полный выраженья пылкаго сочувствія и нѣжности, болѣе пламенной, чѣмъ надлежало бы для сестры.

Клеменсъ молча сидѣлъ возлѣ нея, охваченный желаньемъ, которому самъ онъ удивлялся. Не понимая почему, онъ желалъ, чтобы Евсебея опять схватила его руку и крѣпче, чѣмъ прежде, прижала ее къ своей груди. Первый и значительный шагъ къ этому нѣжному сближенію былъ уже сдѣланъ. Никто, не исключая даже Петра, которому Клеменсъ до сихъ поръ считалъ долгомъ говорить о всѣхъ своихъ помышленіяхъ и поступкахъ, не будетъ знать о настоящемъ свиданіи. Прислужницѣ, которая была ближайшей виновницей всего происшедшаго, приказано было сохранять о томъ полное молчаніе. Такимъ образомъ Евсебею и Клеменса уже связывала общая тайна. Евсебея просила его навѣстить ее вновь какъ можно скорѣе и приходить почаще, такъ какъ она чрезвычайно нуждалась въ его духовной помощи, въ его дружбѣ и вѣрности. Для того, чтобы ничто не могло мѣшать ихъ встрѣчамъ, удобнѣе всего, если онѣ будутъ происходить поздно вечеромъ, когда Евсебея, предоставленная на это время самой себѣ, могла оставаться въ одиночествѣ. Задняя дверь, черезъ которую Клеменсъ прошелъ и въ этотъ разъ, будетъ оставаться всегда открытой на случай его прихода, а такъ какъ во дворъ не обращено ни одно окно, то онъ можетъ совершенно не опасаться посторонняго взгляда.

Евсебея произнесла все это тономъ, звучавшимъ братскимъ простосердечіемъ и совершенной невинностью. Для Клеменса въ словахъ ея было что-то чарующее, чего онъ не могъ даже себѣ объяснить. Онъ не видѣлъ никакой причины отвѣтить ей отказомъ, и если бы предчувствіе подсказывало даже ему, что слѣдовало бы отвергнуть ея предложеніе, онъ врядъ ли оказался бы теперь способенъ на такое пожертвованіе.

Только лишь послѣ того, какъ онъ ушелъ отъ Евсебеи и проходилъ по пустыннымъ улицамъ къ своему коллегѣ брату Евфимію, опомнился онъ и замѣтилъ, что уже наступила глубокая ночь и что онъ довольно-таки опоздалъ къ той благочестивой работѣ, съ которой ждалъ его Евфимій. Быть можетъ, этотъ послѣдній уже отправился на покой. Но возвратиться домой въ Скамбониды Клеменсъ вовсе не желалъ, потому что епископъ Петръ не ждалъ сегодня его къ себѣ на ночь, да къ тому-же ему совершенно не хотѣлось отдавать отчетъ въ томъ, какъ и гдѣ онъ провелъ предшествовавшіе часы.

Но чѣмъ-же ему объяснить Евфимію свое долгое отсутствіе? И какъ на будущее время находить возможность исполнить свое обѣщаніе посѣщать Евсебею? Неужели-же ему придется для этого лгать Петру? Нѣтъ, это было бы тяжкимъ грѣхомъ и даже одна уже мысль объ этомъ преступна.

Послѣ долгаго обсужденія онъ остановился, наконецъ, на рѣ-

шенія откровенно заявить своему пріемному отцу, что онъ, благодаря случайности, встрѣтился и вступилъ въ сношенія съ особой, душевное состояніе которой требуетъ его посѣщенія и ухода. Кто именно эта особа, по независящимъ отъ него, но стоящимъ въ связи съ самымъ упомянутымъ случаемъ обстоятельствомъ должно оставаться тайной, почему онъ и хотѣлъ просить своего пріемнаго отца не требовать отъ него открытія этой тайны, ввѣренной только ему, Клеменсу, какъ бы духовнику на исповѣди. Когда Клеменсъ вошелъ, наконецъ, въ жилище Евфимія, пресвитеръ спалъ глубокимъ сномъ. На столѣ Клеменсъ увидѣлъ раскрытое „Откровеніе Св. Іоанна“ и рядомъ едва лишь на половину готовый, исполняемый Евфиміемъ и Клеменсомъ сообща списокъ съ него. При первомъ-же взглядѣ юный причетникъ убѣдился, что его черноволосый другъ не написалъ ни одной буквы въ его отсутствіе. Зато на отдѣльномъ клочкѣ папируса Клеменсъ увидѣлъ слѣды усерднаго упражненія Евфимія въ благородномъ искусствѣ пунктированія. Клеменсъ не зналъ да и не подозрѣвалъ вовсе, что Евфимій, съ помощью пріобрѣтенныхъ имъ свѣдѣній въ этомъ особаго рода искусствѣ гаданія, желалъ вывѣдать у сфинкса будущность. Не будя Евфимія, сѣлъ онъ и принялся писать до тѣхъ поръ, пока его настолько не одолѣлъ сонъ, что и онъ принужденъ былъ улечься спать. Евфимій находилъ гораздо больше удовольствія въ искусствѣ пунктированія, чѣмъ въ переписываніи книгъ. Вслѣдствіе этого онъ провелъ очень пріятно вечеръ за своимъ любимымъ занятіемъ и ничуть не былъ въ претензіи на Клеменса за опозданіе. На слѣдующее утро, когда они оба проснулись и поздоровались другъ съ другомъ, Евфимій даже не поинтересовался узнать о причинѣ поздняго возвращенія Клеменса, и такимъ образомъ послѣдній былъ совершенно избавленъ отъ необходимости дать отчетъ о вчерашнемъ вечерѣ. Евфимій всталъ, одѣлся въ свой рабочій костюмъ и отправился на работу къ храму Афродиты, такъ какъ сегодня была его очередь принять въ ней участіе.

Большую часть дня Клеменсъ провелъ въ одиночествѣ въ маленькой комнатѣ Евфимія. Передъ глазами юнаго причетника, какъ живой, стоялъ образъ Евсебеи. Въ его воображеніи образъ этотъ занималъ главное мѣсто и онъ мысленно перебиралъ до мелочей всѣ подробности вчерашняго событія и возстановилъ въ памяти полную картину всего происходившаго между нимъ и ею. Какъ прелестна была она въ порывѣ бѣшеннаго гнѣва и затѣмъ когда плакала! Какъ трепетала ея грудь, когда она положила его руку къ себѣ на сердце! И никто иной, какъ онъ, смягчилъ ея крутой нравъ и заставилъ ее опомниться!

Вспомнилъ онъ также затѣмъ, какъ говорила она ему, что глубоко несчастна, потому что ей не съ кѣмъ было довѣрчиво подѣлиться тяготившимъ ее тайнымъ горемъ. Онъ отъ души жалѣлъ эту бѣдную женщину и рѣшилъ во что бы то ни стало сдѣлаться для нея тѣмъ другомъ, въ которомъ она такъ нуждалась, чтобы быть счастливой. Ужъ не слѣдуетъ ли ему съ сегодняшняго-же дня начать свои посѣщенія и прокрасться къ ней на тайное свиданіе. Онъ представилъ себѣ небольшую заднюю дверь, которая по ночамъ будетъ отперта, тихій дворъ, черезъ который ему надо будетъ про-

ходить. темный корридоръ и маленькій разозоченный будуаръ съ его прелестной кающейся владѣлицей. Если только представится удобный случай, онъ не упуститъ пробраться туда. Того требуетъ даже его братскій долгъ по отношенію къ сестрѣ Евсебеѣ.

Въ такихъ размышленіяхъ время такъ быстро и незамѣтно пролетѣло для него, что онъ даже былъ пораженъ. Онъ долженъ былъ прервать, наконецъ, свои пріятныя грезы, чтобы поспѣшить къ епископу, показаться ему и выслушать его распоряженія.

Когда Клеменсъ пришелъ въ хижину на Скамбонидахъ, Петра еще не было дома, но онъ вернулся къ обѣденному времени и во время скромнаго обѣда сказалъ Клеменсу, чтобы тотъ не принималъ болѣе участія въ работахъ у храма Афродиты и употребилъ вечеръ по желанію или на переписываніе книги откровенія, или на другое какое-либо полезное занятіе.

Первое приказаніе очень удивило Клеменса, но онъ привыкъ никогда не спрашивать епископа о причинѣ того или другого его распоряженія. Если когда-нибудь и срывалось съ губъ Клеменса невольное «зачѣмъ?» то отвѣтомъ на то былъ чаще всего только строгій, пронизывающій взглядъ, а изрѣдка короткое объясненіе, по тону похожее на выговоръ. Къ тому-же Клеменсъ очень былъ доволенъ тѣмъ, что онъ могъ совершенно свободно распорядиться по своему усмотрѣнію сегодняшнимъ вечеромъ. Онъ возвратился въ маленькую комнату Евфимія и употребилъ остатокъ дня на то, чтобы нѣсколько помечтать о Евсебеѣ и поломать голову надъ откровеніемъ св. Іоанна. Мысли о Евсебеѣ и о мистицизмѣ писанія боролись между собой за право на его преимущественное вниманіе; первыя должны были уступить вторымъ, несмотря на сильное сопротивленіе, но побѣда до тѣхъ поръ еще не была полной, пока Клеменсъ не углубился совершенно въ религіозныя разсужденія и въ бездну догадокъ, гдѣ онъ старался найти ключъ къ тайнамъ книги откровенія. Онъ вполнѣ уже былъ убѣжденъ въ томъ, что описанная въ откровеніи борьба между истиной и антихристомъ, которая должна предшествовать концу міра и основанію новаго Іерусалима, относилась именно къ его времени и что антихристомъ былъ Юліанъ. Но чѣмъ непонятнѣе казалось ему все прочее, тѣмъ сильнѣе разгоралось его желаніе во что бы то ни стало разрѣшить загадку. Что могло означать знаменательное число *666*? Оно представлялось тѣмъ замковымъ камнемъ, который закрѣплялъ весь мрачный сводъ мистическаго сооруженія. Евфимій давалъ ему понять, что съ помощью искусства каббалистики можно разрѣшить загадку книги откровенія и разъяснить ея сокровенныя тайны. Поэтому Клеменсъ сильно жаждалъ изучить эту область знанія. Но епископъ, однако, воспретилъ ему это, потому что искусство каббалистики было весьма опасно: имъ легко можно было злоупотреблять, да и въ основѣ своей оно имѣло двоякое значеніе. Существуетъ, объяснялъ ему епископъ, божественная каббала, которую изучилъ въ раю Адамъ и съ помощью которой онъ далъ животнымъ и предметамъ названія, соотвѣтствовавшія ихъ природнымъ качествамъ; но существуетъ также каббала, изобрѣтенная дьяволомъ и имъ распространяемая среди людей. Не одинъ кабба-

листъ не можетъ быть увѣренъ въ томъ, небеснаго или дьявольскаго происхожденія его искусство, потому что они оба получили одинаковое развитіе и распространеніе, и послѣднее даже болѣе, чѣмъ первое. Въ виду этого благоразумнѣе вовсе отказаться отъ каббалистики; Петръ даже вмѣнилъ это Клеменсу въ обязанность.

Подобнаго рода уступка требованіямъ епископа была наиболѣе тяжелой жертвой изъ всѣхъ принесенныхъ юношей долгу безпрекословнаго послушанія. Клеменсъ по природѣ своей былъ склоненъ къ мистицизму, и тѣ воззрѣнія, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ, еще болѣе развили въ немъ эту наклонность. Умерщвленіе пытливости разума вмѣнялось ему въ обязанность, выполненіе которой представлялось единственнымъ условіемъ спасенія отъ еретическаго заблужденія, при помощи котораго дьяволъ уже погубилъ такъ много душъ. Его благочестіе, лишенный руководительства умъ, отзывчивость его чувства, замкнутаго въ самомъ себѣ для того, чтобы не подвергнуться оскверненію во внѣшней грѣховной жизни, его живое воображеніе, приподнятое міровоззрѣніемъ, наполняющимъ природу какими-то демоническими силами, должны были безусловно толкнуть его на тотъ опасный путь, пролегающій черезъ мрачныя дебри, путь, гдѣ сумасшествіе подстерегаетъ, какъ лютый тигръ, готовый броситься и вонзить свои острыя когти въ голову путника.

Чего Клеменсъ, вслѣдствіе запрещенія, не могъ добиться при помощи каббалы, того надѣялся онъ достигнуть другимъ, позволительнымъ во всѣхъ отношеніяхъ средствомъ: молитвой. И вотъ, послѣ усердной молитвы о просвѣтлѣніи его разума, онъ приступилъ къ дѣтски-наивной попыткѣ разъяснить сокровенный смыслъ писанія. Переписываніе подвигалось поэтому очень медленно впередъ: Онъ останавливался на каждомъ предложеніи, стараясь установить его логическую связь съ предшествовавшимъ и послѣдующимъ. Склонивъ голову и сложа руки, просиживалъ онъ часами, погруженный въ безсвязныя мысли, стараясь разобраться въ этомъ туманѣ, различить въ немъ опредѣленныя формы и выяснить хоть сколько-нибудь ихъ значеніе. Когда отъ такой напряженной работы мысли путались и начинала болѣть голова, онъ прибѣгалъ опять къ горячей молитвѣ или предоставлялъ разыгрываться своему воображенію и въ такія минуты переносился совсѣмъ въ иную жизнь, рисуя себѣ яркія картины послѣдней борьбы христіанства, кончины міра и страшнаго суда.

Представленія эти производили на него тѣмъ болѣе потрясающее впечатлѣніе, что онъ воображалъ себя живущимъ именно въ то время, которое они изображали, и что каждый прожитый день могъ ожидать онъ наступленія торжественной и страшной минуты, когда пробьетъ послѣдній часъ и свершится судъ надъ міромъ!

Среди такихъ размышленій вдругъ опять неожиданно всплылъ образъ Евсебеи, въ видѣ женщины, убѣгающей отъ дракона. Клеменсъ сразу очнулся отъ своихъ грезъ. Уже наступили давно сумерки. Пора было идти къ ней. Клеменсъ закрылся капюшономъ и торопливо вышелъ.

Задняя дверь во дворцѣ проконсула оказалась открытой. Причетникъ, незамѣченный никѣмъ, пробрался безъ всякихъ приключеній въ будуаръ Евсебеи.

Она, повидимому, поджидала его. Когда Клеменсъ вошелъ, глаза ея засіяли радостью; она довѣрчиво и дружественно кивнула ему головой.

Евсебея была въ этотъ вечеръ одѣта въ черное и на лицѣ ея лежала печать тихой грусти и серьезности. Застѣнчивость, которую испытывалъ, находясь съ нею, Клеменсъ, быстро исчезла, послѣ того какъ она такъ просто, сердечно и привѣтливо приняла его. Даже самая тема, на которую они незамѣтно для себя завели разговоръ, была какъ бы разсчитана на то, чтобы пробудить въ нихъ еще большее взаимное довѣріе и тѣснѣе сблизить ихъ. Евсебея разсказывала ему о своихъ дѣтскихъ дняхъ, въ которыхъ было такъ много трогательнаго.

Она родилась и выросла въ богатствѣ и роскоши, но тѣмъ не менѣе испытала не мало различныхъ огорченій, которыя безспорно давали ей право на участіе въ особенности со стороны болѣе чувствительнаго сердца.

Остановившись нѣсколько дольше на воспоминаніяхъ о своихъ дѣтскихъ огорченіяхъ, она съ увлеченіемъ стала затѣмъ разсказывать о своей благочестивой матери, такъ рано похищенной у нея смертью и оставившей ее, бѣдную, беззащитную, сирую крошку, одну на этомъ зломъ свѣтѣ.

Въ этой памяти о своей матери, какъ увѣряла Евсебея, именно въ этихъ свѣтлыхъ воспоминаніяхъ, находила она себѣ поддержку въ борьбѣ съ мірскимъ соблазномъ и ими укрѣплялась она въ чистой ея вѣрѣ.

Затѣмъ наступила очередь Клеменса разсказать о своемъ дѣтствѣ. Когда Евсебея услышала (что она, впрочемъ, хорошо уже знала и раньше), что онъ былъ найденышемъ, принятымъ на воспитаніе и усыновленнымъ епископомъ Петромъ, глаза ея наполнились слезами и она, протянувъ свою украшенную бриллiантами руку, съ нѣжнымъ участіемъ ласково провела ею по волосамъ и блѣднымъ щекамъ юноши.

Клеменсъ повѣдалъ Евсебеѣ, какъ горячо еще до сихъ поръ желаетъ онъ найти и узнать своихъ родителей, если они только еще были въ живыхъ. Ему говорили, что мать его, вѣроятно, была дурной женщиной. Онъ не можетъ и не хочетъ этому вѣрить. Какъ знать, быть можетъ, она была совершенно неповинна; могло статься, что его выкрали въ то время, когда она спала; или она умерла, давъ ему жизнь, умерла, окруженная чужими людьми, настолько бѣдными, что они по необходимости должны были заглушить въ себѣ чувство состраданія къ ея ребенку.

Благодаря подобнымъ разговорамъ взаимное довѣріе между Клеменсомъ и Евсебеей росло чрезвычайно быстро. До сихъ поръ Клеменсъ не встрѣчалъ еще вовсе затрудненія въ строгомъ соблюденіи правила, предписаннаго ему его житейскими воззрѣніями, а именно: избѣгать даже взгляда на женщину, если только христіанское человѣколюбіе или долгъ священника не требовали, чтобы онъ приблизился къ ней. Подобный именно случай и привелъ его теперь къ Евсебеѣ. Поэтому онъ могъ, не совершая никакого преступленія, сидѣть рядомъ съ нею и позволять сжимать свою руку.

Его искреннее желаніе имѣть сестру—желаніе, бывшее до сихъ поръ единственнымъ, связаннымъ въ его воображеніи съ представленіемъ о женщинѣ—наконецъ-таки сбылось. Какимъ счастливымъ чувствовалъ онъ себя теперь! Какія до сихъ поръ неподозрѣваемыя даже имъ чувства пробудились теперь въ его груди! Онъ никогда не думалъ, что братская любовь къ сестрѣ такъ прелестна!

Во время разговора Евсебея, какъ бы случайно, выпустила его руку изъ своихъ.

На него это произвело такое впечатлѣніе, какъ будто кто-нибудь отнялъ у него вдругъ Евсебею, хотя онъ въ то-же время и сидѣлъ рядомъ съ нею. Клеменсъ быстро схватилъ ея руку обратно и сжалъ ее въ своихъ.

Удобные случаи навѣщать Евсебею представлялись Клеменсу чаще и легче, чѣмъ онъ самъ того ожидалъ, и онъ, конечно, не упускалъ ни одного изъ нихъ. Ни Петръ, ни Евфимій, повидимому, ничего не подозрѣвали. Въ Клеменсѣ произошла значительная перемѣна. До сихъ поръ онъ считалъ бы преступнѣйшимъ нарушеніемъ священнаго долга по отношенію къ своему пріемному отцу хранить что-нибудь отъ него; теперь же онъ радовался, что пріемный отецъ не предлагаетъ ему вопросовъ, отвѣты на которые неизбѣжно должны были, хоть въ видѣ намека, коснуться его отношеній къ Евсебеѣ. Эта таинственность придавала этимъ отношеніямъ особенную прелесть. Но Клеменсъ, поступая такимъ образомъ, конечно, не разсчитывалъ на что-нибудь подобное. Быть можетъ, у него даже шевелилось подозрѣніе, что епископъ не отнесся бы одобрительно къ его довѣрчивому сближенію съ супругой Аннея Домиція; но Клеменсъ самъ по крайней мѣрѣ убѣждалъ себя, что тѣ побужденія, въ силу которыхъ онъ такъ усердно навѣщалъ эту женщину, были совершенно чисты и невинны.

Евсебея между тѣмъ серьезно остановилась на мысли избрать Клеменса своимъ духовникомъ. Онъ, вѣдь, былъ самый благочестивый юноша, стремившійся исключительно къ достиженію высокой святости, она-же великая грѣшница; могло ли при такихъ условіяхъ имѣть какое-либо значеніе то обстоятельство, что духовная дочь была на десять лѣтъ старше своего духовнаго отца? Эта разница въ лѣтахъ совершенно не приходила на мысль Клеменсу. Евсебея выглядѣла еще очень молодой; ея-же дѣтски наивная манера себя держать, почтеніе, которое она ему оказывала, духовные совѣты, которые она у него постоянно спрашивала, и, наконецъ, дѣлаемыя Клеменсомъ разъясненія наиболѣе темныхъ для нея вопросовъ религіи, за которыми обращалась она къ нему, невольно создавали такое положеніе вещей, въ силу котораго Клеменсъ чувствовалъ себя какъ бы старше ея годами и относился невольно къ ней, какъ къ младшей сестрѣ.

Изъ всѣхъ огорченій, терзавшихъ ея сердце, наиболѣе сильное мученіе, какъ она о томъ повѣдала Клеменсу, причинялъ ей ея мужъ—проконсулъ ахейскій. Его отпаденіе въ язычество ввергло ее въ глубокую печаль. Что могла она предпринять для его спасенія? Теперь уже съ большимъ для себя трудомъ могла она даже оставаться

подъ одной съ нимъ кровлей, потому что онъ съ чрезвычайной строгостью сталъ соблюдать всѣ древніе языческіе обряды. Во внутреннемъ дворѣ возстановлены были изображенія домашнихъ боговъ, и на ихъ алтаряхъ все время дымились воскуренія. Во время празднествъ въ честь Аполлона всѣ колонны и входныя двери дома были убраны лаврами и кубки за обѣдомъ были также украшены вѣнками. Онъ принималъ участіе въ высокоторжественныхъ жертвоприношеніяхъ и вкушалъ жертвенное мясо. Онъ клялся языческими силами. Однимъ словомъ, онъ сталъ полнѣйшимъ язычникомъ.

Главнымъ виновникомъ отступничества проконсула, какъ увѣряла Евсебея, былъ Хризанфъ. Знакомство и постоянныя сношенія съ этимъ философомъ и его дочерью Герміоной мало-по-малу совершенно испортили бѣднаго Аннея и довели его до бездны, въ которую онъ нынѣ и палъ окончательно. Евсебея не могла объ этомъ даже говорить безъ слезъ. Клеменсъ чувствовалъ, что, вслѣдствіе такихъ жалобъ, его озлобленіе противъ Хризанфа разгоралось съ удвоенной силой.

За первымъ знакомъ довѣрія, выказаннаго Евсебеей Клеменсу, вскорѣ послѣдовалъ и другой, еще болѣе интимный. Случилось это однажды, когда онъ, прійдя къ ней, засталъ ее въ очень разстроенномъ состояніи. Втеченіе дня она поддалась вліянію своего горячаго характера, а потому теперь ее терзало угрызеніе совѣсти, граничившее съ полнымъ отчаяніемъ. Клеменсъ принужденъ былъ употребить всѣ старанія, чтобы утѣшить ее. Въ подобныхъ случаяхъ онъ, приходя къ ней, всегдазаставалъ ее усердно молящеюся на колѣняхъ и одѣтою въ рубище кающейся. Часто обращалась она къ нему съ просьбою выслушать ея исповѣдь и эти исповѣди становились съ каждымъ разомъ все глубже и откровеннѣе. Она не только открывала ему всѣ тѣ обстоятельства, въ которыхъ съ ужасомъ предполагала тайное прегрѣшеніе и ошибку, но даже мало-по-малу начала посвящать его въ каждое малѣйшее душевное движеніе, казавшееся ей почему-либо грѣховнымъ. Клеменсъ смущался, но невольно поддавался вліянію подобной откровенности. Было что-то въ высшей степени чарующее въ томъ, что женщина открываетъ такъ чистосердечно его взору всѣ тайники своей души. Передъ нимъ раскрылся совершенно новый міръ и взоръ его созерцалъ въ немъ неисчерпаемое богатство, всецѣло ему принадлежавшее. И этотъ міръ былъ также полонъ мистицизма, онъ былъ, быть можетъ, даже болѣе заманчивъ и плѣнителенъ, чѣмъ тотъ, который развертывался передъ его взглядомъ при чтеніи откровенія св. Іоанна. Клеменсъ не могъ себѣ объяснить тѣхъ чувствъ, которыя испытывалъ: было нѣчто необъяснимое, нѣчто до сихъ поръ имъ неизвѣданное въ томъ, что онъ чувствовалъ во время этихъ исповѣдей Евсебеи. Она произносила ихъ тономъ дѣтской чистоты и невинности, съ наивной откровенностью и въ то-же время облекала свои слова въ дымку таинственности, какъ бы затрудняясь подыскать болѣе ясныя выраженія. Въ такомъ видѣ слова ея находили безпрепятственный доступъ въ душу Клеменса; и предъ каждымъ малѣйшимъ движеніемъ чувствъ этой пылкой, сладострастной

женщины открывалась завѣса въ груди ея девятнадцатилѣтняго духовнаго отца, не подозрѣвавшаго даже, какихъ впускаетъ онъ туда пришельцевъ.

Во время одной изъ дружескихъ бесѣдъ, которыя Евсебея такъ охотно вела съ Клеменсомъ, разговоръ коснулся отреченія отъ мірской жизни; подобное явленіе стало уже обыденнымъ среди благочестивыхъ людей въ последнее десятилѣтіе, и безъ него считалось невозможнымъ достигнуть полнаго спасенія. Клеменсъ мечталъ о жизни отшельника. Онъ рѣшилъ осуществить свою мечту, какъ только получитъ на то разрѣшеніе отъ пріемнаго отца. Онъ непремѣнно изберетъ себѣ какую-нибудь пустыню и будетъ въ ней жить въ полномъ одиночествѣ. Онъ весь отдастся религіи; она требуетъ полнаго отреченія отъ всего мірского. Суета земная лишь отвращаетъ насъ отъ Бога. Что-же можетъ быть праведнѣе, какъ не бѣжать отъ свѣта? Развѣ Марія могла бы быть одновременно Мареой, или Мареа Маріей? Клеменсъ высказалъ Евсебеѣ эту свою задушевную мысль, и она увлекла ее настолько-же, если не больше, чѣмъ его самого. Чего ей ждать и желать отъ свѣта? Развѣ то, что сдѣлалъ ея мужъ, не значило, что онъ ее покинулъ? Она, слѣдовательно, испытала не мало огорченій въ мірской жизни, но соблазнъ, тѣмъ не менѣе, слишкомъ великъ, а она женщина слабая, неспособная на упорную борьбу. Чего-же ей желать лучшаго, какъ не уединенія пустыни, гдѣ ничто не помѣшаетъ ей посвятить всю душу Господу.

Клеменсъ вполнѣ одобрилъ ея желаніе и направилъ всѣ свои силы къ тому, чтобы укрѣпить въ ней это рѣшеніе. Они согласились вмѣстѣ удалиться отъ свѣта. Какъ братъ и сестра, будутъ спасаться они вмѣстѣ въ пустынѣ. Евсебея съ увлеченьемъ представила картину той жизни, которую они будутъ вести въ святомъ отшельничествѣ, и Клеменсъ съ восторгомъ слушалъ ее, но относился къ ея словамъ вполнѣ серьезно, исправляя тѣ детали въ рисуемой ею картинѣ, которыя не согласовались съ его собственнымъ представленіемъ объ отшельничествѣ.

— Мы отыщемъ, говорила Евсебея,—долину, удаленную отъ всякаго человѣческаго жилья, и будемъ проводить тамъ день за днемъ, скрываясь отъ взора людского.

— Нѣтъ, лучше пустыню, возразилъ Клеменсъ.—Египетскіе монахи живутъ исключительно въ пустынѣ. Солнце тамъ не заслоняется горами во время восхода. Его первый лучъ сразу и безпрепятственно озаряетъ всю необозримую, изсушенную зноемъ равнину. Ничто не помѣшаетъ намъ въ такую минуту, склонивъ колѣни, привѣтствовать нарожденіе новаго дня. Послѣдній солнечный лучъ догораетъ и гаснетъ надъ той-же пустынной равниной. Въ этотъ мигъ и мы будемъ отправляться на покой.

— Мы станемъ помогать другъ другу устраивать гроты и разводить около нихъ маленькіе садики, сказала Евсебея.

— Да, да, и мы поселимся рядомъ вблизи одинъ отъ другого.

— Нѣтъ, не совсѣмъ рядомъ, возразила Евсебея,—это не идетъ, Клеменсъ.

— Да, ты права, согласился юный причетникъ съ невольнымъ

вздохомъ, значеніе котораго Евсебея понимала лучше его самого.— Однако, мы должны непремѣнно устроить наши жилища вблизи одного и того-же источника. Въ пустынѣ источники такъ рѣдки и мы разлучимся на разстояніе многихъ миль, если не изберемъ одинъ и тотъ-же источникъ.

— Разумѣется. Мы выберемъ себѣ такіе гроты, которые будутъ удалены на одинаковомъ разстояніи отъ источника. Тамъ мы разъ въ день будемъ встрѣчаться, приходя за водой. Мы поздороваемся, вмѣстѣ помолимся и разойдемся вновь, чтобы на слѣдующій день опять увидѣться въ тотъ-же часъ и на томъ-же самомъ мѣстѣ.

— Если же кому-нибудь изъ насъ придется тщетно прождать другого, замѣтилъ Клеменсъ,—это будетъ означать, что братъ или сестра заболѣли...

— Или умерли, сказала Евсебея.—О, пусть этого лучше не будетъ! Мы станемъ молиться, чтобы умереть въ одинъ и тотъ-же день, такъ чтобы одному не пришлось бы грустить и сокрушаться о другомъ.

Послѣ подобнаго назидательнаго разговора чувствительность Клеменса достигала крайняго напряженія. Обыкновенно ихъ свиданія заканчивались совмѣстной молитвой. Въ одинъ прекрасный вечеръ, послѣ таинственной исповѣди, мечтательнаго разговора и чтенія священныхъ пѣснопѣній, Евсебея и Клеменсъ случайно склонились во время молитвы другъ къ другу и, охваченные однимъ и тѣмъ-же чувствомъ, не отдавая себѣ отчета, слились губами въ горячій поцѣлуй. Какъ это произошло, Клеменсъ положительно не могъ понять. Оба они первоначально очень смутились, но тотчасъ-же прошептали другъ другу трогательное *братъ* и *сестра*, и эти слова, конечно, удостовѣрили съ очевидностью, что поцѣлуй былъ чисто братскій, принятый среди христіанъ, самый невинный и позволительный поцѣлуй, служившій прекраснымъ выраженіемъ ихъ духовнаго единенія и любви. Однако, этотъ братскій поцѣлуй имѣлъ ту особенность, что Клеменсъ отъ него какъ бы опьянѣлъ. Въ этомъ поцѣлуѣ было что-то похожее на крѣпкое, но очень пріятное вино, или даже что-то еще болѣе сильное, потому что его дѣйствіе не только не прекращалось, но даже усиливалось отъ одного воспоминанія,—въ особенности, если къ тому-же услужливо присоединялось и воображеніе. Когда Клеменсъ послѣ этого эпизода снова навѣстилъ Евсебею, взглядъ его былъ мечтателенъ, какъ у влюбленнаго, и онъ страстно желалъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ наступленія той блаженной минуты, когда молитвенное настроеніе и возбужденныя чувства съ непреоборимой стихійной силой опять заставятъ ихъ слиться на мигъ въ сладкомъ единеніи.

И чѣмъ чаще возобновлялись минуты ихъ совмѣстной молитвы, тѣмъ менѣе заставляло себя ждать наступленіе этого блаженнаго мгновенія. Въ скоромъ времени они вполнѣ усовершенствовались въ искусствѣ вызывать подобное настроеніе. Въ концѣ концовъ такое блаженное состояніе наступало у нихъ даже передъ молитвой и не прерывалось затѣмъ впродолженіе всей молитвы. Едва Клеменсъ показывался въ будуарѣ Евсебеи, какъ она уже открывала ему свои объятія, слишкомъ нѣжныя и горячія для того, чтобы они

могли называться братскими, и Клеменсъ спѣшилъ отблагодарить ее за это съ пылкой страстностью, сущность и происхожденіе которой онъ, разумѣется, не понималъ ясно, иначе, безъ сомнѣнья, постарался бы обуздать себя.

Клеменсъ былъ подхваченъ волной страсти. Откровеніе св. Іоанна отошло на второй планъ, хотя переписыванье продолжалось обычнымъ порядкомъ, даже гораздо успѣшнѣе, потому что Клеменсъ уже не останавливался надъ каждымъ словомъ для истолкованія его тайнаго смысла. Весь внѣшній міръ, казалось, исчезъ въ его глазахъ; всѣ мысли его сосредоточились на одной лишь Евсебеѣ, причемъ Евсебея не представлялась ему чѣмъ-либо внѣ его существующимъ, а нераздѣльной частью его самого. Клеменсъ, повидимому, достигъ, наконецъ, той цѣли, къ которой стремился: для него уже не существовалъ болѣе свѣтъ со всѣмъ его соблазномъ. Такъ думалъ онъ и менѣе всего, конечно, могъ подозрѣвать, что та чувственность, которую онъ такъ желалъ въ себѣ убить, теперь переполнила собой всю его жизнь, царила въ каждомъ малѣйшемъ его душевномъ движеніи, переливалась въ каждой каплѣ крови въ его жилахъ.

Прежде Клеменсъ чрезвычайно грустилъ, что не могъ удержать и сохранять вѣчно тотъ подъемъ духа, который достигался молитвой и благоговѣйными размышленіями. Съ прекращеніемъ молитвеннаго бдѣнія онъ чувствовалъ себя какъ бы упадавшимъ съ небесъ на землю, отъ Бога въ суетный міръ. И это паденіе свершалось въ послѣднее время чаще и болѣе рѣзко, чѣмъ прежде; Клеменсъ не могъ объяснить себѣ причину подобнаго явленія, несмотря на то, что объяснить его было не трудно: напряженное и постоянно сосредоточенное вниманіе на однихъ и тѣхъ-же образахъ и представленіяхъ, всегда одно и то-же молитвенное бдѣніе не могли, конечно, не притупить, наконецъ, впечатлительности, воспріимчивости къ нимъ его души. Теперь обстоятельства совершенно измѣнились. Клеменсъ находился теперь все время въ состояніи крайняго увлеченья; тотъ подъемъ духа, который проявлялся раньше только во время молитвы, сохранялся теперь неослабно все время. Его благочестіе нашло себѣ новое и могущественное возбудительное средство. То были гимны и славословія, которыя слагались и пѣлись уже съ давнихъ поръ христіанами; онъ любилъ ихъ читать; они, какъ Пѣснь Пѣсней Соломона, служили ему выраженіемъ его собственныхъ чувствъ и настроеній, придавали тому, что онъ переживалъ и испытывалъ, печать чего-то небеснаго. Для Клеменса, который до сихъ поръ тщательно избѣгалъ всего, что хоть сколько-нибудь напоминало о женщинѣ, теперь, наоборотъ, все вокругъ него, какъ видимое, такъ и невидимое, рисовалось въ женскомъ образѣ или надѣлялось женскими чертами. Земля представлялась ему Евсебеей, а небо святой дѣвой, величаемой въ гимнахъ божественнымъ сердцемъ.

Къ кому бы ни обращено было моленье, къ человѣку или божеству, оно исходило отъ сердца къ сердцу. Самую Мадонну онъ представлялъ себѣ съ чертами лица Евсебеи, потому что ничего прекраснѣе этихъ послѣднихъ онъ не могъ въ настоящее время даже вообразить себѣ.

Въ одинъ изъ вечеровъ, которые проводили вмѣстѣ Евсебея съ Клеменсомъ, она подарила ему свой портретъ, нарисованный на слоновой кости; портретъ этотъ былъ такихъ размѣровъ, что Клеменсъ могъ удобно носить его на своей груди. Тамъ именно и носилъ онъ его съ тѣхъ поръ. Оставаясь-же совершенно наединѣ, Клеменсъ доставалъ портретъ съ груди и долго, не отрывая глазъ, созерцалъ его. Даже во время молитвъ клалъ онъ его передъ собой, потому что въ немъ видѣлъ онъ не только черты прекраснаго лица Евсебеи, но и божественный обликъ Мадонны.

ГЛАВА VIII.

Хризанфъ находитъ своего сына.

Прошло два мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ Клеменсъ въ первый разъ посѣтилъ Евсебею.

Былъ жаркій августовскій день. Христіане продолжали еще работать надъ постройкой храма Афродиты. Зданіе было уже почти совершенно закончено и блестѣло въ солнечныхъ лучахъ великолѣпной своей колоннадой.

Работа сегодня была особенно изнурительна вслѣдствіе палящаго зноя. Къ тому-же сегодня надсмотрщикомъ надъ работами былъ строжайшій изъ всѣхъ наблюдавшихъ за постройкою храма. Этотъ человѣкъ не былъ язычникомъ, а христіаниномъ, но христіаниномъ homousian'скаго исповѣданія. Онъ потерялъ своихъ ближайшихъ родныхъ во время гоненій, поднятыхъ homoiusian'ами какъ разъ передъ восшествіемъ на престолъ Юліана. Воспоминаніе объ этомъ, быть можетъ, усиливало суровость его голоса и заставляло его брать въ руки суковатую палку. Достаточно сказать, что эта палка усердно употреблялась имъ какъ средство поощренія рабочихъ, когда эти послѣдніе, обливаясь потомъ и падая подъ тяжестью труда, исполняли назначенную имъ работу съ меньшимъ рвеніемъ и быстротой, чѣмъ онъ того требовалъ, а его требованія не знали ни мѣры, ни границы.

Въ настоящую минуту, въ самое жаркое обѣденное время дня, былъ часъ, предоставленный этимъ несчастнымъ рабамъ для отдыха, и можно было видѣть, какъ отыскивали они себѣ болѣе тѣнистыя мѣста, чтобы подкрѣпиться тамъ пищей. Епископъ Петръ, по обыкновенію, и сегодня принималъ добровольное участіе въ работѣ. Одѣтый въ грубую тунику, онъ появлялся всегда на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходила наиболѣе тяжелая работа и гдѣ чаще мелькала въ воздухѣ палка надсмотрщика. Его необыкновенная физическая сила изумляла ревностнаго понукателя и то усердіе, съ которымъ Петръ являлся всюду на выручку своихъ измученныхъ единовѣрцевъ, должно было вызвать даже въ немъ нѣкоторую снисходи-

тельность, если бы этотъ неутомимый помощникъ не былъ для него самымъ ненавистнымъ изъ всѣхъ homoiusian'ъ: ихъ епископомъ.

Пользуясь наступленіемъ часа отдыха, епископъ укрылся подъ тѣнь вновь отстроеннаго храмового портика. Тамъ ходилъ онъ взадъ и впередъ, погруженный въ глубокую думу. Наканунѣ онъ получилъ важныя извѣстія изъ Рима отъ одного изъ священниковъ. пришедшаго съ запада. Въ то время, когда этотъ священникъ покидалъ міровой городъ, тамошній епископъ лежалъ прикованный къ постели тяжкой болѣзнью. Нельзя было разсчитывать, что этотъ старецъ проживетъ долго, и уже сплетались всякаго рода интриги тѣми, кто надѣялся быть его замѣстителемъ. Homoiusian'ское общество значительно разрослось за послѣднее время въ Римѣ. Имя аѳинскаго епископа было между ними очень популярно и пользовалось большой любовью, такъ что, безъ сомнѣнья, всѣ они подали бы въ предстоящемъ выборѣ за него свои голоса. Но число римлянъ-homoiusian'ъ было сравнительно съ homousian'ами еще далеко недостаточно. Смерть Констанція къ тому-же уменьшила обращеніе послѣднихъ въ члены первыхъ изъ поименованныхъ христіанскихъ партій. Петръ не имѣлъ поэтому почти никакихъ шансовъ быть избраннымъ на этотъ разъ. Но онъ былъ мужчина еще въ расцвѣтѣ лѣтъ и. безъ сомнѣнья, могъ разсчитывать прожить долгій вѣкъ. Если на престолъ вновь вступитъ homoiusian'скій императоръ, то все должно будетъ тогда измѣниться въ благопріятную для Петра сторону. Его имя было уже хорошо извѣстно Риму. Онъ неутомимо продолжалъ до сихъ поръ разъ начатое дѣло обращенія римскихъ христіанъ. Денежныя средства, которыми онъ располагалъ для этой цѣли, не были велики; но та почти рабская преданность, которую оказывали ему его приверженцы, была тѣмъ не менѣе огромной и вліятельной силой. Онъ ни на минуту не хотѣлъ сомнѣваться въ будущемъ. Онъ не могъ удовольствоваться ничѣмъ инымъ, какъ лишь занятіемъ апостольскаго престола, а разъ онъ этого добьется, то уже сумѣетъ забрать въ свои руки бразды всего міра. Все, повидимому, говорило въ пользу продолжительнаго правленія Юліана. Но Петръ тѣмъ не менѣе не могъ себѣ даже представить иначе это царствованіе, какъ уже близящимся къ концу. Если язычникъ-императоръ не лишится жизни среди тѣхъ опасностей, которыя окружаютъ его повсюду на войнѣ и которымъ онъ неустрашимо подвергаетъ себя, то онъ все равно рано или поздно долженъ будетъ погибнуть отъ руки наемнаго убійцы. Петру было извѣстно, что между собственными тѣлохранителями императора было не мало христіанъ, желавшихъ его смерти. Еще совсѣмъ недавно одинъ изъ искусныхъ отравителей получилъ мѣсто повара на императорской кухнѣ. Петръ это узналъ отъ своихъ друзей въ Антіохіи. Къ сожалѣнію, Юліанъ въ походной жизни довольствовался простой солдатской пищей и не имѣлъ при себѣ никакой отдѣльной походной кухни. Но если онъ только вернется съ войны, то, безъ сомнѣнья, представится случай, когда этотъ удивительный человѣкъ, который совмѣщалъ въ себѣ одновременно воина и философа, захочетъ испробовать царскаго обѣда, приготовленнаго по всѣмъ правиламъ искусства. Тогда-то и насту-

нить, наконецъ, для повара возможность снискать себѣ расположеніе неба и земли. Если ему удастся извести императора, то имя его будетъ втихомолку благословляться; если его покушеніе будетъ открыто и примѣрно наказано, то ему уже пріуготовано было константинопольскимъ патріархомъ надлежащее мѣсто среди святыхъ мучениковъ. Одинъ изъ дней въ году будетъ посвященъ памяти этого угодника и онъ на всѣ времена будетъ предметомъ почитанія благочестивыхъ христіанъ. Но если всѣ эти замыслы, направленные противъ антихриста, потерпятъ неудачу, то Петру придется положиться на нѣчто иное, и онъ обдумывалъ то, чего онъ могъ-бы добиться собственными силами. Раньше всего онъ подумалъ о своемъ пріемномъ сынѣ, этомъ мечтательномъ юношѣ. Онъ могъ бы вложить кинжалъ въ руки Клеменса, который безъ всякаго колебанія пожертвовалъ бы собой для спасенія церкви. Но Петръ тотчасъ-же отогналъ эту мысль, такъ какъ это не входило въ его планы и онъ возлагалъ совсѣмъ другого рода упованіе на личность Клеменса. Къ тому-же нашлось бы не мало и другихъ между священниками и мірянами, приверженныхъ епископу, которыхъ можно было бы направить на это святое дѣло. Во всякомъ случаѣ царствованіе Юліана не могло ни въ какомъ случаѣ продолжаться долго. Если самъ Богъ непосредственно не положитъ, наконецъ, предѣлъ опасному существованію отступника, то это должно произойти чрезъ посредство кого-нибудь изъ правовѣрныхъ. Это не подлежало никакому сомнѣнію.

Чувствовалъ ли Петръ какой-нибудь страхъ или трепетъ, такъ откровенно предаваясь подобному размышленію? Нѣтъ, борьба, опредѣлившая направленіе его жизненнаго пути, была уже давно закончена. Цѣль ея была выяснена. Онъ не могъ бы достигнуть никогда головокружительной высоты, если бы сталъ обращать вниманіе на тѣ обрывы и пропасти, между которыми пролегалъ его путь. Онъ взиралъ только на свою конечную цѣль, смотрѣлъ на нее съ религіознымъ восторгомъ и не считалъ для себя унизительнымъ, а, напротивъ того, видѣлъ смиренное самопожертвованіе въ томъ, что приносилъ на алтарь своему божеству и отдавалъ на закланіе моральную свою личность. Была-же Юдиѳь, опьянившая ласками и поцѣлуями врага Господа своего, нѣжно обвившая руками его шею, для того, чтобы въ ту-же самую минуту отсѣчь ему голову, была же она достойна стать сопричисленной къ величайшимъ героинямъ Израиля; въ такомъ случаѣ и Петръ, этотъ неутомимый борецъ за церковь, могъ высоко и гордо нести свою голову, потому что, какое бы средство ни избралъ онъ, надо отдать ему справедливость: онъ никогда по крайней мѣрѣ не выказывалъ притворнаго расположенія своимъ врагамъ, никогда не ласкалъ той головы, которую готовился отрубить.

Во время гоненій въ Аѳинахъ Петръ прибѣгалъ къ всевозможнымъ мѣрамъ, чтобы отвратить всякую опасность, грозившую Хризанфу. Эта заботливость о жизни философа имѣла основаніе въ тѣхъ планахъ, которые епископъ проектировалъ въ отношеніи своего пріемнаго сына. Клеменсъ былъ единственный сынъ Хризанфа и рано или поздно долженъ былъ быть признанъ таковымъ въ закон-

номъ порядкѣ. Вопросъ лишь сводился къ тому, когда это должно произойти. Радость, которая ожидала Хризанфа, когда онъ, наконецъ, отыщетъ своего давно пропавшаго и оплакиваемаго сына Филиппа, должна была сильно омрачиться неожиданнымъ открытіемъ, что этотъ сынъ былъ христіаниномъ, къ тому-же даже посвященнымъ въ духовный санъ. Дѣйствительно, насколько Петръ зналъ Хризанфа. горечь этого неожиданнаго открытія должна была значительно перевѣсить въ немъ радость. Это былъ болѣе чувствительный, чѣмъ какой-либо другой ударъ для его гордости и высокомѣрія. Петръ не опасался, чтобъ это неожиданное открытіе отразилось на религіозныхъ убѣжденіяхъ Клеменса. Душа юноши была воспитана въ строжайшемъ правовѣріи и никакое вліяніе отца и сестры, никакое порицаніе вѣры, никакія ученія, никакія мольбы и угрозы не могли бы совратить ее съ пути истины. Петръ навсегда сохранилъ бы свое властное вліяніе надъ Клеменсомъ. Петръ не сомнѣвался въ томъ, что Хризанфъ, несмотря на всю свою ненависть ко всему, что связано было съ именемъ христіанина, признаетъ Клеменса своимъ пропавшимъ сыномъ Филиппомъ, какъ только онъ увидитъ свидѣтельства, удостовѣряющія его происхожденіе. Но одно дѣло признать его своимъ сыномъ и совсѣмъ другое назначить его наслѣдникомъ всего своего необъятнаго богатства. Согласится ли Хризанфъ на это? Петръ имѣлъ вѣскія основанія въ томъ сомнѣваться. Это значило бы оставить то могущественное орудіе, которымъ онъ боролся противъ враговъ древняго вѣроученія и образованности, въ рукахъ этихъ самыхъ враговъ для того, чтобы они обратили его противъ собственныхъ-же его стремленій. Столкновенія и несогласія, которыя безусловно должны произойти между отцомъ и сыномъ, также могутъ способствовать тому, чтобы если не вовсе подавить, то хоть ослабить въ немъ чувства отца. А къ тому-же на ряду съ такимъ сыномъ стоитъ дочь, имѣвшая до сихъ поръ единственно права на наслѣдство, дочь, которая пользовалась всецѣло любовью отца и вполнѣ ея заслуживала. До Петра доходилъ слухъ, что Хризанфъ уже составилъ завѣщаніе, въ которомъ половину своего состоянія оставлялъ Герміонѣ, другую-же жертвовалъ философской школѣ въ Академіи. Этотъ слухъ представлялся совершенно правдоподобнымъ, потому что съ давнихъ поръ между богатыми аѳинянами существовалъ обычай завѣщать въ пользу этой школы значительныя суммы, а у Хризанфа было тѣмъ больше къ тому основаній, такъ какъ онъ былъ какъ-бы ея столпомъ, считался преемникомъ Платона по каѳедрѣ и, наконецъ, видѣлъ въ академіи лучшую опору древняго ученія, образованности и философіи. Какъ-же предстояло поступить въ такомъ случаѣ Петру? Для него имѣло огромное значеніе чтобы, именно Клеменсъ наслѣдовалъ состояніе Хризанфа, потому что изъ рукъ Клеменса оно бы въ скоромъ времени перешло въ собственность Петра; когда-же этотъ послѣдній вступитъ въ обладаніе столь огромнымъ состояніемъ, то уже никакая сила не преградитъ ему путь къ римскому епископскому престолу, коль скоро скипетръ перейдетъ въ руки предполагаемаго homoiusian'скаго императора.

Съ наступленіемъ-же этой счастливой смѣны правленія—а она,

по мнѣнію Петра, непремѣнно должна произойти—сразу усилились бы его шансы овладѣть этимъ наслѣдствомъ, потому что тогда достаточно было бы, чтобы Хризанфъ только призналъ Клеменса своимъ сыномъ, а сдѣлаетъ ли онъ его своимъ наслѣдникомъ или нѣтъ, это не будетъ имѣть существеннаго значенія, такъ какъ все равно homoiusian'скій императоръ не поколеблется во всякомъ случаѣ утвердить все состояніе Хризанфа за этимъ его сыномъ—молодымъ священникомъ, отъ котораго рано или поздно оно должно будетъ перейти непосредственно или инымъ какимъ-либо способомъ въ собственность церкви. Клеменсъ, по всей вѣроятности, не проживетъ долго. Его тѣлосложеніе было слабо, его душевное настроеніе предуказывало раннюю кончину; склонность къ мистицизму должна была истощить еще болѣе его жизненныя силы, а постоянныя несогласія съ отцомъ и душевныя муки, которыя должны явиться послѣдствіемъ его отношеній къ отцу—все это, безъ сомнѣнія, неизбѣжно ускоритъ его смерть. Тогда наступитъ для Петра время представить написанное Клеменсомъ и находящееся въ его, епископа, рукахъ завѣщаніе, въ которомъ все состояніе оставлялось въ пользу церкви, но Петръ, усыновитель и воспитатель Клеменса, назначался полнымъ и свободнымъ по своему усмотрѣнію распорядителемъ этого состоянія.

Въ то время дѣйствовалъ еще старинный законъ, по которому дочери не были наслѣдницами въ имуществѣ родителей. Этотъ законъ былъ настолько стѣснителенъ, что если и не былъ еще совершенно забытъ, то во всякомъ случаѣ вовсе не примѣнялся въ жизни. Но для Петра было вполнѣ достаточно, что такой законъ *существовалъ*, о примѣненіи-же его къ Герміонѣ онъ уже самъ бы озаботился. Если-же Хризанфъ сдѣлалъ уже особое распоряженіе въ ея пользу, то Петръ былъ увѣренъ, что онъ его отмѣнитъ или по крайней мѣрѣ ограничитъ, какъ только къ своему ужасу узнаетъ, что мужъ Герміоны также христіанинъ.

Петръ предполагалъ приготовить для Хризанфа это неожиданное открытіе въ самый день свадьбы его дочери, а этотъ день долженъ былъ скоро наступить, потому что уже была торжественно отпразднована помолвка Кармида и Герміоны.

Кармидъ, какъ говорилъ самъ себѣ епископъ, долженъ послужить тѣмъ орудіемъ, которымъ Господь черезъ Петра покараетъ архиязычника и его дочь. Герміона любила Кармида и Хризанфъ уже не въ состояніи будетъ расторгнуть ихъ союза, разъ только онъ будетъ связанъ неразрывными узами законнаго брака. Но какъ несчастливъ долженъ стать этотъ союзъ, когда Кармидъ обманется въ надеждѣ поправить этимъ бракомъ свое разстроенное состояніе! Его увлеченіе Герміоной тотчасъ же остынетъ и уступитъ мѣсто досадѣ, которая явится естественнымъ послѣдствіемъ подобнаго разочарованія. Насколько Петръ зналъ Кармида, въ немъ при такихъ обстоятельствахъ должна будетъ неизбѣжно проснуться прежняя склонность къ распутству. Могла ли бы гордая Герміона перенести весь ужасъ, весь позоръ подобнаго брака? Ея душа несомнѣнно должна будетъ или склониться подъ бременемъ горя, или сломиться.

Въ первомъ случаѣ—придавленная, безнадежная и истерзанная—недолго могла бы она отвергать единственное утѣшеніе, возможное въ подобномъ состояніи. Она не въ силахъ была бы противостоять убѣдительности краснорѣчія Петра. Она бы вняла Евангелію и обратилась въ христіанство.

Тогда дочь Хризанфа, такъ-же какъ и его сынъ, принадлежала бы церкви. Непримиримый врагъ христіанства былъ бы уничтоженъ. Онъ стоялъ бы, какъ одинокій дубъ съ сорванной корой и сломленными вѣтвями.

Во второмъ случаѣ Герміона, какъ оторванный бурей цвѣтокъ, должна была скоро увянуть и умереть.

Въ обоихъ случаяхъ разсчетамъ епископа на состояніе Хризанфа ничто не могло угрожать со стороны Герміоны.

Петръ опасался только одного, чтобы Хризанфъ не умеръ раньше, чѣмъ на происхожденіе Филиппа не прольется, наконецъ, свѣтъ, и раньше, чѣмъ онъ успѣетъ признать его своимъ сыномъ.

Петръ имѣлъ особенное личное основаніе скрывать происхожденіе Клеменса до тѣхъ поръ, пока римскимъ императоромъ былъ Юліанъ и власть находилась въ рукахъ языческой партіи.

Лишь въ такомъ случаѣ, если царственный пурпуръ украситъ человѣка, благочестивыя убѣжденія котораго заставятъ подчинить свѣтское правосудіе вліянію церкви, только тогда благоразуміе позволитъ Петру предпринять такой важный шагъ. При нынѣшнихъже обстоятельствахъ весьма вѣроятно, или даже навѣрное могло бы статься, что Петръ, въ случаѣ преждевременнаго открытія происхожденія Клеменса, будетъ, несмотря на свой санъ и высокое служебное положеніе, обвиненъ и осужденъ, какъ бѣглый рабъ и похититель ребенка.

Можетъ ли въ самомъ дѣлѣ судья, разумъ котораго затемненъ мракомъ язычества, понять и придать надлежащее значеніе тому обстоятельству, что ребенокъ былъ похищенъ единственно лишь изъ благороднаго побужденія спасти его душу отъ гибели?

Тѣмъ болѣе не могъ бы онъ понять и объяснить себѣ другое, менѣе благородное побужденіе—какъ, напримѣръ, простой разсчетъ на состояніе Хризанфа—и, безъ сомнѣнія, не задумался бы осудить обвиняемаго, если бы даже послѣдній имѣлъ въ виду не личную свою выгоду, а интересы святой вселенской церкви.

Можно себѣ теперь представить, съ какимъ жаднымъ нетерпѣніемъ ждалъ епископъ наступленія того дня, который принесетъ извѣстіе о смерти Юліана.

Такъ размышлялъ Петръ, прогуливаясь взадъ и впередъ въ храмовомъ портикѣ.

Звонокъ надсмотрщика, подавшаго знакъ, что часъ отдыха уже прошелъ, не прервалъ теченія его мысли. Какъ добровольный участникъ въ работѣ своихъ единовѣрцевъ, онъ могъ начать работу, когда ему заблагоразсудится.

Прошло съ добрый часъ; погруженный въ свои думы, епископъ случайно бросилъ взглядъ черезъ улицу и увидѣлъ приближавшихся къ мѣсту работы Хризанфа и Герміону.

Въ то-же самое мгновеніе онъ услышалъ съ противоположной

стороны портика, оттуда, где происходила работа, чей-то крик и вслѣдъ затѣмъ гулъ многихъ голосовъ.

Онъ быстро вышелъ изъ портика, чтобы посмотрѣть, что тамъ произошло.

Первый, бросившійся ему въ глаза, былъ Клеменсъ, пришедшій сюда, по всей вѣроятности, къ нему, епископу. Лицо причетника горѣло гнѣвомъ и весь онъ имѣлъ такой видъ, какъ будто только что вызвалъ кого-нибудь на бой. Взоры всѣхъ окружающихъ были устремлены на него и на стоявшаго въ шагѣ отъ него надсмотрщика за работами, схватившагося за голову; по лицу надсмотрщика текла кровь изъ раны на головѣ.

Клеменсъ, пришедшій къ своему пріемному отцу, подходя къ мѣсту работъ, былъ свидѣтелемъ новой жестокости надсмотрщика и, вознегодовавъ до глубины души, схватилъ камень и ударилъ имъ по головѣ еретика.

— Бѣги! скорѣй бѣги отсюда! кричали близъ стоящіе homoiusian'е молодому священнику. Другіе окружили раненаго надсмотрщика.

— Что ты сдѣлалъ, Клеменсъ? испуганно воскликнулъ Петръ.— Торопись-же скрыться скорѣй отсюда прочь... къ Евфимію и спрячься тамъ у него.

Но Клеменсъ былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи, что не могъ послушаться совѣта епископа. Къ его гнѣву примѣшивалось теперь еще смущеніе за свой поступокъ. Петръ схватилъ его за руку и хотѣлъ, пользуясь общимъ замѣшательствомъ, поспѣшно увести его прочь, но какой-то человѣкъ, наблюдавшій со стороны за всѣмъ происходившимъ и замѣтившій намѣреніе епископа, бросился къ нему съ цѣлью помѣшать ему это сдѣлать. То былъ Кимонъ, философъ-скептикъ. Одной рукой онъ схватилъ за плащъ Клеменса, другой-же вцѣпился въ тунику епископа и изо всѣхъ силъ старался ихъ удержать, крича притомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, голубчики, успокойтесь! Къ чему такая торопливость! Вѣдь всякое движеніе, собственно говоря, есть нѣчто кажущееся, тѣмъ болѣе, слѣдовательно, ни къ чему не поведетъ эта горячка, которую вы порете.

Когда-же Петръ сильнымъ толчкомъ освободилъ себя и Клеменса отъ цѣпкихъ рукъ Кимона и притомъ такъ, что философъ кувыркомъ полетѣлъ на землю, то этотъ послѣдній принялся, насколько позволяли ему легкія, кричать:

— Бьютъ, грабятъ! Помогите, ратуйте, добрые люди, сюда, сюда!

Надсмотрщикъ, успѣвшій прійти въ себя, бросился на этотъ крикъ и крѣпко схватилъ юнаго преступника, чтобы лишить его возможности скрыться. Проходившіе мимо граждане, привлеченные къ мѣсту происшествія криками Кимона, присоединились къ надсмотрщику. Петръ убѣдился, что спасти Клеменса было уже невозможно. Онъ отпустилъ руку мальчика и, увидѣвъ въ ту-же минуту приближавшихся Хризанфа и Герміону, поспѣшилъ отойти опять въ храмовой портикъ, чтобы оттуда наблюдать за тѣмъ, что произойдетъ дальше. Окровавленное лицо надсмотрщика тотчасъ-же

указало Хризанфу, что совершено было какое-то насиліе. Онъ оставилъ Герміону, остановившуюся въ отдаленіи, и протиснулся сквозь толпу къ мѣсту происшествія, чтобы разобрать, въ чемъ дѣло. Надсмотрщику былъ нанесенъ ударъ камнемъ по головѣ. Кимонъ и многіе другіе видѣли, что это совершилъ молодой христіанскій священникъ, причемъ совершилъ это съ явнымъ намѣреніемъ. Кимонъ, который являлся однимъ изъ болѣе важныхъ свидѣтелей преступленія, удостовѣрилъ вполнѣ категорически и опредѣленно, что во всемъ происшедшемъ не могло быть никакой рѣчи о несчастной случайности, а, напротивъ того, на-лицо былъ злой умыселъ. Это было замѣтно по всѣмъ движеніямъ и по наружному виду самого преступника, когда онъ схватилъ и бросилъ камень. Кимонъ утверждалъ, что все это онъ показываетъ по чистой совѣсти. Въ одномъ лишь сомнѣвался онъ, а именно: можетъ ли существовать, вообще говоря, въ цѣломъ свѣтѣ какой-либо камень и, если даже допустить существованіе таковаго, то въ немъ еще возбуждало сомнѣніе, могъ ли камень быть брошенъ, ибо всякое движеніе въ сущности, надо полагать, представляется ничѣмъ инымъ, какъ обманомъ зрѣнія, игрой свѣта. Хризанфъ отвернулся отъ Кимона, не желая болѣе слушать его вздорную болтовню. Но каково-же было его изумленіе, когда онъ увидѣлъ, наконецъ, обвиняемаго. Слѣдуетъ, кстати, вспомнить, что Герміона рѣшила уже непремѣнно разузнать черезъ Ѳеодора о прошломъ Клеменса. Но Ѳеодоръ, вскорѣ послѣ описанной въ одной изъ предшествовавшихъ главъ настоящаго разсказа встрѣчи своей съ Герміоной, покинулъ Аѳины для того, чтобы посѣтить основанное Хризанфомъ въ гористой части Суніона [1]) новое поселеніе донатистовъ. Только наканунѣ описываемаго происшествія возвратился Ѳеодоръ въ Аѳины и сейчасъ-же поспѣшилъ къ Хризанфу, чтобы сообщить ему радостное извѣстіе о счастливомъ и цвѣтущемъ состояніи новаго поселка. Герміона, не забывшая за своимъ личнымъ счастьемъ юнаго причетника, тогда-же разспросила Ѳеодора обо всемъ, что ему было извѣстно о прошлой жизни юноши. Ѳеодоръ, однако, зналъ только, что Клеменсъ былъ найденышемъ, съ младенческихъ дней принятый и воспитанный Петромъ.

Этого было вполнѣ достаточно, чтобы подозрѣніе, пробудившееся въ Герміонѣ, усилилось еще болѣе. Въ высшей степени пораженная всѣми этими совпаденіями, она поспѣшила подѣлиться съ отцомъ своими предположеніями и подозрѣніями, разсказавъ ему все, что узнала отъ Ѳеодора.

Это происходило наканунѣ вечеромъ и на слѣдующій-же день Хризанфъ съ дочерью отправились изъ своего Пирейскаго помѣстья въ городъ съ цѣлью отыскать Клеменса.

Они только что возвратились изъ Скамбонидъ, гдѣ они заходили въ жилище homoiusian'скаго епископа, но не нашли тамъ Клеменса. Оттуда они направились къ храму Афродиты въ надеждѣ застать здѣсь ихъ обоихъ или одного изъ нихъ между христіанами, работавшими надъ сооруженіемъ храма.

---

[1]) Мѣстность къ сѣверо-западу отъ мыса того же имени (нынѣ Капъ Колонна).

Убѣдившись, что рана, нанесенная Клеменсомъ надсмотрщику, не была опасной, Хризанфъ обратился къ юношѣ со словами:

— Признаешь ли ты себя виновнымъ въ томъ, въ чемъ тебя обвиняютъ?

— Да, гордо отвѣтилъ Клеменсъ.—Это я бросилъ въ него камнемъ. Онъ, этотъ надсмотрщикъ, еретикъ и на моихъ глазахъ жестоко обошелся съ правовѣрнымъ.

— Если это дѣйствительно было такъ, то онъ будетъ отрѣшенъ отъ должности и наказанъ, сказалъ Хризанфъ.—Но ты долженъ былъ обратиться съ жалобой ко мнѣ. Ты-же вмѣсто того позволилъ себѣ самоуправство, которое дѣлаетъ тебя отвѣтственнымъ передъ закономъ. Представь себѣ только, молодой священникъ, какъ легко могло бы случиться, что ты убилъ бы его этимъ ударомъ. Ты могъ бы уже въ настоящее время стать въ моихъ глазахъ убійцей.

— Убійцей? воскликнулъ Клеменсъ.—Не думаешь ли ты этимъ смутить меня? Но, вѣдь, когда я схватилъ камень, я именно и хотѣлъ его убить. Такъ дѣлай-же теперь со мной все, что хочешь. Не боюсь я тебя!

— Несчастный, произнесъ Хризанфъ, блѣднѣя и окидывая взглядомъ присутствовавшихъ, которые слышали это опасное признаніе,—твое сознаніе помрачено. Твоимъ словамъ нельзя придавать значенія... Друзья мои, продолжалъ онъ, обратившись къ присутствующимъ,—этотъ мальчикъ самъ не сознаетъ, что онъ говоритъ.

— Вовсе нѣтъ! Я отлично знаю васъ, египтянъ, притѣсняющихъ Израиля. Вы заставляете насъ, какъ нѣкогда, таскать камень для фараона. Ваши управляющіе работами угнетаютъ насъ. Но тѣ, кто поднимаетъ руки на народъ господень, достойны смерти. Моисей убилъ того египтянина, который обидѣлъ человѣка изъ его народа. Такъ поступилъ тотъ самый Моисей, который оставилъ намъ святыя заповѣди, священные законы. И, когда онъ сказалъ; не убій, онъ, разумѣется, не имѣлъ въ виду этой заповѣдью защитить еретиковъ и невѣрующихъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ онъ самъ-же долженъ былъ осудить себя перваго. Вы ли уничтожите насъ, или мы васъ! Знайте-же, наше дѣло—дѣло господнее и въ его рукахъ наша побѣда...

— Гдѣ твой воспитатель? спросилъ Хризанфъ, прерывая изступленный потокъ словъ Клеменса.

— Кого разумѣешь ты, не Петра ли, котораго они зовутъ своимъ епископомъ? воскликнулъ Кимонъ.

— Да.

— Ну, такъ, говоря съ философской точки зрѣнія и принимая во вниманіе мои вполнѣ основательныя сомнѣнія въ дѣйствительномъ существованіи пространства, времени и движенія—онъ только что былъ здѣсь и я долженъ тебѣ объяснить, Хризанфъ, что онъ не менѣе виновенъ, чѣмъ этотъ вотъ мальчишка. Представь себѣ только: онъ осмѣлился нанести ударъ свободному аѳинскому гражданину и сбить его съ ногъ, когда этотъ послѣдній, единственно изъ горячаго уваженія къ закону и справедливости, хотѣлъ помѣшать бѣгству юнаго преступника. По этому поводу будетъ возбуждено особое судебное преслѣдованіе, въ этомъ я ручаюсь, какъ

16*

въ томъ, что меня зовутъ Кимономъ. Кстати, вотъ онъ самъ идетъ сюда. Онъ не можетъ отречься, потому что всѣ стоящіе здѣсь друзья мои могутъ удостовѣрить его поступокъ.

Въ это время съ совершенно спокойнымъ видомъ приблизился Петръ и, поклонившись Хризанфу, сказалъ:

— Этотъ юноша мой пріемный сынъ. Онъ виновенъ въ совершеніи необдуманнаго и опаснаго дѣянія. Я пришелъ къ мѣсту происшествія почти сейчасъ послѣ того, какъ это все здѣсь случилось. Что ты предполагаешь съ нимъ теперь сдѣлать? Привлечешь-ли ты его къ судебной отвѣтственности или предоставишь мнѣ удовлетворить потерпѣвшаго и наказать моего провинившагося сына, какъ къ тому обязываетъ меня мой долгъ, какъ его начальника и моя отеческая власть. Смѣю тебя увѣрить, что церковное наказаніе гораздо строже слѣдуемаго ему по свѣтскимъ законамъ. Такимъ образомъ, онъ не останется безнаказаннымъ, если ты, снисходя къ его молодости, предоставишь мнѣ распорядиться имъ.

— Тебѣ? Тебѣ, который воспиталъ этого юношу въ столь опасномъ направленіи?

— Невозможно, архонтъ, дѣлать учителя отвѣтственнымъ за каждое опрометчивое слово ученика, вырвавшееся...

— Дѣйствительно пришла уже пора ближе разобрать темныя ученья, которыя вы проповѣдуете. Снисходительность, оказанная вамъ императоромъ, безспорно представится уже неумѣстной, какъ только обнаружится, что вы придерживаетесь и распространяете нравственное ученіе, опасное для общества. Я требую, чтобы ты и твой пріемный сынъ слѣдовали за мной. Я разыскивалъ васъ обоихъ по важному дѣлу какъ разъ въ то время, когда вниманіе мое было привлечено настоящимъ происшествіемъ. Теперь одно присоединяется къ другому. Это одинаково касается васъ обоихъ, тебя и твоего пріемнаго сына.

Петръ при этихъ словахъ замѣтно поблѣднѣлъ. Но онъ быстро овладѣлъ собой и произнесъ совершенно спокойно:

— Я готовъ къ твоимъ услугамъ—послѣ чего онъ быстро обернулся къ Клеменсу и велѣлъ ему слѣдовать за собой.

— Куда мы направляемся, отецъ? спросилъ причетникъ, все существо котораго выражало лихорадочную возбужденность.

— Въ домъ Хризанфа.

— Зачѣмъ къ нему, а не въ судъ или въ тюрьму? Что мнѣ за дѣло до Хризанфа? Я не желаю переступать черезъ его порогъ.

— Клеменсъ, прошепталъ епископъ,—ты сегодня самъ на себя не похожъ. Не забывай, чѣмъ ты мнѣ обязанъ! Быть можетъ, близокъ и скоро наступитъ знаменательный часъ въ твоей жизни. Овладѣй собой и, что бы ни случилось, не отвергай той любви, которую въ сердцѣ своемъ питаешь ты къ тѣмъ, кто пріютилъ и опекалъ тебя въ дѣтствѣ твоемъ.

— Я постараюсь, отецъ, быть спокойнымъ.

Хризанфъ возвратился къ Герміонѣ и затѣмъ, когда они покинули мѣсто происшествія, направивъ свой путь къ улицѣ Триподъ, онъ разсказалъ ей о всемъ случившемся возлѣ храма и о той роли, которую игралъ во всемъ этомъ Клеменсъ.

Петръ съ Клеменсомъ слѣдовали въ нѣкоторомъ разстояніи за ними, окруженные толпою любопытныхъ изъ тѣхъ, которые были свидѣтелями происшествія.

Петръ продолжалъ, взявъ Клеменса за руку:

— Намъ съ тобой предстоитъ, повидимому, нѣчто совсѣмъ иное, совершенно для тебя неожиданное, Клеменсъ. Я разумѣю не наказаніе за твой необдуманный поступокъ. Это все пустяки сравнительно...

— Будь спокоенъ, я совсѣмъ не испытываю никакого страха.

— Весьма вѣроятно, что твоя преданность мнѣ подвергнется теперь сильному испытанію. Заклинаю тебя поэтому: крѣпись, сынъ мой! Не дай себя осилить!

— Какъ можешь ты еще сомнѣваться въ моемъ уваженіи и преданности тебѣ? Да существуетъ-ли на землѣ такая сила, которая въ состояніи поколебать меня въ этомъ отношеніи?

— Вмѣстѣ съ тѣмъ я также долженъ предупредить тебя, что весьма вѣроятно я могу показаться въ твоихъ глазахъ на время преступнымъ человѣкомъ, врагомъ твоего счастья...

— Нѣтъ, вѣдь, это невозможно, отецъ.

— Позволь мнѣ на это надѣяться. Въ такомъ случаѣ, что бы ни случилось, я одержу побѣду вмѣсто пораженія.

По прибытіи въ домъ Хризанфа на Триподскую улицу, Герміона по желанію отца удалилась въ свою комнату, чтобы тамъ ожидать результатовъ переговора. Клеменсъ оставленъ былъ во внутреннемъ дворѣ. Хризанфъ пригласилъ Петра въ отдѣльную комнату въ верхнемъ этажѣ дома.

Когда оба эти человѣка остались наединѣ въ рабочемъ кабинетѣ Хризанфа, Петръ заговорилъ первый.

— Признаться, я неохотно вошелъ въ твой домъ, архонтъ. Видъ твоихъ картинъ и книгъ настолько-же смущаетъ мой взглядъ, насколько эти грубыя сандаліи не соотвѣтствуютъ прелестному твоему полу. Но если я не снимаю ихъ даже въ храмѣ, то, ужъ прости меня, что я не сброшу ихъ и у тебя.

— Ну, такъ вотъ, сказалъ Хризанфъ, указывая на дверь, ведущую на балконъ.—Мы можемъ расположиться тамъ. Тамъ тебя не будетъ безпокоить никакой видъ, который могъ бы отвлечь твое вниманіе отъ моихъ словъ, да, кстати, лицо твое будетъ ярче освѣщено дневнымъ свѣтомъ.

— Не опасайся. Я впотьмахъ тотъ-же, какъ и при самомъ ясномъ дневномъ свѣтѣ, сказалъ Петръ, слѣдуя за Хризанфомъ на балконъ.—Итакъ мы будемъ бесѣдовать по двойному дѣлу, касающемуся сына моего Клеменса. Одно мнѣ извѣстно, и я объ немъ глубоко сожалѣю. Другое-же мнѣ совершенно неизвѣстно. Если ты желаешь получить отъ меня въ такомъ случаѣ какія-нибудь разъясненія о личности Клеменса, то я къ твоимъ услугамъ. Я знаю его съ ранняго дѣтства и готовъ тебѣ повѣдать все, что мнѣ объ немъ извѣстно.

— Прекрасно, сказалъ Хризанфъ, устремляя на него пронизывающій взглядъ, который епископъ, однако, выдержалъ совершенно спокойно. — До меня дошла молва, что Клеменсъ найденышъ. Такъ ли это?

— Да.

— Какимъ же образомъ попалъ онъ къ тебѣ?

— Я получилъ его отъ того человѣка, который его нашелъ и принялъ.

— Тебѣ, быть можетъ, извѣстно, что я самъ потерялъ сына. Со времени его исчезновенія прошло уже приблизительно семнадцать лѣтъ; какъ онъ пропалъ, того я не знаю, но одновременно съ нимъ изъ моего дома исчезли двое рабовъ, отецъ и сынъ. Эти люди были христіанами и, весьма вѣроятно, они-то и похитили у меня ребенка. Поэтому ты можешь себѣ представить то участіе, которое почувствовалъ я къ твоему пріемному сыну съ того самаго дня, когда я узналъ, что онъ найденышъ, тѣмъ болѣе, что онъ, судя по наружному виду, въ такомъ-же возрастѣ, въ какомъ былъ бы и мой бѣдный Филиппъ, если бы онъ еще жилъ.

— Я отлично понимаю тебя, отвѣтилъ Петръ.—и соболѣзную твоему несчастію, но полагаю, что горе главнымъ образомъ постигло тебя, но не твоего сына, если то правда, что онъ похищенъ былъ христіанами. Это съ моей, конечно, точки зрѣнія, Хризанфъ. Напротивъ того, я считалъ бы его глубоко несчастнымъ, если бы онъ, оставаясь на твоемъ попеченіи, былъ воспитанъ врагомъ божественнаго откровенія. Если только тебя можетъ утѣшить, что ребенокъ твой похищенъ былъ съ благороднымъ намѣреніемъ и окруженъ былъ самой нѣжной заботливостью, то смѣю тебя увѣрить, что это такъ именно и случилось, ибо я хорошо знаю своихъ единовѣрцевъ.

— Твои слова еще болѣе подтверждаютъ мое предположеніе, что моего сына похитили именно эти двое рабовъ...

— Я также въ этомъ глубоко убѣжденъ.

— Презрѣнно то ученіе, которое искажаетъ простѣйшее правосознаніе, разрушаетъ основы семьи и раскалываетъ міръ! Но оставимъ въ сторонѣ наши личныя столь противоположныя воззрѣнія. Я желалъ бы получить обстоятельныя свѣдѣнія о Клеменсѣ, потому что предчувствіе, быть можетъ ошибочное, но весьма естественное въ моемъ положеніи, подсказываетъ мнѣ невольно, что онъ именно и есть мой сынъ.

— Постой, ты говоришь дѣло!.. Удивительно, какъ эта мысль не пришла раньше мнѣ самому въ голову! Но число покинутыхъ дѣтей въ наши дни еще такъ велико, хотя при ближайшемъ обсужденіи этому ничуть нельзя удивляться. Констанцій воспретилъ ужасный обычай подкидывать дѣтей. Это продолжается, однако, до сихъ поръ; но замѣть, Хризанфъ, что мы, христіане, никогда неповинны въ такомъ гнусномъ преступленіи, противоестественномъ и противномъ Богу.

— Въ какомъ возрастѣ былъ твой пріемышъ, когда ты его принялъ къ себѣ отъ его прежнихъ попечителей?

— Ему было приблизительно около трехъ лѣтъ.

— Отъ кого ты взялъ къ себѣ этого ребенка?

— То былъ рабъ изъ Аѳинъ!

— О, милосердные боги! Неужели-же этотъ Клеменсъ дѣйствительно мой сынъ Филиппъ!.. Петръ, продолжалъ Хризанфъ, — раз-

скажи же мнѣ все, что тебѣ извѣстно объ этомъ человѣкѣ, все ничего не скрывая. Самая незначительная на первый взглядъ подробность можетъ навести насъ на истину, можетъ еще болѣе подтвердить или, наоборотъ, разсѣять предположеніе, на которое ты меня натолкнулъ.

— Увы, архонтъ, ты требуешь отъ меня больше, чѣмъ я въ состояніи исполнить. Человѣкъ, о которомъ идетъ рѣчь, лежалъ на смертномъ одрѣ, когда онъ ввѣрилъ Клеменса моему попеченію, и все, что онъ сообщилъ тогда мнѣ, было слишкомъ малозначуще и сказано было къ тому-же на духу во время исповѣди, тайна которой не можетъ быть нарушена.

— Гдѣ ты былъ въ то время?

— Въ Антіохіи, гдѣ я изучалъ въ то время богословіе.

— А этотъ человѣкъ былъ аѳинскимъ рабомъ?

— Да.

— И онъ открылъ тебѣ, что ребенокъ, котораго онъ ввѣрилъ тебѣ, былъ найденышъ?

— Онъ сказалъ еще кое-что больше того, но я этого не имѣю права передать тебѣ. Достаточно того, что онъ спасъ юное существо, которому грозила вѣроятная опасность утонуть... въ омутѣ стараго ученія.

— Ты, слѣдовательно, никакихъ болѣе разъясненій мнѣ не сдѣлаешь?

— Пожалуй, развѣ еще одно обстоятельство, которое, быть можетъ, будетъ имѣть большее даже для тебя значеніе, чѣмъ тѣ смутныя объясненія, которое далъ мнѣ умиравшій рабъ.

— Какое же именно?

— Какъ память о дѣтствѣ Клеменса и, еще важнѣе, какъ предметъ, могущій до нѣкоторой степени раскрыть его происхожденіе, сохранилъ я платокъ, который, повидимому, первоначально служилъ колыбельнымъ покровомъ. Это очень дорогая вещь, посерединѣ которой чрезвычайно искусно выткана голова Медузы. Не помнишь ли, не было ли у твоего сына чего-нибудь подобнаго.

— Гдѣ хранишь ты это покрывало?

— У себя дома.

— Хорошо. Мы его посмотримъ. То, что ты мнѣ сейчасъ сказалъ, окончательно разсѣиваетъ всякія сомнѣнія въ томъ, что въ Клеменсѣ я нахожу вновь своего сына Филиппа. Первое подозрѣніе объ этомъ явилось у моей дочери, когда она увидѣла его и поразилась изумительнымъ сходствомъ съ портретомъ моей покойной жены Ельпеники, ихъ матери.

— Ельпеника? Такъ, ты говоришь, звали ее?

— Да.

— Ельпеника, дочь Термогена?

— Да.

— Это имя выткано на платкѣ, сказалъ Петръ.—Итакъ, слѣдовательно, нѣтъ болѣе никакого сомнѣнія. Поздравляю тебя, ты нашелъ, наконецъ, своего сына, котораго такъ давно оплакивалъ, какъ пропавшаго безъ вѣсти.

— Да, хвала богамъ, произнесъ Хризанфъ съ глубокимъ вздохомъ.

— Но, поздравляя тебя, я въ то же время принужденъ выразить и глубокое сожалѣніе, продолжалъ Петръ,—потому что ты пріобрѣтаешь то, что теряю я. Исключительное право, которое я имѣлъ на его нѣжную привязанность, должно быть отнынѣ раздѣлено съ тобою. Кровная связь должна вступить въ свои права, а это не можетъ произойти безъ того, чтобы не ослабла та духовная связь, которая соединяла насъ съ нимъ до сихъ поръ. Я любилъ Клеменса и люблю его и теперь, какъ собственнаго своего сына. Все, что я въ состояніи былъ сдѣлать для его счастья, я исполнилъ. Я хорошо знаю, что мы придерживаемся совершенно различныхъ воззрѣній на условія, необходимыя для человѣческаго счастья, и что тотъ путь спасенія, по которому я велъ Клеменса и который казался мнѣ безошибочнымъ, совершенно противоположенъ тому, который ты бы указалъ ему. Но мои добрыя намѣренія ясны во всемъ моемъ отношеніи къ Клеменсу и ихъ-то ты во всякомъ случаѣ осудить не можешь. Я желалъ бы услышать это признаніе изъ твоихъ устъ, когда сдамъ тебѣ на руки Клеменса. Это единственная награда, на которую я претендую за то, что призрѣлъ его, когда онъ былъ безпріютнымъ ребенкомъ, и ты не откажешь мнѣ въ этомъ.

— Мы раньше должны, насколько это, конечно, возможно, убѣдиться, что здѣсь нѣтъ никакой ошибки. Послѣ того мы разберемъ, насколько основательна твоя претензія. Я еще не расположенъ признать это тотчасъ-же. Не позволишь ли ты мнѣ, епископъ, тѣмъ временемъ задать нѣсколько вопросовъ относительно нѣкоторыхъ обстоятельствъ собственной твоей жизни?

— Отчего же нѣтъ?

— Ты, повидимому, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на десять моложе меня. Гдѣ ты родился?

— Въ Эфесѣ отъ христіанскихъ родителей, отвѣтилъ Петръ.— Отецъ мой былъ незначительный ремесленникъ, но я до сихъ поръ благословляю его память. Прилежнымъ трудомъ собралъ онъ небольшую сумму, которой онъ и поддерживалъ меня на святомъ, но усѣянномъ лишеніями пути, избранномъ мною по свободному призванію, и по которому я дошелъ, наконецъ, до того положенія, которое занимаю нынѣ: епископа аѳинскаго и смиреннаго слуги Господняго. Вотъ въ краткихъ словахъ все мое жизнеописаніе.

Хризанфъ предложилъ ему нѣсколько дополнительныхъ вопросовъ объ имени и родѣ его отца, о ремеслѣ, которымъ онъ содержалъ себя, о времени его смерти и т. п.; на всѣ эти вопросы епископъ далъ соотвѣтствующіе отвѣты, послѣ чего Хризанфъ выразилъ желаніе немедленно же отправиться въ жилище Петра на Скамбонидахъ, чтобы посмотрѣть колыбельный пологъ.

Клеменсъ, ожидавшій во внутреннемъ дворѣ окончанія разговора, получилъ повелѣніе слѣдовать за ними. Онъ даже совсѣмъ не подозрѣвалъ еще, въ чемъ заключался теперь вопросъ.

Когда они пришли къ жилищу епископа и послѣдній вынулъ изъ своихъ хранилищъ старательно сохраненный платокъ, Клеменсъ былъ сильно изумленъ и терялся въ догадкахъ, не понимая, что бы это могло означать; въ особенности возросло его недо-

умѣніе и перешло даже въ тревожное предчувствіе, когда Хризанфъ, внимательно разсмотрѣвъ этотъ памятникъ его полнаго таинственности дѣтства, объявилъ, что онъ узнаетъ его и что вытканное на покрывалѣ имя устраняетъ возможность какого-либо сомнѣнія.

— Вспоминаю теперь, сказалъ Петръ,—что у Клеменса въ дѣтствѣ было еще какое-то шейное украшеніе, амулетъ или нѣчто въ этомъ родѣ. Но я уничтожилъ эту вещь, потому что изображенныя на ней фигуры имѣли языческое значеніе. На немъ были изображены три женщины съ веретеномъ, по всей вѣроятности, три Парки...

— Еще и это! воскликнулъ Хризанфъ.—У моей дочери имѣется до сихъ поръ точно такое-же украшеніе. Въ роду моемъ съ давнихъ поръ существовалъ обычай давать каждому новорожденному ребенку такой амулетъ... И чѣмъ болѣе всматриваюсь я теперь въ этого юношу, тѣмъ болѣе я нахожу въ чертахъ его сходства съ моей незабвенной покойной женой. Сердце подсказываетъ мнѣ, что это онъ. Да будетъ-же проклятъ тотъ человѣкъ, который похитилъ его ребенкомъ отъ отца! Клеменсъ, продолжалъ Хризанфъ,—я долженъ тебя называть покамѣстъ этимъ именемъ, потому что ты еще не знаешь своего настоящаго... сегодня я отыскалъ своего сына, котораго съ давнихъ поръ оплакивалъ, какъ пропавшаго безъ вѣсти.

Въ тонѣ, которымъ Хризанфъ произнесъ эти слова, звучала нѣжность, невольно сдерживаемая сомнѣніемъ въ томъ, услышитъ ли онъ въ отвѣтъ взаимность. Онъ схватилъ за руку юношу и хотѣлъ прижать его къ своей груди, но Клеменсъ вырвался изъ его объятій и подался назадъ съ выраженіемъ удивленія и недовѣрія на лицѣ. Онъ вопросительно взглянулъ на епископа и, не услышавъ отъ него ни слова объясненія, воскликнулъ:

— Нѣтъ, это невозможно! Неужели-же этотъ человѣкъ, котораго ты научилъ меня ненавидѣть, былъ моимъ отцомъ?

— Сынъ мой, сказалъ епископъ,—Господу угодно было, чтобы твое происхожденіе, бывшее до сихъ поръ тайной и для меня самого, выяснилось бы теперь. Минута, которую ты изо дня въ день жаждалъ, наступила нынѣ... Не удивляйся, Хризанфъ, его поведенію! Онъ совершенно не былъ подготовленъ къ столь неожиданному открытію, а потому неудивительно, что смущеніе въ немъ взяло перевѣсъ надъ радостью.

— Нѣтъ, возразилъ Клеменсъ послѣ нѣкотораго молчанія,—я этому не вѣрю. Еще далеко не доказано, что этотъ человѣкъ дѣйствительно отецъ мой; до тѣхъ-же поръ, пока я вполнѣ не увѣрюсь въ томъ, я не желаю признавать своимъ отцомъ того, кто угнетаетъ мою вѣру и отрицаетъ божественное откровеніе!

— Клеменсъ, сказалъ епископъ,—не можетъ болѣе быть никакого сомнѣнія въ томъ, что въ Хризанфѣ ты нашелъ того, кто далъ тебѣ жизнь. Отгони-же всякую печальную мысль, внушенную неожиданностью. Обними его и благодари Бога, который услышалъ, наконецъ, твою искреннюю мольбу: отыскать своихъ родителей.

— Нѣтъ, нѣтъ! Что мнѣ до этого человѣка! Ты слышишь-же,

я не признаю его. Я никогда не стремился и не жаждалъ узнать, кто былъ моимъ отцомъ, потому что ты, Петръ, ты одинъ имѣешь право называться этимъ именемъ, тебя одного только могу я представить себѣ моимъ отцомъ. Я жаждалъ отыскать мою мать, а вовсе не его.

— Прости его, Хризанфъ, сказалъ Петръ.—Подъ вліяніемъ неожиданности и смущенія онъ забываетъ божественную заповѣдь, обязывающую сына чтить отца своего. Ему надо дать время прійти въ себя, привыкнуть къ мысли, что онъ твой сынъ.

— Не оставляй меня, Петръ, обратился къ нему Клеменсъ.— не слушай этого человѣка, если даже онъ будетъ заявлять какое-либо право на то, чтобы разлучить насъ съ тобою. Я подкидышъ. Родители, которые бросили меня на голодную смерть, на произволъ судьбы, тѣмъ самымъ потеряли всякое на меня право. Я ихъ не признаю и знать не хочу! Только мать мою желалъ бы я видѣть, добавилъ онъ.—Я бы сказалъ ей, что я еще живъ, я бы спросилъ ее, зачѣмъ отвергла она меня...

— Твоя мать умерла, сказалъ Хризанфъ.—Она умерла, когда ты еще лежалъ въ колыбели.

— Боже мой, что ты говоришь! Ты не обманываешь меня?

— Ты хочешь спросить, зачѣмъ она тебя отвергла. Она, умирая, прижимала тебя къ своей груди. Я самъ вынулъ тебя изъ колыбели и положилъ къ ней на руки. Ея послѣдняя мольба была о тебѣ, о твоемъ благополучіи. Знай-же это. Память о твоей благородной матери должна навсегда запечатлѣться въ душѣ твоей и остаться въ глазахъ твоихъ чистой и лучезарной. Довольно. Теперь я обращусь къ тебѣ, Петръ. Зачѣмъ внушилъ ты своему пріемному сыну мысль, что онъ подкидышъ, обреченный жестокими родителями на голодную смерть? Неужели тебѣ нужна была эта гнусная ложь для того, чтобы убить въ немъ всякое о нихъ воспоминаніе? Ты, вѣдь, намѣренно поступилъ такъ, съ полнымъ сознаніемъ, потому что ты не могъ не знать и, надо полагать, зналъ даже навѣрно, что пріемный твой сынъ былъ выкраденъ отъ своихъ родителей?

— Аѳинскій рабъ сказалъ мнѣ, архонтъ, что Клеменсъ былъ подкидышъ.

— Не помнишь ли ты имени этого раба?

— Нѣтъ.

— Такъ я-же тебѣ его напомню. Скажи, какъ звали тебя прежде, чѣмъ ты принялъ имя Петра?

При этомъ вопросѣ епископъ замѣтно поблѣднѣлъ.

Хризанфъ продолжалъ, не выжидая отвѣта:

— Безъ сомнѣнья, мы видѣли и знали другъ друга въ былое время и при другихъ обстоятельствахъ. Нѣкоторыя черты твоего лица напоминаютъ мнѣ человѣка, котораго менѣе всего могъ бы я ожидать встрѣтить здѣсь въ Аѳинахъ. Конечно, сходство въ настоящее время не такъ уже велико, потому что семнадцать лѣтъ сильно его измѣнили, и епископскій плащъ еще не такъ давно былъ настолько вліятеленъ, что могъ даже сдѣлать гордымъ и властнымъ пугливый и робкій взглядъ раба. Не въ первый разъ сегодня,

Петръ, носишь ты это грубое одѣяніе чернорабочаго. Въ немъ ты болѣе напоминаешь себя, какимъ былъ въ молодости. Сегодня у меня къ тому-же и зрѣніе отличается большей остротой и не думаю, что я ошибаюсь, утверждая, что ты, homoiusian'скій епископъ, не кто иной, какъ бѣглый мой рабъ Симмій!

— Что за предположеніе! съ улыбкой произнесъ Петръ. —Я-же разсказалъ тебѣ уже исторію моей жизни. Развѣ не говорилъ я тебѣ, что я уроженецъ Эфеса и происхожу отъ свободныхъ, хотя и бѣдныхъ родителей?

— Быть можетъ, я и ошибаюсь, но не менѣе вѣроятно также, что ты лжешь. Я пошлю надежнаго человѣка въ Эфесъ разслѣдовать, не найдется ли тамъ того самаго человѣка, котораго ты выдаешь за своего отца. До тѣхъ-же поръ я утверждаю совсѣмъ противоположноое. Отецъ Симмія, бывшій такъ-же, какъ и онъ самъ, рабомъ, помѣшался на религіи и какой-то бѣшеной страсти къ моей женѣ и сбѣжалъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, когда я распорядился помѣстить его въ сумасшедшій домъ. Живъ ли онъ еще, твой отецъ?

— На подобный вопросъ, архонтъ, я не могу тебѣ отвѣтить. Твои догадки ни на чемъ не основаны. Они приводятъ меня въ негодованіе и въ то-же время смѣшатъ.

— Тебѣ не до смѣха будетъ, когда я арестую тебя, какъ бѣглаго раба и похитителя дѣтей.

— Ты не осмѣлишься предъявить мнѣ такое обвиненіе.

— Сегодня же ты будешь выведенъ изъ подобнаго заблужденія.

— Ну, разумѣется, ты, какъ императорскій временщикъ, можешь все сдѣлать, въ особенности противъ исповѣдника Христа. Но я не страшусь тебя. Вооруженный своей невинностью, я посрамлю тебя передъ судомъ и докажу твою неблагодарность. Такъ вотъ какъ ты хочешь вознаградить меня за всю ту заботливость, которую оказывалъ я твоему сыну!

— Безсовѣстный, воскликнулъ Хризанфъ—за такое попеченіе ты поплатишься головой. Ты похитилъ его у отца, научилъ ненавидѣть его, осквернилъ память его матери и воспиталъ его несчастнымъ мечтателемъ. Это ли заслуживаетъ моей благодарности? Симмій, я призналъ тебя. Съ настоящей минуты я предъявляю свои права на тебя. Ты мой рабъ. Отсюда ты отправишься прямо въ темницу для бѣглыхъ рабовъ, а оттуда предстанешь на судъ.

— Одумайся раньше, чѣмъ ты рѣшишься лишить свободы римскаго гражданина. Если бы даже я былъ тѣмъ самымъ Симміемъ, за котораго ты меня выдаешь, тебѣ этого не удастся никогда доказать. Благодари своихъ боговъ, что ты отыскалъ своего сына, и утѣшься этимъ въ потерѣ раба. Симмія тебѣ никогда не отыскать, даже если ты приведешь въ исполненіе свою угрозу. Слѣдовать-же за тобой въ темницу и отдаться въ твои руки я положительно страшусь. Ты самовластенъ въ Аѳинахъ и сопротивляться твоей волѣ невозможно. Но послѣдствія твоего необдуманнаго поступка падутъ на твою-же голову. Побужденія, руководящія тобой, для меня совершенно ясны. Я христіанинъ и епископъ: этого вполнѣ достаточно, чтобы казаться преступнымъ въ твоихъ глазахъ. Ты не упустишь, конечно, случая набросить черную тѣнь на жизненное

поприще подобнаго человѣка, и обвиненіе не будетъ даже доказаннымъ, тѣмъ не менѣе оно, какъ ты разсчитываешь, оставитъ навсегда пятно на его добромъ имени, пятно, на которое будетъ указывать злая клевета и кричать: вотъ они каковы, эти борцы новой вѣры и христіанскіе пастыри. Болѣе того, ты хочешь уронить меня въ глазахъ Клеменса, выставивъ негодяемъ, потому что ты озлобленъ противъ меня за то, что сердце его принадлежитъ мнѣ и совершенно чуждо тебѣ. Но за это все я отплачиваю тѣмъ, что говорю тебѣ, Клеменсъ: этотъ человѣкъ отецъ твой природный, ты долженъ его чтить и слушаться, какъ отца, слушаться во всемъ, что согласно съ заповѣдями Божьими. Я передаю тебя въ его руки: знай-же, хотя мы и будемъ съ тобой разлучены, но ты не долженъ подъ его опаснымъ вліяніемъ забывать Бога, котораго я научилъ тебя познавать, не долженъ также забывать своего втораго отца, воспитавшаго тебя, радостью и счастьемъ котораго ты былъ до сихъ поръ. Пусть онъ, твой отецъ, даже увѣритъ тебя, что я былъ его рабомъ, но я знаю, что въ твоихъ глазахъ рабъ не представляется презрѣннымъ существомъ, а человѣкомъ свободнымъ и равнымъ тебѣ во Христѣ; если-же ему удастся доказать, что я похитилъ тебя у отца, такъ знай-же, что это произошло для спасенія твоей души и для напутствованія тебя къ лучшему отцу, къ Тому, который на небесахъ.

Петръ обнялъ смущеннаго юношу и продолжалъ, обращаясь къ Хризанфу:

— Если ты не передумалъ еще и желаешь привести въ исполненіе свое намѣреніе, то я готовъ за тобой слѣдовать. Хотя мнѣ нужно было бы еще распорядиться по нѣкоторымъ дѣламъ, раньше чѣмъ я буду заключенъ въ тюрьму, но я не желалъ бы утруждать тебя просьбой объ отсрочкѣ, въ которой ты, по всей вѣроятности, все равно отказалъ бы мнѣ.

— Нѣтъ, Симмій, отвѣтилъ Хризанфъ,—я бы тебѣ не далъ отсрочки. У меня достаточно основаній опасаться, что совѣсть твоя далеко не такъ чиста и душа твоя не настолько спокойна, какъ ты хочешь это показать. А потому весьма вѣроятно, что ты вздумалъ бы спастись бѣгствомъ, а въ такомъ случаѣ, какъ я убѣжденъ, всѣмъ императорскимъ властямъ даже трудно было бы отыскать твой слѣдъ. Я озабочусь о производствѣ слѣдствія, которое раскроетъ малѣйшія подробности твоей прошлой жизни. Только такимъ образомъ могу я собрать самыя вѣрныя свѣдѣнія и убѣдиться, что я не впаду въ заблужденіе, признавая этого юношу своимъ сыномъ. Во мнѣ опять начинаетъ пробуждаться сомнѣніе. Кровное родство должно было бы сказаться совсѣмъ иначе въ каждой каплѣ крови его сердца и проявиться, когда я назвалъ его своимъ отыскавшимся сыномъ. Разслѣдованіе должно принести еще одинъ плодъ—раскрыть предъ глазами императора это ужасное нравственное ученіе, которое проповѣдуете вы, христіане, и основы котораго примѣняете вы въ жизни. Терпимость къ вашей вѣрѣ не должна распространяться на это ваше нравственное ученіе. Если-же вы такъ тѣсно и неразрывно связываете вѣру съ этимъ ученіемъ, то они должны быть искоренены вмѣстѣ. Люди, проповѣдующіе похищеніе дѣтей, душевное

самоубійство. презрѣніе къ гражданскимъ обязанностямъ и смерть всѣмъ, кто не слѣдуетъ ихъ метафизикѣ, не могутъ быть терпимы, такъ-же какъ воры и убійцы. Что же касается въ частности тебя, то участь твоя будетъ зависѣть отъ того участія, которое ты принималъ въ тѣхъ кровавыхъ гоненіяхъ, которыя съ такой жестокостью произведены были въ нашемъ городѣ въ послѣдніе дни царствованія Констанція и стоили тысячи человѣческихъ жизней. Я убѣжденъ, что ты былъ ихъ вдохновителемъ и подстрекателемъ и что вся эта кровь, пролитая тогда, падетъ на твою голову. Это дѣло надо также разслѣдовать. Императоръ слишкомъ поступилъ поспѣшно, милостиво предавъ забвенію всѣ прошлыя злодѣянія тѣхъ христіанъ, которые предали огню и мечу восточныя и западныя страны. Онъ по крайней мѣрѣ озаботится сдѣлать ихъ безвредными на будущее время. Теперь слѣдуй за мной.

ГЛАВА IX.

Духъ и плоть.

Клеменсъ проводилъ Петра до самой тюрьмы и разстался тамъ съ нимъ, горячо обнявшись на прощанье и выражая живѣйшія изъявленія своей преданности. Затѣмъ онъ послѣдовалъ за отцомъ въ свой новый домъ. Дорогой оба сохраняли молчаніе. Хризанфъ, видимо, былъ разстроенъ; онъ съ грустью смотрѣлъ на своего отыскавшагося Филиппа, безмолвно, мрачно и неохотно шедшаго рядомъ съ нимъ.

По приходѣ домой на улицу Триподъ, когда Хризанфъ назвалъ Герміону и указалъ на нее Клеменсу, какъ на сестру, лицо юноши нѣсколько прояснилось и въ груди его шевельнулось даже нѣжное чувство. Онъ горячо и сердечно отвѣтилъ на ея выраженія братской любви; онъ съ восхищеніемъ любовался и разсматривалъ благородныя и открытыя черты ея лица и съ удовольствіемъ прислушивался къ безпрерывнымъ выраженіямъ радости, которыя изъявляла она, по случаю того, что наконецъ-то отыскался ея пропавшій братъ.

Хризанфъ предоставилъ имъ провести вдвоемъ наединѣ этотъ первый вечеръ. Герміона подвела его къ портрету ихъ матери Ельпеники. При взглядѣ на портретъ на глазахъ юноши навернулись слезы. Затѣмъ она показала ему его колыбель и принадлежавшія ему въ отдаленномъ дѣтствѣ игрушки, которыя сохранялись съ тѣхъ поръ, какъ драгоцѣнныя воспоминанія. Она разсказала Клеменсу, какое глубокое горе причинило отцу его таинственное исчезновеніе, какъ тревожила и пугала отца неизвѣстность его судьбы, и какъ, наконецъ, они напали на его слѣдъ. Разсказъ свой она прервала невольнымъ порывомъ нѣжности и, въ избыткѣ переполнившей все ея существо радости, обняла его, приласкала и глубоко-глубоко заглянула ему въ глаза.

Все это растопило, наконецъ, ледяную кору, покрывавшую его сердце, и когда онъ вечеромъ встрѣтился вновь съ отцомъ, то поспѣшилъ броситься въ его объятія. Хризанфъ надѣялся, что чувство

кровнаго родства, повидимому, пробуждавшееся въ груди юноши, должно усилиться и окрѣпнуть подъ вліяніемъ той любви, которую проявляли къ нему всѣ его окружавшіе въ родномъ домѣ.

Однако надеждѣ этой суждено было вскорѣ угаснуть. Клеменсъ невольно каждый разъ вспоминалъ, что Хризанфъ архиязычникъ, ближайшій сподвижникъ и главное орудіе антихриста, даже еще болѣе того—его учитель, внушившій ему отпаденіе отъ христіанства. И эту невольную мысль, вызывавшую въ немъ негодованіе, онъ тѣмъ болѣе не былъ въ состояніи отогнать, что тысячи предметовъ въ его новомъ домѣ, всѣ тѣ обычаи, которые здѣсь строго соблюдались, наконецъ, самая повседневная дѣятельность Хризанфа, неизбѣжно и неотступно напоминали ему о томъ. Хризанфъ и Герміона, конечно, замѣчали, что именно эти обстоятельства главнымъ образомъ и омрачали его душу, заставляли его уходить въ самого себя, замыкаться и становиться необщительнымъ. Поэтому Хризанфъ предоставилъ въ его распоряженіе совершенно отдѣльную часть дома, позволилъ обставить и украсить ее въ христіанскомъ духѣ, далъ ему прислужниковъ христіанъ-homoiusian'ъ и даже предоставилъ ему небольшую библіотеку изъ сочиненій христіанскихъ авторовъ.

Въ Ѳеодорѣ, часто посѣщавшемъ домъ Хризанфа, этотъ послѣдній надѣялся найти добраго друга, который въ то же время былъ бы пріятенъ и полезенъ для Клеменса. Но всѣ попытки Ѳеодора сблизиться съ молодымъ причетникомъ и заслужить его довѣріе оказались тщетными. Клеменсъ видѣлъ въ немъ только искусителя и прельстителя, принявшаго образъ свѣтлаго ангела, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ былъ злымъ еретикомъ и притомъ болѣе опаснымъ, чѣмъ какой-либо другой еретикъ, потому что онъ отвергалъ церковную іерархію, отвергалъ духовенство, какъ совершенно особое сословіе, и въ послѣднее время пріобрѣлъ въ Аѳинахъ и окрестностяхъ многочисленныхъ послѣдователей своего опаснаго лжеученія, собравшихся вокругъ него и составившихъ даже особую общину.

Единственное стѣсненіе, которому предполагалъ Хризанфъ подвергнуть Клеменса, было направлено къ тому, чтобы затруднить его дальнѣйшее общеніе съ Петромъ. Но Клеменсъ наотрѣзъ отказался исполнить это требованіе отца. Петръ былъ его духовнымъ отцомъ, а потому долгъ повелѣвалъ Клеменсу оказывать ему любовь и безусловное послушаніе.

Клеменсъ часто посѣщалъ епископа въ тюрьмѣ. Хризанфъ замѣчалъ вредное вліяніе, которое оказывалъ Петръ на его сына, но не подозрѣвалъ, насколько велико было это вліяніе. Онъ приказалъ, чтобы тюремныя двери не отворялись болѣе для юноши, надѣясь таким образомъ прервать сношенія и связь между нимъ и епископомъ. Но это не послужило серьезной помѣхой для свиданія Клеменса со своимъ пріемнымъ отцомъ. Онъ прокрадывался почти каждую ночь къ темницѣ, бесѣдовалъ съ Петромъ черезъ оконную рѣшетку, исповѣдывался ему во всемъ и получалъ его благословеніе. Петръ просилъ и уговорилъ Клеменса возможно чаще приходить на эти свиданія, служившія ему ручательствомъ, что

сердце его пріемнаго сына сохранялось чистымъ отъ опаснаго вліянія окружавшей его обстановки. Вотъ почему Клеменсъ еще более уходилъ въ самого себя, рѣдко показывался на глаза отцу и сестрѣ, допускалъ къ себѣ и принималъ у себя только Евфимія и другихъ собратій по званію, погружался въ свои книги и фантазіи, переписывалъ откровеніе св. Іоанна, а по вечерамъ, раньше чѣмъ прокрасться къ Петру, онъ пробирался въ будуаръ къ Евсебеѣ, чтобы съ нею предаваться молитвамъ, грезамъ и поцѣлуямъ. Если онъ раньше и чувствовалъ нѣкоторое побужденіе къ самоиспытанію и анализу того чувства, которое онъ питалъ къ прелестной римлянкѣ, то теперь онъ уже совершенно успокоился на этотъ счетъ, послѣ того, какъ однажды чистосердечно разсказалъ во время исповѣди Петру о своихъ отношеніяхъ къ этой женщинѣ и тотъ одобрилъ ихъ, потому что они скрѣпляли его духовную связь съ епископомъ и въ то-же время давали цѣль и направленіе его нѣжности, которая, не избери она себѣ такой предметъ, неминуемо должна была бы обратиться на его родныхъ. Разслѣдованіе, которое Хризанфъ поручилъ произвести въ Эфесѣ и Антіохіи по поводу показаній Петра о его прошлой жизни, нѣсколько задерживало слѣдствіе, ожидавшее заключеннаго на судѣ. Хризанфъ надѣялся, что послѣ того, какъ Симмій будутъ изобличенъ, уваженіе и преданность Клеменса къ этому человѣку будутъ подорваны и замѣнятся негодованіемъ и отвращеніемъ. Но Петръ предупредилъ его добровольнымъ признаніемъ Клеменсу, сдѣланнымъ однажды ночью, когда этотъ послѣдній стоялъ подъ окномъ темницы. Исторію похищенія и богатства епископъ разсказалъ такъ краснорѣчиво и трогательно, что Клеменсъ, когда Петръ предложилъ ему произнести судъ надъ его поступкомъ, не только не отнесся къ нему неодобрительно, не только не выказалъ негодованія своему похитителю, но, напротивъ того, прильнулъ съ благоговѣйной признательностью губами къ его протянутой сквозь рѣшетку рукѣ, называлъ его своимъ величайшимъ благодѣтелемъ и изъяснился ему въ вѣчной благодарности. Съ тѣхъ поръ отношенія между Петромъ и Клеменсомъ сдѣлались еще болѣе нѣжными, узы, соединяющія ихъ, завязались крѣпче, чѣмъ когда-либо раньше.

Заключеніе Петра въ темницу возбудило въ большинствѣ homoiusian'ъ бѣшеное раздраженіе, которое выжидало только случая, чтобы разразиться. Евфимій, старшій изъ пресвитеровъ, исполнялъ тѣмъ временемъ его обязанность и ежедневно являлся въ тюрьму, чтобы отдавать отчетъ во всемъ происходящемъ и получать распоряженія своего начальника. Черноволосый пресвитеръ держалъ себя еще болѣе, чѣмъ когда-либо, смиренно передъ своимъ епископомъ и былъ достаточно скроменъ, чтобы, насколько онъ былъ въ состояніи оказывать ему эту честь съ добротой и готовностью. Въ свободные-же часы онъ еще продолжалъ попрежнему заниматься пунктированіемъ.

При помощи этого искусства онъ хотѣлъ узнать, какъ долго проживетъ еще Юліанъ; будетъ ли его престолопреемникъ homousian'иномъ или homoiusian'иномъ; будетъ ли Петръ оправданъ приговоромъ ожидаемаго суда или его обвинятъ, и это обвиненіе будетъ равносильно присужденію къ смерти; будетъ ли Петръ, если

его оправдаетъ судъ, епископомъ римскимъ, патріархомъ въ Константинополѣ или получить какое-либо другое назначеніе, сопряженное съ оставленіемъ должности, занимаемой имъ въ Аѳинахъ; когда это должно произойти и кто будетъ въ такомъ случаѣ его преемникомъ, онъ, Евфимій, или кто-либо другой—всѣ подобные вопросы занимали и будоражили мысль черноволосаго. Одной изъ обязанностей Евфимія, какъ старшаго пресвитера, было поученіе своихъ младшихъ собратій по службѣ и наблюденіе за ихъ христіанскимъ и благочестивымъ образомъ жизни. Евфимій успѣлъ убѣдиться на опытѣ, что самымъ легчайшимъ способомъ основательнаго изученія содержанія книги является переписываніе ея нѣсколько разъ. Поэтому онъ далъ распоряженіе причетникамъ, всѣмъ готовящимся къ посвященію и юнымъ священникамъ приняться за переписываніе отчасти наиболѣе распространенныхъ въ народѣ евангелій, отчасти такихъ новыхъ писаній, которыя пользуются особеннымъ вниманіемъ членовъ церкви и на большое распространеніе которыхъ вслѣдствіе того можно разсчитывать. Такимъ образомъ, Евфимій предполагалъ открыть въ свою пользу прибыльную торговлю подобными книгами.

Въ то время особенно много разговоровъ между христіанами вызывала книга, извѣстная подъ названіемъ «Опасность отшельничества», авторъ которой былъ или выдавалъ себя за монаха, спасавшагося много лѣтъ въ пустыняхъ Египта вдали отъ мірского соблазна и искушенія, предаваясь тамъ благочестивымъ размышленіямъ и блюденію душевной чистоты. Но за это время онъ пришелъ къ купленному дорогой цѣной сознанію, что совершенно безполезно бѣжать въ уединеніе пустыни, если уносить съ собой туда и свое сердце и неугасшую силу воображенія. Въ нихъ сокрытъ міръ еще болѣе опасный, чѣмъ тотъ, отъ котораго хочешь уйти, міръ, полный соблазна и искушеній, не только такихъ-же, какъ и въ томъ, отъ котораго бѣжалъ, но даже еще болѣе сильныхъ и непреоборимыхъ, потому что они являются какъ бы кристаллизованными, эфирными, лишенными той грубой матеріи, въ которой они реализуются во внѣшнемъ мірѣ. Въ то время, какъ при нормальномъ теченіи жизни въ обыденной дѣйствительности эти явленія носятъ характеръ случайности, смѣняясь одни другими, въ отшельничествѣ они захватываютъ всю душу, обращаютъ чувственность въ самовластнаго повелителя, въ деміурга, и вносятъ эту чувственность въ каждую мысль, въ каждое душевное движеніе. За этими внутренними врагами появляются и внѣшніе, которымъ первые открыли двери. Авторъ напоминаетъ слова писанія, что дьяволы, изгоняемые изъ одержимыхъ ими, ищутъ себѣ пустынныя и безводныя мѣста, гдѣ они и таятся, выжидая новое для себя жилище. Онъ полагаетъ, что эти слова слѣдуетъ понимать не только въ буквальномъ смыслѣ, но и въ переносномъ, образномъ, такъ что эти безплодныя, безжизненныя мѣста представляются не только пустынями, существующими исключительно во внѣшнемъ мірѣ, но также и тѣмъ душевнымъ состояніемъ, которое создаетъ себѣ человѣкъ въ отшельничествѣ. Уединеніе до тѣхъ лишь поръ является другомъ человѣка, его утѣшителемъ и просвѣтителемъ, пока онъ не злоупотребляетъ

нымъ и не переутомляется чрезмѣрнымъ усердіемъ, ибо въ противномъ случаѣ это самое уединеніе становится его злѣйшимъ и опаснѣйшимъ врагомъ. Хотя авторъ названной книги по собственному опыту убѣдился въ этой истинѣ, но тѣмъ не менѣе онъ еще колебался совсѣмъ отказаться отъ прославленной многими святыми мужами отшельнической жизни въ пустынѣ, а потому перенесъ свою обитель въ мѣстность, гдѣ спасались еще и другіе пустынники. Его ближайшимъ сосѣдомъ оказалась анахоретка женщина. Онъ рѣшилъ тогда раздѣлить свое время между полнымъ одиночествомъ и смиреннымъ общеніемъ съ нею. Она была еще молодой женщиной и бѣжала отъ свѣта, сраженная несчастіями и сокрушенная пробудившимся въ ней послѣ многихъ заблужденій сознаніемъ своей грѣховности. Онъ подробно и послѣдовательно описалъ свои отношенія къ этой женщинѣ, чтобы показать, насколько незамѣтно вкрадывается душевный врагъ въ то самое чувство, въ которомъ менѣе всего подозрѣваешь его близость, какъ укрывается онъ подъ одеждой братскаго сочувствія и любви, какъ онъ загрязняетъ земнымъ прахомъ даже возвышенный молитвенный полетъ мысли и какъ примѣшиваетъ свой ядъ въ вино благороднѣйшаго и чистаго благоговѣнія. Такъ продолжалось довольно долго, пока, наконецъ, не прозрѣли глаза автора. Онъ находился въ полномъ заблужденіи относительно истиннаго направленія своихъ чувствъ и стоялъ уже на самомъ краю ужасной и проклятой пропасти, когда въ душу его проникъ лучъ божественнаго свѣта и озарилъ ея истинное состояніе. Единственнымъ для него спасеніемъ оставалось тогда бѣжать обратно изъ пустыни въ суетный міръ. И нынѣ, не страшась болѣе возможности погубить себя, пришелъ онъ къ неоспоримому сознанію, что душу свою можно спасти только въ дѣйствительной жизни, въ міру, гдѣ религіозный долгъ сопряженъ съ обязанностью по отношенію къ людямъ, обществу и государству.

Вотъ эту-то самую книгу, возбудившую много толковъ и живой интересъ между христіанами, но вызвавшую среди нихъ больше порицаній, чѣмъ похвалъ, Евфимій однажды передалъ для переписыванія Клеменсу, послѣ того, какъ оба они благополучно окончили переписывать откровенія св. Іоанна.

Здѣсь наткнулся онъ на такого рода наблюденія и разсужденія, которыя приковывали его взглядъ къ каждому слову и вызывали размышленіе по поводу каждой мысли.

Онъ къ необыкновенному своему изумленію открылъ поразительное сходство между его отношеніями къ Евсебеѣ съ одной стороны и взаимными отношеніями обоихъ анахоретовъ—съ другой. Все, что пережили эти послѣдніе со времени ихъ встрѣчи въ пустынѣ, переживали теперь также и Клеменсъ съ Евсебеей отчасти въ дѣйствительности, отчасти въ фантазіи, когда рисовали себѣ картины совмѣстнаго пустынножительства.

Клеменсъ читалъ эти описанія, проникаясь ихъ назидательностью, и радовался, видя въ этомъ доказательство того, что его собственное душевное состояніе съ его измѣнчивыми чувствами не представляло чего-либо исключительнаго, а, напротивъ того, было уже подвергнуто въ широкомъ размѣрѣ христіанскому испытанію.

Авторъ не высказывалъ въ своемъ разсказѣ ни одобренія, ни порицанія, не предостерегалъ и даже не наводилъ на подозрѣніе о томъ, какъ въ дѣйствительности слѣдуетъ относиться къ изображенному имъ. Его описаніе носило отпечатокъ недостаточной увѣренности въ знаніи самаго себя, въ собственной своей устойчивости при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ находился въ то время. Тѣмъ неожиданнѣе былъ пораженъ Клеменсъ, когда авторъ началъ слѣдующую главу внезапнымъ открытіемъ, что то состояніе, которое онъ описывалъ до сихъ поръ, было дѣломъ не отъ Бога, а порожденіемъ лжи, что то небо, къ которому онъ возносился, было въ дѣйствительности кромѣшнымъ адомъ, но лукавый врагъ человѣческій разукрасилъ его цвѣтами, ласкающими глазъ, какъ небесное сіянье, и заселилъ духами, скрывающими подъ маской ангеловъ свое безобразіе. Если бы это неожиданное открытіе автора было имъ сдѣлано въ самомъ началѣ книги, то Клеменсъ, вѣроятно, не пожелалъ бы узнавать себя самого въ его разсказѣ; онъ, навѣрное, увидѣлъ бы тогда совсѣмъ чуждыя черты во взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ анахоретовъ и убѣдилъ бы себя, что его отношенія къ Евсебеѣ совсѣмъ не похожи на эти. Но теперь сходство уже было установлено, такъ не могъ-же онъ взять назадъ то, что самъ признавалъ. Онъ только изумлялся и невольно начиналъ испытывать ужасъ.

Невѣдомый авторъ открылъ ему, Клеменсу, всю правду о его же душевной жизни. Открытіе это было ужаснымъ для Клеменса; оно произошло такъ неожиданно и онъ настолько былъ уже охваченъ въ то время слѣпой страстью, что отчаявался когда-либо освободиться отъ нея.

На слѣдующій день вечеромъ Клеменсъ, противъ обыкновенія, не посѣтилъ Евсебею. Когда же наступила, наконецъ, ночь, онъ поспѣшилъ къ своему пріемному отцу, исповѣдовался ему во всемъ и просилъ совѣта.

Петръ попытался успокоить его, потому что всякое иное отношеніе могло бы оказать крайне неблагопріятное вліяніе на душевное состояніе юноши и разбить всѣ разсчеты, которые имѣлъ епископъ на своего пріемнаго сына. Не дѣлая никакихъ упрековъ, онъ посовѣтовалъ ему въ мягкихъ выраженіяхъ избѣгать впредь на будущее время встрѣчи съ Евсебеей и попробовать найти забвеніе и защиту противъ этой страсти въ усердной молитвѣ и трудѣ.

Однако, хотя Клеменсъ и сталъ избѣгать встрѣчъ и близости Евсебеи, тѣмъ не менѣе это мало помогло ему. Злой духъ-искуситель овладѣлъ всецѣло его воображеніемъ и даже во время молитвы соблазнительно рисовалъ передъ мысленнымъ взоромъ Клеменса ея образъ, еще болѣе очаровательный, чѣмъ когда-либо. Убѣдившись въ безплодности всѣхъ испытанныхъ имъ средствъ, Клеменсъ прибѣгъ, наконецъ, къ крайнему способу обузданія мятежной плоти, изысканному благочестивымъ усердіемъ. Онъ сталъ отказываться отъ пищи и голодалъ до тѣхъ поръ, пока почти совершенно не истощились его силы, и лишь по необходимости нарушалъ онъ свой добровольный и непрерывный постъ, позволяя себѣ для поддержанія жизни трапезу, но и то исключительно только хлѣбъ и воду; никакой другой пищи и никакого другого питія онъ не допускалъ,

къ тому-же онъ ежедневно бичевалъ себя до тѣхъ поръ, пока не показывалась на плечахъ его кровь. Но и это чрезвычайное и ужасное средство не привело къ цѣли. Клеменсъ стоялъ уже на самомъ краю мрачной бездны безумія.

Однажды, проходя въ подобномъ состояніи по улицамъ Аѳинъ, онъ встрѣтилъ возокъ, запряженный мулами, убранными пестрыми попонами и гремящими звонками и бубенцами; возокъ окруженъ былъ толпою рабовъ въ свѣтлыхъ одеждахъ. То былъ возокъ Евсебеи. Она совершала свою обычную предобѣденную прогулку. Клеменсъ накинулъ на голову капюшонъ и поспѣшилъ проскользнуть мимо. Но Евсебея уже замѣтила его. Она удивилась его блѣдности, разстроенному виду и, вздохнувъ о тщетѣ всего земного, приказала кучеру продолжать путь.

Съ этого дня прекрасная римлянка не искушала болѣе Клеменса даже своими записочками. Клеменсъ потерялъ свою привлекательность, а вмѣстѣ съ нею и все, что такъ ее плѣнило въ немъ. Изъ очаровательнаго и прелестнаго еще такъ недавно юноши онъ обратился теперь въ обыкновеннаго молодого священника блѣднаго и истощеннаго; единственно, что еще могло въ ея глазахъ быть достойнымъ милостиваго вниманія, это его дѣтски-чистая безпорочность; но это послѣднее качество не составляло исключительную его особенность, а было свойственно очень многимъ; къ тому-же на такое преимущество Клеменса нельзя было особенно полагаться теперь, послѣ того какъ столь необыкновенно открылось его происхожденіе и онъ сдѣлался членомъ семьи архиязычника.

Пламенная и столь горячая доселѣ братская любовь Евсебеи такимъ образомъ сразу погасла, какъ лампада отъ дуновенія вѣтра. Она даже не полюбопытствовала вовсе узнать о причинѣ происшедшей въ Клеменсѣ перемѣны, было ли то отъ смертельной болѣзни, ужасныхъ душевныхъ терзаній или отъ чего-нибудь другого. Ей было вполнѣ достаточно, что черты его лица потеряли свою юношескую свѣжесть, глаза свой блескъ, тѣло здоровье. Изъ состраданья къ самой себѣ она рѣшила забыть его навсегда, что даже не представило ей никакого труда при ея заботливости о религіозной чистотѣ и о спасеніи своей души.

Вскорѣ послѣ того Евсебея вовсе покинула Аѳины, потому что, съ тѣхъ поръ какъ Петръ не могъ уже болѣе выступать на проповѣднической каѳедрѣ, ей даже не представлялось никакой цѣли оставаться здѣсь. Евсебея переѣхала въ Коринѳъ, главный городъ провинціи, въ которомъ проживалъ и дѣйствовалъ въ качествѣ проконсула Ахайи и ея Анней Домицій.

Узнавъ объ ея отъѣздѣ, Клеменсъ вознесъ благодарность Богу, избавившему его отъ близости столь опаснаго соблазна, но это было только на словахъ, потому что чувство подсказывало ему совсѣмъ другое. Ужасное предположеніе, что его неотступно преслѣдуетъ злой духъ, прельщая воображеніе различными образами и видѣніями, чтобы такимъ путемъ держать душу его въ цѣпяхъ низменной и лишенной небесной чистоты матеріи и чтобы затѣмъ получить, наконецъ, полную надъ нею власть, это ужасное подозрѣніе разсѣивалось въ немъ порой, только въ такія минуты, когда онъ, впадая въ состоя-

ніе умственнаго отупѣнія, забывалъ всѣ свои стремленія къ умерщвленію плоти и всѣ свои посты. Въ такомъ состояніи онъ становился доступнѣе для своихъ родныхъ; по крайней мѣрѣ, не показывалъ, что тяготится ихъ близостью. Герміона пользовалась подобными минутами, чтобы сблизиться съ нимъ и овладѣть его довѣріемъ. Нѣжность Герміоны и ея любвеобиліе производили съ каждымъ днемъ все болѣе замѣтное впечатлѣніе на брата и, наконецъ, привязали его къ ней. Ей удалось отчасти заставить его отказываться отъ своего одиночества, оставлять свою комнату и проводить въ ея обществѣ нѣсколько часовъ въ день на томъ самомъ красивомъ и уютномъ мѣстѣ во внутреннемъ дворѣ женской половины, гдѣ она однажды бесѣдовала со своими подругами о Нарциссѣ, тамъ, гдѣ, струясь, тихо журчалъ фонтанъ, пѣли птицы, стройная колоннада распространяла тѣнь, а надъ всѣмъ этимъ раскинулся ясный голубой сводъ небесъ.

Клеменсъ, казалось, поборолъ въ себѣ всѣ предубѣжденія, которыя могли бы оттолкнуть его отъ нея, но онъ только потому и былъ въ состояніи это сдѣлать, что въ немъ внезапно сложилась мысль обратить ее въ христіанство.

Съ этой минуты Клеменсъ вмѣсто того, чтобы чуждаться попрежнему сестры, сталъ иска[ть] возможности общенія съ нею. Онъ возбуждалъ съ нею бесѣду о христіанской религіи, и Герміона охотно внимала его словамъ. Онъ къ изумленію своему вскорѣ убѣдился, что все, о чемъ онъ ей разсказывалъ, вовсе не было для нея новостью. Она, какъ оказалось, читала уже христіанское священное писаніе, знала житіе Іисуса и могла даже передать все его проповѣдническое ученіе; она обнаруживала сравнительно малое знакомство лишь съ толкованіями и христіанской метафизикой. Герміона въ свою очередь замѣчала, что Клеменсъ съ особенной любовью и удовольствіемъ говорилъ на эту тему; поэтому она охотно выслушивала его и съ осторожностью дѣлала ему лишь такія возраженія, которыя могли только еще болѣе поощрить его, такъ какъ онъ оказывался въ состояніи безъ труда опровергнуть ихъ.

Увы, однако, стойкость Клеменса не оказалась соотвѣтствующей его рвенію. Бесѣды его прерывались часто появленіемъ постороннихъ лицъ. Приходили то Кармидъ, то Исмена или Вероника, то Ѳеодоръ, а этого послѣдняго именно Клеменсъ и боялся, какъ самаго лукаваго соблазнителя. Герміона положительно не въ состояніи была побороть въ немъ этотъ страхъ. Едва появлялся Ѳеодоръ, юный причетникъ тотчасъ-же удалялся, не отвѣчая даже на его поклонъ. Петръ воздвигъ между ними непреодолимую стѣну; къ тому-же Клеменсъ подозрѣвалъ, что Ѳеодоръ, такъ-же какъ и онъ, стремился обратить Герміону въ христіанство. Но христіанство, исповѣдуемое Ѳеодоромъ, было ложное и еретическое, болѣе даже опасное, чѣмъ язычество. Клеменсъ уговаривалъ Герміону остерегаться Ѳеодора. Она обѣщала это сдѣлать. Но Клеменсъ, не удовольствовавшись однимъ этимъ обѣщаніемъ, потребовалъ, чтобы она отказала Ѳеодору отъ всякаго съ нею общенія, прервала съ нимъ даже знакомство. Герміона, однако, объяснила брату, что слѣдуетъ къ каждому относиться съ полной терпимостью и уважать чужое мнѣніе. Она

горячо отстаивала добрыя душевныя качества и благородство Өеодора и выражала искреннѣйшее желаніе, чтобы молодые люди стали друзьями.

Герміонѣ не приходило на мысль, что это столь прекрасное желаніе причиняло Клеменсу боль и огорченіе. Юноша сейчасъ-же при этихъ ея словахъ надулся, холодно поднялся и вышелъ отъ нея. Съ этой минуты въ немъ исчезло всякое желаніе бесѣдовать съ Герміоной на религіозныя темы. Онъ увидѣлъ, что она, такъ-же какъ и отецъ, навсегда потеряны для истины и просвѣтленія.

Онъ опять замкнулся въ самомъ себѣ и сталъ искать полнаго, ничѣмъ ненарушимаго уединенія. Вскорѣ затѣмъ вновь проявились въ немъ признаки прежняго несчастнаго стремленія къ самоистязанію. Онъ возобновилъ свой строгій постъ и принялся за самобичеваніе.

Хризанфъ, до сихъ поръ осмотрительно предоставлявшій сыну полную свободу какъ въ отношеніи происходившей въ немъ внутренней борьбы, такъ и въ отношеніи его склонностей, не могъ уже болѣе оставаться равнодушнымъ свидѣтелемъ такого образа жизни сына, который легко могъ довести юношу до безумія или до могилы. Онъ рѣшилъ, хотя бы даже насильно, отвратить его отъ подобной жизни. Увѣщанія и просьбы отца, какъ это вскорѣ оказалось, были совершенно безуспѣшны. Клеменсъ категорически заявилъ, что онъ не желаетъ слушаться отца, коль скоро требованія послѣдняго противорѣчатъ исповѣдуемой имъ христіанской религіи.

Это побудило Хризанфа дѣйствовать безъ всякихъ колебаній. Ему представлялось теперь необходимымъ во что бы то ни стало внушить Клеменсу сомнѣніе въ истинности того ученія, которое разлучало ихъ сердца и было, повидимому, источникомъ мрачнаго расположенія духа сына, его самоистязаній и болѣзненно-возбужденной фантазіи. Хризанфъ заставилъ Клеменса выслушать, какъ онъ понимаетъ христіанскую религію и объясняетъ древнее ученіе, и привелъ доводы въ защиту этого послѣдняго. Клеменсъ, слушавшій отца сперва съ удовольствіемъ, затѣмъ постепенно началъ проявлять невольное вниманіе, приводившее даже его самого въ ужасъ. Это чувство ужаса еще не такъ сильно проявлялось въ Клеменсѣ, пока отецъ развивалъ передъ нимъ свои понятія объ отдѣльныхъ положеніяхъ и догматахъ вѣры, но оно всецѣло охватило юношу, когда отецъ указалъ ему на сходство между возвышеннымъ христіанскимъ ученіемъ и неоплатонической философіей. Клеменсъ никогда прежде не подозрѣвалъ подобнаго сходства и теперь его до глубины души обидѣло, его мучило, что такое сходство дѣйствительно существовало.

Въ немъ запало тревожное сомнѣніе въ истинности христіанскаго ученія. Бесѣды съ Петромъ нѣсколько успокоили это сомнѣніе, но не въ состояніи были совершенно искоренить его. Онъ впалъ въ еще болѣе глубокую задумчивость, сталъ еще болѣе сосредоточеннымъ. Хризанфъ началъ даже опасаться за его разсудокъ и то цѣлебное средство, которое внушено было ему заботою о спасеніи сына, только еще болѣе усилило его опасенія. Это за-

ставило его совершенно отказаться отъ какой-либо попытки отвратить Клеменса отъ христіанства и разрѣшить ему свободно видѣться съ пріемнымъ отцомъ. Юный причетникъ такимъ образомъ опять получилъ свободный доступъ въ тюрьму.

Клеменсъ все болѣе и болѣе отдавался мечтѣ уйти изъ дома въ Антіохію или въ египетскія пустыни. Петръ строго воспретилъ ему это, но, какъ онъ ни старался, не могъ побѣдить въ Клеменсѣ достигшаго крайняго предѣла страха передъ отцомъ и передъ каждымъ срывавшимся съ его губъ словомъ. Большую часть дня Клеменсъ проводилъ теперь въ странствованіяхъ по городскимъ окрестностямъ и въ тюрьмѣ. Пещера на полѣ вблизи колонны сдѣлалась его самымъ излюбленнымъ мѣстомъ, и благочестивыя женщины, приносившія пищу Симону, настолько привыкли всегда встрѣчать его тамъ, что начали видѣть и почитать въ немъ новаго анахорета, придававшаго еще большую святость этому уединенному мѣсту, анахорета, который, быть можетъ, современемъ, когда Симонъ будетъ отозванъ на небо, займетъ его мѣсто на колоннѣ.

Эти благочестивыя женщины вскорѣ начали дѣлить между аскетомъ и юнымъ священникомъ, поселившимся въ пещерѣ, не только свое почитаніе и вниманіе, но также и содержимое своихъ корзинъ, и Клеменсъ постепенно привыкалъ смотрѣть на свой гротъ, какъ на постоянное жилище, и сталъ весьма рѣдко показываться въ домѣ отца на Триподской улицѣ. Хризанфъ счелъ необходимымъ не стѣснять его въ этомъ отношеніи. Клеменсъ увлекся своимъ новымъ образомъ жизни. У входа въ его пещеру разрослись пышныя лѣтнія розы и солнце каждый вечеръ, прячась за Эгалеосъ [1]), бросало ему свой прощальный лучъ. Вскорѣ онъ совершенно приспособилъ свое жилище сообразно неприхотливымъ потребностямъ анахорета. Постель изъ мха, кружка съ водой и ларчикъ для святого евангелія—вотъ все, что ему только было нужно.

Аѳинскіе христіане придавали немаловажное значеніе тому знаменательному явленію, что новымъ украшеніемъ поля аскета сдѣлался не кто иной, какъ сынъ архиязычника. Также, какъ нѣкогда Симонъ, когда онъ впервые появился на своей колоннѣ, Клеменсъ сталъ теперь предметомъ вниманія всѣхъ окрестныхъ и городскихъ жителей. Въ особенности много участія и сочувствія оказывали юному отшельнику молодыя дѣвушки.

Одно только до нѣкоторой степени нарушало счастье Клеменса, а именно странное поведеніе Симона. Первоначально старецъ принялъ своего сосѣда со всѣми знаками благосклонности и по вечерамъ, послѣ заката солнца, когда все вокругъ стихало, даже подзывалъ юношу къ колоннѣ и благословлялъ его, но спустя нѣкоторое время отношенія его къ Клеменсу начали изо дня въ день принимать все болѣе и болѣе суровый характеръ, онъ сталъ обращаться къ нему съ грозной обличительной проповѣдью, изрекалъ проклятія юношѣ за его праведную жизнь, на которую раньше самъ-же благословлялъ его.

По всей вѣроятности, Симонъ замѣтилъ, что въ Клеменсѣ онъ

[1]) Гора въ Аттикѣ между Аѳинами и Елевсиномъ.

нашелъ себѣ соперника въ отношеніи почитанія, оказываемаго посѣтителями, и вотъ въ аскетѣ стала проявляться ревность къ бывшему своему любимцу, сыну Ельпеники, и теперь своими угрозами онъ желалъ спугнуть его отсюда.

Клеменсъ-же приписывалъ поведенію Симона совершенно иныя побудительныя основанія. Въ немъ шевельнулось подозрѣніе, не читаетъ ли проницательный взглядъ Столпника у него въ его сердцѣ его испорченность. Тщетно старался Клеменсъ умилостивить Симона строгой и праведной жизнью. Озабоченный этимъ, онъ обратился къ епископу, прося совѣта. Петръ уговорилъ Клеменса сносить съ терпѣніемъ гнѣвъ аскета, потому что Симонъ, повидимому, хочетъ только испытать его стойкость. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ послалъ для переговоровъ къ Симону Евфимія, послѣ чего старецъ замѣтно успокоился и оставилъ въ покоѣ своего сосѣда.

ГЛАВА X.

У Миро.

Барухъ и его нарѣченный зять, ученый раввинъ, возвратились изъ Іерусалима. Путешествіе ихъ было счастливымъ. Они высадились въ Пиреѣ, ничего не подозрѣвая о томъ, что произошло за время ихъ отсутствія въ домѣ Баруха.

Тѣмъ ужаснѣе были для нихъ вѣсти, ожидавшія ихъ. Старая Эстера умерла. Она зачахла съ горя и стыда за свою дочь. Едва переступилъ Барухъ черезъ порогъ своего дома, какъ къ его ногамъ упала Рахиль. Лицо ея было искажено отчаяніемъ и блѣдно, какъ у мертвеца; волосы ея, нечесанные уже много дней, разметались въ безпорядкѣ по плечамъ. Одного взгляда на нее было уже достаточно для Баруха и Іоны, чтобы понять положеніе бѣдной дѣвушки. Старикъ остановился, остолбенѣвъ отъ ужаса. Онъ безмолвно выслушалъ мольбу Рахили о милосердіи, выслушалъ ея самообвиненія въ томъ, что она была причиной смерти матери. Но вслѣдъ затѣмъ громко зарыдалъ, сталъ рвать на головѣ волосы и проклинать часъ, въ который возвратился къ своему опозоренному очагу. Молчаливый свидѣтель этой сцены, раввинъ Іона поспѣшилъ незамѣтно удалиться.

Въ тотъ-же вечеръ Барухъ проклялъ свою дочь и выгналъ ее навсегда прочь со своихъ глазъ. Такимъ образомъ исполнилось то, что предсказывала она Кармиду, указывая, что подобный день неизбѣжно долженъ наступить.

И вотъ она очутилась въ убогой лачугѣ въ одномъ изъ пользующихся дурной славой кварталовъ гавани. Она помѣщалась въ комнатѣ, обстановка которой говорила о крайней бѣдности. Время клонилось къ ночи. Комната едва освѣщалась ночникомъ. Рахиль держала на рукахъ ребенка, своего сына отъ Кармида. Мальчикъ

безмятежно спалъ. Мать всматривалась въ него съ кроткой нѣжностью.

Кармидъ съ трудомъ узналъ бы въ настоящее время нѣкогда красивую и счастливую дочь богача Баруха. Выраженіе материнской радости боролось на ея исхудаломъ и изнуренномъ лицѣ съ выраженіемъ отчаянія. Глубоко ввалившіеся глаза горѣли лихорадочнымъ блескомъ.

По крутой лѣстницѣ, ведущей въ комнату, раздались чьи-то шаги. Дверь открылась и въ нее вошла, напѣвая какую-то пѣсню, женщина, небрежно одѣтая въ поношенный хитонъ.

— Слава Діонисію, сказала Миро, потому что вошедшая была именно она,—долой заботы и печаль! Вотъ, смотри, сколько нажала я сегодня вечеромъ!

Она бросила на столъ нѣсколько серебряныхъ монетъ и продолжала:

— Этого хватитъ для тебя, для меня и для твоего мальчика на цѣлыхъ три дня. Когда вѣтеръ въ гавани дуетъ противный, я еще въ силахъ пожинать лавры. Да здравствуетъ-же любовь!

— Тише, прошептала Рахиль, указывая на спящаго ребенка.

Миро, повидимому, находившаяся подъ вліяніемъ выпитаго винограднаго сока, сразу понизила голосъ.

— А, онъ спитъ? произнесла она, нагибаясь надъ малюткой.— Какъ онъ прелестенъ, послушай, и какъ онъ похожъ на Кармида! Ты положительно совсѣмъ слѣпа, если не находишь этого изумительнаго сходства съ Кармидомъ, съ этимъ вѣроломнымъ Кармидомъ! Какъ ты должна быть счастлива, Рахиль, обладая подобнымъ сокровищемъ! Долой злыя воспоминанья! Да здравствуетъ забвенье! Будемъ жить лишь настоящимъ днемъ. Не хочешь ли уступить мнѣ малютку? Такъ по рукамъ! Я покупаю его... не въ рабы, нѣтъ, я этого не желаю... а просто потому, что я его люблю и хотѣла бы его имѣть у себя. Кстати о твоемъ мальчикѣ, я, какъ бы это тебѣ сказать... я заказала для него у нашего сосѣда столяра колыбельку. Вѣдь, ему нужна же колыбель... и такая мебель во всякомъ случаѣ не обезобразитъ нашу комнату. Колыбель, наоборотъ, придастъ ей видъ уютности и приличія и дастъ даже нѣкоторое право на уваженіе.

— Ты такъ добра ко мнѣ, произнесла Рахиль, между тѣмъ какъ Миро нагнулась зажечь уголь въ жаровнѣ, чтобы приготовить ужинъ.—Я не въ состояніи буду никогда отблагодарить тебя за всѣ твои благодѣянія.

— Этого вовсе и не надо. Сегодня, Рахиль, мы богаты, какъ персидскія царевны. У насъ есть деньги, вино и хлѣбъ, который будетъ особенно вкусенъ, когда я его нѣсколько поджарю.

— Когда отецъ мой захлопнулъ передъ своей дочерью дверь и я очутилась ночью безъ всякаго пристанища на улицѣ, не ты ли пріютила меня подъ своей кровлей, продолжала съ глубокимъ вздохомъ Рахиль.—Съ тѣхъ поръ ты стала для меня самой нѣжной и заботливой сестрой. Да благословитъ-же тебя Богъ праотцевъ моихъ и да пошлетъ онъ тебѣ въ минуту несчастья утѣшеніе найти столь-же отзывчивое и доброе сердце, какое нашла я въ тебѣ.

-- Ба, стоитъ ли объ этомъ говорить! Я вполнѣ вознагражден уже тѣмъ. что ты съ такимъ терпѣніемъ выслушиваешь всѣ тѣ проклятія, которыя я расточаю по адресу мужчинъ. Всѣ они совершенно похожи другъ на друга. Вѣрь мнѣ. Олимпіодоръ ни на волосъ не лучше Кармида. О, я ихъ обоихъ отлично знаю, недаромъ-же я частенько прикидывалась влюбленной въ Кармида, чтобы вызвать ревность въ Олимпіодорѣ. Это было еще въ то блаженное время. когда меня называли прекрасной Миро и всѣ Аѳины лежали у моихъ ногъ. Тебѣ, по всей вѣроятности. извѣстно, Рахиль. что и у меня когда-то были свѣтлые дни, что и меня превозносили и мнѣ завидовали даже болѣе, чѣмъ кому-либо, со временъ Аспазіи. Гаваньскія жрицы до сихъ поръ еще называютъ меня развѣнчанной царицей. Онѣ говорятъ это, издѣваясь надо мной, онѣ, эти парумяненныя и намалеванныя фуріи, толпящіяся тамъ внизу и навязывающія каждому первому встрѣчному чужезенцу свои букеты, а съ ними и самихъ себя... Онѣ глумятся теперь надо мной. а сами никогда не были даже лучшими, чѣмъ теперь... Пускай! я горжусь этимъ прозвищемъ. Развѣнчанная царица! Да, именно. Я могла бы быть теперь очень богатой, если своевременно бы пожелала озаботиться о своей будущности; но я этого не желала... И теперь вовсе не раскаиваюсь въ томъ. Я по крайней мѣрѣ пожила всласть въ роскошныхъ палатахъ; меня, слышишь ли, Рахиль. меня носили въ раззолоченныхъ паланкинахъ собственные мои рабы; я ходила разодѣтая въ драгоцѣнныхъ воздушныхъ тканяхъ, въ пурпурѣ и бриллiантахъ, утопала во всевозможныхъ удовольствіяхъ. Въ моей свитѣ были самые красивые, богатые и блестящіе аѳинскіе юноши. Все это теперь минуло...

Миро вновь затянула пѣсню и принялась готовить ужинъ.

„Попутный вѣтеръ дуетъ съ юга. Знай же, тотъ, кто любитъ тщетно,—
Полъ-жизни изъ объятій вырвали моихъ: любимаго мной друга!
Благословенъ тотъ киль, блаженны будутъ та волна морская
И вѣтеръ тотъ, которые его, мою отраду, скорѣе прочь отсюда увезутъ!
О, если бъ я была дельфиномъ, я на своей спинѣ его бы унесла
Туда къ Родосскимъ берегамъ, на островъ радости и счастья...“

Ужинъ былъ вскорѣ уже готовъ:—нѣсколько ломтиковъ поджареннаго хлѣба, немного фруктовъ, по серединѣ стола глиняная кружка съ пѣнистымъ виномъ.

— Ну, иди усладить себя небесными и земными дарами, сказала Миро. — Маленькое возліяніе въ честь Діонисія, а затѣмъ выпьемъ за нашихъ вѣроломныхъ обожателей! Пожелаемъ имъ вѣчныхъ мукъ въ преисподней! Я положительно не могу себѣ представить, какъ Олимпіодоръ, снизойдя въ міръ тѣней. предстанетъ передъ ожидающимъ его тамъ судомъ. Я постараюсь, во всякомъ случаѣ, опередить его тамъ и обвинить передъ всѣми тремя строгими судьями. Желательно бы знать. что скажетъ онъ въ свое оправданіе, когда я докажу, что онъ нарушилъ всѣ тѣ тысячи клятвъ, которыя давалъ мнѣ! Онъ, конечно, не станетъ отпираться, потому что лгать непристойно. Его, навѣрное, сошлютъ въ мрачный тартаръ на муки Тантала. Но, однако. ужъ чего добраго, не оправдаютъ ли его, если онъ станетъ увѣрять, что всѣ клятвы, которыя

онъ давалъ, относились только къ прекрасной Миро, а вовсе не къ той безобразной, какой она теперь стала? Меня это даже пугаетъ. Да, онъ, пожалуй, и правъ. Всѣ мои права были исключительно основаны на моей красотѣ и рушились, слѣдовательно, вмѣстѣ съ нею. Но скажи-же мнѣ откровенно, Рахиль, неужели я дѣйствительно такъ отвратительно безобразна, какъ говорятъ?.. Гм, я зря болтаю, продолжала Миро.—а ты даже и не слушаешь меня. Отчего-же ты ничего не ѣшь, бѣдняжечка моя? Ты, вѣдь, голодна, какъ волчица, потому что должна питаться за двухъ.

— Нѣтъ, дорогая, я ничего не могу теперь ѣсть, произнесла Рахиль.—Я вовсе не голодна.

— Ты сегодня цѣлый день какъ-то необыкновенно тиха и спокойна. Ни одной слезинки не проронила ты. И прекрасно дѣлаешь. Стоитъ ли плакать! Время лучшій цѣлитель, хотя оно и отнимаетъ у насъ жизнь, но по крайней мѣрѣ медленно. Заживляя старыя раны, оно наноситъ новыя для того, чтобы имѣть, что залѣчивать. Лучшій бальзамъ, которымъ оно лѣчитъ, это вино. Въ немъ заключается и веселье, и забвенье. Такъ иди-же и выпей хоть одну, по крайней мѣрѣ, чашу. Это будетъ тебѣ очень полезно, Рахиль.

— Нѣтъ, я не чувствую никакой жажды. Развѣ потомъ, черезъ нѣкоторое время...

— Для того, чтобы выпить вина, и не надо вовсе чувствовать жажды. Вотъ возьми, сказала Миро, отходя отъ стола и подавая Рахиль наполненную чашу.—Ты только попробуй, увѣряю тебя—это очень будетъ полезно.

Рахиль сдѣлала нѣсколько глотковъ, чтобы доставить удовольствіе своей заботливой подругѣ. Тѣмъ прилежнѣе приналегла на бокалъ Миро. Она добросовѣстно оставила половину ужина нетронутой для Рахили, но зато она еще чаще прибѣгала къ кружкѣ съ виномъ, такъ какъ оставлять вино было некому. Въ послѣднее время у нея вошло уже въ обыкновеніе напиваться каждый вечеръ до-пьяна, если только представлялась къ тому возможность.

— Знаешь ли, Рахиль, вновь начала болтать Миро, — я опять сегодня видѣла этого маленькаго черномазаго, онъ все также бродилъ взадъ и впередъ по улицѣ возлѣ нашего дома. Не думаю, чтобы глаза мои обманывали, признавъ въ немъ одного изъ твоего племени. Вы, евреи, имѣете свой особенный отпечатокъ и всѣ вы, какъ мнѣ кажется, очень похожи другъ на друга. Мнѣ предсказываетъ какое-то предчувствіе, что онъ ищетъ, именно, тебя и никого другого. Ужъ не раскаялся ли отецъ твой въ своемъ жестокосердіи и не хочетъ ли онъ обратно принять тебя къ себѣ въ домъ или по крайней мѣрѣ оказать тебѣ хоть какую-нибудь помощь? Если бы ты не такъ строго запретила мнѣ, я бы остановила этого человѣка и сказала ему: ты ищешь Рахиль, дочь Баруха. Иди за мной, я тебя приведу къ ней.

— Нѣтъ, нѣтъ, Миро, заклинаю тебя Богомъ, сущимъ на небесахъ, не дѣлай этого, не говори ему ничего, если когда-нибудь еще разъ встрѣтишься съ нимъ.

— Твой отецъ безсердечный скупецъ, сказала Миро, на которую выпитое въ чрезмѣрномъ количествѣ вино уже начинало ока-

зывать дѣйствіе.—Какъ можно такъ поступать съ собственнымъ своимъ ребенкомъ! Ужъ я когда-нибудь доврусь-таки до этого стараго Баруха и вырву ему глаза. Ему ли не разглаживать отъ радости бороду, благодарить Бога и восхвалять свое счастье за то, что ты подарила ему такого чуднаго красиваго внука. А онъ, вмѣсто того, прогналъ тебя за дверь и безжалостно толкнулъ на улицу на голодную смерть. Вѣдь это ужасно! Это безсердечно! Сердце разрывается на части, когда только подумаешь объ этомъ!

Миро, ставшая подъ вліяніемъ вина не менѣе чувствительна, чѣмъ болтлива, заплакала и принялась утирать руками слезы.

— Не говори худого слова о моемъ отцѣ. попросила Рахиль серьезнымъ тономъ:—виновата во всемъ я. Моя ошибка, мой грѣхъ свелъ въ могилу мать и опозорилъ имя отца. Онъ не знаетъ, куда ему теперь дѣться, чтобы скрыться отъ стыда. Я не могу плакать, какъ ты, иначе я бы проливала кровавыя слезы надъ своей преступностью. Да смилосердуется надо мной Господь! Мое бремя свыше силъ моихъ.

— Ба, сказала Миро,—неужели же ты преступна потому только, что полюбила и отдалась любимому человѣку?

— Потому, что я пошла противъ воли своихъ родителей и закона народа нашего, сказала Рахиль.—Нашъ Богъ могучій и мстительный Богъ. наказывающій за грѣхи отцовъ и матерей даже дѣтей ихъ. Своимъ ослушаніемъ и легкомысліемъ я убила мать. Это ужасно, Миро. Я, какъ теперь, представляю себѣ эту роковую минуту, когда уже не была въ состояніи скрывать долѣе отъ нея свое положеніе. Она смертельно поблѣднѣла и онѣмѣла отъ ужаса. Я не смѣла приблизиться къ ея постели, когда она лежала послѣ того больная. Она умерла на рукахъ прислужницъ. Но теперь она неотступно день и ночь стоитъ передо мной. Увѣряю тебя, Миро, что еще этой ночью стояла она у моей кровати, блѣдная, безмолвная, но грозная. Она указывала пальцемъ на моего малютку, какъ бы напоминая мнѣ, что за мое злодѣяніе понесетъ наказаніе и онъ...

— Ухъ, какъ это страшно, произнесла Миро. — Но, вѣдь, это только одно воображеніе, дорогая Рахиль. Иначе, даже страшно оставаться съ тобой ночью, такъ какъ вдругъ твоя мать опять вздумаетъ явиться. Знаешь ли, не будемъ гасить до утра лампу. Я, положительно, боюсь болѣе остаться въ темнотѣ. Неужели-же твоя мать не имѣетъ покоя даже въ могилѣ! Видно, ужъ ты дѣйствительно совершила по воззрѣніямъ твоего народа величайшее преступленіе, хотя я со своей стороны нахожу, что ты, бѣдная моя дѣвочка. только любила и была жестоко обманута. Есть ли у насъ масло, Рахиль? Подумай, а что если у насъ не окажется лампаднаго масла!

— Не знаю.

— Надо посмотрѣть, сказала Миро, сразу отрезвившись отъ неожиданнаго страха и поднявшись съ софы, на которой лежала. Она стала шарить на полкѣ, уставленной всякими чашками и плошками, цѣлыми и разбитыми. но такъ, по всей вѣроятности, и не нашла, чего искала, потому что воскликнула, всплеснувъ руками:

— Милосердые боги! Что намъ дѣлать? Ни капли масла.

— Спи себѣ спокойно, Миро. Не тебя, а меня ищетъ она... О, Боже мой, Боже! Гдѣ найду я себѣ, наконецъ, покой и прощеніе? Люди не простятъ меня. Мой народъ меня отвергъ. Я изгнана изъ Израиля. О, будь-же милостивъ ко мнѣ, Боже! Къ тебѣ уйду я изъ этого міра, отъ людей. Къ твоимъ ногамъ возложу я себя и моего малютку! Не отвергни насъ! Окажи милость твою хоть этому безвинному.

— Масла въ лампадѣ хватитъ еще на часъ, пробормотала между тѣмъ про себя Миро, осмотрѣвъ лампу, послѣ чего она опять взялась за кружку съ виномъ, чтобы хоть съ его помощью набраться силъ для того, чтобы побороть свою боязнь привидѣній.—Но зачѣмъ-же ты, дорогая Рахиль, такъ убиваешься! Это такъ страшно! Я даже при твоихъ словахъ начинаю чувствовать себя какъ будто также въ чемъ-то преступной. Однако, слава богамъ, я, кажется, еще ни въ чемъ особенномъ не виновата. Я выращена была быть гетерой и жила себѣ весело и безпечно, но никогда не преступала воли боговъ. Никогда не причиняла я никакого огорченія своимъ родителямъ, потому что ни они меня, ни я ихъ вовсе и не знали никогда. Кажется, этого достаточно, чтобы я могла спать, не боясь посѣщенія привидѣній. Но ты, Рахиль, совершенно спугнула сонъ съ моихъ глазъ. Нельзя сказать, чтобы насъ сегодня ждала пріятная ночь.

— Прости меня, Миро. Япостараюсь не разстраивать тебя болѣе.

— Перестань только убиваться и жаловаться и все будетъ прекрасно. Давай лучше разговаривать о чемъ нибудь пріятномъ, сказала Миро, ложась на софу и накрываясь, вмѣсто одѣяла, хитономъ.— Лампа еще будетъ горѣть цѣлый часъ, а тамъ я постараюсь уснуть... Да, я хотѣла сказать тебѣ, Рахиль, что вскорѣ обстоятельства перемѣнятся опять для тебя къ лучшему. Чѣмъ печаль сильнѣе, тѣмъ менѣе она продолжительна. Ты, вѣдь, еще молода и предъ тобою вся будущность. И, вообрази, въ то время, когда ты плачешь о своемъ настоящемъ, я, понимаешь ли, я частенько задумываюсь о твоемъ будущемъ. Подожди немного и опять на щекахъ твоихъ зацвѣтутъ розы и въ глазахъ вспыхнетъ огонекъ. Ты опять засіяешь красотой и будешь возбуждать удивленіе и восхищеніе мужчинъ, Отъ тебя самой зависитъ создать свое счастье. Ты только подумай, какъ это заманчиво жить въ прекрасной и роскошной палатѣ, имѣть брильянты и прелестныя платья, владѣть рабами и рабынями, служить предметомъ ухаживанья и ревности, переходить отъ одного удовольствія къ другому и видѣть знатныхъ юношей у своихъ ногъ. Ты, вѣдь, еще могла бы быть второй Миро, новой царицей, держащей въ рукахъ своихъ скипетръ Лаисы и Фрины[1]). Пожелай только и ты можешь этого достигнуть. И какъ-же ты, имѣя впереди такую будущность, можешь еще быть мрачной и убиваться. Положись на меня! Я помогу тебѣ взойти на тронъ и побѣдить всѣхъ своихъ соперницъ. Я знаю всѣ тайны, съ помощью которыхъ можно еще болѣе возвысить свою красоту, и знаю искусство дѣлать ее неотразимой. Все это я изучала съ самаго дѣтства и знала уже въ совершенствѣ въ четырнадцать

[1]) Знаменитѣйшія и красивѣйшія древне-эллинскія гетеры.

лѣтъ отъ роду. Затѣмъ, надѣюсь, ты не сомнѣваешься, я еще на опытѣ провѣрила силу своего искусства. Праксиноя была ничто въ сравненіи со мной. Ты будешь царицей, а я буду имѣть честь занять мѣсто совѣтницы царицы. Раньше всего намъ слѣдуетъ переѣхать изъ этой убогой лачужки въ одинъ изъ лучшихъ домовъ на Керамикѣ. Затѣмъ нужно будетъ добыть тебѣ изящную и красивую одежду, нанять паланкинъ и прислугу. Все это я принимаю на себя. Мнѣ нужно будетъ только пойти къ какому-нибудь купцу, спеціально занимающемуся подобнаго рода дѣлами, показать ему тебя и нѣсколько подчеркнуть всѣ твои преимущества... будь увѣрена, я сумѣю это сдѣлать такъ... ну, да я помогала въ этомъ отношеніи не одной уже дѣвушкѣ... и онъ ссудитъ насъ всѣмъ, что намъ нужно будетъ для начала. Я уже радуюсь при одной мысли о твоей будущности, Рахиль. Прочь-же слезы, моя дѣвчурочка! Да здравствуетъ вино и любовь!

Миро поднесла къ губамъ чашу и потушила затѣмъ лампу, которую придвинула ближе къ своему изголовью.

Рахиль уже не въ первый разъ слушала подобные разговоры Миро, и каждый разъ эти слова вселяли въ ней ужасъ и еще болѣе усиливали чувство того униженія, до котораго она теперь дошла въ своемъ паденіи.

Но въ настоящую минуту это сдѣланное Миро описаніе предстоящей ей будущности не произвело обычнаго впечатлѣнія на Рахиль. Несчастная дочь Баруха хотя и слушала то, что ей болтала Миро, но мысль ея была занята совсѣмъ другимъ.

Миро не подмѣтила страшнаго блеска въ большихъ темныхъ глазахъ Рахили, благодаря густой тѣни, отбрасываемой ея длинными рѣсницами. Рахиль сидѣла около своего спящаго ребенка и прижимала къ груди своей руки. Губы ея механически нашептывали молитву, заученную съ дѣтства. Миро, услышавъ наконецъ непонятные звуки чуждаго ей языка, спросила:

— Что ты тамъ такое говоришь? Ты разговариваешь съ собою самой. Полно, отгони свои мрачныя думы, Рахиль! Онѣ отнимутъ у тебя жизнь и тогда прощай всѣ наши надежды. Ахъ, этотъ вѣроломный Кармидъ! Онъ причина всего твоего несчастья, и онъ-же теперь совершенно забылъ тебя и скоро женится на другой. Говорила ли я тебѣ, что встрѣтила сегодня Кармида?

Рахиль, очнувшаяся при этомъ имени отъ раздумья, взглянула пристально на Миро и спросила слабымъ голосомъ:

— Что ты тамъ говоришь о Кармидѣ?

— Что я сегодня встрѣтила его на улицѣ, отвѣчала Миро, обрадованная тѣмъ, что нашла, наконецъ, для разговора тему, интересующую Рахиль.—Да накажутъ боги этого негоднаго измѣнника. У него, повидимому, нѣтъ никакой совѣсти. Онъ выглядѣлъ такимъ веселымъ и счастливымъ, идя рядомъ съ Герміоной.

— Когда должна быть ихъ свадьба?

— Черезъ нѣсколько дней. Весь городъ кричитъ объ этомъ.

— Ты часто встрѣчаешь ихъ вмѣстѣ?

— Почти ежедневно, сказала Миро,—я вижу ихъ то выходящими изъ прекрасной усадьбы Хризанфа, что у гавани, то возвращающимися къ ней.

— О, какая ты счастливая! воскликнула Рахиль.

— Да, но я все-таки надѣюсь, что ихъ счастье не продолжится долго, возразила Миро.—Я ненавижу Кармида, такъ-же какъ и Олимпіодора. Часто являлось во мнѣ желаніе пойти къ Герміонѣ и сказать ей, что за человѣкъ этотъ Кармидъ, потому что я знаю его лучше, чѣмъ кто-либо; но мнѣ страшно встрѣтиться съ нимъ, потому что онъ увидѣлъ бы тогда, насколько теперь я стала безобразна... О, какъ ужасно потерять свою красоту, Рахиль! Мнѣ стыдно показаться на глаза Кармиду, я стараюсь поскорѣе спрятаться, когда даже издали вижу его на улицѣ. Если бъ онъ только подозрѣвалъ о томъ, что сталось съ Миро. Нѣтъ, лучше мнѣ умереть. О, эти завистливые боги, которые похитили все, что у меня было только лучшаго, все, что давало мнѣ значеніе и цѣнность! Я готова теперь ненавидѣть даже этихъ боговъ. Все равно отъ нихъ мнѣ нечего болѣе ждать. Мнѣ ничего уже болѣе въ жизни не осталось, не на что уповать, нечего бояться... за исключеніемъ развѣ только этого отвратительнаго привидѣнія, въ особенности возлѣ моей постели, потому что сонъ въ настоящее время мой лучшій и единственный другъ и къ тому-же я всегда боялась привидѣній. Но отчего ты не ложишься, Рахиль? А я, знаешь ли, уже становлюсь сонной.

Однако же эта сонливость не помѣшала Миро еще нѣкоторое время продолжать свою бесѣду или, вѣрнѣе, монологъ.

— Ты очень упряма, Рахиль. Иначе ты бы уже давно послѣдовала моему совѣту и, какъ я предлагала тебѣ, взяла бы на руки своего мальчика, отправилась къ Герміонѣ и сказала бы ей, что этотъ ребенокъ сынъ Кармида. Она распросила бы тогда тебя о твоей жизни и ты разсказала бы ей обо всемъ, что выстрадала. Что сдѣлала бы тогда Герміона, какъ ты полагаешь? По-моему, я даже въ томъ убѣждена, она должна была бы сказать: ты имѣешь болѣе права на руку Кармида. Я прогоню его прочь съ моихъ глазъ. Но ты этого не желаешь сдѣлать, Рахиль, и совершенно напрасно.

— Они счастливы, они любятъ другъ друга. Я имъ забыта. Твои слова, Миро, кажутся мнѣ заблужденіемъ. Часто я совсѣмъ уже готова была послѣдовать твоему совѣту, но меня удерживалъ стыдъ. Я не могу этого сдѣлать.

— Ревность страшное мученье, Рахиль. Благодари своего Бога за то, что тебя не посѣтило это чувство. Она обращаетъ сердце въ змѣиное гнѣздо, изъ котораго выглядываютъ тысячи гадинъ, терзающихъ душу.

— Я это знаю, сказала про себя Рахиль.

Возбужденный виномъ языкъ Миро началъ окончательно заплетаться. Проболтавъ еще около часа все болѣе и болѣе безсвязно, она, наконецъ, смолкла и ея мѣрное дыханіе вскорѣ уже доказывало, что она заснула глубокимъ сномъ.

Тогда Рахиль взяла на руки ребенка и поднялась. Малютка было заплакалъ, но тотчасъ-же замолчалъ, какъ только она приложила его къ груди. Она заботливо запеленала его въ то самое, теперь уже полинявшее, покрывало, которое когда-то подарилъ своей дочери Барухъ, для того чтобы она показывалась въ немъ въ синагогѣ;

затѣмъ она тихонько подошла къ двери, остановилась, окинула взглядомъ убогую комнату и, обратившись къ спящей Миро, произнесла:

— Прости, добрая несчастная сестра, прощай! Рахиль благодаритъ тебя за всю твою нѣжность и доброту къ ней. Да будетъ милосердъ къ тебѣ Господь за твое хорошее сердце!

Съ этими словами Рахиль вышла изъ комнаты, осторожно спустилась по крутой лѣстницѣ на улицу, ведущую къ гавани. Обширная площадь, окруженная храмомъ, портиками и различными складами, была совершенно безлюдна и безмолвно раскинулась подъ сіяющимъ звѣздами небомъ. Слышенъ былъ только тихій плескъ волны о набережную и о стоящія вблизи суда. Рахиль стала прислушиваться къ этимъ кажущимся вздохамъ и въ то-же время мягкимъ и пріятнымъ звукамъ. Они, казалось, приглашали ее оставить всякое колебаніе, манили ее къ морю, нашептывая ей, чтобъ она отдалась его объятьямъ и, убаюканная волнами, успокоила, наконецъ, свое изболѣвшее разбитое сердце.

Она направила шаги къ тому мѣсту, откуда, лаская слухъ, неслась эта чудная манящая пѣснь. Никѣмъ не замѣченная, сошла она по одной изъ мраморныхъ лѣстницъ, ведущихъ къ морю, и наклонилась къ самой водѣ. Волна брызнула ей въ лицо своей пѣной, холодной и освѣжающей.

Ребенокъ, котораго она прижимала къ груди, началъ проявлять безпокойство и заплакалъ. Рахиль успокоила его поцѣлуями и ласками. Затѣмъ она развернула покрывало, которымъ онъ былъ спеленутъ, и обвила имъ себя вмѣстѣ съ малюткой, чтобы не разлучаться болѣе никогда тамъ въ этой обширной могилѣ, гдѣ она желала найти вѣчное успокоеніе отъ терзавшихъ ее угрызеній совѣсти, ревности и униженія. Крѣпко прижимая къ груди свою тяжелую, но дорогую ношу, единственный даръ несчастной любви, подошла она съ закрытыми глазами къ самому краю лѣстницы. Въ слѣдующее затѣмъ мгновенье стоявшій на ближайшемъ суднѣ на вахтѣ матросъ услышалъ плескъ, какъ бы отъ паденія въ воду тяжелаго тѣла. Сумерки не позволяли ему разсмотрѣть, что именно упало, но, не слыша никакого крика о помощи, онъ не сталъ доискиваться причинъ раздавшагося плеска и, равнодушно отвернувшись, опять погрузился въ раздумье о предстоящемъ отъѣздѣ и о своемъ далекомъ домѣ на морскомъ берегу.

ГЛАВА XI.

Покойницкая.

Проснувшись на слѣдующій день, Миро къ удивленію своему увидѣла, что она была совершенно одна въ комнатѣ.

Недоумѣвая, куда бы могла уйти Рахиль со своимъ ребенкомъ, но не подозрѣвая еще никакого несчастья, Миро принялась приводить въ порядокъ свой туалетъ.

Это занятіе туалетомъ отняло добрую половину всего ея предобѣденнаго времени и только когда она, наконецъ, была совершенно готова выйти на улицу, чтобы испытать свое счастье на сегодняшній день, вспомнила она про свою подругу и сожительницу.

— Но гдѣ-же запропастилась Рахиль? Она, вѣдь, никогда раньше не рѣшалась выходить днемъ изъ своей комнаты.

Миро начала серьезно тревожиться столь долгимъ отсутствіемъ Рахили. Ей невольно припомнилось ея необыкновенное и странное спокойствіе наканунѣ вечеромъ. Но Миро еще не хотѣла допустить страшную мысль, помимо воли возникавшую у нея.

Бѣдная гетера чувствовала искреннюю и горячую привязанность къ своей сестрѣ по несчастью. Въ Рахили Миро нашла существо, участь котораго была гораздо горше и тяжелѣе, чѣмъ собственная ея; несмотря на всю свою нужду, она все-таки могла оказывать ей дѣйствительное участіе и помогать ей, безпомощно брошенной всѣми близкими. Давно уже не испытывала Миро столь чистой радости и удовольствія, какъ теперь, оказывая посильную помощь Рахили; съ тѣхъ поръ, какъ эта послѣдняя появилась подъ ея кровлей, на душѣ у Миро стало даже какъ-то легче и свѣтлѣе, а ея заботливое попеченіе о покинутыхъ матери и ребенкѣ до нѣкоторой степени искупляло въ собственныхъ ея глазахъ позоръ того постыднаго ремесла, съ помощью котораго добывала она средства для этого добраго дѣла.

Стараясь успокоить себя и подыскивая болѣе или менѣе правдоподобное и возможное объясненіе отсутствія Рахили, Миро вспомнила, что наканунѣ вечеромъ во время своей бесѣды съ нею она опять настаивала на томъ, чтобы Рахиль пошла съ ребенкомъ на рукахъ къ Герміонѣ и открыла ей поступокъ Кармида. Вотъ почему теперь Миро старалась увѣрить себя, что Рахиль, по всей вѣроятности, рѣшилась, наконецъ, послѣдовать ея совѣту и находится, слѣдовательно, въ настоящее время въ усадьбѣ Хризанфа у Пирея.

Миро рѣшилась поэтому отправиться въ окрестности этой усадьбы. Но нигдѣ не могла она напасть хоть на какой слѣдъ пропавшей Рахили. Убитая горемъ Миро рѣшила возвратиться домой въ гавань. Дорога, которую она избрала, проходила вдоль берега залива и была усажена тѣнистыми оливковыми деревьями и платанами. На зеркальной, сіяющей въ солнечномъ блескѣ глади воды, недалеко отъ набережной, виднѣлись двѣ горѣвшія своей позолотой и украшенныя цвѣточными гирляндами лодки, медленно плывшія подъ мѣрные удары веселъ и стройное тихое пѣніе. Зоркій взглядъ Миро сразу узналъ въ одной изъ лодокъ сидѣвшихъ рядомъ Герміону и Кармида; въ другой лодкѣ сидѣли друзья и подруги жениха и невѣсты. Ихъ радостный и очаровательный видъ такъ красиво гармонировалъ съ чистотой и ясностью небесъ, спокойствіемъ моря и зеленѣющими берегами! Но у Миро эта картина вызвала горькое чувство; она подумала о своей несчастной подругѣ и вспомнила собственный свой безнадежно тяжелый жребій. Что если Рахиль также была свидѣтельницей этого зрѣлища? Могла ли бы она снести этотъ ударъ и остаться жить? Миро подозрѣвала, что должно существовать состоя-

Изданія Журнала „Вѣстникъ Всемірной Исторіи“

Академикъ **В. П. Васильевъ.**—„**Открытіе Китая**“ и другія статьи. Ц. 1 р.

„**Прошлое Китая**“.—Краткій очеркъ исторіи Китая по Бару. Ц. 50 к.

„**Китайская Императрица Си-Тай-Геу**“ и „**Китайское войско въ Маньчжуріи.** Ц. 30 к.

Е. Смоленскій.—**Исторія польскаго народа**“. Пер. съ польск. Г. О. Львовича Ц. 1 р. 50 к.

Поль Адамъ. — „**Торжество силы**“. Историческій романъ изъ временъ консульства и имперіи. Переводъ графини А. З. Муравьевой. Ц. 1 р.

Б. Свѣтловъ.—„**Даръ слезъ**“. Историческій романъ. Ц. 1 р.

М. В. Головинскій.—„**О правѣ государства наказывать**“. Ц. 50 к.

Карлъ Каутскій — „**Очерки и Этюды**“. Пер. Гр. О. Львовича. Ц. 1 р. 50 к.

Всѣ подписчики журнала пользуются безплатной пересылкой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 г.

(IX г. изд.). # ХОЗЯИНЪ (IX г. изд.).

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ

иллюстрированный, экономическій и сельскохозяйственный журналъ

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Кромѣ статей по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, въ журналѣ помѣщаются передовыя статьи, статьи по экономіи, финансамъ и статистикѣ, обзоры сельскохозяйственной дѣятельности земства, обзоры научно-хозяйственной литературы, русская сельскохозяйственная и техническая печать, хозяйственная жизнь въ Россіи, библіографія, рынки, отвѣты на вопросы.

Годовые подписчики получатъ въ 1902 г., кромѣ 52 №№ журнала,

БЕЗПЛАТНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ШЕСТЬ „КНИЖЕКЪ ХОЗЯИНА“.

Пособіе при выборѣ и уходѣ за сельскохозяйственными машинами и орудіями, *Д. Д. Арцыбашева,* 2 выпуска, со многими рисунками.

Раціональное воздѣлываніе кормовыхъ растеній. Практическое руководство для сельскихъ хозяевъ и для преподаванія въ сел.-хоз. учебныхъ заведеніяхъ. *Ф. Г. Штемблера,* перев съ нѣм. М. А. Энгельгардта, съ 141 рис.

Почва. *Ея природа, свойства и основные принципы обращенія съ нею. Ф. Г. Кинга.* Переводъ съ англ. съ дополн. М. А. Энгельгардта, съ 45 рисунк.

Уборка и сохраненіе кормовыхъ средствъ. *Д-ра Бемера,* перев. съ нѣм. агронома *Н. Д. Черницына.*

Ранняя выгонка овощей, *И. Беттнера,* съ 84 рисунками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ съ прил. **ШЕСТЬ рублей съ перес.**

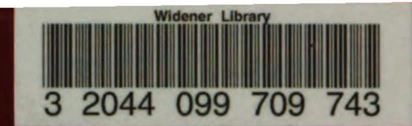
На полгода **три** рубля; разсрочка отъ **1** рубля; пробные №№ **безплатно.**

Новые подписчики получаютъ журналъ со дня подписки по 1 Января 1902 г. **БЕЗПЛАТНО.**

С.-Петербургъ, Невскій, 92.

Ред. А. П. Мертваго. *Изд. И. А. Машковцевъ.*

Widener Library
3 2044 099 709 743